ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

святителя

ИГНАТИЯ

БРЯНЧАНИНОВА

Том

V

Москва
Паломникъ
2003 по Р. Х.

По благословению
архиепископа Тернопольского и Кременецкого
СЕРГИЯ

Составление и общая редакция
А. Н. Стрижев

Пятый том Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова содержит капитальный труд Преосвященного «Приношение современному монашеству», пользующийся огромным авторитетом как у монашествующих, так и у мирян. Это любимое назидательное чтение для всех, кто стяжает благодать Духа Святаго и отдает себя на пользу ближнему.

Чрезвычайный интерес у читателей, несомненно, вызовут материалы раздела «Приложение». Здесь даны письма Преосвященного к его ближайшим друзьям: генералу Н. Н. Муравьеву-Карскому и духовной писательнице С. И. Снессоревой. В письмах этих так много теплых, мудрых слов, что их невольно перечитываешь по многу раз — душа требует. Все помещенные тексты сопровождаются пояснениями и вступительными статьями, написанными известными знатоками жизни и творений великого Святителя. Завершается том богословским рассмотрением творений Игнатия, выполненным одним из первых специалистов, изучавшим его писания, иеромонахом, впоследствии игуменом Марком (Лозинским). Текст дан применительно к изданию академического типа, каким являются наши выпуски.

Впервые публикуемые тексты, важнейшие комментарии и сопроводительные статьи, выверенность писаний самого Святителя — всё это ставит выходящие в свет тома на видное место, а наше издание становится уникальным, не имеющим аналогов.

Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

ISBN 5-87468-224-4

© «Паломникъ», 2003
© Составление, А. Н. Стрижев, 2003
© Оформление, Е. Б. Калинина, 2003

Святитель

ИГНАТИЙ

Брянчанинов

ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ МОНАШЕСТВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приближаясь к концу земного странствования, я счел долгом моим составить духовное завещание на духовные блага, которыми ущедрила меня десница Бога моего. Завещанием называю душеспасительное слово: исполнители этого слова вступают во владение духовными благами. Завещание приношу в дар возлюбленным отцам и братиям, современным инокам. Духовным благом, объемлющим и совмещающим в себе прочие блага, называю монашество, к которому я призван с детства чудным призванием и неизреченною милостию. Не предоставлено мне было принести жизнь мою в жертву суете и тлению! Взят я, восхищен с широкого пути, ведущего к вечной смерти, и поставлен на путь тесный и прискорбный, ведущий в живот. Путь тесный имеет самое глубокое значение: подъемлет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет пред лице Его в незаходимый свет для вечного блаженства. Чтоб доставить возможную удовлетворительность завещанию, потребовалось изложить его в книге. Книга содержит в себе правила для наружного поведения иноков и советы им о душевном подвиге, или делании.

Со всею справедливостию могу назвать сочинение это моею таинственною исповедию. Прошу принять исповедь с вниманием и христианским снисхождением! она достойна того и другого. Предлагаемое мною учение вполне заимствовано из святого учения святых Отцов Православной Церкви, и теоретически и опытно ознакомившихся с учением Евангелия, усвоивших себе это учение. Упущения и увлечения мои, недостаточно твердое и неуклонное последование наставлениям Отцов, неимение руководителя благодатного, частая, почти постоянная встреча с руководителями, болезновавшими сле-

потою и самообольщением, вольная и невольная зависимость от них, обстановка отвсюду предметами соблазна, а не назидания, внимание к учению, которому мир, враждебный Богу, придавал блеск и важность высшей мудрости и святости, которое, будучи тьма и скверна, заслуживало лишь презрение и отвержение, были причиною для меня многих потрясений. Потрясения, которыми я испытан, были потрясениями и горькими, и тяжкими, и жестокими, и упорно, томительно продолжительными. Потрясения по наружному положению, на суд совести моей, ничего не значат в сравнении с потрясениями, которым подвергалась душа. Свирепы волны житейского моря; на нем господствуют мрак и мгла; непрестанно воздвизаются на нем бури лютыми ветрами — духами отверженными; корабли лишены кормчих; благонадежные гавани превратились в водовороты, в гибельные пучины: *всяка гора и остров от* духовных *мест своих двигнушася*[1]; потопление представляется неизбежным. Оно и было бы неизбежным, если б непостижимый Промысл Бога и столько же непостижимое милосердие не спасали избранных его. *Много пришелствова душа моя*[2], не находя пристанища верного ни вне, ни внутри себя. *Углебох в тимении глубины, и несть постояния* — правильного и твердого настроения души, непоколебимого в добродетели — *приидох во глубины морския, и буря потопи мя. Утрудихся зовый, измолче гортань мой: исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего*[3]: *яко погна враг душу мою, смирил есть в землю живот мой: посадил мя есть в темных*[4]. *Яко вода излияхся, и разсыпашася вся кости моя, изше яко скудель крепость моя*[5], *одержаша мя болезни смертныя, и потоцы беззакония смятоша мя; болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя*[6]; *уны во мне дух мой, смятеся сердце мое*[7]. Из

---

[1] *...всякая гора и остров двинулись с мест своих* (Откр. 6. 14). ‖ [2] *Долго жила душа моя* (Пс. 119. 6). ‖ [3] *Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня. Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога [моего]* (Пс. 68. 3, 4). ‖ [4] *Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме* (Пс. 142. 3). ‖ [5] *Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной* (Пс. 21.15, 16). ‖ [6] *Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня* (Пс. 17. 5, 6). ‖ [7] *...уныл во мне дух мой, онемело во мне сердце мое* (Пс. 142. 4).

этого состояния подаю голос отцам и братиям, голос заботливого предостережения. Так поступает путешественник, претерпевший страшные бедствия в многотрудном и продолжительном путешествии! свои заметки, драгоценное сокровище, он передает тем, которые намерены предпринять подобное путешествие, или уже и вступили в путь, не зная его или ознакомясь с ним лишь поверхностно по описаниям устаревшим. Здесь указаны изменения, изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние; здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий, не понявший и не приметивший необходимости применения. Святой Иоанн Лествичник говорит, что некоторые, проходя по болотистым местам, увязли в грязи и, покрытые ею, поведали о том, как это случилось с ними, другим, которые тут проходили, для спасения их. За спасение ближних Всемогущий избавил из болота и тех, которые, попавши в него, предостерегли ближних от впадения в него[1]. *Права течения твори ногама твоима и пути твоя исправляй: не уклонися ни на десно, ни на шуе: отврати же ногу твою от пути зла. Пути бо десныя весть Господь, развращени же суть, иже ошуюю: Той же права сотворит течения твоя, и хождения твоя в мире поспешит*[2]. Аминь.

Епископ Игнатий

[1] Лествица. Слово 26, гл. 14. || [2] *Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла* [*потому что пути правые наблюдает Господь, а левые — испорчены. Он же прямыми сделает пути твои, и шествия твои в мире устроит*] (Притч. 4. 26–29).

Правила наружного поведения для новоначальных иноков

Введение

Церковный Устав говорит, что по завещанию святых Отцов во всем должно наблюдать меру и правило. Упомянув вообще о святых Отцах, Устав приводит знаменательное изречение преподобного Ефрема Сирского: «Там настоит великое бедствие, где жительством не руководствуют законные правила»[1]. На сем основании мы предлагаем возлюбленным братиям, новоначальным инокам, нижеследующие правила для их наружного поведения.

Правила

1. Святые Отцы называют монастырь врачебницею (больницею)[2]. Точно: монастырь есть нравственная врачебница. Мы приходим из мира в монастырь, чтоб оставить греховные навыки, полученные в мирской жизни, и, вне влияния на нас соблазнов, которыми преисполнен мир, стяжать навыки или поведение истинно христианские. За жительство истинно христианское на земле надеемся получить вечное блаженство на небе. Итак: должно употребить все старание к тому, чтоб цель, с которою вступаем в монастырь, была нами достигнута, чтоб наша жизнь в монастыре послужила нам во спасение, не послужила поводом к большему осуждению нас на Суде Христовом[3].

---

[1] Церковный Устав, гл. 35. || [2] Лествица. Слово 1, гл. 18 и 19, по переводу на русский язык 1851 года. || [3] Там же, гл. 9.

2. Поступающие в больницу для пользования обязываются руководствоваться во всем наставлением врача, не позволяя себе употреблять пищу, одежду, движение, лекарства по собственному усмотрению; иначе вместо пользы они принесут себе вред: так и всякий, вступивший в монастырь, обязывается упражняться не в тех подвигах и трудах, которые кажутся самому ему нужными и полезными, но в тех, которые будут ему указаны и назначены настоятелем лично или при посредстве других монастырских властей[1].

3. Вообще все монастырские упражнения и должности называются послушаниями. Послушания должно проходить со всею тщательностию, с строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения. Монастырские занятия потому и называются послушаниями, что они соединены с отречением от своей воли и от своих разумений. По этой причине при исполнении послушаний совесть подвергается непрестанным опытам. Последствием упражнения в послушаниях бывают: истинное смирение и духовный разум. Произвольные труды, совершаемые по самомнению или прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, но, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке, совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, то есть от евангельского смиренномудрия. Преподобный Кассиан говорит: «Главнейшая забота старца, которому поручены новоначальные, состоит в том, чтоб новоначальный, во-первых, научился побеждать свои воли, посредством чего он, вводимый постепенно, мог бы взойти на верх высочайшего совершенства. Приобучая его к сему со всею тщательностию и прилежанием, старец намеренно старается всегда приказывать ему то, что противно его воле. Египетские великие Отцы утверждают, будучи изучены многими опытами, что монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самых похотений вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания. Они решительно свидетельствуют, что тот, кто не научился прежде побеждать свои воли, никак не возможет погасить ни гнева, ни печали, ни духа любодеяния, не возможет стяжать ни истинного сердечного смирения, ни всегдашнего

[1] Лествица. Слово 4, гл. 3 и 5.

единения с братиями, ни даже пребыть долго в общежитии. Они стараются преподать новоначальным эти правила, как азбуку, руководящую к совершенству, и по ним рассматривают, каково смирение новоначальных, истинное ли оно, или притворное и мечтательное»[1].

4. Погрешности, в которые впадаем по немощи, свойственной всем человекам, должно исповедовать отцу духовному, а иногда, по свойству погрешности, и настоятелю, — и, не впадая в уныние и расслабление, с обновленною ревностию продолжать послушание. Если мы не вдруг понимаем земные науки и художества, но при изучении их подвергаемся в течение продолжительного времени разным недоумениям и погрешностям, тем свойственнее подвергаться погрешностям при изучении науки из наук и художества из художеств — монашеского жительства[2].

5. Молитва есть мать добродетелей[3]. По этой причине в монастыре наибольшая часть времени посвящается молитве. Для новоначального неполезно совершение молитв наедине: посему церковный Устав, воспрещая самовольное моление, завещавает, чтоб все живущие в монастыре приносили молитвы Богу вместе, в церкви Божией, за исключением больных, удерживаемых в келлии болезнию, и старцев, созревших для уединенной келейной молитвы[4].

6. Молитва есть мать добродетелей; и потому все братия приглашаются к тщательному и неупустительному исполнению установленных молитв, а для сего к тщательному и неупустительному хождению в церковь Божию.

7. Идя из келлии в церковь предстать лицу Божию, должно в походке сохранять благоговение, отнюдь не бегать, по сторонам не смотреть, но иметь глаза опущенными к земле, руками не махать, но держать их опущенными вниз.

8. Каждый брат, придя к церкви Божией, должен пред дверми ее оградиться крестным знамением и положить поясный поклон, воздавая этим честь жилищу Божию, которое — церковь.

9. По входе в церковь каждый брат обязан встать посреди ее пред царскими вратами, и положить три поясных поклона, а в Великий пост три земных; потом, поклонившись на обе стороны предстоящему народу, становиться на свое место.

[1] Книга 4, гл. 8 и 9. || [2] Так названо монашество в писаниях многих святых Отцов: в «Слове о рассуждении» преподобного Кассиана Римлянина, Добротолюбие, часть 1, в Поучениях аввы Дорофея; в Словах святого Симеона Нового Богослова и проч. || [3] Лествица. Заглавие слова 28. || [4] Церковный Устав, гл. 37, и Лествица. Слово 19, гл. 5.

10. Если брат — крылосный, и принадлежит к правому крылосу, то он, подошедши к своему крылосу, должен благоговейно положить поясный поклон пред иконою Спасителя, поклониться братиям, стоящим на крылосах, обращаясь сперва к левому крылосу, потом к правому, и встать с скромностию на свое место. Если же брат принадлежит к левому крылосу, то, подошедши к нему, должен положить поясный поклон пред иконою Божией Матери и, поклонившись крылосам, сперва правому, потом левому, встать на свое место.

11. Церковь — земное небо. Стоящие в ней должны стоять с благоговением, чинно, подобно святым Ангелам, иметь глаза опущенными к земле, на стены не облокачиваться, держать руки опущенными, не складывая их вместе, не отставлять ног, но стоять на обеих ногах равно.

12. Церковь — судилище Божие. Из нее можно выйти или оправданным, или осужденным, по свидетельству Святого Евангелия[1]. И потому должно отправлять чтение и пение со всевозможным вниманием и благоговением, никак не позволять себе празднословия, тем более смеха и шуток. Иначе выйдем из церкви осужденными, прогневав Царя Небесного неблагоговейным предстоянием Ему[2].

13. На народ, присутствующий при богослужении, не должно оглядываться. Должно всячески хранить зрение, как то отверстие в душу, чрез которое могут войти в нее заразительнейшие страсти[3].

14. На крылосах каждый должен занимать назначенное ему место. За отсутствием кого-нибудь следующий за ним становится на незанятое место, а отнюдь не младший по самоволию, самомнению или дерзости. Из этого исключаются те случаи, когда начальствующие на крылосах найдут нужным расстановить певцов соответственно их голосам.

15. В святой алтарь, как Святая Святых, отнюдь не входить никому из неосвященных, за исключением пономарей и свечников, по 19 правилу Лаодикийского Собора и по обычаю, принятому в благоустроеннейших православных монастырях. Самое поминовение родственников одинаково слышит Бог, как из алтаря, так и из церкви, с того места, где ты стоишь. Богу приятнее будет молитва твоя из церкви, когда, по причине благоговения к Нему, ты устраняешься входа в

[1] Лк. 18. 14. || [2] Лествица. Слово 28, гл. 3. || [3] Преподобный Пимен Великий. Алфавитный патерик.

алтарь, нежели из алтаря, когда ты вошел в него без должного благоговения, нарушив преподанное тебе правило.

16. Брат, которого необходимость заставит войти в алтарь или пройти чрез него, обязывается сделать это с величайшим благоговением и страхом Божиим. Войдя в алтарь, положи, обратясь к святой трапезе, три земных поклона, а в воскресение, субботу, в праздничные и полиелейные дни три поясных, потом, обратясь к иконе, стоящей на горнем месте, один поясный поклон; после этого поклонись настоятелю и прими его благословение; если настоятеля нет в алтаре, прими благословение от служащего иеромонаха.

17. Кругом святой трапезы не должно ходить неосвященным. Если же по крайней нужде случится пройти, то должно исполнить это с великим страхом Божиим и осторожностию, идя тихо и обходя около престола Божия, как можно в дальнейшем расстоянии от него.

18. В алтаре нисколько не стоять без надобности, но по исполнении ее немедленно выходить. Впрочем, кто вошел в алтарь и по крайней надобности или будучи послан начальствующими, должен укорять себя, говоря: «Увы мне, грешному и скверному, во осуждение себе дерзнувшему войти во святая святых». Самые священнослужители, призванные к служению и предстоянию Богу в алтаре, тем и соделывают себя достойными сего служения, что сознают свое недостоинство, стараются пред служением омывать себя обильными слезами покаяния и смирения, а самое служение совершают с величайшим благоговением, вниманием и страхом Божиим.

19. Читающий псалмы и суточное последование, то есть вечерню, утреню и часы, должен заблаговремеино приготовиться и приискать тропари и кондаки дня, чтоб во время чтения в церкви не ошибаться, не производить остановки в молитвословии приискиванием тропарей и кондаков. Чтец должен стоять прямо, иметь руки опущенными, читать и неспешно и непротяжно, произносить слова отчетливо, внятно. Читать должно просто, с благоговением, в один тон, без излияния своих чувствований переливами и изменениями голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей[1]. Желание преподать предстоящим свои чувствования есть знак самомнения и гордости.

[1] Тщательная исправность от чтеца требовалась в древних монастырях. Преподобный Кассиан, книга 2, гл. 11. За ошибку при чтении чтец подвергался эпитемии. Преподобный Кассиан, книга 4, гл. 16.

20. Суточная чреда чтения начинается с вечерни. Вступающий в чреду должен встать близ оканчивающего ее девятым часом. Когда тот окончит, — они оба вместе полагают поясный поклон к алтарю, потом поклоняются друг другу. Вступающий в чреду становится пред налой, а окончивший идет и становится на свое место.

21. Чтец Апостола, идя с крылоса и на крылос, должен держать книгу в левой руке, несколько прислонив верх ее к груди. Выходя для чтения, чтец Апостола становится сперва пред иконою Спасителя или Божией Матери, судя по тому, к которому крылосу он принадлежит, полагает поясный поклон пред иконою, потом покланяется, обратясь к своему крылосу, а за сим выходит на средину пред Царские врата. Здесь полагает поясный поклон к алтарю; на слова служащего иеромонаха *мир всем* воздает поклон служащему и начинает сказывать прокимен. По произнесении заглавия Апостолу, когда служащие иеромонах или иеродиакон скажут *вонмем*, чтец опять воздает поклон служащему иеромонаху и начинает чтение Апостола. По окончании чтения, на слова служащего *мир ти*, чтец воздает ему поклон пред Царскими вратами, идет с среды церкви, становится близ своего крылоса пред иконою, полагает пред нею поклон, потом, обратясь к противоположному крылосу, воздает ему поклон, затем такой же поклон своему крылосу и становится на свое место.

22. Читая Апостол, отнюдь не должно чрезмерно и непристойно кричать, увлекаясь тщеславием; напротив, должно читать природным голосом, без отяготительного для слуха и совести напряжения, благоговейно, внятно, величественно, чтоб наша жертва хвалы была благоприятна Богу, чтоб не оказалось, что мы приносим Богу один *плод устен*[1], а плод ума и сердца приносим тщеславию, причем и *плод устен* отвергается Богом, как осквернённая жертва. Это должно помнить и певцам, потому что для всех вообще крылосных крайне опасна страсть тщеславия, за которою входят в душу и другие пороки, особливо гордость, и отступает от человека хранящая его благодать Божия.

23. Идя на сход и со схода, должно начинать и оканчивать пение всем вместе; притом руками не махать, глаза иметь опущенными к земле, отнюдь не оглядываться по сторонам; должно идти в порядке, плавно, одному брату за другим, не толкая и не торопя друг друга. Встав на сходе, должно вы-

[1] ...*плод уст* (Евр. 13. 15).

равняться, чтоб один не стоял впереди другого. При возвращении со схода на крылоса должно наблюдать тот же порядок, какой выше указан при выходе на сход. Стоя на сходе, должно иметь руки опущенными, отнюдь не складывая их вместе, поклоны класть отнюдь не произвольно, а когда следует — класть не порознь, а всем вместе, чтоб братия, находящиеся на сходе, представляли из себя единое тело, по выражению церковного Устава[1]. Для такового единообразного и благоговейного поклонения все братия должны применяться к головщику, который обязан наблюдать за своевременным исполнением поклонов и за тем, чтоб его собственные поклоны не были ни поспешны, ни преждевременны, и братия имели всю возможность соображаться с ним.

24. Поклоны[2] при богослужении полагаются следующие и в следующем порядке: когда служащий иеромонах выходит пред царские врата, чтоб благословить чтение девятого часа или полунощницы, или в алтаре намеревается благословить чтение часов, то он пред возгласом *благословен Бог наш* полагает *три* поясных поклона; то же должны сделать и братия, равно как и пред начатием Божественной Литургии. При начале всенощного бдения полагаются *три* поясных поклона, когда головщик возглашает *приидите поклонимся.* Вообще при всех службах на всяком *трисвятом* и на всяком *приидите поклонимся* полагаются *три* поясных поклона, исключая *приидите* и *трисвятое* в самом начале утрени, на которых принято только знаменаться *трижды* крестным знамением так, как и в начале шестопсалмия при троекратном произнесении стиха *слава в вышних Богу,* в средине шестопсалмия при троекратном произнесении *аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже.* Обыкновенно знаменуются *однажды* крестным знамением пред начатием *Символа веры* на Божественной Литургии. При пении стихир и стиховен тогда только полагается по *одному* поясному поклону, когда слова стихиры побуждают к поклонению. Впрочем, ни на сходе, ни на крылосах не кланяться в беспорядке и самовольно, но всегда последуя головщику. Когда при чтении кафизм поется, а при окончании их, равно как и при окончании шестопсалмия произносится троекратно *аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже,* полагается по *три* поясных

[1] Церковный Устав, гл. 27. || [2] Заимствовано из Церковного Устава, Следованной псалтири и из обычаев благоустроеннейших монастырей российских.

поклона, кроме воскресных и праздничных дней, суббот и полиелеев, в которые эти поклоны оставляются. Когда придут братия на сход, и пред тем, как уходить со схода, полагают вместе, чинно, *один* поясный поклон, и потом все, в одно время, поклоняются стоящему на сходе братству. При первом прошении каждой ектинии и при возгласе, которым служащий иеромонах заключает ектинию, полагается по *одному* поясному поклону. Пред чтением и после чтения Святого Евангелия, при пении *славы* — по *одному* поясному поклону. На девятой песни при пении *Честнейшую Херувим,* при каждом повторении этих слов — по *одному* поясному поклону. На Божественной Литургии после *приидите поклонимся и припадем ко Христу* полагается *один* поясный поклон. По окончании всей *Херувимской песни,* то есть после *аллилуиа* — *три* поясных поклона. Приносимым дарам, как еще не освященным, воздается честь *одним* поясным поклоном и, после него, наклонением главы. По окончании *Тебе поем* полагаются глубокие *три* поясных поклона, а некрылосными *один* земной: во время пения этой святой песни освящаются предложенные Святые Дары. По *Достойно есть* — *один* поясный поклон. Пред *молитвою Господнею* некрылосные полагают *один* земной поклон, а крылосные знаменуются только крестным знамением, потому что им немедленно нужно петь. После *молитвы Господней,* когда служащий иеромонах скажет: *Яко Твое есть Царство* и прочие слова возгласа, — полагается *один* поясный поклон. При возгласе *Святая святым* полагаются *три* поясных поклона. Когда выносят Святые Тайны с возглашением *со страхом Божиим и верою приступите,* полагается крылосными *один* глубокий поясный, благоговейный поклон, как бы Самому Христу, невидимо присутствующему в Святых Тайнах, а некрылосными полагается *один* земной поклон. Точно так же должно поступать, когда выносится Святой Потир во второй раз с возглашением *всегда, ныне и присно, и во веки веков.* По окончании Божественной Литургии полагаются *три* поясных поклона, и младшие обоих крылосов обращаются к старшим, все приветствуют друг друга поклонением. В воскресные и праздничные дни, в субботы и полиелеи земные поклоны в церкви отменяются.

25. Камилавки снимаются с головы и становятся на плечо так, чтоб крест, образуемый оконечностию клобука, не сходил с плеч, в следующие времена богослужения: *на Литургии:* при входе с Евангелием, при чтении Евангелия, при ве-

ликом входе, при словах Христовых *приимите ядите* до *Достойно* включительно; при пении молитвы *Отче наш* и при явлении Святых Таин. На вечерне: при входе. На утрени: при чтении Евангелия и при пении *Честнейшей*. При чтении Апостола на Литургии и паремий на великой вечерне чтец снимает камилавку. Братия снимают камилавки при пении *Отче наш* пред трапезою и *Достойно* после трапезы[1]. Братия должны как снимать, так и надевать камилавки все в одно время, не предупреждая друг друга.

26. Вообще в церкви Божией должно сохранять всевозможные благоговение и порядок, как для славы Божией, так для собственной душевной пользы и для душевной пользы предстоящего народа, который благоговением иноков назидается, а неблагоговением их смущается, соблазняется, повреждается. Не должно выходить из церкви безвременно; не должно позволять себе какого бы то ни было самомалейшего нарушения правил благочиния и благоговения. От небрежения к малому и ничтожному легко и скоро переходим к небрежению о важнейшем и о всем. Чтоб сохранить внимание к важным обязанностям своим, должно постоянно наблюдать за собою и быть внимательным ко всем, самым мелочным своим действиям[2].

27. При встретившейся нужде излишнюю мокроту должно с осторожностию собирать в платок, а не повергать на пол при непристойном шуме. Не должно кашлять и сморкаться громко: эти и другие подобные естественные необходимости должно исполнять с тихостию и благопристойностию. В церкви табаку не нюхать. Если употреблять пищу, что составляет для человека естественную потребность, не позволяется в церкви, тем непозволительнее нюхать табак, что совсем не естественная необходимость, но худой навык и прихоть. Да и вообще вступающему в чин монашеский должно отучиться от употребления табака. Мирские братия наши весьма соблазняются на употребление табака монашествующими: непременный долг любви требует, чтоб мы не подавали повода к соблазну мирским братиям, которые, соблазнившись чем-нибудь ничтожным, не будут доверять нам и в важном. Тот, кто не может преодолеть привычки, да сознает свою немощь, да восполняет самоукорением недостаток самоотвержения[3], а при-

[1] Церковный Устав, гл. 29. || [2] Преподобный авва Дорофей. Поучение 3. О совести. || [3] Преподобный Нил Сорский. Слово 5, статья о мере пищи.

вычку да не обнаруживает пред братиями, потому что вред, причиненный одному, не столько тяжек, сколько вред, причиняемый многим. Таково мнение Отцов о побеждении нашем немощами нашими.

28. Строжайшее благоговение и порядок установлено сохранять в церкви: они да сохраняются и в трапезе. Пребывание в трапезе для подкрепления пищею должно быть как бы продолжением богослужения. Братия, питая тело с благоразумным довольством предлагаемыми яствами, должны в то же время питать душу словом Божиим, которое читается во время трапезы. Для этого соблюдается в трапезе глубокое молчание. Если понадобится что сказать, то говорится весьма тихо и кратко, чтоб не воспрепятствовать слышанию чтения[1].

29. Все братия должны употреблять пищу в общей трапезе, а не по келлиям, кроме больных, которым дозволяется употребление пищи в келлии, но не иначе, как с ведома и дозволения настоятеля. Старайся быть участником общей трапезы, не избегая ее по какой-нибудь маловажной причине, имеющей личину правды: в свое время увидишь особенную душевную пользу от постоянного участия в общей трапезе.

30. Употребление пищи, как в трапезе, так и в келлиях, должно быть по отношению к количеству самое благоразумное. Новоначальные должны употреблять пищу почти до сытости, но не до пресыщения. Пост, столько полезный монаху впоследствии[2], для новоначального должен быть умеренный. Если новоначальный не будет употреблять пищи вне трапезы, то такой пост будет вполне удовлетворительным для него. Употребление пищи в трапезе почти до сытости нужно для новоначального по той причине, что он обязан исполнять послушания, иногда трудные, и для того не ослаблять телесных сил излишне. Для должного ослабления их достаточно качества и количества трапезной монастырской пищи. Страсти умаляются в новоначальных не от усиленного поста, но от исповедания греховных помыслов, от трудов и от удаления от свободного обращения с ближними.

31. Хотя употребление вина и разрешается церковным Уставом на трапезе, но оно разрешается только для тех трудящихся старцев, для которых оно нужно и полезно. Для юных вино вредно, почему, несмотря на то что оно в некоторых

[1] Церковный Устав, гл. 35. || [2] Преподобного Григория Синаита Главы зело полезные, глава 18. Добротолюбие. Ч. 1.

монастырях предлагается в трапезе, весьма полезно для юных совершенно воздерживаться от вина. «Похвала монаху — воздержание от вина, — сказал святой великий Симеон Чудотворец; — если же по причине телесной немощи монах и будет принужден употреблять его, то да употребляет мало»[1]. Преподобный Пимен Великий сказал: «Монахам отнюдь не должно пить вина»[2]. — «Вина ниже да обоняет юность», — сказал преподобный Марк Подвижник[3].

32. В келлиях должно заниматься душеполезным чтением и таким рукоделием, которое не возбуждало бы пристрастия к себе. Иначе все твое внимание отвлечется к рукоделию, к которому имеешь пристрастие: Бог и твое спасение соделаются чуждыми для тебя. Книг светских, тем более вредных для нравственности, отнюдь не читать, даже не иметь в келлии.

33. Новоначальным не должно заводить в келлии мшелоимства[4], то есть различных предметов прихоти и роскоши. Келейное мшелоимство привлекает к себе ум и сердце новоначального: таким образом отвлекает их от Бога. Кроме того, оно возбуждает мечтательность, противодействующую преуспеянию духовному. Лучшим украшением иноческой келлии служит избранная библиотека, которая должна состоять из Священного Писания и писаний Отеческих о монашеской жизни. «Необходимо иметь христианские книги, — сказал святой Епифаний Кипрский, — одно воззрение на эти книги отвращает от греха и поощряет к добродетели»[5]. Священные книги должно содержать честно, воздавая честь живущему в них Святому Духу. У старцев, известных по своему особенному благочестию и духовному преуспеянию, Новый Завет помещается при святых иконах[6].

34. Новоначальным воспрещается принимать в келлии женщин, даже ближайших родственниц; о принятии родственников и знакомых мужеского пола новоначальные обязываются испрашивать дозволение у настоятеля.

35. Новоначальные не только должны охраняться от принятия в келлии мирских людей, но и от безвременного хождения в келлии друг к другу. Безвременное посещение друг друга новоначальными служит для них поводом к празднословию, смехословию, к дерзости, чем истребляется в сердце новона-

---

[1] Церковный Устав, гл. 35. || [2] Там же и в Патерике Алфавитном. || [3] Послание к иноку Николаю. || [4] Монастырское выражение. || [5] Алфавитный патерик. || [6] Писавший эти правила, посещая при первоначалии своем опытнейших старцев, заметил у них этот похвальный обычай.

чального страх Божий и благое произволение к подвижнической жизни, возбуждается сильнейшее действие страстей, особливо уныния, гнева и блудной страсти. По этой причине великий старец, Симеон Благоговейный, заповедал ученику своему святому Симеону Новому Богослову, при вступлении его в монастырь, отказаться от всякого знакомства вне и внутри монастыря. Ученик, тщательно исполняя завещание старца, вскоре достиг высокого духовного преуспеяния[1].

36. Новоначальный! посещай часто келлию твоего духовника или твоего старца для духовного твоего назидания и исповедания твоих согрешений и греховных помыслов твоих. Блажен ты, если нашел старца сведущего, опытного и благонамеренного: удовлетворительный наставник в наши времена — величайшая редкость. Почитай святилищем ту келлию, в которой ты слышишь оживотворяющее тебя слово Божие[2]. Если же в монастыре не имеется удовлетворительного наставника, то чаще исповедайся в согрешениях пред духовным отцом, а наставления почерпай в Евангелии и книгах, написанных святыми Отцами о подвижничестве. Келлия твоя соделается для тебя пристанищем и убежищем от мысленных и сердечных бурь.

37. В келлии отнюдь не должно иметь никаких снедей, никаких лакомств, особенно же никаких напитков. Не для увеселения себя исполнением плотских пожеланий, не для земных радостей и утех мы вступаем в монастырь! Мы вступаем в него с тем, чтоб посредством истинного покаяния, не прерываемого развлечением и увеселениями, примириться с Богом и получить от Него неоцененный дар спасения.

38. Одежду должно иметь по возможности простую, но приличную и опрятную, требуемую обычаем и положением монастыря и отношениями его к посещающим мирским братиям, которых может одинаково соблазнить и пышная и неопрятная одежда. Цветных подрясников и подкладок под рясами не иметь: такая одежда нейдет для плачущих о умершей душе своей; им идет одежда черная, в которую облекаются человеки в знак своей глубокой печали. Новоначальному необходимо соблюдать это правило, потому что душа его сообразуется состоянием своим состоянию тела и не может удерживать в себе чувства покаяния, когда тело украшено пыш-

[1] Житие преподобного Симеона Нового Богослова, рукопись; имеется житие сего угодника Божия и печатное издание Оптиной Пустыни. ‖
[2] Преподобный авва Дорофей. Поучение 4 о страхе Божием.

ною и блестящею одеждою. От роскошной одежды являются в новоначальном тщеславие и ожесточение, плоть его оживает для блудных ощущений и движений[3]. Грешнику неприлично иметь красивую одежду: иначе он будет подобен повапленному и позолоченному гробу, снаружи светлому и богатому, внутри — с смердящим трупом.

39. К старшим должно оказывать уважение, к иеромонахам подходить под благословение с благоговением и верою. Уважение это должно иметь по долгу и из любви, а не по человекоугодию иди другому какому-нибудь побуждению века сего, чуждому монашеского настроения, чуждому духа Церкви.

40. Братия, при взаимной встрече, должны приветливо поклоняться друг другу, почитая в ближнем образ Божий, почитая Самого Христа[1].

41. Юные должны стремиться к тому, чтоб всех любить одинаково, охраняясь, как от сети диавольской, от исключительной любви к какому бы то ни было сверстнику или светскому знакомому. Такая любовь в юных — не что иное, как не понимаемое ими пристрастие, решительно отторгающее их от обязанностей их к Богу[2].

42. При взаимном свидании должно крайне хранить осязание, хранить до такой степени, что отнюдь не брать брата за руку; равным образом должно удаляться и от прочих приветствий, нейдущих для святой иноческой обители. С строгостию наблюдалось это хранение в древних монастырях. Нарушители его подвергались в египетских обителях, лучших в христианском мире, публичному монастырскому наказанию. Поведает это преподобный Кассиан Римлянин[3].

43. Как величайшей опасности должно избегать знакомства с тем братом, который живет нерадиво, не из осуждения его, нет! другая тому причина: ничто так не прилипчиво, так не заразительно, как слабость брата. Апостол завещал: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас*[4]. *Аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужи-*

[1] Изречение преподобного Исаии Отшельника. Алфавитный патерик. || [2] Мф. 25. 40. || [3] Святого Исаака Сирского Слово 8 и преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 125. Добротолюбие. Ч. 1. || [4] Книга 4, гл. 10 и 11. || [5] *Завещеваем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Сол. 3. 6).

тель, или пьяница, или хищник: с таковым ниже ясти[1]. Почему? потому что — говорит тот же Апостол: *Глят обычаи благи беседы злы*[2]. Познакомился ли ты коротко с пьяницею? знай: в его обществе и ты приучишься к пьянству. Часто ли беседуешь с блудником? знай: он перельет в тебя свои сладострастные чувствования. Друзьями и короткими знакомыми твоими должны быть те, которых все намерение состоит в благоугождении Богу. Так поступал святой пророк Давид. Он говорит о себе: *Прехождах в незлобии сердца моего посреде дому моего;* но, несмотря на такое незлобие, *творящия преступление возненавидех* богоугодною ненавистию, состоящею в удалении от них: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях: гордым оком и несытым сердцем, с сим не ядях. Очи мои на верныя земли, посаждати я со мною: ходяй по пути непорочну, сей ми служаше. Не живяше посреде дому моего творяй гордыню: глаголяй неправедная не исправляше пред очима моима*[3]. *Мне зело честни быша други Твои, Боже*[4]. Преподобный Пимен Великий говорил: «Заключение (конец, венец) всего наставления новоначальному иноку: удаляйся худого общества (знакомства, дружества) и держись хорошего общества»[5].

44. Не должно ходить по монастырю с открытою головою: в этом — нарушение скромности и благоговения. Также не должно позволять себе крика, нестройных, излишне вольных телодвижений, что расстраивает внутреннее благочиние новоначального, расстраивает порядок монастыря, нарушает спокойствие братства, приводит в соблазн мирских посетителей монастыря.

45. Вне монастырской дачи никуда не ходить, не испросив предварительно дозволения у начальствующих.

46. При прогулках никому не ходить одному; но ходить, и всегда непременно, вдвоем или втроем. Это постановление

---

[1] *...кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, ...или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе* (1 Кор. 5. 11). ‖ [2] *...худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15. 33). ‖ [3] *Буду ходить в непорочности моего сердца посреди дома моего... дело преступное я ненавижу ... клевещущего на ближнего своего изгоню; гордого очами и надменного сердцем не потерплю. Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне; кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне. Не будет жить в доме моем поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими* (Пс. 100. 2–7). ‖ [4] *Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!* (Пс. 138. 17). ‖ [5] Алфавитный патерик.

существовало как в древних, так и новейших благоустроенных святых обителях. Им предупреждаются многие соблазны, даже падения. *Горе единому!*[1] — когда какой-нибудь соблазн начнет увлекать его, — некому остановить его! Напротив, того брата, вспомоществуемого братом, Божественное Писание уподобляет твердому и высокому граду[2].

47. Не любите ездить в город, не любите посещать мирских селений! Как не повредиться душе юного инока или новоначального, желающего принять на себя обеты иночества, от частого зрения на соблазны и от смешения с соблазнами, к которым сердце его еще живо, которыми оно услаждается и увлекается? Если б оно не услаждалось прелестями мира, то не привлекалось бы к ним. Инок, чувствующий влечение к частым выходам из монастыря в мир, ранен стрелою диавола. Инок, последующий болезненному влечению сердца часто оставлять монастырь и скитаться среди соблазнов мира, приял в себя произвольно смертоносную, ядовитую стрелу, пущенную в него диаволом, — допустил яду ее разлиться по душе своей, отравить ее. Новоначального, предавшегося скитанию, надо признавать не способным к иноческой жизни и благовременно извергать из монастыря. Инока, предавшегося скитанию, надо считать изменившим Богу, совести, обетам иночества. Для такого инока нет ничего святого; все подлейшие поступки, всякое беззаконие и злодеяние он считает позволительным себе, будучи увлечен и омрачен страстию миролюбия, вмещающею в себе служение всем страстям. Нужна особенная предусмотрительность по отношению к такому иноку, потому что он не остановится сделать всевозможное зло обители, при помощи своих непотребных связей среди мира, чтоб оправдать свое поведение и отразить всякое покушение на обуздание его бесчинства.

48. Все зависит от навыка. Если послабим себе, то получим худой навык, который будет властвовать над нами, как жестокий господин над рабами. Если понудим себя, то получим добрый навык, который будет действовать в нас, как благотворное природное свойство. Избери полезное для себя, приучись к нему: навык сделает полезное приятным. Понудим же себя стяжать благой навык к терпеливому пребыванию в монастыре, выходя из него только по крайней нужде, пребывая вне его как можно меньше, возвращаясь в него как

[1] Еккл. 4. 10. ‖ [2] Притч. 8. 19.

можно скорее. Глава монашества, преподобный Антоний Великий, сказал: «Как рыбы, замедляя на суше, умирают, так и монахи, пребывая с мирскими людьми, вне келлии, теряют расположение к безмолвию. Как рыба стремится в море, так и мы должны стремиться в свои келлии, чтоб, замедляя вне, не забыть о внутреннем хранении»[1]. От навыка пребывать в монастыре мы удобно перейдем к другому, еще лучшему навыку, к навыку пребывать в келлии. Тогда милосердый Господь приведет нас и к святому навыку пребывать внутри себя.

49. Наблюдающий благоразумное молчание, хранящий зрение и осязание, удаляющийся от особенной любви к кому бы то ни было из братии и из мирских, удаляющийся от привязанности к земным вещам, удаляющийся от свободного обращения и от всего, чем нарушаются скромность и благоговение, скоро ощутит в себе ту мертвость, из которой воссиявает жизнь[2]. Напротив того, предающийся рассеянности, не бдящий над собою, позволяющий себе пристрастие и свободное обращение никогда не достигнет ничего духовного, хотя бы провел в монастыре целое столетие.

50. Каждый из братии обязывается ежедневно приложиться к чудотворной иконе или к святым мощам, находящимся в монастыре. Прикладываться должно при трех благоговейных поклонах и при сердечной молитве о том, чтоб святые помогли совершить поприще иночества в славу Божию, во спасение души. Из трех поклонов два полагаются пред целованием иконы или мощей и один после целования. Так поступают благоговейные иноки во всех монастырях, где имеются святые чудотворные иконы или святые мощи. Иноки прикладываются к иконам и мощам обыкновенно после утрени или после вечерни, или же после вечернего правила.

Заключение

Сохранение вышеизложенных правил может привести наружное поведение инока в благоустройство, приучить его к постоянному благоговению и наблюдению над собою[3]. Приведший

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, статья 10. || [2] 2 Кор. 4. 10. || [3] Очевидно, что правила эти, в существенных началах своих, должны быть непременно соблюдаемы, как заключающие в себе постановления Апостолов и святых Отцов, как принадлежащие к нравственному преданию Церкви. Столько же очевидно, что в мелочных частностях, относящихся к наружному благочинию, должно применяться к требованию и положению каждого монастыря.

свое наружное поведение в порядок подобен хорошо обделанному сосуду, без скважин: в такой сосуд можно влагать драгоценное миро, влагать с уверенностию, что миро сохранится в целости. И монах, благоустроивший свои обычаи, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенными телесными обычаями; оно, напротив того, никак не может удержаться в иноке, расстроенном по наружному поведению. Святой Исаак Сирский в начале 56-го Слова говорит: «Телесным деланием предваряется душевное, как сотворение тела в Адаме предшествовало вдуновению в него души. Не стяжавший телесного не может иметь и душевного: второе рождается от первого, как колос от нагого пшеничного зерна. Не имеющий душевного делания чужд духовных дарований». Этот же преподобный в 46-м Слове говорит: «Я видел многих великих и дивных Отцов, которые более, нежели о прочих деланиях, заботились о благочинии чувств и навыках тела: от этого благочиния рождается благочиние помыслов. Многое случается с человеком вне его хотения и принуждает его нарушить пределы, себе положенные, почему если б он не находился в непрестанном хранении чувств, то при таких случаях долгое время не мог бы приходить в себя и находить прежнее свое мирное устроение». — В 89-м Слове: «В присутствии друзей твоих веди себя благоговейно: поступая так, принесешь пользу себе и им, потому что душа часто свергает с себя узду охранения под предлогом любви. Остерегайся бесед: они не всегда полезны. В собраниях предпочитай молчание: оно предохраняет от многих (душевных) утрат. Храни зрение более, нежели чрево, потому что своя брань, без сомнения, легче внешней. Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть удержаны без предварительного приведения тела в благое и благочинное устроение. Убойся (дурных) привычек более, нежели бесов».

Когда Василий Великий прибыл в Антиохию, тогда философ Ливаний, наставник Антиохийского училища и товарищ Василия по училищу Афинскому, просил его произнести поучение юным слушателям своим. Святой Василий исполнил это. Сказав им, чтоб они хранили чистоту души и тела, он преподал им подробно правила для наружного поведения: заповедал иметь походку скромную, не говорить громогласно, соблюдать в беседе благочиние, употреблять пищу и питие благоговейно, хранить молчание при старейших, быть внимательными к мудрым, послушными к начальникам, иметь

к равным и меньшим нелицемерную любовь, удаляться от злых, от зараженных страстями и любящих угождать плоти, мало говорить, тщательно собирать познания, не говорить, не обсудив прежде то, о чем намерены говорить, — не многословить, не быть скорыми на смех, украшаться скромностию и так далее. Мудрый Василий преподал юношам наставление, наиболее относящееся к их наружному поведению, зная, что благочиние немедленно сообщится от тела к душе, и благоустройство тела весьма скоро приведет в благоустройство душу[1].

Особенное внимание должно обратить на то, чтоб отучиться от свободы в обращении с людьми, свободы, столько одобряемой и столько любимой в светских обществах. В наше время многие, привыкши к свободному обращению в мирской жизни, сохраняют его в монастыре; другие, уже поступив в монастырь, стараются приобрести его, находя в нем что-то особенно привлекательное. Вредные последствия свободного обращения не примечаются при развлечении, при невнимании к себе, при непрестанном многоразличном действии бесчисленных соблазнов; но для монашествующего они гибельны. Святые Отцы сильно говорят против свободного обращения, которое они называют дерзостию. Однажды к преподобному Агафону, отличавшемуся между Отцами Египетского скита, ему современными, особенным даром рассуждения, пришел брат и спросил его: «Я намерен жить с братиею: скажи, как мне жить с ними?» Старец отвечал: «Все время пребывания с ними проведи так, как первый день твоего прихода. В течение всей твоей жизни сохрани странничество (то есть веди себя в обители, как странник и пришлец, а не как житель и член общества) и не позволяй себе свободного обращения (продерзания)». Авва Макарий[2], тут случившийся, сделал вопрос: «Какое значение имеет дерзость (свободное обращение)?» Старец отвечал: «Дерзость подобна великому зною, который когда наступит, то все бегут от лица его, и портятся плоды на деревьях». Авва Макарий сказал на это: «Так ли вредна дерзость?» — Авва Агафон отвечал: «Нет страсти более лютой, как дерзость: она — родительница всех страстей; подвижник должен воздерживаться от вольности в обращении»[3]. Преподобный авва Дорофей, приводя эти слова святого Агафона в одном из поучений своих,

[1] Четьи-Минеи, житие святого Василия Великого, 1 января. || [2] Не Великий, но другой, позднейший инок Скита. || [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания.

говорит: «Очень хорошо и очень разумно сказал Старец, назвав дерзость материю всех страстей. Она — мать их, потому что изгоняет страх Божий из души. Если *страхом Господним уклоняется всяк от зла*[1], то, несомненно, там всякое зло, где нет страха Божия. Дерзость проявляется различно: может она выразиться и словами, и действиями тела, и одним взором. От дерзости переходят к празднословию, к разговорам о предметах мирских и шуточным, возбуждающим непристойный смех. Причисляется к дерзости и то, когда кто прикоснется к ближнему без нужды, или прострет к устам его руку, чтоб остановить его слово или смех, когда позволит себе вырвать что-либо из рук ближнего или толкнуть его, когда позволит себе посмотреть на ближнего бесстыдно. Все это причисляется к дерзости, и происходит от того, что человек не имеет в душе страха Божия. Из такого состояния можно перейти мало-помалу к совершенному нерадению о себе. По этой причине Бог, преподавая заповеди, из которых состоит закон, данный Моисею, сказал: *Благоговейны сотворите сыны Израилевы*[2]. Без благоговения невозможны ни истинное Богопочитание, ни хранение заповедей».

Поступком дерзким высказались некогда самые преступные замысл и залог сердца. Когда Иуда Искариотский уже сговорился с Синедрионом о предательстве Господа, а потом бесстыдно возлег на Тайной вечери с прочими Апостолами, — он не остановился протянуть руку к сосуду с солию и взять соли вместе с Учителем и Господом своим. На этот поступок, по наружности маловажный, Господь указал, как на знамение предателя[3].

Свободное обращение часто является по побуждениям человекоугодия, двоедушия, от слабости нравственных правил и воли. Охраняя от этих начал свободного обращения, преподобные Варсонофий Великий и ученик его Иоанн Пророк говорят: «Приобрети твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними, причину всех зол в человеке[4]. Если хочешь избавиться от постыдных страстей, не обращайся ни с кем свободно, особенно же с теми, к которым сердце твое склоняется в страсти похотения. Чрез это освободишься и от тщеславия, ибо к тщеславию примешивается человекоугодие,

[1] Притч. 15. 27. || [2] *Так предохраняйте сынов Израилевых от нечистоты их* (Лев. 15. 31). || [3] Мф. 26. 23. || [4] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна. Ответы на вопросы 256 и 258.

к человекоугодию свободное обращение, а свободное обращение есть матерь всех страстей[1]. Уклонись от дерзости, как от смерти»[2].

Для всех очевидно и понятно, что свободное обращение, весьма легко и часто переходящее в величайшую дерзость и наглость, бывает причиною ссор, гнева, памятозлобия; но не всем известно и понятно, что от свободного обращения возжигается сильнейшая блудная страсть. Да ведают это возлюбленные братия, начинающие невидимое поприще мученичества и предпринявшие сразиться со страстьми плоти и духа, с тем, чтоб Божиею благодатию, осеняющею усилие подвижника, победить их и получить за победу венец спасения от руки Христовой. Вообще надо сказать, что монах подлежит совсем другим законам, нежели мирской человек, и нуждается в строжайшем наблюдении за собою, в постоянной осторожности, в постоянной недоверчивости к своему уму, сердцу и телу. Монаха можно уподобить оранжерейному цветку, а мирянина полевому. Невозможно на поле встретить таких прекрасных и драгоценных цветов, какие встречаются в оранжерее; зато оранжерейные цветы требуют особенного ухода за ними, не могут переносить непогод, при незначительной свежести воздуха повреждаются, между тем как полевые не нуждаются ни в каком уходе и присмотре, растут на свободе и переносят удобно воздушные перемены. Все святые Отцы заповедуют монахам строжайшее наблюдение за собою, строжайшее хранение себя. От ничтожного по наружности обстоятельства может для монаха возникнуть величайшее искушение и самое падение. Одно неосторожное прикосновение, один ничтожный взгляд, как доказано несчастными опытами, внезапно переменяли в монахе все душевное расположение его, все сердечные залоги, самый образ мыслей. Надо хранить себя, и хранить. Вышеупомянутый преподобный Агафон говаривал: «Без величайшего наблюдения над собою невозможно преуспеть ни в одной добродетели»[3]. Новоначальным, с самого вступления их в монастырь, необходимо обратить все внимание на ограждение себя благоговейными навыками и обычаями, изучить их и приложить всеусиленное старание к приоб-

[1] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна. Ответы на вопросы 256 и 258. || [2] Святого Исаака Сирского Слово 9. || [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. Статья о авве Агафоне.

ретению их, хотя бы это и стоило значительного труда. Благий навык, с трудом приобретенный в юности, обращается в природное свойство и всюду сопутствует стяжавшему его. Оградивший себя благими телесными навыками может накоплять душевное богатство с благонадежностию: оно будет сохраняться в целости, будучи отвсюду ограждено благими телесными навыками. Напротив того, вредный навык может в кратчайшее время отнять все душевное богатство, накопленное в течение продолжительного времени, накопленное при усиленнейшем подвиге, с утратою здоровья и сил, так что новое накопление богатства делается уже крайне затруднительным. Особенно причиною таких душевных бедствий бывает навык к свободному обращению и сопряженные с ним и рождающие его частые отлучки из монастыря и из келлии. — Братия! будем молить Господа, соединяя с молитвою и собственное старание, чтоб Он наставил нас заповеданному Им благоговению, положил *хранение устом нашим*[1] и прочим членам, равно как и чувствам нашим, которые при нехранении соделываются отверстыми дверьми для греха, ими входящего в душу и убивающего ее. Аминь.

[1] *Положи, Господи, охрану устам моим* (Пс. 140. 3).

Советы относительно душевного иноческого делания

Введение

Душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его

Человек не может быть без мыслей и чувствований. Мысли и чувствования служат признаком жизни человека. Если б они прекратились на какое-либо время, то это было бы вместе прекращением человеческой жизни, человеческого существования. Жизнь не прекращается ниже на мгновение: и ум не престает ни на минуту от рождения мыслей, а сердце не престает ни на минуту от рождения чувствований. Непрестанное занятие — естественно душе. Дать душе занятие богоугодное есть непременная обязанность каждого, вступившего в монастырь. Такое занятие святыми Отцами названо *душевным деланием, умным подвигом, блюдением ума, хранением сердца, трезвением, вниманием*[1].

Как после сотворения тела немедленно была вдунута в него душа, так, по принятии новоначальным правил для наружного поведения, необходимо ему немедленное усвоение себе богоугодного душевного делания. Как душою оживляется тело, так богоугодным душевным деланием оживляется благоговейное наружное поведение. Без души тело мертво; оставленное ею, оно начинает повреждаться и издавать из себя смрад; так и наружное благоговейное поведение, без благочестивого направления и упражнения души, сперва оказывается чуж-

[1] Никифора Монашествующего Слово. Добротолюбие. Ч. 2.

дым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением, лицемерством, человекоугодием и другими пагубнейшими, трудно замечаемыми и постигаемыми душевными страстями. Душевные страсти очень быстро растут и крепнут под покровом наружного благоговения, когда оно не одушевлено истинным благочестием. Человек, любуясь наружным благоговением своим, неприметно переходит от благоговения к притворству. Притворство очень нравится слепотствующему миру, привлекает к себе похвалу, уважение, доверенность человеков[1], сводит инока с крестного пути, устраивает для него самое выгодное земное, плотское положение. Когда притворство облагодетельствует таким образом своего делателя, тогда делатель, видя, с одной стороны, свое приобретение, с другой — те оскорбления и гонения от мира, которым подвергаются истинные подвижники благочестия, старается более и более преуспеть в притворстве и человекоугодии. Полное преуспеяние в притворстве образует фарисея, держащегося убивающей буквы закона, отвергшего оживотворяющий дух закона. Фарисей хотя и говорит непрестанно о Боге и о добродетели, но вполне чужд Бога и добродетели: он готов и способен на всякое злодеяние, на всякий низкий поступок для удовлетворения своему самолюбию. Такой ход и плод естественны. Душа не может быть без непрестанного упражнения: если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые родятся в ней самой, иначе: она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена. Благовременно надо принять меры, чтоб не сде-

[1] «Тех, которые притворяются добродетельными и кожею овчею по наружному виду являют одно, а в сущности по внутреннему человеку суть другое, которые исполнены всякой неправды, исполнены зависти, ревности и злосмрадных страстей, почитают святыми и бесстрастными весьма многие, имеющие неочищенное душевное око и не могущие познать их от плодов их; пребывающих же во благоговении, добродетели и простоте сердца, истинно святых, пренебрегают как бы обыкновенных людей, оставляют их без внимания и презирают, вменяют за ничто. Таковые говорливого и тщеславного признают учительным и духовным, а молчаливого и хранящегося от празднословия провозглашают невеждою и безгласным. Высокомудрые и недугующие диавольскою гордостию отвращаются от говорящих Святым Духом, как от высокомудрого и гордого, более ужасаясь слов его, нежели умиляясь от них; напротив того, они очень похваляют и приемлют тонкословствующего из учености своей или чрева (под словом *чрево* надо понимать плотское состояние) и лгущего против спасения своего». Преподобный Симеон Новый Богослов, гл. 70, 71 и 72. Добротолюбие. Ч. 1.

латься фарисеем и за мгновенное наслаждение земными преимуществами и человеческими похвалами не потерять спасения и блаженства в вечности. Сердце наше слабо: оно очень удобно может увлечься пороком, прикрытым благовидною личиною. Тот примет меры предосторожности против фарисейства, кто при вступлении в монастырь озаботится о немедленном доставлении себе правильного душевного делания.

Из того, что ум непрестанно родит мысли, а сердце чувствования, очевидно и делание, которое инок обязан дать душе своей. Уму надо предоставить упражнение в богоугодных мыслях, а сердцу в богоугодных чувствованиях. Иначе: надо, чтоб ум и сердце приняли и усвоили себе Евангелие. В помощь желающему стяжать спасительное душевное делание предлагаем следующие советы, заимствованные из Священного Писания и писаний Отеческих.

Глава 1
О изучении евангельских заповедей и о жительстве по евангельским заповедям

Инок, с самого вступления своего в монастырь, должен заняться со всевозможною тщательностию и вниманием чтением Святого Евангелия, изучить его так, чтоб Евангелие всегда предстояло его памяти, и он на каждом нравственном шагу своем, для каждого поступка, для каждого помысла, имел в памяти готовое наставление Евангелия. Таково завещание Самого Спасителя. Завещание это сопряжено с обетованием и угрозою. Господь, посылая учеников Своих на проповедь христианства, сказал им: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*[1]. — Обетование для исполнителя евангельских заповедей заключается в том, что он не только спасется, но и вступит в теснейшее общение с Богом, соделается богозданным храмом Божиим. Сказал Господь: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам*[2]. Из этих слов Господа

[1] *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28. 19, 20). ‖ [2] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14. 21).

видно, что надо так изучить евангельские заповеди, чтоб они сделались достоянием, имуществом ума: тогда только возможно точное, постоянное исполнение их, такое исполнение, какого требует Господь. Является Господь исполнителю евангельских заповедей духовно, и видит Господа исполнитель заповедей духовным оком, умом, видит Господа в себе, в своих помыслах и ощущениях, осененных Святым Духом. Никак не должно ожидать явления Господа чувственным очам. Это явствует из слов Евангелия, последующих за вышеприведенными: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим*[1]. Очевидно, что Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, соделывает сердце храмом и жилищем Божиим, зрится в этом храме, зрится не телесными очами, а умом, зрится духовно. Образ зрения непостижим для новоначального и необъясним для него словами. Прими обетование верою: в свое время познаешь его блаженным опытом. — Угроза небрегущему о исполнении евангельских заповедей заключается в предречении ему бесплодия, отчуждения от Бога, погибели. Сказал Господь: *Без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает. Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей*[2]. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на Небесех. Мнози рекут Мне в день он* (в день суда): *Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им: яко николиже знах вас, отыдите от Мене делающии беззаконие*[3]. Податель, учитель и образец смирения,

[1] *...кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14. 23). ‖ [2] *Без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие* [*ветви*] *собирают и бросают в огонь, и они сгорают. ...Пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 5, 6, 9, 10). ‖ [3] *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззакония* (Мф. 7. 21–23).

Господь наш, Иисус Христос, назвал Свои всесвятые, всемогущие, Божественные заповеди *малыми*[1], по той простейшей форме, в которой они изложены, и по которой они удобоприступны и удобопонятны для всякого человека, самого некнижного. Но вместе с этим Господь присовокупил, что намеренный и постоянный нарушитель одной такой заповеди *мний наречется в Царствии Небеснем*, или, по объяснению святых Отцов, будет лишен Царства Небесного, будет ввергнут в геенну огненную[2]. Заповеди Господа *дух суть и живот суть*[3]; они делателя своего спасают; из мертвого по душе соделывают живым, из плотского и душевного соделывают духовным. Напротив того, небрегущий о заповедях сам губит себя, оставаясь в плотском и душевном состоянии, в состоянии падения, развивая в себе это падение. *Душевен же человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть*[4]: и потому для спасения необходимо претвориться из душевного человека в духовного, из ветхого в нового[5]. *Плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут*[6]: и потому для спасения необходимо освободиться не только от влияния плоти, или грубых страстей, но и от влияния крови, посредством которой страсти действуют на душу утонченно. *Удаляющиеся от Тебе* (не по телесному положению, но по расположению души, уклонившейся от исполнения воли Божией) *погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе*, любодеющего при последовании собственной воле и собственным разумениям, при отвержении евангельских заповедей или воли Божией. Второе по необходимости сопутствует первому. *Мне же*, истинному иноку, *прилеплятися Богови благо есть, полагати на Господа упование мое*[7]..

Глава 2
Человеки будут судимы на Суде Божием по евангельским заповедям

По евангельским заповедям мы будем судимы на Суде, установленном от Бога для нас, христиан православных, — на том Суде, от которого зависит наша вечная участь. Суд бывает

[1] Мф. 5. 19. ‖ [2] См. толкование блаженного Феофилакта Болгарского. ‖ [3] *...суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63). ‖ [4] *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием* (1 Кор. 2. 14). ‖ [5] 1 Кор. 15. 49. ‖ [6] *...плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия* (1 Кор. 15. 50). ‖ [7] *...приближаться к Богу! на Господа Бога я возложил упование мое* (Пс. 72. 28).

частный для каждого христианина немедленно после его смерти, и будет общий для всех человеков при Втором Пришествии на землю Господа нашего Иисуса Христа. На обоих судах присутствует и судит Сам Бог. На суде частном Он производит суд при посредстве Ангелов света и ангелов падших; на Суде общем Он произведет суд посредством вочеловечившегося Слова Своего[1]. Причина такого разнообразного суда ясна. Человек подчинился падшему ангелу произвольно: следовательно, он должен первоначально окончить расчет свой с падшим ангелом, сообразно тому, в какой степени расторгнуто христианином общение с отверженным духом при помощи искупления. На общем Суде должны предстать на истязание и падшие духи, и увлеченные ими человеки, как согрешившие пред величеством Божества, почему Сам Бог, Само Слово Божие, Которое приняло на Себя человечество, Которым совершено наше искупление и Которым подобало бы спастись всем падшим, произведет Суд над нами всеми падшими и не очистившимися покаянием. Кодекс, или собрание законов, на основании которого будет производиться суждение и произноситься приговор на обоих судах, — Евангелие. Сказал Господь: *Отметаяйся Мене, и не приемляй* словес *Моих имать судящаго ему: слово, еже глаголах, то судит ему в последний день. Яко Аз от Себе не глаголах, но пославый мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть*[2]. Из этих слов Господа явствует, что мы будем судимы по Евангелию, что небрежение о исполнении евангельских заповедей есть деятельное отвержение Самого Господа. Употребим, братия, все тщание, чтоб соделаться исполнителями евангельских заповедей! Неизвестно, когда придет смерть; могут потребовать нас на Суд внезапно, в то время, когда нами наименее ожидается это требование. Блаженны приготовившие себя к переходу в вечность евангельскою жизнию! Горе нерадивым, невнимательным, своевольным, самомнительным! Горе не расторгшим общение с сатаною! Горе не вступившим в общение с Богом! Большее горе вступившим в это общение, и отвергшим его!

---

[1] Мф. 25; Ин. 5. 22, 27. || [2] *Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорил, говорю, как сказал Мне Отец* (Ин. 12. 48–50).

Глава 3
Монашеское жительство есть жительство по евангельским заповедям

Древние преподобные иноки называли монашеское жительство евангельским жительством. Святой Иоанн Лествичник определяет монаха так: «Монах — тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время, руководствуется единственно Божиими заповеданиями и Божиим словом»[1]. Иноки, подчиненные преподобному Пахомию Великому, обязывались выучить Евангелие на память[2], чтоб иметь узаконения Богочеловека, как бы в постоянно отверстой книге, в памяти, чтоб иметь их непрестанно пред очами ума, иметь их начертанными на самой душе для удобнейшего и неуклонного исполнения. Блаженный старец Серафим Саровский говорил: «Надо так приучить себя, чтоб ум как бы плавал в законе Господнем, которым, руководствуясь, должно управлять жизнь свою»[3]. Изучая Евангелие, стараясь исполнять его веления делами, словами, помышлениями, ты будешь последовать завещанию Господа и нравственному преданию Православной Церкви. Евангелие в непродолжительное время возведет тебя от младенческого возраста к зрелому возрасту о Христе, и ты соделаешься тем блаженным мужем, которого воспел вдохновенный Пророк, который *не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе: но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь. И будет яко древо насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет: и вся, елика аще творит, успеет*[4]. Наставляет Дух Святой истинных служителей Божиих, человеков, соделавшихся Богу Своими: *Внемлите, людие Мои, закону Моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст Моих*[5].

---

[1] Слово 1, гл. 4. || [2] Vie des pères des deserts d'Orient par Michel Ange-Marin. Святой Тихон Воронежский знал на память Евангелие и Псалтирь. | [3] Наставление 2. Издание 1844 г., Москва. | [4] *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет* (Пс. 1. 1–3). | [5] *Внимай, народ мой, закону моему, приклоните ухо ваше к словам уст моих* (Пс. 77. 1).

Глава 4
О непрочности монашеского жительства, когда оно не основано на евангельских заповедях

Основавший жительство свое на изучении Евангелия и на исполнении евангельских заповедей основал его на твердейшем камне. В какое бы он ни был поставлен положение обстоятельствами жизни, подвиг его всегда с ним. Он непрестанно делает, он непрестанно подвизается, он преуспевает непрестанно, хотя дело его, хотя подвиг его и преуспеяние неприметны и непонятны для других. Какие бы ни постигли его скорби и искушения, они не могут ниспровергнуть его. Господь сказал: *Всяк, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и нападоша на храмину ту: и не падеся, основана бо бе на камени*[1]. Здесь жительство и душевное устроение уподоблены храмине: эта храмина получает необыкновенную прочность от Божественной, неограниченной силы, которою преисполнены слова Христовы. Очевидно, что такой твердости, какую доставляет душе исполнение заповедей Христовых, не может доставить никакое другое средство или пособие: сила Христова действует в заповедях Его. Господь к вышеприведенным словам присовокупил и нижеследующие: *Всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу юродиву, иже созда храмину свою на песце: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и опрошася храмине той, и падеся: и бе разрушение ея велие*[2]. Удобно разрушается жительство, по видимому благое, тех, которые полагают в основание ему исключительно какой-либо телесный подвиг или и многие подвиги, иногда весьма трудные и весьма выставляющиеся, но не обращают должного внимания

---

[1] *Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил свой дом на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне* (Мф. 7. 24, 25). ‖ [2] *А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое* (Мф. 7. 26, 27).

на евангельские заповеди. Очень часто случается, что подвижники даже не обращают никакого внимания на евангельские заповеди, открыто попирают их, не давая им никакой цены и нисколько не понимая их важности. Такие подвижники при встретившемся неожиданно искушении или при нечаянной перемене в жизни, не только колеблются очень скоро, но и подвергаются совершенному нравственному расстройству, названному в Евангелии *велиим разрушением храмины* душевной. В пример возьмем пустынника, живущего в глубоком уединении, возложившего на это уединение всю надежду своего преуспеяния и спасения. Положим, что внезапно, по насилию обстоятельств, этому пустыннику пришлось оставить уединение и жить среди многолюдства. Он, как нескрепленный в себе самом евангельскими заповедями, непременно должен подвергнуться сильнейшему влиянию соблазнов, встречающихся во множестве в обществе человеческом. Это естественно: у него не было другой силы, его ограждавшей, кроме наружного уединения: лишившись его, он лишился всей опоры своей, и по необходимости должен уступить силе иных наружных впечатлений. Сказанное сказано отнюдь не для уничижения пустынного жития, охраняющего от соблазнов и развлечения, особенно способствующего к изучению и исполнению евангельских заповедей; сказано для того, чтоб и пустынник в пустыне своей приложил особенное тщание изучать и исполнять евангельские заповеди, посредством которых вводится в душу Христос, Божия сила и Божия премудрость[1]. Истинное христианство и истинное монашество заключается в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность. *Праведницы наследят землю и вселятся в век века на ней*: праведниками Писание называет тех, которые стараются тщательнейшим образом исполнять истинно и единственно праведную волю Божию, отнюдь не свою, мнимо и ложно праведную. Только исполнители правды Божией могут наследовать землю, то есть возобладать своим сердцем, своею плотию, своею кровию. *Уста праведнаго поучатся премудрости, и язык его возглаголет суд. Закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его*[2].

[1] 1 Кор. 1. 24. || [2] *Уста праведника изрекают премудрость, и язык его произносит правду. Закон Бога его в сердце у него; не поколеблются стопы его* (Пс. 36. 29–31).

Глава 5
О хранении себя от соблазнов

Основывая жительство на евангельских заповедях, вместе с тем должно избрать в местопребывание себе монастырь, наиболее удаленный от соблазнов. Мы немощны и повреждены грехом. Соблазн, находясь пред нами или вблизи нас, по необходимости найдет сочувствие себе в нашем греховном повреждении и произведет на нас впечатление. Впечатление это сначала может быть и непримеченным; но когда оно разовьется и усилится в человеке, тогда возобладает им и может поставить на край погибели. Иногда впечатление соблазна действует и весьма быстро, не дав, так сказать, опомниться или одуматься искушаемому: мгновенно омрачает ум, изменяет расположение сердца, ввергает инока в падение и падения. Преподобный Пимен Великий говорил: «Хорошо убегать причин греха. Человек, находящийся близ повода к греху, подобен стоящему на краю глубокой пропасти, и враг всегда, когда бы ни захотел, удобно ввергает его в пропасть. Но если мы по телу удалены от поводов ко греху, то бываем подобны далеко отстоящему от пропасти; враг, хотя бы и повлек нас в пропасть, но в то время, когда подвергнемся влечению, можем оказать сопротивление, Бог поможет нам»[1]. Причины (вины) греха, поводы к нему, соблазны суть нижеследующие: вино, жены, богатство, здравие (излишнее) тела, власть и почести. «Это, — говорит святой Исаак Сирский, — не суть собственно грехи; но наше естество по причине их удобно преклоняется ко греху, почему человек должен тщательно охраняться от них»[2]. Отцы воспрещают избирать в место жительства славный монастырь во мнении мирских людей[3]: тщеславие, общее всему монастырю, необходимо должно заразить и каждого члена. Опыт показывает, что все братство может заразиться духом тщеславия не только по причине вещественных преимуществ своего монастыря, но и по причине высокого мнения мирян о особенном благочестии его устава. Рождающееся отсюда презорство к братиям других обителей, в чем именно и заключается гордость, отнимает возможность иноческого преуспеяния, основанного на любви

[1] Алфавитный патерик. || [2] Слово 57. Здесь и о винах грехов, равно как и в Слове 56. || [3] Изречение аввы Зинона. Алфавитный патерик.

к ближним и на смирении пред ними. — В пример того, каким образом соблазн, действуя мало-помалу на инока, как бы неприметно и нечувствительно может наконец возобладать им и ввергнуть его в страшное падение, приводим следующую повесть: «В египетском ските был некоторый старец, впадший в тяжкую болезнь и принимавший услужение от братии. Видя, что братия трудятся ради его, он задумал переместиться ближе к селениям, чтоб не утруждать братию. Авва Моисей (вероятно тот, которого преподобный Кассиан называет рассудительнейшим между отцами скита, вообще отличавшимися обилием духовных дарований) сказал ему: «Не перемещайся в соседство селений, чтоб не впасть в блуд». Старца удивили и огорчили эти слова; он отвечал: «У меня умерло тело, и об этом ли ты говоришь?» Он не послушал аввы Моисея и поместился в соседстве мирского селения. Жители, узнав о нем, начали приходить к нему во множестве. Пришла послужить ему ради Бога и некоторая девица. Он исцелил ее — видится: девица имела какой-нибудь недуг, а старец имел дар чудотворения, — потом, по прошествии некоторого времени, пал с нею, и она сделалась беременною. Поселяне спрашивали ее: «От кого она беременна?» Она отвечала: «От старца». Ей не верили. Старец говорил: «Я сделал это; но сохраните дитя, которое должно родиться». Дитя родилось, и было вскормлено грудию. Тогда, в один из праздников скита, пришел туда старец с дитятею за плечами, и вошел в церковь при собрании всего братства. Братство, увидев его, восплакалось. Он сказал братии: «Видите дитя: это — сын преслушания». После этого старец пошел в прежнюю келлию свою, и начал приносить покаяние Богу»[1]. Такова сила соблазна, когда пред ним встанет инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха старостию, недугом и продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному или частому действию соблазна. — В пример того, как вина греха может мгновенно подействовать на инока, омрачить его ум, превратить сердечное расположение и ввергнуть в грех, приведем опять церковную повесть: «Епископ некоторого города впал в болезнь, по причине которой все отчаялись в его жизни. Там был женский монастырь. Игумения, узнав, что епископ отчаянно болен, посетила его, взяв

[1] Собеседование 1 (Collatio) о рассуждении. Пролог, июля 22.

с собою двух сестер. В то время, как она беседовала с епископом, одна из учениц ее, стоявшая у ног епископа, прикоснулась рукою к ноге его. От этого прикосновения возгорелась в болящем лютая брань блудная. Страсти лукавы. Он начал просить игумению, чтоб она оставила сестру при нем для услужения ему, приводя в причину такой просьбы недостаток в собственной прислуге. Игумения, ничего не подозревая, оставила сестру. По действу диавола епископ ощутил восстановление сил и впал в грех с инокинею, которая сделалась беременною. Епископ оставил кафедру и удалился в монастырь, где окончил жизнь в покаянии, принятие которого Бог засвидетельствовал дарованием покаявшемуся силы чудотворений»[1]. — Такова наша немощь! таково влияние на нас соблазнов! Они низвергли в пропасть падения и святых пророков[2], и святых епископов, и святых мучеников, и святых пустынножителей. Тем более мы, страстные и немощные, должны принимать все меры предосторожности и охранять себя от влияния на нас соблазнов. Страсти в иноках голодны: они, если будут оставлены без хранения, то кидаются с неистовством на предметы похотения, подобно хищным зверям, спущенным с цепей.

Глава 6
Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом

Для начинающих монашескую жизнь более приличествуют общежительные монастыри, как представляющие собою обширное поприще для исполнения евангельских заповедей. Впрочем, если ты вступил и в штатный монастырь, то не унывай; не оставляй его без уважительной причины: и в штатном монастыре приложи все старание образовать себя евангельскими заповедями. Общее правило заключается в том, что инок должен сперва обучиться деланию заповедей в обществе человеческом, в котором делание душевное сопряжено с деланием телесным, а потом уже, достигши достаточного преуспеяния, заняться исключительно душевным деланием в безмолвии, если окажется способным к нему. Способны к

[1] Алфавитный патерик. || [2] 2 Цар. 11.

безмолвию редкие. Новоначальный никак не может вынести одного душевного делания. Душевным деланием мы вступаем в мир духов, для чего именно опытные иноки и удаляются в уединение. В мире духов первоначально встречают христианина падшие духи, как принадлежащего к сонму их душою по причине падения, как долженствующего доказать благое направление своего свободного произволения отвержением общения с падшими духами и принятием общения с Богом, общения, дарованного нам *туне* Искупителем. Духи удобно убивают вступившего в борьбу с ними без надлежащей опытности и без надлежащего приготовления[1]. Исполнение заповедей в обществе человеческом доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества человеческого и падших духов, с которыми посредством падения человечество вступило в общение и в один разряд существ отверженных, враждебных Богу, обреченных на погребение в темницах ада. Святые Отцы утверждают, что «истинно хотящий спастись должен сперва в сожитии с людьми претерпеть досады, бесчестия, лишения, уничижения, освободиться от влияния чувств своих, и тогда уже пойти в совершенное безмолвие, как явил в Себе и Сам Господь наш Иисус Христос, ибо Он, претерпев все сие, взошел наконец на святой крест, что значит умерщвление плоти и страстей и святое, совершенное успокоение»[2]. То знай наверно, что ты везде преуспеешь, и в общежительном и в штатном монастыре, если займешься изучением и исполнением евангельских заповедей; напротив того, везде останешься без преуспеяния и чуждым духовного разума, везде придешь в состояние самообольщения и душевного расстройства, если пренебрежешь изучением и исполнением евангельских заповедей. До конца жизни не переставай изучать Евангелие! не подумай, что ты довольно знаешь его, хотя бы и знал его на память! Заповедь Господня *широка зело*[3], хотя и заключается в малых словах. Заповедь Господня бесконечна, как бесконечен изрекший ее Господь. Делание заповедей и преуспеяние в них беспредельны: самые совершенные христиане, приведенные в состояние совершенства Божественною благодатию, пребывают несовершенными по отношению к евангельским заповедям.

[1] Преподобного Нила Сорского Слово 11. || [2] Руководство к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, ответ 108. || [3] *...безмерно обширна* (Пс. 118. 96).

Глава 7
О хранении себя от добра, принадлежащего падшему естеству человеческому

Придет ли тебе какая благая мысль? остановись; никак не устремись к исполнению ее с опрометчивостию, необдуманно. Ощутишь ли в сердце какое благое влечение? остановись; не дерзай увлечься им. Справься с Евангелием. Рассмотри: согласны ли со всесвятым учением Господа благая мысль твоя и твое благое влечение сердечное. Вскоре усмотришь, что нет никакого согласия между евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро нашего падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближайшего сходства с демонами. Напротив того, делая евангельское добро, как истинный и верный ученик Богочеловека, соделаешься подобным Богочеловеку. *Любяй душу свою,* сказал Господь, *погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю*[1]. *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест Свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубить ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю*[2]. Господь повелевает полное отвержение падшего естества, ненависть к его побуждениям, не только к явно злым, но и ко всем без исключения, и ко мнимо добрым. Великое бедствие — последовать правде падшего естества: с этим сопряжено отвержение Евангелия, отвержение Искупителя, отвержение спасения. *Кто не возненавидит душу свою, не может Мой быти ученик*[3], сказал Господь. Объясняя вышеприведенные слова Господа, великий Варсонофий говорит: «Как отрекается от себя человек? — Лишь тем, что оставляет естественные желания и последует Господу. Посему-то и говорит Господь здесь собственно о естественном, а не о неестественном; ибо если кто оставит толь-

[1] *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12. 25). ‖ [2] *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8. 35). ‖ [3] *...кто... не возненавидит... самой жизни своей, ... не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 26).

ко неестественное, то он не оставил еще ничего своего собственного, ради Бога, потому что противоестественное не принадлежит ему. А тот, кто оставил естественное, всегда взывает с апостолом Петром: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом, что убо будет нам?*[1] и слышит блаженный глас Господа, и обетованием удостоверяется в наследовании жизни вечной[2]. Что оставил Петр, будучи не богат, и чем хвалился, если не оставлением естественных своих желаний? Ибо если человек не умрет для плоти, живя духом, он не может воскреснуть душою. Как в мертвеце вовсе нет желаний естественных, так нет их и в духовно умершем для плоти. Если ты умер для плоти, то как могут жить в тебе желания естественные? Если же ты не достиг меры духовной, а еще младенчествуешь умом, то смирись пред учителем, — да *накажет тя милостию*[3], и без совета ничего не делай[4], хотя бы что и казалось тебе по видимому добрым; ибо свет демонов обращается впоследствии во тьму»[5]. Точно то же должно сказать и о свете падшего человеческого естества. Последование этому свету и развитие его в себе производит в душе совершенное омрачение и вполне отчуждает ее от Христа. Чуждый христианства чужд Бога: *всяк, отметаяйся Сына, ни Отца имать*[6] — безбожник.

В наш век, гордый своим преуспеянием, большинство человеков, провозглашающее себя и христианами и делателями обильнейшего добра, устремилось к совершению правды падшего естества, отвергнув с презрением правду евангельскую. Это большинство да услышит определение Господа: *приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим*[7]. Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения; он проповедует, трубит о себе, о делах своих, не обращая никакого внимания на воспрещение Господа[8]; ненавистию и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных. Напротив того, делатель еван-

---

[1] Мф. 19. 27–29. ‖ [2] Мф. 19. 27–29. ‖ [3] *...наказывает ... это милость* (Пс. 140. 5). ‖ [4] Сир. 32. 21. ‖ [5] Ответ 59. ‖ [6] 1 Ин. 2, 23. ‖ [7] *Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учением, заповедям человеческим* (Мф. 15. 8, 9). ‖ [8] Мф. 6. 1–18.

гельских заповедей всегда погружен в смирение: сличая с возвышенностию и чистотою всесвятых заповедей свое исполнение их, он постоянно признает это исполнение крайне недостаточным, недостойным Бога; он видит себя заслужившим временные и вечные казни за согрешения свои, за нерасторгнутое общение с сатаною, за падение, общее всем человекам, за свое собственное пребывание в падении, наконец за самое недостаточное и часто превратное исполнение заповедей. Пред каждою скорбию, посылаемою Промыслом Божиим, он с покорностию преклоняет главу, ведая, что Бог обучает и образует скорбями служителей Своих во время их земного странствования. Он милосердствует о врагах Своих и молится о них, как о братиях, увлекаемых демонами, как о членах единого тела, пораженных болезнию в духе своем, как о благодетелях Своих, как о орудиях Промысла Божия.

Глава 8
О вражде и борьбе между падшим естеством и евангельскими заповедями

Если отречешься и постоянно будешь отрекаться от собственных разумений, от собственной воли, от собственной правды, или, что то же, от разума, воли и правды падшего естества, чтоб насадить в себя разум Божий, волю Божию и правду Божию, преподаваемые нам в Святом Евангелии Самим Богом, то падшее естество откроет внутри тебя лютую брань против Евангелия, против Бога[1]. Падшему естеству придут на помощь падшие духи. Не впади от этого в уныние: твердостию в борьбе докажи основательность и положительность твоего произволения. Поверженный, вставай; обманутый и обезоруженный, снова вооружайся; побежденный, снова устремляйся на сражение. Тебе в высшей степени полезно увидеть в себе самом как свое собственное падение, так и падение всего человечества! тебе существенно нужно узнать и изучить это падение в собственных сердечных и мысленных опытах; тебе существенно нужно увидеть немощь твоего разума, немощь твоей воли! Видение своего падения есть видение духовное. Видение своей немощи есть видение духовное[2]. В нем зритель — ум. Видение доставляется благодатию, на-

[1] Преподобный Макарий Великий. Беседа 21. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 61.

саженною в нас крещением: действием благодати разрешается слепота ума, и он начинает на поприще подвига своего ясно видеть то, чего доселе не видел, находясь вне этого поприща; он познает существование того, о существовании чего вовсе не подозревал. С духовным видением человеческого падения сопряжено другое духовное видение: видение падших духов. Это видение — опять видение духовное, дар благодати[1]. В нем зритель — ум: ум, от делания заповедей, стремясь к самому тщательному исполнению их, начинает малопомалу усматривать падших духов в приносимых ими помыслах и ощущениях, начинает усматривать горестное общение человеков с падшими духами, подчинение человеков падшим духам, козни и действия духов для погубления человеков. В духовных видениях нет ничего чувственного: они доставляются тщательностию в исполнении евангельских заповедей и борьбою с греховными помыслами и ощущениями. Человек, не узнавший опытом этих видений, не может иметь о них никакого понятия, даже не знает, что они существуют[2]. Войну и борьбу подвижника Христова со своим падением и с падшими духами превосходно изобразил Святой Дух в Псалтыри. Иноки первых времен изучали Псалтырь на память, и словами Духа облекали свои молитвы о извлечении их из рова страстей, о избавлении из челюстей врага, диавола.

Глава 9
О чтении Евангелия и Отеческих писаний

Из вышесказанного явствует, что главнейшим келейным занятием новоначального инока должно быть чтение и изучение Евангелия и всего Нового Завета. Весь Новый Завет может быть назван Евангелием, как содержащий одно евангельское учение. Впрочем, новоначальный должен сперва изучать заповеди Господа в Евангелиях от Матфея и Луки. От изучения заповедей в сих Евангелистах, при исполнении заповедей делами, и прочие Писания, из которых состоит Новый Завет, сделаются удобопонятнее. При чтении евангелистов должно читать и Благовестник, то есть объяснение Евангелия блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским. Чтение Благовестника необходимо: оно способствует правильному пони-

[1] Пс. 19. 12. ‖ [2] Священномученик Петр Дамаскин. Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3. — Лествица. Слово 27, гл. 26.

манию Евангелия и, следовательно, точнейшему исполнению его. Притом правила Церкви требуют, чтоб Писание было понимаемо так, как объясняют святые Отцы, а отнюдь не произвольно: руководствуясь в понимании Евангелия объяснением святого Отца, объяснением, принятым и употребляемым Церковию[1], мы сохраним Предание Святой Церкви. Очень полезны для нашего времени сочинения святого Тихона Воронежского: они не имеют односторонней цели, служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира, и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников. Благодать Божия внушила Святителю писания, особенно соответствующие современной потребности. В этих писаниях объясняется учение Евангелия. Для жительства по евангельским заповедям нет препятствия ни в каком монастыре, каков бы ни был того монастыря устав, даже каково бы ни было того монастыря благоустройство. Последнее сказано в ободрение и успокоение тех, которые не удовлетворяются благоустройством своего монастыря, правильно или ошибочно. Для каждого инока вернее искать причину неудовлетворения своего в самом себе, нежели в обстановке своей. Самоосуждение всегда приносит сердцу успокоение. Из этого никак не следует, чтоб монастырь благоустроенный не заслуживал предпочтения пред монастырем неблагоустроенным, когда избрание монастыря зависит от нас. Не всегда это бывает.

Положив себе за правило жизни учение и исполнение евангельских заповедей, без увлечения направлениями, доставляемыми разными сочинениями святых Отцов, можно начать чтение их для ближайшего и точнейшего ознакомления с монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом. В чтении Отеческих писаний нужно наблюсти постепенность, и никак не читать их поспешно. Сперва надо читать книги, написанные для общежительных монахов, каковы: Поучения преподобного аввы Дорофея, Оглашения преподобного Феодора Студийского, Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, начиная с ответа 216 — предшествовавшие ответы даны наиболее затворникам, и потому мало соответствуют новоначальным, — Слова святого Иоанна Лествичника, творения преподобного Ефрема Сирского, Общежительные по-

[1] Во всех благоустроенных общежитиях читается ежедневно на утрени в «Благовестнике» объяснение дневного Евангелия.

становления и собеседования преподобного Кассиана Римлянина. Потом, по прошествии значительного времени, можно читать и книги, написанные Отцами для безмолвников, както: Добротолюбие, Патерик Скитский, Слова преподобного Исаии Отшельника, Слова святого Исаака Сирского, Слова Марка Подвижника, Слова и Беседы преподобного Макария Великого, сочинения прозой и стихами преподобного Симеона Нового Богослова и другие подобные сим деятельные писания Отцов. Все исчисленные здесь книги принадлежат к разряду деятельных, или подвижнических, потому что в них изложены делание и подвиг иноческие. Сказал святой Иоанн Лествичник: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то и читай книги деятельные (подвижнические)»[1]. Деятельные книги возбуждают инока к иноческим подвигам, особенно к молитве. Чтение же прочих Отеческих святых сочинений приводит к размышлениям и созерцаниям, что для подвижника, не довольно очистившегося от страстей, рановременно[2].

Глава 10
О осторожности при чтении Отеческих книг о монашеской жизни

Книги святых Отцов о монашеской жизни должно читать с большою осмотрительностию. Замечено, что новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги. Если книга преподает советы о безмолвии и показывает обилие духовных плодов, собираемых в глубокой пустыне, то в новоначальном непременно явится сильнейшее желание удалиться в уединение, в безлюдную пустыню. Если книга говорит о безусловном послушании под руководством духоносного отца, то в новоначальном непременно явится желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жительств. Но книги святых Отцов, написанные об этих жительствах, могут подействовать на новоначального так сильно, что он, по неопытности своей и незнанию, легко решится оставить место

[1] Слово 27, гл. 78. || [2] Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. Преподобный Григорий Синаит. Гл. 11. О чтении. Добротолюбие. Ч. 1.

жительства, на котором имеет всю удобность спастись и духовно преуспеть исполнением евангельских заповедей, для несбыточной мечты совершенного жительства, нарисовавшейся живописно и обольстительно в его воображении. Святой Иоанн Лествичник говорит в Слове о безмолвии: «При трапезе доброго братства постоянно предстоит некий пес, который покушается восхитить с нее хлеб, то есть душу, потом убегает, держа его в пасти, и пожирает в уединенном месте»[1]. В Слове о послушании сей наставник иноков говорит: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, не свойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения: найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, непарительной молитвы, совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли из братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии своем упомянутых добродетелей по особенному смотрению Божию: враг научил их устремиться к этим добродетелям преждевременно, чтоб они не получили их и в свое время. Обольститель (диавол) ублажает пред безмолвниками страннолюбие послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтоб вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми»[2]. Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая не свойственные им, возвышеннейшие добродетели. Не доверяйте, братия, вашим помыслам, разумениям, мечтам, влечениям, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство! Если та обитель, в которой вы живете, дает вам возможность проводить жизнь по евангельским заповедям, если вы не низлагаетесь соблазнами в смертные грехи, то не оставляйте обители. Потерпите великодушно ее недостатки, и духовные и вещественные; не вздумайте всуе искать поприща подвигов, не дарованного Богом нашему времени. Бог желает и ищет спасения всех. Он и спасает всегда всех, произволяющих спастись от потопления в житейском и греховном море;

[1] Слово 27. || [2] Слово 4.

но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище. Он обетовал спасение святому апостолу Павлу и всем спутникам Апостола: Он и дал это спасение; но Апостол и его спутники спаслись не в корабле, который разбило, а с большим трудом, иные вплавь, другие на досках и различных обломках от корабля[1].

Глава 11
О отшельнической жизни

Да не будет сокрытым от возлюбленнейших братий, что возвышеннейшие роды иноческого жительства, как-то: отшельничество в глубокой пустыне или безмолвие в затворе, также жительство при духоносном старце с безусловным послушанием ему, — устроились не по случаю, не по произволу и разуму человеческому, но по особенному смотрению, определению, призванию и откровению Божиим. Антоний Великий, глава монашества, учредитель пустынножития, удалился в пустыню, уже облекшись силою Свыше, и не иначе, как призванный Богом. Хотя этого и не сказано ясно в житии его, но дальнейшие события жизни Преподобного доказывают это с ясностию. О том же, что в глубочайшую (внутреннюю) пустыню для строжайшего безмолвия он был наставлен Божественным гласом и повелением, сказано и в житии его[2]. Преподобному Макарию Великому, современнику преподобного Антония, несколько младшему его, явился Херувим, показал бесплодную, дикую равнину, — впоследствии знаменитый Египетский Скит — заповедал поместиться в ней на жительство и обетовал, что пустынная равнина населится множеством отшельников[3]. Арсений Великий, находясь в царских палатах, молил Бога, чтоб ему указан был путь спасения, и услышал глас: «Арсений! бегай от человеков, и спасешься». Арсений удалился в упомянутый Скит, там снова умолял Бога наставить его спасению, и снова услышал глас: «Арсений! убегай (человеков), молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия»[4]. Преподобная Мария Египетская призвана к отшельничеству в Заиорданской пустыне повелением Божиим[5]. Бог,

[1] Деян. 27. 21—49. || [2] Житие преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января и Vitae Patrum Patrologiae coursus complectus, т. LXXIII. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. || [5] Четьи-Минеи, 1 апреля.

призывавший к безмолвию и отшельничеству избранных Своих, то есть тех, которых Он провидел способными к безмолвию и отшельничеству, предоставлял им такие пособия и средства для этого жительства, каких человек сам по себе иметь не может. И в те времена, в которые монашество процветало, в которые много было духоносных руководителей, редкие признавались способными к безмолвию, в особенности к отшельничеству. «Истинное, разумное безмолвие, — говорит святой Иоанн Лествичник, — могут проходить немногие, и именно только те, которые стяжали Божественное утешение, поощряющее их в подвигах и помогающее в бранях»[1]. «Безмолвие губит неопытных»[2]. Затворники и отшельники часто подвергались величайшим душевным бедствиям: подвергались бедствиям те из них, которые вступили в затвор самопроизвольно, не призванные Богом.

В Прологе читается следующая повесть: В Палестине был некоторый монастырь при подошве большого и высокого утеса, а в утесе был вертеп (пещера) над монастырем. Монахи того монастыря рассказывали: «За несколько времени пред сим один из нашего братства возымел желание жить в вертепе, что в горе, и просил о том игумена. Игумен имел дар рассуждения. Он сказал брату: «Сын мой, как ты хочешь жить один в вертепе, еще нисколько не преодолев плотских и душевных страстных помыслов? желающему безмолвствовать должно быть под руководством наставника, а не самому управлять собою. Ты, нисколько не достигши надлежащей меры, просишь у моей худости, чтоб я дозволил тебе одному жить в вертепе, а я думаю, что ты не разумеешь различных сетей диавольских. Гораздо лучше тебе служить отцам, получать от Бога помощь их молитвами, с ними в назначенные часы славить и воспевать Владыку всех, нежели одному бороться с нечестивыми и злохитрыми помыслами. Не слышал ли ты, что говорит Богогласный Отец, Иоанн, писатель Лествицы: Горе жительствующему наедине: если он впадет в уныние или леность, то некому восставить его! а где два или три собраны во имя Мое, там Я посреди их, сказал Господь». Так говорил ему игумен, но не мог отвлечь инока от душепагубных помыслов. Видя непреодолимое желание брата и неотступные его просьбы, игумен наконец дозволил ему жить в вертепе. Напутствованный молитвою игумена, он взошел в вертеп. В часы употребления пищи приносил ее к вертепу один из монастыр-

[1] Слово 4, гл. 120. || [2] Слово 27, гл. 5.

ской братии, а затворник имел на веревке корзину, которую спускал, и принимал пищу. Когда он пробыл несколько времени в вертепе, диавол, всегда борющийся с желающими жить богоугодно, начал смущать его злыми помыслами день и ночь; чрез несколько же дней, преобразившись в светлого ангела, явился ему и сказал: «Да будет тебе известно, что ради твоей чистоты и благонравного жития, Господь послал меня прислуживать тебе». Монах отвечал: «Что сделал я доброго, чтоб ангелы служили мне?» Диавол возразил: «Все, что ты сделал, велико и высоко. Ты оставил красоты мира и соделался монахом; трудишься в посте, молитвах и бдении; опять ты, оставив монастырь, поместился на жительство здесь: как же ангелам не служить твоей святыне?» Этими речами душегубец-змей привел его в надмение, в гордость, и начал постоянно являться ему. Однажды некоторый человек, обокраденный ворами, пошел к монаху. Нечистый бес, который, обольщая его, являлся ему в виде ангела, сказал ему: «Этот человек окраден ворами; украденное скрыто в таком-то месте: скажи ему, чтоб он пошел туда и взял свое». Человек, пришедши к вертепу, поклонился, а монах сверху говорит ему: «Хорошо, брат, что ты пришел! я знаю: тебя постигла скорбь, потому что к тебе приходили воры, украли то и то. Не печалься! Они положили украденное там-то: поди туда, и найдешь все, а за меня молись». Человек удивился, послушался и нашел украденное. Он прославил монаха во всей стране той, говоря, что монах, живущий в вертепе, пророк. К монаху начало стекаться множество людей; слушая его, они приходили в удивление от учения, которое он преподавал по внушению диавола. Он предсказывал, и предсказания его сбывались. Несчастный провел немалое время в таком обольщении. Во второй день второй недели по вознесении Господа нашего Иисуса Христа скверный бес явился монаху и сказал ему: «Знай, отец, что ради непорочного и равноангельного жития твоего придут другие ангелы и тебя, в теле, возьмут на небо: там, со всеми ангелами, будешь наслаждаться зрением неизреченной красоты Господней». Бес, сказавши это, сделался невидим. Но человеколюбивый и многомилостивый Бог, не хотящий погибели человеческой, вложил в сердце монаху возвестить о случившемся игумену. Когда пришел брат, обычно приносивший пищу затворнику, затворник, выглянув из вертепа, сказал ему: «Брат! поди, скажи игумену, чтоб пришел сюда». Брат передал это игумену. Игумен поспешил придти; по лестнице

взошел он в вертеп к затворнику и сказал ему: «По какой причине, сын мой, ты повелел мне придти сюда?» Он отвечал: «Чем воздам тебе, святой отец, за все, что ты сделал для моего недостоинства!» Игумен сказал: «Что доброе сделал я тебе?» Монах: «Поистине, отец, чрез посредство твое я сподобился многих и великих благ. Тобою я облечен в ангельский образ; при твоем посредстве вижу ангелов и сподобляюсь беседовать с ними; при твоем посредстве я приял дар прозорливства и пророчества». — Игумен, услышав это, удивился, и сказал: «Несчастный! ты ли видишь ангелов? ты ли сподобился дара прозорливства? Горе тебе, несчастный! не говорил ли я тебе: не ходи в вертеп, чтоб бесы не обольстили тебя». Когда игумен говорил это, брат возражал ему так: «Не говори этого, честный отец! ради твоих святых молитв я вижу ангелов; завтра же я буду вознесен ими на небеса с телом моим. Да ведает твоя святыня, что я хочу просить у Господа Бога нашего, чтоб и тебя взяли ангелы, чтоб и ты был со мною в небесной славе». Услышав это, игумен грозно сказал ему: «Ты обольщен демоном, несчастный! однако, если я пришел сюда, то не уйду отсюда: останусь здесь посмотреть, что случится с тобою. Скверных бесов, которых ты называешь ангелами, я не увижу; но ты, когда увидишь, что они пришли, скажи мне». Игумен велел взять прочь лестницу и остался в вертепе с прельщенным, пребывая в посте и непрестанном псалмопении. Когда наступил час, в который прельщенный надеялся вознестись на небеса, он увидел пришедших бесов, и сказал: «Пришли, отец». Тогда игумен обнял его, и возопил: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги прельстившемуся рабу твоему, и не попусти нечистым бесам возобладать им». Когда игумен говорил это, бесы схватили и начали тащить прельщенного, усиливаясь исторгнуть его из объятий игумена. Игумен запретил бесам. Они, сорвав с прельщенного мантию его, исчезли. Мантия была видена возносящеюся по воздуху на высоту и, наконец, скрылась. По прошествии довольного времени мантия опять показалась летящею вниз и упала на землю. Тогда старец сказал прельщенному: «Безумный и несчастный! видишь, как бесы поступили с твоею мантиею: так намеревались они поступить и с тобою. Они намеревались тебя, как Симона волхва, вознести на воздух и спустить вниз, чтоб ты сокрушился и бедственно изверг окаянную душу». Игумен призвал монахов, велел им принести лестницу, свел прельщенного из вертепа в монастырь и

назначил ему служение в пекарне, в поварне и в прочих монастырских послушаниях, чтоб смирились его помыслы. Таким образом он спас брата»[1].

Тяжкому искушению подверглись по причине рановременного вступления в затвор наши соотечественники, преподобные Исаакий[2] и Никита[3] Печерские. Заметно из жизнеописания преподобного Исаакия, современника преподобных Антония и Феодосия, что он вступил в затвор по собственному произволу. Он проходил усиленнейший телесный подвиг; стремление к подвигу, еще более усиленному, внушило ему заключиться в одной из теснейших пещер Киево-Печерского монастыря. Пищею его была просфора, а питием вода, и эту скуднейшую пищу он принимал чрез день. При таком усиленном телесном подвиге и при недостатке опытных сведений о подвиге и борьбе душевных, невозможно не дать некоторой цены и подвигу своему и себе. На внутреннем настроении подвижника обыкновенно основывается искушение, наносимое ему бесами. «Если человек, — говорит преподобный Макарий Египетский, — сам собою не даст повода сатане подчинить его своему влиянию, то сатана никак не может возобладать им насильно»[4]. Бесы предстали Исаакию в виде светлых ангелов; один из них сиял более других; бесы назвали его Христом и требовали поклонения ему от подвижника. Подвижник поклонением, подобающим единому Богу и возданным диаволу, подчинил себя бесам, которые измучили его насильственным телодвижением (плясанием) до полусмерти. Преподобный Антоний, прислуживавший затворнику, пришел к нему с обычною пищею, но, увидев, что затворник не подает никакого голоса, и поняв, что с ним случилось что-нибудь особенное, разломал с помощию других монахов вход, наглухо заложенный, в пещеру Исаакия. Его вынесли, как мертвого, и положили пред пещерою; заметив же, что он еще жив, снесли в келлию на постель. Преподобные Антоний и Феодосий, один вслед за другим, ходили за ним. Исаакий от искушения расслабел умом и телом: не мог ни стоять, ни сидеть, ни, лежа, поворотиться со стороны на сторону; он лежал в течение двух лет неподвижно, нем и глух. На третий год он проговорил, и просил, чтоб его подняли и поставили на ноги. Потом начал учиться ходить, как дитя; но не выражал никакого желания,

[1] Пролог, января 9 день. || [2] Патерик Печерский и Четьи-Минеи, 14 февраля. || [3] Патерик Печерский и Четьи-Минеи, 31 января. || [4] Слово 4, гл. 12.

ниже мысли посетить церковь; к этому едва и насильно принудили его; он начал мало-помалу ходить в храм Божий. После этого начал ходить и в трапезу, и мало-помалу научился употреблять пищу; в те два года, в которые он лежал неподвижно, он не вкусил ни хлеба, ни воды. Наконец, он освободился совершенно от страшного и чудного впечатления, произведенного на него явлением и действием бесов. Впоследствии преподобный Исаакий достиг высоких мер святости. — Преподобный Никита был моложе преподобного Исаакия, но современен ему. Увлекаемый ревностию, он просил игумена благословить его на подвиг в затворе. Игумен — был тогда игуменом преподобный Никон — возбранил ему, говоря: «Сын мой! неполезно тебе, молодому, быть в праздности. Лучше жить с братиею: служа им, ты не погубишь мзды своей. Ты сам знаешь, как Исаакий Пещерник был прельщен бесами в затворе: он погиб бы, если б особенная благодать Божия, за молитвы преподобных Отцов наших, Антония и Феодосия, не спасла его». Никита отвечал: «Я никак не прельщусь чем-нибудь подобным, но желаю крепко стать против бесовских козней и молить человеколюбца Бога, чтоб Он и меня сподобил дара чудотворения, как Исаакия затворника, который и поныне совершает многие чудеса». Игумен опять сказал: «Желание твое выше твоей силы; блюди, чтоб, вознесшись, не ниспасть. Я, напротив того, повелеваю тебе служить братии, и ты получишь венец от Бога за твое послушание». Никита, увлекаемый сильнейшею ревностию к затворническому житию, нисколько не хотел внимать тому, что говорил ему игумен. Он исполнил задуманное: заключил себя в затворе, и пребывал в нем, молясь и никуда не выходя. По прошествии некоторого времени, однажды, в час молитвы, он услышал голос, который молился вместе с ним, и обонял необыкновенное благоухание. Обольстившись, он сказал сам себе: если б это не был ангел, то он не молился бы со мною, и не было бы слышно благоухание Святого Духа. Затем Никита стал прилежно молиться, говоря: «Господи! явись мне Сам разумно, да вижу Тебя». Тогда был к нему глас: «Ты молод! не явлюсь тебе, чтоб ты, вознесшись, не ниспал». Затворник со слезами отвечал: «Господи! я никак не прельщусь, потому что игумен научил меня не внимать бесовской прелести, а сделаю все, что Ты мне ни прикажешь». Тогда душепагубный змей, прияв над ним власть, сказал: «Невозможно человеку, находящемуся во плоти, видеть меня, но

вот! я посылаю ангела моего, чтоб пребывал с тобою: ты исполняй его волю». С этими словами предстал пред затворника бес в виде ангела. Никита пал к ногам его, поклоняясь ему, как ангелу. Бес сказал: «Отселе ты уже не молись, но читай книги, чрез что вступишь в непрестанную беседу с Богом и получишь возможность преподавать душеполезное слово приходящим к тебе, а я буду непрестанно молить Творца всех о твоем спасении». Затворник, поверив этим словам, обольстился еще более: он перестал молиться, занялся чтением, видел беса непрестанно молящимся, радовался, полагая, что ангел молится за него. Потом он начал много беседовать с приходящими из Писания, и пророчествовать подобно Палестинскому затворнику. О нем пошла слава между мирскими людьми и при великокняжеском дворе. Собственно, он не пророчествовал, а сказывал приходящим, будучи извещаем присутствовавшим бесом, где положено украденное, где что случилось в дальнем ему месте[1]. Так он дал знать великому

[1] Во времена наши в Москве, в доме умалишенных, находился подобный пророк, к которому стекалось множество любопытных. Имя пророку — Иван Яковлевич. Некоторого пустынного монаха посетили московские жители и начали пред ним выхвалять своего пророка. Они говорили, что в даре прозорливства его убедились собственным опытом, спросив его о своем родственнике, находившемся в Нерчинске в каторжной работе. Иван Яковлевич с час времени не давал ответа. Когда вопросившие понуждали скорее дать ответ, то он сказал им: «А до Нерчинска далеко ли?» Они отвечали: «Более 6000 верст». — «Так скоро ли туда сбегаешь!» — возразил пророк. Ответ его состоял в том, что у ссыльного обтерлись ноги до крови. Чрез несколько времени вопрошавшие получили от Нерчинского родственника письмо, в котором он описывал тяжесть своего положения и упоминал, что ноги его обтерты до крови кандалами. «Представьте себе, каково прозорливство Ивана Яковлевича!» — заключили таким возгласом рассказ свой москвичи. Монах отвечал: «Прозорливства тут нет, а тут — очевидное сношение с падшими духами». Святой Дух не имеет нужды во времени: Он немедленно возвещает тайны, и земные и небесные. Иваном Яковлевичем послан был находившийся при нем бес из Москвы в Нерчинск, и принес сведение пустое, вещественное, удовлетворяющее тщеславию пророка и любопытству плотских людей, его вопрошавших. Святой Дух всегда возвещает что-либо духовное, душеспасительное, существенно нужное, а падший дух возвещает всегда что-либо плотское, как пресмыкающийся по своем падении в греховных страстях и вещественности. — В образец действия и характера, принадлежащих святому прозорливству, даруемому Богом, представляем замечательное событие из церковной истории. Святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, поведая епископу Аммонию о бегстве своем от императора Иулиана богоотступника, говорит: «В эти времена я видел великих мужей Божиих, Феодора, настоятеля Тавеннсиотских монахов, и Паммона, авву монахов, живших в окрестностях Антинои. Я, вознамерившись укрыться у Феодора, взошел в его лодку, которая была прикры-

князю Изяславу о убиении Новгородского князя Глеба и совет послать в Новгород на княжение великокняжеского сына. Этого достаточно было для мирян, чтоб провозгласить затворника пророком. Замечено, что миряне и самые монахи, не имеющие духовного рассуждения, почти всегда увлекаются обманщиками, лицемерами и находящимися в бесовской прелести, признают их за святых и благодатных. Никто не мог сравняться с Никитою в знании Ветхого Завета; но он не терпел Нового Завета, никогда не заимствовал своей беседы из Евангелия и Апостольских Посланий, не позволял, чтоб кто из посетителей его напомнил что-либо из Нового Завета. По этому странному направлению его учения отцы Киево-Печерского монастыря уразумели, что он прельщен бесом. Тогда в монастыре было много святых иноков, украшенных благодатными дарами. Они молитвою своею отогнали беса от Никиты; Никита перестал видеть его. Отцы вывели Никиту из затвора и спрашивали, чтоб он сказал им что-нибудь из Ветхого Завета; но он с клятвою утверждал, что никогда не читал этих книг, которые прежде знал наизусть. Оказалось, что он забыл даже читать от впечатления, произведенного бесовскою прелестию, и едва, с большим трудом, снова выучили его чтению. Молитвами святых Отцов приведенный в себя, он познал и исповедал свой грех, оплакал его горькими слезами, достиг высокой меры святости и дара чудотворения смиренным житием посреди братства. Впоследствии святой Никита хиротонисан во епископа Новгородского.

та со всех сторон; Паммон сопутствовал нам по чувству уважения. Ветер не благоприятствовал; я молился в стесненном сердце; монахи Феодора, вышедши на берег, тащили лодку. Авва Паммон, видя печаль мою, утешал меня. Я отвечал ему: «Поверь мне, что сердце мое не имеет столько мужества во время мира, сколько имеет во время гонений, потому что, страдая за Христа и укрепляемый Его благодатию, уповаю получить тем большую милость от Него, хотя бы и убили меня». Еще я не кончил этих слов, как Феодор взглянул на авву Паммона и улыбнулся; Паммон взаимно взглянул на него, улыбаясь. Я сказал им: «С чего смеетесь вы словам моим? не обвиняете ли меня в робости?» Феодор, обратясь к Паммону, говорит: «Скажи Патриарху причину нашего смеха». Паммон отвечал: «Это принадлежит тебе». Тогда Феодор сказал: «Сей час убит Иулиан в Персии, как предрек о нем Бог: *прозорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает. — Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается* (Авв. 2. 5). Восстанет император христианин, муж превосходный, но жизни краткой. Почему не углубляйся в Фиваиду, не утруждай себя, но тайно отправься навстречу новому императору: ты увидишься с ним на пути, будешь принят им очень благосклонно и возвратишься к своей Церкви, а его возьмет Бог скоро из этой жизни». Все и случилось так» (Sancti Athanasii omnia, tom. 2, pag. 979–982).

Новейшие опыты подтверждают то, что с ясностию доказывают опыты времен прошедших. И ныне прелесть — так на монашеском языке называется самообольщение, соединенное с бесовским обольщением, — бывает непременным последствием преждевременного удаления в глубокое уединение или особенного подвига в келейном уединении. — В то время, как писатель этих аскетических советов, юношею, в 1824—1825 годах, посещал Александро-Невскую лавру для совещания о своих помыслах с монахом Иоанникием, свечником лавры, учеником старцев Феодора и Леонида, ходили к этому монаху, для духовного совета, многие миряне, проводившие аскетическую жизнь[1]. Ходил к нему и Павловского полка солдат Павел, недавно обратившийся из раскола, бывший прежде наставником раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло радостию. Но он, по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию, предался неумеренному и несообразному с его устроением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие. Однажды ночью Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизною голубь. От голубя раздался глас: «Прими меня: я — Святой Дух; пришел соделать тебя моею обителию». Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него чрез уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страстию ненасыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы соделались его постоянным притоном. Наконец, он опомнился. Обольщение свое бесовским явлением и осквернение последствиями прелести изложил он в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. В письме проявлялось прежнее высокое духовное состояние падшего. Упомянутый юноша был тогда келейником иеросхимонаха Леонида (1827—1828 годы) и читал по благословению старца письмо Павла. — Иеросхимонах Леонид весною 1828 года переместился из Свирского монастыря первоначально в Площанскую, потом в Оптину Пустыню. Ему сопутствовал его келейник, который при этом случае посетил некоторые монастыри Калужской и Орловской епархий. Когда он был в знамени-

[1] Монах Иоанникий был родной племянник Феодора. По кончине Феодора он не прекращал общения с Леонидом и впоследствии для сожительства с ним переместился в Оптину Пустыню.

той Белобережской пустыне, тогда славился там подвижническою жизнию рясофорный монах Серапион, видевший при своем уединенном келейном правиле ангела. Не только миряне, но и монахи — так как у нас в России господствует телесный подвиг, а о душевном почти утрачено самое понятие — прославляли Серапиона и выставляли в образец монашеской жизни. В 1829 году Серапион переместился по причине душевного расстройства в Оптину Пустыню для руководства советами иеросхимонаха Леонида. В одно из совещаний с старцем он вытащил значительную часть бороды у старца. Серапион, помещенный в скиту Оптиной Пустыни по уважению к его подвижнической славе, пришел однажды ночью к начальнику скита, иеромонаху Антонию, возвещая, что Иоанн Предтеча сейчас явился ему и велел зарезать сего Антония, иеросхимонаха Леонида, иеромонаха Гавриила и помещика Желябовского, гостившего тогда в скиту. «Да где ж у тебя нож?» — спросил его догадливый и неустрашимый Антоний. «У меня нет ножа», — отвечал прельщенный. «Так что ж ты приходишь резать без ножа?» — возразил Антоний — и удалил в келлию прельщенного, которого должно было передать в дом умалишенных, где он и скончался. Пред кончиною, как слышно, Серапион опомнился и отошел с надеждою спасения. Должно заметить, что падший дух, желая овладеть Христовым подвижником, не действует властительски, но ищет привлечь согласие человека на предлагаемую прелесть, и по получении согласия овладевает изъявившим согласие. Святой Давид, описывая нападение падшего ангела на человека, выразился со всею точностию, сказав: *Ловит, еже восхитити нищаго, восхитити нищаго внегда привлещи и в сети своей*[1]. «Святой Дух действует самовластно как Бог; приходит в то время как смирившийся и уничижившийся себя человек отнюдь не чает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием Своим объемлет всю волю и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии. Благодать, когда будет в ком, не показывает чего-либо обычного или чувственного; но тайно научает тому, чего прежде не видел и не воображал никогда. Тогда ум тайно научается высоким и сокровенным тайнам, которых, по Божественному Павлу, не может видеть человеческое око, ниже постигнуть ум сам собою... Ум человеческий, сам собою, не будучи соединен с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с

[1] Пс. 9. 30.

огнем Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным Светом, соделывается весь светом, воспаляется в пламени Всесвятого Духа, исполняется Божественного разума, и невозможно ему в пламени Божества мыслить о своем и о том, о чем хотел бы». Так говорил преподобный Максим Капсокаливи преподобному Григорию Синайскому[1]. Напротив того, при демонском явлении всегда предоставляется свобода человеку рассудить о явлении, принять или отвергнуть его. Это явствует из попыток демона обольстить святых Божиих. Однажды, когда преподобный Пахомий Великий пребывал в уединении вне монастырской молвы, предстал ему диавол в великом свете, говоря: «Радуйся, Пахомий! Я — Христос, и пришел к тебе, как к другу моему». Святой, рассуждая сам с собою, помышлял: «Пришествие Христа к человеку бывает соединено с радостию, чуждо страха. В тот час исчезают все помышления человеческие: тогда ум весь вперяется в зрение видимого. Но я, видя этого представившегося мне, исполняюсь смущения и страха. Это — не Христос, а сатана». После этого размышления Преподобный с дерзновением сказал явившемуся: «Диавол! отыди от меня: проклят ты, и видение твое, и коварство лукавых замыслов твоих». Диавол немедленно исчез, исполнив келлию смрада[2].

Невозможно человеку, находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собою некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности. Истинное смирение не свойственно плотскому мудрованию и невозможно для него: смирение есть принадлежность духовного разума. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не разумея ни того, что говорят, ни того, на чем основываются: потому и мнят исполнить его "делами"»[3]. Из слов преподобного Отца явствует, что признающий за собою какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести: падший ангел в ложном, гордом понятии христианина находит пристанище, к этому понятию удобно прививает свое обольщение, а посредством

[1] Добротолюбие. Ч. 1. || [2] Четьи-Минеи, 15 мая. || [3] Слово о Духовном Законе, гл. 34.

обольщения подчиняет человека своей власти, ввергает его в так называемую бесовскую прелесть. Из вышеприведенных опытов видно, что ни один из прельстившихся не признал себя недостойным видения Ангелов, следовательно, признавал в себе некоторое достоинство. Иначе и не может судить о себе плотской и душевный человек. Потому-то святые Отцы и сказали вообще о всех подвижниках, недостаточно образованных душевным деланием и не осененных благодатию, что безмолвие губит их.

Поучительно поведение преподобных Варсонофия Великого и спостника его, Иоанна Пророка, которые сами были затворниками в общежитии аввы Серида, относительно затворников и безмолвия. Все братия того монастыря, или по крайней мере большая часть братий, руководствовались наставлениями этих великих угодников Божиих, преисполненных Духа Божия; руководствовался их наставлениями и сам игумен Серид, которого Варсонофий Великий называл сыном. Серид и прислуживал святому Старцу, пребывавшему безвыходно в келлии, принимавшему к себе одного Серида и чрез него дававшему письменные ответы прочим братиям. Братия монастыря, руководимые назиданиями Боговдохновенных мужей, оказывали быстрое и обильное духовное преуспеяние. Некоторые из них сделались способными к затворнической жизни, к которой были призваны провидевшим способность их Богом. Так, великий Варсонофий предвозвестил Иоанну Миросавскому, что ему предназначено Богом безмолвие, и, приуготовив этого инока жизнию по евангельским заповедям среди иноческого общества, в горниле послушаний, в свое время, указанное Богом, ввел его в затвор[1]. Из переписки великого Варсонофия с Иоанном Миросавским видно, что Иоанн и по вступлении в затвор обуревался страстными помыслами. Другие иноки, которым попущен был затвор, возмущались страстями еще более; но затвор им не воспрещался. Напротив того, преподобному авве Дорофею, отличавшемуся и мирскою и духовною мудростию, способностию руководить других иноков, доказавшему этот духовный дар на самом деле, духоносные старцы воспретили затвор, сколько он ни желал его. «Безмолвие, — говорили они ему, — дает повод человеку к высокоумию, прежде нежели он приобретет себя, то есть будет непорочен. Тогда только имеет место истинное безмолвие, когда человек уже понес крест. Итак, если

[1] Ответы 1–54.

будешь сострадать ближним, то получишь помощь, если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь. Не уклоняйся ни во внутрь, ни во вне, но держись средины, разумевая, что есть воля Господня, *яко дние лукави суть*[1]. Слова мои значат: не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда находишься среди попечений: вот средний путь, безопасный от падения. В безмолвии должно иметь смирение, и при попечениях бдительность над собою, и удерживать свой помысл. Все сие не ограничивается каким-нибудь определенным временем. Всякий должен с благодарением терпеть то, что по необходимости постигает его. Чем более человек нисходит в смирение, тем более преуспевает. Пребывание в келлии не делает тебя опытным, потому что ты пребываешь в ней без скорби (очевидно: по недостижению брани с бесами, что затворенного в келлии приводит в такую тяжкую скорбь и борьбу, каковые вовсе не известны общежительному иноку[2]. А чрез то, что прежде времени оставишь все попечения, враг готовит тебе не покой, а более смущения, так что заставит тебя наконец сказать: "Лучше бы я не родился"»[3]. Преподобный Дорофей, признаваемый Вселенскою Церковию святым, один из превосходнейших аскетических писателей, пребыл в общежитии среди братства, а по кончине святых наставников основал свой монастырь и был его настоятелем. Святой Иоанн Лествичник замечает, что наклонные к высокоумию и другим душевным страстям никак не должны избирать для себя жительства уединенного, а пребывать посреди братства и спасаться деланием заповедей[4], потому что всякое жительство, в пустыне ли, в общежитии ли, когда оно согласно с волею Божиею и когда цель его — угождение Богу, преблаженно[5]. От преждевременного затвора прозябает бесовская прелесть, не только очевидная, но и невидимая по наружности: мысленная, нравственная, несравненно более опасная, нежели первая, как врачующаяся весьма трудно, а часто и не способная к уврачеванию. Этот род прелести, основывающийся на высокоумии, называется святыми Отцами *«мнением»*[6] и заключается в том, когда подвижник примет ложные понятия о

[1] *Потому что дни лукавы* (Еф. 5. 16). — Ответ 311. || [2] Смотри житие преподобных Антония Великого, Онуфрия Великого и других отшельников и затворников. || [3] Ответы 312, 313. || [4] Слово 8, гл. 10, 18, 21, 25. — Слово 27, гл. 13, 36. || [5] 88 глава преподобного Симеона Нового Богослова. Добротолюбие. Ч. 1. || [6] Святого Григория Синаита, главы 128, 131, 132. Добротолюбие. Ч. 1.

духовных предметах и о себе, сочтет их истинными. Ложным понятиям и созерцаниям, по естественным сочувствию и содействию ума сердцу и сердца уму, непременно сопутствуют обольстительные, сладостные, сердечные ощущения: они — не что иное, как действие утонченных сладострастия и тщеславия. Зараженные этою прелестию делались проповедниками ложного аскетического учения, а иногда и ересиархами для вечной погибели своей и ближних. Святой Исаак Сирский в 55-м Слове упоминает, что некто Малпас проводил в отшельничестве строжайшую подвижническую жизнь с целию достичь высокого духовного состояния, впал в высокоумие и явную бесовскую прелесть, соделался изобретателем и начальником ереси евктитов. — В образец аскетической книги, написанной из состояния прелести, именуемой *мнением,* можно привести сочинение Фомы Кемпийского под названием *Подражание Иисусу Христу.* Оно дышит утонченным сладострастием и высокоумием, которые в людях ослепленных и преисполненных страстями производят наслаждение, признаваемое ими вкушением Божественной благодати. Несчастные и омраченные! они не понимают, что, обоняв утонченную воню живущих в себе страстей, они наслаждаются ею, признают ее в слепоте своей вонею благодати! они не понимают, что к духовному наслаждению способны одни святые, что духовному наслаждению должно предшествовать покаяние и очищение от страстей, что грешник не способен к духовному наслаждению, что он должен сознавать себя не достойным наслаждения, отвергать его, если оно начнет приходить к нему, отвергать как не свойственное себе, как явное и пагубное самообольщение, как утонченное движение тщеславия, высокоумия и сладострастия. — Подобно Малпасу достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Асиз, Игнатий Лойола и другие подвижники латинства[1], признаваемые в недре его святыми. «Когда Франциск был восхищен на небо, — говорит писатель жития его, — то Бог Отец, увидев его, пришел на минуту в недоумение, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству, или сыну по благодати — Франциску». Что может быть страшнее, уродливее этой хулы, печальнее этой прелести!

В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным, как более опасный и более не-

[1] По отпадении Западной Церкви от Восточной.

совместный, чем когда-либо. В этом надо видеть волю Божию, и покоряться ей. Если хочешь быть приятным Богу безмолвником — возлюби молчание, и со всевозможным усилием приучись к нему. Не позволяй себе празднословия ни в церкви, ни в трапезе, ни в келлии; не позволяй себе выходов из монастыря иначе, как по самой крайней нужде и на самое краткое время; не позволяй себе знакомства, особливо близкого, ни вне, ни внутри монастыря; не позволяй себе свободного обращения и пагубного развлечения; веди себя, как странник и пришлец и в монастыре, и в самой земной жизни — и соделаешься Боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником. Если же Бог узрит тебя способным к пустыне или затвору, то Сам, неизреченными судьбами Своими, доставит тебе пустынную и безмолвную жизнь, как доставил ее блаженному Серафиму Саровскому, или доставит затвор, как доставил его блаженному Георгию, затворнику Задонского монастыря.

Глава 12
О жительстве в послушании у старца

То, что сказано об отшельничестве и затворе, должно сказать и о послушании старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества: такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские Отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды, «утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это — величайший дар и благодать Святого Духа»[1]. Необходимое условие такового повиновения — духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти. Падшая и растленная воля человека заключает в себе стремление ко всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстям. «Если ты хочешь отречься от мира, — говорил святой Симеон Новый Богослов современным ему инокам, — и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неискусному или страстному учителю, чтоб не научиться, вместо евангельского жития, диавольскому житию,

[1] Преподобный Кассиан. Об уставе общежитий. Книга 2, гл. 3.

потому что благих учителей и учительство благое, а злых — злое; от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий, не видящий и обещающийся наставлять других, есть обманщик, и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господа: *Слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут*»[1]. При другом случае этот великий угодник Божий, советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: «Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но, по дарованию своему и по мере повинующегося, возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся *человеку, а не Богу*»[2]. В этом смысле завещавает и Апостол: *не будите раби человеком*[3]. Он повелевает самое служение слуг господам совершать духовно, а не в характере *человекоугодников,* но в характере *рабов Христовых,* творя *волю Божию* в наружном служении человекам[4]. *Ныне,* говорит Апостол, *человеки препираю, или Бога? или ищу человеком угождати? аще бых человеком еще угождал, Христов раб не бых убо был*[5]. *Не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание* — человеку плотского мудрования или Богу — *раби есте, егоже послушаете, или греха* и плотского мудрования *в смерть, или послушания в правду* Божию и во спасение[6]. Послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется: *зачинаху овцы по жезлом,* говорит Писание[7]. Те старцы, которые принимают на себя роль... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтоб точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании — суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода

---

[1] Мф. 15. 14. Преподобный Симеон Новый Богослов, главы 32 и 34. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] *...не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7. 23). ‖ [4] Еф. 6. 6. ‖ [5] *У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. 1. 10). ‖ [6] *Неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушание к праведности?* (Рим. 6. 16). ‖ [7] *...зачинал скот пред прутьями* (Быт. 30. 39).

в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное настроение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новоначальному, если этот новоначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого. Страшное дело — принять, по самомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святого Духа и действием Духа; страшное дело — представлять себя сосудом Святого Духа, между тем как общение с сатаною еще не расторгнуто, и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! гибельно оно для себя и для ближнего, преступно пред Богом, богохульно. Напрасно будут указывать нам на преподобного Захарию, который, находясь в повиновении у неискусного старца, отца своего по плоти, Кариона, достиг иноческого совершенства[1], или на преподобного Акакия, спасшегося в жительстве у жестокого старца, который согнал бесчеловечными побоями ученика своего преждевременно в гроб[2]. Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных Отцов, также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев. Эти случаи — вне общего порядка и правила. «Образ действия Промысла Божия, — сказал святой Исаак Сирский, — вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка»[3]. Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола. *Любве истины не приняша,* говорит он о произвольно погибающих, *во еже спастися им. И сего ради послет* (попустит) *им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи, да суд приимут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде*[4]. *По вере ваю буди вама*[5], сказал Господь, Само-Истина, двум слепцам и исцелил их от

[1] Патерик алфавитный и Достопамятные сказания. || [2] Лествица. Слово 4, гл. 3. || [3] Слово 1. || [4] *...не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* (2 Сол. 2. 10–12). || [5] *...по вере вашей да будет вам* (Мф. 9. 29).

слепоты: не имеет права повторять слов Само-Истины ложь и лицемерство для оправдания своего преступного поведения, которым они погубляют ближних. Бывали случаи, очень-очень редкие, что вера, по особенному смотрению Божию, действовала чрез грешников, совершая спасение этих грешников. В Египте старейшина разбойников Флавиан, намереваясь ограбить некоторый женский монастырь, облекся в монашеское одеяние и пришел в этот монастырь. Монахини приняли его, как одного из святых Отцов, ввели в церковь, прося принести о них молитву Богу, что Флавиан исполнил против воли своей и к удивлению своему. Потом представлена была ему трапеза. По окончании трапезы монахини умыли его ноги. В монастыре одна из сестер была слепа и глуха. Монахини привели ее и напоили водою, которою омыты ноги странника. Больная немедленно исцелилась. Монахини прославили Бога и святое житие странного инока, провозглашая совершившееся чудо. Благодать Божия низошла на старейшину разбойников: он принес покаяние, и из старейшины разбойников претворился в знаменоносного отца[1]. — В житии святого Феодора, епископа Едесского, читаем, что блудница, будучи принуждена отчаянною супругою Адера, принесла Богу молитву о умершем ее сыне, что младенец воскрес по молитве блудницы. Блудница, приведенная в ужас совершившимся над нею, немедленно оставила греховную жизнь, вступила в монастырь и подвижническою жизнию достигла святости[2]. Такие события — исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания. В руководителя поведению нашему дан нам Самим Богом Закон Божий, то есть Священное Писание и писания Отеческие. Апостол Павел решительно говорит: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас*[3]. Преданием здесь названо нравственное предание Церкви. Оно изложено в Священном Писании и в писаниях святых Отцов. Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым

[1] Алфавитный патерик, буква Ф. || [2] Четьи-Минеи, 9 июля. || [3] *Завещеваем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Сол. 3. 6).

оказывается душевредным[1], очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы: смущающие помыслы, очевидно, бесовские; не надо им повиноваться, как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас. Иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходилось в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних Отцов — послушания их, равно дивного и в руководителях, и в руководимых, — увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы не способны наследовать делание Отцов в полноте его и во всем обилии его. И то — великая милость Божия к нам, великое счастие для нас, что предоставлено нам питаться крупицами, падающими с духовной трапезы Отцов. Эти крупицы не составляют собою удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти.

Глава 13
О жительстве по совету

Крупицами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых Отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братий. В собственном смысле это — послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию: ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании, и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспеяние было быстрым по свойству делания: ныне оно косно опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего: мы обязаны покор-

[1] Алфавитный патерик.

ствовать ему и со благодарением благоговеть пред ним. Наше современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братий освящено примером главы монашества преподобного Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братий: у одного научался он воздержанию, у другого кротости, терпению, смирению, у иного строгой бдительности над собою, безмолвию, стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смиряясь пред всеми и молясь Богу непрестанно[1]. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях, не противных Закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братиями; но усваивай себе советы их с крайнею осторожностию и осмотрительностию. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием. Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностию, с плотским и кровяным разгорячением! им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! им нужна

[1] Четьи-Минеи, 17 января.

похвала человеческая! им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню. Была справедливою молитва Пророка всегда, в особенности она справедлива ныне: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный: яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая*[1]. Слово ложное и лицемерное не может не быть словом злым и зловредным. Против такого настроения необходимо принять меры осторожности. «Изучай Божественное Писание, — говорит Симеон Новый Богослов, — и писания святых Отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале, и понимать; согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей»[2]. Преподобный Симеон жил в десятом столетии по Рождестве Христовом, за девять веков до нашего времени: вот уже когда раздался голос праведника в Святой Христовой Церкви о недостатке истинных, духоносных руководителей, о множестве лжеучителей. С течением времени более и более оскудевали удовлетворительные наставники монашества: тогда святые Отцы начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями Отеческими. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на Отцов, писавших прежде его, говорит: «Не малый подвиг, сказали они, найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали святые Отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностию. Если же не найдется, то святые Отцы повелели научаться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: *Испы-*

[1] *Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему; уста льстивы, говорят от сердца притворного* (Пс. 11. 2, 3). ‖
[2] Глава 33. Добротолюбие. Ч. 1.

тайте Писаний, и *в них* найдете *живот вечный*»[1]. *Елика бо преднаписана быша* в Святых Писаниях, *в наше наказание* (наставление) *преднаписашася*[2]. Преподобный Нил жил в XV столетии; он основал скит неподалеку от Бела-Озера, где и занимался молитвою в глубоком уединении. Полезно прислушаться старцам новейших времен, с каким смирением и самоотвержением отзывается преподобный Нил о наставлениях, которые он преподавал братии. «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедовать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не сделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова святых Отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследывая их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы не достойны этого, но преподают блаженные святые Отцы из Божественного Писания»[3]. Вот превосходный образец для современного наставления! Он вполне душеполезен для наставника и наставляемого; он — правильное выражение умеренного преуспеяния; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости, в которые впадают подражающие по наружности великому Варсонофию и другим знаменоносным Отцам, не имея благодати Отцов. Что было в тех выражением обильного присутствия в них Святого Духа, то в безрассудных, лицемерных подражателях служит выражением обильного невежества, самообольщения, гордости, дерзости. Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братиям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщеславия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. Подумайте, что мы должны воздать ответ за каждое праздное слово[4], тем тягостнее ответ за слово Божие, произнесенное с тщеславием и по побуждению тщеславия. *Потребит Господь вся устны льсти-*

---

[1] *Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне* (Ин. 5. 39). || [2] *А все, что писано было прежде, написано нам в наставление* (Рим. 15. 4). Предисловие к Уставу, или Преданию. || [3] Преподобного Нила Сорского Предание. Не лишним будет заметить здесь, что преподобный Нил Сорский хотя имел благодать Божию, но не дерзал объяснять Писания самопроизвольно, а последовал объяснению, сделанному Отцами. Путь смиренномудрия есть единственный верный путь ко спасению. || [4] Мф. 12. 36.

выя, язык велеречивый, рекшыя: язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть[1]. Потребит Господь ищущих славы своей, а не Божией. Устрашимся прещения Господня! Будем произносить слово назидания по требованию существенной необходимости, не как наставники, а как нуждающиеся в наставлении и тщащиеся соделаться причастниками наставления, преподаемого Богом в Его всесвятом Слове. *Кийждо якоже прият дарование,* говорит святой апостол Петр, *между себе сим служаще, яко добрии строители различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, яко словеса Божия,* со страхом Божиим и благоговением к словам Божиим, а не как свои собственные слова; *аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог,* а не как бы из своей собственной: *да о всем славится Бог Иисус Христом*[2]. Действующий из себя действует для тщеславия, приносит и себя и послушающих его в жертву сатане: действующий из Господа действует в славу Господа, совершает свое спасение и спасение ближних Господом, единым Спасителем человеков. Будем страшиться преподания новоначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на Слове Божием и на духовном разумении Слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковерного новоначального из раба Божия в раба человеческого[3], привлекши его к творению падшей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией[4]. Скромное отношение советника к наставляемому — совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и неисполнен. На советнике не лежит никакой ответственности за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизвольно, а будучи спрошен и понужден. Также и получивший совет не связывается им; на произволе и рассуждении его остается исполнить

[1] *Истребит Господь все уста льстивые, язык велеречивый, **тех**, которые говорят: «языком нашим пересилим, уста наши с нами: кто нам господин»?* (Пс. 11. 4, 5). ‖ [2] *...Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Говорит ли кто, **говори** как слова Божии; служит ли кто, **служи** по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа* (1 Пет. 4. 10, 11). ‖ [3] 1 Кор. 7. 23. ‖ [4] Здесь говорится не о наружном послушании монастырском, не о трудах и занятиях монастырских, назначаемых монастырским начальством, но о послушании нравственном, сокровенном, совершаемом в душе.

или не исполнить полученный совет. Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем. Заметим, что Отцы воспрещают давать совет ближнему по собственному побуждению, без вопрошения ближнего: самовольное преподание совета есть признак сознания за собою ведения и достоинства духовных, в чем — явная гордость и самообольщение[1]. Это не относится к настоятелям и начальникам, которые обязаны во всякое время, при всякой встретившейся нужде, и не будучи спрошены, наставлять врученное им братство[2]. Но при посещении других монастырей они должны руководствоваться советом преподобного Макария Александрийского преподобному Пахомию Великому. Пахомий спросил Макария о наставлении братии и суде над ними. Авва Макарий отвечал: «Учи и суди своих подчиненных и не суди никого из посторонних»[3]. Это правило соблюдали и соблюдают все настоятели, желающие благоугодить Богу.

Глава 14
Цель монашеского жительства заключается в изучении воли Божией, в усвоении ее себе, в покорности ей

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божиею, освятить этим соединением. Воля наша, в состоянии падения, враждебна воле Божией; она по слепоте своей и по состоянию вражды к Богу постоянно усиливается противодействовать воле Божией. Когда усилия ее останутся безуспешными, она приводит человека в раздражение, в негодование, в смущение, в огорчение, в уныние, в ропот, в хулу, в отчаяние. В отречении от своей воли для наследования воли Божией заключается отречение от себя, заповеданное Спасителем, составляющее необходимое условие спасения и христианского совершенства, столько необходимое, что без удовлетворения этому условию спасение невозможно, тем более невозможно христианское совершенство. *Живот — в воли Его,* сказал Пророк[4].

---

[1] Мнение священномученика Петра, митрополита Дамасского, и других Отцов. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [2] 2 Тим. 4. 1. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о авве Макарии Городском, гл. 2. ‖ [4] Пс. 29. 6.

Чтоб исполнить волю Божию, нужно знать ее. Только при этом познании возможно отвержение своей поврежденной воли и исцеление ее волею Божиею. Воля Божия — Божественная тайна. *Божия никтоже весть,* говорит Апостол, *точию Дух Божий*[1]. Следовательно, доставление человекам познания воли Божией может совершиться единственно при посредстве Божественного откровения. *Научи мя творити волю Твою,* молился вдохновенный Давид, *яко Ты еси Бог мой. Дух Твой благий наставит мя на землю праву*[2]. *Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего. Не скрый от мене заповеди Твоя*[3]. Воля Божия открыта человечеству в Законе Божием, преимущественно же, с особенною точностию и подробностию, она объявлена нам вочеловечившимся Словом Божиим. Как превысшая постижения, она приемлется верою. *Снидох с небесе,* сказал Спаситель, *не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю от него, но воскрешу е в последний день. Се же есть воля Пославшаго Мя, да всяк, видяй Сына и веруяй в Него, имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день*[4]. *Аз от Себе не глаголах, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть*[5]. Изучение воли Божией — труд, исполненный радости, исполненный духовного утешения, вместе труд, сопряженный с великими скорбями, горестями, искушениями, с самоотвержением, с умерщвлением падшего естества, с спасительным погублением души. Он сопряжен с распятием ветхого человека[6]. Он требует, чтоб плотское мудрование было отвергнуто, попрано, уничтожено: *преобразуйтеся обновлением ума вашего,* говорит Апостол, *во еже искушати вам,*

---

[1] *...Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор. 2. 11). ‖ [2] *Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой; Дух Твой благий да ведет меня в землю правды* (Пс. 142. 10). ‖ [3] *Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего. ...Не скрывай от меня заповедей Твоих* (Пс. 118. 18, 19). ‖ [4] *Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6. 38–40). ‖ [5] *Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная* (Ин. 12. 49, 50). ‖ [6] Гал. 5. 24; Кол. 3. 9, 10.

что есть воля Божия благая и угодная и совершенная[1]. С такою определенностию Сын Божий явил человекам волю Божию, с такими существенными последствиями Он совокупил это явление воли Божией, что Священное Писание именует Его *исповедавшим Бога*[2], то есть открывшим в той полноте, в какой способно человечество приять, способно приять не само собою, но действием преизобильным Божественной благодати. Такое же значение имеют слова Господа: *Явих имя Твое человеком*[3], *сказах им имя Твое, и скажу, да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них*[4]. Явление имени Того, Кто превыше всякого имени, есть совершеннейшее познание Того, Кто превыше всякого познания. Высшее познание, являющееся от освящения человека Божественною волею, вводит в Божественную любовь, в соединение человека с Богом.

Одни из евангельских заповедей научают нас *действовать* богоугодно; другие научают *вести* себя богоугодно при постороннем действии на нас. Изучение второго труднее, нежели изучение первого; но и первое тогда поймется удовлетворительно, когда душа изучит и примет второе. Необходимо уверить себя, что Бог управляет участию мира и участию каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия. Следствие принятия верою этого учения — смиренная покорность Богу, отступление смущения, мир души, сила мужества. Кто таким образом примет учение Евангелия, тот *восприимет щит веры, в немже возможет вся стрелы лукаваго разжженныя угасити*[5]. Эта вера называется святыми Отцами *деятельною*, в отличие от *догматической*[6]. Она является в человеке от исполнения евангельских заповедей, возрастает по мере исполнения их, увядает и уничтожается по мере пренебрежения ими, преобразуется, в свое время, по осенении благодатию, в живую веру, исполняет христианина духовною силою, которою святые Божии *победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную,*

---

[1] *И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12. 2). ‖ [2] Ин. 1. 18. ‖ [3] *Я открыл имя Твое человекам* (Ин. 17. 6). Смотри объяснение блаженного Феофилакта Болгарского. ‖ [4] *И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17. 26). Смотри объяснение блаженного Феофилакта Болгарского. [5] *...возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого* (Еф. 6. 16). [6] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 16. Добротолюбие. Ч. 2.

избегоша острея меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих[1]. Необходимо благоговеть пред непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных. *Смиритеся,* увещевает святой апостол Петр, *под крепкую руку Божию, всю печаль вашу возвергше Нань, яко Той печется о вас*[2]. Смиряться подобает по тому превосходному образцу, который представляется нам Священным Писанием в молитве трех святых отроков, подвергшихся в Вавилоне тяжкому испытанию за верность свою Богу и признавших все попущения Божии последствиями праведного Суда Божия[3]. *Нужда есть приити соблазном,* определил Господь[4]; предвозвестив страшные бедствия, долженствующие постигнуть верующих в Него и все человечество, Он сказал: *зрите, не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти*[5]. Если так, то мы не имеем ни права, ни возможности сказать или помыслить что-либо против определения, произнесенного всеблагим, премудрым, всемогущим Богом. *Предани будете,* предвозвестил нам Господь, *и родители и братиею и родом и други, и умертвят от вас: и будете ненавидими от всех имене Моего ради*[6]. *Всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу. В мире скорбни будете: но дерзайте, яко Аз победих мир*[7]. Изобразив и предвозвестив положение истинных христиан на время их земной жизни, положение, предназначенное им Богом, Господь присовокупил: *И влас главы вашей не погибнет*[8]. Это значит: о вас неусыпно будет промышлять Бог: Он будет неусыпно бдеть над вами, содержать вас во всемогущей деснице Своей, и потому, что ни случится с вами скорбное, случится не иначе, как по Его попущению, по Его всесвятой воле, для вашего спасения. Наставление ученикам

[1] *...побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих* (Евр. 11. 33, 34). || [2] *...смиритесь под крепкую руку Божию... Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5. 6, 7). || [3] Дан. гл. 3. || [4] *...ибо надобно придти соблазнам* (Мф. 18. 7). || [5] *Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть* (Мф. 24. 6). || [6] *Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое* (Лк. 21. 16, 17). || [7] *...всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16. 2, 33). || [8] *...но и волос с головы вашей не пропадет* (Лк. 21. 18).

по отношению в напастям земной жизни, долженствующим постигать их, Господь заключил решительною и определенною заповедию: *В терпении вашем стяжите душы ваша*[1]. Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно, с самоотвержением покоритесь и предайтесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение. Известится оно душе тем миром, который оно принесет в душу. Замрет в устах всякое слово против судеб Божиих, умолкнет всякая мысль пред величием воли Божией, как сказал о себе и о своих товарищах святой евангелист Лука: *умолчахом, рекше: воля Господня да будет*[2]. Надо знать, что всякий помысл, являющийся с свойством противоречия и противодействия судьбам Божиим, исходит от сатаны, и есть его исчадие. Такой помысл, как богопротивный, должно отвергать при самом появлении его. Пример этого подал нам Господь. Когда Он поведал ученикам о предстоящих Ему страданиях и насильственной смерти, тогда апостол Петр, движимый состраданием по свойству ветхого человека, *начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи: не имать быти Тебе сие.* Господь отвечал Петру, обличая начало выраженной им мысли: *иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*[3]. Отчего возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога; оттого, что мы не покорились Богу как Богу; оттого, что мы не дали себе должного места пред Богом; от нашей гордости, от нашей слепоты: оттого, что падшая, поврежденная, извращенная воля наша не уничтожена и не отвергнута нами. *Тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя. Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научитимися судьбам правды Твоея*[4]. *Ты еси Бог Спас мой, и Тебе терпех весь день*[5], перенося благодушно в течение всей земной жизни моей все скорби, какие благоугодно Тебе попускать мне во спасение мое. Святой Иоанн Лествичник определяет дар *духовного рассуждения,* который ниспосылается от Бога

[1] *...терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19). ‖ [2] *...успокоились, сказав: да будет воля Господня* (Деян. 21. 14). ‖ [3] *...начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! ... Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16. 22, 23). ‖ [4] *Тогда я не постыдился бы, взирая на все заповеди Твои: я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей* (Пс. 118. 6, 7). ‖ [5] *...Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день* (Пс. 24. 5).

исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиренномудрия, следующим образом: «рассуждение, в обширном смысле, состоит и познается в непогрешительном постижении Божественной воли во всяком времени, месте и деле, что свойственно одним чистым по сердцу, телу и устам»[1].

Глава 15
Любовь к ближнему служит средством достижения любви к Богу

Спаситель мира совокупил все частные Свои заповедания в две главные, общие заповеди: *Возлюбиши Господа Бога твоего,* сказал Он, *всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслею твоею: сия есть первая и болшая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе. В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят*[2]. Хотя заповедь о любви к Богу столько возвышеннее заповеди о любви к образу Божию — человеку, сколько Бог возвышеннее Своего образа, однако заповедь о любви к ближнему служит основанием заповеди о любви к Богу. Кто не положил основания, тот тщетно трудится о построении здания: оно никак не может устоять, не имея основания. Любовию к ближнему мы входим в любовь к Богу. Любовь к Богу христианина есть любовь ко Христу[3], а любовь к ближнему есть любовь ко Христу в ближнем: полюбив ближнего, полюбив его о Господе, то есть по заповедям Господа, мы стяжеваем любовь ко Христу, а любовь ко Христу есть любовь к Богу. Союз любви к Богу с любовию к ближнему превосходно изложен в Посланиях святого апостола евангелиста Иоанна Богослова. Невозможно возлюбить Бога, по учению Богослова, не возлюбив прежде брата. Любовь же к брату заключается в исполнении относительно его заповедей Господа[4]. То же учение возвещается и святыми наставниками монашества. Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближнего зависит и жизнь и смерть (души). Приобретая брата, приобретаем Бога; соблазняя брата, грешим против Христа»[5]. Преподоб-

---

[1] Лествица. Слово 26. ‖ [2] *...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22. 37–40). ‖ [3] 1 Ин. 2. 23. ‖ [4] 2 Ин. 1. 6. ‖ [5] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, гл. 9.

ный Иоанн Колов, один из величайших Отцов Египетского Скита, сказал: «Нет возможности выстроить дом, начав сверху, но надо начать постройку с основания, и возводить к верху». Его спросили: «Что значит основание?» Он отвечал: «Основание есть ближний наш: мы должны приобретать его и начинать с него. На нем основываются все заповеди Христовы»[1]. Преподобный Марк Подвижник: «Невозможно иначе спастись, как чрез ближнего»[2]. Согласно этому рассуждают и научают все святые Отцы; это — общее христианское учение, учение Церкви, учение Христово. — Обрати все внимание на стяжание любви к ближнему твоему, как на основание твоего жительства и монашеского подвига. Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, — отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! действия ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом, как жертва осквернённая; плоды действий душепагубны, убийственны. Следующим образом возлюби ближнего: не гневайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бранных, насмешливых, колких слов; сохраняй с ним мир по возможности своей; смиряйся пред ним; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всем, в чем можно уступить ему, уступай; отучись от прекословия и спора, отвергни их, как знамение гордыни и самолюбия; говори хорошо о злословящих тебя; плати добром за зло; молись за тех, которые устраивают тебе различные оскорбления, обиды, напасти, гонения[3]. Никак, ни под каким предлогом, не осуждай никого, даже не суди ни о ком, хорош ли он или худ, имея пред глазами того одного худого человека, за которого ты должен отвечать пред Богом, — себя. Поступай относительно ближних так, как бы ты желал, чтоб было поступлено относительно тебя[4]. Отпускай и прощай из глубины сердца человекам согрешения их против тебя, чтоб и Отец Небесный простил тебе твои бесчисленные согрешения, твой страшный греховный долг, могущий тебя низвергнуть и заключить навечно в адские темницы[5]. Не стяжи пристрастия, в особенности блудной страсти к ближнему твоему; под именем ближнего разумеется не только мужеский, но и женский пол. Если же, устреленный стрелою врага, как-нибудь неожиданно заразишься ими,

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, гл. 37. ‖ [2] Слово 6 О рае и духовном законе. ‖ [3] Мф. 5. 21–28. ‖ [4] Мф. 7. 1–12. ‖ [5] Мф. 18. 23–35.

то не унывай, зная, что мы в себе самих носим способность заражаться всякими страстями, что это случалось и с великими святыми; приложи все старание уврачевать себя. Наконец: не повреждай брата своего многословием, пустословием, близким знакомством и свободным обращением с ним. Ведя себя так по отношению к ближнему ты окажешь и стяжешь к нему заповеданнную Богом и Богу угодную любовь; ею отворишь себе вход к любви Божией. Святой Симеон Новый Богослов сказал: «Особенной любви с каким-либо лицом да не стяжешь, особливо с новоначальным, хотя бы тебе и показалось, что это лицо жития весьма хорошего, а не зазорного. Ибо по большей части духовная любовь прелагается в страстную, и впадешь в бесполезные скорби. Это наиболее случается с подвизающимися. Тебе должно вменять себя странным по отношению ко всякому брату в общежитии, в особенности по отношению к тем, с которыми ты был знаком в мире, а всех любить равно»[1]. Святой Исаак: «Любовь к юным есть блуд, которым гнушается Бог. Для этой раны нет пластыря. Любящий же всех равно по милосердию и без различия достиг совершенства. Юный, последуя за юным, приводит рассудительных к плачу и рыданию о них. Старец же, последующий юному, стяжал страсть, которая смраднее страсти юных; хотя бы он беседовал с ними и о добродетели, но сердце его уязвлено»[2].

Глава 16
Смирение пред ближним служит средством достижения любви к ближнему

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение пред ним. Ненависти к ближнему предшествует осуждение его, уничижение, злословие, презрение к нему, иначе гордость. Святые иноки постоянно помнили слова Христовы: *Аминь глаголю вам; еже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе*[3]. Не входили они в рассматривание, достоин ли ближний уважения или нет; не обращали они внимания на множество и очевидность его недостатков: внимание их обращено было на то, чтоб не скрылось от них каким-нибудь образом понятие, что ближний есть образ Божий, что поступки наши относительно ближнего Христос

[1] Главы 125, 126. Добротолюбие. Ч. 1. || [2] Слово 8. || [3] *...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25. 40).

принимает так, как бы они совершены были относительно Его. Ненавидит такое понятие гордый падший ангел и употребляет все меры, чтоб незаметным образом похитить его у христианина. Несродно это понятие плотскому и душевному мудрованию падшего человеческого естества, и нужно особенное внимание, чтоб удержать его в памяти. Нужен значительный душевный подвиг, нужно содействие Божественной благодати, чтоб усвоить это понятие сердцу, поврежденному грехом, чтоб иметь его непрестанно в памяти при сношениях с братиею. Когда же это понятие, по милости Божией, усвоится нам, тогда оно сделается источником чистейшей любви к ближним, любви ко всем одинаковой. Причина такой любви одна — Христос, почитаемый и любимый в каждом ближнем. Это понятие соделывается источником сладостнейшего умиления, теплейшей, неразвлеченной, сосредоточеннейшей молитвы. Преподобный авва Дорофей говаривал ученику своему, преподобному Досифею, по временам побеждавшемуся гневом: «Досифей! ты гневаешься, и не стыдишься, что гневаешься, и обижаешь брата своего? разве ты не знаешь, что он — Христос, и что ты оскорбляешь Христа?»[1] Преподобный великий Аполлос часто говаривал ученикам своим о принятии приходивших к нему странных братий, что подобает воздавать им почтение земным поклонением: кланяясь им, мы кланяемся не им, но Богу. «Увидел ли ты брата твоего? ты увидел Господа Бога твоего. Это, — говорил он, — мы прияли от Авраама[2], а тому, что должно братию успокоить (приютить, оказать гостеприимство), научились от Лота, понудившего (уговорившего) Ангелов ночевать в его доме»[3]. Такой образ мыслей и поведения был усвоен всеми иноками Египта, первейшими во всем мире по иноческому преуспеянию и дарованиям Святого Духа. Эти иноки удостоились быть предусмотрены и предвозвещены Пророком: *приидут молитвенницы от Египта,* предсказал святой Давид о иноках Египта[4]. Преподобный Кассиан Римлянин, церковный писатель IV века, повествует следующее: «Когда мы (преподобный Кассиан и друг его о Господе преподобный Герман), желая изучить постановления старцев, прибыли из стран Сирийских в область — Египет, — то приходили в удивление, что там принимали нас с необыкновенным радушием, причем никогда не соблюдалось правило для употребления пищи, для чего

[1] В книге Поучений преподобного аввы Дорофея Сказание о преподобном Досифее. || [2] Быт. 18. || [3] Быт. 19. Лавсаик и Алфавитный патерик. || [4] Пс. 116. 32.

назначен известный час, в противность тому, как мы были приобучены в палестинских монастырях. Куда мы ни приходили, разрешалось установленное пощение того дня, за исключением узаконенного (Церковию) поста в среды и пятки. Мы спросили одного из старцев: «По какой причине у них упущается без различия ежедневное пощение?» — Он отвечал: «Пост всегда со мною; но вас я должен сряду отпустить, и не могу всегда иметь при себе. Хотя пост полезен и постоянно нужен, однако он дар и жертва произвольная, а исполнение делом любви есть непременный долг, требуемый заповедию. Принимая в лице вашем Христа, я должен оказать Ему всеусердное гостеприимство; проводив же вас, по оказании любви, которой причина — Он, могу вознаградить разрешение усиленным постом, наедине». *Не могут сынове брачныя, дондеже жених с ними есть, поститися. Егда же отыметься от них жених, тогда постятся законно*»[1]. Живя в монастыре с братиею, признавай себя одного грешником, а всех братий, без исключения, Ангелами. Всем отдавай предпочтение пред собою. Когда ближнего твоего предпочитают тебе, радуйся этому и одобряй это, как деяние самое справедливое. Ты удобно достигнешь такого душевного настроения, если будешь удаляться от близкого знакомства и от свободного обращения. Напротив того, позволяя себе близкое знакомство и свободное обращение, никогда не удостоишься придти в устроение святых, не удостоишься сказать от искреннего сознания, сказать с апостолом Павлом: *Христос Иисус приide в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз*[2]. — По причине смирения пред ближним и по причине любви к ближнему отступает от сердца ожесточение. Оно отваливается, как тяжелый камень от входа в гроб, и сердце оживает для духовных отношений к Богу, для которых оно доселе было мертво. Взорам ума открывается новое зрелище: многочисленные греховные язвы, которыми преисполнено все падшее человеческое естество. Он начинает исповедывать свое бедственное состояние пред Богом и умолять Его о помиловании. Уму содействует сердце плачем и умилением. Таково начало истинной молитвы. Напротив того, молитву памято-

[1] *...можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни* (Лк. 5. 34, 35). Преподобного Кассиана кн. 5. О чревообъядении, гл. 24. ‖ [2] *...Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1. 15).

злобного святой Исаак Сирский уподобляет посеву на камне[1]. Тоже должно сказать и о молитве осуждающего и презирающего ближних. Молитве гордого и гневливого не только не внимает Бог, но и попускает молящемуся в таком душевном устроении различные унизительнейшие искушения, чтоб, ударяемый и угнетаемый ими, он прибег к смирению пред ближним и к любви ближнего. Молитва есть деятельное выражение любви инока к Богу[2].

Глава 17
О молитве

Молитва, будучи дщерию исполнения евангельских заповедей, есть вместе и мать всех добродетелей, по общему мнению святых Отцов[3]. Молитва рождает добродетели от соединения духа человеческого с Духом Господа. Добродетели, рождающие молитву, различествуют от добродетелей, рождаемых молитвою: первые — душевны, вторые — духовны. Молитва есть по преимуществу исполнение первой и главнейшей заповеди из тех двух заповедей, в которых сосредоточиваются закон, Пророки и Евангелие[4]. Невозможно человеку устремиться всем помышлением, всею крепостию своею, всем существом своим к Богу, иначе, как при действии молитвы, когда она воскреснет из мертвых[5] и оживится, как бы душою, силою благодати. Молитва есть зерцало иноческого преуспеяния[6]. Рассматривая молитву свою, инок познает, достиг ли он спасения, или еще бедствует в волнующемся страстном море, вне священной пристани. К такому познанию он имеет руководителем Боговдохновенного Давида, который, молитвенно беседуя к Богу, сказал так: *В сем познах, яко восхотел мя еси, яко не возрадуется враг мой о мне. Мене же за незлобие приял, и утвердил мя еси пред Тобою в век*[7]. Это значит: узнал я, Господи, что Ты меня помиловал и усвоил Себе, по постоянному победоносному отвержению мною, силою молитвы моей, всех вражеских помыслов, мечтаний и ощущений. Эта милость Божия к человеку является тогда, когда человек ощутит милость ко всем ближним своим и простит

[1] Слово 89. || [2] Лествица. Слово 28, гл. 33. || [3] Преподобного Макария Великого Слово 3, гл. 1. || [4] Мф. 22. 37–40. || [5] Выражение это принадлежит святому Иоанну Лествичнику. Слово 28. || [6] Лествица. Слово 28, гл. 34. || [7] *Из того узнаю, что Ты благоволишь ко мне, если враг мой не восторжествует надо мною, а меня сохранишь в целости моей и поставишь пред лицем Твоим на веки* (Пс. 40. 12, 13).

всем виновным пред ним[1]. Молитва должна быть главным подвигом инока. В ней должны сосредоточиться и совокупиться все его подвиги; посредством ее инок прилепляется теснейшим образом к Господу, соединяется *во един дух с Господом*[2]. С самого вступления в монастырь необходимо научиться правильной молитве, чтоб преуспеть в ней и посредством ее изработать свое спасение. Правильности молитвы и преуспеянию в ней противодействует наше поврежденное естество и падшие ангелы, усиливающиеся удержать нас в своем порабощении, в падении и отвержении от Бога, общем человекам и падшим ангелам.

Глава 18
О приготовлении к молитве

По важному значению молитвы, пред упражнением ею, нужно приготовление себя к ней. *Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди яко человек искушая Господа*[3]. «Идя предстать пред Царем и Богом и возглаголать с Ним, — говорит святой Иоанн Лествичник, — не без приготовления совершим это, чтоб Он издалека не увидел, что мы не имеем оружия и одежд, потребных для предстояния пред Царем, и не повелел рабам и служителям Своим связать нас и отгнать куда-либо далеко от лица Его, а прошения наши раздрать и бросить нам в лицо»[4]. Первое приготовление состоит в отвержении памятозлобия и осуждения ближних. Это приготовление заповедано Самим Господом. *Егда стоите молящеся,* повелевает Он, *отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших*[5]. Дальнейшим приготовлением служат: отвержение попечений силою веры в Бога, силою покорности и преданности воле Божией, сознание своей греховности и истекающее из этого сознания сокрушение и смирение духа. Одна жертва, принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа. *Аще бы восхотел*

---

[1] Мф. 6. 14, 15; 7. 2; Лк. 6. 37, 38. || [2] *...и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6. 11). || [3] *Прежде, нежели начнешь молиться, приготовь себя, и не будь как человек, искушающий Господа* (Сир. 18. 23). || [4] Слово 28, гл. 4. || [5] *И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших* (Мк. 11. 25, 26).

еси жертвы, дал бых убо, говорит Богу Пророк Его от лица каждого падшего и пребывающего в своем падении человека; но Ты не только какой-либо частной жертвы, телесной или душевной, но и полного *всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[1]. Святой Исаак Сирский повторяет следующее изречение другого святого Отца: «Если кто не признает себя грешником, того молитва неблагоприятна Господу»[2]. Стой на молитве твоей пред невидимым Богом, как бы ты видел Его, и с уверенностию, что Он видит тебя, внимательно смотрит на тебя; стой пред невидимым Богом, как стоит уголовный преступник, уличенный в бесчисленных злодеяниях, приговоренный к казни, пред грозным, нелицеприятным судиею. Точно: ты стоишь пред полновластным Владыкою и Судиею твоим; ты стоишь пред таким Судиею, пред Которым *не оправдится всяк живый*[3], Который всегда побеждает, *внегда судити Ему*[4], Который тогда только не осуждает, когда, по неизреченному человеколюбию Своему, простив человеку согрешения его, не *внидет в суд с рабом Своим*[5]. Ощутив страх Божий, ощутив от действия страха Божия при молитве твоей присутствие Бога, увидишь безвидно, духовно, Невидимого, познаешь, что молитва есть предстояние на Страшном Суде Божием[6]. Стой на молитве с поникшею главою, с устремленными к земле глазами, на обеих ногах равно и неподвижно; споспешествуй молитве плачем сердца, воздыханиями из глубины души, обильными слезами. Наружное благоговейное предстояние на молитве весьма нужно и весьма полезно для всякого подвизающегося подвигом молитвы, особливо для новоначального, в котором расположение души наиболее сообразуется с положением тела. — Апостол заповедует при молитве благодарение: *в молитве терпите,* говорит он, *бодрствующе в ней с благодарением*[7]. Апостол свидетельствует, что благодарение заповедано Самим Богом: *непрестанно молитеся. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас*[8]. Что значит

---

[1] *Ибо жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 18, 19). ‖ [2] Слово 55. ‖ [3] *...не оправдится пред Тобой ни один из живущих* (Пс. 142. 2). ‖ [4] *...чист в суде Твоем* (Пс. 50. 6). ‖ [5] *...не входи в суд с рабом Твоим* (Пс. 142. 2). ‖ [6] Лествица. Слово 28, гл. 1. | [7] *Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением* (Кол. 4. 2); сличи: Флп. 4. 6. | [8] *Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе* (1 Сол. 5. 17, 18).

благодарение? Это — славословие Бога за бесчисленные Его благодеяния, излитые на все человечество и на каждого человека. Таким благодарением вводится в душу чудное спокойствие; вводится радость, несмотря на то, что отвсюду окружают скорби, вводится живая вера, по причине которой человек отвергает все заботы о себе, попирает страх человеческий и бесовский, повергает себя всецело на волю Божию. Такое расположение души есть превосходное приуготовительное расположение для молитвы. *Якоже убо приясте Христа Иисуса, Господа,* говорит Апостол, *такожде в Нем ходите* (жительствуйте), *укоренени и наздани в Нем и извествовани верою, якоже научистеся, избыточествующе в ней благодарением,* то есть при посредстве благодарения приобретая обилие веры. *Радуйтеся всегда о Господе: и паки реку, радуйтеся: Господь близ. Ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу*[1]. Важность умственного подвига — благодарения с особенною подробностию изложена в Руководстве к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

Глава 19
О внимании при молитве

Молитва нуждается в неотлучном соприсутствии и содействии внимания. При внимании молитва составляет неотъемлемую собственность молящегося; при отсутствии внимания она чужда молящемуся. При внимании она приносит обильный плод; без внимания она приносит терние и волчцы. Плод молитвы состоит в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнию Духа; терние и волчцы — это мертвость души, фарисейское самомнение, прозябающее из сердечного ожесточения, довольствующееся и превозносящееся количеством молитвословий и временем, употребленным на произнесение этих молитвословий. — То внимание, которое вполне соблюдает молитву от развлечения, или от посторонних помыслов и мечтаний, есть дар благодати Божией. Ис-

[1] *Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем, будучи укоренены и утверждены в Нем и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением* (Кол. 2. 6, 7). *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом* (Флп. 4. 4–6).

креннее желание получить благодатный дар, душеспасительный дар внимания доказываем принуждением себя ко вниманию при каждой молитве нашей. Искусственное внимание — так назовем наше собственное внимание, еще не осененное благодатию, — состоит в том, чтоб, по совету святого Иоанна Лествичника, заключать ум в слова молитвы. Если ум, по причине новости своей в молитвенном подвиге, выйдет из заключения в слова, то должно опять вводить его в них. Свойственны уму, в его состоянии падения, нестоятельность и расположение парить повсюду. Но Бог может даровать ему непоколебимость, и дарует ее в свое время за постоянство и терпение в подвиге[1]. — Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы. Произноси слова не спеша, чтоб ум мог с большим удобством сохранить заключение свое в словах молитвы, чтоб он не ускользал ни из одного слова ее. — Произноси слова несколько вслух, когда ты молишься наедине: и это способствует сохранению внимания. — Внимательной молитве с особенною удобностию можно и должно приучаться при совершении келейного правила. Возлюбленный брат! не отвергни ига некоторой скуки и некоторого понуждения, приучаясь первоначально к иноческим келейным занятиям, особливо к келейному молитвенному правилу. Запасись благовременно всесильным оружием — молитвою; благовременно научись действовать им. Молитва всемогуща по причине действующего в ней всемогущего Бога. Она — *меч духовный, иже есть глагол Божий*[2]. Молитва, по качеству своему, есть пребывание человека при Боге и соединение человека с Богом; по действию своему она — примирение человека с Богом, мать и дщерь слез, мост, по которому переходят чрез искушения, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, бесконечное делание, источник добродетелей, причина духовных дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, отсечение отчаяния, указание надежды, разрешение печали, богатство монахов[3]. Сначала нужно понуждаться к молитве; вскоре она начнет доставлять утешение, и этим утешением облегчать понуждение, ободрять к понуждению себя. Но к молитве нужно понуждение в течение всей жизни[4], и редкие подвижники избавились, по причине обильнейшего благодат-

[1] Слово 28, гл. 17. || [2] *...меч духовный, который есть Слово Божие* (Еф. 6. 17). || [3] Заимствовано из Лествицы. Слово 28, гл. 1. || [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о авве Агафоне, гл. 9.

ного утешения, от понуждения себя: молитва действует убийственно на нашего ветхого человека; доколе он жив в нас, дотоле противится молитве, как вкушению смерти. Падшие духи, зная силу молитвы и ее благотворное действие, стараются всячески отвлечь от нее подвижника, подучая употреблять время, назначенное для молитвы, на другие дела; или же они стараются уничтожить и осквернить ее суетною и греховною рассеянностию, принося во время совершения ее бесчисленные житейские и греховные помыслы и мечтания.

Глава 20
О келейном правиле

Келейное правило состоит из известного числа поклонов, известного числа молитв и псалмов, из упражнения молитвою Иисусовою. Оно назначается для каждого сообразно силам души и тела. Как эти силы разнообразны в человеках до бесконечности, то и правило предлагается подвижникам в самых различных формах. Общий устав для молитвенного правила заключается в том, чтоб оно никак не превышало сил подвижника, не истощало этих сил, не расстраивало здоровья, и этим не принудило подвижника отказаться от всякого правила. Оставление молитвенного правила обыкновенно бывает следствием правила, принятого или возложенного превыше сил. Напротив того, умеренное, благоразумное правило остается достоянием инока на всю его жизнь, к концу жизни развивается и умножается как бы естественно, принимая, и по наружности и по внутреннему достоинству, характер, соответствующий преуспеянию. От крепкого и здорового тела требуется при совершении правила большого числа поклонов и большого количества молитвословий, а от слабого тела — меньшего. Тела человеческие так различествуют между собою по отношению к крепости, что иные утомляются от 30 земных поклонов более, нежели другие от 300.

Глава 21
О поклонах

Поклоны разделяются на земные и поясные; полагаются обыкновенно на вечернем правиле, пред упокоением сном. Лучше всего положить поклоны прежде чтения вечерних молитв, то есть поклонами начинать правило. От поклонов тело

несколько утомится и согреется, а сердце придет в состояние сокрушения: из такого состояния подвижник усерднее, теплее, внимательнее помолится. Ощутится совсем другой вкус в молитвах, когда они будут читаться после поклонов. Поклоны надо полагать весьма неспешно, одушевив этот телесный подвиг плачем сердца и молитвенным воплем ума. Желая начать коленопреклонения, дай телу твоему самое благоговейное положение, какое должно иметь рабу и созданию Божию в присутствии Господа Бога его. Потом собери мысли от скитания повсюду и с крайнею неспешностию, вслух лишь самому себе, заключая ум в слова, произнеси от сердца сокрушенного и смиренного молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго.* Произнесши молитву, сотвори неспешно земной поклон, с благоговением и страхом Божиим, без разгорячения, с чувством кающегося и умоляющего о прощении грешника, как бы к ногам Самого Господа Иисуса Христа. Не представь себе в воображении образа или изображения Господня, но имей убеждение в его присутствии; имей убеждение в том, что Он смотрит на тебя, на твой ум и сердце, и что воздаяние Его — в руке Его: первое — непозволительная мечта, ведущая к гибельному самообольщению, а убеждение в присутствии вездесущего Бога есть убеждение во всесвятой истине[1]. Положив земной поклон, опять приведи тело в благоговение и спокойствие и опять произнеси неспешно вышеуказанную молитву; произнесши ее, опять положи поклон вышесказанным образом. Не заботься о количестве поклонов: все внимание обрати на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями. Не говоря о действии на дух, на самое тело гораздо сильнее подействует небольшое число поклонов, исполненных вышесказанным образом, нежели большое, исполненное наскоро, без внимания, для счета. Опыт не замедлит доказать это. Утрудившись от коленопреклонений, перейди к поясным поклонам. Мера поясного поклона определяется тем, когда при исполнении его опущенная рука прикоснется земле или полу.

[1] Святые Отцы говорят: «Никогда не прими, если б ты увидел что-либо чувственное или мысленное, вне или внутри тебя: будет ли это вид Христа, или Ангела, или какого святого, или мечтательное изображение света в уме. Пребывай не веруя этому и не благоволя о этом. Непрестанно блюди ум твой необразным, незапечатленным чем-либо при посредстве воображения, безвидным, внимая единственно словам молитвы». Добротолюбие. Ч. 2. Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве, гл. 75.

Вменив себе в непременную обязанность при совершении поклонов обильное душевное делание, состоящее из внимательности, неспешности, благоговения, намерения принести Богу покаяние, подвижник усмотрит в течение непродолжительного времени, какое количество поклонов выносит его телосложение. Исключив из этого числа несколько поклонов в видах немощи своей и снисхождения себе, из остального числа поклонов он может установить для себя ежедневное правило, и, испросив на него благословение духовника или настоятеля, или кого из иноков, к которому имеет доверенность и с которым советуется, может отправлять такое правило ежедневно. — Для душеназидания возлюбленных братий наших не умолчим о нижеследующем: поклоны, совершаемые для числа, не одушевленные правильным умным и сердечным деланием, более вредны, нежели полезны. Подвижник, исполнив их, начинает радоваться. Вот, говорит он сам себе, подобно упоминаемому в Евангелии фарисею, и сегодня Бог сподобил положить (примерно) триста поклонов! Слава Богу! Легкое ли дело? в нынешние времена триста поклонов! кто ныне несет такое правило? и так далее. Надо припомнить, что поклоны согревают кровь, а согретая кровь чрезвычайно способствует к возбуждению умственной деятельности; пришедши в такое расположение, бедный подвижник, единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном душевном делании, предается душевредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам и мечтаниям, опирающимся на его подвиг, при посредстве которого он думает преуспеть; подвижник услаждается этими помыслами и мечтаниями, не может довольно насытиться ими, усвояет их себе, насаждает в себя гибельную страсть самомнения. Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних и в явном расположении поучать их. Очевидно, что такое расположение есть признак гордости и самообольщения: если б инок не счел себя выше ближнего, он никак не дерзнул бы учить его. Таков плод всякого телесного подвига, если он не одушевлен намерением покаяния и не имеет целию одно покаяние, если подвигу самому по себе дается цена. Истинное иноческое преуспеяние заключается в том, когда инок увидит себя грешнейшим из всех человеков. «Брат сказал преподобному Сисою Великому: «Я вижу, что мысль моя находится постоянно при Боге». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя находится непрестанно при Боге; велико то,

когда инок увидит себя под всякою тварию»[1]. Таков был образ мыслей истинных служителей Бога, истинных иноков: он образовался в них от правильного душевного делания. При правильном душевном делании и телесный подвиг имеет огромное значение, будучи выражением покаяния и смирения действиями тела. *Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя*[2], молитвенно вопиет к Богу святой Давид, соединявший в благочестивом подвиге своем телесный труд с глубоким покаянием и с глубоким смиренномудрием.

Глава 22
О применении келейного правила к монастырскому правилу

В некоторых Российских обителях, в весьма немногих, следующих уставу Саровской пустыни, отправляется вечернее правило в церкви с поклонами; в некоторых общежительных монастырях отправляется правило без поклонов; в большей части монастырей вечернее правило предоставляется на произвол братства, отправляется желающими в келлиях. В Саровской пустыне и других обителях, следующих ее уставу, труды так значительны, что едва ли кто из братства может сверх церковного правила совершать и келейное. Но иные бывают очень сильны телом, и телесные труды даже Саровской пустыни и Валаамского монастыря недостаточны для утомления их тела, изобилующего крепостию. Для тех, которые избыточествуют силою или живут в обителях, в которых правило не соединено с поклонами, или и вовсе нет общего вечернего правила, предлагаем следующий убогий совет: вечернее правило надо совершать, применяясь к правилу, преподанному Ангелом преподобному Пахомию Великому. Применяясь: потому что в настоящее время, и по слабости нашей и по уставам, общепринятым в наших монастырях, нам невозможно исполнять вполне и в точности правило, преподанное Ангелом сообразно древнему быту иноков. Сказанным не должно смущаться. И наше монастырское отечественное чиноположение благословенно Свыше: оно соответствует нашей немощи и нашему времени. Соображаясь с тем, как законополагает правило, преподанное Ангелом[3], можно дать своему келейному правилу следующий порядок: «Сла-

[1] Алфавитный патерик. || [2] *Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои* (Пс. 24. 18). || [3] Каноник. Издание святой Киево-Печерской Лавры.

ва Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный, Трисвятое, Отче наш, 12 Господи помилуй, Приидите поклонимся, Псалом 50, Символ веры; затем молитва Иисусова: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*». Иные при этой молитве полагают 20 поклонов земных и 20 поясных, иные — 30 поклонов земных и столько же поясных, другие 40 поклонов земных и столько же поясных, и так далее. Полезно присовокуплять несколько земных и поясных поклонов с молитвою Божией Матери: *Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси меня грешнаго*. По совершении положенного числа коленопреклонений и поясных поклонов никак не должно оставаться в праздности, не должно предоставлять уму и сердцу свободы уклониться безразборчиво в помышления и чувствования какие бы то ни было; должно немедленно переходить к молитвословию или молитве Иисусовой. Совершив телесный подвиг, согрев им тело и кровь, подвижник получает, как выше сказано, особенное расположение к душевному деланию, и, если не дать немедленно же душе делания правильного и спасительного, то она легко может обратиться к деланию неправильному и пагубному, к размышлениям и мечтаниям пустым и вредным. Надо хранить со тщанием и употреблять с пользою плод, приобретенный правильным телесным подвигом. Невидимые враги и тати не дремлют! самое падшее естество наше не замедлит дать из себя сродные ему плевелы. Приобретенные при молитве с поклонами чистоту, живость ума и умиление сердца должно тотчас употребить для молитвы без поклонов, неспешно и тихо произносимой устами, вслух себе, при заключении ума в слова молитвы, при сочувствии сердца словам молитвы.

В обителях, где вечернее правило не отправляется в церкви, а отправляется по келлиям, должно прочитывать после поклонов *молитвы на сон грядущим*. Производящие и чувствующие себя довольно сильными читают сверх того акафисты, каноны, псалтирь и помянник. Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а в том, чтоб прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца, и оставило на душе глубокое и сильное впечатление[1]. Количество молитвословий, нужных для правила, узнается так же, как и количество поклонов. Прочитай с должным вниманием и неспешностию некоторые молитвословия, которые ты считаешь особенно питающими твою

[1] Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1.

душу: заметив, сколько нужно времени для чтения их, и сообразив, сколько времени ты можешь отделить на молитвословие, иначе на псалмопение, составь для себя приличествующее келейное молитвенное правило. На новоначальных очень полезно действует чтение акафистов Сладчайшему Иисусу и Божией Матери, а на преуспевших и ощутивших уже некоторое просвещение ума — чтение Псалтири. Для внимательного прочтения одной кафизмы нужно времени около 20 минут. Святые Отцы совершали молитвенное чтение псалмов и прочих молитвословий с такою неспешностию, необходимою для внимания и для заключения ума в слова молитвы, что они это чтение назвали псалмопением. Псалмопение — отнюдь не пение по гласам или по нотам, но крайне неспешное чтение, протяжностию своею подходящее к пению.

В тех обителях, где вечернее правило совершается в церкви без поклонов, должно в келлии, по исполнении правила с поклонами, заняться уже не псалмопением, а молитвою, никак не попустив себе развлечься суетными и душевредными помыслами и мечтаниями. Те иноки, которые, по каким-нибудь обстоятельствам, принуждены бывают часто пребывать в келлии безвыходно, совершают правило с поклонами, восстав от сна, пред утренними молитвами, по причине вышеобъясненного благотворного действия поклонов на тело и душу.

Глава 23
О молитве Иисусовой

Собственно молитвою святые Отцы называют молитву Иисусову, которая произносится так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго.* Святой Иоанн Лествичник говорит о безмолвствующих, что «одни из них поют, и большую часть своего времени проводят в этом (пении), а другие претерпевают в молитве»: под именем пения здесь надо понимать молитвенное чтение псалмов (тогда еще не было других молитвословий, употребляемых ныне), а под именем молитвы — молитву Иисусову[1]. То же значение имеют и следующие слова того же святого: «Ночью большую часть времени отдавай молитве, а меньшую псалмопению»[2]. Так объясняют значение слов *молитва* и *псалмопение* в творении святого Иоанна Лествичника, Лествице, позднейшие его великие подвижники и наставники монашества, преподоб-

[1] Слово 27, гл. 33. || [2] Слово 27, гл. 77.

ные Симеон Новый Богослов[1] и Григорий Синаит[2]. Молитва Иисусова разделяется на два вида: на *устную* и *умную*. Подвижник переходит от устной молитвы к умной сам собою, при условии: когда устная молитва — внимательна. Сперва должно обучиться устно молитве Иисусовой. Исполняется Иисусова молитва стоя; при изнеможении же сил — сидя и даже лежа. Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа. Хотя эти условия необходимы при всякой молитве, но удобнее сохраняются и более требуются при совершении молитвы Иисусовой. При псалмопении разнообразие мыслей, в которые облечена молитва, невольно привлекает к себе внимание ума и доставляет ему некоторое развлечение. Но при молитве Иисусовой ум сосредоточивается в одну мысль: в мысль о помиловании грешника Иисусом. Делание по наружности самое сухое, но на опыте оно оказывается самым многоплодным из всех душевных деланий. Сила и достоинство доставляются ему всесильным, всесвятым именем Господа Иисуса Христа. Пророк, пророчествуя о Богочеловеке, предвозвестил: *Всяк, иже призовет имя Господне, спасется*[3]. Слова Пророка повторяет святой апостол Павел[4]: *аще исповеси усты твоими,* говорит он, *Господа Иисуса и веруеши в сердце твоем, яко Бог того воздвиже из мертвых, спасешися*[5]. Святой апостол Петр, по исцелении хромого от рождения именем Господа Иисуса Христа, засвидетельствовал пред иудейским Синедрионом нижеследующее: *Князи людстии и старцы Израилевы! аще мы* (святые апостолы Петр и Иоанн) *днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна,* о *чесом сей спасеся, разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав. Несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам*[6]. Употребление всесвятого Божественного имени *Иисус* в мо-

[1] В Слове о трех образах молитвы, о третьем образе. Добротолюбие. Ч. 1. «Да упражняется в псалмопении, сиречь, да молится усты». ‖ [2] О безмолвии, в 15 главах: гл. 4, О еже како подобает пети. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] *...всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Иоил. 2. 32). ‖ [4] Рим. 10. 13. ‖ [5] *Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься* (Рим. 10. 9). ‖ [6] *...начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному,*

литве и моление о этом имени установлено Самим Господом нашим, Иисусом Христом. В этом можно убедиться из той возвышеннейшей и глубочайшей беседы, помещенной в Евангелии от Иоанна[1], которую Господь имел с святыми Апостолами после Тайной вечери, в многознаменательный час, предшествовавший добровольному исшествию Господа на место предания и на страдания, спасительные для рода человеческого. Учение, произнесенное Господом в этот час, имеет характер окончательного, предсмертного завещания, в котором собраны и изложены Им пред учениками Его, а в лице их пред всем христианством, самые душеспасительные, окончательные заповеди, залоги достоверные и непогрешительные жизни вечной[2]. Между прочими залогами и духовными дарами дано и подтверждено позволение и повеление молиться именем Иисуса. *Еже аще что просите от Отца во имя Мое,* сказал Господь ученикам Своим, *то сотворю: да прославился Отец в Сыне. И аще чесо просите во Имя мое, Аз сотворю*[3]. *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам: доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет*[4]. Что ж такое, могущее принявшего преисполнить радости, даровано будет молящемуся именем Господа Иисуса? Будет дарован — отвечаем словами Господа — Дух Святой, *Егоже послет Отец во имя Мое*[5]. Это опытное познание принадлежит святым Отцам, *и* есть их предание[6].

Глава 24
О упражнении молитвою Иисусовою

Если жительствуешь в обители, в которой отправляется вечернее правило с поклонами в церкви, то, пришед в кел-

---

как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он пред вами здрав. ... Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись (Деян. 4. 8–10, 12). ‖ [1] Ин. 13. 31; 14. 15. 16. ‖ [2] Заимствовано из 10 главы святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] *И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю* (Ин. 14. 13, 14). ‖ [4] *Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16. 23, 24). ‖ [5] Ин. 14. 26. ‖ [6] Гл. 12. О безмолвии и молитве святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов.

лию, сряду займись молитвою Иисусовою. Если жительствуешь в обители, в которой вечернее правило отправляется в церкви, но без поклонов, то, придя в келлию, соверши сперва правило с поклонами, а после него займись молитвою Иисусовою. Если принадлежишь к такой обители, в которой нет общего вечернего правила, а предоставлено каждому совершать его в келлии, то, во-первых, соверши правило с поклонами, потом займись молитвословием или псалмопением и, наконец, молитвою Иисусовою. Первоначально положи себе произносить сто молитв Иисусовых со вниманием и неспешностию. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другое сто. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых молитв. На неспешное и внимательное произнесение *ста молитв* потребно времени 30 минут, или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и еще в более продолжительном времени. Не произноси молитв спешно, одной немедленно за другою; делай после каждой молитвы краткий отдых, и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностию; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности. Окончив моление молитвою Иисусовою, не вдайся в разные размышления и мечтания, всегда пустые, обольстительные, обманчивые; но, по направлению, полученному в молитвенном подвиге, проведи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву; засыпай с нею. Приучи себя так, чтоб, проснувшись от сна, первою твоею мыслию, первым словом и делом была молитва Иисусова. Произнесши ее несколько раз, вставай с одра и спеши к утрени. Во время утрени, по возможности, займись молитвою Иисусовою. Если будешь иметь несколько времени свободного между утренею и литургиею, — займись молитвою Иисусовою. Точно так же поступай и после обеда. Отцы советуют после обеда заниматься воспоминанием о смерти[1]. Это вполне правильно, но живая молитва Иисусова неразлучна с живым воспоминанием о смерти[2]; живое воспоминание о смерти сопряжено с живою молитвою ко Господу Иисусу, упразднившему смертию смерть и даровавшему человекам живот вечный Своим временным подчинением смерти. Во время церковных служб полезно упражняться молитвою Иисусовою: она, удерживая ум

[1] Преподобного Нила Сорского Слово 7. || [2] Лествицы Слово 28, гл. 46.

от рассеянности, способствует ему внимать церковному пению и чтению. Постарайся столько приучиться к молитве Иисусовой, чтоб она сделалась твоею непрестанною молитвою, для чего она очень удобна по краткости своей и для чего неудобны продолжительные молитвы. Отцы сказали: «Инок должен, употребляет ли пищу и питие, пребывает ли в келлии, или находится на послушании (в монастырской работе и труде), путешествует, или что иное делает, непрестанно вопиять: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*»[1].

Глава 25
О непрестанной молитве

Непрестанная молитва заповедана Самим Богом. Спаситель мира сказал: *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам*[2]. *Бог не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя о них? глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре*[3]. Апостол, повторяя учение Господа, говорит: *Непрестанно молитеся*[4]. *Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления*[5]. Под именем мужей Апостол разумеет христиан, достигших христианского совершенства. Только совершенным христианам свойственно молиться *без гнева и размышления*, то есть в глубоком мире, в чистейшей любви к ближнему, без малейшего памятозлобия к ближнему и осуждения его, без развлечения посторонними помыслами и мечтаниями *(без размышления)*. Таковые могут на всяком месте и во всякое время приносить молитву Богу, воздевая и вознося к Нему преподобные руки: ум и сердце, очищенные от страстей, освященные Духом. Очевидно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока; но, чтоб сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве. Частая молитва, в свое время, сама собою перейдет в непрестанную молитву. Как при непрестанной молитве всего удобнее совер-

[1] Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, гл. 21. Добротолюбие. Ч. 2. || [2] *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7. 7). || [3] *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре* (Лк. 18. 7, 8). || [4] *Непрестанно молитесь* (1 Сол. 5. 17). || [5] *Итак, желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2. 8).

шать молитву Иисусову, то новоначальный должен, как можно чаще, обращаться к молитве Иисусовой. Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? не убей его в праздности! не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! употреби его для упражнения молитвою Иисусовою. Если случится, по немощи или, правильнее, по свойству падшего естества, увлечься обольстительными мечтаниями и помыслами, — не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности и сознав пред Ним твое падшее естество и твое увлечение, припади мысленно пред Его милостию и прими меры предосторожности против обольстительного мечтания и обольстительных помыслов. Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной. Непрестанная молитва — дар Божий, даруемый Богом испытанному в верности рабу и служителю Его. «Иначе, как непрестанною молитвою, невозможно приблизиться к Богу»[1]. Непрестанная молитва есть признак милости Божией к человеку, есть признак, что все силы души устремились к Богу. *Помилуй мя Господи, яко к Тебе воззову весь день. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою*[2].

Глава 26
О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной

Желающему непогрешительно заниматься молитвою Иисусовою надо поверять себя, свое упражнение ею, частым чтением следующих Отеческих писаний: 1) Слова о трезвении Исихия, пресвитера Иерусалимского[3], 2) Глав о трезвении преподобного Филофея Синайского[4], 3) Слова о сокровенном делании во Христе святого Феолипта, митрополита Филадельфийского[5], 4) Сочинений святых Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, помещенных в первой части Добротолюбия, 5) Слова Никифора Монашествующего и сочинения святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, помещенных во второй части Добротолюбия, 6) Предания преподобного Нила Сорского, 7) Цветника» священноинока Дорофея и других. Читатель най-

[1] Святого Исаака Слово 69. || [2] *Помилуй меня, Господи, ибо к Тебе взываю каждый день. Возвесели душу раба Твоего, уповающего на Тебя* (Пс. 85. 3, 4). || [3] Добротолюбие. Ч. 2. || [4] Добротолюбие. Ч. 2. || [5] Добротолюбие. Ч. 2.

дет в Добротолюбии, в Слове Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, в Слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов наставление о художественном вхождении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение Отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братиям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие, и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтоб ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный Отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены Отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же святые Отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят, что ум, получив навык соединяться с сердцем, или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати, не нуждается в пособии механизма для такого соединения, но просто, сам собою, своим собственным движением соединяется с сердцем[1]. Это так и быть должно. Разъединение ума с сердцем, противодействие их друг другу, произошли от нашего падения в грех: естественно Божественной благодати — когда она простреет перст свой для исцеления сокрушенного и раздробленного на части человека его падением — воссоединять разделенные его части, воссоединять ум не только с сердцем и душою, но и с телом, давать им одно правильное стрем-

[1] Глава 53 Ксанфопулов о безмолвии и молитве. Добротолюбие. Ч. 2.

ление к Богу. Вместе с соединением ума с сердцем подвижник получает силу противостоять всем страстным помыслам и страстным ощущениям. Может ли это быть следствием какого-либо механизма? Нет! это — последствие благодати, это — плод Святого Духа, осенившего невидимый подвиг Христова подвижника, непостижимого для плотских и душевных человеков. Читая в Отцах о сердечном месте, которое обретает ум молитвою, надо понимать словесную силу сердца[1], помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которую сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли или желания и силу ревности или ярости, наравне с человеками. Сила словества выражается в совести или в сознании нашего духа, без участия разума, в страхе Божием, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа, или глубокой печали о грехах, и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души — ум, — хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего головной мозг: так и сила словества, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца. Так как человек пал, так как его помыслы и ощущения изменились из духовных в плотские и душевные, то надо при посредстве евангельских заповедей возвести ум и дух к помышлениям и ощущениям духовным. Когда ум и дух исцелятся, тогда они и соединятся о Господе. Образуется в свое время, в отделе сердца, где помещается сила словества, или дух, чудный, нерукотворенный, духовный храм Божий, Святая Святых: туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея для поклонения Богу Духом и Истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное в Священном Писании: *Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие*[2]. — Ниже силы словества, в средине сердца, помещается сила ревности; ниже ее, в низшей части сердца, помещается сила желания, или воли. В животных эти две силы действуют очень грубо, как нисколько не

[1] О силах души смотри главы преподобного Филофея Синайского. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] *Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом* (2 Кор. 6. 16).

связанные словесностию; в людях они действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их. Но действовать правильно и быть в полном подчинении духа, или силы словества, они могут только в истинном христианине, низложившем не только явно греховные, но и все естественные помыслы и ощущения пред разумом Христовым — Евангелием. Ум и сердце иначе не возмогут соединиться как при посредстве Духа и Истины. Это значит: ум и сердце не возмогут соединиться, если не отвергнутся вполне падшего естества, если не предадут себя вполне руководству Евангелия, если за постоянное и усиленное последование евангельским заповедям не привлекут к себе благодати Всесвятого Духа, не исцелятся и не оживут от прикосновения ее, от осенения ею[1]. Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимою праведностию, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою.

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество: по соединении духовная сила, соединяющая ум с сердцем, влечет к исполнению заповедей, делает его удобным, легким, сладостным. *Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое*[2], сказал Псалмопевец.

Делателю Иисусовой молитвы весьма полезно прочитать Примечания (Предисловия) схимонаха Поляномерульского Василия на книги святых: Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского[3]. По прочтении сих Примечаний чтение всего Добротодюбия делается более ясным и полезным. При чтении Отцов не должно упускать из виду и того, что меры новоначального их времен суть уже меры весьма преуспевшего в наше время. Применение

---

[1] Преподобного Пимена Великого спросили, что значат слова Писания: *Причастник аз есмь всем боящимся Тебе и хранящим заповеди Твоя? — Общник я всем боящимся Тебя и хранящим повеления Твои* (Пс. 118. 63). Преподобный отвечал: «Это говорит о Себе Святой Дух». Алфавитный патерик. ‖ [2] *Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое* (Пс. 118. 32). ‖ [3] Издание Оптиной Пустыни 1847 года.

Отеческих наставлений к себе, к своей деятельности, должно быть совершаемо с большою осмотрительностию.

Глава 27
О Богомыслии

Святые Димитрий Ростовский и Тихон Воронежский занимались богомыслием, то есть святым размышлением о вочеловечении Бога Слова, о дивном пребывании Его на земле, о страшных и спасительных Его страданиях, о преславном воскресении и вознесении на небо, также о человеке, о его назначении, о его падении, о его обновлении Искупителем и прочих подобных глубоких тайнах христианства. Святые размышления упомянутых святителей превосходно изложены в их сочинениях. Такие размышления святой Петр Дамаскин, согласно с другими аскетическими писателями, относит к видениям духовным, и в разряде этих видений дает им четвертую степень[1]. Всякое духовное видение есть зрение известного рода таинств, являющееся в подвижнике соответственно его очищению покаянием, как это можно видеть в книге Петра Дамаскина[2]. Покаяние имеет свою постепенность: и духовные видения имеют свою постепенность. Тайны христианства открываются подвижнику постепенно, соответственно его духовному преуспеянию. Богомыслие, или благочестивые размышления, святителей Димитрия и Тихона служат выражением их духовного преуспеяния. Желающий упражняться в богомыслии пусть читает сочинения святителей. Такое богомыслие будет самым непогрешительным и самым душеполезным. Напротив того, богомыслие соделается самым неправильным и душевредным, если подвижник, прежде очищения покаянием, не имея точного понятия о учении христианском, позволит себе самовольное размышление, которое не может не быть ошибочным, и потому не может не принести душевредных последствий и самообольщения, не может не вовлечь в пропасть гибельного заблуждения. Святители были обучены со всею точностию и подробностию православному богословию, потом святою жизнию вознеслись на высоту христианского совершенства: богомыслие было для них естественным. Оно неестественно для подвижника, не имеющего осно-

[1] Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3. || [2] Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3.

вательных, точных познаний в богословии, не очищенного покаянием. По этой причине святыми Отцами оно воспрещено для новоначальных иноков, да и вообще для всех иноков, не приготовленных к нему наукою, не достигших к нему жительством. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Неизмерима глубина догматов, и уму безмолвника не небедственно погружаться в нее. Очень опасно плавать в одежде: столько же опасно находящемуся в плену у страстей касаться богословия»[1]. Такое делается предостережение безмолвникам: известно, что к безмолвию допускаются монахи уже преуспевшие. В древности весьма многие из монахов впадали в гибельную пропасть ереси единственно потому, что допускали себе рассматривание догматов, превышавшее их способность понимания. «Смиренномудрый монах, — опять наставляет Лествичник, — не позволит себе любопытного исследования таин; гордый, напротив того, стремится испытывать и судьбы Божии»[2]. Очень верно! желание пускаться в богомыслие неспособного и несозревшего к нему есть уже внушение самомнения, есть желание безрассудное и гордое. Упражняйся в молитве, в душеназидательном чтении, и это упражнение будет упражнением в богомыслии правильном, безопасном, Богоугодном. Как чувственные глаза, исцелившись от слепоты, видят по естественному своему свойству, так и ум, очистившись от греховной болезненности, естественно начинает видеть тайны христианства[3]. Положись в подвиге твоем на Бога. Если нужно для тебя и для общей пользы христианства, чтоб ты был зрителем глубоких таин и проповедником их для братии твоей, то Бог непременно подаст тебе этот дар. Если же этого не благоугодно Богу, то стремись к тому, что существенно нужно для твоего спасения и что вполне удовлетворяет требованию этой нужды твоей. Стремись к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о Суде Божием, о страшных темницах адских, в которых пылает вечный огонь и присутствует вечная тьма: такая молитва, соединенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное, душеполезнейшее богомыслие.

---

[1] Слово 27, гл. 10 и 11. || [2] Слово 25, гл. 11. || [3] Преподобный Кассиан. Книга 5. О духе чревообъядения, гл. 34.

Глава 28
О памятовании смерти

Инок должен воспоминать ежедневно, и по нескольку раз в день, о предстоящей ему, неизбежной смерти, а в свое время достичь и непрестанного памятования смерти. Ум наш так омрачен падением, что мы, если не будем принуждать себя к воспоминанию о смерти, можем совершенно забыть о ней. Когда забудем о смерти, тогда начинаем жить на земле как бы бессмертные, жертвуя всею деятельностию нашею для земли, нисколько не заботясь ни о страшном переходе в вечность, ни о участи нашей в вечности. Тогда с решительностию и бесстрашием попираем заповеди Христовы; тогда совершаем все, самые ужасные грехи; тогда оставляем не только непрестанную молитву, но и установленную в известные часы, — начинаем пренебрегать этим существенно и необходимо нужным занятием, как бы деланием маловажным и малонужным. Забывая о смерти телесной, мы умираем смертию душевною. Напротив того, кто часто воспоминает смерть тела, тот оживает душею. Он пребывает на земле, как странник в гостинице или как узник в темнице, непрестанно ожидая, что его потребуют из нее на суд или для казни. Пред взорами его всегда открыты врата в вечность. Он постоянно смотрит туда с душевною заботою, с глубокою печалию и думою. Постоянно занят он размышлением, что послужит оправданием его на Страшном Суде Христовом и какое произнесено будет о нем определение! Определение это решает участь человека на всю беспредельную загробную жизнь. Никакая земная красота, никакое земное обольщение не привлекает к себе внимания и любви его. Он никого не осуждает, памятствуя, что на Суде Божием изречено будет о нем такое суждение, какое он здесь изрекал на ближних своих. Он прощает всем и все, чтоб и самому получить прощение и наследовать спасение. Он снисходит всем, милосердствует о всех, чтоб и ему оказаны были снисхождение и милосердие. Он с радостию приемлет и лобызает всякую приходящую скорбь, как возмездие за грехи его во времени, освобождающее от возмездия в вечности. Если бы пришел ему помысл вознестись своею добродетелию, то памятование смерти немедленно устремляется против этого помысла, посрамляет его, уличает в нелепости, отгоняет. Какое может иметь значение наша добродетель на Суде Божием? какую

может иметь цену наша добродетель пред очами Бога, пред которыми и небо нечисто?[1] Напоминай и напоминай себе: «умру, умру непременно! Умерли отцы и праотцы мои: никто из людей не остался всегда на земле: и меня ожидает участь, постигшая и постигающая всех». Не теряй напрасно времени, данного на покаяние! Не заглядывайся на землю, на которой ты — деятель минутный, на которой ты — изгнанник, на которой милосердием Божиим предоставлено тебе одуматься, принести покаяние для избежания вечных темниц ада и вечной муки в них. Краткий срок странничества на земле употреби на приобретение приюта спокойного, приюта блаженного в вечности. Ходатайствуй о стяжании вечного стяжания отвержением всякого временного стяжания, отвержением всего плотского и душевного в области падшего естества! ходатайствуй исполнением Христовых заповедей! ходатайствуй искренним раскаянием в содеянных согрешениях! ходатайствуй благодарением и славословием Бога за все посланные тебе скорби! ходатайствуй обильным молитвословием и псалмопением! ходатайствуй молитвою Иисусовою, соединяя с нею воспоминание о смерти. Эти два делания — молитва Иисусова и памятование смерти — удобно сливаются в одно делание. От молитвы является живое воспоминание о смерти, как бы предощущение ее; а от предощущения смерти сильнее возжигается молитва. Необходимо подвижнику помнить смерть! Это воспоминание необходимо для самого подвига. Оно предохраняет подвиг инока от повреждения и растления самомнением, к которому может привести подвижническая и внимательная жизнь, если она не будет ограждена памятованием смерти и Суда Божия. Великое душевное бедствие — дать какую-нибудь цену своему подвигу, счесть его заслугою пред Богом. Признавай себя достойным всякого земного наказания, достойным вечных мук. Такая оценка себя будет самою верною, самою душеспасительною, самою Богоугодною. Часто исчисляй вечные бедствия, ожидающие грешников. Частым исчислением этих бедствий соделай их как бы предстоящими пред очами твоими. Стяжи предощущение адских мук, чтоб душа твоя при живом воспоминании о них содрогалась, отторгалась от греха, прибегала к Богу с смиренною молитвою о помиловании, в надежде на Его неограниченную благость и в безнадежии на себя[2]. Вспо-

[1] Иов. 15. 15. || [2] Совет святого Иоанна Лествичника. Лествица. Слово 7, гл. 10.

минай и представляй себе неизмеримую страшную подземную пропасть и темницу, составляющие собою ад. Пропасть именуется бездною: точно — такова она относительно человеков. Адская обширная темница имеет множество отделов и множество различного рода томлений и мучений, которыми воздается каждому человеку по делам его, совершенным им в течение земной жизни. Во всех отделах заключение — вечно, муки — вечны. Там господствует томительный, непроницаемый мрак, и вместе горит там огнь неугасающий, всегда одинаково сильный. Нет там дня: там вечная ночь. Там смрад нестерпимый, с которым не может сравниться никакое земное зловоние. Лютый адский червь никогда не усыпает и никогда не дремлет: точит он и точит, снедает адских узников, не нарушая их целости, не уничтожая существования, и сам не насыщаясь. Такое свойство имеют все адские муки: они тяжелее всякой смерти и не приносят смерти. Смерть во аде столько вожделенна, сколько вожделенна на земле жизнь. Смерть была бы отрадой для адских узников. Ее нет для них: удел их — бесконечная жизнь для бесконечных страданий. Терзаются во аде от нестерпимых казней, которыми преизобилует вечная темница отверженных Богом; терзаются там невыносимою скорбию; терзаются там лютейшим душевным недугом — отчаянием. Признавай себя приговоренным во ад на вечную муку, и из этого сознания родятся в сердце твоем такие молитвенные, неудержимые и могущественные вопли, которые непременно склонят Бога к помилованию тебя, и введет тебя Бог в рай вместо ада. Признающие себя достойными наград земных и небесных! для вас опасен ад, более, нежели для явных грешников, потому что тягчайший грех между всеми грехами — гордость, самомнение, грех духа, не видимый для чувственных очей, прикрывающийся часто личиною смирения. В воспоминании и размышлении о смерти упражнялись величайшие из преподобных Отцов. О Пахомии Великом говорит писатель жития его, что он «содержал себя постоянно в страхе Божием воспоминанием вечных мук и болезней, не имеющих конца, то есть воспоминанием неугасимого огня и того червя, который никогда не умирает. Этим средством Пахомий удерживал себя от зла и возбуждал к лучшему»[1].

[1] Vita sancti Pachomii, abbatis Tabennensis. Patrologie. Tom. LXXIII.

Глава 29
Тесный путь установлен Самим Богом для истинных служителей Его

Господь наш Иисус Христос провел земную жизнь Свою в величайшем смирении, подвергаясь непрестанным скорбям и гонениям, преследуемый, оклеветываемый, поносимый врагами Своими, которые, наконец, предали Его позорной, торговой казни вместе с уголовными преступниками. Путь спасения, вводящий в жизнь вечную, установлен Господом *тесный и прискорбный*[1], — установлен и всесвятым примером Господа, и всесвятым учением Господа. Господь предвозвестил ученикам и последователям Своим, что они *в мире,* то есть во время совершения поприща земной жизни, *будут скорбны*[2], что *мир будет ненавидеть их*[3], что он будет *гнать их, уничижать, предавать смерти*[4]. Господь уподобил положение учеников и последователей Своих посреди порочного человечества положению *овец посреди волков*[5]. — Из этого видно, что скорбное положение во время земной жизни есть установление Самого Господа для истинных рабов и слуг Господа. Установления этого, как установления Господня, невозможно отклонить никаким средством человеческим, никакою мудростию, никаким благоразумием, никакою предусмотрительностию, никакою осторожностию. И потому вступающий в иноческую жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божиим, благовременно приготовиться к терпению всех скорбей, какие благоугодно будет Промыслу Всевышнего попустить рабу Своему во время его земного странствования. Священное Писание говорит: *Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи, и не скор буди во время наведения: прилепися Ему и не отступи, да возрастеши на последок твой. Все елико нанесено ти будет, прими и во изменении смирения твоего долготерпи: яко во огни искушается злато, и человецы приятни в пещи смирения*[6].

---

[1] Мф. 7. 13. || [2] Ин. 16. 33. || [3] Ин. 15. 18, 19. || [4] Ин. 16. 2, 3. || [5] *...овец среди волков* (Мф. 10. 16). || [6] *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению; управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок. Все, что ни приключиться тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения* (Сир. 2. 1–5, 6).

Какая была бы причина того, что Господь предоставил истинным рабам Своим скорби на время их земной жизни, а врагам Своим предоставил благополучие, вещественное преуспеяние и вещественные блага? Плотский разум говорит: следовало бы устроить совершенно противным образом. — Причина заключается в следующем: человек есть существо падшее. Он низвергнут на землю из рая, в раю привлекши к себе смерть преступлением заповеди Божией. Смерть немедленно по преступлении поразила душу человека и неисцельно заразила его тело. Тело, для которого жизнию служит душа, не тотчас по падении разлучилось с душою; но душа, для которой служит жизнию Святой Дух, тотчас по падении разлучилась с Святым Духом, Который отступил от нее, как от осквернённой и отравленной грехом, предоставив ее самой себе. С такою-то мертвою душою и с живым телом жизнию животного низвергнут первый человек на землю на некоторое время, а прочие человеки рождаются и пребывают на земле некоторое время. По истечении этого времени, называемого земною жизнию, окончательно поражается смертию и тело, наветуемое ею и борющееся с нею в течение всей земной жизни. Земная жизнь — этот кратчайший срок — дана человеку милосердием Творца для того, чтоб человек употребил ее на свое спасение, то есть на возвращение себя от смерти к жизни. Спасение, или ожитворение человека Святым Духом, совершается при посредстве Искупителя, или Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. Человекам, родившимся до Искупителя, предоставлено было спасаться верою в обетованного Искупителя, а получить спасение по совершении Искупителем искупления; родившимся по Искупителе предоставлено спасаться верою в пришедшего Искупителя и получать спасение еще во время земной жизни, а неотъемлемость спасения немедленно по разлучении души с телом и по совершении частного суда. Всякий, верующий в Спасителя, по необходимости должен сознавать и исповедывать свое падение и свое состояние изгнания на земле; он должен сознавать и исповедывать это самою жизнию, чтоб сознание и исповедание были живы и действительны, а не мертвы и бездейственны. Иначе он не может признать, как следует, Искупителя! потому что Искупитель и Спаситель нужен только для падших и погибших; Он нисколько не нужен и нисколько не может быть полезным для тех, которые не хотят сознать и исповедать

своего падения, своей погибели. Исповедывать самою жизнию свое падение значит: переносить все скорби земной жизни как справедливое воздаяние за падение, как естественное, логичное последствие греховности и постоянно отказываться от всех наслаждений, как несвойственных преступнику и изганнику, прогневавшему Бога, отверженному Богом. Временная земная жизнь есть не что иное, как преддверие к вечной жизни. И к какой жизни? к вечной жизни в темницах адских, среди ужаснейших мук ада, если не воспользуемся в течение временной земной жизни искуплением, дарованным туне — искуплением, которого принятие и отвержение оставлено на произвол каждого человека. Земная жизнь есть место вкушения горестей и страданий, место созерцания горестей и страданий, несравненно больших, нежели страдания земные. Земная жизнь не представляет ничего радостного, ничего утешительного, кроме надежды спасения. *Блажени плачущии ныне*, ныне, во время земного странствования своего, сказал нам Искупитель наш, и *горе вам смеющимся ныне*[1]. «Все христианское житие на земле есть не что иное, как покаяние, выражаемое деятельностию, свойственною покаянию. Христос пришел призвать нас на покаяние. Обрати особенное внимание на слова Его: *приидох призвати на покаяние*[2]. Не веселие, не трапезы, не гуляния, не пирования, не лики, но покаяние, но плач, но слезы, но рыдание и крест предлагает нам здесь Господь наш. Видишь, в чем должна проводиться на земле жизнь христианина! Увидишь это, читая Евангелие Христово. Имеется здесь и для христиан веселие, но духовное. Они радуются не о злате, сребре, пище, питии, чести и славе, но о Бозе Спасе своем, о благости и милости Его к ним, о надежде вечного живота»[3].

Господь, приняв на Себя человечество и все немощи человеческие, кроме греха, принял на Себя и деятельное сознание падения, в которое низвергся весь род человеческий: Он провел земную жизнь в непрестанных скорбях, не произнесши против этих скорбей никакого слова, которое выражало бы неудовольствие; напротив того, называл их чашею, поданною Отцом Небесным, которую должно пить и испить беспрекословно. Невинный и Всесвятой Господь, пострадав принятым Им человечеством за виновное и зараженное грехом человечество, предоставил страдания в путь спасения для всех Своих

---

[1] *Блаженны плачущие ныне... Горе вам, смеющимся ныне* (Лк. 6. 21, 25). || [2] *Я пришел призвать ... к покаянию* (Мф. 9. 13). || [3] Святитель Тихон Воронежский. Келейное письмо 99, 15.

последователей, для всего Своего духовного племени и родства, в деятельное сознание падения и греховности, в деятельное признание и исповедание Спасителя, в деятельное соединение с Ним, усвоение Ему. Вместе с тем Он изливает в страдания рабов Своих из Своих страданий неизреченное духовное утешение, в деятельное доказательство верности спасения и верности пути страдальческого, ведущего ко спасению. Невинный и всесвятой Господь провел земную жизнь в страданиях: тем более виновные должны пострадать с полным сознанием, что они достойны страдать; они должны радоваться, что кратковременными страданиями избавляются от вечных страданий, становятся в разряд последователей и свойственников Богочеловека. Кто отказывается от страданий, не сознает себя достойным их, тот не признает своего падения и погибели! Кто проводит земную жизнь в наслаждениях, тот отрекается от своего спасения! Кто земную жизнь употребил на одно земное преуспеяние, тот признает безумно кратчайшее время вечностию, а вечность несуществующею, и готовит себе в ней вечное бедствие! Кто не признает своего падения и погибели, тот не признает Спасителя, отвергает Его! Признание себя достойным временных и вечных казней предшествует познанию Спасителя и руководит к познанию Спасителя, как видим из примера, представленного нам разбойником, наследовавшим рай[1]. Может быть, скажут, что разбойник был явным преступником, и потому сознание было удобным для него: как приходить к подобному сознанию не сделавшим подобных преступлений? — Отвечаем: и другой разбойник, распятый близ Господа, был явным преступником, но не пришел в сознанию своей греховности, потому что сознание есть следствие сердечной милости и смирения, а несознание есть следствие сердечных ожесточения и гордыни. Божии святые постоянно сознавали себя грешниками, несмотря на явные благодатные дары, которыми они обиловали; напротив того, величайшие злодеи всегда оправдывали себя и, утопая в злодеяниях, не останавливались провозглашать о своей добродетели.

Апостол Павел засвидетельствовал о ветхозаветных праведниках, что все они провели земную жизнь *лишени, скорбяще, озлоблени, исповедавше* самою жизнию, *яко странии и пришельцы суть на земли*[2]. Потом, обращаясь к со-

[1] Лк. 23. 40, 43. || [2] *...терпя недостатки, скорби, озлобления ...и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле* (Евр. 11. 37, 13).

временным ему истинным служителям Бога и указав им на Начальника веры и Совершителя Иисуса, Который, вместо подобавшей Ему славы, претерпел бесчестие и крест, Апостол произносит следующее увещание: *Иисус, да освятит люди Своею Кровию, вне врат пострадати изволил: темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще*[1]. *Вне стана*, то есть отвергнув и оставив все, что непостоянный, преходящий мир считает вожделенным; *поношение Его носяще*, то есть приняв участие в крестном пути, установленном от Господа и пройденном Его страдальческою земною жизнию. На голос этот отозвались все истинные христиане и, оставив стан, во всех отношениях переменчивый и чуждый всякой прочности, прошли стезею страданий к вечному Небесному Граду. *Аще же без наказания есте*, говорит Апостол, *емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[2]. Здесь должно заметить слово *вси*: все праведники провели земную жизнь в скорбях! ни один из них не достиг неба, шествуя по широкому пути земного благоденствия. *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет*[3]. *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую*[4], сказал Господь в Откровении святого Иоанна Богослова. Наставляемые этими свидетельствами Святого Духа и многими другими, которыми усеяны страницы Священного Писания, мы с дерзновением утверждаем: скорби, посылаемые человеку Промыслом Божиим, суть верный признак избрания человека Богом. Когда Иисус возлюбил юношу, то предложил ему последование Себе и ношение креста[5]. Не отвергнем призвания! Приемлется призвание, когда при пришествии скорби христианин признает себя достойным скорби; последует с крестом своим христианин Господу, когда благодарит, славословит Господа за посланные скорби, когда *не имать [имам] душу свою [мою] честну себе*[6], когда всецело предает себя воле Божией, когда еще с большею ревностию устремляется к исполнению евангельских заповедей, особенно заповеди о любви к врагам. Так верен признак избрания скорбями, что Святой Дух приветствует подвергшихся скорбям приветствием небесным. *Радуйтеся*, возвещает Он

[1] *Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание* (Евр. 13. 12, 13). ‖ [2] *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8). ‖ [3] *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12. 6). ‖ [4] *Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю* (Откр. 3. 19). ‖ [5] Мк. 10. 21. ‖ [6] Деян. 20. 24.

им, *радуйтеся! Всяку радость,* то есть величайшую радость, *имейте, егда во искушения впадете различна*[1]. *Блажени есте егда, поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*[2]. Святой апостол Петр говорит христианам, что их призвание — страдания[3]. Таково Божественное назначение для человека во время земной жизни его! он должен уверовать в Искупителя, исповедать Его сердцем и устами, исповедать своею деятельностию, приняв с покорностию тот крест, который благоугодно будет Иисусу возложить на ученика Своего. Не принявший креста не может быть учеником Иисусовым![4] *Страждущии по воле Божией,* говорит апостол Петр, *яко верну Зиждителю да предадят души своя во благотворении*[5]. Зиждитель душ наших — Господь: Он зиждет души верующих в Него скорбями. Отдадимся Его воле и Промыслу, как скудель безмолвно предается произволу скудельника, а сами приложим все старание о исполнении евангельских заповедей. Когда христианин предает себя воле Божией, возложит с самоотвержением все свои попечения на Бога, будет благодарить и славословить Его за крест: тогда необыкновенная духовная сила веры неожиданно является в сердце; тогда неизреченное духовное утешение неожиданно является в сердце. Иисус печатлеет ученика, принявшего избрание, Духом, — и земные скорби соделываются источником наслаждения для раба Божия. Напротив того, бесскорбная земная жизнь человека служит верным признаком, что Господь отвратил от него взор Свой, что он не угоден Господу, хотя бы и казался по наружности благоговейным и добродетельным.

Воспел святой пророк Давид: *Многи скорби праведным и от всех их избавит я Господь*[6]. Как это верно! Всем истинно служащим Господу, праведным правдою Искупителя, а не своею падшею и ложною, попускается много скорбей; но все эти скорби рассыпаются сами собою; ни одна из них не может сокрушить раба Божия: они воспитывают, очищают, усовершают его. О скорбях грешников, живущих на земле для земных наслажде-

---

[1] *С великою радостью принимайте... когда впадете в различные искушения* (Иак. 1. 2). ‖ [2] *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5. 11, 12). ‖ [3] 1 Пет. 2. 21. ‖ [4] Лк. 14. 27. ‖ [5] *Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 19). ‖ [6] *Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь* (Пс. 33. 20).

ний и для земного преуспеяния, Пророк не сказал ни слова. Скорби им не попускаются. К чему им скорби? они не понесут их с благодарением, а только ропотом, унынием, хулою на Бога, отчаянием умножат грехи свои. Господь предоставляет им пользоваться земными благами до самой кончины, чтоб они опомнились хотя по причине благоденствия своего. Он посылает скорби только тем грешникам, в которых предвидит обращение, которые в книге живота, по предведению Божию, уже внесены в число праведников, оправданных правдою Искупителя. Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей, как не принявших учения Христова, не оказавших никакого усердия последовать Христу, вступивших на путь неправды не по увлечению и не по неведению. Скорби о Христе суть величайший дар Христов[1], даруемый тем, которые от всей души предались в служение Христу. Святой Давид, упомянув о многих скорбях, которым подвергаются праведники, ничего не упомянул о скорбях грешников: они, будучи прелюбодейчищами, а не сынами, не привлекают к себе наказания Господня. Давид говорит только о смерти их, что она *люта*[2]. Точно: люта смерть грешников, забытая, не изученная ими: она преставляет их внезапно из среды обильных наслаждений в бездну вечного мучения. Давид, обращаясь с утешением к служителю Божию, пребывающему на земле в лишениях и томлении, говорит ему: *не ревнуй спеющему в пути своем, человеку творящему законопреступление. Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие: зане яко трава скоро изшут, и яко зелие злака скоро отпадут*[3]. Далее Пророк говорит от лица подвижника, которого еще колеблет плотское мудрование: *Возревновах на беззаконныя, мир грешников зря: яко несть восклонения в смерти их,* то есть никакая скорбь не пробуждает их от душевного усыпления, от сна смертного, от смерти душевной. Они *в трудех человеческих не суть, и с человеки не приемлют ран.* Человеками здесь названы служители истинного Бога, сохранившие в себе достоинство человека: они упражняются в благочестивых произвольных подвигах и подвергаются невольному наказанию Господню. Отверженные грешники, живя в небрежении, не участвуют ни в подвигах, ни в скорбях. Какое же последствие такого положения отвержен-

[1] Флп. 1. 29. || [2] Пс. 33. 22. || [3] *Не ревнуй успевающему на пути своем, человеку лукавствующему. ...Не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут* (Пс. 36. 7, 1, 2).

ных Богом? Сего *ради удержа я гордыня их до конца: одеяшася неправдою и нечестием своим*[1]. В них уничтожается всякое сознание греховности своей, является неизмеримое, неисцелимое самомнение; греховная жизнь соделывается их неотъемлемою принадлежностию, как бы постоянною одеждою, облачением, обнаружением, и соделывает такою же принадлежностию их нечестие, заключающееся в неведении Бога, в ложных понятиях о Боге и о всем Богооткровенном учении. В таком состоянии находит произвольных, нераскаянных грешников смерть и, восхитив их, представляет на Суд Божий.

Священное Писание соединяет понятие о искушении с понятием о обличении: *сыне мой,* говорит оно, *не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей от Него обличаем*[2]. Это же видно из вышеприведенных слов Господа: *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую.* На каком основании обличение соединяется с искушением? На том, что всякая скорбь обнаруживает сокровенные страсти в сердце, приводя их в движение. До скорби человек представляется сам себе спокойным и мирным; но когда придет скорбь, тогда восстают и открываются неведанные им страсти, особливо гнев, печаль, уныние, гордость, неверие. Существенно нужно и полезно для подвижника обличение греха, гнездящегося в нем втайне. Сверх того, скорби, принимаемые и переносимые как должно, усиливают веру; они показывают человеку его немощь и доставляют смирение, низлагая самомнение. Апостол Павел, упоминая об одном из постигших его искушений, говорит: *Не хощем вас, братие, не ведети, о скорби нашей бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя, Иже от толикия смерти избавил ны есть и избавляет, Наньже и уповахом, яко и еще избавит*[3]. Сердце наше, обре-

[1] *...я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо нет ни страданий до смерти... На работе человеческой нет их, и с* ***прочими*** *людьми не подвергаются ударам. Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость,* ***как*** *наряд, одевает их* (Пс. 72. 3–6). ‖ [2] *...сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает* (Евр. 12. 5). ‖ [3] *Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь* ***близкой*** *смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит* (2 Кор. 1. 8–10).

ченное по падении на прозябание терния и волчцов, особенно способно к гордости, если оно не будет возделано скорбями. Не вне этой опасности и самый преисполненный благодатных даров праведник. Апостол Павел открыто говорит, что причиною великих, попущенных ему скорбей, было Божие смотрение с целию охранить его от превозношения, в которое он мог бы впасть не по какому-нибудь суетному поводу, но по поводу множества бывших ему Божественных откровений и видений. Когда Апостол еще не ведал причины удручавших его искушений, — он трикратно молил Бога, чтоб искушения, столько препятствовавшие успеху проповеди, были устранены; но когда узнал причину, — воскликнул: *благоволю в немощех, в досаждениих, в изгнаниях, в теснотах по Христе*[1]. *Мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру*[2].

Вступив в святую обитель, уклонимся произвольно от зависящего от нас наслаждения и претерпим великодушно те скорби, которые независимо от нас будут попущены нам Промыслом Божиим. Предадим себя с верою, всецело, в руки Творца нашего и Зиждителя душ наших. Он не только сотворил нас, но и зиждет души тех, которые восхотели быть Его служителями. Зиждет Он нас церковными таинствами, зиждет евангельскими заповедями, зиждет многоразличными скорбями и искушениями, зиждет благодатию Своею. *Отец Мой делатель есть*, сказал Господь: *всяку розгу о Мне не творящую плода, измет ю: и всяку творящую плод, отребит ю* (очищает искушениями и скорбями), *да множайший плод принесет*[3]. Заметьте: плод, взыскуемый и приемлемый Богом от каждой виноградной лозы, которою изображается душа человеческая, есть деятельность ее о Христе, то есть исполнение ею евангельских заповедей, а отнюдь не естественная, то есть отнюдь не исполнение на деле добра естественного, осквернённого смешением со злом. *Розга*, сказал Господь, *не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе; тако и вы, аще во Мне не пребудете*[4]. Только ту душу, которая приносит плод о Христе, Отец Небесный

---

[1] *...благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа* (2 Кор. 12. 7–10). ‖ [2] *А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6. 14). ‖ [3] *Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода* (Ин. 15. 2). ‖ [4] *Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне* (Ин. 15. 4).

очищает; душа, не приносящая плода о Христе, пребывающая в падшем естестве своем, приносящая бесплодный плод естественного добра и довольствующаяся им, не привлекает Божественного попечения о себе: она, в свое время, отсекается смертию, извергается ею из виноградника — из недра Церкви и из земной жизни, данной для спасения в недре Церкви, влагается в вечный огнь ада, где сгорает, горя и не сгорая вечно[1]. Не должно самому подвижнику своевольно и дерзко ввергаться в скорби и искушать Господа: в этом — безумие, гордыня и падение. *Не даждь во смятение ноги твоея,* говорит Писание, *ниже воздремлет храняй тя*[2]. *Да не искусиши Господа Бога твоего*[3]. Такое значение, по свидетельству Господа, имеют те дерзкие и тщеславные начинания, когда подвижник осмелится и покусится самопроизвольно вдаться в напасть. Но те скорби и напасти, которые приходят нам невольно, следовательно попускаются и устраиваются Промыслом Божиим, должно принимать с величайшим благоговением, как дары Божии, как врачевства душевных недугов наших, как залоги избрания и вечного спасения. Плод скорбей, заключающийся в очищении души, в вознесении ее в духовное состояние, должно хранить как драгоценное сокровище. Хранится этот плод, когда подвергшийся искушению и обличению употребит в это время все тщание пребыть в евангельских заповедях, не увлекаясь страстями, обнаруженными и приведенными в движение искушением. Между евангельскими заповедями и крестом — чудное сродство! Делание заповедей привлекает на рамена делателя крест, а крест усовершает, утончает нашу деятельность по закону Христову, объясняет нам этот закон, доставляет ощущение духовной свободы, несмотря на пригвождение, — исполняет нас неизреченною духовною сладостию, несмотря на горечь наружных обстоятельств. Подвергшихся различным скорбям Божественное Писание утешает и увещевает так: *Боящиися Господа, пождите милости Его и не уклонитеся, да не падете. Боящиися Господа, веруйте Ему, и не имать отпасти мзда ваша. Боящиися Господа, надейтеся на блага и на веселие века и милости. Воззрите на древния роды и видите, кто верова Господеви и постыдеся? или кто пребысть во страсе Его и оставися? или кто призва Его, и презре и? Зане щедр и милостив Господь, и оставляет грехи,*

[1] Ин. 15. 6. ‖ [2] *Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя* (Пс. 120. 3). ‖ [3] *Не искушайте Господа, Бога вашего... не искушай Господа Бога твоего* (Втор. 6. 16; Мф. 4. 7).

и спасает во время скорби. Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, и грешнику ходящу на две стези! Горе сердцу ослабленну, яко не верует: сего ради покровено не будет. Горе вам погубльшим терпение: и что сотворите егда посетит Господь? Боящиися Господа не сомневаются о глаголех Его, и любящии Его сохранят пути Его. Боящиися Господа поищут благоволения Его, и любящии Его исполнятся закона; боящиися Господа уготовят сердца своя, и пред Ним смирят души своя, глаголюще: да впадем в руце Господни, а не в руце человечески, яко бо величество Его тако и милость Его[1]. Тот впадает в руки человеческие, кто, будучи искушаем человеками, не видит Промысла Божия, попускающего человекам искушать, и потому, приписывая человекам значение, удобно может склониться к человекоугодию и к отступлению от Бога. Кто видит Промысл Божий оком веры, тот при искушениях, наносимых человеками, не обратит никакого внимания на эти слепые орудия Промысла, и духовным разумом своим пребудет единственно в руках Бога, взывая к Нему единому в скорбях своих. Когда игемон Пилат, водимый плотским мудрованием, сказал предстоявшему пред ним Господу: *власть имам распяти Тя и власть имам пустити Тя*, — тогда Господь отвечал ему: *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано Свыше*[2]; ты — столько слепое орудие, что даже не понимаешь и не подозреваешь того дела, на которое употребляешься. *В терпении вашем стяжите души ваша*, сказал Господь; *претерпевый же до конца, той спа-*

[1] *Боящиеся Господа! ожидайте милости Его и не уклоняйтесь* ***от Него****, чтобы не упасть. Боящиеся Господа! веруйте Ему, и не погибнет награда ваша. Боящиеся Господа! надейтесь на благое, на радость вечную и милости. Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен? или кто пребывал в страхе Его — и был оставлен? или кто взывал к Нему, и Он презрел его? Ибо Господь сострадателен и милостив и прощает грехи, и спасает во время скорби. Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям! Горе сердцу расслабленному! ибо оно не верует, и за то не будет защищено. Горе вам, потерявшим терпение! что будете вы делать, когда Господь посетит? Боящиеся Господа не будут недоверчивы к словам Его, и любящие Его сохранят пути Его. Боящиеся Господа будут искать благословения Его, и любящие Его насытятся законом. Боящиеся Господа уготовят сердца свои и смирят пред ним души свои, говоря: впадем в руки Господа, а не в руки людей; ибо, каково величие Его, такова и милость Его* (Сир. 2. 7—18). ‖ [2] *...я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? ...ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе Свыше* (Ин. 19. 10, 11).

сется; праведный от веры жив будет: и аще обинется (если ж кто поколеблется), *не благоволит душа Моя о нем*[1].

Глава 30
Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени

Святые Отцы, иноки первых времен христианства, совершенные христиане, исполненные Святого Духа, имели откровение Свыше о монашестве последнего времени и произнесли о нем пророчество, сбывающееся пред очами нашими. Все предречения Отцов схожи между собою и возвещают, что монашество последних времен будет проводить жительство весьма слабое, что ему не будет предоставлено ни тех душевных и телесных сил, ни того обилия благодатных даров, какие были предоставлены первым монахам, что самое спасение будет для него весьма затруднительным.

Некоторый египетский Отец однажды пришел в исступление и сделался зрителем духовного видения. Три монаха, видел он, стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: «Примите крылья и придите ко Мне». Вслед за гласом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то бессильные, и он полетел чрез море с большим трудом и усилием. Часто ослабевал он и погружался в море; видя себя утопающим, начинал вопиять жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, снова опускался к пучине, снова вопиял, снова приподымался, и, истомленный, едва перелетел чрез море. Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий — монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию[2]. — Некогда святые Отцы Египетского Скита пророчески беседовали о последнем роде. «Что сделали мы?» — говорили они. Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: «мы исполнили заповеди Божии». Спросили его: «что сделают те, которые будут после нас?» — «Они, — сказал авва, — примут (будут исполнять) делание вполовину про-

[1] *...претерпевший же до конца спасется. ...Праведный верою жив будет; а если* ***кто*** *поколеблется, не благоволит к нему душа Моя* (Лк. 21. 19; Мф. 24. 13; Евр. 10. 38). || [2] Алфавитный патерик, в житии преподобного Иоанна Колова.

тив нас». Еще спросили его: «а что сделают те, которые будут после них?» — Авва Исхирион отвечал: «они отнюдь не будут иметь монашеского делания; но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших»[1]. — Архимандрит Аркадий, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря, скончавшийся в 1847 году, поведал о себе нижеследующее: «Однажды я был в скорби по какому-то случаю. Угнетаемый ею, пришел я к утрени, и, стоя у утрени, размышлял о моей скорби. Не знаю — что со мною сделалось: я невольно закрыл глаза, ощутил какую-то забывчивость, но не дремание, потому что слышал внятно каждое слово совершавшегося тогда чтения. Внезапно вижу пред собою преподобного обители нашей, Кирилла. Он говорит мне: «Что ты унываешь? разве не знаешь, что монахи последних времен должны спасаться скорбями?» Услышав эти слова, Архимандрит очнулся. Видение оставило в душе простейшего старца — таков был архимандрит Аркадий — глубокое спокойствие. — Итак, скорби суть по преимуществу удел наш, удел современного монашества, удел, назначенный нам Самим Богом. Да будет это сведение источником утешения для нас! да ободряет и укрепляет оно нас при всех постигающих нас разнообразных скорбях и искушениях. *Смиритеся убо под крепкую руку Божию, всю печаль* (попечение) *вашу возвергши Нань, яко Той печется о нас*[2], и вседушно предадим себя обучению скорбями, при тщательнейшем исполнении евангельских заповедей: такова о нас воля Господа Бога нашего. Наши скорби большею частию весьма утончены, так что при поверхностном взгляде на них нельзя признать их и скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего, стяжавшего в борьбе с немощным человеком необыкновенные опытность и искусство от долговременного упражнения в борьбе. Падший дух усмотрел, что искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их; он усмотрел это и заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возводят его в подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении; они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, уны-

[1] Алфавитный патерик, в житии Иоанна Колова, и Достопамятные сказания, буква И. || [2] 1 Пет. 5. 6, 7.

ния, бездействия. Пред Богом ясны и злохитрость сатаны и тяжесть наводимых им браней на современное иночество. Бог увенчает новейших борцов не менее древних, хотя подвиг первых менее явен, нежели подвиг вторых. Мы не должны предаваться расслаблению, унынию и бездействию; напротив того, обратим все внимание и все усилие на исполнение евангельских заповедей. Это исполнение откроет нам бесчисленные козни врага, ту злохитрую обдуманность, с которою они устроены и расставлены. Мы увидим, что современные, по наружности слабые, скорби и напасти стремятся, подобно древним сильным скорбям и напастям, отвлечь человека от Христа, уничтожить на земле истинное христианство, оставив одну оболочку для удобнейшего обмана. Мы увидим, что слабые искушения, но придуманные и исполняемые с адским лукавством, действуют гораздо успешнее в видах сатаны, чем искушения тяжкие, но очевидные и прямые.

Главнейшая причина, по которой скорби особенно тягостны для современного монашества, заключается в нем самом и состоит преимущественно в недостатке духовного назидания. Недостаток духовного назидания должно признать величайшим бедствием. И нескоро усматривается это бедствие! нескоро оно делается понятным для инока! Новоначальный, объятый ревностию, в которой имеет большое значение кровь и весьма малое значение духовный разум, обыкновенно довольствуется тем назиданием, которое он встретит в монастыре или которое он захочет дать сам себе. Уже впоследствии, при самом тщательном изучении Священного Писания и Отеческих писаний, подвижникам, и то немногим, делается малопомалу ясным, что для иноческого преуспеяния необходимо *духовное* назидание, что *душевное* назидание, как бы оно ни было по наружности роскошно и великолепно, как бы ни прославлялось слепотствующим миром, пребывает во мраке и последующих ему хранит во мраке, в области падших духов[1]. Руководство словом Божиим из книги, а не из живых уст, то единственное руководство, которое нам предоставлено, причем инок по необходимости сам делается в значительной сте-

[1] Иак. 3. 15. Святой Исаак Сирский говорит: «Иное достоинство слова из духовной опытности, и иное достоинство слова краснореченивого. Ученость умеет украшать слова свои и не изучив дела опытно; умеет она беседовать великолепно о истине, не ведая истины; умеет она пространно излагать о добродетели, никогда не вкусив познания ее от упражнения в ней. Слово от духовной опытности — сокровищница надежды,

пени своим руководителем, несмотря на приносимую существенную пользу, сопряжено с большими и частыми погрешностями и уклонениями, неминуемыми последствиями неведения и состояния под владычеством страстей. Неведение новоначального и преобладание в нем страстей не дают ему возможности понимать Писание как должно и держаться его с должною твердостию. Перелетая чрез греховное море, мы часто ослабеваем, часто в изнеможении падаем и погружаемся в море, подвергаемся опасности потонуть в нем. Состояние наше, по причине недостатка в руководителях, в живых сосудах Духа, по причине бесчисленных опасностей, которыми мы обстановлены, достойно горького плача, неутешного рыдания. Мы бедствуем, мы заблудились, и нет голоса, на который могли бы выйти из нашего заблуждения: книга молчит, падший дух, желая удержать нас в заблуждении, изглаждает из нашей памяти и самое знание о существовании книги. *Спаси мя, Господи,* взывал Пророк, провидя пророческим духом наше бедствие и приемля лицо желающего спастись, *яко оскуде преподобный!* нет духоносного наставника и руководителя, который непогрешительно указал бы путь спасения, которому желающий спастись мог бы вручить себя со всею уверенностию! *Умалишася истины от сынов человеческих, суетная глагола кийждо ко искреннему своему*[1], по внушению душевного разума, способного только развивать и печатлеть заблуждения и самомнение. Мы крайне слабы; окружа-

---

а ученость без опытного знания — залог стыда. Произносящий слово, не основанное на опытном знании, подобен художнику, изображающему на стенах живописью источники вод, и вода эта не может утолить жажды его, — подобен видящему прекрасные сны. Говорящий же о добродетели из своих опытов преподает слово слушателям, как бы кто раздавал подаяние из имения, приобретенного на свои деньги: он сеет слово в сердца внимающих ему как бы из собственного стяжания; он отверзает с дерзновением уста пред духовными чадами подобно древнему Иакову, который сказал целомудренному Иосифу: «Се *аз даю ти* единую часть *свыше братии твоея, юже взях у* Аммореев *мечем моим и луком* моим. — *Я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аммореев мечом моим и луком моим* (Быт. 48. 22)». Слово 1. «Не ищи получить совет от кого-либо, чуждого жительству твоему (монашескому), хотя бы он был и очень учен. Исповедуй помысл твой не знающему наук, но опытно знающему монашество, а не красноречивому философу, беседующему от учености по букве и не знакомому опытно с делом». Слово 78. ‖ [1] *...ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему* (Пс. 11. 1–3).

ющие нас соблазны умножились, усилились чрезмерно: в обольстительных разнообразии и привлекательности предстоят они болезненным взорам ума и сердца, притягивают их к себе, отвращают от Бога. Мы столько подчинились влиянию соблазнов, что даже руководство Словом Божиим, единственное средство спасения, нами оставлено. При нем необходимо вести самую внимательную жизнь, чуждую рассеянности, а наша поврежденная воля требует совсем противного. Мы устремились к вещественному преуспеянию, к преуспеянию мира! нам нужны почести, нам нужны изобилие и роскошь! нам нужны рассеянность и участие в наслаждениях мира! чтоб достигнуть этого, мы исключительно озабочены развитием падшего естества. Самое понятие о естестве обновленном нами утрачено; евангельские заповеди пренебрежены и забыты; делание душевное нам вовсе не известно, а телесным деланием мы заняты настолько и с тою целию, чтоб могли казаться пред миром благоговейными и святыми и получать от него возмездие его. Тесный и прискорбный путь спасения оставлен нами: идем по пути широкому и пространному. *Спаси мя Господи! яко оскуде преподобный. Умалихомся* мы, иноки, *паче всех язык, и есмы смирени по всей земли днесь грех ради наших. И несть во время сие князя и пророка и вождя*[1] для предводительства в невидимой чувственными очами брани *не к крови и плоти, но к началом, и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[2].

Горе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном[3], предвозвестил Господь. И пришествие соблазнов есть попущение Божие, и нравственное бедствие от соблазнов есть попущение Божие. К концу жизни мира соблазны должны столько усилиться и расплодиться, что по причине *умножения беззакония изсякнет любы многих*[4], *и Сын Человеческий пришед обрящет ли веру на земли?*[5] *земля Израилева,* Церковь, будет *низвращена от меча* — от

---

[1] *Мы умалены, Господи, паче всех народов, и унижены ныне на всей земле за грехи наши, и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя* (Дан. 3. 37, 38). ‖ [2] *...не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12). ‖ [3] *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам* (Мф. 18. 7). ‖ [4] *...по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24. 12). ‖ [5] *...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18. 8).

убийственного насилия соблазнов — *и пуста весьма*[1]. Жительство по Боге соделается очень затруднительным. Соделается оно таким потому, что живущему посреди и пред лицом соблазнов невозможно не подвергнуться влиянию соблазнов. Как лед при действии на него тепла теряет свою твердость и превращается в мягчайшую воду, так и сердце, преисполненное благого произволения, будучи подвергнуто влиянию соблазнов, особливо постоянному, расслабляется и изменяется. Соделается жительство по Боге очень затруднительным по обширности, всеобщности отступления. Умножившиеся отступники, называясь и представляясь по наружности христианами, тем удобнее будут преследовать истинных христиан; умножившиеся отступники окружат бесчисленными кознями истинных христиан, противопоставят бесчисленные препятствия их благому намерению спасения и служения Богу, как замечает святой Тихон Воронежский и Задонский. Они будут действовать против рабов Божиих и насилием власти, и клеветою, и злохитрыми кознями, и разнообразными обольщениями, и гонениями лютыми. Спаситель мира едва нашел малозначущий и отдаленный Назарет, чтоб укрыться от Ирода и от возненавидевших Его книжников, фарисеев, священников и первосвященников иудейских: так и в последнее время истинный инок едва найдет какой-либо отдаленный и неизвестный приют, чтоб в нем с некоторою свободою служить Богу и не увлекаться насилием отступления и отступников в служение сатане[2]. О, бедственное время! О, бедственное состояние! О, бедствие нравственное, неприметное для чувственных людей, несравненно большее всех вещественных, громких бедствий! О, бедствие, начинающееся во времени и не кончающееся во времени, но переходящее в вечность! О, бедствие из бедствий, понимаемое только одними истинными христианами и истинными иноками, неведомое для тех, которых оно объемлет и губит!

Соделавшись зрителями такого духовного видения, произнесем из пламени соблазнов то исповедание и ту песнь славословия, которые произнесены тремя блаженными отроками из горящей пещи Вавилонской. Любовию нашею соединимся со всем человечеством, рассеянным по лицу земли: от всего человечества, будучи представителями его пред Богом, произнесем исповедание и славословие Богу, пролием пред Ним смиренную молитву о себе и о всем человечестве. *Благословен еси,*

[1] *...в землю, избавленную от меча ...в постоянном запустении* (Иез. 38. 8). || [2] Келейные письма святителя Тихона. Том 15, письмо 67.

Господи, Боже отец наших, хвально и прославлено имя Твое во веки. Яко праведен еси во всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна, и прави путие Твои, и вси суди Твои истинни, и судбы истинны сотворил еси по всем, яже навел еси на ны и на град святый отец наших Иерусалим, яко истиною и судом навел еси сия вся грех ради наших. Согрешихом и беззаконновахом отступивше от Тебе, и прегрешихом во всех, и заповедий Твоих не послушахом, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, да благо нам будет. И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси, и предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких отступников... Не предаждь убо нас до конца имени Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас... Душею сокрушенною и духом смиренным да прияти будем. Не посрами нас, но сотвори с нами по кротости Твоея и по множеству милости Твоея, и изми нас по чудесам Твоим, и даждь славу имени Твоему Господи[1]. Святые Отцы сказали о

[1] *«Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, хвально и прославлено имя Твое вовеки. Ибо праведен Ты во всем, что соделал с нами, и все дела Твои истинны и пути Твои правы, и все суды Твои истинны. Ты совершил истинные суды во всем, что навел на нас и на святый град отцов наших Иерусалим, потому что по истине и по суду навел Ты все это на нас за грехи наши. Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили. Заповедей Твоих не слушали и не соблюдали их, и не поступали, как Ты повелел нам, чтобы благо нам было. И все, что Ты навел на нас, и все, что Ты соделал с нами, соделал по истинному суду. И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле. И ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя. Но не предай нас навсегда ради имени Твоего, и не разруши завета Твоего. Не отними от нас милости Твоей ради Авраама, возлюбленного Тобою, ради Исаака, раба Твоего, и Израиля, святаго Твоего, которым Ты говорил, что умножишь семя их, как звезды небесные и как песок на берегу моря. Мы умалены, Господи, паче всех народов, и унижены ныне на всей земле за грехи наши, и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою. Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты. Как при всесожжении овнов и тельцов и как при тысячах тучных агнцев, так да будет жертва наша пред Тобою ныне благоугодною Тебе; ибо нет стыда уповающим на Тебя. И ныне мы следуем за Тобою всем сердцем и боимся Тебя и ищем лица Твоего. Не посрами нас, но сотвори с нами по снисхождению Твоему и по множеству милости Твоей и избави нас силою чудес Твоих, и дай славу имени Твоему, Господи»* (Дан. 3. 26–43).

иноках последнего времени: «В последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди их знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением»[1]. В самом деле: какой ныне самый благонадежный путь спасения для инока? Тот путь, который способен охранить его от влияния соблазнов извне и внутри. Он заключается по наружности в удалении от знакомства и свободного обращения вне и внутри монастыря, в неисходном, по возможности, пребывании в монастыре и в келлии, а по душе в изучении и исполнении евангельских заповедей, или, что то же, в изучении и исполнении воли Божией[2], и в безропотном и благодушном терпении всех попускаемых Промыслом Божиим скорбей, при признании себя от искренности сердца достойным этих скорбей. Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в смирении[3]. Смирение истребляет из души и тела все греховные страсти и привлекает в нее благодать Божию. В этом и заключается спасение.

Глава 31
Источники иноческих скорбей

Искушения на инока возникают из следующих четырех источников: из падшего нашего естества, из мира, от человеков и от демонов. Собственно источник искушений один: наше падшее естество. Если б естество не находилось в состоянии падения, то зло не возникало бы в нас самих, соблазны мира не имели бы на нас никакого влияния, человеки не восставали бы друг против друга, падшие духи не имели бы повода и права приступать к нам. Потому-то и говорит Писание: *Кийждо искушается, от своея похоти влеком и прельщаем*[4].

Бесконечная благость и премудрость Божия устроила для спасающихся так, что все искушения, какие бы то ни было, приносят истинным рабам и служителям Божиим величайшую пользу, могущественно вспомоществуют им в деле спасения и духовного преуспеяния. Зло не имеет доброй цели; оно имеет одну злую цель. Но Бог так чудно устроил дело спасе-

[1] 4 ответ святого Нифонта Цареградского в «Руководстве к духовной жизни» преподобных Варсонофия Великого и Иоанна. || [2] Рим. 12. 2. || [3] Слова преподобного Марка Подвижника о Законе Духовном, гл. 31. || [4] *...каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью* (Иак. 1. 14).

ния нашего, что зло, имея злую цель и действуя с намерением повредить рабу Божию во времени и в вечности, способствует этим его спасению. Спасение, как духовное таинство, соделывающее человека причастником Божественного добра, непостижимо для зла, которое слепо по отношению к Божественному добру, как вполне чуждое его, а понимает только свое, то есть или одностороннее зло или добро падшего естества, смешанное со злом и отравленное злом. Преподобный Макарий Великий говорит: «Содействует злое благому намерением неблагим»[1]. И апостол Павел сказал: *Любящим Бога вся споспешествуют во благое*[2].

Падшее естество, извергая из себя в разнообразных видах грех — здесь разумеется грех не деятельный, а в помыслах, в ощущениях сердца и тела — и препираясь с Евангелием, доставляет, при свете Евангелия, подвижнику опытное и подробное понятие падения; как его собственного, так и общего всему человечеству, доставляет опытное познание необходимости Искупителя, доставляет опытное познание, что Евангелие врачует и оживляет душу, доставляет дух сокрушен и смирен, который водворяется в подвижнике по причине видения им бесчисленных язв и немощей, нанесенных человеку и роду человеческому падением. Яд греха, ввергнутый падением в каждого человека и находящийся в каждом человеке, действует по Промыслу Божию в спасающихся к существенной и величайшей пользе их[3].

Мир, искушая подвижника, доставляет ему опытное познание, как земная жизнь превратна и обманчива, что все сладостное, вожделенное и великое ее оканчивается пустотою и горестию; от этих опытных познаний подвижник стяжевает хладность к земной жизни, к гостинице своей — земле, ко всему, что признается на ней вожделенным для сынов мира, обращает взоры ума и сердца к вечности и начинает усреднейшими молитвами ходатайствовать пред Богом о своей загробной участи.

Человеки, искушая подвижника, доставляют ему возможность соделаться исполнителем возвышеннейших заповеданий Евангелия, заповеданий о любви к врагам. Любовь к врагам есть высшая степень узаконенной Евангелием любви к ближнему. Достигший любви к врагам, достиг совершенства

[1] Слово 4, гл. 6. || [2] Рим. 8. 28. || [3] Святой Исаак Сирский. Слова 46, 58, 61.

в любви к ближнему, и ему сами собою отворились врата любви к Богу. Все препятствия отклонены! вечные затворы и замки расслабели и разверзлись! уже подвижник не осуждает ближнего; уже он отпустил ему все согрешения его; уже он молится за него, как за своего сочлена, принадлежащего одному телу; уже он признал и исповедал, что все скорби, случающиеся рабу Божию, попускаются не иначе, как по мановению Божию; уже он покорился воле Божией во всех обстоятельствах, частных и общественных, и потому со свободою, как наперсник священного мира, как исполнивший относительно ближнего все, повеленное Богом, вступает в объятия Божественной любви. Этого подвижник не мог бы достичь, если б не подвергся различным искушениям от человеков, и по причине искушений не изверг из себя, как бы от действия очистительного врачевства, всей злобы и гордыни, которыми заразилось падшее естество.

Искушения от лукавых духов обыкновенно попускаются после обучения искушениями от падшего естества, от мира и от человеков. Лукавые духи сперва поддерживают падшее естество в борьбе против евангельского учения или принимают участие в искушениях, наносимых подвижнику соблазнами мира и человеками; впоследствии, в свое время, по особенному попущению Божию, открывают лично, собою, брань против раба Христова, возводящую его в великий подвиг. Победитель в этой брани увенчивается особенными духовными дарованиями, как можно видеть из жизнеописаний преподобного Антония Великого, преподобного Иоанна Многострадального и других святых иноков. Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общения с ними, и потому не может достигнуть полной свободы от порабощения им в сем и будущем веке. Оставившие земную жизнь в таком состоянии не могут не подвергнуться истязаниям от бесов на воздушных мытарствах. Преподобный Макарий Великий говорит: «души, скорбми наносимыми от злых духов не искушенные, пребывают еще в отрочестве, и, да тако реку, не способны к Царству Небесному»[1].

Зло есть причина всех скорбей и искушений. Но премудрость и всемогущество Божии служат причиною того, что на рабов Божиих искушения и скорби действуют душеспасительно, доставляя им возможность совершать возвышеннейшие евангельские заповеди, последовать Христу, взяв крест свой,

[1] Слово 7, гл. 14.

соделоваться ближайшими учениками Господа. Напротив того, скорби и искушения действуют гибельно на сынов погибели! зло низлагает их; они не умеют победить его и прежние свои законопреступления навершают новыми законопреступлениями. Так один из разбойников, распятых близ Господа, дополнил на кресте свои злодеяния богохульством[1]. Всемогущество и премудрость Божии служат причиною того, что зло, действуя с намерением и целию, единственно злыми, пополняет, не ведая того, предначертания Промысла Божия. Так: иудейское духовенство, движимое завистию и ненавистию к Богочеловеку, преследовало Его в течение всей Его земной жизни и устроило Ему позорную смертную казнь; но это духовенство, по бесконечной премудрости Бога и Его всемогуществу, было слепым орудием предопределения Божия, состоявшего в том, чтобы всесвятой Христос, пострадав за виновное человечество, страданиями Своими искупил виновное человечество и проложил для всех желающих спастись спасительный крестный путь, возводящий шествующих по нему на небо[2]. Таким же орудием Божиим бывает зло относительно всех служителей Божиих, не приобретая из этого для себя ничего; зло, содействуя по мановению Божию в неведении своем добру, не престает пребывать для себя и для совершающих его тем, что оно есть — злом. — Рабы Божии! знайте наверно, что случающиеся вам скорби приходят не сами собой, а по попущению Божию, и прилагайте возможное тщание, чтоб переносить их с терпением и долготерпением, принося за них славословие и благодарение Богу! знайте, что противящийся скорбям и ищущий отклонить от себя скорбный путь действует против своего спасения, стремится в слепоте своей разрушить порядок и способ спасения, установленный Богом для всех рабов Его.

Глава 32
О необходимости мужества при искушениях

Одним из величайших достоинств полководца в бранях мира сего признается то, когда он не упадает духом при всех превратностях счастия, но пребывает непоколебим, как бы каменосердечный, заимствуя из твердости своей самые разумные и полезные распоряжения, приводя этою твердостию в недоумение врагов своих, ослабляя их дерзость, воодушевляя

[1] Лк. 23. 39. || [2] Деян. 3. 18.

мужеством собственное воинство. Такой характер полководца бывает причиною необыкновенных успехов, — и, внезапно, целый ряд потерь и несчастий увенчивается решительными победами и торжеством. Таким должен быть ум монаха — этот вождь в невидимой борьбе против греха. Ничто, никакое искушение, нанесенное человеками и духами, возникшее из падшего естества, не должны смутить его. Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога, Которому мы предались в служение, Который — всемогущ. Малодушие и смущение рождаются от неверия; но только что подвижник прибегнет к вере, — малодушие и смущение исчезают, как тьма ночи от восшедшего солнца. Если враг принесет тебе различные греховные помыслы и ощущения или если они восстанут из падшего естества твоего: не испугайся, не удивись этому, как чему-либо необычайному. Скажи сам себе: «Я — в беззакониях зачат и во грехах рожден: невозможно естеству моему, столько зараженному греховным ядом, не обнаруживать из себя своей заразы». Точно: невозможно падшему естеству не давать из себя плода своего, особливо, когда оно начнет возделываться евангельскими заповедями. Когда начнут перепахивать землю плугом, тогда выпахиваются наружу самые корни плевелов и, при постоянной перепашке, постепенно истребляются, постепенно нива достигает чистоты: так при возделывании сердца заповедями извлекаются из него наружу самые основные помышления и ощущения, от которых произрастает всякого рода грех, и, таким образом, при постоянном и постепенном обнаружении, истребляются мало-помалу. Положим: возникнет в тебе внезапно блудная страсть — не смутись этим. Точно так же: если возникнут гнев, памятозлобие, корыстолюбие, печаль — не смутись этим. Этому должно быть! Но лишь явится какая страсть, — нисколько не медля посекай ее евангельскими заповедями. Если не будешь поблажать страстям, — узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими, то они умертвят тебя. Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества; но когда греховные помыслы и ощущения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить их особенно. Такие помыслы и ощущения должно исповедывать духовнику, так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое

таинство исповеди спасет тебя; благодать Божия, присущая таинству исповеди, исцелит тебя. Постоянным и усиленным нападением на нас падший дух старается посеять и возрастить в нас семена греха, приучить к какому-нибудь виду греха частым напоминанием о нем, возбудить к нему особенное влечение и обратить этот вид греха в навык, как бы в естественное свойство. Греховный навык называется *страстию,* лишает человека свободы, соделывает его пленником, рабом греха и падшего ангела. Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого на монашеском языке *бранию,* нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь. Исповедь — едва ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере, она — оружие самое сильное и самое действительное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной диаволом: прибегай к нему, доколе диавол и нанесенная им напасть не отступят от тебя. Диавол любить злодействовать тайно; любит быть непримеченным, непонятым[1]. Он *ловит в тайне, яко лев во ограде своей, ловит еже восхитити нищаго*[2], неопытного и немощного инока. Он не терпит быть обнаруженным и объявленным: будучи обличен и объявлен, кидает добычу свою, уходит. Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливающиеся усвоиться душе, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая бессмысленной заботы исчислить их на исповеди пред причащением Святым Христовым Тайнам; скажи, что ты сверх значительных грехов, которые должно изложить с точностию, согрешил разными помышлениями, словами и делами, в ведении и неведении.

Глава 33
Учение святых Отцов о тесном пути

Учение о тесном пути, преподанное Священным Писанием, излагается святыми Отцами весьма сильно, глубоко, ясно, убедительно, в изобилии, как такой род пищи, который имеет важнейшее значение на духовной трапезе духовного слова. «Если хочешь, — сказал преподобный Марк Подвижник, —

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31. || [2] *Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище; подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного* (Пс. 9. 30).

в немногих словах преподать душеспасительное наставление ученолюбивому, то преподай ему молитву, правую веру и терпение встречающихся скорбей. Этими тремя видами добра приобретается все прочее добро»[1]. Учение о терпении скорбей признавалось всегда одним из основных христианских нравственных преданий. В настоящее время, когда Промыслом Божиим образование и спасение иноков вверено по преимуществу многоразличным напастям и искушениям, учение о терпении скорбей получает величайшую знаменательность. Делаем достаточное число выписок об этом предмете из творений Отеческих с тою целию, чтоб доставить современному иноку подкрепление духовное посреди скорбей, уже наступивших, чтоб доставить ему правильным пониманием скорбей приготовление к правильному принятию скорбей, еще не пришедших, — скопляющихся, может быть, грозно вдали, подобно темной, громовой туче. Кого они застанут нечаянно, неготовым, невооруженным, того колеблют удобно, часто низлагают. *Взятие креста своего,* то есть благодушное терпение скорбей, основывается на *самоотвержении.* Без самоотвержения оно невозможно. Оно является соответственно степени самоотвержения. Самоотвержение основывается на вере во Христа. Этот закон духовный предъявлен Христом[2].

Выписка из творений преподобного Макария Великого

«Желающий быть подражателем Христу, чтоб при посредстве этого получить звание сына Божия, рожденного Духом, прежде всего должен переносить благодушно и терпеливо все случающиеся с ним скорби, как-то: телесные болезни, обиды и поругания от человеков и наветы от невидимых врагов, потому что, по Промыслу Божию, распоряжающемуся всем премудро и со всеблагою целию, такие испытания различными напастями попускаются душам, чтоб обнаружилось явственно, которые из них любят Бога искренно. От начала века для святых Патриархов, Пророков, Апостолов и мучеников было знамением избрания то, что они прошли по тесному пути искушений и скорбей и таким образом благоугодили Богу. *Сыне,* — говорит Писание, — *аще приступаеши работати Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи*[3].

---

[1] О мнящих оправдаться делами, гл. 102. || [2] Мф. 17. 24. || [3] *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу*

И в другом месте: *Все елико аще нанесено ти будет, приими*[1], как благое, зная, что без Бога ничего не случается с нами. И потому душе, желающей благоугодить Богу, прежде всего должно вооружиться терпением и надеждою. К злохитростям диавольским принадлежит и то, что он во время нашедшей скорби ввергает нас в уныние с целию отвратить от упования на Бога. Бог никогда не допускает искушениям столько угнести уповающую на Него душу, чтоб она, доведенная до крайности, пришла в отчаяние. *Верен же Бог,* — говорит Апостол, — *Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести*[2]. И диавол озлобляет душу не столько, сколько хочет, но в такой мере, в какой попускается Богом. Если людям не неизвестно, какое бремя может нести мул, какое осел, какое верблюд, и на основании этого знания на каждого из упомянутых животных возлагается соответствующая силе его ноша; если знает скудельник, сколько времени должно держать в печи глиняные сосуды, чтоб они, будучи передержаны в ней, не перетрескались, или, напротив того, будучи вынуты недостаточно обожженными, не оказались негодными к употреблению: если, говорю, человек одарен таким соображением, то не гораздо ли более, не несравненно ли более предусматривает премудрость Божия, какое бремя искушений должно возложить на каждую душу, чтоб она, будучи испытана им, соделалась способною к Небесному Царству»[3].

«Если стебель конопли не будет продолжительно бит, то не получит способности превращаться в тончайшие нити; чем долее он будет бит, чем более будет чесан гребнями, тем делается чище и способнее. Новослепленный глиняный сосуд, но не скрепленный в огне, не годен для употребления; малолетний отрок не способен к исправлению обязанностей житейских, не способен строить здания, садить древа, засевать приготовленные к тому поля или выполнять что другое из житейских потребностей: так часто и души, будучи причастницами Божественной благодати, будучи преисполнены небесной сладости по благости Божией, снисходящей младенчеству их, и вкушая мир Христов от действия в них Святого Духа, но еще

свою к искушению, управь сердце твое и будь тверд... будь долготерпелив (Сир. 2. 1–4). ‖ [1] *Все, что ни приключится тебе, принимай охотно* (Сир. 2. 4). ‖ [2] *...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемым сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10. 13). ‖ [3] Sancti Macarii Aegiptii opera omnia, Liber de libertate mentis, caput XIII.

не искушенные различными напастями от злых духов, нисколько не возвысились из состояния и разума детских и, выражусь так, еще не способны к Царству Божию. Потому что *аще же без наказания есте,* — говорит Апостол, — *емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[1]. И искушения и скорби посылаются человеку к пользе его; они доставляют душе опытность и крепость, — и, если она, в надежде на Господа, понесет их терпеливо до конца, то быть не может, чтоб она не наследовала обетований Духа и не освободилась от возмущения порочными страстями»[2].

«У врага нашего — бесчисленные козни, которыми он старается повредить нам и отвлечь от Христа. Он наводит или внутренние скорби, действуя духами злобы, или возбуждает в душе скверные страстные помыслы, возобновляя в памяти прежде соделанные согрешения, стараясь в то же время ввергнуть душу в уныние, представляя ей спасение уже невозможным и внушая этим расположение к отчаянию. Он действует так хитро, что такие помыслы кажутся рождающимися в самой душе, а не насеваемыми в ней чуждым ей лукавым духом, который, действуя, вместе хочет и укрыться. Или он поступает вышесказанным образом, или поставляет в трудное положение по телу, или изобретает все средства, чтоб подвергнуть благочестивых людей оскорблениям от людей порочных. Но чем ожесточеннее лукавый враг пускает в нас огненные стрелы, тем более и более должно нам укрепляться в Боге, возлагая на Него надежду и в твердом убеждении, что все это попускается по воле Божией, которой единственная цель заключается в том, чтоб души, любящие Бога, были вполне испытаны искушениями и со всею удовлетворительностию доказали свою любовь к Богу»[3].

«Божии человеки должны приготовить себя к сражениям и борьбе. Юный воин великодушно переносит полученные раны и храбро отражает супостатов: точно так и христиане должны мужественно переносить оскорбления и борьбу, как внешние, так и внутренние. Ударяемые скорбями христиане должны восходить в преуспеяние посредством терпения. Таков путь христианского жительства. Где Святой Дух, там, как тень за солнцем, последуют гонение и борьба. Воззри на пророков, в кото-

[1] *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8). || [2] Liber de libertate mentis, cap. 14. || [3] Liber de libertate mentis, cap. 31.

рых действовал Дух Святой: каким они подвергались гонениям от соотечественников своих! Воззри на Господа, Который — *путь и истина*[1], и Который претерпел гонение не от какого-либо чуждого народа, но от Своего собственного племени, от израильтян! Они преследовали Господа с неистовством и распяли на кресте. Подобной участи подверглись и Апостолы. С того времени, как Господь был пригвожден ко кресту, отошел Святой Дух Утешитель от иудеев, переселился в христиан, — и никто из иудеев не подвергся уже гонению: одни христиане предавались на мученичество. Не следует христианам приходить в недоумение при напастях: подвергаться преследованию — неотъемлемая принадлежность истины»[2].

«Мученики, прошедши чрез многие виды мучений, явили силу непобедимого мужества, подчинившись и самой смерти насильственной: после этого они удостаиваемы были венцов. Чем многочисленнее и тягостнее были их страдания, тем большие получили они славу от Бога и дерзновение к Богу. Подобно этому души, преданные разнообразным скорбям, или явно наносимыми человеками, или возникающим в самих душах от восстания нелепых помыслов, или причиняемым впадением в телесные болезни, если с твердостию до конца претерпят все, сподобляются одинаковых венцов с мучениками, одинакового дерзновения к Богу. Скорби мучеников, которые претерпели мученики от человеков, понесены этими душами от жестокого нападения и натиска самих лукавых духов, — и чем многочисленнее и тягостнее нападения супостата — диавола, которым они подвергаются, тем обильнейшую получат славу от Бога не только в будущем веке, но и здесь, обогатившись преизобильным утешением Духа»[3].

«Известно со всею достоверностию то, что и узок и тесен путь, ведущий в жизнь вечную, что, по этой причине, мало идущих по нему: и потому мы должны все искушения, наносимые диаволом, претерпевать с твердостию и постоянством ради надежды на получение благ, уготованных нам на небе. Сколько бы ни понесли мы здесь скорбей, что значит это в сравнении или с обетованными нам благами в будущем, или с причастием Утешителя, всеблагого Духа, которое здесь уже даруется достойным, или с освобождением из тьмы порочных страстей, или с прощением множества долгов наших, то есть грехов? *Недостойны страсти* — страдания — *нынешняго*

[1] Ин.14. 6. ‖ [2] Homilia XV, cap. XII. ‖ [3] Liber de libertate mentis, cap. XV.

времене к хотящей славе явитися в нас[1]. И потому мы должны мужественно переносить ради Господа все, подобно храбрым воинам, не отрицаясь, и умереть за нашего Царя. Почему не подвергались мы таким горестям, каким подвергаемся ныне, когда пребывали в мирской жизни и прилежали делам ее? Почему ныне, когда поступили в служение Богу, претерпеваем многоразличные искушения? Очевидно: за Христа наносятся нам эти скорби супостатом, одержимым завистию к нам по поводу благ, уготованных нам: он усиливается ввергнуть души наши в расслабление и уныние, чтоб мы не получили обетованных наград за жительство, проведенное в благоугождении Богу. Но мы сражаемся со Христом, — и разрушаются все ухищрения врага против нас. Христос — великий, непобедимый покровитель и заступник наш. Рассудим, всмотримся внимательно; и Сам Он препроводил земную жизнь, осыпаемый поношениями, насмешками, преследуемый гонениями, наконец казненный поносною смертию на кресте»[2].

«Хочешь ли переносить удобно всякую скорбь и искушения: смерть за Христа да будет вожделенна тебе, и эта цель обета нашего да предстоит непрестанно очам ума. Так заповедано нам: нам заповедано взять крест наш и последовать Христу, что значит быть постоянно готовым к подъятию смерти. Если будем в таком расположении и настроении духа, то, как сказано, будем переносить с великим удобством всякую скорбь, и внутреннюю и находящую извне. Может ли встретить с негодованием или досадою случающиеся противности тот, кто желает умереть за Христа? Именно по той причине и представляются тяжкими скорби, что мы не расположены умереть за Христа, не сосредоточили в Нем всех сердечных стремлений наших. Вожделевающий иметь в себе Христа и стяжать столь изящное наследство должен, соответственно этому желанию, подражать страданиям Его. Говорящие, что любят Господа, пусть докажут справедливость слов своих не только великодушным терпением всех случающихся скорбей, но и терпением охотным, с любовию, ради надежды, отложенной в Господе»[3].

«Слово Божие действует в каждом человеке соразмерно и сообразно ему. Насколько кто содержит Слово, настолько

[1] *...нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8. 18). || [2] Liber de libertate mentis, cap. XVI. || [3] Liber de libertate mentis, cap. XVII.

содержится Им; насколько хранит Его, настолько сохраняется Им. По этой причине все лики Святых, Пророки, Апостолы, Мученики хранили Слово в сердцах, не пеклись ни о чем временном, но, презрев земное, пребывали в заповеди Святого Духа, отдав предпочтение Боголюбию и добродетели пред всем, отдав это предпочтение не пустыми словами и поверхностным сознанием, но словом, соединенным с делом, самою действительностию. Вместо богатства они избрали нищету, вместо славы — бесчестие, вместо наслаждения — злострадание; вместо ярости они избрали любовь: ненавидя наслаждения этой жизни, они тем более любили тех, которые отнимали у них средства к наслаждению, и этим содействовали принятому ими направлению. Они удалялись от вкушения запрещенного плода *еже ведети доброе и лукавое*[1]: они любили благочестивых и благонамеренных, но не обвиняли и злых, признавая и тех и других посланниками Владычного управления; ко всем имели они правильную любовь. Внимая заповеданию Господа *отпущайте, и отпустится вам*[2], они признавали обижающих благодетелями, доставляющими обижаемым средство к получению прощения в грехах. Опять: внимая заповеданию Господа: *якоже хощете да творят вам человецы, и вы творите им такожде*[3], они любили и благих, по долгу совести. Оставив свою правду и взыскав правды Божией, они обрели постепенно любовь, сокровенную естественно в правде Божией».

«Господь, преподав многие заповеди о любви, повелел искать *правды Божией*[4]: эта правда — мать любви. Невозможно спастись иначе, как чрез ближнего. *Отпущайте,* — заповедал Господь, — *и отпустится вам*[5]. В этом заключается духовный закон, начертываемый на сердцах верующих и служащий исполнением первого закона. *Не приидох,* — говорит Господь, — *разорити закон, но исполнити*[6]. Каким образом исполняется он? услышь. Первый закон, осуждая сделавшего зло ближнему по благословной причине, осуждал и обиженного, так что каждый, осуждая в чем-либо ближнего, осуждал вместе и себя, а прощавший ближнему доставлял этим прощение и себе. Говорит закон: «Осуждение за осуждение,

[1] *...дерево познания добра и зла* (Быт. 2. 9). || [2] Лк. 6. 37. || [3] *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6. 31). || [4] Мф. 6. || [5] Лк. 6. 37. || [6] *...не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5. 17).

отпущение за отпущение». Итак, исполнение закона заключается в прощении обид. — Упомянули мы о первом законе не потому, чтоб Богом были даны два закона; дан один духовный по естеству, по отношению же к воздаянию произносящий правильное определение: прощающему он прощает, а того, кто требует взыскания, подвергает суду. *Со избранным избран будеши,* — говорит он, — *и со строптивым развратишися*[1]. По этой причине исполняющие закон духовно, и по мере исполнения соделывающиеся причастниками благодати, любили не только благодетельствовавших, но и поношающих и гонящих, ожидая получить любовь в воздаяние добродетели. Добродетель их состояла не только в том, что они простили нанесенные им обиды, но и в благотворении душам обидчиков, молясь за них Богу, как за те орудия, при посредстве которых они получают блаженство, по свидетельству Писания: *Блажени есте, егда поносят* вас *и ижденут* вас»[2].

Такому образу мыслей научал их духовный закон. Когда они соблюдали терпение и кротость в духе, тогда Господь, видя терпение сердца боримого и не отступающего от любви, разрушал *средостение ограды*[3] и совершенно изгонял из них злобу. С этого времени они уже имели в себе любовь не по насилию над собою, а по благодати Божией, потому что с этого времени Господь удерживал *обращаемое оружие*[4], воздвигающее страстные помыслы; они входили *во внутреннейшее завесы, идеже предтеча о нас вниде Иисус*[5], где они наслаждались плодами Духа, откуда увидели ожидающее их блаженство будущей жизни, с совершенным извествованием сердца, то есть существенно, а не *в зерцале и гадании*[6]; они свидетельствуют с Апостолом: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*[7]. Но я предложу об этом чудном действии следующий вопрос: если оно не входило на сердце человеку, то вы, Апостолы, как знаете его? Как знаете его, исповедав, что вы человеки нам подобострастные?[8] Услышь, что отвечает на

---

[1] *С чистым — чисто, а с лукавым — по лукавству его* (Пс. 17. 27). ‖ [2] *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5. 11). ‖ [3] Еф. 2. 14. ‖ [4] *...пламенный меч* (Быт. 3. 24). ‖ [5] *...во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус* (Евр. 6. 19, 20). ‖ [6] *...и* ***тусклое*** *стекло, гадательно* (1 Кор. 13. 12). ‖ [7] *...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2. 9). ‖ [8] Деян. 14. 15.

это блаженный Павел: *Нам Бог открыл* это *Духом Святым: Дух бо вся испытует, и глубины Божия*[1]. Чтоб никто не мог сказать: «Святой Дух дан был Апостолам, как Апостолам; нам же не свойственно вмещать Его в себе», — Павел говорит, дав словам своим форму молитвы: *да даст вам* Бог *по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу в сердца ваша: в любви вкоренени и основани*[2]. *Господь — Дух есть: а идеже дух Господень ту свобода*[3]. *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*[4]. — Будем молиться и мы, чтоб и нам приять благодать Святого Духа в полном извествовании и явственном ощущении, чтоб снова взойти туда, откуда мы изгнаны, чтоб удален был от нас душегубец — змей, дух, непрестанно влагающий в нас тщеславие, дух попечения и объядения, чтоб мы уверовали в Господа живою верою, сохранили заповеди Его и возрасли в Нем *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*[5], чтоб нами уже не обладала *любовь мира сего*[6], чтоб мы были твердо убеждены в духе нашем и веровали несомненно в благоволение благодати Божией о кающихся грешниках. Даруемое благодатию не соразмеряется уже с тою немощию, которая господствовала в человеке прежде приятия благодати: иначе благодать не была бы благодатию. Уверовав всесильному Богу, приступим к Дарующему причастие Святого Духа за веру, а отнюдь не за дела естества и несоразмерно им, приступим с простым и не любопытным сердцем: не *от дел закона,* — говорит Писание, — *Духа приясте, но от слуха веры*»[7].

Выписка из творений преподобного Марка Подвижника[8]

«Бог есть и начало, и средина, и конец всякого блага. Истинное благо не может быть ни принято верою, ни ис-

[1] *А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает, и глубины Божии* (1 Кор. 2. 10). ‖ [2] *Да даст вам по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, ... укоренные и утвержденные в любви* (Еф. 3. 16–18). ‖ [3] *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3. 17). ‖ [4] *Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (Рим. 8. 9). ‖ [5] *...в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4. 13). ‖ [6] Иак. 4. 4; Ин. 2. 15. ‖ [7] *...через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере* (Гал. 3. 2). Беседа 37. ‖ [8]Древнеобразное изложение преподобным Марком его глубоких размышлений, иногда очень сжатое, иногда очень растя-

полнено на деле иначе, как при посредстве Иисуса Христа и Святого Духа»[1].

«Живая вера — крепкий столп: Христос для верующего в Него такою верою — все»[2].

«Бдение, молитва и терпение постигающих нас скорбей доставляют сердцу безвредное, полезное сокрушение, лишь бы только несоразмерное усиление подвига не отняло у него существенного достоинства. Нерадящий об этих трех видах делания, упражняющийся в них слабо, подвергнется нестерпимой муке при кончине своей»[3].

«Во время кончины сластолюбивое сердце служит для души темницею и оковами; любящее же подвиг — дверью отверстою»[4].

«Железные врата, вводящие в Иерусалим, — образ жестокого сердца: отверзаются они сами собою ведущему подвижническую жизнь и терпящему скорби, как отверзлись апостолу Петру»[5].

«В то время, как действует в тебе память Божия, умножай моление, чтоб и Господь воспомянул о тебе, когда забвение о Нем нападет на тебя»[6].

«Милостивое сердце очевидно привлечет к себе милость: противоположное этому, естественно, должно случиться с сердцем, находящимся в расположении, противоположном милости»[7].

«Закон духовной свободы научает истине, и многие знают его поверхностным разумением, но не многие уразумевают по мере исполнения заповедей делами»[8].

«Совершенство духовного закона сокрыто в Кресте Христовом»[9].

«За скорби уготовано человекам благое; злое — за тщеславие и сластолюбие»[10].

«Обижаемый человеками избегает греха и обретает заступление, соразмерное скорби»[11].

путое, принудило здесь, при переводе, обращаться нередко к значительной перестановки слов речи (к парафразу) с тою целию, чтоб назидательная мысль писателя всегда была ясною для читателя, чтоб назидание не скрывалось в темноте изложения. Наблюдалось это, хотя в меньшей степени, и в прочих выписках, помещенных здесь, из творений святых Отцов. Этим правилом руководствовались часто и Отцы даже в приводимых ими изречениях Священного Писания. ‖ [1] Слово о Законе Духовном, гл. 2. ‖ [2] Гл. 4. ‖ [3] Гл. 19. ‖ [4] Гл. 20. ‖ [5] Деян. 12.10; Слово о Законе Духовном, гл. 21. ‖ [6] Гл. 25. ‖ [7] Гл. 29. ‖ [8] Гл. 30. ‖ [9] Гл. 31. ‖ [10] Гл. 42. ‖ [11] Гл. 43.

«Кто верует Христу, обетовавшему воздаяние, тот усердно, по мере веры, претерпит всякую обиду»[1].

«Кто молится о человеках, обижающих его, тот низлагает бесов; низлагается бесами тот, кто дозволит себе противоборство обижающим его человекам»[2].

«Поношение от человеков приносит скорбь сердцу: оно, для терпящего, бывает причиною чистоты»[3].

«Живя в довольстве, принимай попущаемые скорби и, как долженствующий дать отчет, воспрещай себе излишества»[4].

«Случившаяся нечаянно скорбь напоминает благоразумному о Боге, уязвляя забывшего о Боге соразмерно вкравшемуся забвению»[5].

«Умственно показывай себя Владыке: *человек бо зрит на лице, Бог же на сердце*»[6].

«Всякая невольная скорбь да научает тебя обращаться к памятованию Бога, — и не оскудеет в тебе побуждение к покаянию»[7].

«Исследывай свои грехи, а не грехи ближнего, и не будет окраден твой духовный подвиг»[8].

«Неудобопростительно нерадение о всех посильных добродетелях; милостыня и молитва восставляют нерадевших»[9].

«Всякая скорбь по Богу есть существенное дело благочестия: истинная любовь искушается противностями»[10].

«Не подумай, что можно стяжать добродетель без скорби: жительствующий в отраде пребывает чуждым духовной опытности»[11].

«Всматривайся в окончательное последствие всякой скорби и найдешь, что оно заключается в истреблении греха»[12].

«Желающий не в осуждение себе принимать похвалу от человеков прежде да возлюбит обличение в грехах своих»[13].

«Подвергшийся бесчестию за истину Христову сторично будет прославлен многими. Но лучше делать доброе в надежде будущего воздаяния»[14].

«Хвалящий ближнего лицемерно в удобное время уничижит его»[15].

«Не знающий козней, устраиваемых врагами, удобно закалается ими, — и не знающий начал, на которых зиждутся страсти, удобно низвергается в грехопадения»[16].

---

[1] Гл. 44. || [2] Гл. 45. || [3] Гл. 49. || [4] Гл. 51. || [5] Гл. 56. || [6] Евр. 4. 13; Слово о Законе Духовном, гл. 53. || [7] Гл. 57. || [8] Гл. 63. || [9] Гл. 64. || [10] Гл. 65. || [11] Гл. 67. || [12] Гл. 67. || [13] Гл. 72. || [14] Гл. 73. || [15] Гл. 75. || [16] Гл. 76.

«Поступивший по заповеди, да ожидает искушения вследствие своего поступка: любовь ко Христу искушается противностями»[1].

«Когда явится в тебе помысл, предлагающий славу от человеков: то знай наверно, что он устраивает для тебя бесчестие»[2].

«Враг ведает правдивость духовного закона, — и ищет только, чтоб человеческий ум изъявил согласие на представший ему греховный помысл. Таким образом враг или подчиняет покорившегося ему трудом покаяния, или, если побежденный не прибегнет к покаянию, подвергает его страданиям, наводя на него — как на покорившегося ему произвольно — различные скорби; иногда же подучает его восставать и против наведенных скорбей, чтоб и здесь умножить страдания и выказать неверным, по причине нетерпения, при исходе души из тела»[3].

«Многие много поборолись против встречающихся невольно скорбей, но никто не избежал скорби иначе, как при посредстве молитвы и покаяния»[4].

«Пороки заимствуют силу один от другого: и добродетели развиваются в человеке одна от другой, возбуждая в причастнике своем движение к преуспеянию»[5].

«Малые согрешения еще уменьшаются диаволом в глазах наших: иначе он не может привести нас к большим согрешениям»[6].

«Гневающийся на ближнего, или за деньги, или за славу, или за наслаждение, еще не познал, что Бог управляет тварями праведно»[7].

«Если кто, явно согрешая и не прибегая к покаянию, не подвергся никакой скорби до самого исхода из этой жизни, то понимай из этого, что его постигнет Суд без милости»[8].

«Молящийся в разуме терпит встречающиеся скорби; но побеждаемый памятозлобием еще не имеет чистой молитвы»[9].

«Обиженный, обесчещенный, изгнанный кем-либо из человеков, не засматривайся на настоящее, но устреми взоры к последствиям действий этого человека, — и найдешь, что он был для тебя виновником многих благ не только в настоящем, но и в будущем веке»[10].

«Полезна горькая полынь для тех, у которых испорчено пищеварение: так и злонравным полезно подвергаться зло-

---

[1] Гл. 88. || [2] Гл. 90. || [3] Гл. 91. || [4] Гл. 92. || [5] Гл. 93. || [6] Гл. 94. || [7] Гл. 108. || [8] Гл. 112. || [9] Гл. 113. || [10] Гл.114.

ключениям. То и другое служит врачевством, доставляя телесное здравие первым и приводя к покаянию вторых»[1].

«Ты не желаешь терпеть зла? не желай и делать зла: первое за вторым последует неизбежно. Каждый жнет то, что посеял»[2].

«Сея зло произвольно и пожиная его невольно, мы должны удивляться правде Божией»[3].

«Определено некоторое время между сеятвою и жатвою: не видя воздаяния вслед за сделанным злом, не будем не верить воздаянию, как некоторые не верят ему по этой причине; придет оно в свое время»[4].

«Похваляющий и вместе порицающий ближнего выказывает этим, что он недугует тщеславием и завистию: похвалами старается скрыть зависть, а порицаниями старается выставить свое превосходство над порицаемым»[5].

«Невозможно пасти овец и волков на одном пастбище: так невозможно получить милость тому, кто делает зло ближнему»[6].

«Вода и огонь, будучи соединены в одном месте, противодействуют друг другу: противодействуют друг другу в душе словоправдание и смирение»[7].

«Ищущий отпущения грехов любит смиренномудрие; осуждающий ближнего запечатлевает свою греховность»[8].

«Не оставляй неизглажденным греха, хотя бы он был и самомалейший: иначе он повлечет тебя к большему злу»[9].

«Если хочешь спастись, возлюби правдивое слово и никогда не отвращайся обличений»[10].

«Лучше молиться с благоговением о ближнем, нежели обличать его о всяком согрешении»[11].

«Кающийся истинно подвергается поруганию безумных: это служит для него знаком благоугождения Богу»[12].

«Превознесшись похвалами ожидай бесчестия»[13].

«Ищущий похвалы вступает в область страстей; плачущий о скорби, нашедшей на него, обнаруживает преобладание в нем сластолюбия»[14].

«Колеблется как на весах помысл сладострастного: сладострастный иногда проливает слезы, оплакивая грехи свои; иногда же, защищая свое сластолюбие, ратует против ближнего и вступает с ним в спор»[15].

---

[1] Гл. 115. || [2] Гл. 116. || [3] Гл. 117. || [4] Гл. 118. || [5] Гл. 122. || [6] Гл. 123. || [7] Гл. 125. || [8] Гл. 126. || [9] Гл. 127. || [10] Гл. 128. || [11] Гл. 132. || [12] Гл. 133. || [13] Гл. 137. || [14] Гл. 143. || [15] Гл. 144.

«Долготерпеливый муж изобилует разумом: будет изобиловать разумом и тот, кто устремится всем сердцем к изучению Божественной премудрости»[1].

«Без памяти Божией разум не может быть истинным: без нее он — ложен»[2].

«Ненавидящий обличения погрязает в страстях произвольно. Любящий обличение, если и увлекается еще страстями, то, очевидно, увлекается по прежде полученному навыку»[3].

«Не желай слышать поведания о согрешениях ближнего: в таком произволении напечатлеваются образы этих согрешений»[4].

«Настоящие скорби променивай в мысли твоей на блага будущей жизни, — и нерадение никогда не расслабит твоего подвига»[5].

«Сплетение приятных и неприятных приключений принимай равным помыслом (с одинаковым равнодушием): Бог, при таком подвиге человека, уравнивает неравность событий»[6].

«Душевные перемены и колебания происходят от помыслов, не приведенных в основательное, всегда равное состояние: Богом устроено так, что невольное бывает естественным последствием произвольного»[7].

«Дела, совершаемые телом, суть порождения действий духа, будучи естественными и справедливыми последствиями их, по определению Божию»[8].

«Пребывай непоколебимо в духовном разуме, — и не будешь изнемогать при искушениях. Уклонившись же из духовного образа мыслей ощутишь страдание: претерпи его»[9].

«Молись, чтоб не постигло тебя искушение. Постигшее же искушение прими как свою принадлежность, а не как что-либо чуждое тебе»[10].

«Воздержись от всякого излишества при удовлетворении нуждам тела, — и тогда возможешь усмотреть козни диавольские»[11].

«Когда ум оставит телесные попечения, тогда начнет видеть, соразмерно этому оставлению, козни невидимых врагов»[12].

«Иной по наружности исполняет заповедь, но в сущности удовлетворяет своей тайной страсти и растлевает доброе дело греховными помыслами»[13].

---

[1] Гл. 146. || [2] Гл. 147. || [3] Гл. 151. || [4] Гл. 152. || [5] Гл. 156. || [6] Гл. 159. || [7] Гл. 160. || [8] Гл. 161. || [9] Гл. 163. || [10] Гл. 164. || [11] Гл. 165. || [12] Гл. 167. || [13] Гл. 169.

«Вводимый в начало зла, не скажи: оно не победит меня. Насколько ты введен в него, настолько уже и побежден»[1].

«Всякое великое согрешение начинается с малого подчинения началам его и возрастает постепенно, будучи питаемо и развиваемо»[2].

«Козни злобы — мрежа многоплетенная! часто запутывающегося в ней она охватывает со всех сторон, если он попустит себе нерадение»[3].

«Не желай слышать о несчастии, постигшем человека, враждебного тебе. Слушающие произвольно такие поведания пожинают плоды своего произволения»[4].

«Не думай, что всякая скорбь попускается человекам за грехи их: искушаются и благоугождающие Богу. Говорит Писание: *нечестивии и беззаконницы же изженутся*[5]; оно же говорит: *вси же хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут*»[6].

«Во время скорби постарайся заметить действие сластей: они, утешая в скорби, бывают нам приятны»[7].

«Некоторые называют мудрыми понимающих и объясняющих различные предметы в видимом мире: мудры — обладающие своими пожеланиями»[8].

«Если увидишь сильное движение в душе, влекущее к страсти безмолвствующий ум, то знай, что ум предупредил это невольное действие действием произвольным, произвольно приведя в движение страсть и насадив ее в сердце»[9].

«Когда престанешь исполнять на деле плотские похотения, по учению Писания, тогда, при помощи Господа, удобно прекратится и в душе невидимое действие страстей»[10].

«Бог вменяет нам и дела и намерения. В Писании сказано: Господь *воздаст коемуждо по деянием его*[11]; также сказано: *даст ти Господь по сердцу твоему*»[12].

«Незанимающийся постоянно рассматриванием своей совести не возложит на себя и телесных подвигов для стяжания благочестия»[13].

«Невозложивший на себя произвольно подвигов для стя-

---

[1] Гл. 170. ‖ [2] Гл. 171. ‖ [3] Гл. 172. ‖ [4] Гл. 173. ‖ [5] *[а беззаконные будут извержены] и потомство нечестивых потребится* (Пс. 36. 28). ‖ [6] Гл. 174; *...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3. 12). ‖ [7] Гл. 175. ‖ [8] Гл. 176. ‖ [9] Гл. 179. ‖ [10] Гл. 181. ‖ [11] *Сын Человеческий... воздаст каждому по делам его* (Мф. 16. 27). ‖ [12] Гл. 184; *Да даст тебе [Господь] по сердцу твоему* (Пс. 19. 5). ‖ [13] Гл. 185.

жания благочестия тем сильнее будет подвергаться скорбям невольным»[1].

«Совесть есть книга естественного закона. Читающий эту книгу, исполнением на деле требований ее, опытно познает, что Бог вспомоществует человеку»[2].

«Познавший волю Божию и исполняющий ее по силе малыми трудами избежит трудов великих»[3].

«Хотящий победить искушения без молитвы и терпения не возможет отразить их от себя, — запутается в них еще более»[4].

«Благое направление совести приобретается молитвою, и чистая молитва — правильно настроенною совестию. Одно служит последствием другому естественно»[5].

«Иаков устроил Иосифу пеструю одежду, и Господь дарует кроткому разум истины, по свидетельству Писания. *Научит Господь*, — говорит оно, — *кроткия путем Своим*»[6].

«Господь сокровен в заповедях Своих, — и обретается ищущими Его по мере исполнения ими заповедей Его»[7].

«Мир Христов есть избавление от страстей: он не может быть получен иначе, как действием Святого Духа»[8].

«Господь, научая нас, что исполнение каждой заповеди Его есть долг наш, а усыновление Богу есть дар Его, даруемый вследствие искупления человеков кровию Его, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: и еже должни бехом сотворити, сотворихом*[9]. Из этих слов явствует, что Царство Небесное не есть возмездие за дела, но дар по благоволению Божию, уготованный верным рабам»[10].

«*Христос умре грех наших ради, по Писанием*[11], и тем, которые служат Ему благоугодно, дарует свободу: *добре, рабе благий и верный*, — говорит Он, — *о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*»[12].

«Почитающий Господа исполняет повеленное Им. Согрешивший же, то есть преслушавший Господа, терпеливо пере-

---

[1] Гл. 187. ‖ [2] Гл. 186. ‖ [3] Гл. 188. ‖ [4] Гл. 189. ‖ [5] Гл. 198. ‖ [6] Гл. 199; *...научает кротких путям Своим* (Пс. 24. 9). ‖ [7] Гл. 190. ‖ [8] Гл. 192. ‖ [9] *...когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17. 10). ‖ [10] «Слово о думающих оправдаться делами», гл. 2. ‖ [11] *...Христос умер за грехи наши, по Писанию* (1 Кор. 15. 3). ‖ [12] *...добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю: войди в радость господина твоего* (Мф. 25. 23). Гл. 4.

носит попущаемые скорби, как свойственные себе, как свою принадлежность»[1].

«Искушения, случающиеся с нами неожиданно, научают нас быть трудолюбивыми и привлекают к покаянию при недостаточном произволении к нему. Совершается это по смотрению о нас Божию»[2].

«Скорби, постигающие человеков, суть порождения соделанных ими согрешений и живущих в них страстей. Если будем претерпевать эти скорби при помощи молитвы, то последует за наведенными скорбями наведение благого положения»[3].

«Некоторые, будучи похвалены за добродетель, усладились этою похвалою, и наслаждение тщеславием приняли за утешение совести; другие, будучи обличены во грехе, опечалились, и полезную печаль сочли действием злобы»[4].

«Желающий преплыть мысленное море возделывает в себе долготерпение, смиренномудрие, терпение, воздержание. Если же он покусится совершить плавание без содействия этих добродетелей, то возмутит лишь сердце свое, а преплыть не возможет»[5].

«Безмолвие заключается в отвержении всех видов зла. Кто при безмолвии совокупит четыре вышеупомянутые добродетели с молитвою, для того они соделаются надежнейшим средством к достижению бесстрастия»[6].

«Невозможно безмолвствовать умом, не безмолвствуя по телу, невозможно уничтожить разъединения тела с духом без безмолвия и молитвы»[7].

«Молитва без сосредоточенной в нее мысли вниманием не признается совершенною; но мысль, вопиющую безмолвно, то есть без расхищения рассеянностию, услышит Бог»[8].

«Ум, молящийся неразвлеченно, утесняет сердце: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*»[9].

«И молитва называется добродетелию, хотя она — мать всех добродетелей: она рождает их от соединения со Христом»[10].

«Что сделаем без молитвы и не возложа упования на Бога, то оказывается впоследствии вредным и погрешительным»[11].

«Если впадешь в уныние при молитве или подвергнешься многообразным напастям от врага, то приведи себе на память

---

[1] Гл. 6. || [2] Гл. 8. || [3] Гл. 9. || [4] Гл. 10. || [5] Гл. 29. || [6] Гл. 30. || [7] Гл. 31. || [8] Гл. 33. || [9] Гл. 34; Пс. 50. 17. || [10] Гл. 35. || [11] Гл. 36.

предстоящее тебе исшествие из этой жизни и лютые адские муки. Но лучше прилепляться к Богу молитвою и возложением на Него всех попечений, нежели прибегать к воспоминаниям, нарушающим сосредоточенность, несмотря на пользу их»[1].

«Не признается воздержником тот, кто развлечен разнообразными помыслами, хотя бы они и были полезны: не полезнее они молитвы»[2].

«Кающийся правильно не думает, чтоб его подвиг покаяния служил удовлетворительным возмездием за соделанные грехи, но усиливается подвигом покаяния умилостивить Бога»[3].

«Сколько бы мы ни умножили сегодня добродетель нашу, — этим не заслужим воздаяния: это — обличение предшествовавшего нерадения»[4].

«Великая добродетель — терпеть приключающиеся скорби и любить ближнего ненавидящего, по заповеданию Господа»[5].

«Знак нелицемерной любви — прощение обид. Так и Господь возлюбил этот мир»[6].

«Невозможно простить от сердца обиду без истинного духовного разума: духовный разум объясняет, что все, постигающее каждого, есть его собственность»[7].

«Ничего не потеряешь из того, что оставишь ради Господа: оставленное возвратится, в свое время, с великим избытком»[8].

«Истинный разум заключается в терпении скорбей и в том, чтоб в бедствиях своих не обвинять ближнего»[9].

«Делающий добро и ищущий воздаяния служит не Богу, а своей воле»[10].

«Согрешившему невозможно избегнуть воздаяния иначе, как покаянием, соответствующим согрешению»[11].

«Уразумевший, что нашествие злоключений извне попущается нам правдою Божиею, нашел, ища Господа, и разум и правду»[12].

«Если уразумеешь, как научает тому Писание, что *по всей земли судбы Господни*[13], то всякий случай соделается для тебя учителем Богопознания»[14].

«С каждым встречается должное, соответственно настроению его; попускаемые наведения бывают разнообразны: приличное наведение для каждого ведает един Бог»[15].

«Подвергшись какому-либо бесчестию от человеков, знай, что этим тебе уготовляется слава от Бога, — и пребудешь в

---

[1] Гл. 38. || [2] Гл. 40. || [3] Гл. 42. || [4] Гл. 44. || [5] Гл. 47; Мф. 5. 44. || [6] Гл. 48. || [7] Гл. 49. || [8] Гл. 50. || [9] Гл. 56. || [10] Гл. 57. || [11] Гл. 58. || [12] Гл. 65. || [13] *...по всей земле суды Его* (Пс. 104. 7). || [14] Гл. 66. || [15] Гл. 67.

бесчестии беспечален и несмущен, во славе же, когда она придет, верен и неосужден»[1].

«Похваляемый многими, по благоволению Божию, отнюдь не примеси никакого самохвальства к похвале, устрояемой по смотрению Господню, чтоб не попустилась перемена, чтоб ты не подвергся, вместо похвалы, бесчестию»[2].

«Когда ум, вооружившись мужеством о Господе, начнет отвлекать душу от долговременных греховных навыков, тогда сердце как бы разрывается, будучи отвлекаемо в две противоположные стороны умом и страстию, действующими подобно двум воинам, враждебным друг другу»[3].

«Никто столько не благ, столько не милостив, как Господь; но и Он не прощает некающемуся»[4].

«Печалимся о грехах, а к причинам их сохраняем привязанность»[5].

«Когда грешная душа не принимает с покорностию попускаемых ей скорбей, тогда говорят о ней Ангелы: *врачевахом Вавилона, и не изцеле*»[6].

«Ум, предав забвению духовное разумение истины, ратует против человеков за вредное для него как бы за полезное»[7].

«Страсть, произвольно приведенная в действие, после этого действует уже насильственно и против воли того, кто первоначально попустит ей действовать по произволению»[8].

«Диавол, когда увидит, что ум помолился от сердца, тогда наносит тяжкие и хитросплетенные искушения, желая истребить добродетель в начале ее великими наведениями»[9].

«Имеются три мысленные состояния, в которые входит ум, подвергаясь изменениям: естественное, вышеестественное и нижеестественное, или противоестественное. Войдя в состояние естественное, ум находит себя виновным в злых помыслах и исповедует Богу грехи, усматривая начальные причины страстей. Низойдя в состояние противоестественное, он забывает правду Божию и борется с человеками, как с обидевшими его; возведенный в состояние вышеестественное, обретает плоды Святого Духа, исчисленные Апостолом: любовь, радость, мир и прочее. Тогда делается ему понятным, что он не возможет остаться в состоянии вышеестественном, если увлечется телесными попечениями! низойдя из этого состояния, он подвергается греховным падениям и последующим за гре-

[1] Гл. 68. ‖ [2] Гл. 69. ‖ [3] Гл. 75. ‖ [4] Гл. 78. ‖ [5] Гл. 79. ‖ [6] Гл. 82. *Врачевали мы Вавилон, но не исцелился* (Иер. 51. 9). ‖ [7] Гл. 83. ‖ [8] Гл. 85. ‖ [9] Гл. 88.

хопадениями напастям, если и не вскоре, но в свое время, известное правде Божией»[1].

«Настолько разум бывает истинным, насколько он основывается на кротости, смирении и любви»[2].

«Во всяком деле и обстоятельстве неупустительно прибегай молитвою к Богу, чтоб во всем иметь помощь Божию»[3].

«Ничто так не могущественно по действию, как молитва: Бог ничем не благоугождается столько, сколько благоугождается молитвою»[4].

«Исполнение всех заповедей заключается в молитве: потому что любовь к Богу, выражаемая молитвою, есть высшая из добродетелей и совокупность их»[5].

«Молитва, свободная от рассеянности, есть знамение любви к Богу, составляющей сущность молитвы; нерадение в молитве и рассеянность при совершении ее — признаки сластолюбия»[6].

«Бесскорбно совершающий бдения и молитвы, пребывающий в долготерпении, соделался действительно причастником Святого Духа. И тот получит скоро помощь, кто произвольно понуждает себя к этим благим деланиям, хотя и колеблется в них»[7].

«Хорошо доставлять пользу ближнему словами, но лучше содействовать им молитвою и добродетелию: ими приносящий себя Богу, вспомоществуя себе, вспомоществует и ближнему»[8].

«Возложивший в каком-либо обстоятельстве упование на Бога уже не вступает по поводу этого обстоятельства в столкновение с ближними»[9].

«Если всего невольного служит причиною произвольное, по свидетельству Писания, то лютейший враг человека — сам он[10].

«Беги от искушения терпением и молитвою. Если будешь бороться с искушением без этих орудий, то оно сильнее угнетет тебя»[11].

«Кроткий по настроению, заимствованному от Бога, премудрее премудрых, и смиренный сердцем сильнее сильных: они носят иго Христово в разуме»[12].

«Скажем ли что, или сделаем что, не испросив помощи Божией молитвою, все окажется впоследствии или погрешительным или вредным: мы подвергаемся таинственному обличению опытно»[13].

---

[1] Гл. 90. ‖ [2] Гл. 91. ‖ [3] Гл. 94. ‖ [4] Гл. 95. ‖ [5] Гл. 96. ‖ [6] Гл. 97. ‖ [7] Гл. 98. ‖ [8] Гл. 101. ‖ [9] Гл. 103. ‖ [10] Гл. 104. ‖ [11] Гл. 106. ‖ [12] Гл. 107. ‖ [13] Гл. 108.

«От дел, слов и мыслей Праведник — один: Господь Иисус. От веры, благодати и покаяния праведники — многие: все святые человеки»[1].

«Кающемуся чуждо высокомудрствовать; так, напротив, согрешающий произвольно не способен смиренномудрствовать»[2].

«Смиренномудрие заключается не в том, когда совесть обличает человека: оно — благодать Божия; оно — познание духовного милосердия»[3].

«Ненавидящий страсти отвергает причины их; пребывающий в усвоении к причинам произвольно подвергается нападению страстей и против воли своей»[4].

«Нелюбящему начал, на которых основываются страсти, не свойственно преклоняться к страстям и мыслию»[5].

«Презирающий стыд увлечется ли тщеславием? любящий уничижение возмутится ли от бесчестия? имеющий сердце сокрушенное и смиренное преклонится ли к плотскому наслаждению? верующий Христу попечется ли о чем-либо временном, вступит ли в словопрение или столкновение о чем-либо временном?»[6]

«Пренебрегаемый и не вступающий в состязание с пренебрегающим ни словом, ни мыслию стяжал истинный разум и являет самым поведением своим твердую веру в Бога»[7].

«В сущности ни обижающему нет приобретения от обиды, ни обижаемому лишения: *образом убо ходит человек, обаче всуе мятется*»[8].

«Если увидишь кого-либо подвергшимся многим бесчестиям и по причине их предающимся сильной печали, то знай, что он предварительно напитался помыслами тщеславия и потому с горестию пожинает терние, выросшее из семян, посеянных в сердце»[9].

«Насытившийся телесным наслаждением сверх должного вознаградит пресыщение сторичным страданием»[10].

«Находящемуся в послушании наставник его обязан говорить должное и возвещать ему наведение напасти, если он дозволяет себе преслушание»[11].

«Обижаемый и не взыскивающий с обижающего, доказывает этим свою веру во Христа, сторично вознаградится в этом веке и наследует жизнь вечную»[12].

---

[1] Гл. 109. || [2] Гл. 110. || [3] Гл. 111. || [4] Гл. 119. || [5] Гл. 122. || [6] Гл. 123. || [7] Гл. 124. | [8] Гл. 136; *Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится* (Пс. 38. 7). || [9] Гл. 127. || [10] Гл. 128. || [11] Гл. 129. || [12] Гл. 130.

«Память Божия заключается в болезновании сердца о стяжании добродетели. Забывающий Бога непременно подвергается влиянию сладострастия и лишается спасительной сердечной болезни»[1].

«Не скажи, что бесстрастный не может печалиться: он должен печалиться — если не о себе, то о ближнем»[2].

«Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не отвергай наводимых скорбей как бы наводимых несправедливо, но переноси их с терпением как наведенные правосудно. При каждом скорбном случае терпение возбуждает памятование о Боге; от оставления терпения оскудевает духовный разум, а от утешения оправданием себя происходит забвение Бога»[3].

«Хочешь ли, чтоб Господь покрыл грехи твои? не объявляй человекам добродетелей, которые имеешь. Как поступаем мы в отношении к нашим добродетелям, так Господь поступает относительно наших грехов»[4].

«Не радуйся, когда окажешь ближнему благодеяние; возрадуйся тогда, когда непамятозлобно перенесешь оскорбление, последующее за твоим благотворением. Как ночь за днем, так зло последует за добрыми делами»[5].

«В невольных страданиях сокрыта милость Божия, привлекающая терпящего к покаянию и избавляющего его от муки вечной»[6].

«Страхом вечных мук и вожделением Царства Небесного внушается терпение скорбей: внушается не по одному собственному произволу человека, — по дару Взирающего на помышления наши»[7].

«Кто верует будущим воздаяниям, тот произвольно удаляется от наслаждений земных; неверующий — и сладострастен и чужд сердечного сокрушения»[8].

«Если хочешь *спастися и в разум истины прийти*[9], то старайся всегда пребывать выше чувственного, прилепляясь надеждою к единому Богу. Уклоняясь от всего чувственного, с понуждением себя, откроешь невидимое действие начал и властей, действующих против тебя враждебно посредством различных приражений. Побеждая их молитвою, благою надеждою, получишь благодать Божию, которая избавит тебя от будущего гнева»[10].

---

[1] Гл. 131. || [2] Гл. 132. || [3] Гл. 134. || [4] Гл. 135. || [5] Гл. 137. || [6] Гл. 139. || [7] Гл. 141. || [8] Гл. 142. || [9] *...чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2. 4). || [10] Гл. 146.

«Уразумевший значение таинственного поведания апостолом Павлом, что *наша брань к духовом злобы*[1], уразумеет и притчу Господа о том, что *подобает всегда молитися, не предаваясь унынию*»[2].

«Познавший истину не противоборствует скорбным наведениям: он знает, что скорбные наведения приводят к страху Божию»[3].

«Если хочешь приносить Богу непогрешительное исповедание в грехах, то не поминай по виду грехопадений твоих, — мужественно терпи наводимые за них скорби»[4].

«Скорби наводятся за преждесодеянные грехи, принося каждому согрешению сродное ему возмездие»[5].

«Разумный и ведающий истину исповедуется Богу не воспоминанием соделанных грехов, но терпением наводимых на него скорбей»[6].

«Отвергнув страдания и бесчестия, не думай принести покаяние при посредстве других добродетелей: тщеславие и настроение сердца, чуждое сокрушения духа, умеют служить греху и делами правды»[7].

«Добродетели рождаются обыкновенно от страданий и бесчестий; так, напротив, пороки — от наслаждения и тщеславия»[8].

«Всякое проявление плотского сластолюбия происходит от наслаждения, предшествовавшего этому проявлению. Допущение же себе наслаждения происходит от неверия»[9].

«Непримиряющий воли своей с Богом претыкается в начинаниях своих и подвергается преобладанию супостатов»[10].

«Боголюбивый слушатель объемлет пользу с противоположных действий: если добро его свидетельствуется одобрением, то он делается усерднее; если же он подвергается обличению во зле, то понуждает себя к покаянию»[11].

«Хорошо держаться главной заповеди, ни о чем в частности не заботиться и ни о чем в частности не молиться, но и молитвою и всею деятельностию искать единственно Царства и Слова Божия. Если же мы еще находимся в таком положении, что должны заботиться о каждой потребности нашей, то и должны молиться о каждой. Делающий что-либо или заботящийся о чем-либо без молитвы не возможет совершить дела

---

[1] *...наша брань ... против духов злобы* (Еф. 6. 12). || [2] *...должно всегда молиться и не унывать* (Лк. 18. 1). Гл. 147. || [3] Гл. 150. || [4] Гл. 153. || [5] Гл. 154. || [6] Гл. 155. || [7] Гл. 156. || [8] Гл. 157. || [9] Гл. 158. || [10] Гл. 162. || [11] Гл. 165.

с благим успехом. Об этом засвидетельствовал Господь, сказав: *не можете без Мене творити ничесоже*[1].

«Пренебрегающего заповедь о молитве постигают самые тяжкие нарушения прочих заповедей, передавая его одно другому, как узника»[2].

«Принимающий скорби настоящего времени при посредстве упования на получение будущих благ обрел разум истины: удобно избавится он от гнева и печали»[3].

«Подвергающийся озлоблениям и бесчестиям за истину шествует путем Апостолов, взяв крест на рамена свои и возложив на себя оковы. Усиливающийся внимать сердцу без этих пособий не может не скитаться повсюду, не может не впадать в искушения и сети диавольские»[4].

«Боримый грехом никогда не возможет победить помыслов, если не будет действовать вместе и против их начальных причин; также не возможет победить начальных причин, не действуя вместе и против помыслов: отвергнув из двух что-либо одно, по прошествии краткого времени будем увлечены другим в то и другое»[5].

«Препирающийся с человеками из боязни подвергнуться страданиям и поношениям или здесь навлекает на себя самые сильные напасти, или будет мучен без милости в будущем веке»[6].

«Желающий отклонить от себя всякое злоключение должен при посредстве молитвы примирить дела свои с Богом, стяжать в духе своем упование на Бога и пренебрегать по силе попечениями о чувственном»[7].

«Диавол, нашедши, что человек упражняется в телесных делах излишне, без нужды, сперва похищает сокровища разума его — понятия духовные, а потом отсекает надежду на Бога, как главу»[8].

«Когда достигнешь непоколебимости и чистоты в молитве, — не принимай разумений, приносимых врагом во время молитвы твоей, чтоб не потерять большего. Лучше стрелять стрелами молитвы во врага, поверженного долу и заключенного там, нежели беседовать с ним. Не приносит он благого, — злохитро приносит он злое, чтоб отвлечь нас от молитвы»[9].

«Благие помышления полезны человеку во время искушения и уныния; во время же молитвы они вредны»[10].

---

[1] Гл. 166; *...без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15. 5). ‖ [2] Гл. 167. ‖ [3] Гл. 168. ‖ [4] Гл. 169. ‖ [5] Гл. 170. ‖ [6] Гл. 171. ‖ [7] Гл. 172. ‖ [8] Гл. 173. ‖ [9] Гл. 174. ‖ [10] Гл. 175.

«Получив жребий учить о Господе и встречая в учимых преслушание, скорби в духе и не смущайся, не вынаруживай смущения. Скорбя, ты не будешь осужден с неповинующимся; смущаясь же подвергнешься искушению тою же немощию»[1].

«Не дозволь себе обличить в согрешении того, кто не находится в повиновении у тебя: такое обличение — принадлежность власти»[2].

«Не вступи в прение с противящимися истине и не желающими оказать тебе повиновение, чтоб не возбудить в них ненависти к тебе, как свидетельствует об этом Писание»[3].

«Попускающий послушнику противоречить там, где не должно, предает его в таких случаях самообольщению и допускает нарушать обет повиновения»[4].

«Наставляющий и обличающий кого должно со страхом Божиим стяжевает сам добродетель, противоположную согрешению; напротив того, действующий из памятозлобия и порицающий злонамеренно впадает, по закону духовному, в подобную страсть»[5].

«Иной говорит истину, и безумные ненавидят его, по слову Богослова[6]; иной же лицемерствует, и за это любят его. Однако ни то, ни другое из этих воздаяний не бывает долговременным: Господь, в свое время, воздаст каждому должное»[7].

«Желающий отклонить от себя бедствия будущей жизни должен переносить благодушно бедствия жизни настоящей. Таким образом, променивая в уме своем одно на другое, он избежит великих мучений посредством ничтожных страданий»[8].

«Воспрети уму самохваление и помыслу высокомыслие, чтоб не подвергнуться попущению и не впасть в противоположное тому, чем тщеславишься: благое совершается не одним человеком, но всевидящим Богом и человеком»[9].

«Всевидящий Бог определяет достодолжные наведения как делам нашим, так и произвольным помышлениям и размышлениям»[10].

«Невольные греховные помыслы произрастают от предварившего греха, вольные же от свободной воли: таким образом вторые делаются причиною первых»[11].

«Греховным помыслам, возникающим против намерения, последует печаль: и потому они скоро истребляются. Произволь-

[1] Гл. 176. || [2] Гл. 178. || [3] Гл. 181; Притч. 9. 8. || [4] Гл. 182. || [5] Гл. 163. || [6] Ин. 8. 31, 47. || [7] Гл. 186. || [8] Гл. 187. || [9] Гл. 188. || [10] Гл. 189. || [11] Гл. 190.

ным греховным помыслам последует радость: и потому они изглаждаются с великим трудом»[1].

«Поречения и напасти производят печаль в сластолюбивом; производят ее в боголюбивом похвалы и излишества»[2].

«Непознавающий судеб Божиих умом совершает путь между пропастями и удобно низвергается в них всяким ветром: будучи похваляем, он возносится; будучи порицаем, огорчается; наслаждаясь, увлекается в начинания блуда; подвергаясь страданиям, малодушествует и плачет; уразумев что-либо, хочет выказать это, и, не разумея, хочет представиться разумеющим; богатея, он кичится, и, убожествуя, лицемерствует; насытившись, бывает дерзким, и, постясь, предается тщеславию; с обличающими он любит препираться, и на тех, которые прощают ему, смотрит насмешливо, как на помешавшихся в рассудке»[3].

«Кто благодатию Христовою не приобретет разума истины, тот мучится жестоко не только страстями, но и от действия на него внешних обстоятельств»[4].

«Если хочешь разрешить обстоятельство неудобопонятное, то ищи в отношении к нему того, что было бы благоугодно Богу, — и найдешь полезное решение недоумения»[5].

«О чем благоволит Бог, тому и вся тварь содействует служением своим, а от чего отвращается Бог, тому и вся тварь противодействует»[6].

«Противящийся скорбным наведениям противится, не понимая того, повелению Божию; принимающий же их с истинным разумом *терпит Господа*»[7].

«Когда придет напасть, — не изыскивай для чего и от чего она пришла; ищи того, чтоб перенести ее с благодарением Богу без печали и без памятозлобия»[8].

«Чужое зло не приумножает греха, если только мы не примем его с злыми мыслями»[9].

«Если неудобно найти благоугодившего без искушений, то должно благодарить Бога за все случающееся»[10].

«Если бы Петр не оставил ночной ловитвы, то и на дневной не получил бы успеха. Если бы Павел не ослеп чувственно, то не прозрел бы умом. Если бы Стефан не был оклеветан, как хулитель Бога, то не отверзлись бы для него небеса и он не увидел бы Бога»[11].

---

[1] Гл. 191. || [2] Гл. 192. || [3] Гл. 193. || [4] Гл. 194. || [5] Гл. 195. || [6] Гл. 196. || [7] Гл. 197. || [8] Гл. 198. || [9] Гл. 199. || [10] Гл. 200. || [11] Гл. 201.

«Деятельность по заповедям Божиим называется добродетелию и нечаянная скорбь — искушением»[1].

«Бог искушал Авраама[2] не для того, чтобы узнать, каков Авраам, потому что ведал его Ведущий всякого человека прежде, нежели человек начнет существовать. Искушал Авраама Бог, то есть посылал ему скорби, для пользы его, чтоб доставить ему возможность усовершиться в вере»[3].

«Всякая скорбь обличает уклонение воли, куда она преклоняется, направо ли, или налево. Открывая сокровенное направление воли, неожиданная скорбь правильно носит название искушения для того, кому она попускается»[4].

«Страх Божий понуждает нас ратовать против злобы. Когда же мы боремся с нею, — благодать Божия ратует за нас»[5].

«Мудрость состоит не только в том, чтоб узнать истину, но и в том, чтоб терпеливо переносить злобу человеков, обижающих нас, принимая обиды их как свою принадлежность. Пребывающие исключительно в первом виде мудрости способны превознестись гордостию; присовокупившие к первому виду второй приобретают смиренномудрие»[6].

«Хочешь ли, чтоб не беспокоили тебя греховные помыслы? возлюби уничижение души и содержи тело в скорбном состоянии — при посредстве возможных для тебя лишений. Так поступай не временно, но всегда, во всяком месте и обстоятельстве»[7].

«Если будешь ограждать себя лишениями и подвигами произвольными, то помыслы, противные произволению твоему, не будут обладать тобою. Не подчиняющийся лишениям и подвигам, поневоле подчинится насилию помыслов противных произволению его»[8].

«Когда от обиды возмутится внутренность твоя и сердце, — не огорчись этим! по смотрению Божию приведено в движение то, что было прежде вложено в душу твою. С радостию низлагай возникшие помыслы! Знай: когда эти помыслы будут истребляемы в самых первоначальных проявлениях, то вместе с ними истребится и злое движение. Оно умножится, если допустим помыслам развиваться»[9].

«Без сердечного сокрушения невозможно избавиться совершенно от заразы греховной. Сокрушается сердце тричастным воздержанием: воздержанием от сна, от пищи и от излишнего

[1] Гл. 202. || [2] Быт. 22. 1. || [3] Гл. 203. || [4] Гл. 204. || [5] Гл. 205. || [6] Гл. 206. || [7] Гл. 207. || [8] Гл. 208. || [9] Гл. 209.

телесного успокоения. От нарушения воздержания в этих предметах рождается сладострастие. Сладострастие принимает благосклонно лукавые помыслы, сопротивляется молитве и подобающему служению»[1].

«Приняв жребий начальствовать над братиею, храни возложенную на тебя обязанность и ради прекословия прекословящих не умалчивай того, что ты обязан сказать. В чем они окажут повиновение, — ты получишь мздовоздаяние за их добродетель; если не послушают тебя в чем, — прости им, и примешь прощение от Сказавшего: *отпустите и отпустится вам*»[2].

«Всякий случай подобен торговле: сведущий в ней приобретает многое, — несведущий терпит убыток»[3].

«Не оказывающего повиновения слову любви не принуждай с любопрением к повиновению; приобретение, отвергнутое им, стяжи себе: твое незлобие принесет больше пользы, нежели покушение на насильственное исправление»[4].

«Кто впадет в согрешение и не будет печалиться соразмерно согрешению, тот удобно падет снова в ту же сеть»[5].

«Надменное сердце не принимает приязненно печали по Боге»[6].

«Сытость чрева не совокупляется с сердечным болезнованием для зачатия добродетелей»[7].

«Не возможет человек стяжать болезнования и печали по Боге, если не возлюбит предварительно причины их»[8].

«Страх Божий и обличения насаждают в сердце печаль; воздержание и бдение соделывают его причастником болезнования»[9].

«Не внимающий наставлению заповедей и учения, изложенных в Священном Писании, будет погоняем бичом, которым погоняют коня, и рожном, которым погоняют осла. Если он не очувствуется и от этого, — востягнуты будут челюсти его браздами и уздою, приведен будет он при посредстве их»[10].

«Удобно побеждаемый в мелочах поневоле побежден будет в великом; побеждающий в мелочах и в великом окажет доблесть о Господе»[11].

«Не покушайся обличениями принести пользу тому, кто хвалится добродетелями: потому что любящий выказывать себя не может быть любителем истины»[12].

«Всякое изречение Христово являет и милость, и правду, и премудрость Божию, чрез слух насаждает силу этих добро-

---

[1] Гл. 210. ‖ [2] Гл. 211. ‖ [3] Гл. 212. ‖ [4] Гл. 213. ‖ [5] Гл. 215. ‖ [6] Гл. 216. ‖ [7] Гл. 217. ‖ [8] Гл. 218. ‖ [9] Гл. 219. ‖ [10] Гл. 220. ‖ [11] Гл. 221. ‖ [12] Гл. 222.

детелей в слушающих с благим расположением: по этой причине немилостивые и неправедные, слушая с расположением злым, не возмогли познать премудрость Божию, — и Учившего этой премудрости распяли. Рассмотрим себя и мы: слушаем ли Его с благим расположением, потому что Он сказал: *любяй Мя,* заповеди Моя соблюдет, и *возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам*[1]. Видишь ли, что явление Свое Он поместил таинственно в заповедях? Любовь к Богу и к ближнему совмещает в себе все заповеди: она образуется от удаления от всего вещественного и из безмолвия помыслов»[2].

«Для того, чтоб мы достигли безмолвия помыслов, Господь заповедует: не *пецытеся о утрии*[3]. Вполне верно! Не освободившийся от всего вещественного и от попечения о нем как возможет избавиться от злых помыслов? обладаемый помыслами как увидит ту греховность, которою заражено все существо человека, которая лежит тьмою и мглою на душе, образуется, как последствие, от произвольных греховных помышлений и действий? не познавший этой греховности, или греха в обширном смысле слова, будет ли умолять Бога о очищении от греховности? неочистившийся как ощутит в себе естество чистое? не приобретший естества чистого как увидит внутри себя дом Христов? Мы — дом Божий. Возвещают это и Пророки, и Евангелие, и Апостолы»[4].

«Вышеизложенным порядком должно стремиться к тому, чтоб найти этот дом: должно стучаться неотступно молитвою, чтоб Владыка отверз нам двери в него или во время этой жизни или при переходе из этой жизни в вечность. Да не услышим за нерадение наше: *не вем вас, откуду есте*[5]. Должно не только просить и получить, но и сохранить данное. Некоторые, приняв духовное сокровище, утратили его. Знание по букве или от слуха о вышесказанном, или же, может быть, и от случайного опыта, имеют и поздно начавшие обучаться духовному подвигу и юные; постоянное же и терпеливое пребывание в нем с трудом приобретено благоговейнейшими и многоопытнейшими из старцев, не раз терявшими его от невнимания и снова взыскавшими трудом, возложенным на себя по благому

[1] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14. 21). ‖ [2] Гл. 223. ‖ [3] *...не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6. 34). ‖ [4] Гл. 224; Иез. 37. 27; Зах. 2. 10; Ин. 14. 23; 1 Кор. 3. 16. ‖ [5] Лк. 13. 25.

произволению. Не престанем и мы поступать так, доколе не стяжем сокровище в достоинстве неотъемлемом»[1].

«Может быть, скажешь: не имею денег; как окажу без них милость нищему? Не имеешь денег, но имеешь произволение: отрекись своей греховной воли, и этим твори милость. Не можешь подать милостыню рукою? подай ее благим произволением: когда согрешит пред тобою брат твой, *остави ему*[2], по заповеди Господа, и вменится это тебе в великую милость. Если ищем себе прощения грехов от Бога, то и мы должны так поступать в отношении к ближнему при всяком согрешении его против нас, чтоб над нами совершилось сказанное во Евангелии: *отпущайте, и отпустится вам*[3]. Великое дело подавать милостыню убогим, когда имеются деньги; но миловать согрешающего против нас ближнего настолько выше и настолько более способствует к получению прощения во грехах, насколько душа, по естеству, превосходнее тела. Если же мы, просив прощения грехов у Бога, получив прощение многократно и по причине этого прощения не потерпев здесь никакого зла не хотим сделать ближних участниками этого дара, то по необходимости уподобляемся тому злому рабу, который, получив от Владыки прощение долга в десять тысяч талантов, не простил ста пенязей своему должнику-ближнему. Господь, производя законный суд над лукавым рабом, сказал: *рабе лукавый! весь долг он отпустих тебе, понеже умолил Мя еси: не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего,* и простить ему долг, *якоже и Аз тя помиловах? И прогневався,* поведает Евангелие, *предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой.* К этому Господь присовокупил, как вывод, следующие слова: *Тако и Отец Мой Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их*[4]. Подобно этому и в другом месте обогатившихся от Него различными благодеяниями, но имеющих немилостивый и несострадательный нрав, признает несчастными, говоря: *горе вам богатым: яко восприемлете утешение ваше*[5]. Истинное богатство есть обилие

[1] Гл. 225. ‖ [2] Лк. 17. 3. ‖ [3] Лк. 6. 37. ‖ [4] *...злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, ...отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18. 32–35). ‖ [5] *...горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение* (Лк. 6. 24).

в нас различных дарований, данных нам: горе же нам! многократно умолили мы Бога и помилованы были Богом, сами же были умоляемы и никого не помиловали. Мы *восприемлем утеснение наше,* удовлетворяя нашей мстительности и прочим похотениям»[1].

«Осуждаемся мы не за множество зол, но за то, что не хотим покаяться и познать чудеса Христовы, как свидетельствует Сама Истина. *Мните ли,* — говорит Она, — *яко Галилеане сии, ихже кровь смеси Пилат с жертвами их, грешнейши бяху паче всех человек, иже на земли? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, такожде погибнете. Или они осмьнадесяте, на нихже паде столп Силоамский и поби их, мните ли, яко грешнейши бяху паче всех человек, живущих во Иерусалиме? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, такожде погибнете*[2]. Видишь ли, что осуждаемся за непокаяние»[3].

«Полагаю, что покаяние составляется из следующих трех добродетелей: из очищения помыслов, из непрестанной молитвы и из терпения находящих скорбей. Эти добродетели должны быть совершаемы не только явно, но и умным деланием; этим добродетелям предназначено доставлять бесстрастие тем подвижникам, которые долговременным упражнением стяжут навык в них»[4].

«*Взем крест твой, гряди по Мне*[5], сказал Господь. Крест — терпение находящих скорбей»[6].

«Без вышеупомянутых трех добродетелей не может быть совершено дело покаяния. Полагаю, что покаяние приличествует всем и всегда, и грешникам и праведникам, желающим получить спасение: потому что самое состояние совершенства не имеет такого предела, на котором бы не требовалось исполнения вышеупомянутых добродетелей. Начинающих они вводят в благочестие, средних — в преуспеяние, совершенных утверждают в совершенстве. Добродетели эти не могут

---

[1] Слово преподобного Марка 3 О покаянии. || [2] *...рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. ...Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете. Или те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13. 1–5). || [3] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [4] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [5] *...последуй за Мною, взяв крест* (Мк.10. 21). || [6] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

удовлетворительно быть исполнены ни от долговременного упражнения в них, ни от сознания своей праведности»[1].

«*Уничижаяй малая, по мале упадет*[2]. Не скажи: как может пасть духовный? Пребывая таким, он не падает. Когда же примет в себя что-нибудь малое из области греха и не извергнет этого малого из себя покаянием, то оно, укоснев в нем и развившись, уже не терпит пребывать в одиночестве, но влечет и к иному, сродному себе, насильно, как бы цепию, которая образовалась от продолжительного благоприятства первоначальному виду греха, принятому произвольно. Если духовный вступит в борьбу с явившимся злом и отразит его молитвою, то останется в своей мере преуспеяния, утратив, однако, отчасти бесстрастие в такой степени, в какой попущено было пристрастие ко вкравшемуся злу. Если же духовный будет окончательно низвлечен возрастающим насилием возобладавшего им послабления, отвергши труд борьбы и молитвы, то по необходимости подвергнется обольщению и от других страстей. Таким образом, будучи передаваем одною страстию другой и каждою из них мало-помалу увлекаем, лишается Божественной благодати, увлекается уже тогда и в большее зло, даже в противность своему произволению, от насилия видов греха, возобладавших им прежде».

«Непременно возразишь мне на это: неужели духовный не мог, в то время как зло начинало действовать в нем, умолить Бога, чтоб не впасть в столь бедственные последствия? — И я говорю, что мог. Но, пренебрегши малым, он произвольно принял его как ничтожное, не позаботясь помолиться о нем и не ведая, что это малое служит причиною большего, вводит в большее, как в добре, так и во зле. Когда же страсть возрастет и, впущенная произвольно, возгнездится в нем, тогда уже и против воли его начинает действовать против него упорно. Уразумев сущность дела, должно прибегать молитвою к Богу, противостоять и сопротивляться врагу, которого прежде защищали, препираясь с человеками. Случается даже и то, что мы, будучи уже услышаны Господом, не получаем помощи ощутительно для нас: потому что она приходит не по тому образу, который предполагается для нее человеком, но так, как устроивает Бог нам на пользу. Ведая удобопоползновенность нашу ко греху и наклонность пренебрегать грехами, Он помогает нам много скорбями, чтоб мы, избавившись бескорбно, снова не стали увлекаться и впадать опрометчиво в

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [2] Сир. 14. 1.

те же согрешения. Основываясь на этом, мы утверждаем, что необходимо терпеть постигающее нас, что пребывание в покаянии есть состояние, вполне соответствующее нам»[1].

«Мы все — потомки Адама; все родимся во грехе его, и по этой причине все определением Божиим осуждены на вечную смерть, не имеем возможности спастись без Христа. Все, и самые праведнейшие между человеками, избавляются от вечной смерти единственно чрез посредство Христа, распявшегося за всех и искупившего всех кровию Своею. По этой причине и Сам Искупитель предлагает для всех одно делание, объемлющее в себе все прочие делания, и повелевает Апостолам говорить всем одно: *покайтеся, приближися бо Царствие Небесное*[2]. Вместе с этим Спаситель преподал многие частные заповеди, от исполнения которых достигается совершенство в покаянии, и исполнение это завещал до самой смерти, сказав: *иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, в живот вечный сохранит ю*[3]. И опять, повелевая отречься от всего, присовокупляет: *аще же и свою душу*[4]. Запечатлевая великое значение заповедей, Он говорит: *иже аще разорит едину заповедий сих малых, мний наречется в Царствии Небеснем*[5]. Если Христос, как здесь объяснено, назначил пребывать в покаянии до смерти, следовательно, тот, кто утверждает, что покаяние может быть окончательно исполнено прежде смерти, отвергает заповедь, отрицаясь от *погубления души* до смерти, — является он преступником всех Христовых заповедей. Нет конца покаянию до самой смерти и для малых и для великих! Никто не возмог на самом деле достичь совершенства в покаянии, такого совершенства, которое не нуждалось бы в приложении или не было уже способно к нему! И потому мы, если и не удостоимся выполнить его как должно, то по произволению будем упражняться в нем, чтоб не причислиться к отвергающим заповедь намеренно, чтоб не подвергнуться за это осуждению. Рассмотри от начала мира жизнь всех, совершивших благополучно странствование земное, и найдешь, что таинство благочестия во всех благоугодивших Богу свершилось чрез покаяние. Был ли кто осужден? осужден он за пренебрежение покаянием. Был ли кто оправдан? оправдан он, потому что прилепился к покаянию»[6].

---

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [2] Мф. 4. 17. || [3] Мк. 8. 35; Ин. 12. 25. || [4] Лк. 14. 26. || [5] *Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5. 19). || [6] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

«Самое естество научает нас пребывать в покаянии до смерти. Ум не может быть праздным. Если б ум был и весьма значителен по объему и силе, природным и приобретенным, то он, находясь в состоянии здравия, действует в области добра, если же, возуповав на свое превосходство, оставит упражнение в добре, то по необходимости уклоняется в область зла, и опять удаляясь от злого, естественно привлекается к деятельности благой и правильной. Такая деятельность для новоначальных, средних и совершенных заключается в молитве, в очищении помыслов и в терпении попускаемых скорбей, без чего невозможно совершать и прочих добродетелей, соделывающих покаяние благоприятным»[1].

«Если покаяние есть прошение милости, то упражняющемуся в покаянии должно озаботиться о том, чтоб не услышать *се, сыти есте*[2], должно продолжать неотступное прошение, как не имеющему достаточно, потому что *всяк просяй приемлет*»[3].

«Если будет помилован только тот, кто сам милует, то, как думаю, покаянием держится весь мир, человеки содействуют друг другу в покаянии по устроению Божия Промысла»[4].

«Если мы будем подвизаться в покаянии до самой смерти, — и тогда не исполним должное: потому что и тогда не принесем ничего равноценного Царству Небесному»[5].

«Как естественно нам есть, пить, говорить, слышать, так естественно и каяться»[6].

«Умерщвляется по определению закона однажды заслуживший смерть: если же кто продолжает жить, тот уже живет по вере, ради покаяния, если бы и не за свои грехи, то за грех прародительский, общий всему человечеству»[7].

«Мы очистились крещением; очистившись, получили заповеди. Нарушающий заповеди оскверняет крещение, *забвение прием очищения древних своих грехов*[8], которыми не бывает скуден никто, подвергаясь ежедневно согрешениям невольно, хотя бы и стремился к исполнению всех заповедей»[9].

«Покаяние нужно всем: оно показывает нам грехи наши, соделанные прежде произвольно, а ныне, — когда мы возне-

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [2] *Вы уже пресытились* (1 Кор. 4. 8). || [3] *...всякий просящий получает* (Мф. 7. 8). Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [4] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [5] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [6] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [7] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [8] *...забыл об очищении прежних своих грехов* (2 Пет. 1. 9). || [9] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

навидели страсти и начали удаляться от них, — служащие причиною согрешений невольных»[1].

«Признающий свое покаяние окончательно исполненным, *зрит вспять*, в нем обновляются впечатления от прежних согрешений»[2].

«Истинно разумный разумеет и то, что он нуждается в покаянии: разум истины даруется покаянием, и покаяние — разумом истины»[3].

«Христос поручился за нас на условии покаяния: отвергающий покаяние отвергает Спасителя»[4].

«Добрыми делами естества[5], без покаяния, мы не можем совершить ничего заслуживающего помилование от Бога; Господь дарует нам великое помилование за расположение души, настроенной покаянием. Принуждающий себя и пребывающий до кончины своей в настроении, доставляемом покаянием, спасется за понуждение себя и за покаяние, хотя бы и подвергся некоторым согрешениям: обетовано это Господом в Евангелиях»[6].

«Провозглашающий о себе, что он не нуждается в покаянии, этим объявляет себя праведником, а Писание именует его *порождением ехидны*[7]. Признающий себя совершившим покаяние по причине мнения о своей праведности сочетается, не ведая того, со сластями страстей: потому что мнение и кичливость принадлежат к таким сластям»[8].

«Зараженный самомнением не возможет спастись: *презорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает*[9], говорит Писание»[10].

«Если смиренномудрие не приносит никакого вреда совершенному, то и совершенный да не оставляет начальную причину смиренномудрия — покаяние»[11].

«Насытившийся покаянием не может смиренномудрствовать»[12].

---

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [2] *...озирающийся назад* (Лк. 9. 62). || [3] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [4] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [5] Добрые дела падшего естества чужды покаяния, вводят в самомнение и ошибочно требуют спасения как законной награды: покаяние образуется из исполнения заповедей Христовых. || [6] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [7] Мф. 3. 7; Лк. 3. 7. || [8] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [9] *Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается* (Авв. 2. 5). || [10] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [11] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [12] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

«Если б мы тщательно заботились о смиренномудрии, то не нуждались бы в наказаниях. Все злое и лютое, постигающее нас, постигает за превозношение. Попущено было ангелу сатаны *мучить*[1] Апостола, чтоб Апостол не превознесся; тем более нам, увлекающимся превозношением, попустится сатана. Он будет попирать нас, доколе мы не смиримся»[2].

«Побеседуем несколько о бессловесной страсти гнева. Она опустошает, смущает и помрачает всякую душу; она во время движения и действия своего соделывает человека — особливо удобопоползновенного и быстропреклонного к ней — подобным зверю. Страсть эта преимущественно утверждается, укрепляется, пребывает несокрушимою дотоле, доколе диавольское древо огорчения и раздражительности, гнева и ярости напаяется злою водою гордости: дотоле оно возрастает сильно, цветет обильно, приносит множество плодов — преступлений Закона Божия. Таким образом здание, воздвигнутое в душе лукавыми духами, пребывает в неприкосновенной, несчастной целости, утверждаясь и укрепляясь на основании своем — на гордости. Если хочешь, чтоб греховное древо, страсть огорчения и раздражительности, гнева и ярости посохло в тебе и сделалось бесплодным, чтоб секира Духа, приближившись, срубила его, ввергла в огонь, по определению Евангелия, и истребила со всякою злобою; если хочешь, чтоб дом беззакония, непрестанно и злонамеренно созидаемый диаволом, который, собирая, как камни, различные предлоги, и благословные и суетные, или на самом деле или в помыслах, сооружает здание злобы в душе; если хочешь, говорю, чтоб этот дом был разрушен и разметан, то имей незабвенным в сердце твоем смирение Господа. Рассуждай: кто Господь, и чем соделался Он ради нас? С какой высоты Божественного света, откровенного горним существам соответственно их зрительной силе, славимого на небе всеми разумными созданиями, Ангелами, Архангелами, Престолами, Господствиями, Началами, Властями, Херувимами, Серафимами и не именуемыми Писанием умными Силами, которых имена не достигли до нас, по пророчению Апостола, в какую глубину человеческого смирения Он низошел по неизреченной благости Своей и по всему уподобился нам, *седящим во тьме и сени смертней*, соделавшимся пленниками при посредстве преступления Адамова, находящимся в насильствен-

[1] 2 Кор. 12. 7. || [2] Преподобного Марка Подвижника Слово 7 О пощении и смирении.

ной власти демонов, которые действуют в нас страстями нашими. Когда мы находились в этом лютом порабощении, в области невидимой и горькой смерти, — не устыдился такого положения нашего Владыка всей твари видимой и невидимой: Он смирил Себя и воспринял человека из страстей бесчестия и из состояния отвержения, куда низвергнут был человек, осужденный определением Божиим. Владыка соделался подобным нам по всему, кроме греха, то есть за исключением страстей бесчестия. Наведенные казни определением Божиим на человека в наказание за преступление заповеди и за впадение в грех, то есть телесную смерть, труды, голод, жажду, все это Он воспринял, соделавшись тем, что — мы, чтоб мы соделались тем, что — Он. *Слово плоть бысть*[1], чтоб плоть соделалась Словом; Богатый *обнища нас ради, да мы нищетою Его обогатимся*[2], — по великому человеколюбию уподобился нам, чтоб мы уподобились Ему всеми добродетелями. Точно! с того времени, как пришел Христос, человек изменяется в нового человека, будучи обновляем благодатию и силою Духа, достигая в меру совершенной любви, изгоняющей страх и уже не подвергающейся падению. *Любы николиже отпадает*[3]: потому что *Бог*, — говорит Иоанн, — *любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает*[4]. Этой меры сподобились Апостолы и все те, которые, подобно им, обучились добродетели основательно и правильно, представили себя Господу совершенными, последовавши Христу в течение всей жизни своей желанием совершенным. Постоянно созерцай, — не побеждаясь забвением, — смирение, которое Господь воспринял на Себя по любви к нам, по неизреченному человеколюбию. Созерцай вселение Бога Слова в ложесна Девы, принятие им человечества, рождение от жены, постепенность телесного возрастания, бесчестия, досады, поношения, поругания, укорения, биения, оплевания, насмеяния, наругания, червленную хламиду, терновый венец, приговор на Него правителей, вопли против Него беззаконных иудеев, Ему единоплеменных — *возми, возми, распни Его*[5] — крест, гвозди, копие, напоение оцтом и желчию, наругания над Ним язычников, насмешки тех, которые, проходя мимо Его распятого, говорили Ему: *аще Сын еси Божий, сниди со кре-*

[1] *И Слово стало плотию* (Ин. 1. 14). ‖ [2] *...обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою* (2 Кор. 8. 9). ‖ [3] *Любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13. 8). ‖ [4] *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге* (1 Ин. 4. 16). ‖ [5] Ин. 19. 15.

ста, и веруем в Тя[1]. Созерцай и прочие страдания, которые Господь претерпел ради нас: распятие, смерть, тридневное погребение во гробе, сошествие во ад. Какие же были за тем плоды страданий? воскресение из мертвых, пленение ада и смерти, вознесение на небеса душ, исшедших оттуда с Господом, седение *одесную Отца*[2], превыше всякого начала и власти и всякого *именуемаго имени*[3], честь, слава, поклонение всех Ангелов Первенцу из мертвых по причине понесенных Им страданий, как и Апостол говорит: *Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся яко же человек: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос во славу Бога Отца*[4]. Вот, в какую славу и высоту, по суду правды Божией вышеисчисленные страдания возвели Господня человека! и потому, если с любовию и усердием будешь памятовать о них незабвенно в сердце твоем, страсть огорчения и раздражительности, гнева и ярости не будет обладать тобою. Когда самое основание этой страсти, гордость, будет выворочено кверху рассматриванием смирения Христова: тогда и все здание беззакония, ярости, гнева и печали разрушится удобно и само собою. Какое жестокое и каменное сердце не смягчится, не умилится, не смирится, если уму будет постоянно соприсутствовать памятование о смирении Единородного Сына Божия, о претерпенных Им страданиях? не представит ли оно себя, по Писанию, произвольно в попрание всем человекам, как попираются ими земля и пепел? Когда душа, взирая на смирение Христово, будет

[1] *...если Ты Сын Божий, сойди с креста... и уверуем в Него* (Мф. 27. 40, 42). ‖ [2] Мк. 16. 19. ‖ [3] Еф. 1. 2. ‖ [4] *Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2. 5–11).

смиряться и сокрушаться, какая ярость, какой гнев возмогут возобладать ею? какая печаль возможет одолеть ее?»[1]

«Подобает научиться духовному закону, возложить на себя *подвиги*[2] *о благочестии* и постигающие скорби переносить с терпением, как свои. Без этого никто не может сделаться истинно премудрым».

На вопрос, какие бы то были *подвиги о благочестии*, преподобный Марк отвечал: «Это заповеди Христовы, из которых первая и величайшая — любовь. Она не *мыслит зла, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит*[3], по слову Писания. Поступая так, она не судит тех, которые представляются обижающими ее. Любовию мы различаемся один от другого, и все недостаточествуем по отношению к ней, ожидая восполнения этому недостатку от благодати Христовой, если мы не вознерадим о возделывании любви по нашим силам. Бог знает и сколько мы не можем сделать по немощи, и сколько не совершаем дел любви по нерадению. Любовь укрепляется не от одних произвольных трудов, но и от случающихся скорбей: и потому мы нуждаемся, чтоб Бог ниспослал нам много терпения и кротости. По отношению к этому говорит Апостол: *хотяй быти мудр в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет*[4]. Мудрые по букве признают согрешающими одних обижающих, а премудрые по Духу Божию, будучи и обижаемы, порицают себя, когда не переносят обид терпеливо, с благим произволением, с радостию. Порицают они себя не только за это, но и по той причине, что признают скорби возникшими из данного ими некогда повода, из какого-либо прежнего согрешения, хотя согрешения бывают легче и тяжелее одно другого. Кто мстит за себя, тот как бы обвиняет Бога в бессудии, а кто претерпевает нашедшую скорбь, как свойственную себе, тот терпением приносит исповедание в преждесоделанных согрешениях, за которые и подвергается страданию от наведенной напасти».

«Имеются три вида благочестия: первый состоит в том, чтоб не согрешить; второй — в том, чтоб, согрешивши, терпеливо переносить приключающиеся скорби; третий — в том, чтоб плакать о недостатке терпения, если не переносим скорби с должным терпением. Если мы здесь не совершим примирения с Богом, установленными от Него средствами, то это по необходимости навлекает на нас подсудимость на будущем

[1] Слово к монаху Николаю. ‖[2] Иначе труды. ‖[3] 1 Кор. 13. 6, 7. ‖[4] 1 Кор. 3. 18.

Суде: разве только Бог, увидев, что мы смирились и плачем, изгладит, как Сам ведает, грехи наши всесильною благодатию Своею. Если же мы не только не смиримся и не восплачем о нерадении в исполнении вышеупомянутых видов благочестия, но и еще будем защищать себя словами мирской премудрости (учености) и ею превозноситься над благоговейными, то как будем помилованы, действуя противоположно условиям помилования?»

Когда преподобный беседовал так, — «один из учеников его, уповавший на воздержание свое, и по этой причине пребывавший вне познания истины, — покушавшийся претерпевать все скорбное, но неправильно думая о себе, что страдает как мученик, возразил Старцу: «Где говорит Писание, что по вине каждого и по праведному суду Божию находят бедствия на человеков?»

Старец отвечал: «Возлюбленный! найдешь это во многих местах Писания, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Впрочем, и мы укажем тебе некоторые из таких мест, если желаешь того. Уразумев истину, отвергни высокомудрие — мало этого — отвергни зломудрие, и приобрети смирение, заимствовав его от Бога, Который сказал: *возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*»[1].

Ученик остановил Преподобного на этом слове и сказал ему: «Если каждый из нас подражает смирению Христову тем, что признает постигающие его скорби должным себе воздаянием, как сказано тобою, то из этого очевидно явствует, что и Христос, пострадав, исполнил долг свой. Но я считаю такое мнение богохульством». — Авва отвечал: «Скажи мне, возлюбленный, берущие взаем деньги, при поруке поручителей, одни ли должники? или одинаково с ними должники и поручившиеся за них?» — Ученик: «Очевидно, что и поручившиеся». На это Старец: «Будь же убежден со всею достоверностию, что Христос, восприняв нас, соделал Себя должником, как и Божественное Писание свидетельствует о Нем: *Агнец Божий, вземляй грехи мира*[2], *быв по нас клятва*[3]. Он восприял смерть за всех нас; Он умер за всех нас: тебя ли одного не восприял Он? объясни это искренно». — Ученик,

---

[1] *Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11. 29). ‖ [2] *...Агнец Божий, Который берет* ***на Себя*** *грех мира* (Ин. 1. 29). ‖ [3] *...сделавшись за нас клятвою* (Гал. 3. 13).

припав к ногам Старца, сказал: «Я согрешил, как младенец, сказав в неведении сказанное мною; но отнюдь не отрекаюсь Избавителя и Восприемника всех верующих в Него. Знаю, что кроме Его нет иной надежды человекам на спасение, как говорит Апостол: *вси согрешиша и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его*»[1]. — Братия, присутствовавшие тут, получили пользу, увидев, что брат познал истину и покаялся. Старец продолжал: «Теперь остается нам показать из Писания, что из случающегося с каждым из нас печального ничто не случается несправедливо, все по праведному суду Божию. Иные страдают за свое зло, а иные за ближних: *в недра входят вся неправедным: от Господа же вся праведная*[2]. По этой причине сказано: *или будет зло во граде, еже Господь не сотвори?*[3] И еще: *вся дела Господня с правдою*[4]. И: *еже сеет тожде сие и пожнет*[5]. И: *аще неправда наша Божию правду составляет, что речем? еда ли неправеден Бог, наводяй гнев? да не будет*[6]. И три отрока, ввергнутые в разжженную печь, учат нас этому образу мыслей, сказав, что они ввергнуты по своей вине и по Божию повелению, хотя они восприняли лицо согрешивших соотечественников, будучи сами невинны[7]. И святой Давид, оскорбляемый Семеем[8], исповедует, что подвергается оскорблениям по повелению Божию и за свою вину[9]. И Исаия, и Иеремия, и Иезекииль, и Даниил, и другие Пророки предвещали народу Израильскому и народам языческим, что их постигнут скорби, соответственно грехам, совершенным каждым народом. Пророки объявляли вместе и вины и наведения за эти вины: за это именно, — предрекали Пророки, — за то, что провозглашалось в среде народа то и то, делалось то и то, постигнет их то и то. Объясняя это же, блаженный Давид говорит в Псалмах своих: *разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистину смирил мя еси*[10]. И еще: *поношение безумному*

[1] *...все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его* (Рим. 3. 23, 24). ‖ [2] *В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа* (Притч. 16. 33). ‖ [3] *Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы* (Ам. 3. 6). ‖ [4] Притч. 16. 9. ‖ [5] *Что посеет человек, то и пожнет* (Гал. 6. 7). ‖ [6] *Если же наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? ...Никак* (Рим. 3. 5. 6). ‖ [7] Дан. 3. 28, 31. ‖ [8] Семей — родственник Саула. Он злословил Давида и бросал камнями в царя и его свиту. Давид приказал не трогать его, а позднее, по возвращении в Иерусалим, гарантировал ему жизнь (2 Цар. 16. 5–13; 19. 16–23). — *Ред.* ‖ [9] 2 Цар. 16. 11. ‖ [10] *Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости Ты наказал меня* (Пс. 118. 75).

дал мя еси. Онемех и не отверзох уст моих, яко Ты сотворил еси[1]. Эти слова Давида и мы должны произносить к Богу, когда подвергнемся укоризнам от кого-либо, и благодарить Бога за то, что Он послал обличителя сокровенных в нас лукавых мыслей, послал с тою целию, чтоб мы, рассмотрев мысли наши с достоверностию, исправили себя. Большей части наших греховных недугов мы не знаем! потому что только мужу совершенному свойственно содержать в памяти свои недостатки. Если и явные нарушения закона духовного неудобопонятны, тем неудобопонятнее нарушения его, совершаемые в области мыслей. Но мы, не ведая большей части греховности нашей, смущаемся от наведений. Поймем же, как благоразумные, что Господь наводит искушения для пользы нашей и посредством их делает нам много добра: во-первых, посредством их открываем присутствие в себе злых мыслей, сокровенно обладающих нами; по открытии их подается нам истинное, непритворное смиренномудрие; потом избавление от суетного возношения и обнаружение разнообразной злобы, таившейся внутри нас, как говорит Писание: *проникоша вси делающии беззаконие, яко да потребятся в век века*[2]. Братия! наверно знайте следующее: если не будем переносить наведений с терпением, верою и благодарением, то никогда не возможем открыть злобу, сокровенную внутри нас. Если же не откроем ее, то не возможем ни отразить и прочих злых помыслов, борющих нас, ни взыскать очищения от впечатлений, произведенных преждесоделанными грехами, ниже получить твердой уверенности относительно будущего».

«Наводимые скорби и обличения не уподобляются по наружности винам; но в духовном значении отношения одних к другим сохраняют точную правду. Это можно увидеть и из Священного Писания: задавленные упавшею на них башнею Силоамскою не обрушали башни на других, пленники, отведенные на семьдесят лет в Вавилон для покаяния, не брали в плен других для покаяния. Средства наказания не имеют неуклонного сходства с винами: так, воины, уличенные в проступках, подвергаются побоям, но не тому самому злу, которое сделали. Подобно этому и все мы наказуемся постигающими нас скорбями и благовременно и правильно к покаянию,

[1] *От всех беззаконий моих избавь меня, не предавай меня на поругание безумному. Я стал нем, не открываю уст моих, потому что Ты сделал это* (Пс. 38. 9, 10). ‖ [2] *Тогда как нечестивые возникают, как трава, и делающие беззаконие цветут, чтобы исчезнуть на веки* (Пс. 91. 8).

но не тождественно, то есть не в то самое время, когда согрешаем, и не тем злом, в котором виновны. Это-то и приводит некоторых к неверию правде Божией, то есть отсрочка наказания и несходство наказаний с винами».

«*Вопрос.* Скорби, наводимые на нас, очень разнообразны. Одни из них истекают от человеков оклеветывающих, злоречащих, ласкательствующих, вводящих в заблуждение, обольщающих, окрадывающих, обижающих, соблазняющих, враждующих, презирающих, ненавидящих, притесняющих, бьющих, подвергающих гонению, — словом, делающих то зло, которое человеки могут делать человекам. Другие скорби возникают от собственного тела, когда оно бесчинствует, противоборствует духу, ищет неги, впадает в различные недуги и болезни, подвергается падениям, ушибам и прочим разнообразным последствиям немощи своей. Опять иные скорби приходят извне; таковы: угрызения псов, ядовитых и плотоядных зверей, также заразительные поветрия, голод, землетрясения, наводнения, морозы, зной, старость, убожество, заточение и тому подобное. Наносятся скорби злыми духами, с которыми мы находимся в войне, по словам Апостола; они наблюдают за нашими словами и делами, а по ним заключают о помыслах, которые естественно должны быть подобны словам и делам. Справедливо умозаключение демонов! если наш самовластный ум не будет по причине неверия беседовать с искусительными вражескими приражениями, если он не оставит подобающую ему совершенную надежду на Бога и не начнет плодить помыслов, то не может последовать ни слов, ни дел. Но ты сказал, что всякого рода бедствия постигают падшего соразмерно вине его, привлекая нас в познание правды Божией: покажи же нам и причины скорбей, чтоб мы таким образом поверили тому, что мы именно виновны в наводимых нам скорбях и должны терпеливо переносить нападающие на нас скорби. Опасаемся подвергнуться тяжкой муке по определению ожидающего нас загробного Суда, не только как грешники, но и как отвергшие врачевание».

«*Ответ.* Причина всякого скорбного случая — помыслы каждого. Я мог бы указать, как на причину, на слова и дела, но они не рождаются прежде помыслов, а потому помыслам приписываю все. Предшествует помысл; потом чрез слова и дела образуется общение человека с человеком. Имеются два образа общения: один от злобы, а другой от любви. При по-

средстве общения мы воспринимаем друг друга, не понимая даже этого: восприятиям же последуют по необходимости скорби, как и Писание говорит: *поручаяйся за друга, врагу предает свою руку*[1]. Каждый терпит скорби, постигающие его, не только из-за себя, но и из-за ближнего, — в том, в чем восприял ближнего на себя.

Восприятие от злобы есть непроизвольное. Оно совершается так: отнимающий что-нибудь у ближнего принимает на себя искушение этого ближнего, хотя и не хочет; также злословящий — злословимого, лихоимствующий — лихоимствуемого, насилующий — насилуемого, оговаривающий — оговариваемого, презирающий — презираемого. Чтоб не перечислять каждого действия отдельно, — всякий обидящий восприемлет искушения обидимого, соразмерно обиде. Об этом свидетельствует Божественное Писание. *Праведный,* — говорит оно, — *от лова убегнет, в негоже место предается нечестивый*[2]. И еще: *изрываяй яму искреннему своему, впадется в ню: и валяяй камень на себе валит*[3]. И: *в недро входят вся неправедным, от Господа же вся праведная*[4]. Если же *неправда наша,* — как сказал Апостол, — *Божию правду составляет* в отношениях наших одного к другому: то *что речем? Едва ли неправеден Бог, наносяй гнев*[5] не только на вразумляемых скорбями, но и на восстающих против скорбей безрассудно и свирепо?

Восприятие ближнего на себя предано нам Господом Иисусом. Он совершил это восприятие, исцелив, во-первых, наши душевные немощи, потом *целя всяк недуг и всяку болезнь*[6], *вземля грех мира*[7], возустрояя естество чистое в верующих Ему искренно, избавляя их от смерти, предав истинное Богопочитание, научая благочестию, наставляя словом и примером, что ради любви мы должны переносить страдания даже до смерти, сверх этого, соделав нас причастниками Духа и посредством Его даровав терпение и те блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*[8]. Он восприемлет искушения за нас: поношения, поругания, узы, предательство, биение по ланитам, напоение уксусом и жел-

---

[1] Притч. 6. 1. ‖ [2] *Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый* (Притч. 11. 8). ‖ [3] *Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится* (Притч. 26. 27). ‖ [4] *В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа* (Притч. 16. 33). ‖ [5] Рим. 3. 5. ‖ [6] Мф. 9. 35. ‖ [7] Ин. 1. 29. ‖ [8] *...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2. 9).

чию, пригвождение гвоздями, распятие, прободение копием. Таким образом, приобщившись нам плотию и духом и восприяв на Себя страдания за нас, Он предал такое восприятие в закон святым Апостолам и ученикам Своим, а прежде их Пророкам, Праотцам, Патриархам, научив вторых Святым Духом, а первых Своим всесвятым вочеловечением. Являя это восприятие, Он говорил: не бойтеся, *Аз победих мир*[1]. Также: *Аз за них свящу Себе, да и тии будут священи во истину*[2]. И еще: *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*[3]. На этом основании святой Павел, подражая Господу, говорил о себе: *ныне радуюся в страданиих моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за Тело Его, еже есть Церковь*[4]. В этих словах Апостол изобразил прикровенно восприятие от любви. Хочешь ли яснее познать, как все Апостолы приобщились нам и мыслию и словом и делом, и по причине такого общения восприяли искушение за нас? Мыслию вступили они в общение с нами, предлагая нам Писания, объясняя таинственное значение пророчеств, увещевая уверовать Христу, как Спасителю, служить Ему, как Сыну Божию по естеству, доказывая проповедь поразительными знамениями, молясь за нас, проливая слезы, делая все, что должно делать озаренным истиною в мысли. Вступили они в общение словами, умоляя нас, угрожая нам, уча, обличая, показывая срам маловерия нашего и невежества, объясняя Писание о значении времен, исповедуя Христа, проповедуя, что Он был распят за нас, что Он — вочеловечившееся Слово, что вочеловечившееся Слово — единая личность, а не две личности, хотя и исповедуется в двух естествах, соединенных нераздельно и неслитно, останавливая зловерие и преграждая ему путь во всяком времени, месте и деле, не соглашаясь с ложью, удаляясь от хвалящихся по плоти, с тщеславными не пребывая, кичливых не боясь, уничижая лицемеров, приемля смиренных, усвояя благоговейных, научая нас такому же поведению. Приобщились они нам делами, подвергаясь гонениям, поношениям, лишениям, оскорблениям, злодеяниям, заключению в темнице, насильственной смерти и прочим страданиям за нас. Вступив в то же общение с нами, они при

[1] Ин. 16. 33. || [2] *И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною* (Ин. 17. 19). || [3] *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15. 13). || [4] *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь* (Кол. 1. 24).

посредстве его восприяли и искушения наши. *Аще скорбим,* — говорят они, — *о вашем спасении; аще ли утешаемся, о вашем утешении*[1], приняв этот закон любви от Господа, Который сказал: *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*[2]. Такое поведение они предали и нам. Если Господь положил душу Свою за нас, говорят они, то *и мы должни есмы души наша по братии полагати*[3]. Также: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*[4]. Познав, что имеются два образа общения человеков между собою, что за ними последует двоякое восприятие, одно невольное, а другое по любви, не будем любопытствовать при встречающихся с нами искушениях, подвергая подробному исследованию качество восприятия, как, когда, чрез кого пришло искушение: одному Богу свойственно знать соответственность каждого из них с виною, определение на них своего времени, направление всей твари к содействию попускаемому искушению[5]. Наша единственная обязанность веровать правде Божией и знать, что все постигающее нас скорбное, против воли нашей, постигает или по любви или за греховность, что по этой причине мы обязаны переносить искушения с терпением, не отражая их противодействием им, чтоб не приложить этим нового греха к грехам нашим. Прежде всего прошу вас, братия, быть очень внимательными к сказанному, чтоб и мы, подвергшись искушению за слова наши, не подверглись ему бесплодно, и чтоб вам не предать забвению сказанного, приняв сказанное без должного усердия. Забвение — дщерь сердечной хладности (уныния): мать обоих — неверие.

На это отвечали братия: «Успокойся, отец, относительно произнесенного тобою поучения. Убежденные свидетельствами Писания, мы выслушали с верою поведание о том, что без праведного суда Божия никакая невольная скорбь не прикасается к человекам, хотя мы, по ограниченности нашей, и не постигаем как таинственного стечения обстоятельств, так и времени, в которое назначается попущение искушения»[6].

«Услышь, душа, словесная сообщница моя в жизни! — такое наставление душе влагает преподобный Марк в уста ума ее, намереваюсь поведать тебе тайну, которая относится

---

[1] 2 Кор. 1. 6, 7. ‖ [2] Ин.15. 13. ‖ [3] *...мы должны полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3. 16). ‖ [4] *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6. 2). ‖ [5] Это содействие называется обыкновенно *стечением обстоятельств.* ‖ [6] Слово 6. Прение с ученым.

и ко мне и к тебе. Тайну эту я постиг не потому, чтоб очистился от страстей, но потому, что успокоился немного по Божией благодати от действия их. Достоверно узнал я, о душа, что как я, так и ты, подвергшись действию противоестественному, вовлекаемые неведением в заблуждение, обвиняем других в согрешениях наших, представляя себе ложно, что злоба находится вне нас. По причине такого ошибочного воззрения мы обвиняем иногда Адама, иногда сатану, иногда человеков, с которыми поставлены в сношение. Вследствие этого вступаем в многообразное ратоборство, и, полагая ратовать против иных, ратуем против самих себя; полагая защищать друг друга, нападаем друг на друга; полагая благодетельствовать себе, терзаем себя подобно беснующимся: несем труды, подвергаемся поношениям, которые справедливо делаются для нас бесполезными, будучи последствиями неправильного настроения. Заповеди мы думаем любить, но начала, на которых основано исполнение их, возненавидели по причине нашего самообольщения. Ныне я узнал наверно, что никакая власть не влечет нас неправедно ни ко благу, ни ко злу, что со времени крещения и Бог и диавол поощряют нас в усвоение себе праведно, сообразно тому, какое направление приняло жительство наше по крещении и кому поработили себя произвольно».

«Имеются два вида приражения, которыми мир обманывает нас, если мы не усмотрим их благовременно: похвала от человеков и отрада тела. Когда они приражаются без предварившего произволения нашего, тогда они не принадлежат ни к злобе, ни к добродетели — служат только обличением для нашей воли, куда она склонится. Господу благоугодно, чтоб мы терпели поношение и жительствовали в лишениях и подвиге; диавол же хочет противного этому. Если мы услаждаемся похвалою человеческою и отрадою тела, то из этого явствует, что мы, преслушая Господа, преклоняемся к духу сластолюбия. Если же не благоволим к похвале человеческой и к наслаждению телесному, то из этого явствует, что мы преклоняемся к Богу, возлюбив тесный путь. Для того и допущено этим двум обольстительным приражениям действовать на человеков, чтоб любящие заповедь и сочувствующие ей вынаружили и доказали преклонение своей воли ко Христу, чтоб Христос, обретши вход в души их, научил умы их истине. Подобно этому о противном понимай противное. Любящие человеческую славу и отраду тела дают вход диаволу, кото-

рый, этими средствами нашедши свойственный себе вход, уже свободно вводит зло, и не престает умножать его настолько, насколько услаждаемся влагаемыми им помышлениями. Поступает он так дотоле, доколе мы, опомнившись, не возненавидим от искренности сердца двух вышеупомянутых средств приражения. Но мы любим их! мы не только предаем за них добродетель, но и их промениваем одно на другое, смотря по обстоятельствам: иногда подвергаем тело лишениям и подвигам с целию приобретения славы человеческой, а иногда подчиняем себя человеческому поношению, чтоб удовлетворить сластолюбию; иногда же, оставя всю заботу о них, устремляемся к снисканию тех видов миролюбия, которыми питаются и от которых усиливаются тщеславие и сластолюбие. Для них средством питания и усиления служит сребролюбие, *корень всем злым,* по определению Божественного Писания»[1].

«Непременно возразишь ты мне, душа, что мы и не собираем золота и не имеем стяжания. На это скажу тебе, что ни золото, ни имущество не вредны сами по себе, — вредно злоупотребление ими, вредно употребление их по пристрастию. Некоторые, бывши богатыми без страсти к богатству, благоугодили Богу: таков был святой Авраам, таковы были праведные Иов и Давид. Напротив того, некоторые из нас и без имения вскормили в себе страсть любостяжания при посредстве ничтожных мелочей. Таким образом мы сделались хуже обладавших большим имуществом: оставив жительство, которое должно во всех отношениях состоять в лишениях и подвиге, злохитро допускаем себе в разных случаях наслаждения, как бы думая действовать тайно от Бога; убегая сребролюбия, мы не убегаем сластолюбия; не копим золота, а собираем маловажные вещи; отказываемся от начальнических санов и власти, а славу и похвалу уловляем всеми средствами; оставили имущество, — не оставили наслаждений, к доставлению которых имущество служит средством. Некоторые из нас оставляют и наслаждения, но в ложном разуме, не убегая вредных для душеспасения излишеств, но как бы гнушаясь добрых созданий Божиих и думая последовать словам Писания: *не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи*»[2].

«Душа! когда услышишь о преступлении Адама и Евы, — понимай его так: в начале подверглись ему собственно они;

[1] Тим. 6. 10. || [2] «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся» (Кол. 2. 21).

ныне же подвергаемся ему в духе мы, я и ты. *Сия вся образи прилучахуся онем: писана же быша в научение наше, в нихже концы века достигоша*[1]. Рассмотри следующее! возродившись крещением и водворенные в раю Церкви, мы преступили заповедь Возродившего нас, — и каким образом? Господь повелел любить всех единоверных и, при посредстве терпения, вкушать плод, который они приносят нам, сказав: *от всякого древа, еже в раи, снедию снеси*[2]. Но мы, последовав помыслам змея, возлюбили одних, как добрых, — возненавидели других, как злых. В этом и заключается вкушение от *древа познания добра и зла*[3]. Вкусив от него, мы умерщвляемся в духе не потому, чтоб смерть сотворена была Богом, но потому, что она является сама собою в человеке, возненавидевшем ближнего. *Бог смерти не сотвори, ни веселится о погибели живых*[4]; Он не приводится к действиям страстию гнева, не вымышляет способов к наказанию за согрешения, не изменяется соответственно достоинству каждого, но *вся премудростию сотворил*[5], предопределив, чтоб все было судимо по духовному закону. По этой причине Он не сказал Адаму и Еве: «*В тот день, в который вы вкусите запрещенного плода, Я умерщвлю вас*»; но, предостерегая и утверждая их, предъявил им закон правды, сказав: *в онь же аще день снесте, смертию умрете*[6]. Вообще Бог установил, чтоб каждому делу, и доброму и злому, последовало естественно надлежащее возмездие. Воздаяние не вымышляется при каждом случае, как думают некоторые, не знающие закона духовного. Ведая его отчасти, мы должны быть убеждены в том, что, возненавидев кого-либо из единоверных, как злого, и сами будем отвергнуты Богом, как злые, — не приняв покаяния от ближнего, как от грешника, будем и сами отвергнуты, как грешники, — не простив ближнему согрешений, ниже сами получим прощение. Объявляя этот закон, законодатель Христос говорил: *не судите и не судят вам: не осуждайте, и не осудими будете: отпущайте, и отпустится вам*[7]. Закон этот ведал святой Павел и сказал, не присовокупив никакой

[1] *Все это происходило с ними, как* ***образы****; а описано в наставление нам, достигшим последних веков* (1 Кор. 10. 11). || [2] *...от всякого дерева в саду ты будешь есть* (Быт. 2. 16). || [3] Быт. 2. 10. || [4] *Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих* (Прем. 1. 13). || [5] *Все соделал Ты премудро* (Пс. 103. 24). || [6] *...в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2. 17). || [7] Лк. 6. 37.

оговорки: *судяй иного, себе осуждаеши*[1]. Закон этот ведал Пророк и возопил к Богу: *Ты воздаси комуждо по делом его*[2]. Другой Пророк возвещает от лица Божия: *Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь*[3]. Но зачем исчислять Писания, когда всем Божественным Писанием, и Ветхим и Новым, в особенности же великим Псалмопевцем, излагается этот закон со всею ясностию, чтоб мы, познав его духовное значение и таинственный устав, страшились во всяком случае отступления от него и старались любить братию не только по наружности, но и в сердце? Этот закон — не закон Моисеев, судивший одно видимое: этот закон духовен; им обличается и тайное. И Моисеев закон дан Богом на известное, определенное время; но он пополнен законом духовным, то есть благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал: *не приидох разорити закон, но исполнити*[4]. На этом основании подобает во всяком деле, сказав однажды должное, не продолжать далее прекословия, но прощать тому, кого признаем обидевшим нас, какою бы ни была обида, справедливою или несправедливою. Да ведаем, что возмездие за прощение обид больше возмездия за всякую другую добродетель. Так как мы не можем свободно поступать по предложенному направлению, чему служит причиною преобладание над нами греха, допущенное прежним образом жизни, то мы должны молить Бога, содействуя молитве бдениями и прочими подвигами и лишениями, чтоб получить от Бога милость и принять такую силу. О, возлюбленная душа! во всяком времени, месте и деле будем твердо держаться одной цели, чтоб нам, подвергаясь различным обидам от человеков, радоваться, а не скорбеть, — радоваться не просто, не бессмысленно: радоваться на том основании, что обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается *разум истины.* Он обильнее всякого иного ведения: из него можем умолять Бога, наверно зная, что будем услышаны; он плод веры и доказательство веры во Христа; посредством его можем взять крест свой и последовать Христу; он — родитель первых и великих заповедей; при посредстве его можем любить Бога от всего сердца и ближнего, как самого себя; для снискания его мы должны возложить

[1] Рим. 2. 1. [2] *...Ты воздашь каждому по делам его* (Пс. 61. 13). [3] Втор. 32. 35. [4] *...не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5. 17).

на себя пост, бдение и прочие подвиги и лишения, чтоб сердце и внутреннее расположение наше отверзлись, приняли его в себя, и уже не извергали. Тогда за прощение ближнему согрешений его усмотрим в себе действие благодати, таинственно данной нам Святым Крещением: она будет действовать в нас уже не неприметно для нас, но со всею очевидностию, вполне ощутительно».

«Противодействуют этой добродетели две страсти: тщеславие и сластолюбие. От них должно сперва отречься в духе своем: тогда приобретается эта добродетель. Душа! произвольно предавши себя этим двум страстям, никого не обвиняй: ни Адама, ни сатану, ни человеков; но вступи в борьбу с волею твоею, и не пренебреги этою борьбою. Она внутренняя и междоусобная. В ней боремся не с братиею нашею: боремся сами с собою. В ней Споборник у нас — один, Споборник непобедимый, от Которого ничто не может укрыться: Христос, таинственно насажденный в нас Крещением. Он укрепляет нас, если мы соблюдаем заповеди Его по силе нашей. Борются же против нас, как я уже сказал, расположение к наслаждению, которым заражено наше тело, и тщеславие, которое обладает и мною и тобою. Эти две страсти прельстили Еву и обольстили Адама: сластолюбием представлено древо *яко добро в снедь, и красно есть, еже разумети*[1]; тщеславием же произнесено: *будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*[2]. Первозданные Адам и Ева устыдились друг друга, увидев себя нагими; так и мы, утратив непорочность незлобия в духе, стыдимся друг друга в совести. Тогда сшиваем себе одежду из листьев смоковницы: облекаясь пустыми словами и образами лживого словооправдания. В противоположность мягкой одежде из листьев, Господь устраивает нам суровую одежду из кож, знаменующую жительство подвижническое, и говорит: *в терпении вашем стяжите души ваши*[3]. Он преподает наставление, соответственное данной одежде: *обретый душу свою* в злопомнении или в каком другом грехе, *погубит ю: а иже погубит душу свою,* не дозволяя ей ни злопомнения, никакого другого греха, *в живот вечный сохранит ю*»[4].

---

[1] *...что ... хорошо для пищи, ... приятно для глаз, потому что дает знание* (Быт. 3. 6). || [2] *...будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3. 5). || [3] Лк. 21. 18. || [4] Мф. 10. 39. Слово 5. Совет ума душе.

Выписка из жития святого Андрея, Христа ради юродивого

Однажды святой Андрей ходил посреди народа на торговой площади, находящейся у башни, которую построил император, святой Константин Равноапостольный. Тут была и некоторая жена по имени Варвара. Она, по действию Духа Божия, пришла в исступление и увидела, что блаженный Андрей ходит посреди многолюдства подобно огненному блистающему столпу. Одни толкали его пинками, другие били; многие, смотря на него, говорили: «Этот человек не принадлежит себе; он сошел с ума! не желаем такого состояния и врагам нашим». За Андреем ходили бесы в образе черных эфиопов и говорили между собою: «Не дай Бог другого такого на земле: никто не изжег сердец наших так, как этот, притворившийся сумасшедшим по нежеланию служить господину своему; теперь он издевается над всем миром». Варвара видела, что эфиопы налагали знаки на тех, которые били Святого, и говорили друг другу: «По крайней мере служит нам утешением то, что его бьют без милости; бьющие угодника Божия, без всякой на то причины, будут осуждены за это в час кончины их, и нет им спасения». Блаженный, услышав это, устремился на них действием Духа Божия, как пламень, силою страшною рассыпал знаки, наложенные демонами, и грозно выговорил им: «Вы не имеете права налагать знаков на тех, которые бьют меня: потому что я молюсь моему Владыке, чтоб не вменены были в грех наносимые мне побои тем, которые наносят их. Они поступают так в неведении, и по причине их неведения получат прощение». Когда произнес это Святой, — отверзлось небо, как отверзаются врата, и вылетело оттуда к Преподобному множество ласточек прекрасных; посреди их был белоснежный голубь, державший в клюве златой масличный лист; он сказал Святому человеческим голосом: «Прими этот лист, посланный тебе Господом Вседержителем из рая в знамение благодати Божией, за то, что ты милостив и человеколюбив, как милостив и человеколюбив Сам Господь. Он прославит тебя, возвеличит милость Свою над тобою, потому что и ты прощаешь и милуешь биющих тебя, молясь об оставлении им этого греха». Сказав это, голубь сел на главе Святого. — Смотря на это, благочестивая жена удивлялась и, пришедши в себя по окончании видения, размышляла: «Сколько

светильников имеет Бог на земле, и никто не знает их». Несколько раз покушалась Варвара пересказать другим виденное ею; но сила Божия возбраняла ей. После этого встретил ее в городе святой Андрей и сказал ей: «Варвара! храни тайну мою и никому не поведай виденного тобою до того времени, как *я пройду в место селения дивна, даже до дому Божия*»[1]. Она отвечала ему: «Светильник и Угодник Божий! случалось, что я намеревалась поведать, но мне возбраняла невидимая сила Божия»[2].

Выписка из Лествицы святого Иоанна Лествичника

«Вера, соединенная с твердым убеждением, — мать отречения от мира; неуклонная надежда — дверь к беспристрастию; любовь к Богу — причина странничества; воздержание — мать здравия; воздержания мать — размышление о смерти и постоянное памятование желчи и уксуса, которые вкусил наш Владыка и Бог; целомудрия помощник и причина — безмолвие; разжжение плоти погашается постом; супостат лукавых и блудных помыслов — сокрушение сердца; прилежною молитвою уничтожается уныние, а от воспоминания о Суде рождается усердие к подвигам»[3].

«Любление бесчестий исцеляет от ярости и раздражительности; песнопение, милосердие и нестяжение уничтожают печаль»[4].

«Молчание и безмолвие противодействуют тщеславию; если же находишься посреди человеков, то пройди путем бесчестий»[5].

«Наружную гордость исцеляет наружное скорбное положение, образуемое скудостию и лишениями; невидимую — Невидимый»[6].

«Губитель чувственных змей — олень, мысленных — смирение»[7].

«Невозможно змею совлечь с себя старой чешуи иначе, как пролезши сквозь тесную скважину: и нам невозможно свергнуть с себя греховные навыки и впечатления, невозможно

---

[1] *...я ходил в многолюдстве, вступал с ними в дом Божий* (Пс. 41. 5). || [2] Житие святого Андрея, написанное иереем Никифором, также Четьи-Минеи октября во 2 день. || [3] Краткое возоглавление, главы 1, 2, 3, 5, 6, 8. || [4] Гл. 9. || [5] Гл. 11. || [5] Гл. 12. || [7] Гл. 13.

свергнуть ветхость души и одежду ветхого человека, если не пройдем по узкому пути поста и бесчестия»[1].

«Тучные птицы не могут летать высоко, и угождающий плоти своей не возлетит на небо»[2].

«Высохшее болото уже не приманивает к себе свиней, — и плоть, иссушенная подвигами, уже не упокоивает в себе бесов»[3].

«Облаками закрывается солнце, — лукавые помышления омрачают ум и служат для него причиною погибели»[4].

«Преступник, выслушавший приговор и идущий на казнь, не беседует о народных празднествах: так и плачущий истинно не будет угождать чреву»[5].

«Магниту невольно повинуется железо: подобно этому греховные навыки и впечатления, обратившиеся в качество, уже насилуют заразившихся ими»[6].

«Вода, будучи сжата, подымается вверх: так часто случается и с душою. Она, будучи стеснена бедствиями, восходит к Богу и спасается»[7].

«Ветры возмущают бездну, — ярость, больше всех страстей, возмущает ум»[8].

«В те места, где сложено царское оружие, воры приходят с особенною осторожностию; так и мысленные воры употребляют особенную злохитрость, чтоб окрасть имеющего сердечную молитву»[9].

«Огонь не рождает снега, — и ищущий славы земной не получит небесной»[10].

«Невозможно убить зверей без оружия; невозможно стяжать безгневия без смирения»[11].

«Восходящие по гнилой лестнице по необходимости подвергнутся бедствию: подобно этому честь, слава, власть вредны для смиренномудрия»[12].

«Вода смывает буквы, и слеза очищает согрешения»[13].

«За неимением воды изглаждаются буквы и другими способами: так и души, не имеющие слез, изглаждают и выскабливают согрешения свои печалию, воздыханиями, великим сетованием»[14].

«Немощный по телу, подвергшийся тяжким согрешени-

---

[1] Гл. 15. || [2] Гл. 16. || [3] Гл. 17. || [4] Гл. 23. || [5] Гл. 24. || [6] Гл. 26. || [7] Гл. 28. || [8] Гл. 30. || [9] Гл. 32. || [10] Гл. 33. || [11] Гл. 35. || || [12] Гл. 41. || [13] Гл. 43. || [14] Гл. 44.

ям, да идет путем смирения и теми путями, которые ведут к смирению: другого средства к спасению он не найдет»[1].

«Нет причины для страждущего горячкою к самоубийству: так никому, ни в каком случае, даже до последнего издыхания, не должно отчаиваться»[2].

«Если б похоронивший отца своего, немедленно по возвращении с похорон, пошел на брак, то поступок его был бы бесчестным. Так и плачущим о грехах неприлично искать в этом веке чести, покоя и славы от человеков»[3].

«Того воина, которого лицо изъязвлено жестокими ранами на войне, царь не только не повелевает исключать из воинства, но и возбуждает значительными наградами к большей ревности; и Небесный Царь венчает инока, терпящего от бесов многие напасти»[4].

«Увидев кого-либо из сподвижников наших пораженного телесным недугом, не позволим себе объяснять недуг его судом лукавым и злобным; напротив того, примем его с простотою и любовию нелюбопытною, как свой член, как воина, раненного на войне, — позаботимся о уврачевании его»[5].

«Иногда посылается болезнь для очищения от согрешений, иногда же, чтоб смирить вознесшуюся мысль»[6].

«Благий и всеблагий Владыка и Господь наш, усмотрев, что некоторые ленивы к подвигу, обуздывает плоть их недугом, как таким подвигом, который отраднее других, — нередко, вместе с этим, очищает и душу от лукавых страстей и помыслов»[7].

«Немощные душою да познают благоволение Господа к ним из телесных болезней и из внешних напастей и искушений, а совершенные по наитию на них Святого Духа и по приложению новых дарований к дарованиям, прежде полученным»[8].

«Покаяние — впрочем, покаяние тщательное — плач, очищенный от всякой скверны, и преподобное смирение новоначальных столько различаются друг от друга, сколько различаются между собою мука, тесто и печеный хлеб. Душа истончевается и стирается истинным покаянием; соединяется она некоторым образом и, так сказать, смешивается с Богом водою плача неложного; от плача возжигается огнь Боже-

[1] Гл. 52. || [2] Гл. 58. || [3] Гл. 59. || [4] Гл. 61. || [5] Слово 26. О рассуждении. Гл. 53. || [6] Гл. 54. || [7] Гл. 55. || [8] Гл. 102.

ственный: тогда хлеботворится и образуется смирение бесквасное и чуждое дмения»[1].

«Первое и изящное свойство этой благой и досточудной троицы духовного подвига состоит в радостнейшем подъятии уничижений: душа принимает и объемлет их распростертыми руками, как врачевства, которыми исцеляются недуги ее и очищаются грехи великие. Второе свойство, после изложенного, заключается в совершенном истреблении ярости и, по утолении ее, в правильном настроении души. Третья и превосходнейшая степень состоит в утвердившемся неверовании своему добру и в постоянном желании научаться»[2].

«В том, кто стяжал смирение, не проявляется ни ненависть, ни прекословие, не слышится из него вони непокорства»[3].

«Соединившийся теснейшим союзом с добродетелию смирения соделывается тихим, кротким, удобопреклонным к умилению, милосердым, спокойным, радостным, благопокорливым, беспечальным, бодрым, неленостным, — и что много говорить, — соделывается бесстрастным. Соделывается таким, потому что *во смирении нашем помяну ны Господь, избавил ны есть от врагов наших*[4], от страстей и скверн наших»[5].

«Возлюбленный! ведай, что *удолия умножат пшеницу*[6] и духовный плод на почве своей. *Долиною* названа смиренная душа, чуждая возношения, пребывающая постоянно и непоколебимо, как бы среди гор, среди подвигов и добродетелей. Не постился я, — говорит святой Давид, — не бдел, не лежал на голой земле; но *смирихся и Господь спасе мя* вскоре»[7].

«Покаяние восставляет; плач ударяет в небеса; преподобное смирение отверзает врата небесные»[8].

«Иное — превозноситься, иное — не превозноситься, и иное — смиряться. Находясь в первом устроении, мы судим и осуждаем ближних в течение всего дня; находясь во втором — не судим и не осуждаем ни других, ни себя; в третьем, будучи оправданы Богом, осуждаем себя непрестанно»[9].

«Желая достигнуть самопознания, не престанем рассматривать и истязывать самих себя. Если от искренности сердца сознаем, что каждый ближний превосходнее нас, то близка к нам милость Божия»[10].

---

[1] Слово 25. О смирении, глава 7. || [2] Гл. 8. || [3] Гл. 10. || [4] *Вспомнил нас в унижении нашем и избавил нас от врагов наших* (Пс. 135. 23, 24). || [5] Гл. 11. || [6] *...долины покрываются хлебом* (Пс. 64. 14). || [7] Гл. 15; Пс. 114. 5. || [8] Гл. 16. || [9] Гл. 19. || [10] Гл. 32.

«Очень многие называют себя грешными, даже признают себя такими; но истинное понятие человека о себе, тайно живущее в сердце его, вынаруживается нечаянно нанесенным бесчестием»[1].

«Поспешающий в тихое, не страшащееся бурь пристанище смирения не престанет прибегать к всевозможным средствам, к словам, к помышлениям, к различным действиям, избирая соответствующий образ жительства, принося многие молитвы и моления, доколе содействием Божиим и смиреннейшим уничиженнейшим подвижничеством не освободит ладии, — души своей, — от бури, постоянно свирепствующей на море превозношения»[2].

«Некоторые удержали до конца жизни воспоминание о преждесодеянных согрешениях, уже получив прощение в них, приводя себя этим воспоминанием к смиренномудрию и заушая им суетное превозношение[3]. Иные, устремляя постоянно взоры ума к страданиям Христовым, признали себя должниками, никогда не могущими выплатить долга. Иные уничижают себя, усматривая в себе ежедневные упущения и недостатки. Иные ниспровергли превозношение по причине попущенных им искушений, болезней и падений. Иные усвоили себе мать духовных дарований молением о том, чтоб бремя духовных дарований не было возложено на них. Имеются и такие, — имеются ли они ныне, не знаю, — которые нисходят в смирение при посредстве самых Божественных дарований, признавая себя не достойными этого богатства и смотря на умножение его, как на умножение своего долга»[4].

«Если увидишь кого или услышишь о ком, что он в немногие годы достиг высшего бесстрастия, то знай, что он шествовал блаженным и кратким путем смирения, не каким иным»[5].

«*Не нам, Господи, не нам,* — говорит некто от искренности сердца, — *но имени Твоему даждь славу*[6]. Говоривший это знал, что падшее естество человеческое не может принимать похвал безвредно для себя. *От Тебе похвала моя в Церкви велицей*[7], в будущем веке: прежде этого времени я не могу переносить ее безбедственно»[8].

«Свойственно лимонному дереву, когда оно страждет бесплодием, высоко выгонять свои ветви кверху. Когда же ветви

---

[1] Гл. 34. || [2] Гл. 35. || [3] Пс. 50. 5. || [4] Святой Исаак Сирский. Слово 36. || [5] Гл. 36. || [6] Пс. 113. 9. || [7] Пс. 21. 26. || [8] Гл. 36.

будут наклонены вниз соразмерною тяжестию, тогда дерево из бесплодного делается плодоносным»[1].

«Устрашаются птицы лишь завидят ястреба, — и делатели смирения устрашаются, услышав даже один голос прекословия»[2].

«Кротость есть неколеблющееся устроение духа, пребывающее одинаковым и при похвалах и при поношениях»[3].

«Кротость состоит в том, чтоб при оскорблениях от ближнего не чувствовать оскорбления и чисто молиться о нем»[4].

«Кротость — утес, возвышающийся над морем ярости и разбивающий все волны, которые ударяют о него»[5].

«Кротость есть твердыня, в которой жительствует терпение, дверь к любви, правильнее же, матерь ее, начальная причина духовного рассуждения. *Научит* Господь *кроткия путем Своим*[6]. Она доставляет отпущение грехов и дерзновение в молитве. Она — вместилище Святого Духа. *На кого воззрю*, — говорит Господь, — *токмо на кроткаго и молчаливаго*»[7].

«В сердцах кротких почиет Господь; душа возмущенная — обитель диавола»[8].

«*Кротции наследят землю*[9]: они возобладают землею, сердцем; но предающиеся гневу уведутся в плен с земли их»[10].

«Кроткая душа — престол простоты; ум гневливый — делатель лукавства»[11].

«Душа правая — наперсница смирения; душа лукавая — служительница гордости»[12].

«Души кротких исполнятся познания истины; ум гневливый пребывает во тьме и неразумии»[13].

«Простота есть усвоившееся душе качество, чуждое сложности, не способное к помышлениям злым о ближнем»[14].

«Лукавство есть обширное знание, правильнее же, извращение знания по подобию знания бесов, утратившее истину и покушающееся утаиться от людей»[15].

«Лицемерство есть противоположное настроение души с телом, переплетенное всевозможными вымыслами»[16].

«Незлобие есть тихое настроение души, свободное от всякого умысла»[17].

---

[1] Гл. 48. || [2] Гл. 51. || [3] Гл. 2. Слово 24. О кротости. || [4] Гл. 3. || [5] Гл. 4. || [6] Пс. 24. 9. || [7] Гл. 5; Ис. 66. 2. || [8] Гл. 7. || [9] *...кроткие ... наследуют землю* (Мф. 5. 5). || [10] Гл. 8. || [11] Гл. 9. || [12] Гл. 11. || [13] Гл. 12. || [14] Гл. 14. || [15] Гл. 15. || [16] Гл. 16. || [17] Гл. 17.

«Правота состоит в настроении ума, нелюбопытном и неподозрительном, в искренности обращения с ближними, в слове непритворном, не обдумываемом благовременно»[1].

«Лукавство есть превращение правоты, обольщение ума ложными понятиями, доставляющими ему ложное воззрение на управление мира Богом, допущение себе клятв, повинных муке, хитросплетение слов, глубина сердца, бездна лести, ложь, обратившаяся в душевное качество, превозношение, соделавшееся естественным свойством, противодействие смирению, лицемерство, облекающееся в личину покаяния, устраняющее от себя плач, враждебное исповеди грехов своих, составившее о вере свое разумение и упорно держащееся его, причина падений, препятствие к восстанию покаянием, коварная улыбка при обличениях, притворное благоговение, житие бесовское»[2].

«Бог как называется любовию, так называется и правотою. Премудрый говорит чистому сердцем в Песни Песней: *правость возлюби тя*[3]. Отец же Премудрого сказал: *благ и прав Господь*[4], — и признает спасающимися тех, которые соименны Богу, *спасающему правыя сердцем*[5]. И опять: правоты душ *виде* и посетило *лице Его*»[6].

«Все хотящие привлечь к себе Господа! приступим к Нему в простоте, не притворно, не двоедушно, не лукаво, приступим, как приступают ученики-дети к учителю в училище. Будучи прост и несложен, Он благоволит, чтоб приступающие к Нему души приступали в простоте и незлобии. Простота всегда соединена со смирением»[7].

«Порабощенный тщеславию по необходимости идолослужитель: считая себя служителем Бога, он стремится угождать не Богу, а человекам»[8].

«Льстец есть служитель бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, наветник пути ко спасению. *Людие мои,* — говорит Господь чрез Пророка, — *блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают*»[9].

«Свойственно достигшим высокого преуспеяния претерпевать огорчения мужественно и с радостию; выслушивать по-

---

[1] Гл. 18. || [2] Гл. 20. || [3] *...достойно любят тебя* (Песн. 1. 3). || [4] *Благ и праведен Господь* (Пс, 24. 8). || [5] *...спасающем правых сердцем* (Пс. 7. 11). || [6] *...лицо Его видит праведника* (Пс. 10. 7); Гл. 23. || [7] Гл. 25. || [8] Гл. 6, Слово 22. О тщеславии. || [9] Гл. 11. *Народ мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили* (Ис 3. 12).

хвалу безвредно для себя свойственно одним святым и преподобным»[1].

«*Никтоже весть, яже в человеце, точию дух человека*[2]: да постыдятся же и заградят уста свои покушающиеся хвалить нас в лицо»[3].

«Если услышишь, что ближний и друг твой сказал худо о тебе в отсутствии или и в присутствии твоем, то покажи любовь к нему, похвалив его»[4].

«Велико отразить от души похвалу человеческую, больше — похвалу бесовскую»[5].

«Доказывает свое смиренномудрие не тот, кто говорит о себе худо, но тот, кто не прекращает любви к ближнему, говорившему о нем худо: — кто не стерпит поношения от самого себя?»[6]

«Не прими тщеславного помысла, когда он будет предлагать тебе саны епископа или игумена, или учителя: потому что трудно отогнать пса от стола, на котором продается мясо»[7].

«Тщеславие приводит человека к гордости, когда его предпочитают другим, и к памятозлобию, когда его презирают»[8].

«Тщеславие нередко было для тщеславных причиною бесчестия вместо чести, которой они искали, дав им повод к гневу и выставив их в безобразии пред человеками»[9].

«Если будем стремиться к Богоугождению, то непременно вкусим и Божественную славу. Вкусивший Божественную славу непременно будет презирать славу земную. Сомневаюсь, чтоб кто-либо презрел вторую, не вкусив первой»[10].

«Не повинуйся суетному тщеславию, получающему объявлять добродетели твои для пользы слышащих: *кая польза человеку,* если он принесет пользу всему миру, *душу же свою отщетит*[11]. Ничто не может принести такой пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав, смиренное и непритворное слово»[12].

«Есть слава, происходящая от Господа, Который говорит: *прославляющия Мя прославлю*[13]. И есть слава, устрояемая злохитростию диавольскою; о ней сказано: *горе, егда добре*

---

[1] Гл. 12. || [2] *Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого* (1 Кор. 2. 11). || [3] Гл. 14. || [4] Гл. 15. || [5] Гл. 16. || [6] Гл. 17. || [7] Гл. 19. || [8] Гл. 23. || [9] Гл. 24. || [10] Гл. 29. || [11] *Какая польза человеку, ...а душе своей повредит?* (Мф. 16. 26). || [12] Гл. 34. || [13] *Я прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2. 30).

рекут вам вси человецы[1]. Познаешь ясно первого рода славу, когда, признавая славу вредною для себя, будешь устранять ее всеми средствами, когда постоянно и везде будешь скрывать подвижничество и добродетели твои. Познаешь в себе стремление ко второй славе, когда сделаешь что-либо, и самомалейшее, *да видим будешь человеки*»[2].

«Скверное тщеславие подучает нас принимать на себя личину добродетели, которой не имеем, опираясь, для обмана нашего, на слова Господа: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела*»[3].

«Господь нередко отвлекает от тщеславия тщеславных, попуская им бесчестие»[4].

«*Возносяй себе* непременно *смирится* и здесь, в земной жизни, прежде будущего века»[5].

«Когда льстецы, правильнее же — обольстители, начнут хвалить нас, тогда поспешим привести себе на память множество беззаконий наших, и найдем себя недостойными произносимых нам похвал или воздаваемых нам почестей»[6].

«Червь, достигши надлежащего возраста, получает крылья, возлетает на высоту, — и тщеславие, достигши исполнения своего, преобразуется в гордость. Гордость — и начало и совершенство всех зол»[7].

«Окончательное преуспеяние в тщеславии — начало гордости; средина гордости — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание и вынаружение своих подвигов, хваление самого себя в сердце, ненависть к обличениям; конец гордости — отвержение Божией помощи, высокомерное упование на собственные умыслы и действия, нрав демонский»[8].

«Кого постигло грехопадение, в том прежде вселилась гордость: предтеча первого — второе»[9].

«Высокомудрый монах прекословит сильно; смиренномудрому прекословие неизвестно»[10].

«Муж высокосердый желает начальствовать: иначе он и не может погубить себя, правильнее же, не хочет»[11].

«*Бог гордым противится:*[12] кто ж помилует их? *Нечист пред Господом всяк высокосердый:*[13] кто же очистит его?»[14].

---

[1] *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6. 26). || [2] *...чтобы видели их люди* (Мф. 23. 5); Гл. 36. || [3] Мф. 5. 16; Гл. 37. || [4] Гл. 38. || [5] Гл. 41. || [6] Гл. 42. || [7] Гл. 45. || [8] Слово 23. О гордости. Гл. 2. || [9] Гл. 4. || [10] Гл. 6. || [11] Гл. 8. || [12] Иак. 4. 6. || [13] *Высокосердый — надменный сердцем* (Притч. 16. 5). || [14] Гл. 9.

«Отвергающий обличение обнаруживает этим присутствие в себе гордости; ищущий обличения разрешился от уз гордости»[1].

«Гордость — погубление богатства и понесенных подвигов: *Воззваша, и не бе спасаяй,* конечно потому, что взывали с гордостию; *воззваша ко Господу, и не услыша их*[2], потому, без всякого сомнения, что не хотели расстаться с начальными причинами того, против чего молились»[3].

«Не предайся беспечности и не возуповай на непоколебимость своего состояния, доколе не последует о тебе окончательное изречение Судии после исхода души из тела. Имей в виду того, который уже возлег в чертоге, но изгнан из него во тьму кромешную с связанными руками и ногами»[4].

«О ты, сотворенный из персти земной! не возвышай главы, потому что многие святые и невещественные свергнуты были и с неба»[5].

«Когда демон гордости оснует себе обитель в людях, порабощенных гордости, тогда начинает являться им во сне или даже наяву, принимая вид святого Ангела или кого-либо из мучеников и как бы преподавая откровения и духовные дары. Делается это с тою целию, чтоб несчастные прельстились и подвергнулись решительному умоповреждению (сумасшествию)»[6].

«От забвения грехов образуется гордость; памятование грехов — причина смирения»[7].

«В сердцах гордых прозябнут глаголы хулы, а в душах смиренных — небесные видения»[8].

«Большинство гордых, не познав себя, возмнили о себе, что они достигли бесстрастия; но при исходе из этой жизни они увидели свое убожество»[9].

«Вода, мало-помалу возливаемая на огонь, совершенно угашает его: так и слеза истинного плача потушает пламень ярости и вспыльчивости»[10].

«Безгневие есть ненасыщаемое желание бесчестия; оно встречается и в тщеславных людях от непомерного желания похвал человеческих. Безгневие есть победа над естеством, потеря ощущения оскорблений, приобретенная подвигами и потами»[11].

---

[1] Гл. 11. || [2] *Они вопиют, но нет спасающего; ко Господу — но Он не внемлет им* (Пс. 17. 42). || [3] Гл. 13. || [4] Гл. 17. || [5] Гл. 18. || [6] Гл. 19. || [7] Гл. 28. || [8] Гл. 34. || [9] Гл. 36. || [10] Слово 8. О безгневии и кротости. Гл. 1. || [11] Гл. 2.

«Кротость есть непоколеблющееся устроение души, пребывающее одинаковым и при поношениях и при похвалах»[1].

«Начало безгневия — молчание уст при смущении сердца; средина — молчание помыслов при тонком смущении души; конец же — тишина при веянии нечистых ветров, насажденная и утвержденная в душе благочестивым навыком и Божественною благодатию»[2].

«Гнев есть проявление сокровенной ненависти или памятозлобия. Гнев — желание отомстить оскорбившему. Вспыльчивость есть безвременное воспаление сердца. Огорчение есть состояние, противоположное приятному расположению духа, вступившее в душу и пребывающее в ней. Ярость есть изменившееся настроение нрава и безобразие души»[3].

«При появлении света исчезает тьма: когда разольется в душе благоухание смирения, — истребляются из нее и огорчение и ярость (раздражительность)»[4].

«Некоторые, удобопреклонные к раздражительности, нерадят об укрощении и врачевании этой страсти, не обратив внимания на слова Писания: *устремление ярости его — падение ему*»[5].

«Движение жернова бывает столько быстрым, что в одно мгновение стирает и истребляет пшеницы и прочего зерна душевного более, нежели в иной целый день: по этой причине мы должны постоянно пребывать в благоразумном внимании себе. Случается, что только что вспыхнувший пламень, раздуваемый сильным ветром, попаляет и опустошает душевную ниву скорее, нежели огонь, давно, но медленно действующий»[6].

«О други! не должно быть тайно от нас и то, что лукавые демоны скрывают себя и прячутся на время, чтоб мы, вознерадев о великих страстях, как бы о малозначащих, соделали свою болезнь уже неисцелимою»[7].

«Угловатый и жесткий камень, сталкиваясь с другими камнями и ударяясь о них, стирает угловатость по всему объему своему, несмотря на естественную жесткость и твердость, и получает вид округлый. Подобно этому и человек свирепый и жестокий, жительствуя и обращаясь с людьми такого же нрава, приобретает одно из двух: или исцеляет язву свою терпением, или, удалившись из такого общества, непременно познает свою немощь, которую показало ему, как бы в зеркале, его бегство»[8].

---

[1] Гл. 3. ‖[2] Гл. 4. ‖[3] Гл. 5. ‖[4] Гл. 6. ‖[5] Гл. 7. ‖[6] Гл. 8. ‖[7] Гл. 9. ‖ [8] Гл. 10.

«Склонный по временам к раздражительности, если будет позволять себе произвольное увлечение яростию, то будет побеждаться и сокрушаться ею впоследствии и невольно, от предшествовавшего произвольного повиновения ей»[1].

«Ничто так не противосвойственно кающимся, как ярость, возмущающая душу, потому что покаяние требует великого смирения, а ярость — признак величайшей гордости»[2].

«Если высшая степень кротости заключается в том, чтоб сохранять тишину сердца и залог любви и в присутствии раздражающего нас, то высшая степень ярости познается из того, когда мы свирепствуем и гневаемся на огорчившего нас в отсутствии его»[3].

«Если мир души служит признаком пришествия в нее Святого Духа, а гнев есть возмущение сердца, то ничто не заграждает так вход в наши души Святому Духу, как ярость»[4].

«Борьба с гневом требует особенного прилежания, потому что страсти гнева содействует естество, подобно тому, как оно содействует страсти плотского вожделения»[5].

«Подверженный страсти гнева часто возмущает все стадо, как волк: неистовством своим он приводит многие души в расстройство и недоумение»[6].

«Великий вред — возмущать око сердца яростию, как о том свидетельствует Псалмопевец: *смятеся от ярости око мое*[7], говорит он. Вред больший — выразить словами душевное волнение. Если же дело дойдет до рук, то это уже вполне чуждо монашескому ангельскому и божественному жительству, враждебно ему»[8].

«Намереваясь или предполагая изъять сучец ближнего, не употреби для этого, вместо врачебных орудий, бревна. Бревно — жесткие слова и грубое обращение, а врачебные орудия — кроткое наставление и выговор, соединенный с долготерпением»[9].

«Начало блаженного незлобия заключается в том, чтоб претерпевать бесчестия с горестию и болезнию души; средина — в том, чтоб пребывать в них без печали; совершенство, если только оно есть, — в том, чтоб поношения вменять в благохваления»[10].

«Преставший от гнева убил и памятозлобие: доколе жив отец, не прекращается чадородие»[11].

---

[1] Гл. 11. | [2] Гл. 12. | [3] Гл. 13. | [4] Гл. 14. | [5] Гл. 15. | [6] Гл. 18. ‖ [7] *Иссохло от печали око мое* (Пс. 6. 8). ‖ [8] Гл. 19. ‖ [9] Гл. 20. ‖ [10] Гл. 23. ‖ [11] Слово 9. О памятозлобии, Гл. 6.

«Стяжавший любовь устранился от вражды; пребывающий во вражде сам собирает для себя труды и скорби суетные»[1].

«Трапеза любви разрушает ненависть, а дары чистые смягчают душу. Но трапеза невнимательная — мать дерзости и чрез окно любви вскакивает чревообъядение»[2].

«Злопамятствуй и злопамятствуй на бесов; враждуй, враждуй постоянно на твое тело. Плоть — неблагодарный и льстивый друг: будучи угождаема, тем более вредит»[3].

«Познаешь, что избавился от памятозлобия — этой внутренней гнилости — не тогда, когда помолишься об оскорбившем; не тогда, когда воздашь ему за зло дарами; ниже тогда, когда пригласишь его к твоей трапезе: познаешь тогда, когда, услышав о его телесном или душевном злоключении, пожалеешь и прослезишься о нем, как бы о себе»[4].

«Воспоминание страданий, понесенных Иисусом, исцелит от памятозлобия, посрамив его незлобием Иисуса»[5].

«Внутри гнилого дерева зарождаются черви, — и гнев прививается к кротким и молчаливым не в истинном разуме. Тот, кто извергает из себя гнев, получит отпущение: тот, кто питает в себе гнев, лишится милости»[6].

«Чтоб получить прощение в грехах, некоторые возложили на себя труды и подвиги; но прежде их достиг этого муж непамятозлобный по обетованию Господа: *отпустите* немногое, *и отпустится вам* безмерно многое»[7].

«Знамение истинного покаяния заключается в отвержении памятозлобия, а кто не перестает памятозлобствовать и вместе мнит о себе, что приносит покаяние, тот подобен спящему и видящему себя во сне быстро бегущим»[8].

«Никто да не признает страсть памятозлобия маловажною: нередко вкрадывается она и в духовных мужей»[9].

«Уязвляемые обличениями будем воспоминать грехи наши, доколе Господь не призрит на насилие насилующих себя ради Его, не изгладит грехов наших, и болезнь, грызущую нас в сердце нашем, не претворит в радость. *По множеству болезней моих в сердце моем,* соразмерно им, *утешения Твоя возвеселиша душу мою*[10] в свое время: так говорил Псалмопевец. Не забудем и следующего, сказанного им Господу: *елики явил ми еси скорби многи и злы; и обращься оживотворил*

[1] Гл. 5. || [2] Гл. 6. || [3] Гл. 9. || [4] Гл. 12. || [5] Гл. 14. || [6] Гл. 14. || [7] Гл. 15; Лк. 6. 37. || [8] Гл. 16. || [9] Гл. 18. || [10] *При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93. 19).

мя еси, и от бездн земли, по падении моем, снова *возвел мя еси*»[1].

«Блажен тот, кто, укоряемый и уничижаемый ежедневно, понудил себя к терпению ради Бога: он примет участие в вечном празднике мучеников и вступит дерзновенно в общение с Ангелами»[2].

«Блажен монах, признавший себя достойным всякого бесчестия и уничижения»[3].

«Блажен монах, окончательно умертвивший свою волю: он встанет одесную Распятого»[4].

«Отвергший справедливое или несправедливое обличение отвергся от своего спасения»[5].

«Видел я в той обители[6] послушников о Господе, которые в разуме по Богу сами себя поносили и подвергали всевозможным уничижениям с тою целию, чтоб этим приготовить себя к оскорблениям, приносимым извне, и уже встречать их благодушно»[7].

«Сын мой! если с самого поступления твоего в монастырь предашь себя терпению бесчестий, то не нужен будет тебе многолетний труд для приобретения блаженного покоя в душе твоей»[8].

«Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, покушающегося напоить тебя чистительным врачевством, изгоняющим из сердца сладострастие. Если будешь руководствоваться этим правилом, то глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоем»[9].

«Небольшим огнем смягчается воск, — и часто случившееся ничтожное бесчестие внезапно смягчило, усладило сердце, истребило из него свирепость, нечувствие и ожесточение»[10].

«Усердные к монашескому подвижничеству и преуспевающие в нем должны особенно внимать себе и остерегаться от осуждения живущих нерадиво, чтоб не подвергнуться большему осуждению, нежели какому должны подвергнуться нерадивые. И Лот, полагаю, привлек к себе милость Божию

[1] Слово 4. О послушании, Гл. 43. *Ты посылаешь на меня многие и лютые беды, но и опять оживлял меня и из бездн земли опять выводил меня* (Пс. 70. 20). ‖ [2] Гл. 44. ‖ [3] Гл. 44. ‖ [4] Гл. 44. ‖ [5] Гл. 44. ‖ [6] Общежитие близ Александрии, руководимое духовным наставником. Святой Иоанн Лествичник провел в этом общежитии значительное время и много говорит о нем в 4 и 5 Словах Лествицы, также в Слове к пастырю. ‖ [7] Гл. 52. ‖ [8] Гл. 65. ‖ [9] Гл. 85. ‖ [10] Гл. 88.

тем, что, живя посреди людей развратных, никогда не осуждал их»[1].

«Оскорбления, уничижение и прочее подобно этому производят в душе послушника действие, подобное действию полыни, а похвалы, почести и одобрения, как мед, производят в сладострастных великую радость. Рассмотрим свойство каждого из этих действий: первое очищает все нечистоты в желудке, а второе умножает в нем желчь»[2].

«Неруководствующийся истинным разумом, подвергаясь поношениям или обличениям, огорчается или спешит скорее поклониться делающему выговор, не по причине смирения, но желая скорее прекратить выговор. Когда поражают тебя выговором, молчи и принимай прижигания, правильнее, средства, доставляющие светлую чистоту; когда же духовный врач перестанет обличать тебя, тогда уже проси прощения у него»[3].

Святой духоносный настоятель Александрийского общежития, описанного святым Иоанном Лествичником, подвергал унизительным наказаниям подчиненных ему иноков, даже весьма преуспевших, и старцев, — этим охранял их от превозношения и доставлял им возможность достигать глубочайшего смирения. «Праведный Господь, — повествует Лествичник, — послал для обители той эконома, заведывавшего имуществом ее, соответственно духовному, Богоданному достоинству пастыря и наставника словесных овец. Эконом был муж необыкновенного целомудрия, редкой кротости. Такого инока повелел однажды Великий выгнать из церкви безвременно и без всякой причины, представясь разгневанным на него. Зная, что эконом невинен в том, в чем обвинял его пастырь, я, будучи наедине с Великим, оправдывал пред ним эконома. Руководимый духовною мудростию пастырь отвечал мне: «Отец! и я знаю, что он невинен; но отнять хлеб из рук голодного дитяти было бы делом неправедным и немилостивым! Подобное этому дело совершает и пастырь, вредя и себе и подвижнику, если не доставляет ему случаев к получению венцов, которые подвижник может заслужить по усмотрению пастыря чрез перенесение оскорблений, бесчестий, уничижений, поруганий. От этого происходит троякий, великой важности ущерб. Во-первых: сам настоятель лишается мздовоздаяния за обличение и наказание благонамеренные. Во-вторых: настоятель, имея возможность доставить пользу бра-

[1] Гл. 100. || [2] Гл. 103. || [3] Гл. 116.

тии добродетелию собрата их, этого не сделал. Третий и тягчайший ущерб заключается в том, что часто и те самые, которые представляются переносящими скорбь и терпеливыми, будучи оставлены на время без внимания, как усовершившиеся в добродетели, не обличаемые и не поношаемые настоятелем, утрачивают приобретенную кротость и терпение. Земля эта доброкачественна, плодоносна и тучна, но оскудение воды бесчестия соделывает ее способною к произращению плевелов: прозябает на ней терние кичения и блуда. Зная это, великий Апостол писал в Послании к Тимофею: *настой, обличи, запрети* им *благовременне и безвременне*»[1]. — В опровержение этих слов я представил пастырю слабость современного поколения и то, что многие могут отторгнуться от паствы его по причине напрасного или не напрасного, строгого взыскания; на это этот, исполненный духовной мудрости, муж сказал: «Душа, привязавшаяся ради Христа верою и любовию к пастырю, не отступает от него, хотя бы и пришлось пролить кровь по причине этой привязанности. Такое расположение появляется в душе особенно тогда, если она была когда-либо облагодетельствована пастырем и получила при посредстве его исцеление от язв греховных. Она помнит слова Апостола: *ни ангели, ни начала, ниже силы*[2], *ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве*[3] Христовы. Если же душа таким образом не привязалась, не прилепилась, не стяжала такого основного, твердого залога, то удивляюсь, если она пребывает в этом монастыре не напрасно, находясь к пастырю и пастве в отношении притворном и самообольстительном». — Точно! не обманулся Великий: он собрал, наставил, совершил и принес Христу многие непорочные жертвы»[4].

Необходимо заметить здесь, что поведение мужа бесстрастного, исполненного Божественной благодати, никак не может служить точным образцом подражания для настоятелей и наставников, которых преуспеяние очень умеренно, которые еще борются со страстями. Но кроткое обличение подчиненных братий, благо-

---

[1] *...настой... обличай, запрещай, ... во время и не во время* (2 Тим. 4. 2). ‖ [2] Здесь под именем ангелов, начал и сил разумеются духи падшей ангельской иерархии: они именно заботятся об отлучении человека от любви Божией. ‖ [3] *...ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ...ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви* (Рим. 8. 38, 39). ‖ [4] Главы 27 и 28.

разумное, основанное на слове Божием указание им недостатков их, воздержание от зловредного и лукавого человекоугодничества и ласкательства в обращении с подчиненными, при искренней любви к ним, должны принести несомненную, существенную пользу и братству и самому настоятелю. Главная цель делаемых здесь выписок заключается в том, чтоб показать и объяснить великое Божие таинство, драгоценное духовное богатство, которое сокрыто и преподается Промыслом Божиим в различных скорбях и уничижениях, попускаемых служителю Божию во время его земного странствования.

«Однажды, — продолжает повествовать святой Иоанн Лествичник, — когда я сидел за трапезою близ великого этого настоятеля, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: «Хочешь ли, чтоб я показал тебе действие Божественного разума в муже глубокой старости?» Я просил его об этом. Преподобный вызвал сидевшего за вторым столом инока Лаврентия, который провел в той обители около сорока восьми лет и был вторым соборным иеромонахом. Он подошел к игумену и, поклонившись ему до земли, принял от него благословение. Но когда Лаврентий встал от поклонения, — игумен не сказал ему ничего, а оставил стоять пред трапезою. Обед только что начинался, и Лаврентий не успел еще нисколько вкусить пищи. Так стоял он с час, или более. Мне сделалось даже стыдно взглянуть на этого подвижника, который был весь сед и вступил уже в восьмидесятый год своей жизни. Он простоял таким образом до окончания обеда. Когда мы встали из-за стола, Преподобный сделал ему некоторое поручение. — Я не упустил выведать у Лаврентия, что помышлял он, стоя пред трапезою? Он отвечал: "Облекши пастыря во образ Христа, я признал, что нахожусь в повиновении у Бога, а не у человека. И потому, отец Иоанн, я стоял не пред трапезою человеческою, а пред жертвенником Божиим и молился Богу. Никакого лукавого помышления не составилось во мне против пастыря по причине моей веры и любви к нему, как некто сказал: *любы не мыслит зла*[1]. Знай, отец, и то, что демон не овладевает ни на час тем, кто предаст себя произвольно простоте и незлобию"»[2].

«Македоний, перводиакон обители, муж, прилежно работавший Господу, однажды за два дня до святого Богоявления

[1] *Любовь ... не мыслит зла* (1 Кор. 13. 4, 5). || [2] Главы 25 и 26.

попросил у пастыря позволения сходить в Александрию по некоторой своей надобности, обещая, впрочем, скоро возвратиться из города, чтоб принять участие в совершении празднества. Ненавистник добра, диавол, устроил препятствие перводиакону, и Македоний не поспел в обитель на святой праздник по приказанию, полученному от настоятеля при отпуске своем. Он пришел чрез день после праздника. Пастырь отлучил его от священнослужения и назначил проходить низшие послушания с новоначальными. Перводиакон, этот ревностный служитель терпения и долготерпения, принял определение отца с таким благодушием, как бы подвергался наказанию кто другой, а не он. Македоний провел сорок дней в таком уничижении; по истечении этого срока премудрый пастырь возвратил к служению диакона. Пробыв один день в этом служении, перводиакон начал умолять пастыря, чтоб снова дозволено ему было пребывать в уничижении и в занятиях новоначальных послушников. «Я, — говорил он, — сделал в городе непростительный грех». Преподобный, поняв, что перводиакон выражается приточно и ищет этого для того, чтоб усовершиться в смирении, исполнил его благое желание. Представилось удивительное зрелище! старец, украшенный почтенными сединами, пребывал в числе новоначальных и искренно просил всех молиться за него. «Я, — говорил он, — впал в блуд преслушания. Но мне, грешному, великий этот Македоний открыл причину, по которой он произвольно устремился к такому смиренному положению». «Никогда, — сказал он, — я не чувствовал такого облегчения от внутренней борьбы и не видел в себе сладостного Божественного света, как ныне». «Несвойственно, — прибавил он, — и даже, как утверждают некоторые, невозможно падать Ангелам; человекам свойственно падать, и скорее восставать, сколько бы раз ни случилось пасть; принадлежность одних бесов — пребывание в падении по падении»[1].

«Находясь в той обители, я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных, их постоянству в этих добродетелях, с которым они неутомимо переносили выговоры и укоризны и другие поношения от настоятеля, и не только от настоятеля, но и от самой меньшей братии. С целию душеназидания моего спросил я одного из братий, жившего уже

[1] Гл. 31.

пятнадцать лет в той обители, по имени Аввакира, которого почти все обижали, а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы — этот брат был от природы несколько невоздержан на язык: «Брат Аввакир! за что выгоняют тебя каждый день из трапезы, и ты ложишься спать без ужина?» Он отвечал: «Поверь, отец, что эти отцы мои искушают меня, намерен ли я в точности быть монахом. Но как они делают это лишь искушая меня, то и я, зная образ мыслей Великого и их, переношу все терпеливо, без смущения. Пятнадцать лет поддерживаю себя таким размышлением; да и они говорили мне, при вступлении моем в монастырь, что они искушают отрекшихся от мира до тридцати лет. Справедливо поступают они, отец Иоанн! золото, не побывши в огне, не может получить чистоты». — Этот мужественный Аввакир пробыл в монастыре, по пришествии моем туда, еще два года, и преселился ко Господу. Умирая, он сказал отцам: «Благодарю, благодарю Господа и вас! За то, что вы искушали меня во спасение мое, я провел, вот семнадцать лет, не пострадав ничего от искушений бесовских». Исполненный духовного разума пастырь повелел положить его с почивающими там святыми, как достойного, как исповедника»[1].

«Господь, не хотя меня лишить молитвы одного из преподобных Отцов, за неделю до исшествия моего из того святого места, взял к себе мужа чудного, второе лицо по управлению монастырем после пастыря, по имени Мину. Он провел пятьдесять лет в общежитии и прошел все послушания. В третий день, когда мы совершали обычное молитвенное последование о усопшем, внезапно наполнилось благоуханием все место, где лежало тело Преподобного. Великий Отец повелел нам открыть гробницу его, и, когда это было исполнено, все мы увидели, что из честных стоп его истекает благовонное миро двумя источниками. При этом учитель сказал собору иноков: «Вот! труды и подвиги его, которых образом служат ноги, принесли Богу миро». Отцы того места, поведуя о многих добрых делах Мины, рассказывали и следующее: однажды настоятель захотел искусить богодарованное ему терпение, и, когда вечером Мина, пришедши по обычаю в келлию игумена, чтоб получить от него приказание на следующий день, просил об этом и положил пред игуменом земной поклон, — игумен оставил его простертым на земле даже до

[1] Гл. 29 и 30.

времени правила. Тогда уже восставил пастырь Мину от земного поклонения, благословив и укорив его, как любящего выказываться и нетерпеливого. Так поступил Преподобный в назидание всех, зная, что Мина перенесет мужественно сделанное ему бесчестие»[1].

Выписка из творений преподобного аввы Дорофея

«Справедливо сказал авва Пимен, что отличительный признак монаха обнаруживается в искушениях. Монах, приступающий истинно работать Господу, должен, по завещанию Премудрого, *уготовати душу свою во искушение*[2], чтоб ему никогда не придти в недоумение или смущение по причине какого бы то ни было встретившегося с ним приключения. Он должен веровать, что не случается ничего без Промысла Божия. Где действует Промысл Божий, оттуда истекает всевозможное добро, всевозможная польза для души, потому что все, что ни делает с нами Бог, делает ко благу нашему, делает любя и милуя нас, — и мы должны *о всем благодарить*[3] благость Его, по наставлению Апостола, никогда не предаваясь печали и малодушию по причине случающегося с нами. Все, что не постигнет нас, будем принимать без смущения, с смиренномудрием и упованием на Бога, веруя, как я сказал, что все, что ни делает с нами Бог, делает по благости Своей, любя нас и во благо нам, что иначе не может быть нам пользы, как тем способом, которым устраивает Бог».

«Бог — источник премудрости. Он ведает полезное нам и, сообразно этому ведению, устраивает все, относящееся к нам даже до мелочей. Богу все возможно; для Него нет ничего невозможного. Зная, что Бог любит и милует создание Свое, что Он — источник премудрости, что Он ведает, каким образом должно устроить наши обстоятельства, что нет ничего невозможного для Него, что все служит воле Его, также зная, что все, что Он ни делает, делает к нашей пользе, мы обязаны принимать все, попускаемое нам, хотя бы то было и скорбное, как от Благодетеля, как от Владыки, с благодарением. Все совершающееся совершается по праведному суду Божию, — и Бог, бесконечно милостивый, не презрит нас ни в какой скорби нашей, и самомалейшей».

---

[1] Гл. 34. || [2] *...приготовь душу твою к искушению* (Сир. 2. 1). || [3] *Благодаря... за все* (Еф. 5. 20). *За все благодарите* (1 Сол. 5. 18).

«Некоторые приводятся в недоумение следующим размышлением: «если кто, при встретившейся напасти, согрешит, побежденный скорбию, то как возможет он пребыть в убеждении, что напасть попущена ему для пользы его?» — Подвергаясь напастям, мы согрешаем единственно по причине нетерпеливости нашей, потому что не хотим перенести ниже малой скорби, не хотим пострадать что-нибудь против воли нашей, тогда как Бог не попускает нам искушений, превышающих силу нашу. Засвидетельствовал это Апостол, сказав: *верен Бог, Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете*[1]. Мы, мы не имеем терпения! мы не хотим перенести ниже малейшей скорби! мы не хотим принять со смирением ничего! По этой причине напасти низлагают нас и, чем усиленнее стараемся избавиться от них, тем они более опутывают нас: мы приходим в изнеможение, но освободиться не можем (по неправильности средств, употребляемых к освобождению). Плавающие по морям для исправления нужд своих, если знакомы с искусством мореплавания, когда видят восходящую на них волну, то склоняются под нее: она проходит вдоль корабля и разрезывается им; пловцы не претерпевают никакого вреда. Напротив того, если б пловцы вздумали воспротивиться волне, то она отбрасывает их и относит на значительное расстояние; при дальнейшем плавании находит на них другая волна, и если они воспротивятся и этой, то и эта отбрасывает их и устраняет с предпринятого пути: пловцы подвергаются лишь бесполезному утомлению. Если же, как я сказал, они будут склоняться под волны и приноровляться к направлению волн, то волны будут обходить их, не причиняя им никакого вреда, пловцы совершат благополучно плавание и то дело, для которого предпринято плавание. Так и при напастях. Если кто перенесет напасть с терпением и смирением, то она пройдет безвредно для него. Если же предастся печали, смущению, будет обвинять каждого, то обременит себя невыносимою тягостию, усугубляя действие на себя напасти, не получит от напасти никакой пользы, получит вред. Напасти тогда приносят великую пользу, когда переносятся терпеливо, без смущения».

«Если и страсть[2] тревожит нас, то мы не должны смущаться ниже этим. Смущение, являющееся при действии в нас

[1] 1 Кор. 10. 13. ‖ [2] Залоги страстей — впечатления и навыки страстные.

страсти, происходит от неразумия и гордости, оттого, что не понимаем нашего душевного устроения и убегаем труда, как сказали Отцы. Мы не преуспеваем по той причине, что не знаем нашей меры, не имеем терпения в начинаемых нами делах, но хотим без труда приобрести добродетель. Чему дивится страстный, будучи тревожим страстию? Зачем смущается? Ты образовал ее в себе, имеешь в себе и смущаешься! Ты принял в себя залоги ее и говоришь: отчего она тревожит меня? Лучше: терпи, подвизайся и моли Бога. Невозможно не иметь скорби от страстей тому, кто образовал их в себе, исполняя их на деле. «Имущество их, — сказал авва Сисой, — сложено внутри тебя: отдай им этот залог, и они уйдут». Имуществом страстей, находящимся у нас в залоге, названы начальные причины страстей и произвольная любовь к страстям. Мы увлеклись начальными причинами страстей, возбудили страсти к действию, и потому невозможно нам не искушаться страстными помышлениями; они понуждают нас к исполнению страстей против воли нашей, потому что мы предали себя в руки страстей произвольно».

«Изображается состояние произвольно подчинившегося страстям поведанием Пророка о Ефреме: *соодоле Ефрем,* говорит Пророк о племени Ефрема, *соперника своего* — совесть — *попра суд*[1], обратился к Египту, и насильственно отведен в Ассирию. Под образом Египта Отцы разумеют волю плоти, влекущую нас к упокоению плоти наслаждением и сообщающую душе сладострастное настроение; под образом ассириан они разумеют страстные помышления, которые возмущают и волнуют ум, наполняют его нечистыми идолами, приводят его насильно, против воли его, к исполнению греха на самом деле».

«Если кто произвольно предается плотскому наслаждению, тот и против воли, насильственно, пленником уводится в Ассирию, в работу Навуходоносору. Ведая это, Пророк болезновал и уговаривал иудеев, чтоб они с возвышенной местности, занимаемою Иудеею, не нисходили в низменный Египет[2]. Что делаете, несчастные? смиритесь хотя сколько-нибудь, приклоните выю вашу, служите царю Вавилонскому, и останьтесь на земле отцов ваших. Потом он ободряет их, говоря: *Не убойтеся от лица царя Вавилонскаго, рече Господь: яко Аз с вами есмь, еже избавляти вас и спасати вас от*

[1] *Угнетен Ефрем, поражен судом* (Ос. 5. 11). ‖ [2] Иер. 42.

руки его[1]. Далее предсказывает скорбь, долженствующую постигнуть их, если они не окажут повиновения Богу: *аще вы*, говорит он, *дадите лице ваше во Египет и внидете тамо жити, будете в непроходимая и подручни, и в клятву и во укоризну, и* не *узрите ктому места своего*[2]. Но они отвечали Пророку: *не сядем на земли сей, но в землю Египетску внидем, и не узрим рати, и гласа трубнаго не услышим, и о хлебах не взалчем, и тамо вселимся*[3]. Иудеи исполнили это намерение свое, сошли в Египет, произвольно вступили в служение фараону, потом были насильно взяты в Ассирию и служили ассириянам против воли»[4].

«Вникните глубже в то, что говорю вам. Прежде нежели начнет кто исполнять страсть на деле, он в своем городе, он свободен, хотя бы и восставали противные помыслы; сверх того, имеет Бога помощником себе. Если он смирится пред Богом и понесет с благодарением иго скорби и искушения, то помощь Божия изъемлет его из затруднительного положения. Если же он, избегая подвига, низойдет к удовлетворению сладострастным требованиям тела, то насильственно и против воли отведен будет в землю ассириян и будет работать им против желания своего. Пришедшим в это состояние Пророк говорит: *молитеся за житие Навуходоносора,* потому что в жизни его ваше спасение[5]. Повелением молиться о жизни Навуходоносора изображается обязанность человека, впадшего в грехи на самом деле: он не должен предаваться малодушию в то время, как действует в нем печаль, произведенная случившимся искушением, не уклоняться от томления, производимого страстными помыслами[6], но переносить со

---

[1] *Не бойтесь царя Вавилонского, ...говорит Господь, ибо Я с вами, чтобы спасать вас и избавлять от руки его* (Иер. 42. 11). ‖ [2] *...если вы решительно обратите лица ваши, чтобы идти в Египет, и пойдете, чтобы жить там... и вы будете проклятием и ужасом, и поруганием и поношением, и не увидите более места сего* (Иер. 42. 15, 18). ‖ [3] *...«не хотим жить на этой земле», ...«мы пойдем в землю Египетскую, где войны не увидим и трубного голоса не услышим, и голодать не будем, и там будем жить»* (Иер. 42. 13, 14). ‖ [4] После взятия вавилонянами Иерусалима и бегства во Египет оставшихся иудеев, Навуходоносор, царь Вавилонский, завоевал Египет и захватил бежавших туда Иудеев. Навуходоносор владел и Ассириею, а потому называется и царем Вавилонским и царем Ассирийским. ‖ [5] *...молитесь о жизни Навуходоносора* (Вар. 1. 11). ‖ [6] Исполнившего страсть в самом деле мучат, после сделанного им согрешения, хотя он и раскается в нем, помыслы и мечтания соделанного им греха, мучат в продолжение значитель-

смирением это состояние, признавая, что он должен был подвергнуться ему; пусть положит в уме, что он даже недостоин избавиться от тяжести состояния своего, что это состояние должно продолжаться и развиться. Видит ли он в себе причину случившейся напасти или еще до времени не усматривает, — должен веровать, что ничего не бывает без суда Божия, что от Бога не исходит ничего неправедного. От некоторого брата Бог отъял тяготевшее над ним искушение, и он говорил, скорбя и плача об этом: «Господи! я недостоин и поскорбеть немного». Повествуется также, что ученик великого старца подвергся искушению от восставшей против него блудной страсти. Старец, видя его страдание, сказал ему: «Хочешь ли, я помолюсь Богу, и Он освободит тебя от брани?» Ученик отвечал: «Отец! хотя мне и трудно, но я вижу в себе плод от этого состояния: помолись лучше о том, чтоб Бог даровал мне терпение». Таковы истинно хотящие спастись! вот, что значит носить иго со смиренномудрием и молиться о жизни Навуходоносора! Потому-то и говорит Пророк, что в жизни его — спасение ваше. Два изречения сходствуют между собою: сказанное братом «Вижу в себе плод от борения страстию» подобно сказанному Пророком «в жизни его заключается ваше спасение». Подтвердил это и старец, сказав в ответ брату: "Теперь я познал, что ты находишься в преуспеянии большем, чем я"».

«Когда кто вступит в подвиг против всех действий греха и начнет бороться против страстных помыслов, приходящих на ум, тогда он смиряется, сокрушается, трудится, и скорбями подвига очищается мало-помалу, восходит в естественное состояние. Из этого следует, как мы сказали, что тревожимый страстию, если смущается этим, смущается от неразумия и гордости. Лучше ему познать смиренно свою меру, пребывать в терпении и молиться, доколе Бог сотворит с ним милость. Если кто не подвергнется искушениям, не испытает скорби от страстей, тот не будет и подвизаться о том, чтоб когда-нибудь очиститься от них. Об этом говорит Псалмопевец: *внегда прозябоша грешницы яко трава, и проникоша вси делающии*

ного времени. Это можно видеть во многих жизнеописаниях святых Отцов, между прочими и в жизнеописании преподобной Марии Египетской. Иногда же восстает страсть и в таком подвижнике, который не исполнял ее делом, томит его страстными помыслами, мечтаниями и пожеланиями. Очевидно, что преподобный авва Дорофей говорит здесь о том и о другом случае вместе.

беззаконие, яко да потребятся в век века[1]. Грешники, прозябающие *яко трава,* суть страстные помышления. Немощна трава, не имеет никакой силы. Когда прозябнут страстные помышления в душе, тогда *проникают,* то есть обнаруживаются, *вси делающии беззаконие,* то есть страсти, *яко да потребятся в век века:* страсти тогда истребляются подвижниками, когда соделаются явными для них. Вникните в порядок дела: во-первых, прозябают страстные помышления; чрез это вынаруживаются страсти; будучи вынаружены, они истребляются. Все это относится к подвизающимся; но мы, согрешающие на самом деле, всегда исполняющие страсти наши, даже не знаем, когда прозябают страстные помышления, когда возникают страсти. Не зная этого, мы и не думаем вступить в подвиг борьбы против страстей: мы повержены непрестанно долу, мы находимся еще во Египте, в злосчастном плинфоделании у фараона. Кто дал бы нам придти по крайней мере в ощущение горького рабства нашего, чтоб мы смирились, чтоб мы озаботились о снискании помилования!»

«Когда сыны Израилевы были во Египте, в порабощении у фараона, тогда занимались они приготовлением кирпича[2]. Делающие кирпич всегда находятся в положении, наклоненном вниз, всегда смотрят в землю: подобно этому случается и с душою. Когда овладеет ею диавол, когда она совершает грех на самом деле, тогда она попирает разум и не помышляет ни о чем духовном; она помышляет постоянно об одном земном, действует единственно для земли. Израильтяне из кирпичей, сделанных ими, построили фараону три крепкие города: Пифон, Рамессин и Он, или Илиополь, то есть солнечный город. Этими городами означаются сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. От этих страстей рождаются все грехи».

«Бог послал Моисея вывести израильтян из Египта и избавить их от рабства. Тогда фараон еще более обременил их работою, говоря: *праздни есте: сего ради глаголете: да идем, и пожрем Господу Богу нашему*[3]. Подобно этому диавол, когда увидит, что Бог милостиво призрел на душу, что благоволит помиловать ее и даровать ей облегчение от страстей или посредством слова Своего, или при посредстве кого-либо из

---

[1] *Тогда как нечестивые возникают, как трава, и делающие беззаконие цветут, чтобы исчезнуть навеки* (Пс. 91. 8). ‖ [2] Кирпич — по-славянски плинфы. ‖ [3] *...праздны вы, праздны, поэтому и говорите: пойдем, принесем жертву Господу* (Исх 5. 17).

рабов Своих, тогда еще более отягощает ее напором страстей и нападает на нее тем сильнее. Отцы, зная это, укрепляют человека учением своим и не допускают его погрузиться в боязнь и недоумение. Один из Отцов говорит: «Ты пал? восстань. Ты пал опять? опять восстань», и так далее. Другой Отец говорит: «Крепость желающих приобрести добродетели заключается в том, чтоб они не малодушествовали, когда падут, чтоб не приходили в отчаяние, но продолжали подвизаться». Короче сказать: каждый из Отцов различным образом, один так, другой иначе, подает руку подвижникам, которых обижает враг. Отцы заимствовали такой образ действования из Священного Писания. Оно говорит: *еда падаяй не востает? или отвращаяйся не обратится?*[1] *Возвратитеся* ко Мне, *сынове и изцелю сокрушения ваша, глаголет Господь,* — и тому подобное»[2].

«Когда отяготела рука Божия над фараоном и над подданными его, тогда он решился отпустить сынов Израилевых. фараон сказал Моисею: *идите, послужите Господу Богу вашему: токмо овцы и волы оставите*[3]. Под именем овец и волов разумеются помышления, составляющие достояние ума[4], которыми фараон хотел обладать, надеясь, посредством их, снова привлечь к себе сынов Израиля. Моисей отвечал фараону: *ни, но и ты даси нам жертвы и всесожжения, яже сотворим Господу Богу нашему*[5]. Моисей, изведши сынов Израиля из земли Египетской, переправил их чрез Чермное море. Бог, вознамерясь привести их к месту, где было семьдесят фиников и двенадцать источников воды, сперва привел их в Мерру. Здесь народ скорбел, не находя, что пить, потому что воды Мерры были горьки. Уже чрез Мерру пришли они к семидесяти финикам и двенадцати источникам воды. Так и душа, престав совершать грехи на самом деле и переправившись чрез мысленное море, сперва должна потрудиться в подвигах и подвергнуться многим скорбям, потом уже чрез скорби взойти в святой покой: *яко многими скорбьми*

---

[1] *...разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?* (Иер. 8. 4). || [2] *Возвратитесь, ...дети: Я исцелю вашу непокорность* (Иер. 3. 22). || [3] *...пойдите, совершите служение Господу [Богу вашему], пусть только останется мелкий и крупный скот ваш* (Исх. 10. 24). || [4] Помышления подвижника, если будут вращаться в земном и суетном, то непременно привлекут его к плотской жизни и к согрешениям. || [5] Исх. 10. 25.

подобает нам внити во Царствие Божие[1]. Скорбями направляется в душу милость Божия, подобно тому, как ветрами нагоняются дождевые облака. Дождь, идущий в течение долгого времени, гноит хлебные посевы, если они еще молоды и нежны, уничтожает на них плод; ветры же постепенно сушат и укрепляют всходы. Так бывает и с душою. Послабление, недостаток в скорбях, довольство в средствах вещественных лишают ее силы, приводят в состояние изнеженности: искушения же скрепляют ее и усвояют Богу, как и Пророк говорит: *Господи! в скорби помянухом Тя*[2]. И потому, как мы уже сказали, нам не должно смущаться, не должно унывать в искушениях: нам должно терпеть скорби, благодарить за них Бога и молиться непрестанно, со смирением, Богу, чтоб Он сотворил милость с немощию нашею и покрыл нас от всякой напасти, во славу Его»[3].

«Кто сделает дело ради Бога, того непременно постигнет искушение, потому что всякому добру или предшествует, или последует искушение. Даже не может быть прочным делаемое ради Бога, если оно не искусится напастию».

«Будучи страстными, мы никак не должны верить нашему сердцу: кривым правилом искривляется и то, что само по себе прямо».

«Кто не отречется в душе своей от всего: кто не отречется от славы, от телесных наслаждений и, сверх того, от оправданий, тот не возможет ни отсечь своих пожеланий, ни избавиться от гнева и печали, ни сохранить ненарушимым спокойствие ближнего».

«Не велико — не осуждать благорасположенного к нам, или миловать его, когда он находится в скорби. Велико — не осуждать того, кто действует против нас, не мстить ему по влечению страсти, не соглашаться с осуждающими его; велико — сочувствовать радости предпочтенного нам».

«Не ищи любви от ближнего. Ищущий любви, если не увидит ее, смущается. Лучше: ты покажи любовь к ближнему. Поступив так, и сам успокоишься, и приведешь ближнего к любви».

«Во всем случавшемся со мною я никогда не пожелал уладить дело исключительно по соображению и усилию человече-

---

[1] *...что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14. 22). || [2] Ис. 33. 2. || [3] Поучение 13. О том, как переносить скорби.

скому: в чем бы то ни было действую по силе моей, предоставляя все остальное Богу».

«Не уничижать подаяния ближнего принадлежит к делам смиренномудрия: должно принимать такое подаяние, хотя бы оно было и скудно и маловажно».

«Тот, кто не стремится исполнять влечений собственной воли, действует всегда согласно с своею волею. Не имея отдельных пожеланий, он всегда исполняет свое желание и бывает доволен всем, что бы ни случилось с ним: он не хочет, чтоб дела совершались так, как он желает; он хочет, чтоб дела совершались так, как они совершаются».

«Не своевременно — исправлять кому-либо брата в то самое время, как брат согрешит против него. (Нужно дать время брату, чтоб брат мог одуматься и успокоиться.) И во всякое время не должно делать этого, если чувство мщения за себя служит начальною причиною нашего действия».

«Не делай зла даже и в шутку: случается, что иной делает сначала для шутки зло, а впоследствии и против воли влечется к нему».

«Не должно желать избавления от страсти, избегая производимой ею скорби: должно желать этого по совершенной ненависти к ней, как сказано в Писании: *совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми*»[1].

«Невозможно разгневаться кому-либо на ближнего, если сперва не вознесется над ближним сердце его, если он не уничижит ближнего пред собою, если не признает себя высшим ближнего».

«Признаков того, что кто-либо исполняет страсть произвольно, служит смущение его в то время, когда его обличают в ней или исправляют. Если же кто переносит обличение в страсти без смущения, то есть без смущения подчиняется мерам исправления, то это служит признаком, что он поступил по страсти в неведении или по увлечению»[2].

«Новоначальный! никогда не поверь своему сердцу: оно находится в состоянии слепоты от действия пристрастий по ветхому человеку».

«Понуждай себя ко всему доброму и отсекай свою волю (то есть волю ветхого человека): благодатию Христовою и соб-

---

[1] *Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне* (Пс. 138. 22). ‖
[2] Поучение 19, состоящее из кратких изречений.

ственным подвигом придешь в навык отсечения воли и уже будешь отсекать ее без принуждения и скорби, так что все случающееся будет случаться как бы по твоей воле и по твоему желанию».

«Не желай, чтоб делалось все по твоему желанию: желай, чтоб делалось как делается: таким образом будешь мирен ко всему. Впрочем, это относится к тому, в чем нет преступления заповеди Божией или Отеческой».

«Потщись привести себя в такое устроение, чтоб во всем находить себя достойным укорения».

«Постоянно хранись от того, чтоб не образовалось в тебе мнение о себе и собственное умствование о чем-либо».

«Веруй, что все, относящееся до нас, до самомалейшего, состоит под Промыслом Божиим, — и будешь претерпевать встречающиеся тебе скорби без смущения».

«Веруй, что бесчестия и досады суть врачевства от гордости, которою заражена душа твоя».

«Молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах твоих, при убеждении несомненном, что ненавидящий бесчестие ненавидит смирение и убегающий от огорчений убегает от кротости».

«Не желай знать пороков и согрешений ближнего твоего и не принимай на него подозрений, внушаемых врагом. Если они и насеваются в нас по причине собственной порочности нашей, то старайся превращать их в добрые помышления».

«За все благодари, стяжи благость и святую любовь».

«Со всевозможным трезвением будем хранить совесть нашу во всех отношениях: к Богу, к ближнему, к вещам».

«Прежде нежели сказать или сделать что, рассмотрим, согласно ли это с волею Божиею. Рассмотрев и помолившись, скажем или сделаем, повергая немощь нашу пред Богом: и благость Божия будет споспешествовать нам во всем»[1].

«От мелочей, от того, что говорим: «что значит это?» «что за важность в этом?» образуется в душе злой навык, и начинает она нерадеть и о великом. Знаете ли, какой тяжкий грех осуждать ближнего? и что тяжелее этого? что столько ненавистно Богу? от чего Он столько отвращается? Ничего нет хуже осуждения, сказали Отцы. Однако и в это великое зло человек приходит от начинаний, представляющихся ему

[1] Поучение 17.

ничтожными. Приняв ничтожное зазрение на ближнего, сказав себе: «что за важность, если услышу, что рассказывает такой-то брат?» «что за важность, если и я скажу одно слово?» «что за важность, если посмотрю, что будет делать такой-то брат или такой-то странник?» — начинает ум оставлять внимание к своим грехам и замечать грехи ближнего, а от этого переходит к осуждению, злословию и укорению ближних. От осуждения ближних приходим к тому, что сами впадаем в погрешности, за которые осуждали ближних. Если кто не заботится постоянно о своих грехах, не оплакивает своего мертвеца, как сказали Отцы, тот не может преуспеть в чем-либо добром; он всегда наблюдает за делами ближнего. Ничто не прогневляет столько Бога, ничто так не обнажает человека, ничто столько не служит причиною оставления его Богом, как злословие, осуждение и укорение им ближнего».

«Иное — злословить, иное — осуждать, и иное — уничижать. Злословить — это сказать о ком-либо: такой-то солгал или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. Сказавший так — впал в злоречие, то есть сказал пристрастно о согрешении брата. Осудить — это сказать: такой-то лжец, гневлив, блудник. Выразившийся так, осудил самое расположение души, произнес приговор на всю жизнь, сказав о всем человеке: он таков-то. Это — тяжко. Иное — сказать «он разгневался», и иное — сказать «он гневлив»: выразившийся таким образом, произнес, как я сказал, приговор на всю жизнь. Грех осуждения столько тягостен, столько тягостнее других грехов, что Сам Христос сказал: *лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изяти сучец из очесе брата твоего*[1]. Здесь грех ближнего уподоблен сучку, а осуждение — бревну. Почему, вместо осуждения ближних, мы не осуждаем самих себя и наши согрешения, которые известны нам достоверно и за которые мы должны дать ответь Богу? зачем восхищаем суд над человеками, принадлежащий единому Богу? Чего хотим от создания Его? чего хотим от ближнего нашего? чего хотим от тяготы чужой? Братия! имеем, о чем заботиться! каждый да внимает себе и своему злу. Оправдывать и осуждать человеков принадлежит единому Богу, Который знает устроение, силу, обстоятельства, дарования, телосложение, способности каждо-

[1] *Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7. 5).

го, и соразмерно этому судит каждого судом, постижимым единому Богу».

«Иногда мы не только осуждаем ближних, но и уничижаем их. Иное — осуждать, как уже сказал я, и иное — уничижать. Уничижение состоит не только в осуждении ближнего, но и в презрении его, когда гнушаемся ближним, когда отвращаемся от него, как от мерзости. Это гораздо хуже и пагубнее осуждения. Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближнего; внимание их постоянно устремлено к своим собственным недостаткам: по этой причине они и преуспевают. Мы же, окаянные, нисколько не рассмотрев дела, осуждаем, гнушаемся, уничижаем, если увидим что-либо или услышим, даже если что-либо представится нам только в воображении. Что еще хуже, мы не удовлетворяемся одним собственным вредом, но, встретив другого брата, тотчас говорим ему: случилось то и то, и то. Мы повреждаем брата, влагая грех и в его сердце: мы не боимся угрозы Писания: *Горе напаявающему подруга своего развращением мутным*[1]; мы совершаем дело бесовское и нерадим об этом. В чем заключается деятельность бесов? только в том, что они смущают человеков и вредят им. Мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего! Кто вредит душе, тот содействует и помогает бесам; напротив того, кто доставляет пользу душе, тот помогает святым Ангелам. Отчего мы подвергаемся этому? единственно от того, что не имеем любви. Если б мы имели любовь, то смотрели бы с милостию и состраданием на недостатки ближнего, как и Писание говорит: *любы покрывает множество грехов*[2]; *любы не мыслит зла, вся терпит*[3]. Если б мы имели любовь, как я сказал, то эта любовь покрывала бы каждое согрешение брата, как поступают и святые, видя недостатки человеческие. Неужели святые слепы? неужели они не ненавидят согрешений? И кто столько ненавидит грех, как святые? Ненавидя грех, они не ненавидят согрешающего, не осуждают его, не отвращаются от него. Они состраждут согрешающему, наставляют его, утешают, врачуют как член немоществующий, делают все, чтоб спасти его. Святые привлекают брата к добродетели долготерпением и любовию, а не отвращаются от него, не гнушаются им. Как мать, имея безобразного сына, не гнушается им и не отвраща-

[1] *Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей и делаешь его пьяным* (Авв. 2. 15). ‖ [2] *...любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4. 8). ‖ [3] 1 Кор. 13. 5, 7.

ется от него, но с любовию заботится искусственными украшениями загладить природный недостаток и делает все, чтоб украсить сына, так и святые постоянно покрывают, украшают согрешающего, заступаются за него с тою целию, чтоб его исправить со временем, чтоб недопустить других до повреждения по причине его и чтоб самим еще более преуспеть в любви Христовой».

«Стяжем любовь, стяжем милостивое сердце к ближнему, чтоб при посредстве этого качества оградить себя от лютого злоречия, от осуждения и уничижения, чтоб при посредстве его помогать друг другу, как собственным членам. Кто, имея рану на руке или на ноге, или на каком другом члене, гнушается собою? неужели он отсечет член свой, хотя бы этот член и загноился? Напротив того, не очищает ли его, не омывает ли, не прикладывает ли к нему пластыря, не кропит ли освященною водою, не молится ли о исцелении, не просит ли святых помолиться о нем? Короче сказать, он не оставляет телесного члена своего в небрежении, не гнушается ни безобразием, ни зловонием его, но употребляет все средства к исцелению его. Подобным образом мы должны сострадать и друг другу, должны помогать друг другу, и сами и посредством отцов и братий более преуспевших, нежели мы; мы должны придумывать и делать все, что служит к взаимному вспоможению и себе и братиям; мы члены в отношении один к другому, как и Апостол говорит: *все мы едино тело есмы, а по единому друг другу уди*[1]; *аще страждет един уд, с ним страждут вси уди*[2]. Что значат общежития? как вы думаете? Не одно ли это тело? не члены ли этого тела все живущие в общежитии? Каждый член да служит телу по силе своей! Старайтесь всегда помогать друг другу: или учением, влагая слово Божие в сердце брата, или утешая его во время скорби, или подавая ему руку помощи в каком-либо деле. Одним словом, каждый, соответственно силе, да сближается любовию с ближним».

«Чем более сближаемся мы друг с другом, тем более приближаемся к Богу. Подобное совершается и в отношении отдаления. Удаляющиеся от Бога, насколько оставят любовь к Богу и удалятся от Бога, настолько удалятся и друг от друга; также, насколько удалятся друг от друга, настолько удалятся

---

[1] *...составляем одно тело... а порознь один для другого члены* (Рим. 12, 5). || [2] *...страдает ли один член, страдают с ним все члены* (1 Кор. 12. 26).

и от Бога. Таково свойство любви. Насколько находимся вне ее, насколько не любим Бога, настолько мы удалены и от ближних. Если же возлюбим Бога, то насколько приближаемся к Нему любовию, настолько соединяемся любовию и с ближним; по мере того, как соединяемся любовию с ближним, соединяемся любовию и с Богом»[1].

«Иногда, услышав оскорбительное слово, мы не обращаем на него внимания и переносим его без смущения, как будто вовсе не слыхали его: иногда же только что услышим, тотчас смущаемся. Какая причина такого различия? Одна ли причина такого различия, или их много? Нахожу, что имеется много причин; но есть одна такая, которая, так сказать, служит началом для всех других причин. Случается кому-либо подвергнуться искушению после того, как он занялся молитвою или безмолвием, и в то время находится в благом настроении: по этой причине он переносит оскорбительный поступок брата без смущения. Опять, случается, что оскорбляемый имеет пристрастное расположение к оскорбляющему и потому не огорчается действиями его. Опять, иной питает презрение к оскорбляющему и потому вменяет обиды его ни во что, не обращает на него никакого внимания, как бы не признавая его даже человеком и не делая никакого ответа на его слова, что бы он ни говорил».

«Главная причина всякого смущения, если основательно исследуем, заключается в том, что мы не укоряем самих себя: отсюда проистекает всякое расстройство! по этой причине мы никогда не можем придти в состояние спокойствия! После этого нечего удивляться, когда слышим от всех святых, что нет другого пути, кроме пути самоукорения. Но мы, видя, что ни один из святых не нашел покоя, идя другим путем, надеемся получить спокойствие, или идти правым путем, не желая никогда укорять самих себя! Поистине, если человек совершит тьмы добродетелей и не будет держаться этого пути, то никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других, погубляя этим все труды свои. Напротив того, какую радость, какое спокойствие ощущает тот, кто укоряет самого себя! Укоряющий себя куда бы ни пошел, как сказал авва Пимен, что бы ни случилось с укоряющим себя, утрата ли чего, или бесчестие, или какая бы то ни было скорбь, он никогда не

[1] Поучение 6 о том, чтоб не осуждать ближнего.

смутится, постоянно предваряя смущение признанием себя достойным напасти. Какое другое настроение может быть свободнее от печали!»

«Случается, что иной, как представляется ему, пребывает в мире и безмолвии. Но, вот, пришел брат, сказал ему неприятное слово, и он смутился. На этом основании полагая скорбь благословною, он говорит: «Если б такой-то не пришел, не сказал мне оскорбительного слова и не смутил меня, то я не пришел бы в расстройство». Это смешно! это — прелесть! Неужели вложил в него страсть тот, кто сказал ему неприятное слово? сказавший такое слово только обнаружил таившуюся в нем страсть, чтоб он покаялся в ней, если хочет. Руководствующийся такими суждениями подобен гнилому хлебу, который с виду хорош, а внутри заплесневел. Когда разломят его, обнаруживается гнилость его[1]. Так и этот пребывал, как представлялось ему, в мире, имея живущую внутри себя страсть и не ведая этого. Одно слово сказал ему брат его, и извлек гнилость, скрывавшуюся внутри его! пусть же он покается, если хочет быть помилован; пусть очистится, пусть преуспеет, пусть увидит, что он должен благодарить брата, а не скорбеть на него: брат доставил ему величайшую пользу».

«Обвинение самих себя, а не кого другого в случающихся с нами скорбях доставляет нам великое благо, доставляет глубокое спокойствие и значительное преуспеяние. Тем более мы должны так поступать, что ничего не совершается с нами без Промысла Божия. Если кто по правде достоин спокойствия, то Бог известит сарацынскому сердцу сотворить милость с ним, соответственно нужде его. Если же кто недостоин успокоения, или оно неполезно ему, то он не найдет его, хотя бы сотворил и новое небо и новую землю. При всяком приключении, встречающемся с нами, мы должны взирать горé. Сделают ли нам добро, пострадаем ли зло, мы должны устремлять душевные очи горе и благодарить Бога за все, случающееся с нами, держась постоянно самоукорения. По наставлению Отцов, мы должны говорить, если случится с нами что доброе: это случилось по смотрению Божию. Если же случится что злое, должны говорить: это случилось за грехи наши. Поистине, все скорби, которые мы претерпеваем, претерпеваем за грехи наши»[2].

---

[1] *По иному мнению:* подобен чистому сосуду по наружности, но внутри наполненному смрадною скверною: когда откроют его, то зловоние обнаруживает свое присутствие в нем. || [2] Поучение 7. О самоукорении.

«Будем трезвиться, братия, и, при содействии Божием, усильно бороться против всепагубной страсти памятозлобия, чтоб избавиться от обладания ею. Бывает следующее: при возникшем смущении или неудовольствии между братиями брат поклонится брату, но и по поклонении продолжает скорбеть и питать неприязненные помышления против брата. Он не должен пренебречь такими помышлениями, но отвергнуть их как можно скорее: это — памятозлобие. Требуется особенное внимание, чтоб не закоснеть в нем и не погибнуть. Отсекайте страсти, доколе они юны, прежде, нежели они укоренятся в вас, окрепнут и начнут насильно властвовать над вами. Тогда придется вам много пострадать, исторгая их: иное дело вырвать из земли былинку, и иное — искоренить большое древо».

«Воздать злом за зло можно не только делом, но и словом и видом. Иной думает о себе, что он не воздает злом за зло на деле; но оказывается, что он воздает словом или видом: он принимает такой вид, делает такое движение, бросает такой взгляд, которые смущают и уязвляют брата. В этом — воздаяние злом за зло. Другой старается не воздавать злом за зло ни при посредстве дела, ни при посредстве слова или вида, или движения; но питает в сердце скорбь на брата, питает огорчение, которое имеет характер также памятозлобия. Видите, какое различие настроений!»

«Опять, иной не сохраняет даже никакой скорби на брата в сердце. Если же услышит, что кто-нибудь оскорбил этого брата или что сделан ему выговор, или что уничижили его, то, слыша это, он не перестает радоваться. Оказывается, что таким образом он воздает злом за зло в тайне сердца своего. Другой не питает злобы в сердце, также не радуется, слыша о уничижении оскорбившего, даже сетует, если нанесут оскорбившему оскорбление, но и не радуется его благополучию: если увидит, что его прославляют или успокаивают, то скорбит. И это — вид памятозлобия: он легче вышеисчисленных, но принадлежит к ним. Каждый из нас должен радоваться благополучию брата, содействовать по силе этому благополучию, делать все, зависящее от него, к угождению и успокоению брата».

«Каким средством можно получить исцеление от памятозлобия? — Молясь от всего сердца о оскорбившем и говоря: «Боже! помоги брату и мне молитв ради его». Таким образом страждущий памятозлобием, во-первых, молится за брата своего, что служит знамением милования и любви, во-вторых,

смиряется пред братом, прося себе помощи ради молитв его. Где присутствуют милость, любовь и смирение, возможет ли там развиться ярость или памятозлобие, или какая другая страсть? Справедливо сказал авва Зосима: «Если диавол, пригласив к содействию себе всех демонов, приведет в действие все ухищрения злобы своей, то от смирения заповеди Христовой упразднится и сокрушится коварство его, каково бы оно ни было». И другой старец сказал: «Молящийся за врага будет непамятозлобен». Вникнув основательно в то, что слышите, исполняйте на деле. Говорю истину: если не будете исполнять на деле, то не возможете научиться от одного слышания слов. Кто, желая научиться какому-либо художеству, научается ему от одного объяснения словами? Непременно он принимается за самое упражнение в деле; сперва упражнение его сопряжено с погрешностями: он и делает и портит свое дело; но постоянно трудясь и терпя, мало-помалу научается художеству, при помощи Бога, прозирающего на труд и произволение его. Мы же, не принимаясь за дело, хотим изучить художество, превысшее всех художеств, от одного слышания? Возможно ли это? Братия! доколе имеем время, будем внимать себе и трудиться тщательно»[1].

«Настоятель братии! пекись о них с сокрушенным сердцем, исполненным благости и милости, наставляя их добродетели делом и словом, а более делом, потому что пример действительнее слов. Если имеешь достаточные телесные силы, будь образцом для братства в телесных трудах; если же ты немощен, то действуй на него благим душевным устроением и плодами Духа, исчисляемыми Апостолом: любовию, долготерпением, радостию, миром, благостию, милосердием, верою, кротостию и воздержанием от всех страстей[2]. По причине случающихся проступков не тревожься излишне, но без смущения объясняй вред, происходящий от проступка. Если окажется нужным подвергнуть выговору или наказанию, то обращай внимание на лицо и выбирай удобное время. Не очень истязывай за малые согрешения, как бы праведник, чуждый всякой погрешности. Не обличай часто: это обременительно; привычка выслушивать частые обличения приводит обличаемого в ожесточение и небрежение. Не повелевай властительски, но предлагай со смирением, как бы советуясь

[1] Поучение осьмое. О памятозлобии. || [2] Гал. 5. 22, 23.

с братом: такое слово принимается удобнее, более располагает к повиновению и благоприятно действует на ближнего».

«Во время смущения, когда брат окажет тебе сопротивление, удержи язык твой, чтоб не сказать ему чего с гневом; не допусти сердцу твоему вознестись на него; вспомни, что он — брат твой, член одного с тобою тела о Христе, образ Божий, искушаемый от общего врага; умилосердись над ним, чтоб диавол не уязвил его твоею яростию и, пленив, не умертвил памятозлобием, чтоб не погибла от нерассмотрительности нашей душа, за которую умер Христос. Вспомни, что и ты, если разгневаешься, подлежишь осуждению за гнев; сознавая собственную свою немощь, окажи сострадание брату твоему и благодари Бога за то, что Он преподал тебе случай простить брата твоего и тем получить прощение в твоих согрешениях, более важных и более многочисленных, нежели согрешения брата. *Отпущайте, и отпустится вам*[1], сказал Господь. Не представляется ли тебе, что долготерпение твое послужит причиною повреждения для брата? Но Апостол заповедует побеждать благим злое, а не злым благое[2]. И Отцы говорят: «Делая вразумление ближнему, если сам увлечешься гневом, то этим ты удовлетворишь только своей страсти». Никто из благоразумных не разоряет собственного дома, чтоб построить дом ближнего. Если смущение будет продолжаться, то удержи сердце твое в пределах кротости насильно и помолись так: «Боже милосердый и человеколюбивый! Ты, по неизреченной благости Твоей, сотворил нас из ничего для наслаждения Твоими благами! Ты воззвал нас к Себе Кровию Единородного Сына Твоего, Спасителя нашего, когда мы отпали от Тебя преступлением заповеди Твоей! И ныне прииди и помоги немощи нашей, запрети возмущению сердец наших, как некогда Ты запретил волнующемуся морю, чтоб оба мы в один час не лишились усыновления Тебе, будучи умерщвлены грехом, чтоб Ты не сказал нам: *кая польза в крови Моей, внегда сходити Ми во истление?*[3] *Аминь глаголю вам, не вем вас,* потому что светильники ваши угасли от недостатка елея»[4]. После этой молитвы, когда укротится сердце, уже возможешь разумно и со смирением, по наставлению Апостола[5], обличить, вразумить, исцелить и исправить с милování-

[1] Лк. 6. 37. || [2] Рим. 19. 21. || [3] *«Что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу...»* (Пс. 29. 10). || [4] *...истинно говорю вам: не знаю вас* (Мф. 25. 12). || [5] Гал. 6. 12; 1 Тим. 4. 2.

ем, как свой немоществующий член. Тогда и брат, поняв свое ожесточение, примет исправление с доверенностию: ты умиротворишь сердце его твоим миром. Ничто да не разлучит тебя от святой Христовой заповеди: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*[1]. Прежде и более всего должно заботиться о мирном устроении души и никак не допущать сердце до смущения, ни под мнимо справедливыми предлогами, ни ради заповеди. Да ведаем достоверно, что именно для достижения любви и чистоты сердца мы стараемся со всевозможным тщанием исполнять заповеди. Управляя так братиею, и ты услышишь Божественное определение, возвещающее: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши*»[2].

Выписка из творений преподобного Исаии Отшельника

«Прежде всего мы нуждаемся в смиренномудрии. Слово «прости» да будет у нас непрестанно готовым в ответ на всякое неприятное слово, на всякий неприятный поступок относительно нас. Смиренномудрием расторгаются все сети супостата нашего, диавола»[3].

«Не вменяй себя за нечто в каком бы то ни было деле, и пребудут несмущенными помыслы твои»[4].

«Добродетели рождаются от нелюбопрительности, от злострадания, от смирения, от постоянного отсечения своей воли в духовном разуме, от неповиновения оправданию своему, от внимания, непрестанно обращенного на грехи свои»[5].

«Если погрешить в чем-либо, не прикрывай погрешности ложью. Положи поклон, скажи: «прости меня». Этим изгладится погрешность»[6].

«Если кто скажет тебе жестокое слово, то не попусти сердцу твоему вознестись на брата. Принудь себя поклониться оскорбившему прежде, нежели воздействует в тебе гнев. Гневу предшествует уничижение ближнего»[7].

«Если тебя укорят в чем-либо, то ты не попусти себя разгорячиться на оскорбившего. Не входя в рассмотрение, правильно ли, или неправильно сделанное обличение, поклонись

---

[1] Мф. 11. 29. | [2] *...если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15. 19). Поучение 17. О наставлении братии. || [3] Слово 3. || [4] Слово 3. || [5] Слово 1. || [6] Слово 3. || [7] Слово 3.

укорившему, говоря: *прости меня*. Такое поведение приводит юного в преуспеяние»[1].

«Если пожелаешь чего-либо, а живущий брат не хочет этого, — отсеки пред братом волю твою, чтоб не возникло между вами спора и чтоб брат твой не оскорбился на тебя»[2].

«Если брат, пришедши к тебе в келлию, начнет произносить неполезные слова, — останови его. Скажи ему с любовию: "Прости меня! я немощен, и не могу выносить таких слов"»[3].

«Если услышишь о погрешности брата твоего, не передай такого сведения кому-либо другому: таким поступком нанесешь смертельную язву душе твоей»[4].

«Если кто, в присутствии твоем, начнет порицать брата, то не промолчи пред порицателем, не устыдись его, не согласись с ним, не согреши пред Богом. Со смирением скажи порицателю: "Брат, прости меня: и я грешник, достойный всякого сожаления. Тот порок, о котором говоришь, принадлежит мне, и я не могу выслушивать обличения в нем"»[5].

«Если брат сделает тебе зло и кто-либо, в присутствии твоем, начнет злословить его, — озаботься охранить сердце твое, чтоб не возобновилось в нем чувства злобы на брата. Вспомни множество согрешений твоих пред Богом и, если хочешь, чтоб они простились тебе, не воздай злом за зло ближнему твоему»[6].

«Если услышишь, что брат отнесся к тебе худо, и после этого встретишься с ним где-либо, или он придет к тебе, — прими его благосклонно, с радостным приветствием и видом. Не скажи ему того, что слышал о нем, не спроси его: «Зачем говорил ты то и то?» Написано в притчах: *помнящий безчестия, законопреступен*»[7].

«Безмолвствуя в келлии, если вспомнишь о ком-либо, сделавшем тебе зло, то встань и помолись от всего сердца Богу, чтоб Бог простил сделавшему зло, и помысл мести отойдет от тебя»[8].

«Безмолвствуя в келлии, если впадешь в болезнь, не впади в малодушие, но благодари Бога. Если увидишь, что по причине болезни смущение вкрадывается в душу твою, то скажи ей в увещание и утешение: «Эта болезнь полезнее той болез-

---

[1] Слово 3. || [2] Слово 3. || [3] Слово 3. || [4] Слово 4. || [5] Слово 4. || [6] Слово 4. || [7] Слово 4. Притч. 12. 16. || [8] Слово 4.

ни, которая ожидает тебя в геенне и в которую впадешь, если не будешь тверд и постоянен в терпении». От такого размышления умолкнет в тебе смущение»[1].

«Внимай прилежно, чтоб, приступая к причащению Святым Тайнам, не иметь злобы на брата твоего: иначе нанесешь вред сам себе»[2].

«Если брат, увлекшись малодушием, скажет тебе грубое слово, перенеси его с радостию. Исследовав помыслы твои на суде Божием, найдешь, что ты подал повод твоим согрешением к оскорблению тебя»[3].

«Если кто порицает и уничижает брата своего в присутствии твоем, то не дозволь себе внимать словам злоречия. Иначе постигнет и тебя неприятность»[4].

«Не питай в сердце твоем злобы ни на кого. Иначе все труды твои о благочестии будут тщетны»[5].

«Да будет сердце твое чисто и благосклонно по отношению ко всем, и узришь в себе мир Божий»[6].

«Яд скорпиона разливается по всему телу и повреждает самое сердце того, кто ужален скорпионом: таково действие злобы на ближнего. Ядом ее уязвляется душа; лукавая злоба губит зараженного ею. Желающий сохранить подвиг и добродетель свою от конечного повреждения старается скорее отразить от себя скорпиона: злобу и лукавство»[7].

«Три добродетели сообщают непрестанно свет уму: невидение злобы ни в одном человеке, благотворение нанесшим обиды, перенесение постигающих скорбей без смущения»[8].

«От этих трех добродетелей рождаются три большие: невидение злобы человеческой рождает любовь; от благотворения делающим зло стяжавается мир; невозмущенным терпением попускаемых скорбей доставляется кротость»[9].

«Четыре добродетели ограждают душу и доставляют ей отдохновение от смущения, производимого врагами — демонами: милость, безгневие, долготерпение и забвение обид»[10].

«Четыре порока помрачают душу: ненависть к ближнему, уничижение ближних, зависть и ропот»[11].

«По четырем причинам усиливается в человеке страсть гнева: от расположения принимать подаяние и раздавать его, от

---

[1] Слово 4. || [2] Слово 4. || [3] Слово 5. || [4] Слово 6. || [5] Слово 6. || [6] Слово 6. || [7] Слово 6. || [8] Слово 7. || [9] Слово 7. || [10] Слово 7. || [11] Слово 7.

последования своей воле, от желания учить других, от признания себя разумным»[1].

«Если кто укорит тебя за что-либо, сделанное или не сделанное тобою, и ты промолчишь, то поступишь сообразно естеству Иисуса. Если же начнешь возражать, говоря: «Что я сделал?», то поступишь уже не в свойствах этого естества. Если же воздашь равным за равное, то это уже будет вполне противоположно естеству Иисуса»[2].

«Приобучи язык твой говорить «Прости меня», и вселится в тебя смирение»[3].

«Бог показал святому апостолу Петру, что ни одного человека не должно признавать скверным или нечистым»[4].

«Чье сердце стяжало святость, тот видит всех человеков святыми. Чье сердце погрязло в страстях, тот не почитает чистым никого. Он мнит, что все подобны ему; он ощущает немедленно неудовольствие в сердце своем, когда при нем отнесутся о ком-либо одобрительно. На этом основании остерегайтесь порицать кого бы то ни было, ни явно, ни в сердце»[5].

«Чем нерадивее жительство человека, тем сильнее в нем самомнение, и признает он себя в сердце своем другом Божиим. Когда же он вступит в подвиг и освободится от страстей, тогда не дерзает возвести очей на небо»[6].

«Во всяком подвиге, во всякой скорби мы не должны предаваться унынию и расслаблению. Потрудимся от всей души, и, верую, Бог сопричислит нас сонму святых Своих»[7].

«Необходимо, чтоб человек изливал обильные молитвы пред Богом с великим смирением по душе и по телу, чтоб ни к какому делу его не примешивалось тщеславное мнение о себе, чтоб он не соглашался с приносимыми ему похвалами человеческими, чтоб не оскорблялся людским поношением, чтоб умиротворял сердце — в отношении к порицающим — воспоминанием грехов своих»[8].

«Не дозволь устам твоим извергнуть горькое слово о порицателях твоих, ниже пред возлюбленными твоими»[9].

«Не порицай и не хвали никого[10]. То и другое — суд, воспрещенный Богом[11], и выражение превозношения над ближним».

---

[1] Слово 7. | [2] Слово 8. | [3] Слово 9. | [4] Деян. 10. 15. Слово 10. | [5] Слово 10. | [6] Слово 10. | [7] Слово 10. | [8] Слово 10. | [9] Слово 10. | [10] Слово 10. | [11] Лк. 6. 36.

«Будем тщательно рассматривать себя, чтоб не иметь ненависти или вражды, при которых благоугождение Богу невозможно»[1].

«Кто постоянно размышляет о последнем дне жизни своей и о тех казнях, которым должен подвергнуться за грехи свои, тому не приходит на мысль осуждение других. Болезненным ожиданием вечных мук снедается сердце его. Томления адские предстоят взорам ума его и не допускают развлекаться любопытством суетным. Поучение его растворено горестию. Нет слов у него для гордого наставления ближних, как бы жительство их ни было нерадивым. Не заботится он о пище. Окажет ли ему кто милость? он не ощущает утешения от этой милости по причине глубокого сознания греховности своей. Подвергшись поношению, он не отвечает с гневом. С терпением переносит обиды, признавая себя достойным их. Смех не видится никогда на устах его. Колеблет он главою, произносит тяжкие стенания, вспоминая о том грозном судилище, пред которое должен предстать. Если услышит суждение о чем-либо, — не подает своего мнения, хорошо ли оно, или худо; не привлекает оно к себе ни внимания его, ни слуха. Очи его источают обильно слезную воду, по причине тяжкой болезни, объемлющей сердце его. Если он — сын благородных родителей, тем более предается печали, потому что тем большее посрамление ожидает его на Суде пред множеством зрителей, которым он известен. Созерцая уготованный престол Суда, он не обращает внимания на то, кто между людьми добр и кто зол. Если содержатся с ним в темнице другие узники, — он не входит ни в какое общение с ними, не вступает в рассуждение, чтобы сказать и сделать в свое оправдание и избавление: *кийждо бо свое бремя понесет*[2]. Когда влекут его на смертную казнь, — мрачно лицо его и глаза опущены к земле. Никто из человеков не дерзает замолвить слово в защиту его; каждый трепещет за себя; а он произносит исповедь и признание в соделанных согрешениях, признает себя заслужившим осуждение и наказание»[3].

«Стяжавшим смиренномудрие Бог открывает грехи их, чтоб они познали их и покаялись в них. Если к смиренномудрию присоединится плач, то изгонятся из души седмь бесов, и доставится возможность душе преуспевать при посредстве

[1] Слово 12. || [2] *...каждый понесет свое бремя* (Гал. 6. 5). || [3] Слово 14.

подвигов и добродетелей ее. Пришедшие в такое настроение не смущаются от поношений человеческих. Зрение грехов своих служит для них всеоружием. Оно сохраняет их от гнева и мстительности, доставляет силу претерпевать встречающиеся скорби. Какое оскорбление может прикоснуться их, когда они постоянно занимаются рассматриванием грехов своих пред лицом Божиим?»[1].

«Напротив того, если допустишь себе победиться, не понесешь слово ближнего твоего, но воздашь ему жестким словом, то воздвигнутся брани в сердце твоем. Они отнимут у тебя мир, напоминая слово, сказанное тебе, и принося сожаление о том, что ты решился сказать вопреки. Размышление об этом будет мучить тебя: ты ублажишь отшельников, живущих наедине, и ожесточится сердце твое к ближним, как к неимеющим любви»[2].

«Постарайся приобрести терпение и любовь: терпением побеждается гнев, а любовию исцелишься от печали. Моли Бога, чтоб Он даровал тебе эти добродетели. Любовь и долготерпение погашают гнев, движущийся противоестественно, оставляют естественное действие гнева, который тогда восстает против демонов. Имея в себе смиренномудрие и плач, всегда будешь сохранять мир с ближними»[3].

«Кто, ради Бога, для сохранения мира, перенесет жестокие слова человека грубого и невежественного, тот наречется сыном мира. Он соделается способным привести в состояние взаимного мира дух, душу и тело свои. Когда эти три составные части человека вступят во взаимное согласие между собою, тогда прекратится действие всех, вооружающихся на закон ума, и разрушится плотское мудрование. Пришедший в это состояние сын мира соделывается обителию Святого Духа, соделавшись предварительно принадлежностию Святого Духа, Который уже не отлучится от него»[4].

«Смиренномудрием доставляется способность переносить уничижения»[5].

«Червь, точащий древо, губит его, — злоба, питаемая в сердце, отравляет его»[6].

«Кто повергает душу свою пред Богом, тот получает силу переносить несмущенно порицания. Слезы такого подвижни-

---

[1] Слово 16. || [2] Слово 16. || [3] Слово 16. || [4] Слово 16. || [5] Слово 16. || [6] Слово 17.

ка не оскверняются никакою примесию из побуждений человеческих»[1].

«Оставление самоукорения приводит к оставлению безгневия»[2].

«Не питай вражды ни к какому человеку, иначе Бог не будет принимать молитвы твоей. Имей мир со всеми, и стяжешь дерзновение в молитве»[3].

«Не желай слышать о искушении, постигшем того человека, который оскорбил тебя, чтоб не совершить мести в сердце»[4].

«Внимай себе: если совесть упрекает тебя в том, что брат твой скорбит на тебя, то не пренебреги этим напоминанием совести, но поклонись брату и смиренным голосом попроси у него прощения. Постарайся получить прощение»[5].

«Остерегись: не будь жесток и суров к брату твоему. Все мы терпим насилие от врагов-демонов»[6].

«Если борет тебя зависть, то вспомни, что все мы — члены Христовы. На этом основании честь и бесчестие каждого из нас принадлежит вообще всем нам. Такое размышление успокоит тебя»[7].

«Если помысл понуждает тебя сказать что-нибудь худое о брате твоем, то подумай, как опечалится брат, услышав твой отзыв о нем, как тебе стыдно будет встретиться с ним после этого. Таким размышлением возможешь удержать себя от злоречия»[8].

«Если почувствуешь порочное желание уничижить брата, то вспомни, что за это Бог предаст тебя врагам твоим. Этим остановишь себя в начинании твоем»[9].

«Господь сказал в Евангелии: *аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный. Аще ли же не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших*[10]. Страшно и грозно слово Господа! Если ты видишь, что сердце твое не ко всем чисто, то остерегись просить чего-либо у Бога. Ты выкажешь неуважение к Богу, когда, будучи грешником и питая в себе огорчение на подобного тебе человека, осмелишься просить Взирающего на сердца о прощении грехов твоих. Молящийся в таком уст-

---

[1] Слово 17. ‖ [2] Слово 17. ‖ [3] Слово 17. ‖ [4] Слово 17. ‖ [5] Слово 17. ‖ [6] Слово 17. ‖ [7] Слово 17. ‖ [8] Слово 17. ‖ [9] Слово 17. ‖ [10] *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6. 14, 15).

роении не может молиться умною молитвою: он молится одними устами, не разумея сам себя и не принадлежа себе»[1].

«Желающий молиться истинною умною молитвою, действуемою Святым Духом в чистом сердце, должен, прежде нежели приступит к молитве, тщательно рассмотреть себя, не гнездится ли в душе его неприязнь к кому-либо. Если же движутся в нем и возмущают его ненависть и гнев и он молится в таком настроении, то лишь обольщает сам себя. Бог не внемлет ему, потому что ум его, волнуемый и расхищаемый страстию, не молится; мнящий молиться исполняет только по наружности обычное правило»[2].

«Желающий принести чистую молитву должен, во-первых, подвергнуть тщательному испытанию ум свой и рассмотреть, не усвоил ли он себе помыслов злобных. Необходимо тебе простить ближнего и помиловать его, прежде нежели обратишься с прошением к Господу, чтоб Он помиловал тебя. Надо, чтоб ты забыл оскорбления и обиды, нанесенные тебе ближним, прежде, нежели начнешь просить Господа, чтоб Он не помянул грехов твоих, в которые ты впал волею и неволею. Если не исполнишь этого, то будешь молиться тщетно. Бог не будет внимать тебе»[3].

«Ты получишь прощение в грехах в той мере, в какой простишь ближним»[4].

«Рассмотри сердце твое. Очистил ли ты его от памятозлобия в отношении ко всем человекам? Бог — истина, и требует служения Себе истиною, а не одними словами, произносимыми языком. И потому возделай сердце свое так, чтоб в нем изгладилось всякое памятование обид и оскорблений добровольным забвением их»[5].

«Каждый человек сам себя приготовляет к геенне или разрешает от нее: ничего нет тверже воли, и она, по данной ей свободе, преклоняется или к жизни или к смерти. Блаженны возлюбившие вечную жизнь! этою любовию они охраняются от преткновений»[6].

«Должно подвизаться в труде и поте лица в глубине самого сердца против насилующих его помыслов памятозлобия, чтоб они не нанесли тяжкой язвы, исцеление которой будет очень затруднительным. Вспомоществует в этом подвиге постоянное

[1] Слово 18. || [2] Слово 18. || [3] Слово 18. || [4] Слово 18. || [5] Слово 18. || [6] Слово 18.

созерцание грехов своих. Находясь в таком настроении — если узнаешь, что нанесено тебе оскорбление — удобнее возможешь изгнать из души твоей всякое желание мести»[1].

«И страх геенны обуздывает насилуемого гневом, намеревающегося воздать каким-либо злом оскорбившему. Он говорит: «Несчастный! ты умоляешь Бога о прощении грехов твоих, и даже доныне долготерпит тебе Бог, не обличая грехов твоих, а ты гневаешься на брата твоего и без милосердия объявляешь грехи его». Знаешь ли, что явствует из этого? из этого явствует, что ты находишься еще во грехах твоих, и не получил в них ни малейшего прощения»[2].

«Если смягчится сердце твое и соделается чуждым злобы на ближнего, то получишь милость от Бога. Если ж лукавое сердце твое пребывает в ожесточении относительно ближних, то ведай, что ты еще не помянут Богом. Прости меня!»[3]

«Человек, не достигший первобытного непорочного естественного состояния, по образцу Сына Божия, да признает свой подвиг еще не принесшим никакого плода»[4].

«Каждый человек, принявший Святое Крещение, обязан распять все противоестественные лукавые влечения, которыми заразился Адам при падении, по причине которых он лишился святой славы, низвергся в поношение и срам вечные»[5].

«Да подвизается ум мужественно! да презрит и возненавидит все, что ценится высоко плотскими человеками! да враждует враждой непримиримою, до конца жизни, против всего суетного! Повергают в рабство греховное сынов Адама следующие вожди и предводители зла: тленный прибыток, земная слава и честь, наслаждение и нега тела, украшение себя одеждами и забота о телесном благообразии. Этим питаются чувственность и сластолюбие, — те страсти, которые влил змей в уста Евы и по которым познаем себя, что мы — сыны Адама. Присутствие в нас страстей обличается лукавыми помыслами, кипящими в нас и соделывающими нас врагами Божиими»[6].

«Блажен тот, кто со Христом распялся, умер, погребен и воскрес в естестве обновленном, кто последует святым стопам Иисуса. Сын Божий соделался человеком, чтоб последователи Его уподоблялись Ему смиренномудрием, нестяжанием, уничиженным положением в мире, перенесением обид и пору-

[1] Слово 18. || [2] Слово 18. || [3] Слово 18. || [4] Слово 18. || [5] Слово 18. || [6] Слово 18.

ганий, беспопечительностию о теле, пренебрежением наветами лукавых демонов. Кто, победив страсти, придет в это состояние, тот — Христов, тот — сын Божий и брат Иисуса»[1].

«Господь сказал: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*[2]. Какие дела дитяти? Дитя, когда наказывают его, плачет; с радующимися оно радуется; если укорят его, оно не гневается; похвалами не превозносится; если предпочтут ему другого, оно не тревожится ревностию; если возьмут у него что-либо принадлежащее ему, оно не смущается; если оставят ему наследство, оно пребывает к этому равнодушным; оно не судится ни с кем, не вступает ни в какие споры, не ненавидит никого из человеков. Дитя, находясь в нищете, не печалится об этом; находясь в богатстве, не превозносится; увидев женщину, не ощущает вожделения; сластолюбие и попечительность не обладают им; оно не осуждает никого, никем не владеет, никому не завидует, не хвалится тем, чего не знает; не насмехается над ближним по причине его телесных недостатков; не питает вражды ни к кому; не лицемерствует; не ищет мирских почестей, не собирает богатства, чуждо сребролюбия, дерзости, любопрительности; не учит других по страстному побуждению высокоумия; ни о чем не печется; если снимут с него одежду, не скорбит об этом; не последует собственной воле; не боится ни голода, ни злодеев, ни зверя, ни войны, ни гонения. Таковы и те, о которых сказал Господь наш Иисус Христос: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*»[3].

«Каких дел по свойству младенцев требует от нас Господь? Это объясняет Апостол в следующих словах: *отложше всяку злобу и всяку лесть и лицемерие и зависть, и вся клеветы, яко новорождени младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение*[4]. Понял ли ты, брат, из этого значение слов Господа нашего Иисуса: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное.* Страшны эти

---

[1] Слово 18. || [2] *...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18. 3). || [3] Слово 26. || [4] *Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение* (1 Пет. 2. 1, 2).

слова, сказанные Господом с клятвенным подтверждением. *Аминь, аминь,* то есть истинно, истинно *глаголю вам.* Сказавший эти слова, Сам есть Истина. *Бог,* как говорит Апостол, *понеже ни единем имяше большим клятися, клятся Собою.* Вникнем тщательно в эти слова и будем заботиться со страхом и трепетом, будем заботиться непрестанно о исполнении этих слов. Какое бы ни приблизилось искушение к душе нашей, будем стараться о том, чтоб вспомнить слова Господа, подтвержденные клятвою: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное.* Слова эти да будут щитом для нас, сколько бы раз ни уязвил нас диавол стрелою злобы на ближнего, сколько бы раз ни уязвил нас сам ближний или укоризною, или оболганием, или отречением от послушания нам, хотя б это послушание и было обязанностию его. Слова Господа да будут для нас щитом, когда воздействует в нас лукавое огорчение, усиливаясь возбудить в нас злобное воспоминание о том, что сделано нам скорбного ближними, чтоб помрачить душу нашу гневом и ненавистию. Кто, приводя себе на память слова Господа, не убоится их? кто мудрый, кто желающий спасти душу свою, кто, желающий избежать огня геенского, не извергнет из сердца своего всякое негодование против ближнего? кто не извергнет из сердца всякой ненависти, чтоб не быть извергнутым из Царства Небесного? Страшное и краткое определение произнесено Господом Иисусом: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное.* Тяжким представляется это определение для последующих воле своего падшего естества, для любящих мир, для непризнающих, что и ныне Святой Дух нисходит на избранных Божиих и исполняет их дарованиями Своими. Дух, нисшедши на них, преподает им забвение всякого зла, и вместе преподает им учение из Себя: Он преподает им кротость и заменяет ею гнев; Он преподает мир, которым заменяет вражду; Он преподает смиренномудрие, которым заменяется расположение к спорам и сварливости; Он преподает любовь, заменяя ею ненависть; Он преподает долготерпение, заменяя им малодушие. Получают такие качества те, которые удостоились возрождения»[1].

«Тщательно внимай себе и утверждайся верою, взирая очами ума на Господа нашего Иисуса Христа, Который, будучи

[1] Слово 26.

Бог, имея неисповедимую славу и величество, соделался человеком ради нас, *и оставил нам образ, да последуем стопам Его*[1]. Он, *зрак раба приим, смирил Себе*[2] неизреченно. Он явился к нам в положении нищего, и переносил равнодушно это состояние уничижения. Он претерпел многие и тяжкие поношения и бесчестия. Совершилось над Ним предречение Писания: *яко овча на заколение ведеся, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих. Во смирении Его суд Его взятся*[3]. Он принял за нас смертную казнь, которую предварили и сопровождали страшные наругания, побои и пытки. Последуя Ему, во исполнение заповеди Его, во очищение грехов наших, мы должны терпеливо и усердно переносить, если подвергнемся справедливо или несправедливо укоризнам или клеветам. Зачем говорить много? если будут преследовать нас до смерти, то пойдем на смерть, как овцы ведутся на заколение, как бессловесный скот на убой, не противореча и не сопротивляясь. Умоляй о пощаде, если то окажется возможным. Если же окажется невозможным, то храни молчание в великом смирении»[4].

«Тщательно внимай себе и веруй, что укоризны и бесчестия, переносимые ради Господа, составляют великое приобретение для души твоей, служат ей средством спасения. Претерпевай их усердно, не смущаясь. Помышляй, что ты достоин пострадать несравненно больше за грехи твои. Говори сам себе: «Велико для меня, что удостаиваюсь понести эти страдания и огорчения ради Господа. Многие скорби и уничижения, которым подвергаюсь, соделают меня, может быть, в некоторой степени последователем пострадавшего за меня Бога». Каждый раз, как ни вспомнишь об оскорбивших тебя, не ропщи на них: помолись о них искренно, от души, как о благодетелях, исходатайствовавших тебе великие приобретения»[5].

«Тщательно внимай себе и возгнушайся любоначалием, исканием славы, почестей и похвал человеческих, вменяемостию, побуждающею признавать себя значущим что-либо или исполнившим какую добродетель, или лучшим брата твоего, или даже равным ему; возненавидь все это совершенною нена-

---

[1] *...оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. 2. 21). ‖ [2] *...приняв образ раба, ...смирил Себя* (Флп. 2. 7, 8). ‖ [3] *...как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стрегущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят* (Ис. 53. 7, 8). ‖ [4] Слово 28. ‖ [5] Слово 28.

вистию как причину душепогибели, вечной смерти, вечной муки. Отсекай мерзкую похоть и плотскую сласть, даже в самомалейших проявлениях. Не позволяй себе свободного обращения ни с кем; не прикоснись к телу ближнего твоего и даже на лицо его не посмотри без особенной нужды; не съешь безвременно ниже малейшего количества пищи. Так, соблюдая и утверждая себя в мелочах, не впадешь и в тяжкие согрешения. Пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение»[1].

«Тщательно внимай себе и признавай себя искренно, от души, последнейшим из всех христиан и величайшим грешником. Содержи непрестанно душу в плаче, в смирении, в стенаниях. Пребывай всегда в молчании, как недостойный говорить и незнающий ничего; никак не говори без требования нужды»[2].

«Тщательно внимай себе, постоянно помни, постоянно имей пред очами огнь вечный и вечные муки, смотря мысленно на грешников, осужденных туда и там терзающихся, считай себя более принадлежащим к ним, нежели к числу живущих на земле»[3].

«Тщательно внимай себе и помышляй, что Господь наш Иисусе Христос умер за нас, искупил нас Своею Кровию, воскрес и совоскресил нас с Собою. По этой причине и ты уже должен жить не в падшем твоем естестве, но в Господе. Веруй, что находишься всегда пред Ним и что Он смотрит на твое сердце»[4].

«Тщательно внимай себе и содержи себя в непрестанной готовности оказать полное повиновение воле Божией, хотя бы с этим повиновением сопряжена была малая или великая скорбь, даже если б подвергалась опасности жизнь, если б последовала насильственная смерть. Всегда ожидай великих и страшных искушений, скорбей, напастей, смерти лютой, чтоб они не застали тебя неготовым»[5].

«Тщательно внимай себе и никак не попускай размышлять о чем-либо, не благоугодном Богу: Бог присутствует везде и видит все. Желая сказать что-либо или сделать, или вступить с ближним в какое-либо сношение, или вкусить пищи и пития, или уснуть, — словом, намереваясь приступить к какому бы то ни было начинанию, рассмотри прежде, согласно ли

[1] Слово 28. || [2] Слово 28. || [3] Слово 28. || [4] Слово 28. || [5] Слово 28.

оно с заповедию Божиею, взвесь причину, побуждающую тебя действовать так, говори и поступай как пред взорами Бога, с целию говорить и делать одно благоугодное Ему. Таким образом ты стяжешь близость к Богу и великое дерзновение к Нему»[1].

«Тщательно внимай себе и если кто-либо оскорбит тебя, а в тебе от этого возбудится печаль или гнев, то сохрани молчание, никак не дозволь себе сказать в это время что-либо неприличное. Когда же молитва успокоит твое сердце, тогда объяснись кротко и мирно с братом. Если встретится нужда обличить брата, и в это время усмотришь, что ты сам волнуешься гневом и находишься в расстройстве, то никак не говори чего-либо брату, чтоб не возмутиться еще более. Когда же придешь и брат придет в благое и кроткое устроение, тогда скажи, не обличая и укоряя, но объясняя дело с великим смиренномудрием»[2].

«Тщательно внимай себе и отнюдь не ищи удовлетворения твоей воле и твоему покою ни в каком деле, ни в каком слове, ни в какой мысли: старайся во всяком случае исследовать и найти с точностию то, что согласно воле Божией, и исполнить это с решительностию и вполне, хотя бы исполнение и сопряжено было с великим трудом. Поступающие так действуют и терпят в истине, ради Царства Небесного. Веруй от всего сердца, что последование воле Божией несравненно полезнее для тебя всех действий по умышлениям мудрости человеческой. Заповеди Божии заключают в себе жизнь вечную. *Взыскающии Господа не лишатся всякаго блага*»[3].

«Тщательно внимай себе, как находящийся непрестанно пред Богом. Не возлагай надежды ни на кого: устреми всю веру к Богу; уповай на Его единого. Если нуждаешься в чем, моли Бога, чтоб Он доставил нужное тебе по святой воле Его. За все, что имеешь, благодари Бога непрестанно. Признавай все, что имеешь, полученным от Бога, не от кого другого. Терпишь ли в чем недостаток? не печалься, не ропщи ни на кого, переноси лишение усердно и без смущения, помышляя, что ты достоин многих скорбей за грехи твои. Не прибегни к средствам человеческим, скажи сам себе: «Если Бог благоволит помиловать меня, то может сделать это».

---

[1] Слово 28. || [2] Слово 28. || [3] *...ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе* (Пс. 33. 11); Слово 28.

Бог посылает все нужное тому, кто руководствуется этим образом мыслей»[1].

«Тщательно внимай себе и никак не прими чего-либо, не удостоверясь, что предлагаемое тебе приобретено средством праведным и посылается тебе Промыслом Божиим. Такое даяние возьми, нисколько не сомневаясь. Если же узнаешь, что предлагаемое тебе приобретено путем неправды, насилием, обманом, лукавством, — отвергни приношение. *Лучше частица малая со страхом Господним, нежели сокровища велия без боязни*»[2].

«Тщательно внимай себе и с понуждением себя приобучайся к молчанию, чтоб Бог даровал тебе силу подвизаться и преуспевать в добродетели. Когда представится нужда говорить, то размысли прежде, уважительна ли эта нужда и что будет благоугоднее Богу: то ли, что вступишь в разговор, или хранение молчания. Убедившись, что ты должен говорить, отверзи уста со страхом Божиим, имея лицо опущенным долу, и слово твое произнеси скромно и почтительно. Вступив в разговор с возлюбленным твоим, поговори немного, и спеши замолчать. Спрошенный — отвечай, сколько требует существенная нужда; сверх необходимого не говори ничего»[3].

«Тщательно внимай себе, и как воздерживаешься от блуда, так воздерживайся от увлечения похотию очей, слуха, языка и осязания. Глаза твои да будут постоянно устремлены на рукоделие твое; да не видят они лица человеческого без благословной нужды. Особенно остерегайся смотреть на женщин и даже на красивых мужчин. Не позволь себе слушать того разговора, в котором пересуживаются чужие дела. Брат! если найдешь эти советы душеполезными, то постарайся последовать им, и Бог поможет тебе и защитит тебя в час искушения»[4].

Святая Церковь, между прочими наставлениями, завещавает принимающему пострижение иноку нижеследующее: «Да не предпочтеши, что паче Бога: да не возлюбиши ниже отца, ниже матерь, ниже братию, ниже кого от своих, ниже самого себе возлюбиши паче Бога, — ниже царствия мира, или упокоения коего-либо буди или чести. Нищеты да не отвращаешися, ниже озлобления, ниже уничижения человеческого,

---

[1] Слово 28. || [2] *Лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое сокровище, и при нем тревога* (Притч. 15. 16); Слово 28. || [3] Слово 28. || [4] Слово 28.

ниже иного чесого, еже непщуеши быти неудобно, и возбранен будеши тещи за Христом; но присно взирай на яже во упованиих по Богу живущих благая, и вся от века помышляй мученики и преподобные, иже многими поты и труды, и бесчисленными кровьми и смертми сия стяжаша. Трезвися во всех, злопостражди, яко добр воин Христов: Сам бо Господь и Бог наш, богат сый в милости, нас ради обнища, быв по нам, да мы обогатимся Царствием Его. Подобает убо и нам подражателем Его быти, и Его ради вся претерпети, преспевающим в заповедех Его день и нощь. Сам бо Господь рече: аще кто хощет вслед Мене ити, да отвержется себе, и да возмет крест свой, и да последует Мне, еже есть готову присно быти, даже до смерти, на всякое исполнение заповедей Его. Ибо и алкати имаши, и жаждати, и нагствовати, досадитися же и укоритися, уничижитися и изгнатися, и иными многими отяготитися скорбными, ими же сущий по Богу живот начертавается. И егда сия вся постраждеши, радуйся, глаголет Господь, яко мзда твоя многа на небесех во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава во веки, аминь». Святая Церковь, произнесши это изложение своего духовного образа мыслей (мудрования, разума), в котором показано чудное сочетание заповедей Христовых с крестом Христовым, требует от принимающего пострижение, чтоб он, во-первых, исповедал истину этого изложения, во-вторых, дал обет последовать ему. Она вопрошает вступающего в иночество: «Сия вся тако ли исповедуеши в надежди силы Божия, и в сих обетех пребывати обещаешилися даже до конца живота благодатию Христовою?» Затем, пострижение дается только тому, кто признает произнесенное здесь учение Святой Православной Церкви истинным и даст обет доказывать всежизненною деятельностию услышанную, признанную, исповеданную им истину»[1].

Таков разум Святой Церкви! таков разум всех святых Отцов Православной Церкви! Мы удовольствовались здесь немногими выписками: их можно сделать несравненно больше; но это было бы повторением одного и того же учения в различной форме. Заключим советы Отцов нашим убогим советом, основанным на самых благотворных и благодетельных опытах. При встретившейся скорби полезно повторять следующие краткие изречения, повторять со вниманием и от всей

[1] Требник. Последование малой схимы.

души, повторять, доколе не прольется в сердце от повторения их спокойствие, даже утешение и сладость:

1) «Достойное по делам моим приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

2) «Господи! да будет святая воля Твоя над мною, грешным, ныне и во веки».

3) «Господи! я — создание и раб Твой; хочу или не хочу, нахожусь во власти Твоей: твори с созданием Твоим по святой воле Твоей и по великой милости Твоей».

4) «Слава Тебе, Господи, за все, что Ты навел на меня, слава Тебе! Праведен и многомилостив суд Твой надо мною, заслужившим все временные и вечные казни».

5) «Благодарю и славословлю Тебя, Господь и Бог мой, за те малые и ничтожные скорби, которые Ты попускаешь мне всеблагим и премудрым Промыслом Твоим, которыми Ты обличаешь неведомые мною страсти мои, которыми облегчаешь мне ответ на Страшном Суде Твоем, которыми искупаешь меня от вечных мук ада».

Очевидно, что эти изречения заимствованы из Священного Писания и Отеческих писаний; при внимательном, неспешном повторении их они действуют весьма скоро, сильно, благотворно, спасительно.

Глава 34
О трезвении

Между прочими всесвятыми и спасительными завещаниями Своими Господь заповедал нам непрестанную молитвенную бдительность над собою, состояние, называемое в деятельных Отеческих писаниях священным трезвением. *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть*[1], сказал Господь ученикам Своим; *а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите*[2]. Преподобный Исихий Иерусалимский определяет трезвение так: «Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией»[3]. Из этого явствует, что трезвение основано на тщательнейшем и постоянном изучении евангельских заповедей, а впоследствии и всего Священного Писания. Трезвение стремится непрестанно пребывать в исполнении всех евангель-

---

[1] *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26. 41). || [2] Мк. 13. 37. || [3] Глава 3. Добротолюбие. Ч. 2.

ских заповедей делами, словами, помышлениями, чувствованиями. Чтоб достигнуть своего намерения, оно непрестанно бодрствует, непрестанно поучается в законе Божием, непрестанно вопиет к Богу о помощи усиленнейшею молитвою. Трезвение есть непрестанная деятельность. «Трезвение, — говорит преподобный Исихий, — есть духовное художество, совершенно избавляющее, при помощи Божией, человека от лукавых дел, от страстных слов и помышлений, если оно проходится усердно и в течение продолжительного времени. Оно доставляет упражняющемуся в нем твердое разумение непостижимого Бога, насколько Он может быть постигнутым, разрешение Божественных сокровенных таин; оно совершает всякую заповедь Божию Ветхого и Нового Завета; оно подает всякое благо будущего века. Оно, собственно, чистота сердца, и, по величеству своему и достоинству, или правильнее сказать, по нерадению нашему, ныне очень оскудевает в монахах[1]. Трезвение есть непрестанное безмолвие сердца от всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Тем Единым дышащее, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедующееся Ему, Единому, имеющему власть прощать согрешения, часто объемлющее Христа, Единого Тайноведца сердец, при посредстве призывания Его. Таковая душа старается всячески утаить от человеков свою сладость и внутренний подвиг, чтоб лукавый не ввел тайно злобы и не истребил доброго делания. Трезвение есть твердое устроение ума и стояние его при сердечной двери; оно видит приходящие к нему помыслы хищников, слышит, что они говорят, познает, что делают эти убийцы, и какие образы начертываются и воздвигаются бесами, чтоб прельстить ум мечтанием»[2]. «Великий законодатель Моисей, паче же Святой Дух, показывая непорочность, чистоту, многовмещение и высокотворность этой добродетели (трезвения) и уча нас, как должно начинать и совершать ее, говорит: *Внемли себе: да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония*[3]. Словом тайным названо единопомысленное представление какой-нибудь лукавой и богоненавистной вещи, что Отцы называют прилогом, приносимое сердцу диаволом; этому прилогу последуют наши помыслы, немедленно по представлении его уму, и вступают в страст-

[1] Гл. 1. || [2] Главы 5 и 6. || [3] *Берегитесь, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль* (Втор. 15. 9).

ную беседу с ним»[1]. Трезвение противодействует самым началам греха: помыслу и чувствованию греховным. Трезвение совершает заповеди в самых началах человека: в помыслах и чувствованиях. Трезвение открывает трезвящемуся его падшее естество, открывает падших духов, открывает ту зависимость человека от падших духов, в которую ниспал человек от исполнения воли их, в которую он еще глубже ниспадает, исполняя волю их и свою греховную волю. Падение наше укрепляется, печатлеется, соделывается нашею неотъемлемою собственностию, неотъемлемым залогом вечной погибели от последования нашей падшей воле и воле демонов. Трезвение есть необходимая принадлежность истинного душевного делания, при которой вся видимая и невидимая деятельность инока совершается по воле Божией, единственно в благоугождение Богу, охраняется от всякой примеси служения диаволу. Трезвение есть причина чистоты сердца, а поэтому и причина Боговидения, даруемого благодатию чистым, возвышающего чистоту сердца до блаженного бесстрастия. Трезвение неразлучно с непрестанною молитвою: оно рождается от нее и рождает ее; от взаимного рождения друг другом эти две добродетели сочетаваются между собою неразрывным союзом. Трезвение есть духовное жительство; трезвение есть жительство небесное; трезвение есть истинное смирение, сосредоточившее надежду свою в Боге, отрекшееся от всякой самонадеянности и от надежды на человеков; по этой причине оно представляется им ужаснейшею гордостию, хулится, с ожесточением преследуется ими. — Не лишним будет здесь заметить, что преподобный Исихий говорит о заповедях Ветхого Завета в значении духовном, а не иудейском. Когда о Христе уничтожится покрывало[2], лежащее на душевных очах, и иудей соделается христианином, тогда Ветхий Завет получает для чтущего то же значение, какое имеет и Новый. Закон, изложенный в Новом Завете открыто, изложен в Ветхом в образах и иносказаниях. Новоначальный инок должен сперва заняться изучением Нового Завета; духовное понимание Ветхого Завета придет в свое время: оно — достояние преуспевших.

Трезвение приобретается постепенно: стяжавается долгим временем и трудом; рождается преимущественно от внимательных чтения и молитвы, от навыка наблюдать за собою, бодрствовать, обдумывать каждое предлежащее нам слово и

[1] Гл. 2. || [2] 2 Кор. 14.

дело, быть внимательным ко всем своим помыслам и ощущениям, наблюдая за собою, чтоб не соделаться каким-либо образом ловитвою греха. *Трезвитеся, бодрствуйте,* говорит святой апостол Петр, *зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити: емуже противитеся тверди верою*[1]. «Будь подобно Херувиму, весь око, — сказал Евфимий Великий иноку, подвергшемуся диавольскому искушению, — ограждая себя отвсюду величайшею осторожностию, потому что ходишь посреди сетей»[2]. Преподобный Варсонофий Великий и Иоанн Пророк преподали желающим проводить трезвенную, богоугодную жизнь превосходный совет деятельного трезвения. Они советовали пред каждым начинанием, то есть пред вступлением в беседу или началом дела, возносить мысль к Богу с прошением от Него вразумления и помощи[3]. — Для того, чтоб пребывать в трезвении, надо со всею тщательностию хранить свежесть и светлость ума. Ум помрачается от неблагоразумного употребления пищи, пития и сна, от многоглаголания, рассеянности и житейских попечений. *Внемлите себе,* сказал Господь, *да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той* (день Страшного Суда Христова, последний день мира): *яко сеть бо приидет на вся живущия на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим*[4]. Как внезапно придет день Общего Суда всех человеков, так внезапно приходит для каждого человека день частного суда его, день смерти его. Неизвестен час, в который мы будем позваны. Иной, начав только путь земной жизни, восхищается с него в вечность; иной поемлется по совершении весьма немного пути; иной с средины пути; иной — значительно не кончив его. Редкий достигает полноты дней, и оставляет свою земную хижину — тело, когда она сделается неспособною

[1] *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 5. 8, 9). | [2] Наставления Евфимия Великого иноку Климатию. Четьи-Минеи, 20 января; житие преподобного Евфимия Великого. || [3] Ответы 260, 261 и 583. || [4] *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих* ***бедствий*** *и предстать пред Сына Человеческого* (Лк. 21. 34–36).

для жительства в ней. Во время совершения нами земного странствования оно, по извращенному в нас падением ощущению бессмертия, представляется нам бесконечным, исполненным обильнейшей, плодоноснейшей деятельности. Это ощущение имеют и дитя, и юноша, и муж, и старец: все они созданы бессмертными, бессмертными по душе; они должны бы быть бессмертны и по телу! падения своего, поразившего смертию и душу и тело, они или вовсе не знают, или знать не хотят, или знают его вполне недостаточно. Оттого взгляд ума и ощущение сердца по отношению к земной жизни ложны и исполнены самообольщения; оттого она обманчиво представляется всякому возрасту вечным достоянием человека. По совершении земного странствования, во вратах смерти, путь, представлявшийся бесконечным в будущности, в прошедшем является самым кратким, а обширная деятельность, совершенная не для вечности, является пагубнейшею, безвозвратною потерею времени и всех средств, данных для спасения. Очень верно выражают свое обольщение люди века сего, обыкновенно называя смерть *неожиданным бедствием,* в каком бы возрасте ни постигла она их родственников и друзей. И для дряхлого старца, обремененного летами и недугами, давно склонившегося во гроб, но не думавшего о смерти, удалявшего от себя всякое напоминание о ней, она — неожиданное бедствие. В полном смысле она — бедствие для всех, не приготовившихся к ней. Напротив того, *блаженни раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящими,* трезвящимися, правильно смотрящими на земную жизнь, помнящими смерть и готовящимися к ней, как к могущей придти при всяком возрасте и при всяком состоянии здоровья[1]. Надо совершать путь земного странствования с величайшим вниманием и бодрствованием над собою; надо совершать его, непрестанно взывая к Богу молитвою о помощи. Светильником нашим при путешествии да будет Евангелие, как воспел Давид: *светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим*[2]. Идем не только по тесному пути: идем ночью[3]. Постоянное трезвение ума нам необходимо, чтоб не увлечься нашим падшим естеством, чтоб не увлечься увлеченными им отцами и братиями нашими, чтоб избежать всех козней и препятствий, устраиваемых многочисленными и разнообразными соблазнами

[1] Лк. 12. 37–39. || [2] *Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей* (Пс. 118. 105). || [3] 2 Пет. 1. 19. Каноник. Молитва утренняя, 5.

мира, устраиваемых неистовою злобою и непостижимым для человека лукавством падших ангелов. Оградив себя от рассеянности и попечений, обратим внимание на наше тело, от которого трезвенность ума находится в полной зависимости. Тела человеческие по крепости своей и здоровью бесконечно различествуют между собою[1]. Иные крепостию своею подобны меди и железу; другие слабы, как трава. По этой причине каждый должен управлять своим телом с большим благоразумием, исследовав силы своего тела. Крепкому и здоровому телу свойственны особенный пост и бдение: оно делается от них легче, доставляет уму особенную бодрость. Слабое тело должно подкреплять пищею и сном, сообразно требованию тела, но никак не до пресыщения. Пресыщение весьма вредно и для слабого тела: расслабляет его и сообщает ему восприимчивость к болезням. Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево, и войдешь в рай. Если ж будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны[2], в огнь гнева и ярости, одебелишь и омрачишь ум, приведешь кровь свою в разгорячение, в особенную способность к волнению, чем будет наветываться и разрушаться твое внимание себе, твое трезвение. Трезвение непременно требует физического спокойствия крови, доставляемого первоначально благоразумным воздержанием. Кровь приводится в весьма разнообразное движение страстями, которые, в свою очередь, так разнообразны, что нередко противодействуют одна другой, причем одно движение крови уничтожается другим; но все эти разнообразные движения крови непременно сопряжены с рассеянностию, мечтательностию, обильным нашествием помыслов и ласкательствующих самолюбию картин. Обильное нашествие помыслов и мечтательность всегда сопутствуются приведением крови в усиленное движение, неестественное. Это движение есть движение греховное, плод и явление падения. Об этом движении крови сказано, что оно не способно наследовать Царство Небесное[3]: то есть человек, позволяющий себе приводить

[1] Отселе заимствовано из 5-го Слова преподобного Нила Сорского. ‖ [2] Доселе из преподобного Нила. ‖ [3] 1 Кор. 15. 50. Поклоны, как выше сказано (главы 21 и 22), согревают тело естественно, что располагает, оживляет человека для душеспасительной деятельности. Отвлекает от этой деятельности противоестественное разгорячение крови, совершившееся под влиянием какой-либо страсти.

кровь свою в такое движение и услаждающийся им, не способен к приятию Божественной благодати. Тем опаснее это движение крови, что оно понимается весьма немногими. Напротив того, многие принимают греховное движение крови в себе за действие добра и последуют своему ошибочному влечению, как бы влечению, внушенному святою, богоугодною истиною. Замечай, при появлении обильных, вне обыкновенного порядка, помыслов и мечтаний, то состояние, в которое придет тогда кровь твоя: и научишься понимать ее греховное движение, и охраняться от него. Воды Силоамские истекают тихо из своего источника[1]: богоугодные добродетели истекают из повиновения Богу, сопровождаются смирением, а не разгорячением, не порывами, не самомнением и тщеславием, неразлучными спутниками греховного кровяного разгорячения. Кровь движется иначе при гневных помыслах и мечтаниях, и иначе при блудных; иначе при тщеславных, и иначе при корыстолюбивых; иначе при помыслах и мечтаниях печали и уныния, иначе при ожесточении, иначе при гордости, и так далее. По этой причине пост есть начальное орудие всех добродетелей. — Как должно остерегаться от пресыщения, точно так должно остерегаться и от излишнего воздержания. Излишнее воздержание ослабляет тело, уничтожает в нем бодрость и свежесть, необходимые для трезвения, которое увядает и ослабевает в то время, когда телесные силы изнемогают и увядают. «Если понудишь немощное тело, — сказал преподобный Исаак Сирский, — на дела, превышающие его силы, то ввергаешь душу твою в сугубое омрачение и доставляешь ей смущение (а не пособие). Но если предашь покою и праздности тело крепкое, то в душе, живущей в нем, усиливаются все страсти. (При этом) если б кто и очень желал добра, малопомалу отнимается у него и самая мысль о добре, которого он желал... Мера и известные пределы в жительстве просвещают мысль и отгоняют смущение. Смущением мысли от беспорядочного (безрассудного) жительства производится в душе омрачение, а омрачением расстройство»[2]. Благоразумным воздержанием доставляется неуклонное пребывание в трезвении. Неуклонное пребывание в трезвении дозволяет неуклонно последовать учению Евангелия. Евангельское учение есть единственный источник всех истинных, христианских, богоугодных добродетелей.

[1] Ис. 6. 6. || [2] Слово 85.

Глава 35
О пользе и вреде от телесных подвигов

В раю, по преступлении праотцами заповеди Божией, в числе казней, которым подвергся человек, упоминается казнь — проклятие земли. *Проклята земля в делех твоих,* изрек Бог Адаму, *в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную. В поте лица твоего снеси хлеб твой*[1]. Проклятие доселе лежит на земле, и явно — для всех. Не престает она давать из себя плевелы, хотя никто не сеет их. Орошается она потом земледельца, и только при посредстве потового, часто кровавого труда, доставляет те травы, которых семена служат пищею для человека и называются хлебом.

Изреченная Богом казнь имеет и духовное значение. Столько же верно исполняется карающее человека определение Божие в духовном отношении, как и в вещественном[2]. Святые Отцы под именем земли разумеют сердце. Как земля, по причине поразившего ее проклятия, не престает из поврежденного естества своего, сама собою, производить волчцы и терние, так и сердце, отравленное грехом, не престает рождать из себя, из своего поврежденного естества, греховные ощущения и помышления. Как о посеве и насаждении плевелов никто не заботится, но их производит само собою извращенное естество, так и греховные помыслы и ощущения сами собою зачинаются и прозябают в человеческом сердце. В поте лица добывается вещественный хлеб: при усиленном труде, душевном и телесном, насевается хлеб небесный, доставляющий вечную жизнь, в сердце человеческое; при усиленном труде он растет, пожинается, соделывается способным к употреблению, сохраняется. Хлеб небесный — Слово Божие. Труд при насаждении Слова Божия в сердце требует таких усилий, что он назван подвигом. Человек обречен снедать *в печалех землю вся дни* земной жизни своей, а *хлеб в поте лица:* здесь под именем земли должно разуметь плот-

[1] *...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица будешь есть хлеб* (Быт. 3. 17–19). || [2] Преподобного Марка Подвижника Слово 7 О пощении и смирении; — святого Исаака Сирского Слово 19; — Преподобного Макария Великого Беседа 26, гл. 21.

ское мудрование, которым человек, отступивший от Бога, обыкновенно управляется во время земной жизни своей, подвергаясь по причине плотского мудрования непрестанному попечению и помышлению о земном, непрестанным скорбям и огорчениям, непрерывному смущению; только один Христов служитель питается во время пребывания на земле небесным хлебом в поте лица, при постоянной борьбе с плотским мудрованием, при постоянном труде возделывания добродетелей. Земля для обработки нуждается в различных железных орудиях, плугах, боронах, лопатах, которыми она переворачивается, разрыхляется, смягчается: так и наше сердце, средоточие плотских ощущений и плотского мудрования, нуждается в обработке постом, бдением, коленопреклонениями и прочими удручениями тела, чтоб преобладание плотского, страстного ощущения уступило преобладанию ощущения духовного, а влияние плотских, страстных помыслов на ум лишилось той непреодолимой силы, которую оно имеет в людях, отвергших подвижничество или небрегущих о нем. Кто вздумал бы посеять семена на земле, не возделав ее, тот лишь погубит семена, не получит никакой прибыли, причинит себе верный убыток: точно так и тот, кто, не обуздав плотских влечений сердца и плотских помышлений ума подобающими телесными подвигами, вздумал бы заняться умною молитвою и насаждением в сердце заповедей Христовых, не только будет трудиться напрасно, но и может подвергнуться душевному бедствию, самообольщению и бесовской прелести, навлечь на себя гнев Божий, как навлек его пришедший на брачный пир в небрачной одежде[1]. Земля, возделанная самым тщательным образом, сильно удобренная, мелко разрыхленная, но оставленная незасеянною, тем с большею силою родит плевелы: так и сердце, возделанное телесными подвигами, но не усвоившее себе евангельских заповедей, тем сильнее произрастает из себя плевелы тщеславия, гордыни и блуда. Чем лучше возделана и удобрена земля, тем она способнее к произращению густых и сочных плевелов: чем сильнее телесный подвиг инока, небрегущего о евангельских заповедях, тем сильнее и неизлечимее в нем самомнение. Земледелец, имеющий у себя много превосходных земледельческих орудий, восхищающийся этим, но не возделывающий ими земли,

[1] Мф. 22. 12.

только обольщает и обманывает себя, не получая никакой прибыли: так и подвижник, имеющий пост, бдение и другие телесные подвиги, но небрегущий о рассматривании себя и управлении собою при свете Евангелия, только обманывает себя, надеясь тщетно и ошибочно на подвиги; он не получит никакого духовного плода, не накопит духовного богатства. Тот, кто вздумал бы возделать землю, не употребляя земледельческих орудий, потрудится много, и потрудится напрасно: так и тот, кто без телесных подвигов захочет стяжать добродетели, будет трудиться напрасно, потеряет время невознаградимое, невозвращающееся, истратит душевные и телесные силы, не приобретет ничего. Кто вздумает постоянно перепахивать свою землю, тот никогда ничего не посеет и не пожнет: так и тот, кто непрестанно будет заниматься одним телесным подвигом, утратит возможность заняться душевным подвигом, насаждением в себя евангельских заповедей, от которых в свое время рождаются духовные плоды. Телесные подвиги необходимы для того, чтоб землю сердечную соделать способною к принятию духовных семян и к принесению духовных плодов; оставление подвигов или небрежение о них соделывает землю неспособною к посеву и плоду; излишество в них, упование на них столько же или и более вредно, чем оставление их. Оставление телесных подвигов соделывает человеков подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям; излишество их делает человеков подобными бесам, способствуя распложению и усилению душевных страстей. Оставляющие телесный подвиг подчиняются чревообъядению, блуду, гневу в грубых его проявлениях; несущие неумеренный телесный подвиг, безрассудно употребляющие его или возлагающие на него все упование свое, видящие в нем свою заслугу пред Богом, свое достоинство впадают в тщеславие, самомнение, высокоумие, гордость, ожесточение, в презрение ближних, уничижение и осуждение их, в памятозлобие, ненависть, хулу, раскол, ересь, в самообольщение и бесовскую прелесть. Дадим всю должную цену телесным подвигам, как орудиям, необходимым для стяжания добродетелей, и остережемся признать эти орудия добродетелями, чтоб не впасть в самообольщение и не лишиться духовного преуспеяния по причине ложного понятия о христианской деятельности. Телесный подвиг нужен даже и для святых, соделавшихся храмами Святого Духа, чтоб тело, оставленное

без обуздания, не ожило для страстных движений и не послужило причиною появления в освященном человеке скверных ощущений и помыслов, столько несвойственных для нерукотворенного, духовного храма Божия. Это засвидетельствовал святой апостол Павел, сказав о себе: *Умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду*[1]. Преподобный Исаак Сирский говорит, что разрешение, то есть оставление поста, бдения, безмолвия и прочих телесных подвигов, этих пособий к благочестивой жизни, дозволение себе постоянного покоя и наслаждения, повреждает и старцев и совершенных[2].

Глава 36
О ревности душевной и духовной

Иноку надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, представляющейся по наружности благочестивою, в сущности — безрассудной и душевредной. Мирские люди и многие монашествующие, по незнанию своему, очень похваляют такую ревность, не понимая, что ее источники суть самомнение и гордость. Эту ревность они величают ревностию по вере, по благочестию, по Церкви, по Богу. Она заключается в более или менее жестком осуждении и обличении ближних в их нравственных погрешностях и в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоразумные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым Отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, — не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по повелению Божию, по обязанности своей, по внушению Святого Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто ж решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумнее и добродетельнее обличаемого им, что он действует по увлечению страстию и по обольщению демонскими помыслами. Подобает помнить заповедание Спасителя: *Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из*

[1] *Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9. 27). [2] Слово 90.

очесе твоего: и се, бревно в оце твоем. Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего[1]. Что такое — бревно? Это — плотское мудрование, дебелое, как бревно, отъемлющее всю способность и правильность у зрительной силы, дарованной Создателем уму и сердцу. Человек, водимый плотским мудрованием, никак не может правильно судить ни о своем внутреннем состоянии, ни о состоянии ближних. Он судит о себе и о других так, как представляется себе он сам и как представляются ему ближние по наружности, по его плотскому мудрованию, ошибочно; и потому Слово Божие весьма верно именовало его лицемером. Христианин, по исцелении себя Словом Божиим и Духом Божиим, получает правильный взгляд на свое душевное устроение и на душевное устроение ближних. Плотское мудрование, поражая бревном согрешающего ближнего, всегда смущает его, нередко губит, никогда не приносит и не может принести пользы, нисколько не действует на грех. Напротив того, духовное мудрование действует исключительно на душевный недуг ближнего, милуя ближнего, исцеляя и спасая его. Достойно замечания, что по стяжании духовного разума, недостатки и погрешности ближнего начинают казаться весьма маловажными, как искупленные Спасителем и удобно врачуемые покаянием — те самые погрешности и недостатки, которые плотскому разуму казались необъятно великими и важными. Очевидно, что плотское мудрование, будучи само бревном, придавало им такое огромное значение. Плотское мудрование видит в ближнем и такие грехи, каких в нем вовсе нет: по этой причине увлекавшиеся безрассудною ревностию часто впадали в оклеветание ближнего и соделывались орудием и игралищем падших духов. Преподобный Пимен Великий рассказывал, что некоторый инок, увлекшийся ревностию, подвергся следующему искушению: он увидел другого инока лежащим на женщине. Долго боролся инок с помыслом, понуждавшим его остановить согрешающих, и, наконец, побежденный, толкнул их ногою, сказав: «Перестаньте же!» Тогда оказалось, что это были два снопа[2]. Преподобный

[1] *И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7. 3–5). || [2] Алфавитный патерик.

авва Дорофей рассказывает, что в бытность его в общежитии аввы Серида некоторый брат оклеветал другого брата, будучи увлечен безрассудною ревностию, которая всегда сопряжена с подозрительностию и мнительностию, очень способна к сочинениям. Обвинивший винил обвиняемого в том, что этот рано утром крал из сада смоквы и ел их: по произведенному игуменом исследованию оказалось, что оклеветанный в указанное утро находился не в монастыре, а в одном из соседних селений, будучи послан туда экономом, и возвратился в монастырь только к тому времени, как оканчивалась Божественная Литургия[1]. Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением евангельских заповедей относительно ближнего. Не дерзни обличать его! не дерзни учить его! не дерзни осуждать и укорять его! Это — деяние не веры, а безрассудной ревности, самомнения, гордыни. Спросили Пимена Великого: «Что такое вера?» Великий отвечал: «Вера заключается в том, чтоб пребывать в смирении и творить милость»[2], то есть смиряться пред ближними и прощать им все оскорбления и обиды, все согрешения их. Так как безрассудные ревнители в начальную причину своей ревности выставляют веру, то да знают они, что истинная вера[3], а следовательно и истинная ревность, должны выражаться в смирении пред ближними и в милости к ним. Предоставим суд над человеками и обличение человеков тем человекам, на которых возложена обязанность судить братий своих и управлять ими. «Имеющий ложную ревность, — сказал святой Исаак Сирский, — недугует великим недугом. О человек, мнящий износить ревность против чужих недугов, ты отрекся от здравия души твоей! Потрудись со тщанием о здравии души твоей. Если же желаешь уврачевать немощных, то знай, что больные нуждаются более в уходе за ними, нежели в жестких обличениях. Но ты, иным не помогая, сам себя ввергаешь в тяжкую и мучительную болезнь. Эта ревность в человеках не признается одним из видов премудрости, но причисляется к недугам души, есть признак скудости (духовного) разума, признак крайнего невежества. Начало премудрости Божией — тихость и кротость,

[1] Преподобного Аввы Дорофея Поучение 9. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Здесь разумеется вера деятельная, а не догматическая. О различии их смотри Добротолюбие. Ч. 2. Иноков Каллиста и Игнатия гл. 16.

свойственные великой и крепкой душе, основательнейшему образу мыслей, и носит человеческие немощи. *Вы* бо *сильнии*, говорит Писание, *немощи немощных носите*[1], и: *согрешающаго исправляйте духом кротости*[2]. Мир и терпение причисляет Апостол к плодам Святого Духа»[3]. В другом Слове преподобный Исаак говорит: «Не возненавидь грешного, потому что мы все грешны. Если ты ради Бога подвизаешься против него (грешника), то пролей о нем слезы. Для чего же ты и ненавидишь его? Возненавидь грехи его, а о нем помолись, и тем уподобишься Христу, Который не негодовал на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как Он плакал о Иерусалиме? И мы во многих случаях служим посмешищем для диавола. Зачем же ненавидим того, над кем посмевается посмевающийся и над нами, диавол? Зачем ты, о человек, ненавидишь грешника? За то ли, что он не так праведен, как ты? Где же твоя правда, когда у тебя нет любви! Отчего ты не восплакал о нем, но гонишь его? Некоторые, мнящие о себе, что они здраво судят о делах грешников и (по этому поводу) гневаются на них, действуют так из своего невежества»[4]. Великое бедствие — самомнение! Великое бедствие — отвержение смирения! Великое бедствие — то душевное устроение и состояние, при котором инок, не будучи призван или вопрошаем, по собственному сознанию своего достоинства, начинает учить, обличать, укорять ближних! Будучи спрошен, или откажись дать совет и сказать свое мнение, как ничего не знающий, или, при крайней нужде, скажи с величайшей осторожностию и скромностию, чтоб не уязвить себя тшеславием и гордостию, а ближнего словом жестким и безрассудным. Когда за труд твой в вертограде заповедей Бог сподобит тебя ощутить в душе твоей ревность Божественную, тогда ясно увидишь, что эта ревность будет побуждать тебя к молчанию и смирению пред ближними, к любви к ним, к милованию их, к соболезнованию о них, как сказал святой Исаак Сирский[5]. Божественная ревность есть огнь, но не разгорячающий крови! он погашает в ней разгорячение, приводит в спокойное состояние[6]. Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови, с нашествием многочисленных помыслов и меч-

[1] *...должны сносить немощи бессильных* (Рим. 15. 1). || [2] *...исправляйте ...в духе кротости* (Гал. 6. 1). || [3] Слово 89. || [4] Слово 90. || [5] Слово 38. || [6] Добротолюбие. Ч. 1. Собеседование преподобного Максима Капсокаливи с преподобным Григорием Синаитом.

таний. Последствиями слепой и невежественной ревности, если ближний ей воспротивится, обыкновенно бывают негодование на него, памятозлобие, мстительность в различных видах, а если покорится — тщеславное довольство собою, возбуждение и умножение наших высокоумия и самомнения.

Глава 37
О милостыни

Новоначальный инок не должен подавать вещественной милостыни нищим, исключая какого-нибудь особенного случая, когда необходимо оказать ближнему пособие, и этому ближнему нет другого средства получить пособие[1]. Подаяние милостыни нищим есть добродетель мирских людей, которых добродетель сообразна жительству, то есть вещественна и не чужда примеси. Преуспевшие иноки, стяжавшие дар рассуждения или призванные на то Богом, могут подавать милостыню нищим. Они обязаны удовлетворять служению этому как своему долгу, признавая себя орудиями Промысла Божия, признавая себя облагодетельствованными доставлением средства благодетельствовать, признавая себя облагодетельствованными более тех, которым они благодетельствуют. Новоначальный монах, подавая самопроизвольно милостыню нищим, непременно увлечется тщеславием и впадет в самомнение. Если имеешь какой избыток, то раздай его нищим, доколе ты еще не вступил в монастырь. Так повелевает евангельская заповедь. Господь сказал юноше, желавшему достигнуть совершенства добродетелей: *Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и приими, и ходи вслед Мене, взем крест*[2]. Раздаянием имения предваряется взятие креста. При сохранении имения невозможно принятие и ношение креста[3]: крест будет постоянно сниматься с рамен и заменяться средствами, доставляемыми имением, а вера в единого Бога и зрение Бога верою будут уничтожаться упованием на имение и вниманием к нему. Святые мученики и иноки старались со всею точно-

---

[1] Добротолюбие. Ч. 1. Преподобного Симеона Нового Богослова глава 16. ‖ [2] *...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19. 21; Мк. 16. 21). ‖ [3] Лк. 14. 33.

стию исполнить вышеприведенную заповедь Господа пред начатием своего подвига. Первые пред исшествием на видимые муки расточали имение нищим или, по недостатку времени, завещевали богозаповеданное распоряжение имуществом родственникам и друзьям. Вторые поступали точно так же пред исшествием на невидимое мученичество. Подвиг иноческий есть невидимое, но в полном смысле мученичество для того, кто проходит этот подвиг как должно. Предварим вступление в монастырь раздаянием нашего имущества, запечатлеем вещественною милостию, одною из величайших вещественных добродетелей, наше вещественное жительство посреди мира. Для вступившего же в монастырь предлежит другого рода милостыня: милостыня невещественная. Она заключается в том, чтоб мы не осуждали ближних, когда они согрешают, но миловали их, чтоб даже не судили о ближних, говоря о одних хорошо, а о других худо: такой суд непременно сопряжен с отвержением смирения, с гордынею, присваивающею человеку то, что принадлежит единому Богу. Невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы не воздавали злом за зло, но за зло воздавали добром; невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы прощали все оскорбления и обиды, наносимые нам ближними, а по отношению к себе признавали эти оскорбления и обиды истинными благотворениями, очищающими нас от греховной скверны. Короче: иноческая милостыня заключается в последовании Христу, то есть в тщательном исполнении евангельских заповедей и в ношении креста; то есть в благодушном терпении и в тщательном понуждении себя к терпению всех скорбей, которые благоволит Божий Промысл попустить нам во время нашего земного странствования во спасение наше. Без второго не может состояться первое: последование Христу не может состояться без приятия креста и признания в нем новозаветной правды и оправдания Божиих. Для преуспевших и призванных на то Богом иноков невещественная милостыня заключается в преподавании ближним слова Божия. Невещественная милостыня столько выше вещественной, по учению святых Отцов, сколько душа выше тела[1]. Для того чтоб подавать вещественную милостыню, должно стараться приобретать вещественное иму-

[1] Лествица. Слово к пастырю.

щество; для того чтоб подавать невещественную милостыню, должно стараться и заботиться о обогащении себя духовным богатством: учением Христовым. Если, каким-нибудь образом, достанется тебе имущество по вступлении в монастырь, то постарайся немедленно переместить его на небо посредством милостыни. Вручи доставшееся тебе имущество настоятелю или какому другому, известному тебе своею добросовестностию, лицу и предоставь ему раздаяние твоего имущества. Не дерзни распорядиться сам и самопроизвольно! иначе нанесешь вред душе твоей. По передаче имущества твоего распорядителю не подозревай его, не поверяй его: предоставь дело его совести, а себя не ввергай в попечения и подозрения во вред душе твоей. Ты исполнил свою обязанность, и никакого нет тебе дела до того, как исполняет обязанность свою распорядитель: он *своему Господеви стоит, или падает*[1].

Глава 38
О нестяжании

Всякий, поступивший в монастырь и принявший на себя благое иго Христово, должен непременно пребывать в нестяжательности, довольствуясь самонужнейшим и охраняясь от излишества в одежде, в келейных принадлежностях, в деньгах. Имуществом, богатством, сокровищем инока должен быть Господь наш, Иисус Христос. К Нему должны быть обращены и постоянно устремлены взоры ума и сердца; в Нем должна сосредоточиваться надежда наша; на Него должно быть возложено все упование наше; мы должны быть сильны верою нашею в Него. Такого душевного настроения невозможно иноку сохранить при имуществе. — Заповедь о нестяжательности дана Самим Господом. *Не скрывайте себе сокровищ на земли,* повелевает Он нам, *идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкапывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкапывают, ни крадут*[2]. Постановив

[1] *Перед своим Господом стоит он, или падает* (Рим. 14. 4). 249, 250 и 251 ответы преподобного Варсонофия Великого. || [2] *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6. 19, 20).

заповедь, Господь изложил и причину постановления ее. Он сказал: *Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше*[1]. *Не можете Богу работати и мамоне*[2]. Если инок имеет деньги или какие дорогие вещи, то невольно, по каким-то неотложным и неотразимым необходимости и закону, надежда его нисходит от Бога к имуществу. На имущество он возлагает свое упование; в имуществе он видит свою силу; в нем видит средство уклониться от влияния превратностей, могущих встретиться на поприще земной жизни; в имущество сосредоточиваются его любовь, его сердце и ум, все существо его. И делается сердце вещелюбца жестким и чуждым всякого духовного ощущения, как жестко и бесчувственно вещество. Копление денег и другого имущества инокам есть поклонение идолу, по определению Апостола[3]. Идолопоклонство непременно сопряжено с отречением от Бога. Омраченный вещелюбец не замедляет пожать плоды своего самообольщения: приходит смерть, о которой в омрачении своем и упоении земным благосостоянием он совсем забыл, восхищает его из среды богатства его; капиталы и наполненные кладовые, на которые он уповал, остаются для других, не принесши ему даже никакой временной пользы, отчуждивши его от Бога[4]. Дух Святой оплакивает состояние человека, обманутого обольщением богатства, в страшной и гибельной нищете духа вступающего в вечность, — говорит: *Се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею*[5]. Каким образом от пристрастия к тленному имуществу совершается в глубине души отречение от Бога, которое при удобном случае не преминет вынаружиться, можно видеть из следующей повести, сохраненной нам церковною историею: «Некто Павел, пресвитер, пребывал в пустынной горе, скрываясь от идолопоклонников-гонителей. Он имел при себе значительное количество золота. К нему присовокупились пять дев инокинь, также избегавших преследования. Эти девы сияли добродетелями и были

[1] *Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6. 21). ‖ [2] *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6. 24). ‖ [3] Еф. 5. 5. ‖ [4] Лк. 12. 15–22. ‖ [5] *«Вот человек, который не в Боге полагал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего, укреплялся в злодействе своем»* (Пс. 51. 9).

исполнены благоуханием Святого Духа. Они жили при пресвитере Павле, упражняясь с ним в молитвах и в исполнении Божественных заповедей. Некоторый неблагонамеренный человек, узнав о их местопребывании, известил начальника волхвов при персидском царе Сапоре, что христианский пресвитер, имеющий много золота, скрывается в горе с пятью девами инокинями. «Если хочешь, — говорил доноситель вельможе, — приобрести себе золото, то вели взять их и представить пред тебя на суд; когда же они не захотят отречься от своей веры, тогда ты отрубишь им головы, а золото возьмешь себе». Вельможа немедленно исполнил данный ему совет: представил пресвитера с инокинями и его золотом на суд пред себя. Тогда пресвитер сказал вельможе: «По какой причине ты отнимаешь у меня имение мое, между тем как я ни в чем не виноват пред тобою?» Вельможа: «По той причине, что ты христианин и не повинуешься повелению царя». Павел: «Господин мой! прикажи мне, что хочешь». Вельможа: «Если ты поклонишься солнцу, — возьми твое, и иди, куда знаешь». Павел посмотрел на свое золото и сказал: «Что приказываешь мне сделать, то сделаю». И немедленно он поклонился солнцу, вкусил идольских жертв, и пил идоложертвенную кровь. Вельможа, видя, что намерение его не удалось, сказал: «Если ты уговоришь и постниц твоих, чтоб они, так же, как и ты, поклонились солнцу, потом вышли замуж или вдались в прелюбодеяние, тогда, взяв свое золото и постниц, иди с ними, куда желаешь». Павел пошел к постницам и говорит им: «Вельможа взял имение мое, и вам повелевает исполнить волю царя. Вот я поклонился солнцу и ел идоложертвенное; приказываю и вам сделать то же самое». Инокини сказали как бы едиными устами: «Несчастный! не довольно ли для тебя твоей погибели? как ты осмелился говорить с нами? ныне ты сделался вторым Иудою, и, как он, ради золота, предал Учителя своего и Владыку на смерть. Иуда, взявши золото, пошел и удавился. И ты, окаянный, соделался вторым Иудою по нравственности твоей! ради золота ты погубил душу твою, не вспомнив о том богаче, который, получив большое богатство, сказал душе своей: *душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися,* и за это услышал: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе:*

а яже уготовал еси, кому будут[1]. Говорим тебе, как бы предстоя Самому Богу, что над тобою совершится и то и другое; и то, что случилось с Иудою, и то, что случилось с богачом». Сказав это, они плюнули в лицо отступника. Тогда, по повелению вельможи, инокини были биты жестоко и долго. Под ударами они вопияли: «Мы поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу, а повелению твоего царя не повинуемся; ты же делай, что делаешь». — Вельможа, изыскивая все средства, как бы завладеть золотом, повелел Павлу собственноручно отсечь головы истинно мудрым тем девам, думая, что Павел не захочет этого сделать, и тогда вельможа взял бы золото. Несчастный Павел, услышав это и опять посмотрев на свое золото, сказал вельможе: «Что приказываешь мне сделать, сделаю». — Взяв меч, он подошел к постницам. Увидев это, святые девы ужаснулись и единогласно сказали ему: «Окаянный! до вчерашнего дня ты был нашим пастырем, а ныне пришел, как волк, пожрать нас. Таково ли твое учение, которое ты ежедневно повторял нам, увещевая, чтоб мы охотно умерли за Христа! ты сам нисколько не захотел пострадать за Него, но, не задумавшись ни на минуту, отвергся Его. Где святые Тело и Кровь, которые мы принимали от нечистой руки твоей? Знай, что меч, который ты держишь в руке, есть ходатай для нас живота вечного. Мы отходим к Учителю нашему, Христу; ты же, как мы предрекли тебе, скоро будешь удавлен веревкою и соделаешься сыном геенны вместе с учителем твоим Иудою». Сказав ему это и присовокупив еще нечто, они помолились. Павел отсек им головы. Тогда вельможа сказал ему: «Ни один из христиан не исполнил воли царя так, как исполнил ты. По этой причине не могу отпустить тебя без личного царского повеления. Когда я расскажу ему, и он узнает о том, что ты сделал, то сподобит тебя великих почестей. Теперь возвеселись с нами и пребудь близ нас в помещении, которое отведут тебе. Завтра доложим о тебе царю». Отступник отвечал: «Да будет по слову твоему». Ночью вельможа послал рабов своих тайно удавить Павла веревкою в отведенном ему помещении, а сам с наступлением утра, притворяясь ничего не знающим, пришел посетить его.

---

[1] *...душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. ...Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя: кому же достанется то, что ты заготовил* (Лк. 12. 19, 20).

Нашедши его висящим на веревке и удавленным, он осудил его, признав самоубийцею, велел вынести за город, а там подвергнуть на съедение псам, а имение его присвоил себе»[1].

Инок, проводящий трезвенную жизнь и рассматривающий в себе самом грехи или падение человечества, удобно заметит, что при получении по какому-нибудь случаю ценной вещи или значительного числа денег тотчас же является в сердце упование на это имущество, а упование на Бога хладеет и ослабевает. Если не остеречься, то не замедлит явиться и привязанность к имуществу. Привязанность или пристрастие к имуществу легко могут обратиться в страсть, по причине которой совершается незаметным образом отречение от Христа в сердце, хотя уста и продолжают исповедывать Его, призывать Его в молитвах, проповедывать учение Его. Когда одна какая-либо убийственная страсть возобладает человеком, тогда прочие страсти умолкают в нем; диавол престает наносить ему брани и искушения, храня в нем, как свое сокровище, как верный залог его погибели, заразившую его смертоносную страсть. Человек, убитый грехом в тайне сердца, привлеченный им к самым вратам ада, часто представляется для других святым и назидательным, как представлялся инокиням Павел, доколе опыт не разоблачит его, как разоблачил Павла. Кто желает сосредоточить в Боге упование и любовь свою, тот должен стараться о том, чтоб пребывать в нестяжании, а подающиеся ему деньги и ценные вещи употреблять на приобретение богатства в вечности[2]. Начало всех духовных благ — вера во Христа, во Евангелие, вера живая, доказываемая исполнением евангельских заповедей делами, жизнию: естественно, что *сребролюбие*, искореняющее из сердца веру, *есть корень всем злым*[3].

Глава 39
О человеческой славе

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом; подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа. *Како вы можете веровати*, говорил Господь современным ему представителям иудейского народа,

[1] Алфавитный патерик и Vies des pères des deserts d'Orient. Tom. IX, chap. XVI. || [2] Лк. 16. 9. || [3] 1 Тим. 5. 40.

славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога не ищете[1]. Многие из важнейших иудеев уверовали в Господа, но, свидетельствует Евангелист, *фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут: возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию*[2]. Иудеи сделали постановление, которым воспрещалось участвовать в собраниях синагоги всякому, исповедующему Богочеловека обетованным Мессиею[3]. Тщеславие питается похвалою человеческою и преимуществами, изобретаемыми плотским мудрованием и возникающими из нашего падения. Оно питается богатством, знатностию рода, громкими именами, которыми увенчиваются служение и угодливость миру, и прочими суетными почестями. По такому свойству своему слава земная и человеческая прямо противоположна славе Божией. Начала славы человеческой и пути к ней совсем другие, нежели начала славы Божией и пути к достижению ее. Начала тщеславия и славолюбия основываются на ложных понятиях о мнении и силе человеческих, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или беззаконно это человекоугодие, до того дела нет искателям человеческой славы, лишь бы оно достигало своей цели. Начало вожделения славы Божией и стремления к ней основываются на живой вере во всемогущество Божие и в неизреченную милость Его к падшему человеку. Падший человек посредством покаяния и исполнения евангельских заповедей может примириться с Богом, стяжать у Бога, выразимся так для ясности, благое о себе мнение, как сказано в Писании от лица Божия человеку, которого дела оказались угодными Богу: *Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*[4]. Сообразно начальной причине своей, деятельность человека, желающего стяжать славу Божию, заключается в тщательном и постоянном Богоугождении, или в последовании Господу с крестом своим на раменах, в уго-

[1] *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, ни ищете* (Ин. 5. 44). ‖ [2] *...ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12. 42, 43). ‖ [3] Ин. 9. 22. ‖ [4] *...хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего* (Мф. 25. 23).

ждении ближним, допускаемом и установляемом евангельскими заповедями. Такое угождение отнюдь не удовлетворяет и даже приводит в негодование сынов мира, которые ищут и требуют неограниченного угождения страстям своим и своему самообольщению, за что и награждают земною славою человекоугодника, враждебного Богу и истинному благу ближних. — *Аще кто Мне служит,* сказал Господь, *Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет: и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой*[1]. Между прочими нравственными правилами Богочеловека, чертами Его всесвятого характера, находится отвержение славы человеческой. *Славы от человек не приемлю,* сказал Господь о Себе[2]. Хотя Он — Царь царей, но *Царство* Его *несть от мира сего*[3]. Когда народ хотел провозгласить Его царем, то Он удалился в пустынную гору, научая и нас, по объяснению блаженного Феофилакта Болгарского, убегать почестей и славы[4]. Когда во время собеседования после Тайной вечери ученики сказали Господу: *ныне вемы, яко веси вся и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси:* тогда Господь не выразил никакого сочувствия к этим словам, заключающим в себе похвалу человеческую и одобрительное мнение человеческое. Напротив того, ведая близкое малодушие учеников и научая необновленного человека не уповать на свое падшее естество, способное к неожиданной, внезапной переменчивости, Он возразил им: *Ныне ли веруете? Се, грядет час, и ныне прииде, да разыдется кийждо во своя и Мене оставите единаго*[5]. Христос, принявший на Себя человечество, страданиями и крестом взошел, по человечеству, во славу Свою[6], которая, по Божеству, всегда была Его славою[7]. Мы должны последовать Христу: исполнением заповедей и терпением всех, попускаемых нам скорбей, соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Христос *Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек, смирил Себе, по-*

[1] *Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почтит Отец Мой* (Ин. 12. 26). ‖ [2] Ин. 5. 41. ‖ [3] *...Царство... не от мира сего* (Ин. 18. 36). ‖ [4] Ин. 6. 15. ‖ [5] *Теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя, посему веруем, что Ты от Бога исшел. ...Теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою* ***сторону*** *и Меня оставите одного* (Ин. 16. 30–32). ‖ [6] Лк. 24. 26, 40. ‖ [7] Ин. 17. 5.

слушлив быв до смерти, смерти же крестныя. Тем же и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене. Да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних: и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца[1]; так и мы должны смириться извне и внутри себя, чтоб соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Залоги славы, даруемые Богочеловеком последователю Его во время земного странствования, состоят в различных дарах Святого Духа; в будущем веке Божественная слава обымет последователей и учеников Христовых и извне и внутри в такой полноте и в таком величии, каких ум человеческий представить себе не может[2]. По этой причине преподобные Отцы наши, святые иноки, старались избегать, как смертоносного яда, всего, что приводит к тщеславию, доставляет человеческую славу. Самый Божественный Промысл, как это со всею ясностию можно усмотреть из жизнеописаний угодников Божиих, не попускает избранным Божиим во время их земного странствования пребывать в отраде, в постоянном земном благополучии и в земной славе. Земное странствование их всегда преисполнено скорбей вольных и невольных. Как сладкая пища, постоянно употребляемая, повреждает желудок, так слава человеческая, нерастворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, непрерываемой дождями, увядают и сохнут хлеба и травы, в плодах заводятся черви, так от постоянного земного счастия слабеют и уничтожаются в человеке добрые качества, зарождаются в его сердце самомнение, гордыня и блудные вожделения. Святой Исаак Сирский сказал: «Едва ли найдется человек, который мог бы понести честь, а, может быть, и вовсе не найдется такого: это происходит от способности скоро подвергаться изменениям»[3]. Способность скоро изменяться, доказанная опытами[4], служит причиною, что Бог, уготовавший рабам Своим вечную, непременяющуюся честь и славу на небеси, не благоволит,

[1] *Он... уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2. 6–11). || [2] 1 Кор. 2. 9. || [3] Слово 1. || [4] См., например, Алфавитный патерик: *Повесть о Евлогии Каменосечце*.

чтоб они в сем непостоянном и превратном мире были почитаемы постоянно суетным и временным почитанием, как заметил блаженный Симеон Метафраст в жизнеописании великомученика Евстафия Плакиды[1]. Те из святых мужей, которым Бог, сообразно их значительным естественным способностям и духовному преуспеянию, предоставил высокое служение в Церкви, подвергались особенным гонениям, бесчестиям, поруганиям, озлоблениям, страданиям: в этом удостоверяют жизнеописания и Афанасия Великого, и Григория Богослова, и Василия Великого, и Иоанна Златоустого, и других светильников Церкви. Попускаемые им напасти предохраняли их от душевного повреждения, которое легко могло бы появиться от величия сана и почитания человеческого[2]. «Прилежно внимай себе, — сказал преподобный Исаия Отшельник, — чтоб тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и погибели душевной, как вечной муки»[3]. Если посмотреть внимательно на себя и на человечество, то невозможно не убедиться в справедливости совета, преподанного святым отшельником; невозможно не увидеть, что стремление к славе человеческой и к человеческим почестям сводит инока с тесного спасительного пути, проложенного Богочеловеком и пройденного всеми последователями Его. Мало этого! самое учение о тесном и прискорбном пути делается для сочувствующих человеческой славе странным, диким, безрассудным; они насмехаются над ним и над возвещающими его, как насмехались фарисеи, будучи миролюбцами, над учением Господа о самоотвержении. Но Господь дал это учение, как необходимое врачевство и пособие в стране изгнания и самообольщения для освобождения нас от лжи, от пленивших и пленяющих нас посредством лжи[4]. Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме Креста Христова. Ключ этот подается десницею Божиею тем, которые произволяют войти в Царство Божие, и они сами стараются приобрести его, о приобретенном радуются и веселятся, как о залоге вечного, неизреченного блаженства. Говорит преподобный Симеон Новый Богослов: «С несомненною верою в Бога отрекшийся мира и всего принадлежащего миру верует, что Господь щедр и милостив, приемлет

[1] Житие великомученика Евстафия Плакиды. Четьи-Минеи сентября 20 дня. || [2] Смотри о сем в 47 Слове святого Исаака Сирского. || [3] Слово 28, на слова *Внемли себе.* || [4] Лк. 16. 14.

приступающих к Нему с покаянием, воздает почесть рабам Своим чрез бесчестие, обогащает их посредством нищеты, прославляет при посредстве досаждений и уничижений и соделывает их причастниками и наследниками вечной жизни посредством смерти. Верующий спешит как жаждущий елень, восходит сими ступенями к бессмертному и горнему началу, как по лествице, по которой восходят и нисходят Ангелы, на вершине которой — человеколюбивый Бог, ожидающий от нас посильного подвига и тщания, не увеселяясь зрением труда нашего, но желая дать нам мзду, как заслуженную»[1].

Возлюбленные братия! Будем убегать тщеславия и славолюбия, как отречения от Креста Христова. Отречение от Креста Христова есть вместе и отречение от Христа: *иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик*[2], сказал Господь. Падшие человеки! мы не можем иначе познать и исповедать Христа с искренностию, деятельно, как с креста нашего, познав и исповедав наперед наше падение и необходимость крестного пути для достижения неба и хранимого в нем вечного блаженства. Будем убегать всех поводов к тщеславию и славе человеческой, как убегали их святые Отцы, чтоб не утратить сочувствия к учению Христову, не соделаться гробами повапленными, христианами по наружности, отступниками в сущности. Малая пылинка, попавшая в глаз, нарушает правильность зрения: ничтожное по видимому пристрастие лишает правильности разум, повреждает, изменяет образ мыслей подвижника. Сильные духом и телом Отцы боялись малейшего греха, малейшего уклонения от евангельского учения: тем более мы, немощные по духу и телу, должны страшиться греха, который имеет надежное пристанище и пособие в нашей немощи, который, входя в нас, принимает вид ничтожной мелочи, а вошедши, превращается в страшное чудовище[3]. Не без причины святые Отцы наблюдали крайнюю простоту в одежде, в келейных потребностях, в монастырских зданиях, в строении и украшении самых храмов[4]. Мысль и сердце слабого человека сообразуются, что непонятно для неопытных и невнимательных, с его

[1] Добротолюбие. Ч. 1, глава 93. ‖ [2] *...кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 27). ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 75. ‖ [4] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Ответ 603; также Предание преподобного Нила Сорского; и все прочие святые Отцы подобного мнения.

наружным положением. Если на иноке блестящие одежды, если келлия убрана тщательно, со вкусом и роскошью, если даже храмы монастыря великолепны, сияют золотом и серебром, снабжены богатою ризницею, то душа его непременно тщеславна, исполнена самомнения и самодовольства, чужда умиления и сознания своей греховности. Упоенная тщеславным удовольствием, представляющимся ей духовною радостию, она пребывает в омрачении, самообольщении, ожесточении и мертвости, как бы среди торжественного празднества. Напротив того, когда одежда на иноке проста, когда он, подобно страннику, живет в келлии как бы в шатре или куще, когда в этой куще имеется одно необходимое, когда храм Божий служит для него местом молитвенного исповедания и плача, не развлекая и не восхищая его своим блеском, тогда душа его заимствует от наружной обстановки смирение, отделяется от всего вещественного, переносится мыслями и чувствованиями в предстоящую всем человекам неизбежную вечность; душа старается покаянием и исполнением евангельских заповедей благовременно приготовить себе в вечности прием благосклонный. В скромную келлию, убранную просто, входит, наравне с вельможею, простолюдин; в келлию, тщательно убранную, нет входа для простолюдина, могущего приходом своим нарушить отчетливость убранства в келлии. В лице убогого простолюдина, часто богатого в вере, отвергается Христос[1]. — Пагубно собственное тщеславие: тем пагубнее слава человеческая. Слава инока от чад мира и плотского мудрования есть признак, что этот инок — сосуд, отвергнутый Богом, так как, напротив того, поношения и гонения от человеков составляют для инока верный признак избрания его Богом. То и другое засвидетельствовано Самим Господом: *Горе,* сказал Он, *егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их.* Напротив того, *блаженни будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради. Возрадуйтеся в той день и взыграйте: се бо, мзда ваша многа на небеси. По сим бо творяху пророком отцы их*[2].

---

[1] Иак. 2. 1–6. || [2] *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их. Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого.*

Последуем вышеприведенному совету святого отшельника! Если же по судьбам Божиим иноку придется носить тяжкое бремя земных санов и почестей, то да умолит он прилежными и слезными молитвами Бога, чтоб земное величие не имело влияния на образ его мыслей, не вселило в его душу гордыни, не доставило ему высокого ока на ближних, отчего предостерегал и предостерегает Господь учеников Своих: *Блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго* человека. Он пролил за всех и каждого бесценную Кровь Свою, и тем установил для всех человеков одну, одинаковую, равную цену, одно, равное значение[1].

Глава 40
О памятозлобии

Глубокая и сокровенная тайна — падение человека! никак не познать ее человеку собственными усилиями, потому что в числе последствий падения находится и слепота ума, не допускающая уму видеть глубину и тьму падения. Состояние падения обманчиво представляется состоянием торжества, и страна изгнания — исключительным поприщем преуспеяния и наслаждения. Постепенно раскрывает тайну Бог пред тем подвижником, который искренно и от всей души служит Ему. Какое, братия, разнообразное и страшное зрелище является нам при раскрытии тайны! Когда обнажатся по повелению Божию адские пропасти в бездне сердечной, как не исполниться страха! как не исполниться страха особливо по той причине, что немощь наша доказана нам бесчисленными горькими опытами! Как не исполниться ужаса от мысли, что какая-либо убийственная страсть может долгое время жить тайно в сердце, внезапно явиться и навсегда погубить человека! Это справедливо; но кто боится греха, кто не доверяет себе, тот безопаснее от греха. И потому, желая ознакомить возлюб-

---

Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их (Лк. 6. 26, 22, 23). ‖ [1] *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18. 10, 11). Сличи: 1 Кор. 6. 20.

ленных братий с тайнами греха для предохранения от него, мы не упускаем здесь указать на то страшное, невидимое опустошение, которое производит в душе страсть памятозлобия. *Бог любы есть*[1], сказал святой Иоанн Богослов: следовательно, отвержение любви или памятозлобие есть отречение от Бога. Отступает Бог от памятозлобного, лишает его Своей благодати, решительно отчуждается от него, предает его душевной смерти, если он не потщится благовременно исцелиться от убийственного нравственного яда, от памятозлобия.

В Антиохии, столице Востока, в первые века христианства, жили два друга, Саприкий, пресвитер, и гражданин Никифор. Долгое время пребывали они в теснейшей дружбе; потом сеятель зла, диавол, посеял между ими вражду, которая, возрастая, обратилась в непримиримую, ожесточенную ненависть. Из двух друзей Никифор опомнился, в себя пришел — сказано в жизнеописании, и, уразумев, что ненависть посеяна и укреплена диаволом, искал примириться с Саприкием. Саприкий упорно отвергал предложение о примирении, не раз повторенное. При таком взаимном отношении этих двух лиц внезапно восстало в Антиохии гонение на христиан, в царство императоров Римских Валериана и Галлиена. Саприкий, как христианин и пресвитер, был схвачен и представлен пред Антиохийского игемона. Принуждаемый к принесению жертвы идолам, Саприкий исповедал Христа и, исповедуя Его, претерпел вышеестественно страшные муки. Когда разнообразные пытки не возмогли поколебать твердости Саприкия в исповедании Богом Иисуса Христа, тогда игемон повелел отрубить ему голову. Никифор, услышав о подвиге Саприкия и желая получить прощение и благословение мученика, совершившего свой подвиг и уже шедшего увенчать его смертию от руки палача, поспешил встретить мученика. Он пал мученику в ноги, говоря: «Мученик Христов! прости меня, согрешившего пред тобою». Но Саприкий не дал даже ему никакого ответа, потому что имел сердце, объятое злобою. Сколько ни повторял Никифор молений, ожесточенный и ослепленный Саприкий отвечал на них одним исполненным ненависти молчанием и отвращением взора. Они достигли места казни. Здесь Никифор снова умолял Саприкия о прощении. «Умоляю тебя, мученик Христов, — гово-

[1] Ин. 4. 8.

рил он, — прости меня, если я, как человек, согрешил пред тобою. Писание говорит: *просите, и дастся вам*[1]. Вот я прошу: даруй мне прощение». И на эту предсмертную мольбу не преклонился Саприкий. Внезапно благодать Божия, укреплявшая его в мученическом подвиге, отступила от него. Когда мучители хотели отсечь ему голову, он вдруг обратился к ним с вопросом: «За что хотите вы казнить меня?» Они отвечали: «За то, что ты отказался принести жертвы богам и презрел царское повеление ради некоторого человека, называемого Христом». Несчастный Саприкий сказал им: «Не убивайте меня: сделаю то, что повелевают цари; поклонюсь богам и принесу им жертву». Услышав эти ужасные слова Саприкия, святой Никифор умолял его со слезами, говоря: «Не делай этого, возлюбленный брат, не делай! не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа, не теряй венца небесного, который ты сплел себе терпением многих мук. Вот! у дверей стоит Владыка Христос, Который немедленно явится тебе и воздаст тебе вечным воздаянием за временную смерть, для принятия которой ты пришел на это место». Саприкий не обратил никакого внимания на эти слова и устремился всецело в вечную пагубу. Тогда святой Никифор, видя, что пресвитер окончательно пал и отвергся Христа, истинного Бога, начал, подвигнутый Божественною благодатию, взывать к мучителям громким голосом: «Я — христианин! я верую в Господа нашего Иисуса Христа, Которого Саприкий отвергся! мне отрубите голову!» — Желание святого Никифора было исполнено[2]. Очевидно: одному отвержению заповеди евангельской вменено Святым Духом, мгновенно отступившим от несчастного, в сердечное отвержение Христа; без сердечного исповедания Христа не возмогло устоять одно устное исповедание; другому тщательное исполнение заповеди доставило высокое достоинство мученика. В это достоинство внезапно возвела Никифора благодать Святого Духа, объяв его сердце, предуготованное для Духа Божия исполнением заповеди Божией.

Вот и другая повесть: В Киево-Печерской Лавре два инока, иеромонах Тит и иеродиакон Евагрий, жили в единомыслии и духовной дружбе. Их взаимная любовь была предметом назидания и удивления для прочих братий. Ненавидящий добра враг, обвыкший сеять плевелы посреди пшеницы и

[1] Мф. 7. 7. || [2] Четьи-Минеи февраля 9 дня.

превращать пшеницу в плевелы, особливо когда человеки спят, то есть не внимают себе и не опасаются быть скраденными, полагая прочным и неотъемлемым приобретенное ими добро, превратил любовь иноков во вражду. Тит и Евагрий столько расстроились один против другого, что не могли даже смотреть друг на друга. Братия много раз упрашивали их, чтоб они помирились; но они и слышать не хотели о мире. По прошествии значительного времени их ссоры иеромонах Тит тяжко заболел. Болезнь была так трудна, что отчаялись в его выздоровлении. Тогда он начал горько плакать о своем согрешении и послал к иеродиакону просить прощения, со многим смирением возлагая на себя вину. Тот не только не захотел простить, но и произнес о иеромонахе много жестоких слов, даже проклятий. Однако братия, видя Тита умирающим, насильно привели к нему Евагрия для примирения. Больной, увидев его, приподнялся на постели, поклонился пришедшему, упав к ногам его и сказав со слезами: «Прости меня, отец, и благослови». Евагрий отворотился от него и произнес пред всеми следующие страшные слова: «Никогда не примирюсь с ним ни в сей век, ни в будущий». Сказав это, Евагрий вырвался из рук братий, державших его, и упал. Братия хотели поднять его, но он оказался умершим: они не могли ни согнуть рук его, ни затворить уст, ни сомкнуть ресниц, а болевший иеромонах Тит встал с постели здравым, как бы никогда не был болен. Всех присутствовавших объял ужас, и они начали спрашивать исцелевшего пресвитера, каким образом совершилось его исцеление. Блаженный Тит отвечал им: «Когда я был тяжело болен, то увидел Ангелов, что они удаляются от меня и плачут о погибели души моей, отравленной памятозлобием, а бесов, радующихся тому, что я гибну по причине гнева моего: почему я начал умолять вас, чтоб вы пошли к брату и испросили у него мне прощение. Когда же вы привели его ко мне, и я поклонился ему, а он отвратился от меня, то я увидел, что один из грозных Ангелов, державший огненное копие, ударил им непростившего, от чего тот упал и умер, а мне этот же Ангел подал руку и восставил меня, и, вот, я здоров». Братия много плакали о умершем страшною смертию Евагрии и похоронили его в том положении, в каком он окостенел, с отверстыми устами и распростертыми руками[1].

[1] Четьи-Минеи, 27 февраля.

Братия! Устрашимся нашей немощи! устрашимся греха, удобно обольщающего нас, удобно вкрадывающегося в нас, пленяющего, оковывающего нас! устрашимся нашего падшего естества, не перестающего произрастать из себя греховные плевелы! Надо постоянно внимать себе, поверять свое поведение и душевное состояние по Евангелию, никак не допускать никакому греховному увлечению усиливаться и плодиться в душе, признавая это увлечение маловажным. «Вводимый в начало зла, не скажи себе: оно не победит меня. Насколько ты введен, настолько уже и побежден», — говорит преподобный Марк Подвижник[1]. И то надо знать, что «малые согрешения диавол представляет еще меньшими, ибо иначе он не может привести к большим согрешениям», — сказал тот же преподобный[2]. Никак не должно пренебрегать плевелами, возникающими из сердца, или греховными помыслами, являющимися уму. Помыслы должно немедленно отвергать и отгонять, а греховные чувствования искоренять и уничтожать, противопоставляя им евангельские заповеди и прибегая к молитве. Плевелы удобно исторгаются, когда они бессильны и молоды. Когда же они укоренятся от времени и навыка, тогда исторжение их сопряжено с величайшими усилиями. Помысл греховный, будучи принят и усвоен уму, входит в состав образа мыслей, или разума, и лишает его правильности, а греховное чувствование, закосневши в сердце, делается как бы его природным свойством, лишает сердце духовной свободы. — Стяжем несомненное убеждение в непреложной истине: Бог печется неусыпно о иноке и о всяком православном христианине, предавшем себя всецело в служение Богу и воле Божией, хранит его, зиждет, образует душу его, приуготовляет его для блаженной вечности. Все скорби, наносимые нам человеками, постигают нас не иначе, как по Божию попущению к нашей существенной пользе. Если б эти скорби не были нам необходимо нужны, Бог никак не попустил бы их. Они нам необходимы для того, чтоб мы имели случай прощать ближних, и тем получить отпущение собственных своих согрешений. Они нам необходимы, чтоб мы усмотрели Промысл Божий, бдящий над нами, и стяжали живую веру в Бога, являющуюся в нас тогда, когда мы научимся из многочисленных опытов, что из скорбей и затруднительных обсто-

[1] Слово о Духовном Законе, гл. 170. || [2] Там же, гл. 94.

ятельств изъемлет нас всегда всесильная десница Божия, а не наши ухищрения. Они нам необходимы для того, чтоб мы приобрели любовь к врагам, чем окончательно очищается сердце от яда злобы и соделывается способным к любви Божией, к приятию особенной, обильной благодати Божией. Союз любви к ближнему с любовию к Богу ясно усматривается в приведенных двух повестях. Из этих повестей видно, что любовь к врагам есть та высшая ступень в лествице любви к ближнему, с которой мы вступаем в необъятный чертог любви к Богу. Всеусильно понудим сердце наше, чтоб оно отпускало ближним все роды обид, какие они ни нанесли бы нам, чтоб получить отпущение наших бесчисленных согрешений, которыми оскорбили мы величество Божие. Не будем, побеждаясь неверием, предаваться многообразным попечениям, соображениям, мечтаниям, ухищрениям для охранения себя от врагов наших, для действования против их злонамеренности. Это воспрещено Господом, сказавшим: *не противитеся злу*[1]. Прибегнем, утесняемые скорбными обстоятельствами, с молитвою к всесильному Богу, у Которого в полной власти и мы, и враги наши, и наши обстоятельства, и обстоятельства всех человеков, Который может самовластно распорядиться всем, мгновенно преодолеть и уничтожить все величайшие трудности. Будем тщательно молиться о врагах наших, изглаждая этою молитвою злобу из сердец наших, прививая к нему любовь. «Молящийся о человеках, обижающих его, сокрушает бесов; сопротивляющийся же первым, уязвляется вторыми», — сказал преподобный Марк Подвижник[2]. *Паче всего*, говорит Апостол, *возмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукаваго*[3]. Эти стрелы суть различные действия в нас демонов, приводящих в движение недуги падшего естества: воспаление сердца гневом, разгоряченные помыслы и мечтания, порывы к мщению, многопопечительные и многочисленные соображения, большею частию несбыточные и нелепые, о сопротивлении врагу, о побеждении и унижении его, о доставлении себе самого прочного, не подверженного никаким опасностям положения. Стяжавший веру стяжал Бога деятелем своим, встал превыше

[1] Мф. 5. 29. || [2] Слово о Духовном Законе, гл. 45. || [3] *А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого* (Еф. 6. 16).

всех ухищрений не только человеческих, но и демонских. Стяжавший веру получает возможность коснуться истинной, чистой молитвы, нерасхищаемой никакими попечениями о себе, никакими опасениями, никакими мечтаниями и картинами, представляемыми воображению лукавыми духами злобы. Верою своею в Бога благочестивый инок вручил себя Богу; он жительствует в простоте сердца и беспопечительности; он мыслит и заботится только об одном: о том, чтоб соделаться во всех отношениях орудием Бога и совершителем воли Божией.

Глава 41
Значение слова «мір[1]»

Слово *мір* имеет два значения в Священном Писании. 1) Словом *мір* обозначается все человечество в следующих, и им подобных, выражениях Писания: *Тако возлюби Бог мір, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный. Не посла бо Бог Сына Своего в мір, да судит мірови, но да спасется им мір.*[2] *Се Агнец Божий, вземляй грехи міра*[3]. 2) Словом *мір* обозначаются те человеки, которые проводят греховное, противное воле Божией, жительство, живут для времени, а не для вечности. Так надо понимать слово *мір* в следующих, и им подобных, выражениях: *Аще мір вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от міра бысте были, мір убо свое любил бы. Якоже от міра несте, но Аз избрах вы от міра, сего ради ненавидит вас мір*[4]. *Не любите міра, ни яже в міре. Аще кто любит мір, несть любве Отчи в нем. Яко все, еже в міре, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от міра сего есть. И мір преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки*[5]. *Прелюбодее и прелюбодейцы! не весте ли,*

---

[1] В данной главе святитель Игнатий исследует значение слова «*мір*», поэтому редакция придерживается здесь старого написания этого понятия — через десятиричное *і*.— *Ред.* ‖ [2] *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него* (Ин. 3. 16, 17). ‖ [3] *...вот Агнец Божий, Который берет* ***на Себя*** *грех мира* (Ин. 1. 29). ‖ [4] *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел! Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, поэтому ненавидит вас мир* (Ин. 15. 18, 19). ‖ [5] *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви*

яко любы міра сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти міру, враг Божий бываетъ[1]. Блаженный Феофилакт Болгарский определяет *мір* так: «Обычно Писанию называть *міром* житие грешных и пребывающих в нем людей плотского мудрования, почему и Христос сказал ученикам Своим: *вы несте от міра*». Они составляли часть живущих в *міре* человеков, но, не пребывая в грехе, не были от *міра*[2]. Большинство человеков проводило и проводит жизнь греховную, мерзостную пред Богом, враждебную Богу: по этой причине и потому, что большинство врагов Божиих несоразмерно велико в сравнении с числом верных служителей Бога, большинство называется в Писании *міром;* относящееся к большинству приписывается всему человечеству. Так надо понимать слова Евангелистов: *Бе Свет Истинный, Иже просвещает всякаго человека грядущаго в мір. В міре бе, и мір Тем бысть, и мір Его не позна. Во своя прииде, и свои Его не прияша*[3]. *Сей же есть суд, яко Свет прииде в мір, и возлюбиша человецы паче тму, неже Свет: беша бо их дела зла*[4]. *Блаженни будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради. Горе, егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их*[5]. Не познало Спасителя большинство человеков, ненавидит и преследует злословиями и гонениями истинных слуг Божиих большинство человеков, — и так велико это большинство, что Слово Божие признало правильным приписать отвержение Богочеловека и гонение служителей Его всему человечеству. Что очень мало человеков, живущих богоугодно, и очень много угождающих греховным и плотским похотениям своим, засвидетельствовал Господь: *Пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая*

Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек (1 Ин. 2. 15–17). ‖ [1] *Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4. 4). ‖ [2] Толкование на гл. 18, с. 7 Евангелия от Матфея. ‖ [3] *Был Свет Истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли* (Ин. 1. 9–11). ‖ [4] *Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы* (Ин. 3. 19). ‖ [5] Лк. 6. 22, 26.

врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его[1] *Оправдися премудрость* Божия *от* весьма немногих *чад своих*[2]*:* немногие избранники познали ее, немногие отдали ей должную справедливость.

Истинные служители истинного Бога! изучите и узнайте установленное для вас Промыслом Божиим положение на время вашего земного странствования. Не попустите падшим духам обольстить и обмануть вас, когда они будут в приманчивой ложной картине представлять вам земное благосостояние и внушать желание его, стремление к нему, чтоб таким образом украсть и похитить у вас вечное сокровище ваше. Не ожидайте и не ищите похвал и одобрения от общества человеческого! не ищите известности и славы! не ожидайте и не ищите жительства бесскорбного, пространного, вполне удобного! Это — не ваш удел. Не ищите и не ожидайте любви от человеков! ищите всеусильно и требуйте от себя любви и соболезнования к человекам. Довольствуйтесь тем, что немногие истинные служители Божии, с которыми по временам вы будете встречаться на пути жизненном, полюбят вас, с любовию и участием одобрят ваше поведение, прославят за вас Бога. Такие встречи не были часты и в цветущие времена христианства; в последнее время они сделались крайне редки. *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный: яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему*[3].

Преподобный авва Дорофей превосходно объясняет слова святого апостола Павла: *мне мір распяся, и аз міру*[4]. Монашествующим существенно нужно знать это объяснение. Вот оно: «Апостол говорит: *мне мір распяся, и аз міру.* Какое между этим различие? как *мір* распинается человеку, и человек *міру?* Когда человек отрекается от *міра* и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяния другим и приятия от них, тогда распинается ему *мір,* ибо он оставил его. Это и значат слова Апостола: *мне мір*

---

[1] *Входите тесными вратами, потому что широкие врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7. 13, 14; сличи: Лк. 13. 23, 24). ‖ [2] *И оправдана премудрость чадами ее* (Мф. 11. 19). ‖ [3] *Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему* (Пс. 11. 1–3). ‖ [4] *...для меня мир распят, а я для мира* (Гал. 6. 14).

распяся. Потом он прибавляет: *и аз міру.* Как же человек распинается *міру?* Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самых услаждений, или против самого вожделения вещей, против своих пожеланий, и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается *міру* и сподобляется сказать с Апостолом: *мне мір распяся, и аз міру.* — Отцы наши, как мы сказали, распяв себе *мір,* предались подвигам и себя распяли *міру.* А мы думаем, что распяли себе *мір,* потому что оставили его и пришли в монастырь, себя же не хотим распять *міру,* ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастия его, сочувствуем славе его; имеем пристрастие к снедям, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним, и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию производить в нас мирское пристрастие, как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, вышедши из *міра* и придя в монастырь, оставили все мирское; но и здесь, ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия мирские. Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что, оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных удовлетворяем страстям нашим. Каждый из нас оставил, что имел: имевший великое оставил великое, и имевший что-нибудь и тот оставил, что имел, каждый по силе своей. И мы, приходя в монастырь, как я сказал, маловажными и ничтожными вещами питаем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать; но как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам»[1]. После этого объяснения очень понятна причина, на основании которой святой Исаак Сирский, писавший свои наставления инокам самого возвышенного жительства, то есть безмолвникам, затворникам и отшельникам, определяет *мір* так: «*мір* есть общее имя для всех страстей. Если человек не узнает прежде что есть *мір,* то он не достигнет узнать и то, сколькими членами он удалился от *міра* и сколькими привязан к нему. Находится много таких, которые двумя или тремя членами отрешившись от *міра,* и в них отказавшись от общения с ним, возомнили о себе, что они чужды *міра* жительством своим. Это случилось с ними от того, что они не уразумели и не усмотрели премудро, что они умерли для *міра* только двумя членами, а прочие члены

[1] Поучение первое.

их живут внутри плотского мудрования, принадлежащего *міру*. Впрочем, они не возмогли даже ощутить страстей своих; не ощутив их, не могли позаботиться о исцелении себя от них. По наследованию (духовного) разума, для составления общего имени, объемлющего отдельные страсти, употребляется слово *мір*. Когда хотим наименовать страсти общим именем, именуем их *міром;* когда же намереваемся распределить их по частным названиям их, тогда именуем их страстями. Каждая страсть есть частное действие по началам *міра*[1]. Где престают действовать страсти, там остаются без действия начала *міра*. Страсти суть следующие: вожделение богатства, стремление к собранию разных вещей; телесное наслаждение, от которого блудная страсть; вожделение чести, от которого происходит зависть; желание начальствовать; кичение благолепием власти, украшение себя пышными одеждами и суетными утварями; человеческая слава, служащая причиною памятозлобия; страх телесный. Где эти страсти престают действовать, там *мір* умер. И насколько некоторые из этих частей оставлены, настолько подвижник пребывает вне *міра*, который настолько уничтожается, будучи лишен составных частей своих. Некто сказал о святых, что они, живя, были мертвы: ибо, живя во плоти, жили не для плоти. И ты всмотрись в себя, для каких из вышесказанных страстей ты жив? тогда познаешь, насколько ты жив для *міра* и насколько умер для него. Когда уразумеешь, что значит *мір*, тогда уразумеешь из вышеприведенных частных указаний, в чем ты связался с *міром* и в чем отрешился от него. Короче сказать: *мір* есть плотское жительство и плотское мудрование[2]. *Мір* есть блудница, привлекающая к любви своей тех, которые устремляют взоры к ней с вожделением ее красоты. Тот, кто хотя отчасти увлечен любовию к *міру* и опутан им, не может избавиться из рук его, доколе *мір* не лишит его жизни (вечной). Когда *мір* вполне обнажит человека и вынесет его из дому его в день его смерти, тогда познает человек, что *мір* — льстец и обманщик. Подвизающийся выйти из тьмы *міра*, доколе находится еще среди его, не может видеть сплетений его. *Мір* держит в оковах не только учеников, чад и пленников своих, но вот! он и нестяжателей и подвижников, и возвысившихся превыше его, начал уловлять на дела свои различными образами, попирает их и повергает под свои ноги»[3].

[1] Кол. 2. 8. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 2. || [3] Слово 21.

Основываясь на этих понятиях о *міре*, преподаваемых нам Священным Писанием и святыми Отцами, мы повергаем пред возлюбленными братиями нашими, иноками, совет и убедительнейшее моление: убоимся служения *міру*! Этому служению могут подпасть даже подвижники, не внимающие себе строго; это служение может совершаться при посредстве ничтожных пристрастий к ничтожным предметам. Примем все меры, все предосторожности к предохранению себя от миролюбия! не сочтем маловредным никакого, по видимому ничего не значащего пристрастия! не сочтем маловажным никакого самомалейшего уклонения от евангельских заповедей. Не предадим забвению грозного изречения, которым возгремел святой апостол Иаков: *прелюбодеи и прелюбодейцы! не весте ли, яко любы міра сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти міру, враг Божий бываетъ*[1]. Всякое пристрастие есть в духовном смысле прелюбодеяние для инока, долженствующего любовь свою всецело устремить к Богу, как и Псалмопевец возвестил: *Возлюбите Господа вси преподобнии Его*[2]. *Удаляющии себе от Тебе, погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе*[3]. При служении *міру* невозможно служение Богу, и нет его, хотя бы оно и являлось болезненному взору рабов *міра*, представлялось существующим. Его нет! а то, что представляется, есть не что иное, как лицемерство, притворство, обман себя и других. Друг *міра* соделывается непременно, может быть незаметно для себя, злейшим врагом Бога и своего спасения. Миролюбие вкрадывается в душу как тать, пользующийся мраком ночи — нерадением и невниманием себе. Миролюбие способно совершать величайшие беззакония, величайшие злодеяния. Ужасный пример этого видим в иудейском духовенстве, современном земной жизни Богочеловека. Оно впало в миролюбие: оно заразилось расположением к почестям, к славе, к похвалам человеческим; оно пристрастилось к сребролюбию и любоимению; оно впало в сластолюбие и разврат; оно предалось грабительству и всякого рода неправдам, а для того чтоб охранить свое положение в народе, оно облеклось в личину строжайшего богоугождения, самого мелочного исполнения обрядовых постановлений и старческих преданий. Что было последствием

[1] Иак. 4. 4. || [2] *Любите Господа все праведные Его* (Пс. 30. 24). || [3] *...удаляющиеся от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого, отступающего от Тебя* (Пс. 72. 27).

миролюбия? Решительное отчуждение от Бога, перешедшее в ослепленную и исступленную ненависть к Богу. Иудейское духовенство противостало с ожесточением Богочеловеку, когда Он явил Себя *міру*; оно противостало Ему, имея полное убеждение в Его Божественности, как это засвидетельствовал Никодим, один из членов верховного иудейского собора — Синедриона[1]. Иудейское духовенство решилось на богоубийство, и совершило его, зная наверно, что оно действует против Мессии и, в омрачении своем, высказывая это сознание в тех насмешках, которыми оно осыпало мироспасительную Жертву на Ее жертвеннике — Кресте. *Иныя спасе, Себе ли не может спасти!* говорили архиереи, книжники, старцы и фарисеи[2], не замечая того, что они произносят осуждение на самих себя: они сознаются, что предали на распятие Того и ругаются Тому, Кто чудесным образом, Божественною силою и властию спасал других[3]. Иудейское духовенство едва услышало весть о рождении Богочеловека, как возненавидело Его, приняло меры избавиться от Него. Это ясно видно из Евангелия. Когда волхвы принесли в Иерусалим весть о рождении Царя иудейского — Христа, тогда смутился наличный иудейский царь Ирод, смутилась вместе с ним и вся столица иудейская[4]. Естественно было смутиться, замечает блаженный Феофилакт Болгарский, наличному государю иудейскому вестию о рождении нового Царя иудейского, который, следовательно, должен был завладеть его престолом и лишить власти или его или потомство его. Но к чему смущаться Иерусалиму при вести о рождении Мессии, — Иерусалиму, который в течение многих веков ожидал обетованного Мессию, своего Избавителя, свою славу, — Иерусалиму, которого вся религия состояла в вере в грядущего Мессию и в приготовлениях к принятию Его? Иерусалим смутился оттого, что нравственность иерусалимлян была растленная. Столица поняла, достойно тонкому столичному чутью, что новый Царь, Царь правды, потребует отвержения безнравственности, потребует истинной добродетели, не обольстясь и не удовлетворясь добродетелию при-

[1] Ин. 3. 2. ‖ [2] *...других спасал, а Себя Самого не может спасти* (Мф. 27. 42). ‖ [3] Что иудейский Синедрион совершил богоубийство при совершенном понимании дела, это засвидетельствовал и обратившийся в христианство иудейский священник Аффоний, современный Христу и Богоматери. Четьи-Минеи, 15 августа, повествование о Успении Пресвятой Богородицы. ‖ [4] Мф. 2. 3.

творною, лицемерством. По причине миролюбия иерусалимлян для них был сноснее, приятнее Царя-Бога чудовище Ирод. Угадывая с верностию душевное отношение тирана, лицемера и лицедея, какими были и члены Синедриона, они при первом вопросе о месте рождения Мессии решительно, нисколько не остановившись и не задумавшись, указывают Ироду с точностию на место рождения Мессии, предают Мессию в руки убийцы. *Христос рождается в Вифлееме иудейстем,* говорят они; чтоб усилить отзыв, присовокупляют: *тако бо писано есть пророком, — и объявляют* поразительной ясности пророчество[1]. Противное этому расположение заставило бы их дать ответ уклончивый, скрыть место[2]. — Евангелие приписывает миролюбцам все злодеяния, совершенные человеками, начиная от убийства Каином Авеля[3]. Миролюбцы, во время земной жизни Богочеловека, навершили свои злодеяния отвержением Христа и богоубийством[4], а в последние времена мира навершат принятием антихриста и воздаянием ему божеской чести[5]. Страшно миролюбие! оно входит в человека неприметным образом и постепенно, а, вошедши, соделывается его жестоким и неограниченным владыкою. Постепенно приготовились человеки и стяжали душевное настроение, способное к богоубийству: постепенно они приготовляются, стяжавают настроение и характер, способные к принятию антихриста[6]. Превосходно изложил суетность миролюбия и пагубные его последствия святой мученик Севастиан в беседе к тем мученикам, которые любовию к родственникам и семейству поколебались в подвиге. Святой Севастиан говорил им: «О, крепкие воины Христовы! Вот: великодушием вашим вы мужественно уже приблизились к торжеству, а ныне хотите уничтожить вечный венец ради окаянного ласкательства ваших свойственников! Ныне да научится вами мужество Христовых воинов вооружаться не железом, а верою. Не повергайте знамений победы вашей ради женских слез и не послабляйте вые врага (диавола), находящейся под ногами вашими, чтоб он, восприяв силу, не восстал снова на брань. Если первое его восстание на вас было лютым, то последующее будет лютее. Он разъярен и раздражен (первым своим побеж-

[1] Мф. 2. 5. || [2] О враждебном, убийственном расположении иудейского духовенства к новорожденному Младенцу-Господу смотри Четьи-Минеи 29 декабря, в описании убиения Вифлеемских младенцев. | [3] Мф. 23. 35. || [4] Мф. 23. 32. || [5] Ин. 5. 42. || [6] 2 Сол. 2. 7.

дением). Воздвигнете от земных пристрастий славную хоругвь подвига вашего, и не лишайтесь ее ради пустого рыдания детей. Те, которых вы видите плачущими, радовались бы ныне, если б знали то, что знаете вы. Но они полагают, что только и есть та жизнь, которая в сем *міре*, и, что по окончании ее смертию тела, нет жизни для души. Если б знали, что существует другая жизнь, бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестанная радость, то поистине они потщались бы с вами перейти к ней, и, вменив ни во что временную жизнь, возжелали бы вечной. Сия настоящая жизнь скоротечна и столько непостоянна и неверна, что не возмогла никогда соблюсти верности ниже к своим любителям. Всех, от начала *міра*, надеявшихся на нее, она погубила; всех, желавших ее, обольстила; всем, гордящимся ею, наругалась; всем солгала; никого не оставила в надежде своей необманутым и в уповании непосрамленным, но вполне явила себя ложною. О, если б она только обманывала, а и не вводила в лютые заблуждения! Горестнее всего то, что она любителей своих приводит ко всем беззакониям. Она услаждает для чревоугодников объядение и пьянство, сластолюбивых подвизает к любодеянию и всякого рода осквернениям. Она научает вора красть, гневливого яриться, лжеца обманывать. Она посевает разлучение мужа с женою, вражду между друзьями, ссоры между кроткими, неправды посреди праведных, соблазны посреди братии. Она отъемлет правосудие у судей, чистоту у целомудренных, разум у разумных, благонравие у нравственных. Воспомянем и лютейшие злодеяния, к которым она приводит своих любителей. Если когда брат убил брата, сын отца, друг умертвил друга, то по чьему наущению совершились таковые беззакония? по чьему мановению? при каких надежде и уповании? Не ради ли настоящей жизни, которую человеки, любя попремногу, ненавидят друг друга и злодействуют друг другу, каждый ища самому себе благополучнейшего пребывания. По какой причине разбойник закалает путешественника, богатый насилует убогого, гордый обижает смиренного и всякий повинный злу гонит неповинного? Поистине все это злое делают служащие этой жизни и желающие долгое время пребывать и наслаждаться в любви ее. Она, советуя все злое своим рачителям и служителям, предает их своей дщери, от нее рожденной, вечной смерти, в которую низверглись первые человеки по той причине, что, будучи созданы для веч-

ной жизни, вдались в любовь к временной, поработились чревоугодию, сласти и похотению очей, а оттуда ниспали во ад, не взяв туда с собою ничего из земных благ. Эта-то временная жизнь, — продолжал святой Севастиан, обратясь к родственникам мучеников, — обольщает вас возвращать вспять неправедным вашим советом ваших друзей, грядущих к вечной жизни. Она научает вас, о честные родители, отвлекать вашими безумными рыданиями ваших сыновей от шествия к небесному воинству, к чести нетленной и к дружеству с вечным Царем. Она убеждает вас, о целомудренные жены святых, чтоб вы ласкаяниями вашими развратили умы мучеников, отвели их от доброго намерения, доставили им советами вашими вместо жизни смерть, вместо свободы — рабство. Если они соизволят советам вашим, то поживут с вами малое время, потом должны же будут разлучиться с вами смертию, и разлучиться так, что свидание вам сделается возможным только в вечных муках, где пламень пожигает души неверных, где тартарские змеи снедают уста богохульные, где аспиды терзают груди идолопоклонников, где слышатся горький плач, тяжкие воздыхания, непрестанное рыдание в муках. Дайте им избежать этих мук и самих себя потщитесь избавить от них! допустите их снова устремиться к венцу, уготованному им. Не бойтесь: они не разлучатся от вас: они идут уготовать вам на небесах светлые обители, в которых вы, вместе с ними и чадами вашими, будете наслаждаться вечными благами. Если вас утешают здесь каменные красивые дома, то сколько более будет утешать красота горних домов, где столы блистают чистым золотом, где чертоги сияют славою, будучи выстроены из красивых камней и убраны камнями драгоценными, где цветут сады присноцветущие цветами неувядающими, где злачные поля, кипящие сладкими потоками, где всегда воздух благорастворен, живительные ветры, облагоухающие чувства неизреченным благовонием, где день не меркнет, свет не заходит, радование не прерывается. Нет там ни воздыхания, ни плача, ни скорби, ниже какого-либо неблаголепия, оскорбляющего взоры; не обоняется там никакое зловоние, не слышится никакого печального, плачевного и страшного голоса; взорам представляется все прекрасное, обонянию одни ароматы, уху одно веселое. Там непрестанно воспевают лики Ангелов и Архангелов, согласно славословя бессмертного Царя. По какой причине та-

кая жизнь бывает презираема, а временная любима? Для богатства ли? но богатство скоро истощается. Тот же, кто хочет иметь его вечно при себе, да слышит, что говорит богатство. Вы так любите меня, говорит оно, что желаете, чтоб я никогда не разлучалось с вами. По смерти вашей я не могу идти вслед за вами, но при жизни вашей могу вам предшествовать. Если вы пошлете меня пред собою, то да послужат вам примером корыстолюбивый заимодавец и прилежный земледелец. Один дает золото ближнему, чтоб с него получить свои деньги в двойном количестве; другой посевает различные семена в землю, чтоб взять их сторично умножившимися. Должник отдает заимодавцу золото в двойном количестве, а земля возвращает сеятелю семена его сторично умноженными. Если вы вверите ваше богатство Богу, то Он не воздаст ли вам его умноженным бесчисленно? Туда пошлите, вперед вас, богатство ваше, и сами туда же тщитесь скорее придти. Какая польза в этой временной жизни? Если б кто прожил и сто лет, но когда наступит последний день жизни, не оказываются ли тогда все прошедшие годы и все житейские сласти как бы никогда не бывшими? Остаются только следы ничтожные, воспоминание, подобное воспоминанию о путешественнике, пробывшем у нас в продолжение одного дня. О, по правде, тот, кто не любит превосходной вечной жизни, безумен, совершенно чужд познания истинных благ! О, по правде, безрассуден тот, кто боится потерять скоропреходящую жизнь для восприятия другой, присносущей, в которой наслаждения, богатство, радости так начинаются, что никогда не оканчиваются, но пребывают бесконечными вовеки. Кто не хочет быть любителем этой присносущей жизни, тот всуе погубляет и временную жизнь, впадает в вечную смерть, держится связанным во аде, где неугасимый огнь, всегдашняя скорбь, непрестающие муки, где живут лютые духи, которых глаза сверкают огненными стрелами, которых зубы величиною подобны слоновым, которых хвосты угрызают, подобно хвостам скорпионов, которых гласы подобны гласам львов рыкающих, которых одно видение приносит великий страх, лютую болезнь и горчайшую смерть. О, если б было возможно умереть посреди этих страшилищ и мук! но, что всего лютее, там не престают жить для того, чтоб умирать непрестанно; не уничтожаются до конца, чтоб мучиться без конца; пребывают целыми, чтоб вечно пожираться угрызающими змеями; снедаемые уды снова обновляются, чтоб снова служить снедию

для ядовитых змей и неусыпающего червя»[1]. Правильное употребление земной жизни заключается в приготовлении себя, во время ее, к жизни вечной.

Братия! Совершим наше земное кратковременное странствование, занимаясь единственно богоугождением, заимствуя от *міра* только одно необходимое. *Есть,* сказал Апостол, *снискание велие благочестие с довольством. Ничтоже бо внесохом в мір сей, яве, яко ни изнести что можем. Имуще же пищу и одеяние, сими доволни будем. А хотящии богатитися впадают в напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубителство и погибель*[2]. К такому же нравственному бедствию, к какому приводят человека сребролюбие, приводят славолюбие и сластолюбие: из этих трех главных страстей составляется *міролюбие.*

Глава 42
О хранении от знакомства с женским полом

Преподобные Отцы наши, святые иноки всех времен, тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. Вход женскому полу в древние монастыри был воспрещен. Этот святой и благодетельный обычай сохраняется и ныне во всей Афонской горе. Те из иноков, которые проводили особенно внимательную жизнь, с особенною тщательностию хранились от знакомства и обращения с женщинами, что видно из жития преподобных Арсения Великого, Сисоя Великого, Иоанна Молчальника и других возвышеннейшей святости Отцов. Так поступали они не единственно по произволу, но по указанию необходимости, усмотренной ими, как в зеркале, в их внимательной жизни.

Некоторые иноки утверждают о себе, что они, находясь часто в обществе женщин, не чувствуют вреда. Этим инокам не должно верить: они или говорят неправду, скрывая свое душевное расстройство, или проводят жизнь самую невнима-

---

[1] Четьи-Минеи декабря 18 дня. || [2] *Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу* (1 Тим. 6. 6–9).

тельную и нерадивую, и потому не видят своего устроения, или же диавол окрадывает их, отнимая понимание и ощущение вреда, чтоб соделать их монашескую жизнь бесплодною и уготовать им верную погибель. Превосходно рассуждал об этом предмете преподобный Исидор Пелусиотский в письме к епископу Палладию[1]: «Если *тлят обычаи благи беседы злы*[2], по изречению Писания, то совершает это по преимуществу беседа с женами. Хотя бы предметом ее было и добро, но она достаточно сильна, чтоб растлить тайно внутреннего человека скверными помыслами, и, в то время как тело пребывает чистым, душа оскверняется. Бесед с женами сколько можно убегай, благий муж. Если по какой нужде придешь к женам, то имей глаза опущенными вниз, и тех, к которым ты пришел, поучай смотреть целомудренно. Сказав им немного слов, могущих утвердить и просветить души их, немедленно удаляйся, чтоб долгая беседа не смягчила и не расслабила твоей душевной крепости. Скажешь: хотя и часто я беседую с женами, однако из этого не последует для меня никакого вреда. Пусть будет и так! но я желаю, чтоб все были твердо уверены в том, что водами камни утончеваются, и пробиваются каплями дождя, всегда падающими на них. Рассуди: что тверже камня? и что мягче воды, особливо же водяной капли? но всегдашним действием побеждается и естество. Если столько твердое естество преодолевается, страдает и умаляется от такой вещи, которая в сравнении с ним ничто, то как не быть побежденною и превращенною долгим обычаем воле человеческой, удобоколеблемой?» Старец Серафим Саровский уподоблял благочестно живущего инока, хранящего целомудрие, невозжженной восковой свече; частое же обращение этого инока посреди общества женщин — этой же невозжженной свече, когда она будет поставлена между многими другими возжженными свечами. Тогда невозжженная свеча начинаете таять от действия на нее теплоты, исходящей от стоящих вокруг ее возжженных свеч. Сердце инока, говорил старец, непременно должно подвергнуться расслаблению, если инок позволит себе частое обращение с женским полом[3].

Соединение полов в существующем виде его естественно (падшему естеству). Девство вышеестественно. Следователь-

[1] Четьи-Минеи, 4 февраля. || [2] *...худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15. 33). || [3] Наставление 9. Издание 1844 года.

но, желающий сохранить свое тело в девственности должен непременно держать его вдали от того тела, соединение с которым требуется естеством. В тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая тело к телу. Приближающийся к жене непременно подвергается влиянию этой силы. Чем чаще сближение, тем учащеннее, а потому тем сильнее влияние. Чем сильнее влияние, тем слабее делается наше произволение, которым мы намереваемся победить, с Божиею помощию, естество. Образы жен, их взоры, их голос, их нежность напечатлеваются очень сильно в душах наших по действию естества, особливо, когда естеству содействует сатана. В то время, когда мы обращаемся с женщинами и когда производятся впечатления, мы этого не чувствуем; но когда удалимся в уединение, тогда впечатления, усвоенные душою, восстают в ней с необыкновенною силою и производят лютую блудную брань. Блаженный Иероним повествует о себе, что когда он жил в Риме и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Но когда Блаженный удалился в Вифлеемскую пустыню и предался строжайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме жен, а в старческом теле, изнуренном жаждою, неядением, бдением, трудами, появились юношеские вожделения. Победа была очень затруднительна, потому что падшему естеству предстало в помощь, как это обыкновенно бывает, явное содействие диавола. Совершившееся с блаженным Иеронимом совершается со всеми иноками, переходящими от общественной жизни к жизни безмолвной[1]. Они на опыте познают важность впечатлений, о которых преданные рассеянности не имеют никакого понятия. Все впечатления, которым подверглась душа посреди человеческого общества, восстают, как мертвецы из гробов, в безмолвнике и усиливаются совершать грех в помыслах и ощущениях, доколе милостию Божиею и Божием определением не падут в пустыне все вооруженные мужи, вышедшие из Египта. Тогда новое израильское поколение входит в Землю Обетованную. — С особенною удобностию подвергаются влиянию впечатлений чистые души, не познавшие греха на деле. Их можно уподобить лакированным дорогим столам, стоящим в гостиных у вельмож и богачей:

[1] Epistola 22 ad Evstochium.

и маленькая царапина на таком столе делается очень приметною, нарушает его достоинство. Напротив того, людей, не сохранивших себя, можно уподобить столам, стоящим в кухне, на которых ежедневно рубят овощи и другие съестные припасы: десять, сотня новых рубцов не имеют для этих столов, покрытых бесчисленными рубцами, никакого значения. Чистую душу диавол старается заразить плотским впечатлением. Этим-то и объясняется причина, по которой святые Отцы с таким усиленным тщанием убегали женщин. Преподобный Арсений Великий сказал много жестких слов знаменитой римлянке, приехавшей нарочно для него в пустынный Египетский Скит из великолепного Рима и внезапно представшей пред ним. Жесткие слова Арсений заключил жесткою, но святою откровенностию: «Молю Бога, — сказал он римлянке, — чтоб Он изгладил воспоминание о тебе из сердца моего». Этими словами Преподобный выразил всю тягость и опасность борьбы с впечатлениями, борьбы, низводящей инока до врат адовых, борьбы, изведанной Арсением, очевидно, на опыте[1]. В том же смысле надо понимать и следующие слова преподобного Макария Великого: «Масло питает светильню зажженной лампады, и огнь любодеяния возбуждается обращением с женщиною. Лицо женщины — стрела лютая: наносит язву душе. Если хочешь быть чист, убегай, как яда, сообращения с женщиною: потому что в этом сообращении — сильное действие греха, подобное действию хищных зверей. Не так опасно приближение к огню, как приближение к молодой женщине. Избегай, доколе ты юн, буйного действия блудной страсти и сообращения с женщинами. Наполняющие чрево и вместе надеющиеся стяжать чистоту обманывают себя. Ужаснее потопление от воззрения на прекрасное лицо, нежели потопление от морской бури. Лицо женщины, если изобразится в уме, то принудит презреть самое хранение ума. Вложенным в солому огнем производится пламень: так пребывающим воспоминанием о женщине воспламеняется страстное вожделение»[2]. Этого не мог бы сказать Великий Макарий, если б не вытерпел лютой борьбы с впечатлениями, принятыми неожиданно, в совершенном неведении. Весьма точно и верно

[1] Таким образом тогдашний архиепископ Александрийский Феофил объяснил слова и поступок Преподобного римской знаменитости. Римлянка, услышав объяснение, удовлетворилась и успокоилась. Алфавитный патерик. || [2] Отрывок послания к монахам. Библиотека Галланда. Том 7, с. 242.

сказал святитель Тихон Воронежский в наставлениях своих монашествующим: «Берегись, возлюбленне, жены, да не сожжешися. Ева всегда имеет свой нрав: всегда прельщает»[1]. Старец спросил ученика: «Отчего святые Отцы воспрещают монахам, в особенности юным, короткое знакомство с женщинами?» Ученик отвечал: «Чтоб монах, познакомясь коротко с женщиною, не впал с нею в блуд». Старец: «Так! падение в блуд есть конец, венчающий воспрещенное монаху Святым Духом короткое знакомство с женщиною. Но это знакомство, не всегда оканчиваясь телесным падением, всегда сопряжено с расстройством и бесплодием душевным». Женщина руководится чувствами падшего естества, а не благоразумием и духовным разумом, ей вполне чуждыми. У ней разум — служебное орудие чувств. Увлекшись чувствами, она весьма скоро заражается пристрастием не только к иноку юному и зрелых лет, но и к старцу, — делает его своим идолом, а впоследствии сама по большей части делается его идолом. Женщина видит совершенство в своем идоле, старается его уверить в том, и всегда успевает. Когда инок заразится, вследствие пагубных и непрестанных внушений и похвал, самомнением и гордынею, тогда отступает от него благодать Божия; он омрачается умом и сердцем, делается способным, в слепоте своей, к самому безрассудному поведению и к бесстрашному нарушению всех заповедей Божиих. Когда Далида усыпила в своих объятиях израильского судию, сильного Сампсона, тогда лишила его условий, при которых соприсутствовала и содействовала ему Божественная благодать, предала Сампсона на поругание и казнь иноплеменникам[2]. Замечено, что женщина, познакомившись коротко с монахом, живущим в благоустроенном монастыре или пользующимся наставлениями духовного старца, первым долгом своим считает извлечь любимца из такого монастыря и отвлечь от старца, несмотря на очевидную пользу монастырской строгости и наставлений старца для инока. Она желает исключительно обладать предметом своей страсти. В безумии своем она считает себя способною и достаточною заменить старца, которого, наоборот, она признает и провозглашает самым недостаточным и неспособным. Она не щадит никаких средств к достижению своих целей, — ни средств, доставляемых миром,

[1] 7 наставление монашеское. Том 1. || [2] Суд. 16. 4–21.

ни средств, доставляемых сатаною. Пристрастие свое, а часто и порочную страсть, она называет живою верою, чистейшею любовию, чувством матери к сыну, сестры к брату, дочери к отцу, словом, всеми святыми наименованиями, усиливаясь посредством их сохранить в неприкосновенности приобретенное достояние — несчастную душу вверившегося ей инока. В женщине преобладает кровь; в ней с особенною силою и утонченностию действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последнею прикрываются две первые.

Здесь отнюдь не порицается и не унижается женский пол! он почтен Богом честию человечества и образа Божия, как и мужеский; он искуплен бесценною кровию Спасителя; искупленный и обновленный, составляет вместе с мужеским полом одну новую тварь о Христе[1]. Здесь представлены женщины такими, какими они бывают тогда, когда действуют по беззаконным законам падшего естества, под водительством своей необузданной крови. Оказавшись способными вывести Адама из рая, при посредстве лести и обольщения, что Адам засвидетельствовал пред Богом о жене своей[2], они и ныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им иноков из благочестивой жизни, как из рая. Инок, обязанный любить всех ближних, а в числе их и женщин, любовию правильною, евангельскою, несомненно явит к ним эту любовь, когда, познав свою и их немощь, сохранит себя и их от вреда душепагубного, ведя себя с ними крайне осторожно, не вдаваясь в короткое знакомство, воздерживаясь от свободного обращения и храня чувства, в особенности зрение и осязание.

Глава 43
О падших ангелах

Святой апостол Павел говорит всем христианам: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[3]. Эта брань ужасна! она — на живот и на смерть. Последствиями этой брани должны быть или наше вечное спасе-

[1] Гал. 3. 28. || [2] Быт. 3. 12. || [3] *...потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12).

ние, или наша вечная погибель. Духи злобы, зараженные лютою ненавистию к роду человеческому, ведут эту брань с величайшим ожесточением и адским искусством. Святой апостол Петр говорит: *Супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити*[1]. Но истинно любящих Бога никак не могут падшие ангелы отлучить от Бога[2], хотя и употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение. Они употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение, потому что в этом отлучении заключается наша погибель. Для того чтоб противостать духам злобы и победить их благодатию Божиею, надо знать с точностию, кто — они, надо знать с точностию образ борьбы с ними, знать условия победы и побеждения.

Духи злобы — падшие ангелы. Бог сотворил их вместе с прочими Ангелами, сотворил непорочными, благими, святыми, ущедрил их многими естественными и благодатными дарованиями. Но духи, омрачившись гордостию, приписали самим себе свое обилие способностей, свои изящные свойства, самые дары благодати. Они исключили себя из разряда созданий, признали самобытными существами, забыв о своем создании, и на этом бедственном основании попрали свои священные обязанности к Богу-Создателю. К такому самомнению и самообольщению они были увлечены одним из главнейших Ангелов, которого святой пророк Иезекииль называет херувимом[3], и вообще все святые причисляют к высшим Ангелам. Этот херувим столько погрузился в самомнение и гордость, что счел себя равным Богу, явно возмутился против Бога[4], соделался противником Богу, исступленным врагом Бога. Духи, отвергшие повиновение Богу, низвергнуты с неба. Они пресмыкаются по земле, наполняют пространство между небом и землею, отчего называются воздушными, или обитающими в воздухе, низошли во ад, во внутренность земли. Все это засвидетельствовано Священным Писанием[5]. Число падших духов весьма значительно. Некоторые полагают, основываясь на свидетельстве Апокалипсиса[6], что целая треть ангелов подверглась падению. Пали многие из высших ангелов, как видно из вышеприведенных слов апостола Павла: их-то он и называет началами и властями. Глава и князь царства тьмы,

---

[1] 1 Пет. 5. 8. ‖ [2] Рим. 8. 38. ‖ [3] Иез. 28. По объяснению преподобного Кассияна Римлянина. ‖ [4] Ис. 14. 13, 14. ‖ [5] Ис. 14. 12, 15; Еф. 6. 12. ‖ [6] Откр. 12. 4.

составленного из падших духов, — падший херувим. Он — начало, источник, полнота зла. Превышая всех прочих падших ангелов способностями, он превышает всех их злобою. Естественно, что увлеченные им и произвольно подчинившиеся ему духи должны постоянно заимствовать от него зло, следовательно, быть в служении ему. Но Бог, предоставя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле, по всемогуществу Своему и премудрости, бесконечно превосходящей разум разумнейших тварей, не престает пребывать их верховным, полновластным Владыкою: они находятся в воле Бога, как бы в несокрушимых оковах, и могут совершать только то, что Богом попущено будет совершить им[1].

Взамен падших ангелов Бог сотворил новую разумную тварь — человеков, и поместил их в рай, находящийся на низшем небе и состоявший прежде под ведомством падшего херувима[2]. Рай поступил в управление новой твари — человека. Весьма понятно, что новая тварь соделалась предметом зависти и ненависти падшего ангела и падших ангелов. Отверженные духи, руководимые вождем своим, покусились обольстить новосозданных человеков, соделать их причастниками своего падения, своими единомысленниками, заразить ядом вражды своей к Богу, в чем и успели. Человек, хотя и обольщенный и обманутый, но произвольно отвергшийся повиновения Богу, произвольно согласившийся на демонскую хулу против Бога, произвольно вступивший в общение с падшими духами и в повиновение им, отпал от Бога и от лика святых духов, к которым он принадлежал не только душою, но и духовным телом своим, причислился к лику духов падших по душе, а по телу — к бессловесным животным. Злодеяние, совершенное падшими ангелами над человеками, окончательно решило участь падших ангелов: окончательно отступила от них милость Божия, они запечатлелись в своем падении. Духу суждено пресмыкаться в помышлениях и чувствованиях исключительно плотских и вещественных! дух не способен приподняться от земли! дух не может вознестись ни к чему духовному! Такое значение, по объяснению святых Отцов, имеет приговор, произнесенный Богом над падшим ангелом вслед за тем, как этот ангел поразил вечною

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 7. || [2] Беседа о духах преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января.

смертию новосотворенного человека. *На персех твоих и чреве ходити будеши,* изрек Бог демону, *и землю снеси вся дни живота твоего*[1]. Человек, хотя причислился к лику падших ангелов, но падение его, по способу, каким оно совершилось, получило совсем иной характер, нежели падение ангелов. Ангелы пали сознательно, намеренно, сами в себе произвели зло; совершив одно преступление, с остервенением устремились к другому: по этим причинам они вполне лишились добра, преисполнились злом, имеют единое зло своим качеством. Человек пал несознательно, ненамеренно, будучи обольщен и обманут: по этой причине его естественное добро не уничтожилось, а смешалось со злом падших ангелов. Но это естественное добро, как перемешанное со злом, отравленное злом, соделалось непотребным, недостаточным, недостойным Бога, Который есть цельное, чистейшее добро. Человек наиболее делает зло, думая делать добро, не видя зла, облеченного личиною добра, по причине омрачения своих разума и совести. Падшие духи делают зло для зла, находя наслаждение и славу в творении зла.

Бог по неизреченной благости Своей даровал падшему человеку Искупителя и искупление. Но и искупленному человеку предоставлена свобода или воспользоваться дарованным искуплением и возвратиться в рай, или отвергнуть искупление и остаться сопричисленным к сонму падших ангелов. Время, в которое предоставлено человеку выразить свое произволение, — вся земная жизнь. Искуплением возвращено человеку общение с Богом; но для свободного выражения воли ему предоставлено пребывать в этом общении или нарушать его, и не отъята от него возможность общения с падшими духами, общения, в которое он вступил произвольно. При таком нерешенном положении человека во все время его земной жизни и благодать Божия не престает вспомоществовать ему до самой минуты перехода его в вечность, если он того захочет, и падшие ангелы не престают употреблять все усилия, чтоб удержать его в общении с собою, в плену греховном и своем, в вечной смерти и гибели. Отверженный дух нередко покушался искушать даже святых мучеников и преподобных Отцов, по совершении ими величайших подвигов и знамений,

[1] *...ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей* (Быт. 3. 14).

пред самою кончиною их, в виду, так сказать, венцов небесных[1]. Весьма справедлива мысль, встречаемая у многих святых Отцов, что монах, до самого гроба, находится в опасности подвергнуться какому-либо искушению, не зная откуда и в каком характере оно возникнет. — Святая Церковь научает нас, что каждый христианин получает от Бога при Святом Крещении святого Ангела-хранителя, который, невидимо храня христианина, наставляет его на всякое благое дело в течение всей его жизни, напоминая ему заповеди Божии. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою погибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, повсюду следуя за человеком, старается вовлечь его во всякий вид греха[2]. Из изложенных здесь понятий явствует, что инок в течение всей своей земной жизни должен бодрствовать над собою, исполняясь вместе и страха и мужества. Он должен непрестанно быть в осторожности и страхе от своего врага и убийцы и вместе постоянно пребывать в мужестве и бодрости от убеждения, что непрестанно находится близ его могущественный помощник его — святой Ангел. Преподобный Пимен Великий сказал: «Великая помощь Божия объемлет человека; но ему не попускается видеть ее»[3]. Не попускается видеть ее: конечно, для того, чтоб человек, возуповав на эту помощь, не вознерадел и не оставил посильных подвигов своих.

Падший ангел, присужденный пресмыкаться по земле, употребляет все усилия, чтоб и человек постоянно пресмыкался по ней. Человек, по причине гнездящегося в нем самообольщения, весьма склонен к этому. Он имеет ощущение своей вечности, но так как это ощущение повреждено лжеименным разумом и лукавою совестию, то человеку и представляется его земная жизнь бесконечною. На основании этого обольстительного, ложного, гибельного сознания человек предается исключительно заботам и трудам о устроении своего положения на земле, забывая, что он на ней кратковременный странник, что его постоянная обитель — или небо, или ад. Священное Писание говорит от лица падшего человека Богу:

---

[1] Страдание святых мучеников Тимофея и Мавры. Четьи-Минеи, 3 мая. То же можно видеть и во многих других житиях. ‖ [2] Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, § 106. Также: святой Иоанн Златоуст, Беседа на Деяния Апостольские 26, Деян. 12. 15. Житие преподобного Василия Нового, Четьи-Минеи марта 26 дня. ‖ [3] Алфавитный патерик.

Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему[1]. Из этих слов явствует, что пристрастие к земле умерщвляет душу вечною смертию; она оживляется словом Божиим, которое, отторгая ее от земли, возносит мысли и чувствования ее к небу. «Диавол, — так любомудрствует о падшем ангеле святой Иоанн Златоуст, — бесстыден и нагл. Он нападает снизу. Впрочем, в этом случае побеждает по той именно причине, что не стараемся сами подняться туда, где бы он не мог нас ранить. Ибо он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог устроил его таким в начале, тем более таков он ныне. Если же не знаешь, что значит нападать снизу, я постараюсь объяснить тебе этот способ борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земного, посредством наслаждений, богатства и всего житейского. Посему если диавол видит кого парящим к небу, то, во-первых, не в состоянии напасть на него, а во-вторых, если и отважится напасть, тотчас сам падает: потому что — будь безопасен — у него нет ног. Не страшись его: у него нет крыльев, — ползает только по земле, пресмыкается между земными вещами. Не имей ничего общего с землею: тогда не нужен будет и труд. Диавол не умеет сражаться открыто, но как змей скрывается в терниях, так он всего чаще притаивается в прелестях богатства. Если посечешь сие терние, он скоро придет в робость и побежит. Если умеешь заговорить его Божественными заклинаниями, то легко ранишь его. И у нас, и у нас имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная»[2]. Преподобный Макарий Великий, узнав, что некоторый инок, Феопемпт, увлекается блудными помыслами, приносимыми диаволом, дал Феопемпту следующий совет: «Постись до вечера, так, чтоб тебе чувствовать голод, учи наизусть Евангелие и другие книги Священного Писания, чтоб тебе всегда пребывать в богомыслии. Если придет тебе злой помысл, не принимай его, никогда не попускай уму твоему быть сведенным вниз, но всегда устремляй его горе, и Бог поможет тебе»[3]. Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать, чтоб спастись и угодить Богу?» Старец отвечал: «Если хочешь угодить Богу, исступи из мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко

[1] *Душа моя повержена в прах; оживи меня по слову Твоему* (Пс. 118. 25). || [2] Беседа 8 на Послание к Римлянам. || [3] Житие преподобного Макария Великого. Четьи-Минеи, 19 января.

Творцу, соедини себя с Богом молитвою и плачем, и найдешь покой в сем и будущем веке»[1]. Преподобный Варсонофий Великий написал некоторому брату: «Если хочешь спастись, понудь себя умереть для всего земного. Считай себя за ничто и стремись к предлежащему, чтоб под предлогом доброго дела диавол не вовлек тебя в безвременные заботы»[2]. Злохитрый змей, опытный в борьбе с человеками и в погублении их, не всегда прибегает к сильным средствам для достижения своей цели. К чему употреблять их, когда они могут возбудить в иноке усиленное сопротивление и доставить ему славную победу, как это доказано многими опытами? Средства слабые действуют вернее. Они большею частию не примечаются, а и примеченные, пренебрегаются по наружной ничтожности, мнимой безгрешности своей. Вообще в современной брани диавола на христианство и иночество не видно в деле средств сильных, а видны одни средства слабые. Уже не нападают на православные монастыри агаряне и латиняне, не жгут и не режут иноков для уничтожения православного иночества. Оно уничтожается незаметными сетями, в которые уловляется, по обычаю времени, весьма удобно. Земные занятия, когда инок предается им с увлечением, способны и без явных грехов лишить его преуспеяния, опустошить его несчастную душу. Такая душа соделывается жилищем демонов, по свидетельству Евангелия[3]. Когда сердце древа заразится тлением, тогда древо уничтожается постепенно и незаметно, между тем как наружность его в течение долгого времени продолжает сохранять благолепие, не выказывая живущей во внутренности и снедающей ее смерти. Слабые средства, не касаясь наружности монашества, уничтожают его сущность. Что такое монах, как не тот христианин, который отделился от всего, уединился умом и сердцем, чтоб принадлежать единому Богу, вступив в неразлучное общение с Ним. Где же монах, когда он чужд Бога и пригвожден к земле? К числу слабых средств, но действующих весьма сильно, принадлежат различные рукоделия и телесные труды, когда инок займется ими неумеренно и с пристрастием, а это случается сряду при занятиях самочинных, не по послушанию. При этих занятиях неприметно вкрадывается пристрастие к ним: сперва является к занятию особенное внимание и усердие; потом инок уст-

[1] Алфавитный патерик. || [2] Ответ 69. || [3] Мф. 12. 44, 45.

ремляет все силы души и тела к занятию, забывает, оставляет Бога. Между тем змей старается представить иноку его занятие невинным, даже душеспасительным, общеполезным. По злохитрости змея начинают отвсюду раздаваться одобрения и похвалы иноку за его занятие; он заражается самомнением; душа его, не освещенная Словом Божиим, объемлется мраком неведения и неразумия; он поступает в полное владение падшего духа. Когда душа оставит подвиг духовный или, что то же, будет исполнять его с нерадением, поверхностно и холодно, займется единственно или преимущественно, с пристрастием и увлечением, земными занятиями, тогда страсти, принадлежащие падшему естеству, свободно пребывают в сердце, ничем не тревожимые; они растут, ширятся, крепнут на просторе и свободе. Тогда инок пользуется обманчивым спокойствием, утешаясь самомнением и тщеславием, признавая это утешение благодатным: неборющиеся со страстями не растревоживают их, а если и растревожатся на короткое время страсти, то не привыкший к самовоззрению не обращает на это внимания и старается успокоить страсти каким-либо земным развлечением. Такое спокойствие, или, правильнее, усыпление души, чуждое умиления, чуждое воспоминания о смерти и Суде, об аде и рае, чуждое заботы о благовременном умилостивлении Бога, о примирении и соединении с Ним, святые Отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума при жизни тела[1]. Во время страшного душевного усыпления страсти, в особенности душевные, вырастают до неимоверных размеров, стяжавают крепость и силу, превысшие естественных способностей: инок погибает неприметно для него.

Преподобный Кассиан Римлянин, посетивший египетские монастыри в конце IV или начале V века, в то время как монашество в Египте было необыкновенно многочисленно и сияло множеством духовных светильников, повествует, что иноки египетской пустыни Каламон, или Порфирион, находившейся в весьма значительном расстоянии от мирских селений, почти неприступной по своему положению для мирян, оказывали гораздо меньшее преуспеяние в монашеской жизни, нежели иноки пустыни Скит, находившейся не очень далеко от мирских селений и даже от многолюднейшего города Александрии. Причину этого преподобный Кассиан видит в

[1] Лествицы Слово 18.

следующем: пустыня Скит была самая бесплодная, а потому иноки ее не были развлекаемы ни возделыванием земли, ни созерцанием красот природы, а пребывали в келейном безмолвии, занимаясь по келлиям самыми простыми рукоделиями, постоянно пребывая в молитве, в чтении и изучении Слова Божия, в рассматривании возникающих в себе помыслов и ощущений; проводя такое сосредоточенное жительство, они скоро приходили в преуспеяние, и преуспеяние их достигало высочайшей степени совершенства. Напротив того, пустыню Каламон составлял пространный, плодоноснейший остров, оазис, подобный раю, со множеством великолепных дерев, со множеством разнообразнейших растений, свойственных тропическому климату. Остров со всех сторон был окружен обширным песчаным морем: так с справедливостию можно назвать песчаную степь, среди которой уединился Каламон. Доступ к нему был крайне затруднителен. Иноки Каламона, увлеченные удобствами обитаемого ими места, много занимались садоводством и земледелием; много развлекались их взоры красотами окружавшей их природы; устремив внимание в значительной степени к земле, они не могли обращать его всецело к небу[1]. — В жизнеописании святого Саввы, архиепископа Сербского, сказано, что когда он посетил святых отшельников Афона, то нашел их вполне чуждыми всех земных занятий: не занимались они ни земледелием, ни виноградниками, ни продажею своего рукоделия — не имели никаких житейских забот; единственным их занятием были молитвы, слезы, постоянное устремление ума и сердца к Богу[2]. Преподобный Арсений Великий столько остерегался увлечения чем-либо земным, увлечения, способного дать повод тончайшей страсти самомнения и тщеславия, что не писал ни писем, ни сочинений, хотя имел к тому всю возможность по своим способностям, учености и духовному преуспеянию[3]. — Древние великие иноки, как-то: Антоний Великий, Макарий Великий и другие, обилуя, по дару Божию, силами душевными и телесными, занимались много рукоделием; но рукоделие их было так просто, и навык к нему столько был усвоен, что оно нисколько не препятствовало заниматься вместе с рукоделием и молитвою. Они столько приучили себя к простому рукоделию, что ум их свободно погружался в глубины молитвы,

[1] Sancti Cassiani collatio, XXIV, cap. IV. ‖ [2] Патерик Афонский, ч. 1, с. 187. Издание 1860 года. ‖ [3] Алфавитный патерик.

возносился в видение в то время, как руки не переставали машинально работать: работа была так проста и привычка к ней так велика, что она не требовала для себя от ума никакого внимания[1]. Весьма многие из древних иноков вили веревки, другие делали корзины или рогожи (циновки). Легко можно заметить при наблюдении и над современными рукоделиями, что некоторые рукоделия, по привычке к ним, весьма мало требуют внимания к себе, например вязание чулков: привыкшие к этой работе производят ее, вовсе не глядя на нее, и во время ее свободно занимая ум посторонними предметами. Но другие занятия, например занятие живописию, требует большого внимания к себе: привыкшие к живописи хотя и могут заниматься при ней молитвою, но им невозможно всецело углубляться в молитву, потому что рукоделие требует, чтоб внимание часто обращалось к нему. Живопись возбуждает большое сочувствие к себе в душе, которой стремление, при этом, не может не раздваиваться между Богом и рукоделием. По приведенным здесь образцам можно судить и о прочих рукоделиях. Надо, чтоб сердце монаха было хладно к его рукоделию. В особенности занятия умственные способны отвлекать человека от смирения и Бога, привлекать к самомнению и поклонению своему *я*. При таких занятиях надо с особенною тщательностию внимать, чтоб дело наше совершалось во славу Божию и для общественной пользы, а не для наших тщеславия и самолюбия. Невозможно работать Богу и вместе мамоне! Невозможно работать Богу и вместе поблажать своим увлечениям, пристрастиям, страстям.

На основании вышесказанного преподаем возлюбленным нашим братиям, инокам, совет, чтоб они наблюдали при земных занятиях крайнюю осторожность, ведая, что по земле пресмыкается злобный и коварный змей, всегда готовый уязвить нас и излить в нас свой смертный яд. Новоначальный

---

[1] Упомянутые преподобные иноки пребывали в непрестанной молитве, и потому они занимались рукоделием вместе с молитвою — с чтением наизусть псалмов или с поучением, то есть с повторением какой-либо краткой молитвы, преимущественно Иисусовой — вне того времени, которое определено было собственно на молитву или на совершение молитвенного правила. Вставая на молитву, они оставляли рукоделие, как свидетельствует святой Иоанн Лествичник: «Никому не должно при молитве заниматься рукоделием, в особенности же делом (делом здесь названо занятие, отвлекающее к себе внимание инока), этому ясно научил Ангел великого Антония». Слово 19.

инок должен заниматься возложенным на него послушанием со всею тщательностию, ради Бога и своего спасения, не любоваться успешным исполнением послушания, не хвастать, этим не развивать в себе тщеславия, самомнения и гордости, чрез что послушание из орудия во спасение претворяется в орудие и средство в погибель. О успешном прохождении послушания надо постоянно молиться Богу, и успех приписывать единственно милости Божией. Когда же инок получит свободу употреблять значительную часть своего времени произвольно, то он должен охраниться от пристрастия к какому бы то ни было вещественному занятию и ко всему земному и тленному, как от смертоносного яда. Он должен непрестанно возносить свою мысль горе. Возносить мысль горе не значит воображать небесные селения, Ангелов, славу Божию и прочее, тому подобное — нет! такая мечтательность служит поводом к бесовской прелести. Без всякой мечтательности инок да возносится духовным ощущением на Суд Божий, да исполняется спасительного страха от убеждения в вездесущии и всеведении Божиих, да плачет и исповедуется пред Богом, присутствующим в его келлии и на него взирающим, да испрашивает себе благовременно прощение и помилование, помня множество грехов своих и неминуемую смерть. Если время, данное на покаяние и приобретение блаженной вечности, истрачено будет на временные занятия и приобретения, то в другой раз оно не дастся; потеря его не вознаградима; потеря его будет оплакиваться вечными и бесплодными слезами во аде. Если во время земного странствования человек не расторгнет общения с духами, то и по смерти останется в общении с ними, более или менее принадлежа к ним, смотря по степени общения. Нерасторгнутое общение с падшими духами подвергает вечной погибели, а недостаточно расторгнутое — тяжким истязаниям на пути к небу.

Посмотрите, братия, посмотрите, что совершил, совершает и совершит диавол, низводя ум человека от духовного неба к веществу, приковывая сердце человека к земным занятиям и к земле. Посмотрите и устрашитесь страхом спасительным. Посмотрите и остерегитесь осторожностию необходимою, душеполезнейшею! Падший дух занял некоторых иноков приобретением разных редких и дорогих вещей и, пригвоздив к ним мысль, отчуждил ее от Бога. Других занял изучением различных наук и художеств, лишь годных для земли и, при-

влекши все внимание к преходящим знаниям, лишил существенно нужного знания о Боге[1]. Иных занял приобретением для монастыря разнородного стяжания, постройками, разведением садов, огородов, пашни, лугов, скотоводства и принудил забыть Бога. Иных занял убранством келлии, цветочками, картинками, деланием ложечек, четочек, и отвлек от Бога. Иных привязал к токарному станку и научил вознерадеть о Боге. Иных подучил обратить особенное внимание на их пост и прочие телесные подвиги, дать особенное значение сухарям, грибам, капусте, гороху, таким образом разумные, святые и духовные подвиги превратил в бессмысленные, плотские и греховные, подвижника заразил и низложил плотским и лжеименным разумом, самомнением, презорством к ближним, в чем заключается уничтожение самого условия к святому преуспеянию и условие погибели. Некоторым внушил придать вещественной стороне церковных обрядов преувеличенное значение, затмив от них духовную сторону обрядов; таким образом он, для этих несчастных отъяв сущность христианства, оставил одну искаженную, вещественную оболочку, увлек их к отпадению от Церкви, к ложному и глупейшему суемудрию, к расколу. Столько удобен для падшего духа этот род брани, что он ныне употреблен повсюду. Столько удобен для диавола и человеческой погибели этот род брани, что диавол употребит его в последние дни мира для полного отвлечения всего мира от Бога. Употребит диавол этот род брани, и употребит с решительным успехом. В последние дни мира обымет человеков, по

[1] «Ведая враг, — говорит преподобный Иоанн Карпафийский, — молитву нам убо сущу поборну, тому же наветну и отторгнути нас от сея тщася, в желание нас влагает еллинских словес, от нихже отступихом, и о сем упражнятися подущает. Ему же да не повинемся, да не от осей своего земледельства заблудше, вместо смокв и гроздия, терние и волчцы оберем: *Премудрость бо мира сего буйства у Бога* вменися» — *...премудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3. 19). Многие святые Отцы обладали значительною ученостию человеческою; но они приобрели ее до вступления в монашество. По принятии монашества они исключительно занялись, по заповеданию Господа (Мф. 13. 52), изучением Царства Небесного, или Богословия в обширнейшем значении этого слова. Святые Отцы называют Богословие, изучаемое монашескою жизнию, наукою из наук, художеством из художеств (Добротолюбие. Ч. 4. Преподобного Кассиана Слово о рассуждении). Тысячелетней жизни недостаточно для удовлетворительного изучения его. Оно необъемлемо: потому что предмет его — Бог — необъемлем, и, сколько ни изучается, при всех познаниях о Нем, пребывает непостижимым.

влиянию миродержителя, привязанность к земле и ко всему вещественному, плотскому: они предадутся земным попечениям и вещественному развитию; они займутся исключительно устройством земли, как бы она была вечным жилищем их: соделавшись плотскими и вещественными, они забудут вечность, как бы несуществующую, забудут Бога, отступят от Него. *Якоже бысть во дни Ноевы,* предвозвестил Господь, *тако будет и во дни Сына Человеческаго: ядяху, пияху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчег: и прииде потоп, и погуби вся. Такожде и якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в оньже день изыде Лот от содомлян, одожди камык горящ и огнь с небесе и погуби вся: по тому же будет и в день, в оньже Сын Человеческий явится*[1].

Чтоб противостоять падшим духам, надо видеть их. Борьба возможна только с таким противником, который подвергается чувствам тела или души. Когда не виден враг, когда не видны его орудия, когда никакое ощущение не свидетельствует о присутствии и действии его, тогда он равен врагу несуществующему. Какое же может быть тут сражение? — Духи, невидимые для очей телесных, видимы для очей душевных, для ума и сердца; но святые Отцы, достигшие чистоты и совершенства, видели духов и телесными очами. Нам, не видящим падших духов телесными очами, надобно научиться видению их душевными очами. Для объяснения того, каким образом являются духи человекам и каким образом они могут быть видимы человеками, представим две нижеследующие повести. 1) Преподобный Макарий Великий проводил жизнь отшельника в египетском Ските. В некотором расстоянии от его келлии пребывало многочисленное общество иноков, находившихся под руководством Великого и проводивших жизнь затворников. Келлии их отстояли одна от другой на вержение камня. Однажды Преподобный сидел на пути, ведущем к келлиям иноков, и внезапно увидел идущего демона в образе человека со множеством сосудов. Старец спросил его: «Куда

[1] *...так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Также, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех; так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится* (Лк. 17. 26–30).

ты идешь?» Диавол отвечал: «Иду возмутить братию». Старец спросил: «Что у тебя в этих сосудах?» Диавол отвечал: «Кушание для братии». Старец сказал: «Во всех ли сосудах есть кушание?» Он отвечал: «Да. Если кому покажется неугодным одно кушание, то подаю другое, за ним третие, и так далее по порядку все кушания, одно за другим, чтоб каждый вкусил хотя одного». Сказав это, демон пошел далее, а старец остался на пути ожидать его возвращения. Увидев его возвращающимся, старец сказал ему: «Здравствуй». — «Какое здравствуй!» — отвечал тот. — «Почему так?» — спросил старец. — «Потому что, — отвечал диавол, — все монахи были ко мне неблагосклонны, и никто из них меня не принял». Старец сказал: «Итак, ты не имеешь между ними ни одного приятеля?» Диавол отвечал: «Имею там одного друга, который слушается меня: когда приду к нему, и он увидит меня, так и начнет вертеться во все стороны»[1]. — Старец спросил: «Как его имя?» Диавол сказал: «Феопемпт». Сказав это, он удалился. Преподобный Макарий отыскал Феопемпта и, вступив с ним в келейную беседу, нашел, что этот инок не узнавал демона, являвшегося ему, вступал в беседу с приносимыми им помыслами, услаждался ими, не понимая и не подозревая, что чрез это он вступил в общение и теснейшую связь с падшим духом. Святой научил Феопемпта борьбе с диаволом и из друга демонов превратил во врага[2]. Из этой повести явствует, что Феопемпт видел диавола, как и диавол засвидетельствовал об этом, но видел его лишь умом в разных греховных помыслах. Пришествие диавола к Феопемпту ознаменовывалось особенным наплывом навязчивых и обольстительных помыслов, с которыми он не знал что делать, приходил в состояние недоумения, беспокойства и смущения, вступал в беседу с помыслами, очевидно, не понимая, что они предлагаются бесом, а полагая, что они возникают в его собственной душе, старался успокоить их рассуждением и словопрением, и наконец увлекался и услаждался ими.

[1] «Вертеться во все стороны»: так бывает с неискусными в борьбе с бесовскими помыслами. Преподобный Кассиан Римлянин описывает, что некоторый неискусный старец, ощутив внезапную сильную блудную брань, нанесенную демоном, по причине ее «аки от пьянства семо и овамо обращашеся». Добротолюбие. Ч. 4. Слово о рассуждении.

[2] Четьи-Минеи, житие преподобного Макария Великого, января 19 дня. Также Алфавитный патерик.

2) Другой великий угодник Божий, преподобный Макарий Александрийский, увидел однажды телесными очами бегающих и летающих по всей церкви малых отроков, черных, как ефиопы. Обычай в той обители был таков, что один инок протяжно читал псалмы посреди церкви, а все прочие братия, сидя, внимали ему[1]. Преподобный увидел, что при каждом иноке сидел ефиоп и издевался над ним. Иному ефиопы полагали пальцы на глаза, и он тотчас начинал дремать; другому полагали пальцы на уста, и он начинал зевать. Пред иными они предстояли в подобии женском, пред другими строили здания, приносили разные вещи и упражнялись в разных занятиях. По окончании Божественной службы святой Макарий, призывая к себе каждого брата, расспрашивал его наедине, о чем он думал и мечтал во время Богослужения. Оказалось, что каждый думал и мечтал о том, что изображали пред ним духи[2]. Из этой повести явствует, что духи действуют на нас не только суетными и греховными помыслами, но и мечтаниями греховными и суетными, даже осязанием и различными прикосновениями. Все это сделается вполне ясным иноку, проводящему внимательную жизнь по евангельским заповедям, в свое время, из собственных опытов. «Бесы входят в чувства и члены, — говорит преподобный Иоанн Карпафийский, — мучат плоть разжжением, устрояют страстно смотреть, слышать, обонявать, внушают говорить недолжное, исполняют очи прелюбодеяния, приводят в смущение, действуя извне и внутри нас»[3]. Чтоб несколько объяснить для всех и каждого, каким образом духи, эти газообразные разумные существа, могут входить в члены нашего тела, производить в них свойственное себе действие, прикасаться к самой душе, влиять на нее, укажем на подобное действие некоторых газов: укажем на угар, который происходит от того, что тяжеловесный углеродный газ входит, невидимо для чувственных глаз, посредством обоняния, в головной мозг; укажем на винный спирт, или газ (spiritus, дух, газ), который, от употребления вина внутрь, подымается из желудка, сквозь

[1] Преподобный Кассиан повествует, что такой обычай существовал по всем общежительным монастырям Египта. О постановлениях общежитий, кн. 2, гл. 12. || [2] Четьи-Минеи, житие преподобного Макария Александрийского, января 19. «Тако преподобный Макарий, — говорит святой Димитрий Ростовский в житии его, — познаваше помышления человеческие от воображаемых бесами вещей». || [3] Добротолюбие. Ч. 4. Утешительных глав глава 87.

тело, в голову, непостижимым для нас образом, действует на мозг и на ум. Этот же винный спирт, или газ, проникая, столько же непонятно для нас, из желудка в кровь, производит в ней разгорячение, или, что то же, приводит ее в *физическое*[1] соединение с теплородом, веществом газообразным, самым утонченным, подвергает влиянию этого вещества и тело и душу. Газообразные вещества имеют свойство входить в вещества твердые и в другие газы, проникать сквозь них: так, луч солнечный проникает сквозь воздух и сквозь все известные газы, принадлежащие земле, сквозь воду, сквозь лед, сквозь стекло; теплород (то есть тепло, или огонь, в обширном значении этого слова) проникает удобно сквозь железо и сквозь все металлы, производит в них изменение — проникает он и сквозь те газы, сквозь которые проникает свет; воздух проходит сквозь дерево, не проходит сквозь стекло; пары воды, разные запахи, то есть газы, отделяющиеся от разных веществ, проникают сквозь воздух. Преподобный Макарий Великий говорит: «С того времени, как при посредстве преступления заповеди (в раю первыми человеками) зло вошло в человека, диавол получил свободный доступ всегда разговаривать с душою, как разговаривает человек с человеком, и влагать в сердце все вредное»[2]. Разговаривает диавол с человеком, не употребляя голоса, но словами: потому что мысли суть те же слова, только не произнесенные голосом, не облеченные в звуки, без чего человек человеку не может сообщать мыслей. В том же Слове великий Макарий говорит: «Диавол так хитро действует, что все злое представляется нам как бы рождающимся само собою в душе, а не от действия чуждого (постороннего) духа, злодействующего и старающегося утаиться»[3]. Ясные признаки пришествия к нам и действия на нас падшего духа суть внезапно являющиеся греховные и суетные помыслы и мечтания, греховные ощущения, тяжесть тела и усиленные скотские требования его, ожесточение сердца, надменность, тщеславные помыслы, отвержение покаяния, забвение смерти, уныние, особенное расположение к земным

[1] *Физическим* соединением вещества с веществом называется такое соединение, которое не уничтожает ни того, ни другого вещества, производя однако действие вещества на вещество. Таково соединение воды с солью или сахаром. *Химическими* соединением называется такое соединение, при котором соединенные вещества перестают быть тем, чем были до соединения, и образуют новое вещество. Так сера, будучи соединена с ртутью, производит киноварь (краску). ‖ [2] Слово 2, гл. 2. ‖ [3] Гл. 31.

занятиям. Пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения. «Помыслы, происходящие от демонов, — сказал великий Варсонофий, — прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрытно и тонко: ибо враги одеваются во одежды овчие, то есть внушают мысли по видимому правые, внутрь же суть *волцы хищницы*[1], то есть восхищают и *прельщают сердца незлобивых*[2] тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно»[3]. Подобно сему рассуждают все великие наставники монашества. — С иноками, твердо противостоящими отверженным духам в брани невидимой чувственными очами, в свое время, не иначе как по попущению благодетельствующего нам Бога, вступают духи в борьбу открытую[4]. Будучи существами газообразными, без плоти и костей[5], они принимают различные виды зверей, скотов, гадов и насекомых, в размерах и очень великих и очень малых, стараются устрашить инока, расстроить его, ввести его в высокое мнение о себе[6], стараются ввергнуть в то гибельное состояние, которое называется бесовскою прелестию, даже стараются исторгнуть поклонение себе, поклонение, подобающее Богу. Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внима-

[1] Мф. 7. 15. || [2] Рим. 16. 18. || [3] Ответ на вопрос 59. || [4] Это можно видеть из наставления о духах, которое произнес ученикам своим преподобный Антоний Великий и которое помещено в житии его (Четьи-Минеи, 17 января). Наставление в Четьих-Минеях сокращено: его можно прочитать в Vitae Patrum, Patrologiae Tomus LXXIII. Драгоценное наставление! его изложил Великий Антоний с необыкновенною ясностию из своего опытного, благодатного знания падших духов. || [5] Лк. 24. 39. || [6] Диавол особенно склонен и способен влагать в нас гордость и самомнение (преподобного Макария Великого Слово 4, гл. 13). Когда же подвижник впадет в самомнение, тогда падший дух удобно вводит все страсти в сердце подвижника неприметным образом и делает это сердце своею обителию. К вовлечению в самомнение наиболее клонятся все видимые и невидимые брани диавола. Если рассмотреть поползновения подвижников, то ясно можно убедиться, что всякому поползновению предшествовало самомнение. Тот впал в блуд, кто признал себя не способным к блудной страсти, и на основании этого самомнения отверг необходимое хранение себя. Тот заразился пьянственною страстию, кто, считая себя незаразимым ею, позволил себе неосторожное употребление вина, и так далее.

нии к ним и при доверии к бесам. Внимание к ним и доверие всегда имеет последствием своим величайший вред, а часто и погибель инока. При правильной борьбе с духами является от этой борьбы обильная душевная польза, и инок приходит в особенное преуспеяние. Преподобный Макарий Великий говорит: «Князь века сего для младенцев по духу есть жезл наказующий и бич, дающий раны: но тем самым, как выше сказано, при посредстве озлоблений и искушений, доставляет им великую славу и умножение чести: ибо от сего соделывается то, что они достигают совершенства, а себе он уготовляет большую и тягчайшую муку... Диавол, будучи раб и творение Божие, искушает не столько, сколько ему угодно, и наводит озлобление не в таком количестве, в каком бы он хотел, но сколько Божие мановение, чрез попущение, дозволит ему. Ибо Бог, совершенно ведая о всех все, и сколько каждый имеет сил, столько каждому допущает и быть искушенным»[1]. Верующий живою верою в Бога, с самоотвержением предавшийся Богу пребывает несмущенным при всех искушениях, наносимых духами злобы, видит в духах лишь слепые орудия Промысла Божия: не обращая на них никакого внимания во время искушений, наносимых ими, он всецело предается воле Божией. В преданности воле Божией — тихое, успокоительное пристанище при всех искушениях и скорбях[2].

Глава 44
Первый образ борьбы с падшими ангелами

Изложив в предшествовавшей статье образ борьбы падших духов с человеками в доступной для нас подробности, которая наиболее нужна и постижима уже преуспевшим инокам, здесь предлагаем образ борьбы с духами, приличествующий новоначальным и почти единственно могущий быть известным для них по опыту. Образ борьбы новоначального с невидимым духом, видимым лишь уму в помыслах и мечтаниях, заключается в том, чтоб новоначальный инок немедленно отвергал помысл и мечтание греховные, отнюдь не входя ни в беседу, ни в прение с ними, не обращая и не останавливая на них внимания, чтоб помысл или мечтание не успели напечатлеться в уме и таким образом усвоиться уму. На инока, имею-

[1] Слово 4, гл. 6 и 7. || [2] Пс. 106. 30.

щего некоторую духовную опытность и некоторое духовное преуспеяние, первоначально действуют наиболее один безвидный помысл, приносящий только напоминание греха; потом уже, если ум вступит в беседу с представившимся помыслом, является к содействию помыслу мечтание греховное. Новоначальному иноку, в котором плоть и кровь очень живы, помысл и мечтание греховные являются вместе. Если он только укоснит малейшее время во внимании к ним и начнет беседу с помыслом, по видимому не соглашаясь с ним и противореча ему, то он непременно победится и увлечется им. Опытнейший инок, хотя бы он провел столетие в иноческих опытах, недостаточно опытен в сравнении с падшим ангелом, которого опытность в борьбе с служителями Божиими изощрена целыми тысячелетиями: какое же значение может иметь в борьбе с этим ангелом новоначальный, неопытный инок, не имеющий даже опытного, живого знания о существовании падшего ангела? Сражение с ним есть верное побеждение для новоначального инока. Праматерь наша Ева, несмотря на то что была в состоянии непорочности и святости, едва вступила в беседу с змеем, как и была увлечена его злохитростию в преступление заповеди Божией и в падение[1]. Ей отнюдь не следовало вступать в беседу с коварным змеем! ей отнюдь не следовало вступать в рассуждение о достоинстве заповеди Божией! Она, не имея никакого опытного познания о зле, ни о лукавстве — лукавством и лицемерством злонамеренные существа обыкновенно прикрывают свою злонамеренность — легко увлеклась советом убийцы, прикрывшего убийственный совет личиною благонамеренности: такому же обману и бедствию подвергаются неопытные иноки. «Душа наша, — говорит преподобный Исихий Иерусалимский, — простая и добрая, будучи такою создана от благого Владыки своего, услаждается мечтательными прилогами диавола; обольщаемая, она устремляется к злу, представляющемуся ей добром, и перемешивает (соединяет) свои помыслы с мечтанием бесовского прилога»[2]. Все Отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже в беседу с ними. В особенности надо так поступать по отношению к блудным помыслам и мечтаниям. Для отражения греховных помыслов и мечтаний Отцы предлагают два орудия: 1) не-

[1] Быт. 3. || [2] Слово о трезвении, гл. 43. Добротолюбие. Ч. 2.

медленное исповедание помыслов и мечтаний старцу, и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшею молитвою о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: «Всегда наблюдай главу змея, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу: тогда ты научишься попирать зловредные начинания змея, когда не постыдишься открывать их, все без изъятия, твоему старцу»[1]. Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общий для всех новоначальных иноков в цветущие времена монашества. Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея[2], а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедывали помышления однажды в день, вечером, как это можно видеть из Лествицы[3] и других Отеческих книг. Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостию, без которой невозможно спастись. Преподобный авва Дорофей говорит: «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от сего падает человек или от того; а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Увидел ли ты кого падшим? знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего. Бог сохранил меня, и я всегда боялся этого бедствия»[4]. Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути евангельских заповедей, и ничто так не разобщает его с грехом и началом греха — демоном, как постоянное и усиленное исповедание греха в самых его началах. Такое исповедание уставляет между человеком и демоном спасительную для человека непримиримую вражду. Такое исповедание, уничтожая двоедушие, или колебание между любовию к Богу и любовию ко греху, дает благому произволению необыкновенную силу, а потом преуспеянию инока необыкновенную быстроту, в чем можно убедить-

[1] Преподобного Кассиана Римлянина О постановлениях общежитий кн. 4, гл. 37. || [2] Житие это помещено при поучениях преподобного Дорофея, в начале их. || [3] Слово 4, гл. 32 и 39. || [4] Поучение 5 о том, чтоб не полагаться на свой разум. В этом поучении преподобный Дорофей, приводя вышеприведенную повесть о иноке Феопемте, говорит, что сей инок именно потому был игралищем демона, что не имел обычая исповедывать приходивших ему помыслов.

ся опять из жития преподобного Досифея. — Те иноки, которые не могли действовать против греха постоянною и учащенною исповедию греховных помыслов по неимению старца, действовали против него постоянною и учащенною молитвою, как, например, преподобная Мария Египетская[1]. Действие молитвою должно быть самое решительное, без всякого предварительного собеседования с помыслом, тем более без какого-нибудь услаждения им. Лишь ощутишь пришествие врага, вставай на молитву, преклоняй колена, воздевай руки к небу или распростирайся по земле; рази этою молниею врага в лицо его, и он не возможет устоять против тебя, вскоре приучится обращаться в скорое бегство. Отвержение двоедушия, то есть колебания между любовию к Богу и любовию к греху, необходимо: от этого сохраняется, возрастает, усиливается наше благое произволение и стремление к Богу, чем привлекается к нам особенная милость Божия. «Если будем постоянно держать меч в руках, — сказал Пимен Великий, — то Бог будет постоянно с нами; если будем храбры, то Он сотворит с нами милость Свою»[2]. Превосходный образец борения молитвою против греховных помыслов видим в подвиге преподобной Марии Египетской[3]. Говорит святой Исаак Сирский: «Если кто не прекословит помыслам, злохитро всеваемым в нас врагом, но отсекает беседу с ними молитвою к Богу, то это служит признаком, что ум его приобрел премудрость от благодати и что правильное разумение дела освободило его от многого (тщетного и излишнего) труда. Обретением краткого пути он отсек продолжительное парение (странствование) по пути растянутому. Не во всякое время мы имеем силу воспрекословить всем помыслам, противодействующим нам, и победить их; по большей части мы приемлем от них язвы, на исцеление которых нужно весьма значительное время. Ты выходишь на поединок с борцами, укрепленными шеститысячелетнею опытностию! Твое собеседование с ними доставит им возможность обдуманно нанести тебе поражение, превысшее меры премудрости и разума твоих. Если б ты и победил их, то ум твой остается осквернённым скверною помыслов, принесенных ими, и воня злосмрадия их в течение продолжительного времени остается в обонянии твоем. При

[1] Житие преподобной Марии. Четьи-Минеи, 1 апреля. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Житие преподобной Марии.

употреблении же первого способа ты пребываешь свободным от них и от их последствий. Нет иной помощи, кроме Бога»[1]. В особенности должно избегать собеседования и словопрения с блудными помыслами. В такое словопрение наиболее вдается подвижник, ошибочно полагая, что блудные помыслы и мечтания восстали сами собою в его душе и могут быть обузданы силою благоразумного увещания самому себе, — не понимая, по неопытности своей, пришествия к себе демона, который охотно вступает с нами в беседу и словопрение, наверно зная, что сладострастные помыслы и мечтания найдут сочувствие в душе новоначального, возбудят и разожгут живущее в ней сладострастие; он приманивает и завлекает нас к беседе и словопрению, то как бы уступая и удаляясь, то снова нападая, в полной надежде получить над нами решительную победу. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Не вздумай низложить блудного беса словопрением и противоречием: потому что он имеет благовидные предлоги, как борющийся с нами на основании естества[2]. Восхотевший вступить в борьбу с своею плотию или победить ее сам собою трудится тщетно: ибо если Господь не разорит дома плоти и не созиждет дом души, то всуе бодрствует и постится разоряющий[3]. Повергни пред Господом немощь естества твоего, сознай бессилие твое во всех отношениях и примешь дарование целомудрия неприметным образом[4]. Этот демон, гораздо более других демонов, высматривает то время, в которое мы не можем противостать ему молитвою при участии в ней тела: тогда преимущественно нечистый этот нападает на нас[5]. Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, вспомоществует (в борьбе с блудным бесом) злострадание в телесной молитве, то есть воздеяние рук, биение в перси, частое устремление очей к небу, множество воздыханий, частое коленопреклонение. Этого они нередко не могут исполнить по причине присутствия других: тогда-то и покушаются бесы нападать на них, а они, еще не имея возможности сопротивляться мужеством ума и невидимою силою молитвы, по необходимости, может быть, уступают нападающим на них. Уйди скорее, если можно, скройся

[1] Слово. 30. Святой Исаак жил в VI веке по Р. Х. || [2] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81. || [3] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81. || [4] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81. || [5] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81.

ненадолго в тайном месте! возведи горе, если можешь, душевное око, а если не можешь, то хотя телесное, воздей руки крестообразно и держи их так неподвижно, чтоб изображением креста посрамить и победить этого Амалика. Воззови к Могущему спасти не хитросплетенною речью, но смиренными словами. Прежде всего начни с этих слов: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь*[1]. Тогда на опыте познаешь силу Вышнего и невидимою помощию невидимо прогонишь невидимых. Навыкнувший бороться таким образом вскоре начнет отгонять врагов одною душою: второе есть праведный дар Божий делателям первого[2]. — Возлегши на постель, тогда особенно да трезвимся, потому что тогда ум должен бороться с бесами без (помощи) тела, и, если он сластолюбив, то делается предателем удобно[3]. Воспоминание о смерти и единопомышляемая молитва Иисусова да усыпают и да восстают с тобою»[4]. Блудный бес нападает с бесстыдством даже на святых и духоносных мужей, как это видно из жития преподобных Макария Александрийского, Пахомия Великого и других угодников Божиих. И для святых мужей не всегда было достаточно одной сердечной молитвы для сопротивления врагу, имеющему опору в падшем естестве нашем! и они должны были иногда, во время усиленной брани, прибегать к подвигу телесному, к вспомоществованию молитве сердечной, участием в молитве тела, к обузданию тела работою до утомления его. На некоторых иноков, весьма внимательной жизни, сохранивших девство по телу, блудный бес нападает с особенным ожесточением, как то случилось с юным иноком, расстроенным советом неопытного старца, о чем повествует преподобный Кассиан в Слове о рассуждении[5]. Преподобный Пимен Великий говорил: «Как царский оруженосец предстоит царю всегда готовым, так душе должно быть всегда готовою против блудного беса»[6]. По этой причине иноки, боримые сильными страстями, всегда должны быть готовыми к сопротивлению им; на самое ложе, для успокоения сном, они возлегают одетыми и опоясанными, как бы вооруженные, точно будучи вооружены бодростию и ревностью, чтоб при появлении врага немедленно восстать и отразить его. По этой причи-

[1] *Помилуй меня, Господи, ибо я немощен* (Пс. 6. 3). || [2] Слово 15, гл. 82 по московскому изданию 1855 года и по переводу старца Паисия. || [3] Слово 15, гл. 54, 55. || [4] Слово 15, гл. 54, 55. || [5] Добротолюбие. Ч. 4. || [6] Алфавитный патерик.

не в некоторых благоустроеннейших монастырях Афонской горы сохранился древний святой обычай, по которому всем братиям законополагается упокоеваться сном не иначе, как одетыми. Такой обычай указан самым Евангелием[1]. Ведай, благочестивый инок, что в то время, как приходит к тебе сатана с искушением своим, присутствует тут вездесущий Господь твой, взирающий на тебя, на твои ум и сердце и ожидающий, чем увенчается твой подвиг[2]: сохранением ли верности к Господу, или предательством Его? явлением ли любви к Господу и вступлением в общение с Ним, или явлением любви к сатане и вступлением в общение с ним? То или другое непременно бывает последствием столкновения с невидимым врагом. Истинное монашество есть невидимое мученичество; жизнь инока есть цепь непрерывных борений и страданий: победителю дается живот вечный — обручение Святого Духа. Тому иноку, которого Бог хочет обогатить духовным разумом и духовными дарованиями, попускаются сильные брани. *Побеждаяй наследит вся,* говорит Писание, *и буду ему Бог, и той будет Мне в сына*[3]. Итак! да не унываем.

Глава 45
Второй образ борьбы с падшими ангелами

Преподобный Нил Сорский, основываясь на наставлении святого Исаака Сирского, предлагает следующий способ борьбы с греховными помыслами, — разумеется, когда брань не сильно действует и уступает этому способу. Этот способ заключается в том, чтоб лукавые помыслы превращать в благие и добродетелями подменивать, так сказать, страсти[4]. Например, если придет помысл гнева или памятозлобия, то полезно вспоминать о кротости и незлобии, о заповедях Господа, с угрозою воспрещающих гнев и памятозлобие; если придет

[1] Лк. 12. 35–38. || [2] В житии преподобного Антония повествуется следующее. Во время сильнейшей бесовской брани Преподобный внезапно освещен был неизреченным светом, причем демоны и искушение их исчезли. Познав пришествие к себе Господа, Антоний воскликнул: «Господи! где был Ты доселе?» И услышал голос: «Я был здесь; но желал видеть мужество твое» и проч. Четьи-Минеи, 17 января. || [3] *Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном* (Откр. 21. 7). || [4] Слово 5. Преподобный Нил Сорский, как в сем слове, так и во всем сочинении, подробно и превосходно говорит о молитве как о главнейшем оружии против греха.

помысл и ощущение печали, то полезно вспоминать силу веры и слова Господа, Который воспретил предаваться боязни и печали, уверив и заверив нас Своим Божественным обетованием, что и власы главы нашей изочтены у Бога, что ничего не может случиться с нами без Промысла и попущения Божиих. Преподобный Варсонофий Великий сказал: «Отцы говорят: если демоны увлекают ум твой в блуд, напоминай ему о целомудрии; если же увлекают в чревообъядение, приведи ему на память пост. Таким образом поступай и в отношении других страстей»[1]. Так поступай, когда восстанут помыслы сребролюбия, тщеславия и прочие греховные помышления и мечтания. Этот способ, повторяем, весьма хорош, когда он оказывается достаточно сильным; он указан нам Самим Господом[2]. Но когда страсти взволнуются, ум омрачится и растеряется пред громадностию искушения, помыслы нападут с настойчивостию и неистовством: тогда не только против блудных помыслов, но и против помыслов гнева, печали, уныния, отчаяния, словом, против всех греховных помыслов, самое надежное орудие — молитва с участием в ней тела. Пример этого показал и это заповедал нам опять Сам Господь. Объятый предсмертною тоскою, Спаситель мира молился, преклоняя колена, в саду Гефсиманском, и ученикам, не понимавшим приближавшейся великой скорби, сказал: *Бдите и молитеся, да не внидите в напасть*[3].

Глава 46
О сновидениях

Демоны употребляют для возмущения и повреждения душ человеческих *сновидения;* также и сами неопытные иноки, обращая внимание на свои сны, вредят себе: по этой причине необходимо сделать здесь определение значения сновидений в человеке, которого естество еще не обновлено Святым Духом.

Во время сна человеческого состояние спящего человека устроено Богом так, что весь человек находится в полном отдохновении. Это отдохновение так полно, что человек во время его теряет сознание своего существования, приходит в самозабвение. Во время сна всякая деятельность, сопряженная с трудом и производимая произвольно под управлением

[1] Ответ 177. || [2] Мф. 4. 3, 4, 6, 7. || [3] *...бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26. 39, 41).

разума и воли, прекращается: пребывает та деятельность, которая необходима для существования, и не может быть отделена от него. В теле кровь продолжает свое движение, желудок варит пищу, легкие отправляют дыхание, кожа пропускает испарину; в душе продолжают плодиться мысли, мечтания и чувствования, но не в зависимости от разума и произвола, а по действию бессознательному естества. Из таких мечтаний, сопровождаемых свойственным мышлением и ощущениями, составляется сновидение. Оно часто бывает странным, как не принадлежащее к системе произвольных и намеренных мечтаний и размышлений человека, но являющееся самопроизвольно и самонравно по закону и требованию естества. Иногда сновидение носит на себе несвязный отпечаток произвольных размышлений и мечтаний, а иногда оно бывает последствием нравственного настроения. Таким образом, сновидение, само по себе, не может и не должно иметь никакого значения. Смешно же и вполне нелогично желание некоторых видеть в бреднях сновидений своих предсказание своей будущности или будущности других, или какое-нибудь другое значение. Как быть тому, на существование чего нет никакой причины?

Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням бóльшее внимание, ввести нас малопомалу в доверие к ним. Такое доверие всегда сопряжено с самомнением, а самомнение делает наш умственный взгляд на нас самих ложным, отчего вся деятельность наша лишается правильности: это-то демонам и надо. Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде Ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни. Такая высота есть вместе и погибельная пропасть. Нам надо знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатию, мы не способны видеть иных сновидений, кроме составляемых бредом души и наветом демонов. Как во время состояния бодрости постоянно и непрестанно возникают в нас помыслы и мечтания из падшего естества или прино-

сятся демонами, так и во время сна мы видим только мечты по действию падшего естества и по действию демонов. Как утешение наше во время бодрствования нашего состоит из умиления, рождающегося от сознания грехов своих, от воспоминания о смерти и о Суде Божием, — только эти помыслы возникают в нас от живущей в нас благодати Божией, насажденной Святым Крещением, и приносятся нам Ангелами Божиими, сообразно нашему состоянию кающихся, — так и во сне, весьма редко, при крайней нужде, представляют нам Ангелы Божии или кончину нашу, или адскую муку, или грозный присмертный и загробный Суд. От таких сновидений мы приходим к страху Божию, к умилению, к плачу о себе. Но такие сновидения даются весьма редко подвижнику или даже и явному и лютому грешнику по особенному неведомому смотрению Божию; даются весьма редко не по скупости к нам Божественной благодати — нет! — по той причине, что все случающееся с нами вне общего порядка приводит нас в самомнение и колеблет в нас смирение, столько необходимое для нашего спасения. Воля Божия, в исполнении которой заключается спасение человека, изображена в Священном Писании так ясно, так сильно, так подробно, что содействие спасению человеков нарушением общего порядка делается наиболее излишним и ненужным. Просившему воскрешения мертвецу и послания его к братиям для увещания их к переходу с широкого пути на тесный сказано: *Имут Моисеа и Пророки: да послушают их.* Когда же просивший возразил: *ни!.. но аще кто из мертвых идет к ним, покаются,* то получил в ответ: *аще Моисеа и Пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры*[1]. Опыт показал, что многие, сподобившиеся во сне видения мытарств, Страшного Суда и других загробных ужасов, были потрясены видением на краткое время, потом рассеялись, забыли о виденном и вели жизнь беспечную: напротив того, не имевшие никаких видений, но поучавшиеся тщательно в Законе Божием, постепенно пришли в страх Божий, достигли духовного преуспеяния и в радости, рождаемой извещением спасения, перешли из земной юдоли скорбей в блаженную веч-

[1] *...у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. ...Нет, ...но если кто из мертвых придет к ним, покаются. ...Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16. 29–31).

ность. — Святой Иоанн Лествичник рассуждает об участии демонов в иноческих сновидениях нижеследующим образом: «Когда мы, оставив ради Господа дом и домашних, предадим себя по любви к Богу странничеству, тогда бесы, мстя за это, покушаются возмущать нас сновидениями, представляя нам родственников наших или рыдающими, или умирающими, или держимыми в заключении и подвергающимися за нас напасти. Верующий снам подобен гонящемуся за своею тению и покушающемуся поймать ее. Бесы тщеславия соделываются в сновидениях пророками, предугадывая, по пронырству своему, будущее и его предвозвещая нам, чтоб мы по исполнении видений пришли в недоумение и, как уже близкие к дару предуведения, возвысились помыслом. Для тех, которые верят демону, он часто бывает пророком, а для тех, которые уничижают его, он всегда бывает лжецом. Будучи духом, он видит совершающееся в воздушном пространстве и, уразумев, что кто-нибудь умирает, возвещает о том во сне легкомысленным. Демоны ничего будущего не знают по предуведению: в противном случае и чародеи могли бы предсказывать нам смерть. Преобразуются демоны в Ангелов света, принимают на себя часто образ мучеников и в сновидениях показывают нам общение наше с ними, а пробудившихся погружают в радость и возношение. Это да будет тебе признаком прелести (бесовского обольщения). Святые Ангелы показывают муку, Суд, смерть, отчего мы, проснувшись, исполняемся трепета и сетования. Если начнем покоряться бесам в сновидениях, то они начнут издеваться над нами и в бодрственном состоянии. Верующий сновидениям вполне неискусен, а неверующий никакому сну — истинно любомудр. Доверяй только тем снам, которые возвещают тебе муку и Суд; если же по причине их зачнет тебя тревожить отчаяние, то и такие сны от бесов»[1]. — Преподобный Кассиан Римлянин повествует о некотором иноке, уроженце Месопотамском, что он проводил самую уединенную и постническую жизнь, но погиб от обольщения бесовскими сновидениями. Демоны, усмотрев, что инок обращал мало внимания на свое развитие духовное, а устремил все внимание на телесный подвиг и дал ему, а следовательно и себе, цену, начали представлять ему сновидения, которые по злохитрости бесовской сбывались на самом деле. Когда

[1] Прибавление к Слову 3. Святой Иоанн Лествичник.

инок утвердился в доверенности к своим сновидениям и к себе, то диавол представил ему в великолепном сновидений иудеев, наслаждающимися небесным блаженством, а христиан, томимыми в адских муках. При этом демон — разумеется в образе Ангела или какого ветхозаветного праведника — дал совет иноку принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве иудеев, что инок без малейшего промедления и исполнил[1]. — Достаточно сказанного для объяснения возлюбленным братиям нашим, современным инокам, сколько безрассудно внимать, тем более доверять снам, и какой страшный вред может родиться от доверия к ним. От внимания к сновидениям непременно вкрадывается в душу доверие к ним: и потому самое внимание строго воспрещается.

Естество, обновленное Святым Духом, управляется совершенно иными законами, нежели естество падшее и коснящее в своем падении. Правитель человека обновленного — Святой Дух. «На них же осияла Божественного Духа благодать, — сказал преподобный Макарий Великий, — и во глубине ума их водворилася: сим Господь яко душа есть»[2]. И в бодрствовании и во сне они пребывают в Господе, вне греха, вне земных и плотских помышлений и мечтаний. Помышления и мечтания их, находящиеся во время сна вне управления разумом и волею человеческими, действующие в прочих человеках бессознательно по требованию естества, действуют в них под водительством Духа, и сновидения таких людей имеют духовное значение. Так, праведный Иосиф во сне был научен таинству вочеловечения Бога Слова; во сне повелено ему бежать во Египет и возвратиться из него[3]. Сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями.

Глава 47
О сродстве между собою как добродетелей, так и пороков

Необходимо знать возлюбленным братиям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собою; точно так же все греховные помыслы, мечтания, грехи и стра-

[1] Слово о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 6. || [2] Слово 7, гл. 12. || [3] Мф. гл. 1 и 2.

сти имеют сродство между собою. По причине этого сродства произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собою естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первою. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали Отцы, не терпит *пребывать бессупружною* в сердце[2]. Объясним это примерами. Кто отвергнул памятозлобие, тот естественно ощущает сердечное умиление; кто отказался от осуждения ближних, того помысл естественно начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних. Кто похвалил или извинил ближнего ради заповеди евангельской, тот естественно ощутил к ближнему благорасположение. Вслед за нищетою духа естественно является плач о себе; нищий духом и плачущий о себе естественно делается кротким. Уничиживший правду падшего естества и отрекшийся от нее естественно алчет и жаждет правды Божественной: потому что быть вовсе без правды несвойственно человеку. Напротив того, кто осудил ближнего, тот естественно ощутил презрение к нему; ощутивший презрение — стяжал гордость. От презрения ближнего, при высоком мнении о себе, а эти два состояния неразлучны, является ненависть к ближнему. От ненависти и памятозлобия является ожесточение сердца. По причине ожесточения сердца начинают преобладать в человеке плотские ощущения и плотское мудрование, а от этого возжигается блудная страсть, умерщвляется вера в Бога и надежда на Него, является стремление к корыстолюбию и славе человеческой, приводящие человека к совершенному забвению Бога и отступлению от Него. На основании этого сродства между собою, как добродетелей, так и грехов, Дух Святой законополагает истинному служителю Божию: *ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех. От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню слове-*

[1] Преподобного Марка Подвижника Слово о покаянии и Слово о крещении.

са Твоя[1]. Путь неправды — помыслы и мечтания греховные: ими грех входит в душу.

Возлюбленный брат! не сочти позволительными для себя никакой беседы с помыслами, никакого услаждения мечтаниями, противными духу Евангелия. Согласие с врагами Господа, единение с ними, не могут не сопровождаться нарушением верности к Господу, нарушением единения с Ним: *иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен*[2]. Как нарушение одной заповеди есть вместе нарушение всего Закона Божия или воли Божией, так исполнение одного совета диавольского есть вместе исполнение вообще воли диавола. Подвижник, исполнивший волю диавола, лишается свободы и подвергается насильному влиянию падшего духа, в той степени, в какой исполнена воля диавола. Смертный грех решительно порабощает человека диаволу и решительно расторгает общение человека с Богом, доколе человек не уврачует себя покаянием; увлечение помыслами и мечтаниями производит меньшее порабощение и разобщение, но производит их. И потому необходимо воздерживаться от всех помышлений и мечтаний, несогласных с учением Евангелия, а случающиеся увлечения немедленно врачевать покаянием. Умоляем возлюбленных братий обратить внимание на это. Не знающие этого и не обращающие внимания на это терпят величайший вред и лишают сами себя духовного преуспеяния. Например: многие, хранясь от блудных помыслов и мечтаний, считают ничего не значащими услаждение помыслами и мечтаниями корыстолюбия и тщеславия, между тем как по духовному закону помыслы и мечтания о имуществе, о почестях, о славе человеческой суть те же блудные. Такое значение имеют все греховные помыслы и мечтания в отношениях человека к Богу, как отвлекающие человека от любви Божией. По закону духовному, услаждающийся тщеславными и другими греховными помыслами и мечтаниями никогда не освободится от блудной страсти, сколько бы он против нее ни подвизался. Преподобный Макарий Великий говорит: «Должно хранить душу и всячески блюсти, чтоб она не приобщалась с скверными и злыми помыслами. Как тело, совокупляю-

[1] *Все проявления Твои — все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу. От всякого злого пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое* (Пс. 118. 128, 101). || [2] *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2. 10).

щееся с другим телом, заражается нечистотою, так растлевается и душа, сочетаваясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь с ними заодно, с помыслами, которые приводят не к тому или другому греху, но которые ввергают во всякую злобу, как-то: неверие, лесть, тщеславие, гнев, зависть, рвение. Это-то и значит очистить *себе самех от всякия скверны плоти и духа*[1]. Знай, что и в тайне души содевается растление и блужение действием непотребных помыслов»[2].

Глава 48
О особенном противодействии падших духов молитве

Падшие духи с ожесточением противодействуют всем евангельским заповедям, в особенности же молитве как матери добродетелей. Святой пророк Захария видел в видении своем *Иисуса, иерея великаго, стояща пред лицем Ангела Господня, и диавол стояше одесную Его, еже противитися Ему*[3]: так и ныне предстоит диавол неотступно каждому служителю Божию с намерением похищать, осквернять его духовные жертвы, не допускать до жертвоприношения, прекратить и уничтожить его. «Падшие духи терзаются завистию к нам, — говорил преподобный Антоний Великий, — и не престают приводить в движение все злое, чтоб мы не наследовали прежних престолов их на небе»[4]. В особенности «очень завидует бес, — сказал преподобный Нил Синайский, — человеку молящемуся и употребляет всевозможные козни, чтоб расстроить его делание»[5]. Демон употребляет все усилия, чтоб воспрепятствовать молитве или чтоб сделать ее бессильною и недействительною. Этому духу, низверженному с неба за гордость и возмущение против Бога, заразившемуся неисцельною завистию и ненавистию к роду человеческому, заразившемуся жаждою погибели человеков, неусыпно, день и ночь, заботящемуся о погублении человеков, невыносимо видеть, что немощный и грешный человек молитвою отделяется от всего земного, вступает в беседу с Самим Богом и исходит из

---

[1] *...очистим себя от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7. 1). ‖ [2] Слово 7, гл. 4. ‖ [3] *...Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему* (Зах. 3. 1). ‖ [4] Vita Beati Antonii Abbatis. Patroloqiae. Tom. LXXIII, caput XV, и Четьи-Минеи. ‖ [5] О молитве, гл. 47. Добротолюбие. Ч. 4.

этой беседы запечатленным милостию Божиею, с надеждою наследовать небо, с надеждою увидеть даже свое бренное тело претворенным в духовное. Невыносимо это зрелище для духа, который навсегда осужден пресмыкаться, как бы в тине и смраде, в помышлениях и ощущениях исключительно плотских, вещественных, греховных, который, наконец, навечно должен быть низвергнут и заключен в адские темницы. Он ярится, приходит в исступление, коварствует, лицемерствует, злодействует. Надо быть внимательным и осторожным: только по крайней нужде, особенно по требованию возложенного послушания, можно отдать время, определенное для молитвы, другому занятию. Без важнейшей причины не оставляй, возлюбленный брат, молитвы! Оставляющий молитву оставляет свое спасение; нерадящий о молитве нерадит о спасении; покинувший молитву отвергся от своего спасения. Инок должен вести себя очень осмотрительно, потому что враг старается окружить его со всех сторон своими кознями, обмануть, обольстить, возмутить, совратить с пути, предписываемого евангельскими заповедями, погубить во времени и в вечности. Такое ожесточенное, злонамеренное и злохитрое преследование врага скоро усматривается при внимательной жизни; скоро мы заметим, что к тому самому времени, как надо заняться молитвою, он приготовляет другие занятия, представляет их и преважными и не терпящими отлагательства, лишь бы отъять у инока молитву. Козни врага обращаются в пользу тщаливому подвижнику: видя непрестанно близ себя убийцу с обнаженным и занесенным для удара кинжалом, беспомощный, бессильный, нищий духом инок непрестанно вопиет с плачем к всесильному Богу о помощи, и получает ее. — Дух отверженный, когда не возможет отнять у молитвы времени, определенного для молитвы, тогда старается окрасть, осквернить молитву во время совершения ее. Для сего он действует помыслами и мечтаниями. Помыслы он наиболее облекает в личину правды, чтоб придать им более силы и убеждения, а мечтания представляет в обольстительнейшей живописи. Окрадывается и уничтожается молитва, когда, во время совершения ее, ум не внимает словам молитвы, но занят пустыми помыслами и мечтаниями. Оскверняется молитва, когда, во время ее, ум, отвлекшись от молитвы, обратит внимание к греховным помыслам и мечтаниям, представленным врагом. Когда явятся тебе помысл и мечтание греховные, нисколько

не обращай внимания на них. Лишь увидишь их умом твоим, тем усиленнее затвори ум в слова молитвы и умоляй Бога теплейшею и внимательнейшею молитвою о прогнании от тебя убийц твоих. — Дух лукавый устроивает с особенным искусством полки свои. Впереди у него стоят помыслы, облеченные во все виды правды, и мечтания, которые неопытный подвижник может принять не только за явления невинные, но и за вдохновения, за видения святые и небесные. Когда ум примет их и, подчинившись влиянию их, утратит свою свободу, тогда предводитель иноплеменнического войска выставляет для борьбы помыслы и мечтания явно греховные. «За бесстрастными помыслами, — сказал преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преждебывших великих Отцов, — последуют страстные: допущенный вход первым бывает причиною насильственного входа вторых»[1]. Ум, как произвольно утративший свою свободу при столкновении с передовыми силами, обезоруженный, ослабленный, плененный, нисколько не может противостоять главным силам: немедленно побеждается ими, подчиняется, порабощается им. Необходимо во время молитвы заключать ум в слова молитвы, отвергая без разбору всякий помысл, и явно греховный и праведный по наружности. Всякий помысл, каково бы ни было его одеяние и всеоружие, но если отвлекает от молитвы, этим самым доказывает, что он принадлежит к полку иноплеменническому и пришел, необрезанный, *поносити Израиля*[2]. — Невидимую брань (борьбу) свою с человеком собственно греховными помыслами и мечтаниями падший ангел основывает на взаимном сродстве грехов между собою. Брань эта не умолкает ни днем, ни ночью, но действует с особенным напряжением и неистовством, когда мы встанем на молитву. Тогда, по выражению святых Отцов, диавол собирает отвсюду самые нелепые помышления и изливает их на нашу душу[3]. Во-первых, он воспоминает нам о всех оскорбивших нас; оскорбления и обиды, нанесенным нам, старается представить в яркой живописи; возмездие за них и сопротивление им выставляет требованием правосудия, здравого смысла, общественной пользы, самосохранения, необходимости. Очевидно, что враг старается поколебать самое основание молитвенного подвига — незло-

[1] Слово 2. || [2] Цар. 17. 25. || [3] Художество и Правило святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Добротолюбие. Ч. 2, гл. 29.

бие и кротость, — чтоб здание, воздвигаемое на этом основании, разрушалось само собою. Это так и бывает: потому что памятозлобный и не отпустивший ближнему согрешений его никак не может сосредоточиться при молитве своей и придти в умиление. Помыслы гневные рассевают молитву; они разносят ее в стороны, как порывистый ветр разносит семена, бросаемые сеятелем на его ниву, и нива сердечная остается незасеянною, а усиленный труд подвижника тщетным. Известно, что прощение обид и оскорблений, заменение осуждения ближних милостивым извинением их, обвинение себя служат основанием успешной молитве. Весьма часто приносит враг, при самом начале молитвы, помышления и мечтания о земном преуспеянии: то в обольстительной картине представляет славу человеческую, как справедливую или счастливую дань добродетели, как будто узнанной и признанной наконец человеками, отселе вступающими под ее руководство, то в столько же обольстительной картине представляет обилие земных средств, на основании будто бы которых должна произвести и усилиться христианская добродетель. Обе эти картины ложны! изображаются в противность учению Христову, наносят страшный вред заглядывающемуся на них душевному оку и самой душе, любодействующей от Господа своего сочувствием к демонской живописи. Вне креста Христова нет христианского преуспеяния. Господь сказал: *Славы от человек не приемлю... Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога, не ищете*[1]. При творении всех ваших добрых дел *не будете яко лицемери*[2], делающие добро для славы человеческой, воспринемлющие славу человеческую в награду за свою добродетель и отнимающие у себя право на награду вечную[3]. *Да не увесть шуйца твоя,* то есть твое собственное тщеславие, *что творит десница твоя,* то есть твоя воля, направленная по евангельским заповедям, *и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* даром Святого Духа[4]. Сказал также Господь: *Никтоже может двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другаго возненавидит: или единаго держится,*

[1] *Не принимаю славы от человеков... Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете* (Ин. 5. 41, 44). ‖ [2] Мф. 6. 16. ‖ [3] Мф. 7. 1–18. ‖ [4] *...пусть левая рука твоя не знает, что делает правая ...и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6. 3, 18).

о друзем же нерадити начнет: не можете Богу работати и мамоне, то есть имуществу, богатству[1]. *Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик*[2]. Достойно замечания, что диавол, искушая Богочеловека, предложил Ему мысль тщеславную прославиться публичным чудом и мечтание самого развитого и могущественного положения. Господь отринул то и другое[3]: Он возводит нас к высшему преуспеянию по тесному пути самоотвержения и смирения, и Сам проложил этот спасительный путь. Нам должно последовать примеру и учению Господа: отвергать помыслы земной славы, земного преуспеяния, земного обилия, отвергать радость, приносимую такими мечтаниями и размышлениями, уничтожающую в нас сокрушение духа, сосредоточенность и внимание при молитве, вводящую самомнение и рассеянность. Если мы согласимся с помыслами и мечтаниями тщеславными, гордостными, корыстолюбивыми и миролюбивыми, не отвергнем их, но пребудем в них и усладимся ими, то вступаем в общение с сатаною, и сила Божия, нас защищающая, отступит от нас. Враг, увидев отступление от нас помощи Божией, устремляет на нас две тягчайшие брани: брань помыслами и мечтаниями блуда и брань унынием[4]. Побежденные передовою бранию, лишенные заступления Божия, мы не устаиваем и против второй брани. Это-то и значит, сказанное Отцами, что Бог попускает сатане попирать нас дотоле, доколе не смиримся. Очевидно, что помыслы памятозлобия, осуждения, земной славы и земного преуспеяния имеют основанием своим гордость. Отвержение этих помыслов есть отвержение гордости. Отвержение гордости совершается водворением смирения в душе. Смирение есть Христов образ мыслей и тот сердечный залог, происходящий от этого образа мыслей, которыми умерщвляются в сердце и извергаются из него все страсти[5]. Нашествию блудной страсти и страсти уныния последует нашествие помыслов и ощущений печали, неверия, безнадежия, ожесточения, омрачения, хулы и отчаяния. Особенно тяжкое

---

[1] *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6. 24). ‖ [2] *Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 33). ‖ [3] Мф. 4 и Лк. 4. ‖ [4] Преподобного Григория Синаита гл. 110. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [5] Заглавие 28 Слова Лествицы.

впечатление производит на нас услаждение плотскими вожделениями. Отцы называют их сквернителями духовного храма Божия[1]. Если мы усладимся ими, то от нас надолго отступит благодать Божия, и все греховные помыслы и мечтания получат сильнейшую власть над нами. Они будут дотоле томить и мучить нас, доколе мы искренним раскаянием и воздержанием от услаждения прилогами врага снова не привлечем к себе благодати. Всему этому не преминет научить внимательного инока опыт.

Узнав тот порядок, тот чин и устав, которого держится враг при борьбе с нами, мы можем устраивать соответствующее сопротивление. Не будем судить и осуждать ближнего ни под каким предлогом, будем прощать ближним все тягчайшие оскорбления, нанесенные нам ближними. Когда бы ни явился помысел памятозлобия против ближнего, будем немедленно обращаться с молитвою к Богу о том ближнем, испрашивая ему милость Божию во времени и в вечности. Отречемся душ наших, то есть искания славы человеческой, искания излишне удобного земного положения, искания всех земных преимуществ и предадим себя всецело воле Божией, благодаря и славословя Бога за наше прошедшее и настоящее, возлагая на Него наше будущее. Такое поведение и направление наше да будет приготовлением к молитве нашей, основанием для молитвы нашей. Пред начатием молитвы смиримся пред ближними, обвиним себя, как соблазнившие и соблазняющие их согрешениями нашими, начнем молитву нашу молением о врагах, соединим себя в молитве со всем человечеством и будем умолять Бога о помиловании нас вместе со всеми человеками, не потому, чтоб мы достойны были молиться за человечество, а для исполнения заповеди о любви, которая законополагает: *молитеся друг за друга*[2]. Хотя истинному служителю Божию попускается борение с многообразными прилогами греха, приносимыми сатаною и возникающими из нашего поврежденного падением естества, но десница Божия непрестанно поддерживает и руководит его. Самое борение приносит величайшую пользу, доставляя подвижнику иноческую опытность, ясное и подробное понятие о повреждении природы человеческой, о грехе, о падшем ангеле, приводя подвижника в сокрушение духа, в плач о себе и о всем человечестве. Препо-

[1] Святой Иоанн Карпафийский. Утешительных глав 55. Добротолюбие. Ч. 4. || [2] Иак. 5. 16.

добный Пимен Великий поведал о преподобном Иоанне Колове, отце, преисполненном благодати Святого Духа, что он умолил Бога, и прекратилась в нем борьба, производимая недугами падшего естества, или страстями. Он пошел и возвестил это некоторому преуспевшему в духовном рассуждении старцу, говоря: «Вижу себя в нерушимом спокойствии, без всякой брани». Рассудительный старец отвечал Иоанну: «Поди и умоли Бога, чтоб брани возвратились, потому что по причине брани душа приходит в преуспеяние, а когда придет брань, то не молись, чтоб она была взята, но чтоб Господь даровал терпение в брани»[1]. Предадимся всецело воле Божией, предадимся всецело исполнению воли Божией; непрестанною молитвою будем испрашивать у Бога дар исполнения воли Божией, и тот дар, чтоб над нами всегда совершалась воля Божия. Кто предается воле Божией, с тем неотлучно бывает Бог. Ощутит это и засвидетельствует истину этого всякий подвижник Христов, подвизающийся законно, подвизающийся под руководством Евангелия.

Глава 49
О хранении душевного ока от всего вредного для него

Спаситель мира сказал: *светильник телу есть око. Светильником* Спаситель наименовал словесную силу души человеческой, дух человека; *телом* наименовал Спаситель всю деятельность человека и качество его, образующееся и зависящее от этой деятельности. Значение, подобное приведенным словам Спасителя, имеют и следующие слова Апостола: *Сам же Бог мира да освятит вас совершенных во всем: и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится*[2]. *Дух* упомянут, во-первых, по той причине, что непорочность и совершенство души и тела находятся в полной зависимости от духа. Дух, или словесная сила, есть высшая способность души человеческой, которою она отличается от души животных, называемых по неимению этой способности бессловесными[3]. *Егда убо око твое*

[1] Алфавитный патерик, буква 1. ‖ [2] *Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа* (1 Сол. 5. 23). ‖ [3] Преподобный Макарий Великий. Беседа 7, гл. 8.

просто будет, то есть когда словесная сила будет чужда смешения и общения с грехом и сатаною, тогда *все тело твое светло будет*, то есть деятельность твоя будет правильною, а качеством твоим будет святость; *егда же лукаво будет, и тело твое темно* будет: *блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть*[1]. Блюди, чтоб твой дух, который есть твой естественный свет и источник света для твоей жизни, не сделался тьмою и источником тьмы. Это око делается лукавым от усвоения себе лжи. Последствием такого усвоения бывает неправильная деятельность, а качеством — состояние самообольщения и греховности. От приятия ложных мыслей ум растлевается, совесть теряет верность в своих указаниях, все духовные ощущения сердца также заражаются неправильностию и греховностию. Человек делается непотребным, врагом своего спасения, убийцею души своей, врагом Божиим. Священное Писание, паче же Святой Дух, живущий в Писании и глаголющий Писанием, изрекает против таких человеков следующее определение: *Человецы растленни умом, и неискусни в вере*[2], то есть человеки, растленные умом, вполне чужды веры. Человеку, растленному умом, никак невозможно быть причастником веры: у него место веры уже занято лжеименным разумом, и слово крестное служит для него предметом или соблазна, или насмешки, как видим это на современных Богочеловеку иудеях[3]. Растление ума всегда сопряжено с растлением прочих духовных свойств: почему растление ума и растление духа имеют тождественное значение по своему последствию. Принятием лжеучения, или ложных мыслей о Боге, искажением откровенного Богом догматического и нравственного учения при посредстве лжеучения совершается растление духа человеческого, и человек соделывается сыном диавола[4]; но и собеседованием и смешением с помыслами, принадлежащими области сатанинской, без усвоения их себе, созерцанием мыслей и мечтаний, приносимых демонами, повреждается душевное око. Зрительная сила его утрачивает в некоторой степени, сообразно степени общения с сатаною, свою правильность и чистоту. Преподобный Исихий Иерусалимский говорит: «Как мы вредим себе смот-

[1] *Светильник тела есть око ... если око твое будет чисто ... а если оно будет худо, то и тело твое будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма* (Лк. 11. 34, 35). || [2] *...люди, развращенные умом, невежды в вере* (2 Тим. 3. 8). || [3] 1 Кор. 1. 18. || [4] Ин. 8. 44.

ря на вредное чувственными глазами, так вредим себе смотря на вредное умом»[1]. По этой причине должно обращать особенное внимание на хранение душевного ока, и особенно заботиться о хранении душевного ока, чтоб оно не повредилось, чтоб болезненное состояние его не сделалось причиною нашей душепогибели. В пример того, как испорченное душевное око действует вредно на наше спасение, приведем нижеследующее, виденное нами на опыте: некоторые начитались романов, по ним настроили свой ум и сердце; впоследствии, пораженные какою-либо превратностию жизни, или по собственному внутреннему, проснувшемуся влечению, или даже по мановению милости Божией, эти люди захотели проводить жизнь благочестивую. Тогда-то обнаруживалось гибельное действие настроения, полученного предшествовавшим чтением. Навык к наслаждению сладострастием постоянно отвлекал их от чувства покаяния и вводил в самый подвиг наслаждение сладострастием, столь мерзостное пред Богом, соделывающее душу человека неприступною для Святого Духа, удобоприступною для сатаны, обителию его. С особенною ясностию это заметно на женском поле. Те женщины, которые читали много романов, потом предались набожности и даже подвижничеству, наиболее хотят, чтоб их новая жизнь была также романом; они хотят быть по настроению души любовницами! Хотят: потому что воля, поврежденная неправильным употреблением ее, влечет их насильно к усвоившемуся сладострастию, а ум, ослабленный, помраченный, развращенный, плененный мыслями, сообщенными чтением, не имеет ни силы, ни способности руководствовать волею и удерживать ее от неправильного стремления. Напитанные чтением романов весьма способны к самообольщению и к бесовской прелести, как стяжавшие вкус к наслаждению сладострастием, которое может действовать не только грубым, но и самым утонченным образом, непонятным и неприметным для человека, еще не свергнувшего с себя ига страстей. — Некоторый инок, во время своей мирской жизни, не зная, какие благоразумие и осмотрительность должны быть наблюдаемы при подвержении души впечатлениям, остающимся жить в ней, прочитал из пустого любопытства некоторые сочинения, составленные против христианской веры. Когда он вступил в

[1] «Слово о трезвении», глава 77. Добротолюбие. Ч. 2.

монастырь и возложил на себя разумный иноческий подвиг, полученные впечатления начали обнаруживать свое присутствие в душе помыслами сомнения, недоумении, хулы, доказывая тем, что душевное око засорилось общением с мыслями из области сатаны.

Святой апостол Павел сказал: *храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас. Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия*[1]. Хотя и тела наши суть храм Божий, но по преимуществу составляют собою храм Божий наша словесная сила, наш дух, наши ум и сердце. Под именем сердца разумеются все ощущения духа. Когда ум и сердце соделаются обителию Бога, а они-то первоначально и делаются Его обителию, тогда естественно делаются Его обителию и душа и тело, как вполне зависящие от ума и сердца. Растлевается храм Божий, когда тело впадает в чувственный блуд; растлевается храм Божий, когда ум и сердце вступят в прелюбодейное общение с сатаною принадлежащими ему мыслями и ощущениями. Слова *растлит того Бог* значат, что Бог отступит от человека, растлившего в себе храм Божий, соделавшего себя не способным для жительства в себе Бога. Последствия такого отступления известны: смерть души, начинающаяся во времени, и погребение в темницах ада в вечности. Растлевается дух человека, поражается слепотою и мраком, как мы уже сказали, принятием лжеучения, учения, исходящего от мира и сатаны, учения, противного откровенному Божественному учению, учению Христову, учению Вселенской и Восточной Церкви. Лжеучением признаются следующие учения: учение, отвергающее бытие Бога, или атеизм; учение, отвергающее Христа и христианство, признающее бытие Бога, но отвергающее все отношения между Богом и человеками, или деизм; учения, не отвергающие прямо христианства, но искажающие Богооткровенное учение произвольным, человеческим, богохульным учением, которым уничтожается сущность христианства, каковы все ереси; учения, не отвергающие прямо христианства, но отвергающие дела веры или нравственное

[1] *...вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы. ...Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 3. 16, 17; 6. 20).

евангельское и церковное предание, приемлющие деятельность языческую, этим умерщвляющие веру и уничтожающие сущность христианства. Таков наиболее и современный прогресс, или преуспеяние в безнравственности и в совершенном неведении христианства, а следовательно, в совершенном удалении и отчуждении от Бога. Не растлевается окончательно храм Божий, но оскверняется, не поражается око душевною слепотою, но повреждается, приемлет более или менее значительную язву, когда инок прочитает безнравственную или еретическую книгу, посетит безнравственное или неблагочестивое общество, подвергнет себя влиянию греховных соблазнов, когда побеседует с греховными помыслами и усладится ими, когда дозволит себе увлечение каким-либо обычаем мира, каковы все мирские игры и увеселения. Если же инок укоснит во всем этом и оправдает свое увлечение, вместо того чтоб сознаться и раскаяться в нем, то впадает в величайшее душевное бедствие. Он повреждает самое начало своего существа — словесную силу, свой дух, свои ум и сердце. Надо хранить душевное око, и хранить. Все, что ни сделаем вне евангельского учения и законоположения, непременно произведет на нас вредное впечатление. Каждое дело, слово и помышление, как благое, так и злое, непременно кладет на нас соответствующую себе печать. Надо это знать и знать.

Глава 50
О покаянии и плаче

Начиная предлагать возлюбленным братиям наши убогие советы, мы сказали, что монашество есть не что иное, как обязательство с точностию исполнять евангельские заповеди, что монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многолюдства, или в глубочайшей пустыне. Наше уединение в Боге. В Боге нашем могут найти ум и сердце наши то надежное и тихое пристанище, на которое не действуют ни волны, ни ветры житейского моря. Без этого мир, враждебный Богу, будет сопутствовать нам в глушь лесов, в ущелия гор и в пещеры: там соделает нас своими служителями. Жительство иноческое, не основанное на евангельских заповедях, подобно зданию без основания: разрушится оно. Жительство иноческое, не одушевленное евангельскими заповедями, по-

добно телу без души: воссмердит оно смрадом фарисейства, и воссмердит тем более, чем более будет облечено по наружности в телесный подвиг или притворится имеющим этот подвиг. Разумный читатель найдет подтверждение этой истины во всех доселе изложенных советах наших.

Оканчивая эти убогие советы, мы признаем себя обязанными изложить пред возлюбленнейшими братиями важнейшее духовное делание, долженствующее обымать собою всю жизнь инока, долженствующее быть душою его жительства, душою его душевного и телесного подвига. Внимательно прочитавший предшествовавшие советы, конечно, усмотрел из них это делание; но мы считаем долгом нашим возвестить о нем отдельно и по возможности подробно. Жизнь инока есть не что иное, как деятельное и непрестанное покаяние. Нам непременно нужно погрузиться всецело в покаяние, если желаем не тщетно и не в осуждение себе носить имя и звание иноческие. Тогда только инок шествует правильно, когда он преисполнен и руководим чувством покаяния. Когда чувство покаяния отступит от его сердца, то это служит верным признаком, что инок увлечен ложными мыслями, внушенными сатаною или возникшими из падшего естества. Постоянное отсутствие покаяния служит признаком вполне неправильного настроения. Рукотворенный храм Божий при всяком молитвословии окуривается фимиамом: по этой причине воздух в храме постоянно преисполнен газами, исходящими от сожигаемого фимиама; самые облачения и другие принадлежности пропитываются благовонным запахом; по необходимости дышат им все приходящие в храм для молитвы и служения. Так и нерукотворенный Божий храм, созданный и воссозданный Богом, христианин, в особенности же инок, должен быть постоянно преисполнен чувством покаяния. Чувство покаяния должно возбуждаться при каждой молитве инока: оно должно сопутствовать, содействовать ей, окрылять ее, возносить ее к Богу; иначе она не возможет подняться от земли и исторгнуться из рассеянности. Чувством покаяния должно быть проникнуто все поведение инока и самое исполнение им евангельских заповедей. Он должен исполнять их как должник, как раб неключимый[1], должен вносить их в сокровищницу Небесного Царя как ничтожную уплату своего неопла-

[1] Лк. 17. 10.

тимого долга, могущего быть уплаченным единственно милостию Царя Небесного. Сказал преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не понимая ни того, что говорят, ни того, на чем основываются»[1]. От падшего духа человеческого принимается Богом только одна жертва: покаяние. Прочие чувствования, самый усиленный подвиг, который можно назвать всесожжением, отвергнуты, как осквернённые грехом и нуждающиеся, прежде принесения в жертву, в очищении покаянием. Одну эту жертву падшего человека не уничижает Господь отвержением ее[2]. Когда же посредством покаяния обновится Сион, и созиждутся стены нашего духовного Иерусалима, тогда со дерзновением на олтаре сердечном принесутся жертвы правды — наши чувствования, обновленные Божиею благодатию; тогда человек соделается способным и к Богоугодному всесожжению[3]. Священномученик Садок сказал: «Кто духовен, тот с радостию, желанием и великою любовию ожидает мученической смерти, и не боится ее, будучи готов; плотскому же человеку страшен час смертный»[4].

Покаяние есть евангельская заповедь. Непосредственным последствием покаяния, по указанию Евангелия, должно быть наше вступление в Небесное Царство; и потому — все пространство времени от нашего усвоения Христу до вступления в вечность, или вся наша земная жизнь, должны составлять собою поприще покаяния. Очевидно, что Царство Небесное делается неотъемлемою собственностию покаявшихся. Первая проповедь и заповедь, произнесенная вочеловечившимся Богом падшему человечеству, которое Он пришел спасти, была о покаянии: *начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царство Небесное*[5]. По воскресении Своем, пред вознесением на небо, Господь отверз Апостолам ум, и они уразумели Писания. Тогда Он сказал им, что, согласно с Писаниями, долженствовало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день, *и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима*[6]. Для уверования во Христа и для

[1] О Законе Духовном, гл. 34. Добротолюбие. Ч. 1. || [2] Пс. 50. 19. || [3] Пс. 50. 21. || [4] Четьи-Минеи, 20 февраля. || [5] *...Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4. 17). || [6] *...и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима* (Лк. 24. 47).

принятия христианства нужны сознание своей греховности и покаяние; для пребывания в христианстве нужны зрение своих грехов, сознание, исповедание их и покаяние. Когда расположившиеся к вере иудеи спросили святого апостола Петра, что им делать, то он отвечал: *покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов*[1]. Также и апостол Павел повсюду проповедал *еже к Богу покаяние и веру яже в Господа нашего Иисуса Христа*[2]. Невозможно, пребывая в грехах и любя грех, усвоиться Христу: *всяк бо делаяй злая ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть*[3]. *Кое бо причастие правде к беззаконию? или кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром?*[4]. Чтоб приступить ко Христу и вступить в единение с Ним посредством Святого Крещения, необходимо прежде покаяться. И по Святом Крещении нам предоставлена свобода или пребывать в единении с Господом, или нарушать это единение общением со грехом. Мало этого! в падшем естестве нашем не уничтожено Святым Крещением свойство рождать из себя смешанные зло с добром, чтоб наше произволение постоянно искушалось, чтоб избрание нами Божественного добра и предпочтение его злу и своему поврежденному добру было свободным, положительно доказанным подчинением всем скорбям пути крестного. Святым Крещением изглаждается первородный грех и грехи, содеянные до крещения, отнимается у греха насильственная власть над нами, которую он имел до нашего возрождения, даруется благодать Святого Духа, которою мы соединяемся с Богом во Христе и получаем силу низлагать и побеждать грех. По той причине, что мы не избавлены от борьбы с грехом, не можем во время всей земной жизни нашей быть вполне свободными от согрешений, и самый праведник *седмерицею* (то есть часто) *падет, и возстанет* покаянием[5], говорит Писание. Он падает по немощи и ограниченности своим, не всегда усматривая грех, тонко и неприметно возникающий из падшего естества, тонко и не-

[1] *...покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов* (Деян. 2. 38). ‖ [2] *...покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа* (Деян. 20. 21). ‖ [3] *...ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы* (Ин. 3. 20). ‖ [4] *...какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и велиаром* (2 Кор. 6. 14, 15). ‖ [5] Притч. 24. 16.

приметно приносимый и влагаемый падшими духами: покаяние соделывается его неотъемлемым достоянием, его постоянным оружием, его неоцененным сокровищем. Праведник поддерживает покаянием свое общение со Христом; он врачуется покаянием от язв, наносимых грехом. *Аще речем,* говорит святой Иоанн Богослов, *яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды. Аще речем, яко не согрешихом, лжа творим Его, и слово Его несть в нас*[1]. Это говорит Богослов о грехах невольных от немощи и ограниченности, о грехах маловажных, которых не могут избежать и святые; но о произвольной греховной жизни он говорит нижеследующее: *всяк, иже в Нем* (в Господе Иисусе Христе) *пребывает, не согрешает: всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его. Чадца, никтоже да льстит вас: творяй правду праведник есть, якоже Он праведен есть. Творяй грех от диавола есть: яко исперва диавол согрешает. Сего ради явился Сын Божий, да разрушит дела диавола. Всяк рожденный от Бога греха не творит* (то есть не проводит греховной жизни, не впадает в грехи смертные и в грехи произвольные), *яко семя Его в нем пребывает: и не может согрешати, яко от Бога рожден есть. Сего ради явлена суть чада Божия и чада диавола*[2]. Чада Божии проводят жизнь по евангельским заповедям и приносят покаяние в поползновениях своих. Если случится служителю Божию по какому-нибудь несчастному случаю впасть в смертный грех, он исцеляется от язвы греховной покаянием и исповедию, и потому не престает быть чадом Божиим. Проводящие греховную жизнь произвольно, по любви к ней, охотно впадающие во всякий грех, какой бы им не

[1] *Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас* (1 Ин. 1. 8–10). ‖ [2] *Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его. Дети! да не обольщает вас никто. Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога. Дети Божии и дети диавола узнаются так* (1 Ин. 3. 6–10).

представился, признающие наслаждением жизнию блуд в различных его видах и всякое другое преступление евангельских заповедей, суть чада диавола, хотя бы и именовались христианами, хотя бы участвовали в некоторых церковных молитвословиях и обрядах, хотя бы прибегали к Таинствам, им в наругание, себе в осуждение.

Таково отношение покаяния к каждому христианину. Тем более оно составляет сущность иноческого жительства. Вступление в это жительство есть сознание своей греховности, а самое жительство есть ничем не прерывающееся поприще покаяния. Вступающий в иночество и желающий произнести пред Богом обеты иноческие, пред началом этого священного обряда, излагает следующим образом исповедание своего сердечного залога: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно мое иждих житие (любовь сердца неправильно рассеяв и расточив по пристрастиям), на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое да не презриши сердце, Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших на небо и пред Тобою»[1]. Величайшие святые Отцы признавали покаяние своим единственным деланием. Вдавшись в это делание, они более и более распространяли его для себя, потому что покаяние не только очищает грехи, но изощряет зрение человека на самого себя. Когда некоторые греховные пятна очистятся покаянием с ризы душевной, тогда внезапно открывается на ней существование других пятен, менее грубых, не менее важных, остававшихся доселе непримеченными по причине тупости зрения. Наконец, покаяние возводит делателя своего к обширнейшим духовным видениям: раскрывает пред ним его собственное падение и падение всего человечества, его страдание и страдание всего человечества под игом миродержца, дивное дело искупления и прочие тайны, с которыми да ознакомит читателя самый опыт; слово недостаточно к поведанию их. Преподобный Арсений Великий имел постоянным занятием своим покаяние и соединенный с ним, выражающий его, плач; платок был всегда на коленях Арсения, и непрестанно на этот платок падали слезы в то время как Преподобный, занимая руки рукоделием, занимал ум молитвою покаяния[2]. Преподобный Сисой Великий просил у Ангелов, пришедших разлучить душу его с телом и вознести ее на небо, чтоб они оставили ее в теле и дали время на покаяние, а

[1] Требник. Последование малой схимы. || [2] Алфавитный патерик.

ученикам своим, свидетельствовавшим о его совершенстве, сказал, что он не знает о себе, положил ли он начало покаяния — столько высокое понятие имел он о покаянии! столько высокое значение давал он ему! Очевидно, что Преподобный назвал здесь всю монашескую жизнь покаянием, и сказав, что не начинал еще покаяния, этим выразил смиренное мнение свое о монашеской жизни своей. Стяжавшие истинное, духовное понятие о покаянии совокупляют в нем все свои подвиги и признают потерянным для себя тот день, в который они не плакали о себе, хотя бы они в этот день совершили какие другие добрые дела[1]. Нет сомнения, что преподобный Сисой был погружен в делание покаяния и плача: между свойствами этого делания находится и то, что оно не может насытить делателя, но чем больше насыщает его, тем большее возбуждает желание к себе, доставляя боголюбезную чистоту и вместе производя жажду чистоты еще более совершенной. Очищенные плачем продолжают признавать себя нечистыми. Мы уже упомянули совет, данный преподобным Сисоем брату, просившему у него душеспасительного совета. «Если хочешь угодить Богу, — сказал Великий, — исступи мира, отступи от земли, оставь тварь, приступи ко Творцу, совокупи себя Богу молитвою и плачем, и найдешь покой в этом и будущем веке». Другому брату он сказал: «Пребывай в келлии твоей с трезвением, представь себя Богу со многими слезами и в сокрушении сердца, и обретешь покой». Очевидно, что святой давал братии советы из своей святой опытности. Первому он посоветовал оставить все мирское и все земное, то есть все пристрастия, а второму посоветовал постоянное пребывание в келлии, потому что при пристрастиях и при частых праздных выходах из келлии такое покаяние и молитвенный плач невозможны. Надо, чтоб сердце отрешилось от всего и ничем не развлекалось; тогда только оно может восплакать пред Богом и погрузиться в плач, как в бездну, как в жизнь. Когда брат спросил Пимена Великого о том, как должно пребывать в келлии (разумно) безмолвствующему, Великий отвечал: «Подобно человеку, погрязнувшему в смрадной тине по выю (шею), с бременем на выи, и вопиющему к Богу: "Помилуй меня"». В этих словах все иноческие подвиги совокуплены в плач и молитву покаяния. Другому брату, вопросившему о том, какое ему иметь делание, этот же Преподоб-

[1] Лествица. Слово 5, гл. 33; по переводу старца Паисия.

ный сказал: «Когда нам придет время предстать Богу, тогда что нас озаботит?» Брат отвечал: «Грехи наши». — Пимен: «Итак, взойдем в наши хижины и, уединившись в них, воспомянем (с покаянием) о грехах наших, и Господь услышит нас». Другой брат спросил того же старца: «Какое ему иметь делание?» Старец сказал: «Когда Авраам взошел в обетованную землю, то купил себе гроб, и с гроба начал владение ею». Брат спросил: «Какое значение имеет гроб?» Пимен отвечал: «Это — место плача и рыдания». Опять брат спросил того же святого: «Что мне делать с грехами моими?» Великий Пимен отвечал: «Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, и желающий сохранить себя от стяжания их плачем сохраняет себя. Это — путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые сказали: плачьте, потому что другого пути (ко спасению), кроме плача, нет». — «Плач сугуб, — говаривал Пимен Великий, — делает и хранит». Однажды Пимен шел с аввою Анувом в окрестностях Диолка; там они увидели на гробе женщину, бьющуюся и горько плачущую. Они остановились и прислушивались к ней. Когда же несколько отошли, то повстречался им один из тамошних жителей, и спросил его авва Пимен: «Что случилось с этою женщиною? отчего она так горько плачет?» — Тот сказал ему: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал ему: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских похотений и не стяжет подобного плача, то не может быть монахом: ибо все жительство монаха состоит в плаче». — Возвестили Пимену Великому о кончине Арсения Великого; он, прослезясь, сказал: «Блажен, авва Арсений! ты плакал о себе в этой жизни. Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно не плакать: или произвольно здесь, или невольно там, в муках»[1].

Некоторые, не занимаясь или занимаясь очень мало душевным деланием, а упражняясь в одном телесном, не без примеси фарисейства — одно телесное делание не может обойтись без фарисейства, — нисколько не чувствуют жала совести и обличений ее в греховности, по этой причине признают такое состояние своего спокойствия достойным одобрения. В мнении своем они поддерживаются и утверждаются многими

[1] Изречения Сисоя и Пимена Великих; заимствованы из Алфавитного патерика.

явными добрыми делами своими и похвалою человеческою. На этом основании они считают такое состояние спокойствия прямым последствием деятельности богоугодной, жизни добродетельной, безукоризненной. Спокойствие обращается по временам в безотчетную радость: они не останавливаются признавать эту радость благодатною. Горестное самообольщение! душепагубное ослепление! Самообольщение основано здесь на самомнении, а самомнение есть повреждение душевного ока, родившееся от неправильной деятельности и рождающее еще более неправильную деятельность. Возлюбленный брат, спокойствие, которым ты уверяешься в верности пути твоего, есть не что иное, как несознание и неощущение своей греховности, происшедшее и происходящее от нерадивой жизни, а радость, которая по временам рождается в тебе по причине наружного преуспеяния человеческих похвал, отнюдь не есть радость духовная и святая: она — плод самомнения, самодовольства и тщеславия. Такое состояние мнимого спокойствия святые Отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума прежде смерти тела[1]. Нечувствие, или умерщвление души, состоит в отъятии и отступлении чувств покаяния и плача от нашего духа, в отступлении спасительного болезнования, называемого сокрушением, от нашего сердца. Безболезненность сердца, или мнимое спокойствие, есть верный признак неправильности образа мыслей, неправильности подвига, самообольщения. «Какое бы высокое жительство ни проходили мы, — сказал святой Иоанн Лествичник, — но если не стяжали болезнующего сердца, то это жительство — ложно (притворно) и тщетно»[2]. Безболезненность происходит от невнимательной жизни, от безвременных выходов из келлии, от безвременных бесед, шуток, смехословия, празднословия и многословия, от насыщения и пресыщения, от пристрастий, от принятия и усвоения тщеславных помыслов, от высокоумия и гордости[3]. «Если не имеешь умиления, — сказали Отцы, — то знай, что имеешь тщеславие; оно-то и попускает душе придти в умиление»[4]. Путь к достижению умиления есть внимательная жизнь.

[1] Лествицы Слово 18. Заглавие. || [2] Лествицы Слово 7, гл. 64. || [3] Лествицы Слово 18 и преподобного Симеона Нового Богослова Слово 6. Издание Оптиной Пустыни 1852 года. || [4] Глава 28 Художества и правила святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Добротолюбие. Ч. 2.

«Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий отец есть внимания, а внимание матерь внутреннего покоя, той же рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и тако рождаются начатки и корения покаяния»[1]. Внимательная и правильная жизнь по евангельским заповедям хотя и служит начальною причиною покаяния, но дотоле признается неосененною Божественною благодатию и бесплодною, доколе из нее не прозябнут сердечное сокрушение, умиление, плач, слезы, из чего всего составляется истинное иноческое покаяние. Для подтвержения этого важнейшего опытного учения приведем свидетельства святых Отцов. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Исшедший из мира с тою целию, чтоб уничтожить бремя грехов своих, да подражает сидящему при гробах вне города, и да не престанет от теплых и горячих слез и безгласных сердечных рыданий, доколе он не увидит, что к нему пришел Иисус, отвалил камень ожесточения от сердца, разрешил ум наш — этого Лазаря — от уз, и повелел слугам Своим Ангелам: *разрешите его* от страстей, и *оставите ити*[2] к блаженному бесстрастию. Если же сего не будет, то нет никакой пользы (от исшествия из мира)»[3]. Святой Исаак Сирский: «*Вопрос.* В чем заключаются достоверные приметы и знамения, от которых и при посредстве ощущения которых подвижник может понять, что он начал зреть в себе, в душе своей, сокровенный плод? — *Ответ:* Когда он сподобится благодати многих слез, проливаемых без понуждения. Слезы положены для ума, как некий предел между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Доколе не примет кто этого дарования, дотоле дела подвига его еще находятся во внешнем человеке, и он еще нисколько не ощутил таинственных действий духовного человека. Когда же он начнет оставлять телесное нынешнего века и окажется переступившим предел и вошедшим во внутренность того, что таится во внутренности естества, тогда немедленно достигает этой благодати слез. Слезы начинаются с первой обители сокровенного жительства и возводят подвижника в совершенство любви Божией. Сколько преуспевает он в этом житель-

[1] 15 духовное наставление старца Серафима Саровского. Издание 1844 года. Москва. || [2] *...развяжите его, пусть идет* (Ин. 11. 44). || [3] Слово 1, гл. 6.

стве, столько богатеет слезами, доколе, от многого пребывания в них, не начнет пить их и при употреблении пищи своей и пития своего. И это есть верный признак, что ум исшел из мира сего и ощутил тот мир, духовный. Насколько человек приближается к миру сему (вещественному) умом своим, настолько умаляются эти слезы. Когда же ум совершенно погрузится в сей мир, тогда совершенно лишается этих слез. Это служит признаком, что человек погребен в страстях»[1]. — Святой Симеон Новый Богослов: «Прежде плача и слез никто да не прельщает нас тщетными словами, ниже мы сами да прельщаем себя: нет в нас покаяния, нет истинного раскаяния, нет страха Божия в сердцах наших; мы не зазрели себя: душа наша не пришла в сообщение будущего Суда и вечных мук. Если б мы зазрели себя, если б это стяжали и этого достигли, то немедленно произвели бы и слезы. Без них никогда не возможет ни жестокосердие наше умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение; мы не можем быть смиренными. Не соделавшийся таким, не может соединиться со Святым Духом; не соединившийся Ему, не может придти в видение и разум Божий, и не достоин таинственно научиться добродетели смирения»[2]. — Внимательная жизнь приводит к умилению, а умилением, в особенности когда оно начнет сопровождаться слезами, доставляется сугубое, благодатное внимание. Плач и слезы — дар Божий: и потому, при внимательной жизни, испрашивай этот дар прилежною молитвою. *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам... Отец ваш Небесный даст* духовные *блага просящим у Него*[3], даст дверь и ключ ко всем духовным благам — плач и слезы. «Я, — говорит святой Иоанн Лествичник, — прихожу в удивление, рассматривая самое то качество умиления: каким образом называемые плач и печаль содержат внутри себя радость и веселие, как соты мед! Чему из этого мы научаемся? — Что такое умиление есть собственно дар Божий»[4].

Святой Симеон Новый Богослов весьма основательно сказал, что начальная причина плача и слез есть наше произволе-

---

[1] Слово 21. || [2] Гл. 69. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. ...Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7. 7, 11). || [4] Слово 7, гл. 49.

ние[1]. От нас зависит оставить рассеянность, оставить скитание по братским келлиям и по знакомым вне монастыря, оставить шутки, празднословие и многословие, положить начало внимательной жизни в молитве и чтении Слова Божия, при воздержании чрева от излишеств и сластей. От такой внимательной жизни непременно прозябнут умиление и плач, особливо когда прилежными молитвами мы умолим Бога о даровании нам этого спасительного дара. Получив дар, надо хранить его как бесценное сокровище. Точно! он — бесценное духовное сокровище и богатство. Он, и будучи приобретен, легко может быть потерян, если мы предадимся рассеянности, развлечению, служению нашим пристрастиям и прихотям, человекоугодию, миролюбию, чревоугодию, пересудам, злоречию, даже многословию. Неприметным образом от состояния умиления мы можем перейти в состояние нечувствия. Так важно состояние нечувствия для невидимого врага нашего, что он всячески старается удержать нас в нем и укрепить, не возмущая ни другими страстями, ни искушениями извне: потому что самомнение и самодовольство, которыми обыкновенно сопутствуется нечувствие, самообольщение и гордость, которые обыкновенно бывают последствиями укоренившегося нечувствия, достаточны для отъятия всех духовных плодов, для погибели. Нечувствие тем страшно, что обладаемый им не понимает своего бедственного состояния: он обольщен и ослеплен самомнением и самодовольством.

«Умиление, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — есть плод делания заповедей и причина всех духовных плодов. Оно — творец и содетель всех добродетелей, о чем свидетельствует все Боговдохновенное Писание. И потому желающий отсечь страсти и стяжать добродетели должен, прежде всех добродетелей и со всеми добродетелями, прилежно взыскивать умиление. Без него он никогда не увидит души своей чистою; если же он не стяжет души своей чистой, то никак не стяжет тела чистого. Осквернённая риза не может быть вымыта без воды: и без слез невозможно душе омыться и очиститься от скверн и нечистот. Не будем представлять извинений душевредных и суетных, правильнее же, вполне ложных, служащих причиною душепогибели, но вседушно взыщем царицу добродетелей. Кто ищет ее от всей души, тот

[1] Слово 6, вышеприведенное.

находит ее; правильнее же, она приходит и находит взыскавшего ее с болезнию, и, если он имеет сердце более жестокое, чем медь, чем железо, чем камень, соделывает его своим приходом мягче всякого воска. Она есть Божественный огнь, разрушающий горы и камни, все углаждающий и претворяющий, изменяющий в вертограды (сады) те души, которые примут ее. Она соделывается в недре этих душ источником, источающим воду жизни. Вода эта непрестанно, как бы из какого водоема (бассейна), нисходит на ближние и дальние (места сада), и преисполняет души, приемлющие Слово с верою. Во-первых, она измывает причастников своих от скверн; потом отмывает страсти, оттирает их, как струпы, которыми покрываются раны, и отвергает их, — говорю, отвергает лукавство, зависть, тщеславие и все другие за этими следующие. Не только делает это, но и как некий пламень, обходящий всюду, малопомалу истребляет их, пожигая и попаляя их ежечасно, как терния. Сперва она возбуждает в нас желание совершенных свободы и очищения от страстей, потом желание Богом отложенных и уготованных благ любящим Его. Все же это соделывает Божественный огнь умиления при содействии слез, правильнее же, слезами. Без слез, как мы сказали, ни одно из этих благ никогда не было и не будет ни в нас, ни в ком другом. Невозможно найти в Божественном Писании, чтоб кто когда из человеков, без слез и всегдашнего умиления, очистился или соделался святым, или приял Святого Духа, или узрел Бога, или ощутил Его вселившемся внутри себя, или приял Его жителем в сердце свое. Ничего этого не могло совершиться, когда не предшествовало покаяние и умиление, когда слезы, изливаясь как из источника и постоянно наводняя очи, не вымыли душевной храмины и самой души, орошая и прохлаждая душу, объемлемую и воспаляемую неприступным огнем. Говорящие, что невозможно проливать слез и плакать каждую ночь, каждый день, свидетельствуют о себе, что они чужды всякой добродетели. Если наши святые Отцы произнесли такое определение: хотящий отсечь страсти плачем отсекает их, и хотящий стяжать добродетели плачем стяжавает их, — то из сего явствует, что не плачущий ежедневно ни страстей не отсекает, ни добродетелей не совершает, хотя и думает, обманываемый самомнением, совершать их. Что пользы, скажи мне, в орудиях какого-либо художества, когда нет художника, который бы знал дать должное употребление

и орудию и веществу? Какая польза от садовника, если он возделает весь сад, насадит и насеет в нем всякого рода растений, а не прольется свыше дождь на сад, и он не будет напоен водою? Конечно, никакой пользы. Так и тот, кто совершает другие добродетели и трудится в них, не получит никакой пользы без этой святой и блаженной владычицы и совершительницы всех добродетелей. Как царь без подведомственного ему войска бессилен и всеми удобно побеждается, и даже не признается царем, но обыкновенным человеком, так, наоборот, многочисленное войско, без царя и военачальника их, удобно расстроивается и истребляется врагами. Таково и отношение между плачем и прочими добродетелями. Под подобием войска разумей собрание всех добродетелей новоначального; под подобием царя и военачальника — блаженное рыдание и плач, которыми все войско устроивается в порядок, воодушевляется, поощряется, укрепляется, научается действовать оружием сообразно времени, обстоятельствам, врагам... Плач всем этим распоряжается; без него множество людей (прочие добродетели) удобно побеждаются. Итак, братия, прежде всех деланий и со всеми деланиями, да будет для всех нас деланием *покаяние,* с покаянием соединенный *плач* и плачу сопутствующие *слезы.* Нет плача без покаяния; нет слез без плача: эти три друг с другом соединились и связались, и невозможно одному из них явиться без двух других»[1].

Мысленный путь покаяния и плача имеет то важное достоинство, что он безопасен от бесовского обольщения, или так называемой бесовской прелести. Падший дух, чтоб обольстить подвижника, старается сперва уверить его о достоинстве или достоинствах его, что видно из примеров, помещенных в предшествовавших советах; как же он обольстит того, кто всеусильно ищет открыть свою греховность, рыдает над тою, которая открылась ему, по причине ее возжигается к открытию еще большей, кто все стремление свое заключает в том, чтоб увидеть в себе одно и единственное достоинство грешника, чтоб и внешнею и внутреннею деятельностию приносить Богу сознание и исповедание своей греховности. «Когда диавол, — говорит преподобный Григорий Синаит, — увидит кого-либо живущим плачевно, не пребывает при нем, отвращаясь смирения, производимого

[1] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 6.

плачем»[1]. Хотя враг искушает и плачущих, но удобно познается ими и отражается. Самомнительный, признающий в себе какое-нибудь достоинство не может отразить бесовского обольщения извне, будучи объят и окован им внутри[2].

Невежественные и лицемерные подвижники признают себя достигшими своей цели, когда они увидят себя святыми, когда такими признает и провозгласит их мир; они радуются входящему в них самообольщению и самомнению, не понимая, как бедственно самомнение, не понимая, что похвала человеческая служит признаком лжепророка. Признак этот необыкновенно важен: он дан Самим Богочеловеком. *Горе,* сказал Господь, *егда добре рекут вам вси человецы. По сим бо творяху лжепророком отцы их*[3]. Горе, душевное горе и бедствие, вечное горе! — Истинный инок радуется тогда, когда он начинает усматривать грех свой, когда он по мнению своему о себе соделается ниже и грешнее всех ближних своих, когда начнет потрясать его страх Суда Божия и страх вечных мук, когда явится в нем чувство преступника и осужденника, когда при молитвах его начнут изливаться потоки слез и исторгаться из груди воздыхания и стенания, когда ум его, очищенный слезами, будет предстоять пред Богом лицом к лицу и видеть Невидимого при посредстве сильнейшего ощущения Божия присутствия. О, блаженное видение! при нем преступник может принести истинное раскаяние в соделанных преступлениях, умилостивить Всемилостивого обильными слезами, смиренными глаголами, обнажением своего горестного состояния, испросить у человеколюбца Бога прощение, а с ним и множество бесценных, вечных, духовных даров. Величайший успех инока — увидеть и признать себя грешником! Великий успех инока — доказывать всею своею деятельностию искреннее и действительное признание себя грешником! «Когда ум начнет зреть согрешения свои, множеством подобные песку морскому, то это служит началом просвещения души и знаком ее здравия», — сказал священному-

[1] Главы зело полезные, глава О прелести. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Преподобного Лаврентия отцы Киево-Печерского монастыря не допустили вступить в затвор, опасаясь, чтоб он не подвергся бесовской прелести, как подверглись ей преподобные Исаакий и Никита. Для затворнической жизни Лаврентий перешел в монастырь великомученика Димитрия, где «вся стрелы лукавого разжженные водою слез погашая, благодатию Божиею уязвления бесовского странен пребысть». Патерик Печерский. ‖ [3] *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их* (Лк. 6. 26).

ченик Петр Дамаскин[1]. Тогда ум может увидеть грехи свои, когда прикоснется к нему благодать Божия; омраченный падением, сам собою он не способен видеть их. Зрение грехов и греховности своей есть дар Божий. Святая Православная Церковь научает чад своих испрашивать этот дар у Бога при посте и коленопреклонениях, преимущественно в дни Святой Четыредесятницы. Дар зрения грехов своих, своего падения, общения падшего человека с падшими ангелами непостижимо обиловал в великих преподобных Отцах и, несмотря на множество духовных даров, ясно свидетельствовавших о их святости, возбуждал их к непрестанному покаянию и плачу, к непрестанному омовению себя слезами. Изречения, произнесенные Отцами из этого состояния, непостижимы для плотских умов. Так — Пимен Великий говаривал сожительствовавшим ему братиям: «Братия! поверьте: куда будет ввержен сатана, туда ввергнут и меня»[2]. *Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себя вознесется*[3], сказал Господь!

Заключение
О удобоприменимости изложенных правил к положению современного монашества

Внимательно читавший сочинения святых Отцов о монашестве удобно заметит, что Отцы составляли свои наставления, применяясь к обстоятельствам времени и к положению тех иноков, которым они посвящали труд свой. По этой причине почти все монашеские сочинения святых Отцов имеют свою особенную цель, свою односторонность. По этой причине и в цветущие времена монашества невозможно было каждому иноку приложить к себе сряду все, что написали Отцы: тем более такое приложение невозможно в наши времена, и многие, попытавшиеся сделать его, потрудились много, приобрели очень мало. Приведем в пример книгу святого Иоанна Лествичника. Этот угодник Божий написал свои сочинения для общежительных иноков, которых главною добродетелию должно быть послушание; по этой причине он говорит с осторожностию, кратко и как бы нехотя о безмолвии, предохраняя от

[1] Книга 1, глава 2. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] *...всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18. 14).

безвременного и неправильного вступления в него, а о послушании говорит очень подробно, восхваляя и превознося это жительство. Так поступает святой не потому, чтоб безмолвие, при известных условиях, не было душеспасительно, но чтоб не ослабить усердия общежительных иноков, чтоб укрепить и ободрить их в подвиге послушания, который они восприяли на себя, чтоб не дать им повода к двоедушию, к стремлению вступить в жительство, для которого они еще не созрели, чтоб не дать повода ко впадению в самообольщение и бесовскую прелесть, столь близкую к юным и не юным самочинникам и самомнителям. Очевидно, что иноку, проводящему жительство вне общежития, от чтения святой Лествицы должно придти смущение и последовать расстройство: ему непременно представится, что вне общежития и послушания нет монашеского преуспеяния. Такое действие этой Боговдохновенной книги доказано опытом: преподобный Антоний Новый, живший отшельником в глубокой пустыне, прочитал Лествицу; вследствие этого чтения он оставил пустыню и вступил в общежительный монастырь[1]. Не всякому возможно переменить свое наружное положение! Что ж из этого? Инок, оставаясь по необходимости в своем положении и потеряв доверенность к положению, как неудобному для спасения, впадает в уныние, охладевает к монашескому подвигу и начинает проводить жизнь нерадивую. В наше время, когда мы отделены многими веками от обычаев и положения, в недре которых жительствовали и произнесли свое учение Отцы, применение учения их к современному положению иночества в нашем отечестве представилось особенно нужным и обещающим принести пользу. Такова была цель при изложении предложенных здесь советов. Уповаем, что они могут служить руководством для иноков нашего времени, по тому положению, которое им предоставлено Промыслом Божиим. Уповаем, что убогий труд наш может быть с пользою приложен и в общежительном и в штатном монастырях, и к жизни инока на подвории или при часовне, и к жизни инока, странствующего на корабле по требованию и обычаю государственному, и к жизни инока, находящегося в долговременном послушании посреди мира, и к жизни инока, постриженного в монашество при духовном училище, занимающего при нем какую-либо

[1] Алфавитный патерик, буква А.

ученую или административную должность, — даже к жизни мирянина, который захотел бы среди мира с особенным тщанием заняться своим спасением. Исполнение евангельских заповедей всегда составляло и ныне составляет сущность иноческого делания и жительства. Всякое место и положение представляют много удобств для этого делания и подвига. Братия! примите приношение духовное и не осудите за скудость его. Скудость приношения свидетельствуете о скудости имущества. Вашею верою и усердием восполните эту скудость, а молитвами и благословением вознаградите потрудившегося для своего и вашего спасения.

Богатый Домовладыка дал роскошный обед Своим многочисленным друзьям и знакомым, и множеству тех, которых захотел пригласить к обеду, — тем включить их в число друзей и знакомых Своих. Безмерное количество духовных яств невообразимого и недомыслимого достоинства предстояло на духовной трапезе. По окончании ее гости щедро одарены духовными дарами. Когда приглашенные почетные лица вышли, Домовладыка заглянул за врата чертога и увидел[1] у этих врат толпу голодных нищих, которые были бы рады попользоваться крохами, оставшимися после чудной трапезы. Многомилостивый Владыка приказал слугам остановиться, не убирать стола. Он пригласил нищих, несмотря на то что нищие были в грязи и рубищах, не соответствовавших великолепию чертога, предложил им остатки яств. Робко и в недоумении взошли нищие в обширную залу, приступили к столу, встали около него как случилось, каждый взял и употребил то, что попало ему. Они подобрали все крохи. Разумеется, никто из них не вкусил ни одного цельного блюда, не видел ни стройного служения прислуги, ни той драгоценной посуды и утвари, которые были употреблены при столе, не слышал огромного хора певчих и громкого хора музыки, звуки которых оглашали вселенную и возносились до неба. По этой причине никто из нищих, хотя между ними и были люди с природным умом, не мог составить себя ясного, точного понятия об обеде. Удовлетворившись крохами для насыщения, они должны были удовольствоваться понятием гадательным и приблизительным о блистательной и насладительной трапезе, которою воспользовались почетные гости. Очистив со стола все съест-

[1] Образ изложения заимствован из Евангельской притчи, Мф. 22. 11.

ное, нищие пали ниц пред Домовладыкою, благодаря за пищу, которой они до сих пор не едали и не видали. Он сказал им: «Братия! при распоряжении Моем об обеде Я не имел в виду вас[1]: поэтому Я не представил вам обеда в должном виде, и не даю вам подарков, которые все разошлись по прежде сделанному расчету, постижимому для Меня одного». Нищие воскликнули в один голос: «Владыка! до подарков ли нам! до пышного ли обеда! несказанно благодарим за то, что Ты не возгнушался нами; нас, истерзанных всякого рода недостатками, впустил в Твой чертог, спас от голодной смерти!» Нищие разошлись, продолжая благодарить и благословлять милосердого Домохозяина. Тогда Он, обратясь к слугам, сказал: «Теперь уберите стол и заключите мой чертог. Уже гостей не будет, — и что можно было предложить в пищу, предложено. Все кончено!»[2]

О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздастся ему? Яко из Того и Тем, и в Нем всяческая. Тому слава во веки. Аминь[3].

Окончено 20 апреля 1861 года.
Ставрополь Кавказский.

---

[1] Образ изложения заимствован из Евангельской притчи, Мф. 22, 11. || [2] Лк. 18. 8. || [3] *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь* (Рим. 11. 33–36).

ПЛАЧ ИНОКА

О БРАТЕ ЕГО, ВПАДШЕМ В ИСКУШЕНИЕ ГРЕХОВНОЕ

Сочинено другом для друга и для брата братом, к взаимной пользе и сочинителя и читателя

Введение

И бысть, повнегда в плен отведен бе Израиль и Иерусалим опустошен бяше, сяде Иеремия пророк плачущ, и рыдаше рыданием над Иерусалимом[1].

Один я в келлии; заперты двери; густым занавесом завешено окно; скромная лампада в углу келлии теплится пред святыми иконами, разливает по келлии слабый, томный свет. Не нужно мне освещения более яркого: оставил я все занятия. Сижу на одре в недоумении, в безотчетливом молчании. У меня как бы отнято существование. Не могу размышлять ни о чем: печаль наполняет душу; слезы, струясь по ланитам и одежде, заменяют для меня всякое иное занятие. Не входите, не входите ко мне! не нарушайте моего безмолвия! не способен я к беседе с друзьями. Необходимо мне одиночество: способен я к одному плачу. Чем больше объемлет меня плач, тем больше жажду его, тем больше вдаюсь в него. Насыщает он меня, утешает он меня, несмотря на то, что горек он. Тоскующая горлица перелетает с одной иссохшей ветки на другую иссохшую ветку, на ветку зеленеющую не садится: так и я перехожу от мысли

[1] Надпись над «Плачем пророка Иеремии», глава 1. — Статья «Плач инока» заимствована в значительной степени из Плача, произнесенного Пророком, почему и самая форма, в которой изложен «Плач инока», соответствует форме, в которой изложен «Плач святого Иеремии».

печальной к мысли печальной, от чувствования печального к чувствованию печальному; мысли и чувствования приятные не приближаются к страждущему сердцу.

Когда опустошен и разрушен был Иерусалим, а народонаселение его отведено пленником в страну дальнюю, тогда пророк Иеремия, тщетно предвещавший бедствия Иерусалиму за беззакония жителей его, тщетно призывавший к покаянию ожесточившихся и ослепших беззаконников, остался на развалинах Иерусалима, остался оплакивать свое пророчество совершившееся. Рыдал он рыданием неутешным на пепелище сожженного храма: храм этот признавался чудом зодчества, был единственным храмом на земле, посвященным истинному Богу. Рыдал Пророк рыданием неутешным на развалинах города: город этот был единственным городом на земле, в котором поклонники истинного Бога могли воздавать поклонение Богу, установленное Богом, единое благоприятное Богу.

Не на груды камней и пепла падают мои слезы; оплакиваю не храм, воздвигнутый руками человеческими из мрамора, порфира и древ негниющих[1]; рыдаю не на развалинах города, который строился веками, строился могучими мышцами царей, народов, золота; не летят мои воздыхания вслед за многочисленными толпами иудеев, которые влекутся многочисленным воинством в гражданское рабство. Причина моего плача — причина нравственная, и область моего плача — область духа. Оплакиваю сожжение невидимого и нерукотворенного храма, созданного Богом для невидимого, возвышеннейшего богослужения; оплакиваю разрушение таинственного города, назначенного в обитель для помыслов и ощущений благодатных; оплакиваю плен души, плен ума и сердца, побежденных грехом. Окованы они, окованы эти пленники, окованы цепями страстей, уведены в рабство. Уведены они в царство и столицу царя Вавилонского: во власть архангела отверженного, господствующего сурово и жестоко над всеми отверженными разумными тварями, — над ангелами и человеками.

Плачу плачем покаяния и любви. Погружаюсь в печаль спасительную, — не в ту, которая наводит смерть человеку[2]:

---

[1] Такие древа были употреблены при строении храма Соломонова. Негниющими древами считались кедр, сосна и кипарис. Поведание о построении храма Соломонова читается в третьей книге Царств. ‖ [2] 2 Кор. 6. 10.

печалюсь не о чем-либо суетном, тленном, преходящем. Объемлет меня плач — наследство прародителя моего, Адама, который обратился к плачу, начал искать в нем утешения после утраты сладостей райских. Этот плач — отблеск вечного блаженства; этот плач — свидетельство, что вечное блаженство было некогда достоянием человека; этот плач — средство к возвращению потерянного блаженства. Как отблеск блаженства, как воздыхание и воспоминание о блаженстве, плач заключает в себе наслаждение: уподая сердце скорбию, вместе орошает и помазует его утешением. Благословил Богочеловек всесвятыми слезами Своими душеспасительный плач покаяния и любви. Пролил Богочеловек всесвятые слезы о четверодневном мертвеце, Лазаре; пролил Богочеловек Божественные слезы о многолюдном городе, о народе, который не познал или притворился непознавшим посещения Божия. Не только блудница употребила для омовения грехов слезную воду[1]; не только прибегали к слезам все грешники, желавшие примириться с Богом посредством покаяния: признал слезы необходимым врачеством для себя, спасительным орудием верховный Апостол. *Плакася горько*[2] великий Петр по отречении от Христа: исцелил он смертельную греховную язву плачем и слезами. И кто, приступавший к Богу с плачем, не был услышан Богом? Окропился немногими слезными каплями нечестивый царь Израильский, Ахаав, умилился на короткое время, после которого опять продолжал прогневлять Бога нечестием. Скудные слезы, умиление кратковременное и малоплодное не остались без последствия: изреченная казнь на служителя идолов, обагрившегося кровию неповинных, отменена. *Видел ли еси,* вещал Божественный глас Илии Пророку, чрез которого объявлено наказание царю, *видел ли еси, яко умилися Ахаав от лица Моего? сего ради,* ради умиления ничтожного, ради непродолжительных, малозначущих слез, *не наведу зла во днех его*[3], несмотря на то, что Я уже назначил и объявил ему ужаснейшую казнь за ужаснейшие беззакония. Не могу Я видеть плачущего и не помиловать его.

О, брат мой! о, брат возлюбленный! болезнует о тебе сердце мое; плачу о тебе, и не могу престать от плача. Привлека-

[1] Лк. 7. 38. || [2] Мф. 26. 75. || [3] *...видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни* (3 Цар. 21. 21–29).

ют меня к плачу и человеколюбие Господа Иисуса, и постигшее тебя несчастие. Из слезы скорбящего и плачущего о грехах светится надежда спасения, как звезда из окружающей ее тьмы ночной. Соедини с плачем моим плач твой, со слезами моими твои слезы. Не презрит нас Господь, молящихся Ему, рыдающих пред Ним, усиливающихся исцелиться покаянием. Он, податель истинного покаяния, дарует нам могущественное покаяние; Он, податель слез, отверзет в нас источники слез; Он, единый способный очищать нечистоту души, очистит нас покаянием, слезами, Божественною благодатию. Грех — родитель плача и слез: он наветуется, умерщвляется чадами его — плачем и слезами.

Начну же я произносить мои вопли! стенаниями и воздыханиями облегчу и разрешу тесноту моего сердца! Не ранами, не укоризною послужат тебе слова плача моего; они — выражение любви, знаки участия и сострадания, утешения и ободрения, кроткий голос, призвание к оставлению греховной жизни, призвание к вступлению снова на поприще святого иноческого подвига, призвание к свержению греховного ига, призвание к мужественной борьбе за духовную свободу с началами и властями поднебесной. Плач мой о тебе есть вместе и плач о мне: и я преисполнен грехами, и на мне звучат тяжкие цепи греховных навыков и впечатлений. Если дозволяю себе восплакать о тебе, то и ты восплачь о мне. Соединим сердца наши в плач! облеченные в плач как бы в одежду, необходимую для прикрытия наготы душевной и стыда, явившихся от преступления заповеди Божией, предстанем пред Господа: принесем Господу не пустое и гордое оправдание себя, которым всегда печатлеется греховность и погибель человеков, — принесем исповедание из сердца сокрушенного и смиренного. Исповеданием решительным и искренним согрешений наших, нашего падения, нашего бедственного состояния войдем в покаяние и спасение. Покаяние — врата к Богу. *Внидите во врата его во исповедании*[1], объявляет и завещевает всему человечеству Пророк, приглашая к покаянию все человечество.

[1] *Входите во врата Его со славословием* (Пс. 99. 4).

Статья первая

Алеф[1]

Весть горестная внезапно принеслась ко мне — принеслась ко мне стрелою. Пронзила она сердце глубокою раною, — вместе изобразила предо мною картину поразительную, картину мрачную, картину печальнейшую. Тот, кто в нежном возрасте прилепился к Господу, кто дни увеселений отроческих посвятил лишениям иноческим, кто рано презрел суету мира, — ныне обольщен и осмеян миром. Увы! в пристани подвергся ты крушению. Увы! в собственном городе твоем пленили тебя иноплеменники. Увы! поработил тебя грех, грех тяжкий, грех смертный, — связал тебя узами невидимыми, не разрешимыми никаким средством, никаким усилием человеческим. Пребывая телом в стенах монастырских, по духу ты отчуждился от Обители святой. Тоскует она о тебе, как о сыне, охладевшем к ней, как о сыне, уже покинувшем ее в сердечном совете своем. Дивные храмы Божии, смиренные иноческие келлии, башни угрюмые, стены зубчатые монастыря древнего, освященного подвигами многих старцев преподобных, смотрят на тебя печально, как бы угадывая измену, тайно совершившуюся в душе твоей. Слышится в песнопениях церковных отголосок заунывный, слышится он для сердца, болезнующего о бедствии твоем. Для такого сердца песнопения церковные плачут о тебе: отдаются из них в это сердце звуки плача, подобные звукам плача, разливающимся из песнопений надгробных.

Беф

Плачу о тебе весь день; плачу о тебе всю ночь. Ничтожной цены плач мой: другой плач, цены несравнимой, совершается о тебе. Плачут Ангелы, плачут лики Мучеников и Отцов пустынных сонмы, плачут все небожители, — не хотят утешиться. Внимательно, любовно смотрят они с неба на землю, радуются добродетели, совершаемой человеками, — огорчаются грехами их. Сам Создатель твой и Спаситель, сотворивший тебя из ничего, искупивший бесценною кровию Своею, не-

[1] Алеф, Беф и т. д. — буквы еврейского алфавита. Ими отделяются строфы, одна от другой, в «Плаче пророка Иеремии».

причастный печали, опечален тобою. *Кая польза в крови Моей, внегда сходити Ми во истление?*[1] говорит Он всем грешащим и пребывающим в грехе. Всесвятой, неприступный для тления, низводится в тление христианами, облеченными во Христа, имеющими в себе Христа, когда христиане пресмыкаются в скверне беззаконий.

Гимель

Грехи по видимому ничтожные, но пренебрегаемые, не врачуемые покаянием, приводят к грехам, более тяжким, а от невнимательной жизни зарождается в сердце гордость. Чтоб ты научился бодрствовать над собою, чтоб ты не доверял себе и не любовался собою, чтоб ты стяжал сердце сокрушенное и смиренное, чтоб грех твой, предстоя *выну*[2] пред очами твоими, низлагал в тебе высокоумие и превозношение, — Господь попустил искушению, как туче, носимой вихрем, набежать на тебя; не удержал удара, занесенного на тебя. Настигли тебя враги твои! ненавидящие душу твою окружили ее, возложили на нее тяжкие оковы, увлекли в плен и рабство, покрыли язвами бесчисленными, мучительными, неисцельными![3]

Далеф

Оставлены тобою святые подвиги иночества; служение твое Богу обратилось в постыдное лицемерство. Нет места истинному Богослужению в душе, когда она, ниспавши в смертный грех, пребывает в нем. Овладело тобою уныние и расслабление; увяла сила мужества; произволение благое поколебалось; сердце лишилось благодатного мира и утешения, которыми питается и окрыляется инок на пути своем к Богу. Суетные и греховные помыслы, сопутствующее им расстройство ощущений, витают в душе твоей, как витают в опустевшей храмине гады и хищные птицы. Все добродетели твои окрадены одним преступлением: *иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен*[4], научает нас Писание. Блекнут цветы и листья на растении, когда ствол его подсечен косою.

---

[1] *...что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу* (Пс. 29. 10). ‖ [2] Пс. 50. 5. ‖ [3] Плач. 1. 3. ‖ [4] *Кто соблюдет весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2. 10).

Ге

До впадения твоего в грех невидимые враги наветовали душу твою, прикасаясь к ней снаружи, колебля лишь поверхность ее[1]; они не входили в сердце, запечатленное перстом Божиим; они не могли возобладать тобою, будучи постоянно оскорбляемы и отражаемы неповиновением твоим[2]. Покорился ты им в час дремания твоего, в час самозабвения; покорился ты им произвольно, исполнив на деле предложение их, предложение обольстительное, смертоносное. Они соделались владыками твоими; влачат они тебя по дебрям и пропастям, по тернию и по острым камням: связанный, скованный ими, не имеешь силы противиться им. Господь, предвидящий все и управляющий всем, восхотел смирить тебя множеством беззаконий твоих[3]. Едва родится в тебе благая мысль, едва родится благое намерение, как и ниспровергаются они: ниспровергает их овладевший тобою грех.

Вав

Отъяся от дщери Сиона вся красота [лепота] ея[4]: отъята красота у души твоей, уневещенной Христу, отъята красота духовная. Отступили помыслы святые, в которых пребывал ум твой, как в чертоге брачном; отступили ощущения святые, в которых плавало, в которых покоилось, в которых наслаждалось сердце твое. Ищешь их и не обретаешь. Они удалились неведомо куда; заменили их помыслы греховные, плотские, ощущения страстные. Ты лишен высокого, царского достоинства! ты ниспал в униженное состояние раба! — Горестна немощь, производимая в душе грехом смертным: по причине этой немощи, по причине этого расслабления встреча со всяким обольстительным, преступным, демонским помыслом соделывается для души побеждением.

Заин

Наступило время скорбное, время тяжкое, время твоего уничижения и бесславия, время, в которое ты отринут от лица Господня. Лишенный помощи Вышнего, как бы забытый Бо-

---

[1] Наставление 19 старца Серафима Саровского. || [2] Иак. 4. 7. || [3] Плач. 1. 5. || [4] *И отошло от дщери Сиона все ее великолепие* (Плач. 1. 6).

гом, оставленный в руках супостатов, ты служишь для них игралищем и посмешищем. Падение инока и всякого христианина — предмет плача для святых Ангелов; оно — предмет радости для злобных демонов[1]. Ликуют полки их о бедствии человеков, раздается в полках их громкий, безумный хохот.

Иф

Прельстился ум твой: вкусил плод, воспрещенный Богом. Прекрасным показался плод при любопытном, неосторожном взгляде на него; прекрасным показался плод неведению, неопытности, невинности; совет злонамеренный и лукавый убеждал ко вкушению; вкушение плода поразило вкусившего смертию. Горечь ядовитой снеди еще пенится на устах твоих; терзается внутренность твоя от действующего в ней яда. Смущение, недоумение, омрачение, неверие объемлют душу твою. Обессиленный, расстроенный грехом, ты озираешься *вспять*, будучи прежде направлен *в Царствие Божие*[2].

Теф

На краю падения твоего, на краю греховной пропасти не вспомнилось тебе, что тесный гроб и могила темная соделываются, рано или поздно, соделываются непременно жилищем всякой плоти, что наслаждения греховные оканчиваются с разложением человека, и не предотвращают разложения, что тело, в угождение которому закалается душа, назначено в жертву тлению, в пищу червям. Это не вспомнилось тебе. Забыл ты Суд Божий, терпеливо ожидающий обращения грешников, но долженствующий постигнуть их. Не замедлит Он, Суд Страшный, не замедлит; скоро, скоро настанет: *приидет, яко тать в нощи*[3]. Потребуется на нем отчет у каждого человека во всей земной деятельности его. Забыл ты, что злохитрые и лютые демоны, теперь являющиеся душе в усладительных мечтах, льстящие ей с намерением уловить ее, по исшествии души из тела устремятся на нее, как дикие звери, похитят ее, если докажут, что она принадлежит им. Забыл ты о вечной участи грешников, не удостоившихся милости Божией. Они, за отвержение добродетели и за отвержение покаяния,

---

[1] Плач. 1. 7. ‖ [2] Лк. 8. 62; Плач. 1. 8. ‖ [3] *...придет, как тать ночью* (1 Сол. 5. 2).

которым врачуются уклонения от добродетели, нисходят в преисподний ад, предаются пыткам и казням, не имеющим ни меры, ни конца. Забыл ты это, — и пал падением страшным. Средства мира, развлечения, увеселения, попечения и занятия земные не доставят тебе успокоения. Усыпляют они совесть на краткое время, но заглушить ее не могут. В минуты самовоззрения она просыпается; проснувшись, обличает тем сильнее, тем беспощаднее.

Боже милосердый! Ты видишь и носишь немощи человеческие: открыты пред взорами Твоими и нечистота моя и изнеможение мое; открыта пред взорами Твоими лютость мучащих меня, терзающих меня страстей и демонов.

Иод

Иноплеменник *да не внидет в храм Господень*[1], заповедал Бог. Не сохранил я повеления Бога моего. Я допустил себе предательство, — и вторглись, при посредстве моего предательства, иноплеменники не только в храм, но и в святилище, простерли дерзкие руки на сосуды и жертвы, освященные Богу. Храмом Божиим называю всего человека; святилищем — сердце; сосудами и жертвами — помыслы и ощущения. Попирается храм Божий ногами нечестивых и нечистых духов; они осквернили святилище; помыслы и ощущения духовные, благодатные, превратили в плотские, греховные, злосмрадные.

Каф

Исполняюсь воздыханий! гнездится во мне скорбь, точит сердце как червь, терзает его как змей. Ищу утешения, ищу отрады, ищу пищи духовной, некогда опытно знакомой мне, — и не обретаю! Пища эта питает и услаждает. Иную пищу предлагают мне, влагают в меня насильственно: пищу греховную, которая льстит насыщением, — не только не насыщает, производит еще больший голод, производит страшное томление, изнеможение, расстройство.

Господь, Господь мой! пред лицем Твоим, пред Твоими очами согрешил я. Ты взираешь на уничижение мое; пред Твоими всесвятыми очами злодействуют надо мною разбойники. Я оставлен Тобою, потому что я оставил Тебя. Нахо-

[1] Втор. 23. 3; Плач. 1. 10.

жусь в руках у тех, которых я предпочел Тебе. Не смею воззреть к Тебе, не смею воздеть рук к Тебе, не смею произнести пред Тобою ни одного слова. Согрешение мое, предательство мое отняли у меня дерзновение. Я пал, я соделался жертвою моего безумия, жертвою лукавства и ненависти демонов. Близок я к безнадежию: оно дает весть сердцу моему, что стоит при дверях его. Ходатаев нет у меня; по крайней мере, я не знаю, есть ли ходатай за меня. Ходатаем моим пред неприступным величием Твоим да будет Твоя бесконечная благость.

Ламед

Все, идущие путем земной жизни, все, проходящие поприще от утробы, родившей вас, до гроба и могилы, до грозных врат, которыми вступает каждый человек в неизмеримую и загадочную вечность, *обратитесь и видите, аще есть болезнь, яко болезнь моя*[1]. Не печалюсь я о потере тленных преимуществ и сокровищ, не снедаюсь скорбию о понесенных мною гонениях, бесчестиях и язвах от человеков; ничто временное не служит причиною моих стенаний, моего сердечного томления. Страдаю, мучусь тем, что я удалился от Господа грехопадением. Изменил я Господу, предал Господа, далеко отринут от лица Создателя моего, ввергнут в нравственную тьму, предан демонам. Связаны мои руки и ноги: отнята у меня святая деятельность, отнята самая способность к ней. Лежу, поверженный, в изнеможении, в пропасти. Пропастию этою таинственно и вместе с точностию предызображается и живописуется пропасть преисподняя. Испиваю чашу горестей, чашу смирения. Чашу эту растворил для меня Бог мой в праведном гневе Своем[2].

Мем

Судьбы Божии — непостижимы. Рассудил Господь в святом совете Своем, определил правосудно, изрек на меня приговор казни, допустил огню страстей, огню враждебному, ниспасть с *высоты*[3], из области духов воздушных, поднебесных, сожечь духовный храм мой, обратить в пепел драгоценное украшение его. Простерты были сети ногам моим, — и я не

[1] *...взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь* (Плач. 1. 12). || [2] Плач. 1. 12. || [3] Плач. 1. 13; Иов. 1. 16.

заметил их, увяз в них. Внезапно напали на меня враги из засады, в которой они скрывались, — и я, приведенный в недоумение неожиданностию, подвергся поражению, обратился в бегство. Не помиловал меня Господь, предал врагу. Угрожает мне конечная погибель. Цепь дней моих обратилась в цепь болезней. Грех мой стоит исполином предо мною; обнаженный меч — в руке его; сверкают кровавым пламенем яростные очи; широко разверзлась чудовищная пасть; скрежещут зубы. Стоит он неотступно, стоит день и ночь.

Нун

Супостат бдел надо мною давно, бдел со дня рождения моего, со дня крещения моего. Зависть и ненависть неутолимая возбуждала его к бдению неусыпному. Он выжидал, чтоб выпал час, в который бы я легкомысленно оставил бодрствование над собою, предался самонадеянности и неосторожности. Дождался он этого часа и, опытный в погублении человеков, нанес мне удар, удар верный, решительный. Теперь, когда я в плену у врага, когда я порабощен ему, он снова бдит надо мною, бдит, чтоб не бежал я из плена, не сверг с себя иго, иго поносное и тяжкое. Изнемогла крепость моя, ослабели руки, не могу восстать из падения, освободиться из плена. Я облечен грубою и вместе немощною плотию, пребываю в ней, как в узах, как в темнице; враг мой — дух, быстрый в движениях, как молния, облечен, как во всеоружие, в обилие способностей, знания, силы. Бдит враг мой надо мною, как лев, рыкающий над беззащитною добычею. Не могу противостоять ему: грехи умножаю грехами новыми, увлекаюсь насильно страстями. Мучительству их предал меня Господь[1].

Самех

Точило истопта Господь девице, дщери Иудине, душе моей, усвоенной Господу верою в Него: *о сих аз плачу*[2]. Плачу и рыдаю плачем, необъяснимым и непонятным для меня самого. Тоскует, томится во мне дух мой: он ощущает свою нищету и уничижение. Сокрушилась попущением Господним крепость моя, извратилась, обезображена красота, нарушена, отъята непорочность. *Дадеся ми пакостник плоти, ангел*

[1] Плач. 1. 14. ‖ [2] *...как в точиле, истоптал Господь деву, дочь Иуды. Об этом плачу* (Плач. 1. 15).

сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся[1]. Этот ангел имеет свою цель, цель погубить меня; но в действиях его, независимо от них, присутствует попущение Божие со всею непостижимою, премудрою, всеблагою целию.

Айн

Очи мои излияcте воду, яко удалися от мене утешаяй мя, возвращаяй душу мою: погибоша сынове мои, яко возможе враг[2]. Удалились от меня помыслы святые, приносящие утешение сердцу, ободряющие, оживляющие его, исполняющие его радостной надежды спасения. Умолкла во мне благодать Святого Крещения, скрыла свое присутствие во мне, не поборает за меня: огорчен мною Дух Святой, огорчен грехом моим смертным. Все противное, враждебное Богу приблизилось, вступило в меня, действует во мне. Преисполнен я мрака, преисполнен смущения. Молитва моя расхищается рассеянностию; оскверняется, уничтожается она мечтаниями сладострастными. Страшно усилился надо мною враг: пожирает он меня. Проливаю потоки слез, подобно источникам вод, и не совершают они того, что совершали прежде немногие слезные капли: не водворяют в сердце сладостного спокойствия. Горьки слезы мои. Горькими слезами должно оплакать утраченную непорочность; горькими слезами должно омыть с души нечистоту, эту печать, всегда оставляемую на ней грехопадением; горькими слезами должно изгладить смертный грех, записанный в книгах воздушного князя: слезы сладостные проливает невинность и святая любовь. Горькие слезы, сердечное сокрушение, нищету мою, бедствие мое приношу к стопам распявшегося за меня Господа. Прими их, Господь мой, как принял Ты слезы блудницы; прими их, как принял Ты драгоценное миро, которое блаженная Мария излила на Твои ноги[3]. Ты, всесильный и всеблагий, претвори мои грешные и горькие слезы в благовонное, благоприятное Тебе миро. С весов Твоих сними правосудие Твое и гнев; возложи на эти весы Твое человеколюбие, Твои могущественные слезы, Твою могущественную кровь. Твои бесценные слезы Ты пролил о нас; Ты пролил за нас Твою бесценную кровь; Твою бесценную кровь Ты дал в цену и выкуп за нас. Слезами Твоими Ты

[1] 2 Кор. 12. 7. ‖ [2] *...Око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешитель, который оживил бы душу мою; дети мои разорены, потому что враг превозмог* (Плач. 1. 16). ‖ [3] Ин. 12. 3.

явил любовь Твою к нам, любовь Твою к нам Ты запечатлел Твоею кровию. Твоею кровию всемогущею, Божественною, Ты очистил грехи всего мира[1].

Фи

Возвожу ум мой к Богу; но ум не имеет силы подняться и вознестись от земли. Все попытки его оказывались доселе тщетными. Он лишь приподымется от земли, как и падает на землю, низвергается на нее невидимою, железною рукою. Оставил меня Господь, и обступили со всех сторон ищущие погибели душе моей. Собственными силами не могу восстать из падения, освободиться из плена. Господь, един Господь восстановляет падших, оживотворяет умерщвленных. О мне Господь определил иное[2]. Он взирает на уничижение мое, а помощи не ниспосылает мне; Он слышит мой стон, мой вопль, и не восхищает меня из плена, из плена лютого, из челюстей ада. Враг торжествует, празднует победу, признает мою погибель верною. В безумной ярости, в безумной гордости своей он мнит о Боге моем, что Бог не силен изъять меня из рук его; он мнит о себе, что может противостать, может воспротивиться успешно Богу моему, Богу всемогущему.

Цади

Праведен еси, Господи, и прави суди Твои[3]. Достоин я оставления, достоин томления, которым подвергся: пожинаю плоды согрешения моего. Произвольно преступил я Закон Божий, произвольно пренебрег словом Божиим. Сошел я с пути заповедей Господних на путь воли растленного естества моего.

Когда смертный грех, сокрушив человека, отступит от него, то оставляет после себя след и печать поражения, нанесенного человеку. Он оставляет свою жертву рассеченною на части, связанною, во власти порочного впечатления, свойственного соделанному греху. Все яды смертоносны; но каждый из них имеет свое действие: все смертные грехи убивают душу вечною смертию; но каждый производит в ней соответствующее себе расстройство. *Пленицами своих грехов кийждо затязается*[4], научает нас Писание. *Накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя: и увеждь и виждь, яко*

[1] Ин. 1. 29. || [2] Плач. 1. 17. || [3] Пс. 117. 137; Плач. 1. 18. || [4] Притч. 5, 22. *Пленицами* — веревками; *затязается* — связывается.

зло и горько ти есть, еже оставити Мя, глаголет Господь Бог твой. Не благоволих о тебе, понеже сокрушил еси иго твое и растерзал еси узы твоя и рекл еси всем поведением твоим: *не имам Тебе служити, но пойду на всякий холм высокий, и под всяким древом лиственным тамо разлиюся в блуде моем. Аз же насадих тя,* при сотворении в бытие и при воздаянии в пакибытие, *виноград плодоносен, весь истинен: како превратился еси в горесть, виноград чуждий?*[1]

Угроза и определение Бога моего исполняются надо мною. Настоящее положение мое образовалось из падения моего, как естественное последствие. Мучат, насилуют меня помыслы и ощущения, которые прежде признавались мною бессильными, которые отражал я легко и удобно. Поступают они со мною как по праву, полученному ими: я пал произвольно, произвольно поработил себя, совершил беззаконие, принадлежащее к области этих помыслов и ощущений. Увы! *девицы мои и юноши отыдоша в плен*[2].

Коф

Обольстило меня греховное похотение. Предстало оно в личине невинности и наслаждения непорочного, предложило мне беседу как бы мудрую; потом, вкрадываясь постепенно в душу, начало изменяться, приобретать надо мною власть, — внезапно претворилось в пламень, охватило меня. Не помню, — правильнее, не могу дать точного отчета, что было далее. Далее объяло меня самозабвение, увлечение. Опомнившись, я увидел себя уже в безвыходной пропасти.

Должно отражать грех в самом начале его, при первом появлении его. Утрачено или украдено было это из моей памяти, или я еще не имел этого познания, — и похитил, поглотил меня лукавый грех. Оскудел страшно, опустошен окончательно таинственный Иерусалим мой. Иногда рождаются во

---

[1] *Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя; итак, познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа Бога твоего и страха Моего нет в тебе, говорит Господь Бог Саваоф. Ибо издавна Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои, и ты говорил: «не буду служить* ***идолам»****, а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал. Я насадил* ***тебя*** *как благородную лозу, — самое чистое семя: как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы* (Иер. 2. 19–21). ‖ [2] *...девы мои и юноши мои пошли в плен* (Плач. 1. 18).

мне помышления и намерения благие; но они, не имея никакой твердости, никакого постоянства, лишены значения; они перемешаны с помышлениями и порывами порочными, оскверняются, извращаются, побеждаются ими. Изменился разум мой! утратилась в нем самостоятельность, которую доставляла ему вера; явилось в нем колебание. Он соделался хладным к слову Божию; не находит в нем того спасительного, просветительного назидания, которое находил прежде, которым питался и услаждался, которым не мог насытиться по причине преизобильного насыщения. Такое насыщение возбуждает ненасытную алчбу и неутолимую жажду Божией правды. Предо мною — Писание Святое. Оно соделалось чуждым мне. Ищу в нем питания, укрепления, утешения: не нахожу их. Закрылось оно, всесвятое слово Божие, закрылось от меня непроницаемым покрывалом: моею греховностию.

Реш

Господь мой! Господь мой! с высоты славы Твоей воззри на бедствие, в котором я погряз, как в тине смрадной, как в дебри безвыходной; воззри на бедствие мое, на скорбь невыносимую, которыми истощены все силы мои, все силы души и тела. Объяло меня смущение; объяло — недоумение; объяла лютая тоска и горесть. Ощущаю, что вечная смерть вступила в душу и, страстию, которую ничто не может укротить, грехом, который не престает повторяться, наложила на меня печати погибели. Уже отселе *болезни адовы,* обручения болезней вечных, *обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя*[1]. Увязши в этих сетях, сопричисляюсь справедливо к умершим, хотя по наружности принадлежу к числу живых. *Потоцы беззакония смятоша мя*[2], не дают опомниться, не дают встать и утвердиться на камне заповедей Христовых. Мадиам и Амалик и сыны Востока, поклонники идолов, с бесчисленными стадами скотов своих, постоянно восходят на землю Израиля, не оставляют на ней *бытия жизненнаго*[3], поядая и вытаптывая посевы и луга: подвиги и добродетели, которыми от юности служил я Богу моему, которыми полагал изработать спасение мое.

---

[1] *...цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня* (Пс. 17. 6). ‖ [2] *...потоки беззакония устрашили меня* (Пс. 17. 5). ‖ [3] Суд. 6. 3–5.

Шин

Воздыхаю я, — враги мои утешаются воздыханиями моими; скорблю я, — они радуются скорби моей; стону, рыдаю, вопию я, — между ими раздаются громкие рукоплескания, клики и песни буйного веселия; я томлюсь, как бы исчезаю в постигшем меня искушении, — они торжествуют, светло празднуют победу надо мною. Упоенные неистовством, безумием, высокомерием, исступленною ненавистию к Богу, они хвалятся поражением, нанесенным немощному человеку, как бы поражением, нанесенным Самому Богу. По обширной поднебесной, на всех скопищах своих, на станах мытарств воздушных они разгласили о моем падении. Бешеное и богохульное ликование их достигает сводов неба, ударяет в них. Падшие ангелы желали бы ворваться за эти своды, огласить насмешками и ругательством святые обители рая. Уже был некогда рай свидетелем их преступных замыслов и начинаний; огласился он некогда буйным, открытым, чуждым смысла возмущением их против Бога.

Творец мой! Искупитель мой! Твоим я был до согрешения моего: пребываю Твоим и по согрешении. Похитили у Тебя достояние Твое, потому что Ты попустил похитить его на время по непостижимым судьбам Твоим. Угадывают, видят враги мои, что Ты отступил от меня или скрылся чудно; они видят и понимают это по тому свободному доступу ко мне, который получили они, по той власти надо мною, которая дозволяется им. Настанет, настанет время, горестное для них, блаженное для меня: настанет время, когда Ты, Спаситель мой, умилосердившись надо мною, простреш мне руку помощи, руку всесильную, когда истинным, действительным покаянием извлечешь меня из пропасти моих преткновений[1].

Фав

Всевидящий Господь! Пред взорами Твоими — все бесчисленные злодеяния демонов, ангелов отверженных. Восстали они против Тебя на небе, возненавидели Тебя, Творца своего и Бога, возненавидели все дела Твои ненавистию исступленною, непонятною. Ты явил им творческую силу Твою, Ты

[1] Плач. 1. 21, 22.

явил им неограниченную власть Твою над ними: Ты низверг их с неба, Ты покарал их в самой природе их; духов бесплотных Ты обрек на жизнь в веществе и тлении. Светлые Ангелы превратились в мрачных, зверообразных демонов; чистые духи соделались, по мыслям и чувствам, плоть и скверна; жители горних обителей блуждают и скитаются по пустыне поднебесной, по поверхности земной, в пропастях подземных. Ты предал в заведывание им темницу огненную — страшный ад, горящий пламенем неугасимым, чтоб казнь, уготованная для них от сотворения видимого мира, предстоя им непрестанно лицом к лицу, произвела в них спасительный страх, убедила опомниться. Ты совершил искупление человеков в присутствии и при противодействии духов, погубивших человеческий род. Ты поставил их зрителями и свидетелями шествия в рай и небо благоугодивших Тебе человеков; Ты долготерпишь им многие тысячелетия, — и ничто, ничто не может преломить упорства их, смягчить сердце, претворившееся в камень или металл, склонить к покаянию, к желанию неба. Они, умалишенные, ратуют против Тебя, изрыгают против Тебя страшные хулы, отвергают Твое существование, отвергают разнообразными видами отвержения. Но Ты не только неприступен для действий против Тебя, — неприступен для постижения Тебя. И ангелы падшие, бессильные, ничтожные пред Тобою, направили злобу свою на создание Твое, на немощного человека. Они отравили его ядом греха; они ищут погубить его окончательно, преследуют неусыпно, расставляют ему злокозненные сети, ввергают в бесчисленные, тягостнейшие бедствия. От этих бедствий, от бедствий лютых только Ты, всемогущий, можешь избавлять, и избавляешь тех человеков, которые прибегают к Тебе! Скорбь моя превзошла меру крепости моей. Доселе, переполняя сердце мое, она изливалась из него; теперь я умолкаю от изнеможения. Истощились мои стенания, истощились воздыхания, истощились слезы: грусть, превысшая их и невыразимая, томит, умерщвляет меня. Всевидящий! Ты видишь меня. Ты ведаешь, что ненависть врагов не насытится никакими страданиями моими. В державной деснице Твоей — и я и враги мои. Всевидящий и Всемогущий! в безнадежии на себя, в надежде на Тебя, предаюсь святейшей воле, бесконечной мудрости и благости Твоей.

Статья вторая

Алеф

Грустным событием поражаются взоры, взоры ума и сердца. Недоумеваю пред событием. Тому, что видят глаза и руки осязают, не верю. Господь, во гневе Своем, покрыл мраком *дщерь Сиона*[1]. Он низверг *с небесе на землю славу Израилеву*[2]. Душа твоя была невестою Христовою; на непорочности ее, как на красоте пленительной и возлюбленной, покоились всесвятые очи Господа твоего. Уготован был тебе чертог дивный в обителях рая. Сонмы святых Ангелов и сонмы переселившихся на небо праведных человеков признавали тебя своим, ожидали твоего пришествия к ним, намеревались радостно выйти в сретение душе твоей по разлучении ее с телом, ввести ее в небо, на неумолкающий и бесконечный праздник... Все рушилось! все изменилось изменением страшным! Господь отвратил лицо Свое от тебя, небожители восплакали о тебе: увы! растлил тебя грех.

Беф

Восхотел Господь поразить тебя: не пощадил! не помиловал![3] Поразил Господь, — и увяло духовное благолепие твое, пожженное сластолюбием, как вянет пышная роза, опаленная солнечным зноем, как вянет нежная лилия, подточенная червем. Рассыпались добродетели и подвиги твои, как рассыпаются великолепные здания города, колеблемого землетрясением. Мысли твои парили постоянно к Богу, возносились к Нему, пребывали при Нем чистою молитвою и размышлением священным: ныне они пресмыкаются по земле; вращаются они в одном тленном и суетном. Ум твой лишен царского достоинства: прежде господствовал он над пожеланиями сердца и тела, — ныне увлекается ими, служит им раболепно. Вместо венца и порфиры — на нем тяжкие оковы, оковы медные[4]. Победитель жестокий умертвил сыновей царя пред очами его, а очи, увидевшие это убийство, исторг

[1] Плач. 2. 1. || [2] Плач. 2. 1. || [3] Плач. 2. 2. || [4] Медные оковы возложены были на Седекию, последнего царя Иудейского, пленного Навуходоносором, царем Вавилонским, при взятии Иерусалима.

бесчеловечно орудиями железными. Царственный слепец и пленник отведен в Вавилон, предан там в дом работы трудной, унизительной[1].

Гимель

Сокрушилась мышца твоя в борьбе невидимой: ты не устоял, не вышел победителем. Враги разрушили врата и стены города твоего, вломились в него: обратили город в развалины, тебя соделали рабом. Оружия имел ты сильные; даны были тебе оружия Богом; оружия эти страшны для иноплеменников. Ты вознерадел! мечи булатные, копья и стрелы легкие и меткие, щиты и кольчуги непроницаемые были оставлены тобою, забыты. Нерадение послужило причиною побеждения. Когда инок пренебрежет молитвою, безмолвием, постом, — дозволит себе развлечение, наслаждения плотские: тогда враг, видя его обезоруженным, нападает на него, поражает удобно. Твой храм душевный объят пламенем греховных вожделений. Разлился яростный пламень по всему храму волнами огненного потопа; истребил яростный пламень всю многоценную утварь храма; оставил одни опаленные, почерневшие стены[2]. Отъята у тебя жизнь в Боге, не отъято бытие: призываешься милосердием Божиим к оживлению в себе утраченной, благодатной жизни.

Далеф

Укрепился враг, возобладал оказавшим ему повиновение произвольно. Падение твое лишило тебя власти над собою, передало эту власть врагу. Власть демонов и страстей над человеком усиливается унынием, двоедушием человека, уклонением его воли, заразившейся порочным стремлением, уклонением от мужественного и решительного покаяния. Ты пребываешь во грехе! к согрешению присовокупляешь новые согрешения, в убийственном грехе ты нашел наслаждение! от смертоносного наслаждения не можешь оторвать сердца! *В селениях дщери Сиона*[3] вижу грустное, одно грустное запустение: в них истреблено или рассыпано и попрано все изящное, духовное.

---

[1] Иер. 52. 10, 11. || [2] Плач. 2. 3. || [3] *...на скинию дщери Сиона* (Плач. 2. 4).

Ге

Меч Божий, меч наказания, меч попущения и оставления пал на главу твою, пал на все существо твое, рассек, разъединил его. Дух, душа и тело, из которых составлен человек, пришли в разногласие, действуют противоположно и враждебно друг другу. Объяло тебя расстройство, умножились твои немощи и болезни, постигли тебя многочисленные преткновения, возмущено сердце твое страстями, как море бурею.

Научись смиренномудрствовать. Познай, что человек — не самобытное существо: он — создание Божие; он — земля и прах. Устрани из себя самомнение фарисея; остерегись презирать, уничижать, злоречить ближних; подражай поведению оправданного Богом мытаря. Осуди себя, и привлечешь к себе милость Божию.

Если и простится тебе грех твой, как прощены святому Давиду два тяжкие преступления, и тогда помни постоянно грех твой; постоянно имей пред очами грех твой; постоянно оплакивай грех твой, — и соделается грех хранителем добродетели. Несмотря на то, что ты будешь оправдан Богом, ведающим немощь человека и удобно дарующим ему прощение, не переставай искать оправдания, не переставай погружаться в покаяние, стяжи неутолимую жажду к правде Божией, — и умножится правда твоя, как сторичный плод пшеницы на ниве тучной. Ищи оправдания преизобильного, ищи его верою и делами, надеясь найти оправдание не в делах твоих: в Боге, в вере в Бога, свидетельствуемой и являемой повиновением Богу.

Вав

Боже! милостив буди мне грешнику[1]. Так молился мытарь, похваленный Евангелием. Он не произнес многословных и красноречивых молитв: молитва краткая, одна краткая и безыскусственная молитва способна выразить чувство раскаяния и самоосуждения, когда наполнится ими сердце. Мытарь не смел возвести очей к небу: опущены они были к земле. Мытарь ударял в перси сознанием грехов; ничего не сказал в извинение себя; никого не обвинил в своих греховных поползновениях, ни усилившиеся соблазны в обществе человеческом,

[1] Лк. 18. 13.

ни злобу и коварство демонов. Он обвинил себя всецело; в причину и основание прошения о помиловании представил одно милосердие Божие. И вышел мытарь оправданным из храма Божия, в котором принес Богу молитву покаяния и смиренномудрия, молитву, оказавшуюся столько действительною. Такая молитва — *жертва хвалы, прославляющая Бога*[1]: в ней нет смрадной примеси из плотского мудрования — похвалы падшему человеческому естеству. Такая молитва — *путь*[2], на котором является человеку *спасение*[3] от Бога. *Смиряяй себе, вознесется*[4], сказал Спаситель: *смиряяй себе* вознесен будет Богом в горнюю, духовную пристань священного бесстрастия и благодатной непорочности.

Заин

Отрину Господь жертвенник Свой, отрясе святыню Свою, сокруши рукою вражиею стену забралов Иерусалима[5]. Прихожу в недоумение, когда размышляю о сугубой смерти, поражающей человеков: когда смотрю на тело бездыханное, лежащее во гробе, утратившее жизнь и красоту; когда смотрю на душу, лежащую в падении греховном, истерзанную, обезображенную, лишенную жизни благодатной, Божественной. О чудо! что это за таинство? почему предается жертвенник Божий разрушению и святыня осквернению? Почему предоставляется отверженным духам свобода злодействовать? Почему греху попущен наглый приступ ко мне, греху, обольщающему, отравляющему, убивающему меня? Зачем духовное, бессмертное существо мое, столько изящное, сопряжено с тленною плотию, которая имеет противоположные, враждебные ему пожелания, низводит его к своим скотоподобным вожделениям? Тайна остается тайною: недоступна она для моего постижения. Я — создание Бога моего. Нет меры, которая могла бы определить различие между Богом и человеком, — так Бог велик, так человек ничтожен пред Богом. Не могу я требовать отчета, не способен я понять отчета в том, что совершается надо мною по воле Создателя моего. Остается мне познать и признать мое ничтожество; остается мне возблаго-

---

[1] См.: *Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня* (Пс. 49. 23). ‖ [2] Пс. 49. 23. ‖ [3] Пс. 49. 23. ‖ [4] Лк. 18. 14. ‖ [5] *Отверг Господь жертвенник Свой, отвратил сердце Свое от святилища Своего, предал в руки врагов стены чертогов его* (Плач. 2. 7).

говеть пред Богом, как должна благоговеть тварь пред Творцом; остается мне безмолвно плакать пред неприступным величием Бога моего, умолять Бога моего о помиловании.

Иф

Горестное грехопадение положило печать на лице твое, на всю наружность твою. Исчезла радость, постоянно светившаяся в твоих взорах; исчезло спокойствие, так изящно располагавшее черты на лице твоем. Твоя поступь была как бы поступь Ангела благовествующего; речь твоя лилась живою струею, увеселяя слух и сердце внимавших тебе; свидание и беседа с тобою оставляли приятнейшее, продолжительное впечатление. — Угрюм, уныл, мрачен ныне взор твой; на лице написаны тревога и мучение; медленна, задумчива поступь твоя, явилось в ней странное колебание. Отрывисто, кратко слово твое; его нет у тебя для друзей твоих; ты представляешься постоянно занятым иною беседою, невидимою, непонятною; ты занят каким-то таинственным словопрением, привлекающим к себе все чувства, все мысли твои. Сердце твое закрыто. Искренность ты заменил уклончивостию. Все намерения твои, вся жизнь твоя сосредоточились в тебе одном. Ты неприступен для участия. Тяжкая грусть и пустота остаются следом твоим после свидания с тобою. Отражается в наружности человека душевное состояние его.

Теф

О, когда бы падение твое не было продолжительным! о, когда бы за преткновением тотчас последовало раскаяние! о, когда бы на греховное пятно немедленно пролились теплейшие слезы и омыли его! о, когда бы из среды самого падения вознеслась к Богу умиленная, сильная молитва! Слезы и молитва умилостивили бы Бога. О, когда бы ты, ощутив язву от греха, возненавидел грех и минутное увлечение загладил решительным исправлением себя! Внезапная смерть души может врачеваться быстрым оживлением: свидетельствуют о том поведания Писания и поведания церковные. Не то случилось с тобою. За падением последовали падения; к греху присовокупились грехи; от продолжительного удовлетворения сладострастию явилось сочувствие к нему, образовался навык, родилась страсть, родилась смерть. Попираются бесстрашно за-

поведи Христовы; бесстрашно и холодно смотришь ты в вечность, на Суд Божий, на блаженство рая и на муки ада. Ум твой окаменел. Как бы каменный или мертвый, он утратил сочувствие, стяжал мертвость к слову Божию. Живое слово это, грозное и могущественное слово живого Бога, обратилось для ума, умерщвленного грехом, в пустые звуки, в звуки без смысла и значения.

Иод

Друг твой, любящий тебя паче всех друзей твоих, исполнен печали о несчастии, постигшем тебя. Умолкли в нем радование и ликование духовные; рыдает он рыданием неутешным; оплакивает твое падение, как бы падение твое было его падением; в скорби тяжкой повторяет слова Апостола: *смирил мене Бог мой, и восплачуся многих прежде согреших и не покаявшихся о нечистоте* своей *и о блуждении* своем[1].

Каф

Истощились очи от пролитых потоков слезных. Остановить слез не имею возможности. Лютою скорбию изгнетаются слезы из очей, изгнетаются слезы скудные, слезы мучительные, изгнетаются слезы, подобные каплям крови: с таким страданием исходят слезы из очей, истомленных пролитыми слезными потоками. Болезнует сердце, раздирается горестию. Объятый недоумением, объятый ужасом, гляжу на бедствие, постигшее тебя, ищу утешения в сострадании тебе. Брат мой! брат мой! что случилось с тобою? какое превращение неожиданное и страшное постигло тебя! В тихом монастырском пристанище ты претерпел кораблекрушение! — претерпел ты его не среди волн житейского моря, не среди подводных камней, которыми усеяно дно его, не от бури, ревущей и воздымающейся к облакам, сливающей небо и море воедино.

Ламед

Зачем не оставляешь пути развращенного? зачем медлишь в скверне греховной? зачем лежишь и вянешь в унынии, рас-

[1] *...не уничижил меня у вас Бог мой и* **чтобы** *не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали* (2 Кор. 12. 21).

слаблении, двоедушии? Решись на покаяние! решись на оставление греха! отторгни от него сердце, которое природниlось, как бы приросло к греху, — нуждается быть оторванным или отсеченным от него. Подвиг покаяния тягостен и труден для низринувшегося в смертные грехи, в плотское жительство и мудрование, для стяжавшего греховные навыки. Этот подвиг назвали Отцы кровопролитием и, приглашая к нему, произнесли изречение, по наружности жестокое: «Отдай кровь, и прими Дух»[1]. Верное слово, слово, объясняющее сущность дела. *Плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует*[2]: желающие усвоиться Христу непременно должны *распять плоть со страстьми и похотьми*[3]. Не ужаснись подвига многотрудного! Сколько труден он, столько вожделен и усладителен; сколько труден он, столько плодоносен. Подвиг иноческий равнозначущ подвигу мученическому. Венец подвига — спасение; венец подвига — блаженство вечное в обителях рая; венец подвига — совлечение с себя естества падшего[4], обновление естества, вознесение его на высоту неизмеримую соединением естества человеческого с естеством Бога[5].

Бог бесконечно благ и бесконечно могуществен: приступи в сокрушении духа ко Всеблагому и Всемогущему, обнажи пред Ним твою язву, принеси сознание в согрешении, прося прощения, исцеления, и получи их. При покаянии твоем употребляй выражения, употребленные так успешно падшим царственным Пророком: *помилуй мя, Боже,* говорил он, *по велицей милости Твоей,* не по какой другой причине, — *и по множеству щедрот Твоих,* не по какой другой причине, *очисти беззаконие мое*[6]. Все, просившие так, получили: отказа не было никому. Для отсрочки покаяния, для сомнения, колебания нет поводов. Страшит меня твое пребывание во грехе более, нежели впадение в грех; страшит меня нераскаяние более, нежели преткновение. Боюсь, чтоб смерть не застала тебя в беззакониях, не восхитила из среды их, не поставила внезапно на Суд Божий.

---

[1] Авва Лонгин. Достопамятные сказания, гл. 4. || [2] *...плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетление* (1 Кор. 15. 50). || [3] Гал. 5. 24. || [4] 1 Кор. 15. 49, 53. || [5] Пет. 1. 4. || [6] Пс. 50. 3.

Мем

Где пристань инока от потопления в бездне отчаяния? в бездну отчаяния обыкновенно влечет его враг после того, как увлечет ко вкушению плода, запрещенного святыми обетами крещения и святыми обетами иноческого пострижения. В чем утешение инока, когда он растратит богатство духовное, которым приобретается небо? Пристань инока — неограниченное милосердие Божие; утешение падшего инока — надежда спасения, доставляемая покаянием. Ты изгнан из целомудрия, как из прекрасного города; ты изгнан из непорочного девства, как из святилища: укройся в другом городе. *Егда гонят вас во граде сем, бегайте в другий*[1], завещал Господь ученикам Своим. Изгнанный из святого града невинности, ищи убежища в святом граде смирения. Град смирения построен из камней, честных пред Богом: тут сложены, в стройном порядке, нищета духа и сокрушение сердца, и самоосуждение, и воздыхания, и рыдания, и вопли, и слезы, и коленопреклонения смиренные, и строгое воздержание от всех излишеств, и умилительнейшие молитвенные слова, и неизглаголанные стенания, говорящие молчанием убедительнее и сильнее, нежели сколько можно сказать словом. Связию, или цементом, для камней служит чувство плача. Плач — выражение истинного покаяния. Покаяние очищает душу от всех согрешений, восстановляет разрушенное святилище Божие. Второй храм Иерусалимский, воздвигнутый при великих препятствиях от гонений и недостатков, хотя требовал значительного времени для построения, хотя уступал в обширности и великолепии первому храму, воздвигнутому Соломоном при обилии средств и пособий, но прославлен несравненно более, прославлен присутствием в нем вочеловечившегося Бога Слова. И часто бывает святилище душевное, обновленное многотрудным покаянием, славнее, по обилию благодати Божией, того святилища, которое не нуждалось или мало нуждалось в очищении и обновлении. Слава святилища — не добродетель человеческая! слава святилища — Бог, высоко ценящий заповеданное Им покаяние и осеняющий благодатию Святого Духа человеческую добродетель, когда эта добродетель совершается со глубоким смирением и состоит в исполнении воли Божией.

[1] *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10. 23).

Нун

Пророцы твои видеша суетная и безумие[1], говорил истинный Пророк Божий опустошенному, разрушенному, сожженному Иерусалиму о лжепророках его, обольщенных демонами, соделавшихся орудиями злонамеренности демонов, причиною безрассудного поведения и погибели иерусалимлян. Говорил это Пророк, оплакивая сбытие своего пророчества, говорил, рыдая на развалинах Иерусалима. Лживые пророки не *открыша о неправде твоей*[2]. Они льстили тебе: обманутые демонами, они обманули тебя; не предотвратили они твоего пленения; отклонили тебя от покаяния, от обращения к Богу; способствовали совершиться твоему порабощению.

Подобно этим лжепророкам действуют помыслы падшего человеческого естества, когда они не повинуются слову Божию, когда действуют из себя или под влиянием духов отверженных и лукавых. Представляют они возможность покаяния в старости или при конце жизни, — удерживают этим во грехе. Указывают они на множество грешащих и на ничтожное число воздерживающихся от грехов смертных, — этим умаляют значение греха. Извиняют они жизнь сладострастную требованием естества, юностию, качеством телосложения — этим усиливаются облегчить тяжесть греха пред совестию грешащего. Ложно объясняют они и тайну милосердия Божия и тайну покаяния, — этим отвлекают от истинного покаяния, не допускают в отеческие объятия благости Божией. *От плод их познаете их,* сказал Спаситель мира о лжепророках: они приходят *в одеждах овчих,* в лицемерстве и ласкательстве, прикрывают этою личиною растление духа и злонамеренность. Плод Пророка Божия, помысла, внушенного Ангелом хранителем или родившегося в естестве, покорном слову Божию, — нравственное устройство и спасение человеков; плод лжепророка, помысла, возникшего под влиянием падения и духов лукавых, — нравственное расстройство и погибель человеков.

Самех

Бежал я из мира рано; бежал я из мира, только что узнал из Священного Писания и от учителей церковных об опасно-

[1] *Пророки твои провещали тебе пустое и ложное* (Плач. 2. 14). ‖ [2] Плач. 2. 14.

стях, которыми преисполнена жизнь посреди мира; удалился я в ограду монастырскую, не вкусив никакого наслаждения суетного и греховного; начаток дней моих и всех способностей принес я Богу; уповал я, что быстро перенесусь чрез поприще земной жизни, что не изменятся во мне ни образ мыслей, ни пламенное стремление. Боялся я оставаться среди мира; боялся я увязнуть в сетях греха; боялся быть обманутым и опутанным кознями его; боялся я соблазнов как зверей хищных; как елень от псов, гонящихся за ним, летел я в обитель иноческую; в стенах и обетах иночества я надеялся наверно спасти душу мою. Что ж случилось, что последовало со мною? *Страх, егоже ужасахся, прииде ми, и егоже боях-ся, срете мя*[1], объял меня на лоне пустынной жизни. Грех нашел скважину в стенах святой обители: в недро обители святой пустил стрелу злую, уязвил меня смертельно.

Аин

Когда какой-либо один смертный грех поразит душу человека, тогда все скопище грехов приступает к человеку, объявляет свое право на него. Ссылается и опирается это скопище на закон духовный[2]. По закону духовному, подчиняющийся произвольно одному виду греха вместе подчиняется невольно греху вообще, а потому и всем видам его. Находится между грехами, как и между добродетелями, естественная связь. Одна добродетель, совершаемая искренно, привлекает за собою в душу все добродетели; и смертный грех, когда осуществится исполнением его, вводит за собою в душу все греховные недуги. Совершилось это над праотцом нашим Адамом: он, по преступлении одной заповеди Божией, ощутил в себе внезапно действие всех страстей: и стыда, и лукавства, и гордости, и боязливости, и похотения плотского[3]. Совершается это над всеми чадами Адама, когда подвергнутся они грехопадению. Совершилось это и над тобою: *отверзоша на тя уста своя вси врази твои, позвиздаша и поскрежеташа зубы своими и реша: поглотим ю. Сей день, егоже чаяхом, обретохом его*[4].

---

[1] *...ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне* (Иов. 3. 25). || [2] Иак. 2. 10. || [3] Быт. 3. Грех Адама был грех смертный, по определению Самого Бога. Быт. 2. 17. || [4] *Разинули на тебя пасть свою все враги твои, свищут и скрежещут зубами, говорят: «поглотили мы его, только этого дня и ждали мы, дождались, увидели!»* (Плач. 2. 16).

Фи

Разрушение Иерусалима и плен народа израильского, оплакиваемые Пророком, изображают таинственно сокрушение души смертным грехом, после чего она подвергается преобладанию страстей и духов отверженных. Безрассудные поступки и беззакония иудеев, действовавших по свободному произволению, были причиною гражданского бедствия их; но Пророк приписывает бедствия Господу, попустившему бедствия. *Сотвори Господь,* говорит он, *яже помысли, сконча словеса Своя, яже заповеда от дней первых: разори и не пощаде, и возвесели о тебе врага, вознесе рог стужающаго ти*[1]. Злоключения иудеев были последствиями их произвольной деятельности. Подобное совершается с каждым человеком. Недуги тела человеческого суть естественные последствия повреждения естества грехом и злоупотребления телом: недуги души, ее расстройство, насилие над нею страстей суть естественные последствия того же повреждения естества грехом и жизни греховной. Таково постановление духовного закона, постановление, которым изображается во всем величии точность правды Божией. Созерцая этот чудный закон, недоумевая пред ним, Пророк приписывает Богу все несчастия, постигшие иудеев, вследствие свободного произволения их и вследствие греховности, общей всему человечеству. Озаренный Свыше, Пророк не ищет защиты человеческой злосчастному народу своему, не призывает на помощь к нему царей сильных и богатых, не призывает других народов, многочисленных и воинственных, о пощаде не умоляет победителей, благосклонных к Пророку: в одиночестве, в пустыне, на развалинах и пепле Иерусалима он плачет пред Богом; он изливает пред Богом свою душу и свою молитву; надежда его — в Боге; избавления ожидает он от единого Бога; покоряется он благоговейно суду Божию.

Поведение Пророка — образец для нашего поведения. С самоотвержением прибегнем к Богу! сознаем, откроем, исповедуем пред Ним грехи наши; обнажим изъязвленную, покрытую струпами душу; восплачем о согрешениях наших и о

[1] *Совершил Господь, что определил, исполнил слово Свое, изреченное в древние дни, разорил без пощады и дал врагу порадоваться над тобою, вознес рог неприятелей твоих* (Плач. 2. 17).

греховности нашей. — Злоупотребляя свободою, мы можем заражать и убивать себя грехом; очищать человека от согрешений и исцелять от греховной заразы может *один Бог*[1].

Цади

В средство спасения Израилю, томящемуся под игом варваров, Пророк предлагает покаяние. Подвиг покаяния сосредоточивает он в плаче и слезах; *стены дщери Сиони,* говорит он, *да излиют, яко водотечь, слезы день и нощь*[2]. Стенами означаются сердечные чувства, которые окаменил смертный грех: такие чувства соделываются стеною, не допускающею слову Божию действовать на сердце[3]. Пророк призывает сердце к умилению. Отвергни поразившее тебя ожесточение, отвергни поразившую тебя мертвость, оживись; *возопи* плачем, возглаголи смиренною молитвою *ко Господу, не даждь покоя себе, и да не умолкнет зеница очию твоею*[4]. Эту зеницу принудь говорить; вложи в нее свойственное ей слово: слезы. Купель слезная дана для очищения грехов, соделанных после омовения в купели крещения. Погружай непрестанно в слезную купель все члены души твоей; омой в этой купели тело, осквернение грехом. Отвергни плотское упокоение и плотские наслаждения: упокоения и наслаждений ищи в плаче. Тщательным, настойчивым покаянием подражай покаянию Давида, покаянию, увенчанному прощением греха и возвращенным даром Святого Духа. *Аще вниду в селение дому моего* — так изображает Давид тщательность и настойчивость покаяния своего — *или взыду на одр постели моея, аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима, дондеже обряшу* в душе моей *место Господеви, селение Богу Иаковлю*[5]. Чем удостоверюсь я в успехе покаяния моего? *В сем познах,* Господь мой, *яко восхотел мя еси, яко не возрадуется враг мой о мне*[6]: удостоверюсь в успехе покаяния моего, когда все помыслы и мечтания греховные, которыми знаменуется нашествие на меня врагов —

---

[1] Мк. 2. 7. || [2] *...лей ручьем слезы день и ночь* (Плач. 2. 18). || [3] Это объяснение заимствовано из изречений преподобного Пимена Великого. Достопамятные сказания, гл. 54. || [4] *...вопиет к Господу: ...не давай себе покоя, не спускай зениц очей твоих* (Плач. 2. 18). || [5] *«Не войду в шатер дома моего, не взойду на ложе мое; не дам сна очам моим и веждам моим дремания, доколе не найду места Господу, жилища Сильному Иакова»* (Пс. 131. 3–5). || [6] Пс. 40. 12.

демонов — останутся бесплодными и тщетными. Это может совершиться только тогда, когда Господь снидет в полк Израилев[1].

Коф

Стяжи постоянное трезвение, постоянное бодрствование над собою. Без строгой бдительности невозможно преуспеть ни в одной добродетели, сказал некоторый великий Отец[2]. Умоляй Бога, чтоб даровал тебе крепость и мудрость в борьбе с супостатами, невидимыми для чувственных очей; умоляй Бога, чтоб Он даровал тебе видеть врагов очами души, умом и сердцем; умоляй Бога, чтоб Он даровал тебе быстро усматривать татей и убийц, прежде нежели они вкрадутся в душу и засядут в ней. Умоляя Бога, и сам мужайся, и сам понуждайся быть осмотрительным и благоразумным; собственными усилиями доказывай твое произволение получить от Бога крепость и мудрость. Мудрость в борьбе с помыслами и мечтаниями бесовскими заключается в том, чтоб нисколько не беседовать с ними, когда они предстанут уму, нисколько не внимать им. Беседа с помыслами демонскими, рассматривание живописных мечтаний их обнаруживают в иноке не понимаемое им упование на собственные силы и разум, обнаруживают самонадеянность и самомнение, обнаруживают гордость, обнаруживают двоедушие, сочувствие греху, расположение к предательству. Словопрение с бесовскими помыслами и надежда победить их собственными усилиями и ухищрениями внушаются плотским мудрованием; внушаются они неведением духовного подвига; внушаются они коварными демонами, которые рассчитывают на верную победу, когда вовлекут подвижника в беседу с собою и словопрение. Как младенец слабосильный бежит в объятия матери, в них ищет спасения от всего, что устрашает его: так и инок, из среды невидимых искушений, когда окружат его адские псы и разбойники, должен устремляться всею душою к Богу, молить Его о избавлении от напасти, — должен искать спасения не в себе самом, а в единой молитве, в едином Боге[3].

---

[1] 2 Цар. 5. 24. || [2] Преподобный Агафон. Патерик Скитский. || [3] Святой Исаак Сирский. Слово 30.

Реш

Виждь, Господи, и призри, кого еси отребил сице? убиеши ли жреца и пророка?[1] Так взывал молитвенно святой Иеремия, указывая на развалины и пепел возлюбленного, избранного Богом города; так взывал святой Иеремия, указывая на народ, который, один из всех народов, именовался народом Божиим. В среде этого народа не прерывалось племя жрецов и священников истинного Бога; в среде этого народа являлись, как чудо, благодатные мужи, возвещали откровенное им слово Божие, обличали порок и нечестие, видели и предсказывали отдаленное будущее.

Молитвенный вопль да раздается о таинственном Иерусалиме, о таинственном жреце и пророке, о душе, сочетавшейся Христу, облекшейся во Христа, принявшей Христа в себя Святым Крещением. Вездесущий Господь присутствует повсюду, одинаково видит все и повсюду; но являет Себя разумным тварям, являет явлением, доступным для них, на небе. Он нисшел с неба на землю, не оставляя неба; вочеловечился на земле, не преставая пребывать на небе; Он восшел на небо принятым человечеством, повелел нам взывать к Нему на небо[2].

Господь, Господь наш! призри с неба Твоего, призри с престола неприступной славы Твоей, с престола, окруженного тысячами тысяч и тьмами тем Ангелов, призри на немощнейшее создание Твое, томящееся в земной юдоли, поверженное в немощь свою, в беспомощное бессилие свое, отравленное ядом греха, изъязвленное язвами бесчисленными, попираемое и терзаемое врагом неистовым и бесчеловечным, влачимое им в пропасти адской. Помяни великую милость Твою к человеческому роду! помяни совершенное Тобою искупление нас! помяни всесвятую кровь Твою, пролитую за нас! оцени эту цену, данную за нас, цену, превысшую всякой цены! Помилуй падшего, простри в помощь ему Твою всесильную десницу! Поражен он поражением страшным; окован он оковами несокрушимыми; стонет он в плену и рабстве невыносимом; убит он вечною смертию. Господь всемогущий и всеблагий! един Ты можешь помочь падшему. Предашь ли конечной погибели того, кто с юности — в объятиях Святой Церкви и

[1] *Воззри, Господи, и посмотри: кому Ты сделал так, ...чтобы убиваемы были священник и пророк* (Плач. 2. 20). ‖ [2] Мф. 6. 9.

святой Обители, кто вскормлен Божественным словом, вспоен Божественными молитвословиями, песнопениями и славословиями! убьешь ли совершенным оставлением душу, отрекшуюся от служении и наслаждений мира для служения Тебе, презришь ли окончательно душу, обрекшуюся работать единому Тебе, восхотевшую соделаться Твоим градом, храмом, жертвенником, жрецом, жертвою?

Шин

Среди течения моего преткнулся я о грех! на пути моем к Богу встретило меня злоключение! я стремился к Богу всею душею, как вдруг ощутил страшную рану, увидел в груди, в сердце, стрелу. Стрелу пустил в меня враг, не примеченный мною благовременно. К Богу летели все желания мои; я жаждал единого Бога; я дышал Богом, предав глубокому забвению все земное, признав суетным, недостойным внимания все тленное и преходящее. Ныне, увы! я расслабел. Вожделения преступные вступили в мое сердце; помыслы и мечтания лютого соблазна овладели умом. Подстерегло мою жизнь внезапное падение.

Фав

В тот день, как заразился я страстным похотением, в тот самый день и час отступила от меня сила Всевышнего, доселе охранявшая меня. Я ощутил себя обнаженным, измененным. Густым мраком оделось все духовное существо мое; вступила в него пустота страшная, страшная, как смерть. И были этот мрак, эта пустота точно смертию, смертию духа человеческого. Умирает дух человеческий этою смертию, когда отступит от него Дух Божий. Смерть духа сообщилась телу; тело почувствовало эту смерть; оно приняло участие в смерти духа. Явились в теле беспорядочные движения, движения страстные, движения буйные; они были неизвестны телу девственному. В опустевший душевный храм ринулись многочисленною толпою враги с возжженными факелами в руках, растлили благолепие храма, наполнили храм вихрем, пламенем, дымом, смрадом: разнообразными греховными стремлениями, которых я прежде не ведал; я не понимал даже, что они существуют, что могут существовать. Ощущения и мысли мои, доселе тонкие и легкие, внезапно сделались дебелыми, тяжелыми;

пресмыкаются они, как гады, в прахе земном, в зловонии греховном. Опытно познал я, что весь человек соделывается плотию от действия в нем греха[1]. Опытно познал я, что в сердечный храм, оставленный Духом Божиим, входят лукавые духи, соделывают жизнь человека или смертию, не чувствующею себя, или непрерывающимся мученичеством[2]. Опытно познал я, что вкушение плода запрещенного, попущенное себе однажды, вводит зло в человека, отравляет человека, извращает свойства его, искажает самое существо, отнимает способность к наслаждению блаженством рая, вводит в состояние и настроение, противоположные состоянию и настроению небожителей[3]. Темница адская или преддверие этой темницы — страдальческая жизнь земная — делаются последствием самым логичным, последствием естественным воспрещенного, преступного, гордого и дерзкого вкушения.

Статья третья

Алеф

«Некогда праведный Иов[4] поражен был болезнию лютою, необычайною, врачам непонятною, врачевствам земным непокорною. Поразил его диавол, поразил гнойными струпами с головы до ног, поразил по попущению Божию. Не было места на теле без язвы: тело представляло собою одну сплошную язву. Прежде болезни расхитил сатана все богатое имущество Иова, убил смертию лютою всех детей его. Был прежде Иов царем, жил в палатах пышных, восседал на престоле светлом; болезнь и нищета отняли у него царское достоинство. Тяжкий смрад разлился вокруг его: бывшего царя вынесли за город. Не нашлось для него ни крова, ни ложа; ложем послужила груда сору и нечистот, выкинутых из города. За стенами и вратами городскими, под открытым небом, среди всех лишений, на гноище — так названо в Писании ложе Иова — он провел долгое время. Пришли к нему три друга его, цари стран соседних, пришли, чтоб посетить и утешить страдальца. Увидев его издалека, увидев покрытого язвами и струпами, увидев полуобнаженного, поверженного, оставленного всеми, они не узнали его; они остановились в недоумении, не

[1] Быт. 6. 3. || [2] Мф. 12. 45. || [3] Быт. 3. || [4] Иов. 2. 6–13; Плач. 3. 1.

подходя к нему, — воскликнули громким и жалобным голосом, зарыдали, растерзали одежды на себе, посыпали персть на главы. Потом, подошедши к нему, сели, молча, близ его. В продолжение семи дней они не могли промолвить ни одного слова: ни одного слова не сказал им и Иов. По миновании семи дней началась беседа глубокомысленная. Предметом беседы было изыскание причины, по которой попущено искушение беспримерное. Друзья Иова представляли в причину виновность его пред Богом; Иов, в опровержение им, живописно изобразил свою добродетельную, богоугодную жизнь, предшествовавшую искушению. Словопрение дивное и духовное решено явлением Господа Иову, решено откровением праведнику познания о непостижимости судеб Божиих, познания, которое прежде очищения великою скорбию пребывало для Иова недоступным. Получив откровение, он произнес к Богу молитву смиренномудрую, сказал в ней: *Вем, яко вся можеши, невозможно же Тебе ничтоже. Кто же возвестит ми, ихже не ведех, — велия и дивная, ихже не знах? Послушай же мене, Господи, да и аз возглаголю. Слухом уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя: темже укорих себе сам, и истаях, и мню себе землю и пепел*»[1]. Искушения были для праведника лествицею к высшему совершенству и добродетели: это совершенство состоит в совершенной покорности Богу. Совершенная покорность Богу приобретается человеком, когда человек взойдет на высшую степень богопознания и познания своего ничтожества.

Придите и ко мне, друзья мои! Посетите меня; утешьте меня. Не возгнушайтесь смрадом греховным, исходящим из язв моих, червями, кишащими из них; не возгнушайтесь моим безобразием и состоянием отвержения: восплачьте о мне. Не терзайте риз ваших — разделите со мною грусть мою. Не посыпайте пепла и персти на главы, — обсудите мое положение судом здравым, судом, основанным на слове Божием. Подвергнут я тяжкой скорби не по той причине, по которой

[1] *Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? — Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов. 42. 2–6).

подвергнут был праведник: подвергнут он был для преуспеяния в добродетели, для приготовления к принятию обильных благодатных даров, — я подвергся за мое произвольное согрешение, за мое нерадение и легкомыслие. *Аз — муж видя нищету мою в жезле ярости Божией на мя. На мя обрати руку Свою весь день, обветши плоть мою и кожу мою, кости моя сокруши*[1]. *Достойное по делом моим приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*[2]. Лежу я на гноище беззаконных дел, помышлений и чувствований: сам я поверг себя на это гноище. Ударяет меня непрестанно жезл наказания, ударяет день и ночь, не дает покоя: сам я призвал, направил на себя жезл жестокий. Изгнан я из рая невинности: сам вышел из него. Увлечен я по собственной вине моей из страны Обетованной, из страны служения Богу, в землю Вавилонскую, в землю служения идолам. Отяготилась на мне мышца Навуходоносора и воевод его каменносердечных: я, безумным поведением моим, привлек на себя грозного царя Вавилонского, его воинство свирепое; я сам устроил для себя плен позорный, порабощение тягостное. Вижу, что падения мои не прекращаются, — не вижу предела и конца им: возобладала надо мною страсть. Окружает меня со всех сторон уныние; оно закрывает от меня надежду спасения. Закрывается так солнце громовою черною тучею, когда туча, в жаркий летний день, обширною дугою, как бы объятиями, охватит окраины земли и неба. Отверзлось предо мною зрелище нищеты и немощи моей, моего ничтожества, которых я не понимал ясно и подробно, не знал доселе опытно; но боюсь отчаяния — погибели конечной. Боюсь, чтоб смерть не предстала мне неожиданно, внезапно, — не предварила моего исправления, не сделала исправления и спасения невозможными.

Беф

Пребываю в области вечной смерти, хотя я жив жизнию чувственною, вещественною. Такая жизнь — повод к величайшему плачу, не к радости. Она — хуже жизни бессловесных, живущих бессознательно и без цели. Жизнь мою я сознаю: сознаю, ясно понимаю и вижу, что жизнь эта есть вме-

[1] *Я человек, испытавший горе от жезла гнева Его. ...Он обратил на меня и весь день обращает руку Свою; изможднл плоть мою и кожу мою, сокрушил кости мои* (Плач. 3. 1, 3, 4). || [2] Лк. 23. 41, 42.

сте и смерть, что смерть развивается и развивается этою жизнию, что по окончании жизни должна наступить вечная смерть — жизнь бесконечная во аде. *Исчезе в болезни живот мой, и лета моя в воздыханиих*[1]: исчезло ощущение спасения; оно как бы потопилось в множестве беззаконий моих, в страданиях и плаче, которые доселе не увенчаваются плодом вожделенным. *Исчезе крепость моя, и кости моя смятошася*[2]. *Смятошася кости моя, и душа моя смятеся зело*[3]. *Несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костех моих от лица грех моих*[4]. Плотию названо здесь жительство подвижника Божия; костями назван образ мыслей его, названы помышления, которые составляют деннонощное поучение его[5]. Телесный состав человека держится на костях: и жительство держится на образе мыслей; деятельность видимая и невидимая находится в полной зависимости от помышлений, которые ум усвоил себе, в которых он упражняется. От согрешения моего поколебался во мне самый образ мыслей, утратилось постоянство и согласие в помышлениях, утратилось направление святое: заменились они колебанием, разноречием, переменчивостию. От мятущихся непрестанно мыслей мятутся чувства, пришла в состояние смятения душа, возмущена, расстроена жизнь. Как наименовать мне состояние мое? умоисступлением ли? беснованием ли? И то и другое наименование — непогрешительны.

Гимель

Заключен я во *тьме кромешной*[6], и нет выхода из нее. Оковы мои постоянно приобретают и большую тяжесть и большую твердость. Для заключенных во тьме, которую Евангелие отметило названием *кромешной*, нет Бога: узники, ввергнутые в страшную тьму, не ощущают присутствия Его. Они вопиют к Нему, — Он не внемлет им; молитва их постоянно пребывает неуслышанною, небрегомою, отверженною. Ни по

---

[1] *Истощилась в печали жизнь моя и лета мои в стенаниях* (Пс. 30. 11). ‖ [2] *...изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли* (Пс. 30. 11). ‖ [3] *...кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена* (Пс. 6. 3, 4). ‖ [4] *Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих* (Пс. 37. 4). ‖ [5] О таинственном значении костей смотри 97 ответ Варсонофия Великого. ‖ [6] Мф. 23. 12. Кромешная тьма есть состояние вне Бога, то есть неосененное благодатию Божией.

какому признаку они не могут познавать существования Бога, как только по тому мучению, которому преданы за несоблюдение заповедей Божиих, которое предвозвещалось словом Божиим. Ношу в себе залог гнева Божия; ощущаю его; очевиден этот гнев для взоров ума моего. Тот, кто получил залог отвержения, залог осязательный, признает себя по необходимости осужденным в темницу преисподней, приговоренным к лютым казням адским; он как бы стоит в самых дверях ада, готовых раствориться ежечасно.

Далеф

В постигшем меня злоключении как обвиню врага моего и врага всех человеков? как обвиню всецело этот источник и начало всех согрешений человеческих? Действие врага очевидно; но ободрило его, воодушевило неистовою дерзостию мое произвольное отступление от заповеди Божией, произвольное послушание, оказанное внушению и совету демонскому. Укрепляет враг мое расслабление, мое коснение в жительстве порочном. Сковал меня грех мой: отнял силы, отнял свободу, лишил способности к движению духовному. *Не еже бо хощу, сие творю, но еже ненавижду, то содеваю*[1]. Служу целию неподвижною для стрел врага: ни одна стрела не пролетает мимо; каждая наносит глубокую язву. Служу посмешищем и игралищем для духа отверженного: вращает он мною по всезлобной прихоти своей. Он признает мою погибель верною, мою участь решенною, а меня своею добычею. «Умножилось, — восклицает и провозглашает он в радости бешеной, — родство адово новою жертвою; уменьшилось стадо Иисусово новою погибшею овцею». Изнеможение мое и страдание невыразимы словом: ясное понятие о них преподается одним горестным опытом.

Ге

Прекратилось мое духовное преуспеяние: превратилось оно в цепь преткновений. Ношусь по волнующемуся, пенящемуся, клокочущему морю страстей, потеряв из виду пристань вожделенного бесстрастия и святости боголюбезной; ношусь

[1] *Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю* (Рим. 7. 15).

по обширному морю, не видя берегов, ношусь по воле буйных и порывистых ветров, которые подняли на море свирепую бурю. Дышат они со всех сторон, не умолкая, не утихая ниже на краткое время. Не имею силы принять направление, которое желалось бы принять; не имею силы в душе моей, не имею силы в теле моем: постоянно побеждаюсь превозмогающею меня силою греха. Лишь положу благое начало жительству добродетельному, с намерением последовать во всем Закону Божию, ни в чем не уклоняться от него; лишь вступлю в подвиг покаяния, в чтение Писаний, в ночные бдения, в моление прилежное с коленопреклонениями и слезами, приступает ко мне нагло какая-то неодолимая власть, ниспровергает начатое здание покаяния, раскидывает самые камни, положенные в основание зданию. Средства, употребляемые этою властию, многочисленны: употребляет она в свое орудие и попечения суетные, давая им значение необходимости, и лютые соблазны, встреча с которыми соделывается неизбежною, и забвение, и разные недоумения, и изнеможение души, и самые телесные болезни. Вкушаю, постоянно вкушаю чашу вечной смерти. В ней смешаны разнообразные яды: печаль, уныние, сомнение, неверие, безнадежие, гнев, ропот, плотские вожделения, отсутствие сочувствия ко всему духовному, святому и прочие ощущения бесчисленных, убийственных страстей.

Вав

Отрече Господь *от мира душу мою: забых благоты и рех: погибе победа моя и надежда от Господа*[1], говорил Пророк от лица разоренного, запустевшего Иерусалима. О, какое верное изречение! Усвоилось мне состояние отвержения; я забыл о состоянии благоволения Божия о мне. Было некогда это состояние блаженное; давно, давно удалилось оно от меня. Изгладились во мне следы чудного спокойствия, в котором почивают все чувства души и тела, когда осенит их *мир Божий, превосходяй всяк ум*[2], и человеческий и ангельский. Как в зеркале тихих, прозрачных вод отражается синее, чис-

[1] *И удалился мир от души моей; я забыл о благоденствии, и сказал я: погибла сила моя и надежда моя на Господа* (Плач. 3. 17, 18). || [2] *...мир Божий, который превыше всякого ума* (Флп. 4. 7).

тое небо с светилами его, так в душе, благоустроенной миром Божиим, отражается слово Божие с соответствующими этому слову чудными ощущениями. Слово Божие — свет: свет — и ощущения, возбуждаемые словом Божиим. Изгладились во мне следы такого состояния: оно не существует для меня — представляется несуществовавшим никогда. Опустошение совершено одним ударом! совершено оно первым грехопадением. Блаженство мое исчезло мгновенно, как исчезает зеркальность вод от первого дуновения ветров. Погибла надежда моя! невольно восклицаю я. К горестному заключению приводит меня непрестающее побеждение грехом. Погибла победа и надежда моя! причина погибели — оставление Господом. Господь, един Господь доставляет, дарует победу избранным рабам и служителям Своим. В победе над грехом таинственно, существенно присутствует надежда спасения. Если б возвращено было мне торжество над сокрушающим меня грехом; если б я попрал его, как мерзость; если б он убежал от меня, скрылся в ту неведомую и темную область, из которой возник и вышел: возродилось бы во мне упование; оно низошло бы в меня с неба лучом радостным, животворным, Божественным.

Зани

Тужит во мне душа моя[1] от созерцания нищеты и бедствия моего, от горести, которою напаяваюсь непрестанно. Прихожу в ужас, когда вспомню, что душа должна непременно оставить временную жизнь и видимый мир, оставить все, что любила, чем услаждалась, к чему пристрастилась, чему принесла в жертву и жизнь и способности; она должна оставить тело, о котором столько заботится, которому столько снисходит и уступает в ущерб себе, в явную погибель себе и самому телу.

Покину все земное на земле, уходя с земли, — грехи мои, мои страсти пойдут со мною в обширную область вечности. Судия праведный! Великий Бог! как явлюсь пред лице Твое, одеянный в мерзостное рубище грехов и страстей? Что скажу в оправдание пред Тобою? Как скрою от Всеведущего и Всевидящего нечистоту и позор мой! Усмотрят и святые Ангелы, — с отвращением и сетованием отступят от меня. Усмотрят их мрачные демоны, — с торжеством, с ликованием при-

[1] Плач. 3. 20.

ступят ко мне, возложат на меня злодейские руки, наругаются мне, овладеют насильно поработившимся произвольно, не допустят меня пред лице Божие, не допустят пред лице неба, увлекут в темную пропасть адскую...

Так размышляю — и содрогаюсь от размышления грозного. Трепещет душа, трепещет тело, трепещут кости и суставы, как они обыкновенно трепещут у обличенных преступников, приговоренных к казни, приведенных на место казни...

Бытие мое не прекращено! еще странствую на земной поверхности. Дано человекам это странствование, длится оно, чтоб каждый человек, в определенный ему срок, осмотрелся, принес покаяние в греховности и в согрешениях, доказал искренность покаяния оставлением греха и исправлением себя. Срок, данный мне, продолжается! поприще странствования, значительно пройденное, еще не истощилось до конца! *Сия положу в сердце моем, сего ради потерплю*[1].

Иф

Милость Господня не остави мене[2]. Доказательством служит то, что я еще не восхищен смертию. Дается мне время на покаяние. Доселе молитва моя пребывала бесплодною; по крайней мере, я не имею никакого извещения о действительности ее, никакого плода, который свидетельствовал бы об этой действительности. Но судия моей молитвы — не я; судия молитвы моей — Бог. Доселе я вдовствую по отношению к Божественной благодати, скрывающейся от меня, но присутствующей во мне, по святому учению христианства. Доселе сердце мое подобно вертепу, в котором витают разбойники и злодеи всякого рода. Доселе соперник мой свободно наносит мне тяжкие оскорбления и обиды, насмехается надо мною злобно, играет мною, как играет хищный зверь добычею, прежде нежели растерзает и пожрет ее. Доселе Господь долготерпит о мне, по слову Евангелия[3], не отмщает за меня, не обуздывает соперника, не укрощает волнующегося моря страстей, не вводит меня в пристань. Пристань эта — бесстрастие; пристань эта — совершенный страх Божий; пристань эта — смирение, чуждое превозношения, и потому не имеющее возможности подвергнуться падению; пристань эта — любовь, кото-

[1] *Вот что я отвечаю сердцу моему и потому уповаю* (Плач. 3. 21). ‖ [2] *...по милости Господа мы не исчезли* (Плач. 3. 22). ‖ [3] Лк. 18. 7.

рая, прилепившись к Богу, уже не отпадает от Него никогда. Пристань эта — на земле; пристань эта — пристань небесная: она принадлежит к будущей вечной жизни. Так вещественные пристани принадлежат вместе и морю, будучи заливами его, и тем городам, близ которых входят и углубляются в землю, служа безопасным убежищем для кораблей от ветров и волн моря. Вступивший в духовную пристань уже имеет *жительство на небеси*[1] помышлениями и ощущениями, хотя телом еще странствует на земле. Земля теряет в отношении к такому блаженному гостю своему ту силу притяжения, которою она привлекает к себе сынов мира, вовлекает их в свои недра, поглощает навсегда. Когда человек утратит сочувствие к земле, — земля утрачивает влияние на человека.

Созерцаю это, созерцаю в недосягаемой дали, на неприступной высоте; созерцаю верою. Я усвоился Богу Святым Крещением; на таинстве крещения зиждится таинство покаяния; покаянием возвращается усвоение Богу, даруемое туне крещением, утрачиваемое по крещении жизнию в области естества падшего. Родившийся и потом умерший может ожить при посредстве покаяния; не может оживотвориться покаянием тот, кто не вступил в бытие рождением. *Часть моя — Господь!* Соделался Он моею частию, моею принадлежностию. Совершилось это моею верою в Него! совершилось это крещением во имя Его! *Часть моя — Господь, рече душа моя: сего ради пожду Его*[2].

Теф

Благ Господь надеющимся Нань: души, ищущей Его благо есть, и надеющейся с молчанием спасения Божия. Благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей[3]. Утешение и наставление это произносит святой Иеремия после произнесенного им плача и сетования; произносит посреди плача и сетования. Произнесено и преподано утешение и наставление Святым Божиим Духом. Бесконечная благость Божия есть неотъемлемое свойство бесконечного в добре и совершенствах Бога; упование на эту благость — чувство вполне истинное,

[1] Флп. 3. 20. ‖ [2] *Господь часть моя, говорит душа моя, итак, буду надеяться на Него* (Плач. 3. 24). ‖ [3] *Благ Господь к надеющимся на Него, к душе, ищущей Его. Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа. Благо человеку, когда он несет иго в юности своей* (Плач. 3. 25–27).

вполне спасительное; сомнение в ней — чувство ложное, пагубное.

Воин Христов! с юности вступил ты в воинство Христово. Жизнь, всецело посвященная упражнению в искусстве бранном, доставляет воинов испытанных; многие из них соделываются способными стать в главе полка, соделываются способными водить в боях и к победам братию свою новоначальную. За это вознеистовился на тебя, возненавидел тебя враг, враг Бога и враг человеков. Подстерег он тебя, нанес тебе тяжкую рану. Таково свойство брани. На брани этой не всегда воин Христов бывает победителем: на ней сменяются победы побеждениями и побеждения победами, *яко овогда сице, овогда инако поядает меч: укрепи брань твою на град, и раскопай и!*[1] Такими словами ободрял святой царь Израильский своего полководца, осаждавшего город иноплеменнический и потерпевшего под стенами города неудачу. Завещевается и повелевается таинственному вождю Израиля — уму подвижника, — завещевается Царем-Христом великодушие при переворотах военного счастия: завещевается и повелевается настойчивость в борьбе. *В терпении вашем стяжите души ваша*[2]: *претерпевый до конца, той спасется*[3]. Такая настойчивость свойственна душе, ищущей Бога искренно; такую настойчивость всегда увенчавает Бог успехом, — и часто нисходит от Бога к подвижнику Его торжество над грехом уже в конце поприща, на протяжении которого долго колебалось оно, склоняясь то на ту, то на другую сторону.

Колеблется торжество над грехом у всех человеков, колеблется в течение всей земной жизни их; колеблется оно у великих угодников Божиих; колеблется не одними грехами простительными, колеблется нередко грехами смертными. *Праведник едва спасется*[4], свидетельствует Писание; седмерицею падет праведный и восстанет[5] покаянием. Покаяние есть подвиг, есть жительство, преподанные и заповеданные Богом всему человечеству, без исключений. Признали нужду для себя в покаянии Пророки и Апостолы: признали они нужду в покаянии не только для очищения грехов своих простительных, но и для очищения грехов своих смертных; они призна-

---

[1] *...ибо меч поядает иногда того, иногда сего; усиль войну твою против города и разрушь его* (2 Цар. 11. 25) ‖ [2] Лк. 21. 19. ‖ [3] *...претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24. 13). ‖ [4] 1 Пет. 4. 18. ‖ [5] Притч. 24. 16.

ли необходимым, чтоб благость Божия простерла им руку помощи, извлекла их из пропасти погибельной. Воззрел Господь Божественным взглядом на падшего в богоотступничество Петра, и Петр, возбужденный, наставленный Божественным взглядом, опомнился, предался плачу покаяния[1]. По прошествии годичного времени от совершения двух страшных согрешений царем и пророком Давидом, другой Пророк, посланный Богом, обличил нерадящего, уснувшего, омертвевшего духом Давида, привлек его к исповеданию греха и к плачу о грехе[2]. — Человечество, само собою, не могло бы прибегнуть к покаянию: оно призвано и призывается к нему бесконечною благостию Божиею.

Умолкни, умолкни! умолкни не только устами, умолкни умом и сердцем. Умолкни по чувству благоговения пред Богом и покорности пред Ним; умолкни по чувству сознания греховности своей. Все слова совокупи в слово сердечного плача и молитвы. Действуй молитвою, воодушевленною плачем. Такая молитва — пламенное оружие, попаляющее страсти, прогоняющее духов отверженных. *Терпя потерпех Господа,* говорит великий делатель покаяния, *и внят ми и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои и исправи стопы моя, и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему*[3].

Иод

Сядет наедине и *умолкнет*[4], возбудивший в себе, падением в смертный грех, буйное действие и преобладание страстей и демонов. Ограждение себя безмолвием в уединении необходимо для падшего.

Посредством удаления в уединение прерывается общение с соблазнами, которыми преисполнен мир, изглаждаются из сердца впечатления, произведенные ими, изглаждается из памяти воспоминание о них. В безлюдной пустыне скончались и погребены воины из сонма израильтян, постоянно возмущав-

---

[1] Лк. 22. 61. ‖ [2] 2 Цар. 12. 1–14. ‖ [3] *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему* (Пс. 39. 2–4). ‖ [4] *...сидит уединенно и молчит* (Плач. 3. 28).

шиеся против Господа и увлекавшие в возмущение народ. Они вышли из Египта в составе шестисот тысяч мужей, способных владеть оружием, и все пали в пустыне, пораженные смертию от Господа[1]. Подобно этим воинам умирают в единении от действия благодати Божией страстные впечатления, приобретенные жизнию посреди соблазнов, впечатления, производящие внутреннюю брань, противодействующие Закону Божию, оскверняющие и разрушающие жительство богоугодное. Соблазны, когда немощный человек стоит пред ними лицом к лицу, убивают его вечною смертию и поддерживают в нем вечную смерть, питая непрестанно и возжигая страсти. Изображает зловредное влияние соблазнов Пророк, — говорит: *Вниде смерть сквозь окна ваша,* чрез ваши чувства, *и вниде в землю вашу,* в сердце, *погубити отрочата отвне и юноши от стогн*[2], добродетели новонасажденные, не успевшие возмужать и окрепнуть. Так вкралось смертоносное преступление заповеди Божией в душу праматери нашей, Евы: вкралось оно при пристальном воззрении ее на плод запрещенный[3]. Охраняя от подчинения влиянию соблазна, Бог воспретил не только вкушение плода, но и прикосновение к плоду[4]; Ева осязала плод сперва взорами, потом руками; за осязанием последовало несчастное вкушение. — Слабеет, уничтожается сила соблазнов, когда подвижник встанет вдали от них: не согревают лучи солнечные, не тают от них льды и снега, когда зимою удалится солнце от земли, когда лучи его лишь скользят по поверхности земной.

Уединение да совокупляется с безмолвием. Скуден плод уединения, произрастают на ниве его плевелы вместо пшеницы, если уединение не сопряжено с безмолвием, если внесется в уединение невидимая, душевная молва, производимая попечениями и пристрастиями мирскими. Истинное безмолвие состоит в отречении от мира и в самоотвержении, совершаемых в средоточии человека, в духе его. Истинное безмолвие состоит в полном оставлении упражнения в помышлениях о суетном, в устремлении всех помышлений в служение Богу. Вход в такое безмолвие устраивается при помощи веры. Попечения суетные, попечения многие заменяются единым попечением о покаянии и спасении. Стяжавший это исключи-

[1] Чис. 14. 29, 30. || [2] *Ибо смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы, юношей с площадей* (Иер. 9. 21). || [3] Быт. 3. 3. || [4] Быт. 3. 3.

тельное попечение умерит и умерит даже душеспасительную беседу, даже беседу с единомудренными и единонравными друзьями, чтоб душа не расхищалась, чтоб постоянно углублялась она в самовоззрение. Постоянное самовоззрение вводит в непрерывающийся подвиг покаяния и плача.

Каф

Не во век отринет Господь: смиривый помилует по множеству милости Своей[1]. Причины действий всесовершенного Бога известны и могут быть известными вполне и с точностию единому Богу; человекам они известны настолько, насколько открывает их Бог. Открывает нам Бог цель Свою в тех попущениях, которым подвергается произвольно человек, имеющий свободную волю в избрании добра и зла, которые однако ж не могли бы совершиться, если б не были попущены самодержавною и всемогущею волею Бога. Цель Бога в наказательных попущениях — наше смирение. Без добродетели смирения не могут быть истинными и богоугодными все прочие добродетели. Чтоб мы усвоили себе смирение, попущаются нам различные напасти, напасти от демонов, от человеков, от многообразных лишений, от извращенного и отравленного грехом нашего естества. Бог *не отрине от сердца Своего*[2] служителей Своих, *не отрине* конечным отвержением за их недостаточное, испещренное погрешностями служение, за поползновения по увлечению, когда эти служители сохраняют в себе намерение богоугождения. Бог, попущением временным, *смири сыны мужеския*[3]. Сынами мужескими назвало Писание тех служителей Божиих, которые, ощущая в себе крепость, способности, совершая добродетели и подвиги, возлагают упование на них, на себя. Самонадеянность и самомнение всегда соединены с тонким, часто непримечаемым, презрением ближних. Отвлекая от самомнения, самонадеянности, от уничижения и осуждения ближних, от состояния мужей к состоянию младенцев, Бог попускает рабам Своим познать опытно немощь и повреждение падением естества человеческого. Самонадеянность и самомнение столько чужды хри-

---

[1] *...ибо не навек оставляет Господь. Но послал горе, и помилует по великой благости Своей* (Плач. З. 31, 32). ‖ [2] *Ибо Он не по изволению сердца Своего* (Плач. З. 33). ‖ [3] *...наказывает и огорчает сынов человеческих* (Плач. З. 33).

стианству, столько противны и враждебны Святому Духу, что Господь заповедал *обращение* из них наравне с обращением из идолопоклонства и из распутной жизни. *Аминь глаголю вам,* сказал Он, *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*[1].

Познание себя — драгоценное познание! Оно приводит к живому и обширному познанию Бога, приводит к верному и правильному управлению и распоряжению собою. Человек, познавший свое значение, усматривает и назначение свое. Назначение человека — быть сосудом и орудием Божества. Только при выполнении этого назначения добродетельное жительство может быть истинно добродетельным и богоугодным. Без него извращается вся деятельность человека, и человек, полагая делать обильное добро, действует по началам и в области падения, действует во вред себе, в свою погибель.

Бог, взирая с высоты Божеского совершенства на преткновения человеческие, попускает эти преткновения, попускает их как противоядие, которыми изгоняется самый смертоносный яд. Яд этот — гордость, самость. Ведая цель Божию в постигающих нас искушениях, присоединимся нашим направлением и деятельностию к цели Божией, окажем содействие ей: от всей души взыщем смирения. Смирением доставляется прощение во всех грехах и исцеление от всех страстей[2].

Ламед

Смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время[3]: так увещевает Апостол христиан, подвергающихся скорбям. Попускаются Богом искушения именно для того, *еже смирити под нозе Его вся узники земныя, еже уклонити суд мужа пред лицем Вышняго*[4]; попускаются искушения именно для того, чтоб каждый христианин, несмотря на добродетельную жизнь свою, несмотря на заслуги, принесенные Церкви и человечеству, вступил в безусловную покорность Богу, отверг решительно мнение о своей праведности и все оправдания, удостоверился, что пред Богом *не оправдит-*

[1] Мф. 18. 3. || [2] Лествица. Слово 26. Святой Исаак Сирский. Слово 55. || [3] *...смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время* (1 Пет. 5. 6). || [4] *Но, когда попирают ногами своими всех узников земли, когда неправедно судят человека пред лицом Всевышнего* (Плач. 3. 34, 35).

ся всяк живый[1], что величайший праведник спасается единственно милостию Божиею, что все человеки со всею справедливостию названы в Писании *узниками земными.* Мы — узники! Свергнутые с неба, низвергнутые из рая, мы пребываем на земле, как во внешней темнице[2]; наши узы — многочисленные немощи души и тела. Те из заключенных в темнице, которые сознают греховность свою, исповедуют и примут Искупителя, получают прощение, освобождение, небо и рай; нераскаянные грешники переводятся из внешней темницы во внутреннюю, из временной в вечную, в пропасть адскую. Искушения и скорби — суд Божий[3]. Поспешим оправдаться на этом суде отвержением оправданий, признанием себя достойными наказания, истинным покаянием. Суд этот установлен на земном странническом пути нашем с целию доставить нам оправдание на окончательном Суде Божием, на гранях времени и вечности. *Осудити человека, внегда судитися ему, не рече Господь*[4], говорит Пророк во вдохновенном, священном Плаче своем.

Мем

Что возропщет человек живущий, муж о гресе своем?[5] Ты впал в грех? не приходи от этого в уныние, в недоумение. Естество наше заражено грехом: уже естественно ему рождать из себя противоестественный грех. Так естественно недугу возбуждать свойственные ему влечения и требования в страждущем теле, зловредные для здравия телесного; так естественно земле, подвергшейся проклятию Творца, произрастать из себя плевелы. Никто не сеет плевелов: сами собою зачинаются и растут они; они — следствие и выражение болезненности, которою отравлена земля. В беззакониях зачатые, во грехах рожденные[6], мы уже естественно производим из себя грех; производим его не потому, чтоб он был естествен нашей природе, вышедшей из рук Творца непорочною, но потому, что он естествен недугу, заразившему природу. Опытный земледелец не предается унынию и малодушию,

---

[1] *...не оправдается ...ни один из живущих* (Пс. 142. 2). ‖ [2] О внутренней темнице, предполагающей, несомненно, внешнюю, говорится в Деяниях Апостольских, 16. 24. ‖ [3] 1 Пет. 4. 17. ‖ [4] *...когда притесняют человека в деле его: разве не видит Господь* (Плач. 3. 36). ‖ [5] *Зачем сетует человек живущий? всякий сетуй на грехи свои* (Плач. 3. 39). ‖ [6] Пс. 50. 7.

когда увидит, что нива его покрывается плевелами: с терпением, постоянством и трудом он исторгает и исторгает их. В свое время усилится пшеница, покроет землю густо, отвлечет все земные соки в себя, — и плевелы, которым не дано усилиться, ослабеют, по необходимости уступят доброму плоду. Подобным поведению земледельца в отношении к плевелам должно быть поведение подвижника в отношении к греху. Не будем унывать, удивляться, ужасаться, приходить в недоумение, видя возникающий в себе разнообразный грех, не сочтем это явление явлением странным: «от юности моея мнози борют мя страсти»[1], исповедует Святая Церковь от лица каждого из членов своих; до самой кончины человек подлежит влиянию греха. В постоянном бодрствовании над собою будем исторгать из себя самые первоначальные проявления греха в помыслах и ощущениях, не допуская им развиваться и усиливаться. Если же по нерадению нашему или по стечению непредвиденных и неотразимых обстоятельств случится совершить грех на самом деле, и тогда нет места для расслабления, безнадежия и отчаяния. Врачевство покаяния всемогуще, как врачевство, преподаемое всемогущим врачом — Богом. Исцеляет оно от всех грехов и от всех страстей. Пребывание в смертном грехе, пребывание в порабощении у страсти есть условие погибели вечной.

Нун

Тяжек подвиг против страсти; продолжительно и многотрудно целение ее покаянием. Вступить в этот подвиг — необходимо; необходимо подчиниться томительному целению: без них нет спасения. Всякая страсть есть преступная любовь, есть преступное усвоение какому-либо виду греха. Одни, свергшие с себя иго страстей, одни, покаявшиеся истинно, *враты внидут во град* святый, новый Иерусалим, в Иерусалим Небесный; *вне же — пси и чародее, любодее и убийцы, и идолослужителе и всяк любяй и творяй лжу*[2]; вне этого города — всякий, связанный страстями, неисцеливший любви своей. Там нет места для иной любви, кроме любви, заповеданной Богом; там нет места для иной любви, кроме любви Божественной. Иная любовь не может жить в прохладном,

[1] Гласа 4 антифон 1. || [2] *...войти в город воротами. А вне — псы и чародеи, и любодеи, и всякий любящий и делающий неправду* (Откр. 22. 14, 15).

духовном, блаженном пламени и свете райском: ей свойствен и ей уготован иной пламень, пламень мрачный, пламень жгущий, но не сожигающий, пламень ада.

В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси. Проклята земля в делех твоих: в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селную[1]. Таково определение, произнесенное Богом над падшим человеком. Не престает исполняться оно по вселенной видимой; не престает исполняться оно и таинственно в душе каждого служителя Божия. Вместо райского наслаждения предоставлено ему поприще покаяния; землею изображен весь человек, преимущественно же его сердце; терниями и волчцами — страсти; печалию назван плач со всеми отраслями его и начальными причинами; хлебом — спасение. Хлеб этот добывается в поте лица, то есть с великим трудом душевным и телесным, при многочисленных скорбях и лишениях. Подвиг покаяния и борьбы со страстями предначертан пожизненный.

Изыскася путь наш, и испытася[2]: воззрел Бог на жительство наше, подверг его рассмотрению. Оно оказалось недостаточным. *Мы согрешихом и нечествовахом, сего ради не помиловал еси* нас[3], Господь наш: Ты предал нас чистительному огню покаяния; Ты устроил наше наружное положение так, чтоб оно способствовало нам принести удовлетворительное, полновесное покаяние; наружное положение это подобно тяжелому гнету, давлением которого извлекается приятнейший сок из зрелых ягод благовонного винограда. *Обратимся ко Господу! воздвигнем сердца наша с руками к Богу высокому на небеси*[4]: принесем *покаяние всецелое.* Чтоб оно получило это достоинство, — необходимо соединить плач сердца и молитву сердца с соответствующим телесным подвигом, с соответствующими лишениями телесными: невозможно покаяние в недре наслаждения, расслабления, излишеств. Подвиг и лишения телесные названы в Писании руками.

---

[1] *...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят... проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою* (Быт. 3. 19, 17, 18). || [2] *Испытаем и исследуем пути свои* (Плач. 3. 40). || [3] *...мы отпали и упорствовали; Ты не пощадил* (Плач. 3. 42). | [4] *Вознесем сердце наше и руки к Богу, **сущему на** небесах* (Плач. 3. 41).

Самех

Аз есмь воскресение и живот, сказал Господь: *веруяй в Мя, аще и умрет,* убитый грехом смертным, но *оживет*[1], действием Моим, которое есть действие Жизни. Верующему во Христа невозможно умереть; верующему во Христа невозможно умереть вечною смертию иначе, как отречением от Христа. Отречение от Христа совершается исповедию отречения устами, за чем непременно и немедленно следует отречение сердцем и всем существом; совершается отречение от Христа жительством, намеренно противоположным завещанию Христа; совершается оно отчаянием, которое есть отвержение веры во Христа. *Се, Аз, глаголет Господь, отверзу гробы ваша и изведу вас от гробов ваших, людие Мои, и введу вас в землю Израилеву. И увесте, яко Аз есм Господь, внегда отверсти Ми гробы ваша, еже возвести Ми вас от гробов ваших, людие Мои: и дам Дух Мой в вас, и живи будете, и поставлю вас на земли вашей, и увесте, яко Аз Господь: глаголах, и сотворю*[2]. *И дам вам сердце ново и дух нов дам вам, и отыму сердце каменное от плоти вашея и дам вам сердце плотяно, и Дух Мой дам в вас, и сотворю, да в заповедех Моих ходите, и суды Моя сохраните*[3]. *Не вам Аз творю, доме Израилев, но имене Моего ради святаго, егоже осквернисте во языцех, и освящу имя Мое великое*[4].

Что может быть тверже, радостнее этого обетования? уже одно обетование, дышащее силою сверхъестественною, доставляет предвкушение оживления. Если б мы воскресали из смерти греховной собственною нашею силою, — справедливым было бы безнадежие падшего в смертный грех, умерщвленного смертным грехом. Возвращает нам бытие благодат-

[1] *Я есмь воскресение и жизнь: верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11. 25). || [2] *...так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь, сказал это — и сделал* (Иез. 37. 12–14). || [3] *И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять* (Иез. 36. 26, 27). || [4] *...не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обесславили у народов... И освящу великое имя Мое* (Иез. 36. 22, 23).

ное наш всемогущий Творец, даровавший нам при сотворении, вместе с бытием естественным, бытие благодатное. Когда Он созидал нас из ничего, — мы не могли предварить создание никаким даром, никаким выражением свободной воли. Бытие благодатное утрачено нами произвольно; при бедственной утрате бытие естественное извратилось в неумирающую смерть: пред возвращением бытия благодатного требуется от нас правдою Божиею выражение нашей свободной воли. Выражается произволение человека воскреснуть в жизнь благодатную искренним покаянием.

Покаяние, будучи выражением человеческого произволения, вместе и по преимуществу есть выражение воли Божией. Покаяние — отнюдь не человеческое изобретение; покаяние — дар Божий человечеству. Дана человеку всеблагим и премудрым Богом естественная способность к покаянию: эта естественная способность возбуждается Богом, и, вступив в повиновение Богу, осеняется Божественною благодатию; естественное действие претворяется в благодатное, и *Сам Дух* Божий *ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными*[1]. Покаяние проведуется всем Священным Писанием: возвещается оно Ветхим Заветом; преподается Евангелием во всей полноте, во всем неограниченном обилии. Сыны дома Израилева говорили в недоумении: *прелести наша и беззакония наша в нас суть, и мы в них таем, и како нам живым быти?*[2] На эти слова Господь повелел Пророку Своему дать такой ответ: *Рцы им: живу Аз,* источник жизни, *глаголет Адонаи Господь, не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему. Обращением обратитесь,* решительным обращением обратитесь *от пути вашего злаго. Вскую умираете, доме Израилев?* зачем вы умираете произвольно вечною смертию, отвергая покаяние? *Егда реку нечестивому: смертию умреши: и обратится от греха своего и сотворит суд и правду, и беззаконник в заповедех жизни ходити будет, еже не сотворити неправды, жизнию жив будет и не умрет: вси греси его, яже согреши, не помянутся: понеже суд и правду сотвори, жив будет в них*[3]. Покаяние дано для очищения от всех грехов, без

[1] *...сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными* (Рим. 8. 26). ‖ [2] *...преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаеваем в них: как же можем мы жить?* (Иез. 33. 10). ‖ [3] *Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы*

исключений; но оно тогда только принимается Богом, тогда только оказывает спасительное действие, когда грехи и греховная жизнь оставятся, заменятся жизнию богоугодною. — Начальная проповедь Евангелия была проповедь о покаянии. Возвещена проповедь и святым Предтечею Спасителя, и Самим Спасителем-Богочеловеком, и Апостолами Спасителя. Возвещена проповедь о покаянии; заповедано Церкви отпущать все грехи по увлечению, сколько бы раз ни повторялись они[1]; дается прощение в греховной жизни и в смертных грехах с условием оставления их[2]; объявлено, что грех пребывает обладателем тех человеков, которые по наружности представляются праведными, но отвергли врачевание себя покаянием[3]. Одно покаяние образует праведников, угодных Богу; только при посредстве покаяния можно принять Евангелие, усвоиться Евангелию. *Покайтеся, и веруйте во Евангелие*[4], говорит нам Господь наш, Иисус Христос. Покаяние требует содействия воли человеческой воле Божией; воскресение из смерти греховной есть действие единой воли Божией: этим действием воли Божией изливается благоволение Божие на человеков, действовавших по указанию воли Божией, поклонившихся благому и спасительному игу покаяния.

Окажем повиновение призванию Божию! поверим обетованию Божию! исполним долг наш, долг рабов и созданий, в отношении к Богу, — и Он, *верный Бог*[5], непременно исполнит по отношению к нам великое обетование Свое[6]. Что отвлекает нас от истинного решительного покаяния? Неверие наше. От неверия рождается двоедушие; от двоедушия — слабость, безуспешность в деле Божием. *Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять управлен есть в Царствие Божие*[7]. *Сумняйся уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Муж двоедушен, неустроен во всех путех своих: да не мнит бо человек он, яко получит*

грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев? А когда скажу беззаконнику: «ты смертью умрешь», и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду ...беззаконник ... будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, — то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив (Иез. 33. 11, 14–16). ‖ [1] Мф. 18. 22. ‖ [2] Ин. 5. 14; 8. 11. ‖ [3] Ин. 9. 41. ‖ [4] Мк. 1. 15. ‖ [5] 1 Кор. 10. 13. ‖ [6] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, глава 8. ‖ [7] *...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9. 62).

что от Бога[1]. Отвергнем неверие, уверуем во Евангелие, явим веру от дел[2]: покаемся.

Аин

Времена и лета положи Отец Небесный, Бог наш, *во Своей власти. Несть ваше,* — отвечал Господь на вопрос Апостолов, любопытствовавших узнать время устроения царства *Израилева, — несть ваше разумети времена и лета.* Времена и лета *Отец положи во Своей власти*[3]. Сокрыт от познания человеческого срок жизни мира видимого, день и час превращения его; сокрыт от каждого человека срок земного странствования его, день и час переселения его в загробную область; сокрыт от каждого кающегося срок покаяния его, день и час, в которые покаяние увенчается извещением об окончательном отпущении грехов, увенчается ясным для сердечного ощущения разрешением от уз греховных, от страстей, увенчается ясным для всего существа человеческого осенением благодати Божией. Благодать Божия, осенив кающегося, разрушает в нем царство греха, водворяет Царство Божие, соделывается достоверным залогом на получение вечных благ. Залог, будучи обручением блаженства, и сам — блаженство.

Срок покаяния каждому кающемуся назначается Богом по всесвятому, недоведомому суду Его. Срок этот длился для некоторых многие годы, — для некоторых немногие часы. Одни понесли *тяготу дне и вар*[4], — другие потрудились в вертограде Сына Божия самое краткое время.

Живописно изображен продолжительный срок покаяния прообразовательными тенями Ветхого Завета: изображен он порабощением израильтян во Египте в течение четырех столетий; изображен он пленом их в Вавилоне в течение семидесяти лет. Порабощением во Египте знаменуется состояние христианина, предназначенного в служение Богу, но удерживаемого миром в служении миру; пленом в Вавилоне знаменуется

---

[1] *...сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа* (Иак. 1. 6, 8, 7). || [2] *...не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? ...не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Иак. 2. 18). || [3] Деян. 1. 6, 7. || [4] *...тягость дня и зной* (Мф. 20. 12).

вразумляющее наказание за грехи, соделанные в жизни, уже посвященной богослужению. Когда израильтяне выходили из Египта, — они, по повелению Божию, выпросили у египтян множество золота и серебра: подобно этому служитель Божий, постепенно выходя из жизни по плоти, выносит драгоценное, опытное познание о значении мира, о падении человека, о действии в нем греха, о влиянии на него духов отверженных. Повелением Божиим, данным израильтянам, знаменуется премудрое смотрение Божие, по которому самое зло споспешествует добру в отношении к христианам, имеющим целию благоугождение Богу.

Грех ради ваших, *имиже согрешисте пред Богом, отведетеся в Вавилон пленени*[1], писал Пророк по повелению Божию и от лица Божия к иудеям, которых переселял Навуходоносор, царь Вавилонский, из Иерусалима в Вавилон. *Вшедше убо в Вавилон, будете тамо лета многа и время долго, до седми родов: потом же изведу вас оттуду с миром. Ангел бо Мой с вами есть, сей взыскует душ ваших*[2]. В то время, когда подвижник оставлен по видимому Богом; в то время, когда по видимому Бог *покрылся облаком, да недойдет* к Нему *молитва*[3] бедствующего Израиля; в то время, когда, по наружности, Израиль поражен слепотою, отринут, повергнут *в среду людей*[4], то есть страстей и демонов: в это время попущения и наказания, благодать Божия, скрывая свое действие, не прекращает действия. Она доставляет служителю Божию существенное преуспеяние. Не примечая преуспеяния, особливо в начале, борясь с волнами и вихрями моря сердечного, находясь ежечасно в опасности погибнуть в кипящей пучине, служитель Божий изощряет силы, научается искусству борьбы с грехом, нисходит в глубину смирения, там обретает сокровище духовного разума и ощущения, духовным разумом и ощущением возносится на небо.

Рабы Божии! не унывайте, не расслабляйтесь в подвиге благочестивом. *Сограднте храмины* в стране пленения вашего, *и вселитеся, и насадите винограды и ядите плоды их, и*

---

[1] *За грехи, которыми вы согрешили пред Богом, будете отведены пленниками в Вавилон...* (Посл. Иер., стих 2). ‖ [2] *Войдя в Вавилон, вы пробудете там многие годы и долгое время, даже до семи родов; после же сего Я выведу вас оттуда с миром* (Посл. Иер., стих 3). *Ибо Ангел Мой с вами, и он защитник душ ваших* (Послание Иер., стих 6). ‖ [3] *...закрыл Себя облаком, чтобы не доходила молитва наша* (Плач. 3. 44). ‖ [4] Плач. 3. 45.

поймите жены и чадотворите сыны и дщери, и приведите сыном вашим жены и дщери вашя дадите за мужи, и да рождают сыны и дщери, и умножайтеся, а не умаляйтеся[1]. *Страждущии по воле Божией, яко верну Зиждителю, да предадят души своя во благотворении*[2]. Рабы Божии! во время попущаемых вам напастей, извне от человеков, внутри от возмущения страстей, предавайтесь воле Божией, укрепляйтесь, окрыляйтесь верою в Бога. В это блаженное время прилагайте особенное тщание о совершении всех боголюбезных добродетелей. Возделанная железными орудиями и удобренная согнившими веществами земля особенно способна к плодородию: так и сердце, возделанное скорбями, напоенное уничижением, особенно способно к возвышеннейшей добродетели. Время напастей есть время преимущественного памятования о нас Бога; время напастей есть то время, в которое Бог зиждет души наши. Блажен не только тот, кто безвинно подвергается искушениям[3]; блажен и тот, кого Господь наказует за грехи и вытесняет скорбями с широкого пути на путь заповедей Божиих[4].

Открывает нам эти глубокие, утешительнейшие тайны Божия смотрения о нас Боговдохновенное Священное Писание.

Фи

Когда вышли израильтяне из Египта, — они направились к берегам Чермного моря, к обширной пустыне Аравийской. Фараон, царь Египетский, раскаявшись, что отпустил израильтян и желая возвратить их в Египет и порабощение, погнался за ними, настиг их у моря. Но Бог устроил для израильтян путь посреди моря, а фараона с многочисленным войском его потопил в море[5]. Израильтяне вступили в пустыню. Там встретили их различные лишения и напасти, которые должно было преодолевать верою, потому что преодолевала их единственно сила Божия; там, на горе Синайской, Бог дал им законы и уставы для жизни гражданской и частной. При

---

[1] *...стройте домы и живите **в них**, и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь* (Иер. 29. 5, 6). ‖ [2] *...страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 19). ‖ [3] 1 Пет. 2. 20. ‖ [4] Пс. 68. 12. ‖ [5] Исх. 14. 5—30.

подошве этой горы разбойническое племя Амаликов вознамерилось преградить народу избранному путь в землю Обетованную[1].

Между Египтом и Палестиною лежит обширная пустыня, по которой скитаются кочевые семьи Измаила. Бог не избрал пути кратчайшего по этой пустыне для Своего народа, — повел его путем дальным, путем трудным, назначил ему долговременное странствование по пустыне. Нужна жизнь в пустыне, чтоб изгладилась из памяти жизнь в Египте, чтоб изгладились из сердца навыки Египта, чтоб не внести в землю Обетованную этих навыков, несродных жителям земли Обетованной. Погоня фараона за Израилем знаменует пристрастие человека, оставившего мир: эти пристрастия усиливаются возвратить в мир того, кто недавно оставил его. Лишения и скорби, встретившие израильтян в пустыне, изображают собою те лишения и скорби, которыми преисполнена жизнь подвижническая. В этой жизни деятельно преподается Богом закон Его истинному подвижнику, переносится из книги в душу. В пустыне подвижник научается тому поведению, тем обычаям, при которых можно хранить Закон Божий ненарушимо. Первый враждебный народ, встретивший неприязненно израильтян и покусившийся не допустить их в данное Богом наследие, были дикие сыны Амалика. Под именем Амаликов Отцы разумеют помыслы, мечтания, ощущения плотские. Сластолюбие и сладострастие первоначально выступают на брань против воина Христова, вновь вписавшегося в полк иноческий. Израиль встретил Амалика избранными воинами своими под предводительством Иисуса, а Моисей, правитель всего Израильского народа, в сопровождении первосвященника Аарона и Ора, супруга пророчицы, сестры и правителя и первосвященника, взошел на вершину горы, на вершину высокого Хорива, чтоб действовать молитвою на Израиля, который сражался под стопами Хорива. Когда Моисей воздевал руки горе, — одолевал Израиль; когда же, уставая, он опускал их, — начинал одолевать Амалик. Заметив это, Аарон и Ор поддерживали руки Моисея постоянно воздетыми, — и к закату солнца Иисус одолел Амалика, произвел в расстроившихся толпах его страшное кровопролитие. Крестообразное, усиленное простертие рук Моисея изображает, что для побеждения плотских похотений необходимо распятие плоти.

[1] Исх. 17. 8–16.

Распятие плоти сопрягается с кровопролитием: потому что не только плоть, но и кровь не способна наследовать Царства Божия[1]. Распятие и кровопролитие совершаются новоначальным иноком при помощи церковных таинств, при помощи тщательной исповеди всех греховных проявлений, при помощи церковных и келейных молитвословий, как бы при помощи первосвященника Аарона; совершаются они при помощи поста, бдений, коленопреклонений и прочих благочестивых трудов, как бы при помощи Ора, родственного Моисею и Аарону, супруга пророчицы Божией.

Подражая боговдохновенному правителю израильтян, устроившему после победы над Амаликом алтарь и принесшему жертву Господу, созижди таинственный алтарь, говорят Отцы[2], в душе твоей: приноси на нем постоянную жертву славословия и молитвы. Познай, что *Господь прибежище* твое, что Он *рукою тайною ратует на Амалика от рода в род*[3]. Твой подвиг — необходим. Твой подвиг — деятельное выражение твоего произволения. Но поражение Амалика и всех прочих племен иноплеменнических совершается единственно силою Царя царей — Бога. Он дарует спасение тем человекам, которые искренно желают получить спасение.

Цади

Томилась под игом неплодства в течение всей жизни праведная Сарра, супруга великого праведника, патриарха Авраама; не разрешалось неплодство Сарры, несмотря на повторяемые обетования Божии даровать Аврааму многочисленное потомство. Уже состарелась святая жена; уже умерла в ней способность к чадородию: в это время обетование снова объявлено с особенною ясностию и с назначением годичного срока, в исходе которого долженствовал быть у Сарры сын. Обетование произнес Сам Господь, явившись Аврааму и Сарре у дуба Мамврийского, где раскинута была их куща, явившись в образе человека, в сопровождении двух Ангелов, которых вид был вид мужей. Столько несбыточным показалось Сарре обетование, что она, услышав его, рассмеялась. Господь обличил Сарру и подтвердил обетование: в основательность и

[1] 1 Кор. 15. 50. || [2] Преподобный Иоанн Карпафийский, гл. 5. || [3] *...рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род* (Исх. 17. 15, 16).

достоверность обетования Он указал на всемогущество слова Божия. У святой Сарры родился святой сын, Исаак. В радости говорила Сарра: *смех мне сотвори Господь: иже бо аще услышит, обрадуется со мною. Кто возвестит Аврааму, яко млеком питает отроча Сарра, яко родих сына в старости моей*[1].

Таинственно изображается Саррою душа, всегда верная Закону Божию. И для такой души необходим подвиг покаяния по причине греховности, которою заражено все человечество; и такая душа часто томится в течение продолжительного времени, боримая страстями, предаваемая недоумению и неизвестности о милости Божией к себе, о спасении своем; и такая душа оставляется надолго пред заключенными дверями в чертог бесстрастия и святости[2]. Тщетно молится она пред ними, тщетно плачет, тщетно стучится в них, как бы руками, различными подвигами и добродетелями. Уже овладевает ею безнадежие; уже видит она в себе окончательное истощение и способностей и жизни; уже признает состояние благодатное не своим уделом, и тогда, внезапно, отверзаются двери чертога. Жених-Христос является в неизреченной славе, в неизреченном свете Божества, принимает в объятия невесту-душу, душу истомившуюся страданиями подвижничества, доказавшую постоянством и долготерпением верность. Тогда отбегает, исчезает плач; глубоко забываются воздыхания и прочие виды выражения печали: душа утопает в бесконечном Божестве, утопает в бесконечном блаженстве. Вкусив сверхестественную жизнь, она как бы утрачивает свою, утрачивает ту жизнь, которая вместе и смерть: не преставая существовать, начинает жить жизнию иною, новою, жизнию без меры обильною и всеобъемлющею; состарившись и измучившись в неплодстве, потом родив, сверх чаяния, духовный плод, она говорит, подобно Сарре: «*Смех сотвори мне Господь*, то есть даровал неожиданную, неотъемлемую радость — обручение вечной радости. Обновилась, *яко орля, юность*[3] моя, ветшавшая в грехах и страстях. Плоть моя, как плоть Неемана Сирианина, соделалась подобною плоти младенцев после того, как я погрузился во Иордан Божественной благодати[4]. Ум

[1] *...смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется... кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью? ибо в старости его я родила сына* (Быт. 21. 6, 7). ‖ [2] Мф. 25. 5. ‖ [3] Пс. 102. 5. ‖ [4] 4 Цар. 5. 1–14.

мой получил самостоятельность: не увлекается он многоразличными обольщениями злохитрой и суетной злобы: усвоился он Богу, прилепился к Богу, углубился в Бога, и пребывает неотлучно в Боге»[1]. Ты спросишь: каким образом совершается дивное изменение? На этот вопрос святые Отцы наставляют отвечать так: «Сказано в Писании: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя*[2]. Где пришествие Духа, там не ищи естественного порядка и закона. Всесилен поклоняемый Святой Дух, и не удивись, если Он осуществляет в тебе несуществовавшее, если Он соделывает победителем ум, доселе побеждавшийся. *Свыше грядый* Утешитель *над всеми есть*[3]. Он поставляет тебя владыкою над естественными движениями и бесовскими наветами»[4].

«Если просишь у Бога молитвою чего-либо, и Он медлит, не исполняя прошения твоего, — не скорби об этом: ты — не умнее Бога. Так делается или потому, что настроение сердца твоего не соответствует прошению твоему, или потому, что ты не достиг надлежащей меры для принятия дара. Нам не должно стремиться в великие меры преждевременно, чтоб не злоупотребить даром Божиим, как полученным скоро. Все, полученное легко, легко и теряется; все, приобретаемое с болезнию сердца, хранится тщательно[5]. По этой причине Бог сперва подвергает искушениям и томлению, а потом уже ниспосылает дар. Слава Господу, доставляющему нам наслаждение здравия крепкими врачествами!»[6]

Коф

Спасительно для нас, убийственно для греха — воспоминание о смерти, рожденной грехом. Воспоминание это действует и против согрешений и против греховных недугов: оно останавливает от впадения в явный грех каким-либо противозаконным поступком; оно, притупляя жало страстей, расстроивая обольстительные мечты, рисуемые страстями, обуздывает грех, тайно живущий в душе. Воспоминание это охраняет духовный подвиг наш от высокоумия и превозношения, к которым так склонен падший человек, в которые удобно впа-

[1] Преподобный Иоанн Карпафийский, гл. 37. || [2] Лк. 1. 35. || [3] *Приходящий свыше и есть выше всех* (Ин. 3. 31). || [4] Преподобный Иоанн Карпафийский, гл. 81. Добротолюбие. Ч. 4. || [5] Святой Исаак Сирский. Слово 5. || [6] Святой Исаак Сирский. Слово 37.

дает он даже по причине благодатных даров; воспоминание это содержит постоянно душу в боголюбезной печали, озабочивает ее неминуемым Судом Божиим, озабочивает ее множеством грехов, соделанных на поприще земной жизни в ведении и неведении; воспоминание это охлаждает ко всем суетным занятиям преходящего мира, поощряет ко всем благочестивым упражнениям, которыми приготовляется и устраивается блаженство в вечности. При наступлении ночи оно говорит: «Не спеши предаться сну: успеешь пресытиться им в гробе. Пролей теплейшие молитвы и теплейшие слезы пред Богом: постарайся преклонить Бога на милость к тебе смиренными молитвами, многими коленопреклонениями, обильными слезами; постарайся облегчить искренним покаянием бремя грехов, тяготеющее на раменах твоих. Вполне неизвестно, будет ли принадлежать тебе день, который настанет после этой ночи. Может быть, в эту ночь подкрадется неожиданно смерть к одру твоему, восхитит тебя внезапно, как восхитила она многих. Преселяет она человеков в страну дальную, в другой мир. Там и покаяние, и плач, и молитвы, и сердечная болезнь не приносят уже никакой пользы: бесплодно сопровождается ими мука вечная». При наступлении дня воспоминание о смерти опять предстает делателю, предлагает вниманию его изречение Писания: *Не отрецыся благотворити требующему, егда имать рука твоя помогати.* Из числа требующих никак не исключи себя: нуждаешься во многом, преимущественно же в покаянии. *Не рцы* пришедшему к тебе помыслу покаяния: *отшед возвратися, и заутра дам, сильну ти сущу благотворити: не веси бо, что породит находящий день*[1]. Торопит воспоминание о смерти совершать без опущения все заповеди Божии: потому что скрыта от нас мера земного поприща нашего; потерянное время — невозвратимо; утраченного доброго дела, утраченного подвига утрачено и мздовоздаяние.

Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть[2]. Скажи, объясни мне, каким измерением, каким исчислением Ты отмериваешь, вычисляешь, определяешь жизнь мою? Желал бы я предузнать кончину мою, чтоб извлечь из

[1] *Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори... «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе. [Ибо ты не знаешь, что родит грядущий день.]* (Притч. 3. 27, 28). || [2] Пс. 38. 4, 5.

пребывания в этом мире, из странствования по этой обольстительной пустыне всевозможную пользу для себя, не растратив напрасно, или в ущерб мне, ни одного дня, ни одного часа. — Мера жизни человеческой на земле и число дней его есть кратковременность, есть быстрейшее мгновение, есть черта, не приметная на необъятных скрижалях вечности. Тот получил точное сведение о кончине своей, кто ожидает этой кончины на всякий день, на всякий час. Тот узнал меру своей земной жизни, тот свел верный счет дням этой жизни, кто понял, что эта жизнь, — не останавливающееся ни на минуту движение, при котором будущее непрестанно делается прошедшим, а прошедшее непрестанно и навсегда нисходит, как в могилу, в несуществование. Постоянное движение не допускает никакому положению приобрести прочность, постоянство: все проходит своею чередою, все изменяется, все улетает. Настоящее есть грань, передвигающаяся безостановочно, грань неуловимая, грань между будущим и прошедшим. На грани этой непрестанно претворяется будущее в прошедшее. Тот дал истинную цену земной жизни, кто не истощает на нее внимания, не привязывается к ней сердцем, кто не допускает себя быть обманутым прелестями и суетою ее, кто не признал постоянства в непостоянстве, положительности в неумолкающем, неопределенном движении, кто ведет себя и действует как странник, кто земную, временную жизнь употребляет на изучение и стяжание жизни истинной, вечной, небесной.

Состав мой яко ничтоже пред Тобою[1], исповедуется Богу святой Пророк Его, исповедуется от лица всех человеков. Тело мое не есть какая-либо неизменяемая, самостоятельная сущность: оно — странное соединение стихий по законам, мне неизвестным; оно — какое-то явление, явление непонятное, начинающееся рождением или зачатием, переходящее из состояния в состояние, кончающееся смертию. Как и когда оживился я существованием? не помню и не знаю. Какая сила дает мне жизнь, вызывает меня в бытие из небытия? какая сила развивает жизнь, младенца преобразует в отрока, отрока в юношу, юношу в мужа? Почему эта сила, развиваясь до некоторого времени, потом начинает оскудевать постепенно? Наконец она оставляет тело, — и тело рассыпается в прах. Какая связь между этою невидимою и непостижимою

[1] *...век мой как ничто пред Тобою* (Пс. 38. 6).

силою и видимым телом? Что — душа моя? Сущность души столько же непонятна мне, как и сущность тела. Очевидны силы, очевидны способности души: они удостоверяют в существовании ее. Собственный опыт доказывает мне, что тело есть нижайшая часть существа моего, что оно, в высших силах и способностях своих, есть только орудие души. Оказываюсь я, и по душе и по телу, неизвестным, непостижимым для меня самого. Существованию моему на земле предшествовало небытие; и конец моего существования на земле имеет образ уничтожения конечного. *Состав мой яко ничтоже пред Тобою.*

Утроба матери моей служила до моего рождения темницею для души моей и тела: по рождении тело служит для души темною утробою матери. Рождаюсь в вечную жизнь смертию тела. Что ж значит земная жизнь человека? Она — тень жизни, ступень к жизни, преддверие к жизни истинной; она — странствование и путешествие, одинаково краткое и для всех равное по сравнению с неизмеримою вечностию. Вступают в равенство все числа и меры, столько различные между собою, когда встанут пред бесконечною величиною и сличатся с нею[1].

Не имею на земле никакой собственности, и не могу иметь ее. Все дается мне на время, на подержание; все отнимается смертию. Наследую чужое; что приобрету сам, покидаю, — покидаю не когда хочу, когда и как случится. Все земные узы, узы теснейшие, узы, возлагаемые естеством и законом, разрываются беспощадно смертию; разрываются они без ведома моего и согласия, — наиболее в противность моей воле, наиболее неожиданно, как бы безвременно. Между всеми предметами, между всеми отношениями земными я — гость. Недавно очутился я между ими, недавно увидел их, никогда не видев; вскоре уйду из среды их, уйду безвозвратно, не буду видеть их никогда: покрывало, только что снятое рождением, накинется смертию и разлучит меня навеки от тех, которых узнал я после бесчисленных веков.

Отчего же я прилепляюсь всею душою к земле, к моему положению на ней, как бы постоянный житель ее? Отчего я нисколько не думаю, не хочу думать о вечности? Обличается этим слепота ума моего и сердца; обличается этим самообольщение мое; обличается этим, что я поражен греховным недугом, поражен вечною смертию в средоточии существа моего.

[1] Закон математики.

Глубоко — падение человека. Море слез недостаточно, чтоб оплакать страшное падение. В пропасть этого падения Господь наш простирает нам всемогущую руку помощи, руку, досягающую дна пропасти: Он извлекает из пропасти, возводит на небо тех человеков, которые произволяют спастись и быть учениками Господа. Указывая на мир, обольщающий и губящий слабых человеков, указывая на убийственную заразу греховную, действующую внутри нас, Господь возвещает: *Всяк от вас, иже не отречется всего имения своего, не может быти Мой ученик. Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и жену и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик*[1].

Решь

Посетили однажды некоторого из великих иноков братия, возлюбленные его. Нашли они инока плачущим и начали упрашивать его, чтоб он объявил им причину плача. Долго упрашивали они Преподобного, и долго на вопросы и убедительные просьбы отвечал Преподобный молчанием. Наконец он сказал им: «Духом моим стоял я близ распятого на кресте Господа, как некогда стояли Богоматерь и ученик любимый. Я стоял и плакал. Желал бы я всегда стоять у креста Господня и плакать»[2].

Стояли при кресте Господа Приснодева Богоматерь и девственник Иоанн, как представители высшей человеческой святости и чистоты. Неподдельная добродетель человеческая свидетельствуется тем, что она вся во Христе, что по земному положению своему приближается к страдальческому положению, которое избрал для Себя Богочеловек во время пребывания Своего на земле. И покаяние имело представителей при кресте Господа. Представителем покаяния была Мария Магдалина, из которой Господь изгнал семь бесов[3]; представителем покаяния был разбойник, распятый одесную Господа[4]. Грешники! ободримся: и для нас есть место у креста Господня; указано и дано нам место великим человеколюбием

[1] Лк. 14. 33, 26, 27. | [2] Преподобный Пимен Великий, Скитский патерик и Достопамятные сказания, гл. 144. | [3] Лк. 8. 2. | [4] Лк. 23. 40–43.

Господа. Он вочеловечился для спасения грешников[1]; Он претерпел лютые пытки и смерть крестную за грешников[2]. Восплачем при кресте Господа. Для обильнейшего плача имеем два побуждения: каждое из них достойно обильнейшего плача, плача непрестающего. Когда подымем взоры горе, — пред взорами вашими Господь, распятый за нас; когда низведем взоры в себя, — пред взорами нашими темная, необъятная бездна нашей греховности.

Стою я пред этим сугубым зрелищем, стою с сердцем каменным. Понимаю, что плач должен быть моим достоянием, моим постоянным упражнением; но я не имею его. Хладность и равнодушие владеют мною. Нуждаюсь в учителях для плача. Кто наставить меня плачу? кто вложит плач в сердце мое? — Наставляет плачу Сам Господь; наставляют плачу все благоугодившие Богу человеки: все они взошли в жительство, угодное Богу, плачем. Плач любит пребывать в сердце одиноким. Изгони из сердца попечения суетные и пристрастия, — и явится в сердце плач сам собою. Плачем обнаруживает присутствие Свое в христианине Дух Божий, насажденный в христианина при Святом Крещении; плачем обнаруживается оживление души для духовных ощущений, подобно тому, как знаменуется рождение каждого младенца плачем его. Плач — начало жизни.

Господь мой! Господь мой! Ты ублажил плач, обетовал ему утешение[3]: Ты и даруй мне блаженный, утешительный плач. Как мог бы плач быть блаженством, будучи естественно следствием несчастия, как мог бы он быть утешением, будучи естественно плодом огорчения, если б не был проникнут Твоим благодатным действием, заповеданный Тобою плач покаяния? Возникает такой плач из нищеты духа, как образуется дождь из сгустившихся облаков. Нищета духа является от зрения и сознания грехов и греховности своей.

Господь мой! Господь мой! даруй мне зрение грехов и греховности моей; даруй мне зрение согрешений, совершенных мною на самом деле помышлениями, ощущениями, словами и телесными действиями; даруй мне зрение падения моего, общего всем человекам, падения, служащего источником всех согрешений человеческих. Устрани от меня мое поверхностное, холодное воззрение на бедственное состояние мое: при

[1] Мф. 9. 13. || [2] Рим. 5. 6, 18. || [3] Мф. 5. 4.

этом воззрении я провожу жизнь как бы безгрешный, не нуждающийся нисколько в покаянии. Даруй мне воззрение правильное, чтоб оно ввело меня в жительство, соответствующее моему бедственному состоянию, чтоб оно ввело меня в плач. Даруй мне встать всем существом моим при кресте Твоем; даруй мне неотступно стоять при кресте Твоем постоянным памятованием о нем, постоянным сочувствием ему. Даруй мне восплакать и плакать при кресте Твоем.

Увы, Господь мой! Ты на кресте: я утопаю в наслаждениях и неге. Ты подвизаешься за меня на кресте, вися между небом и землею; Ты пронзен гвоздями; Ты прободен копием; Ты весь истерзан муками, предварившими распятие; Ты увенчан терновым венцом; уже увенчанный венцом терновым, Ты взошел на престол победы и владычества, на крест; с престола этого руками, пригвожденными ко кресту, Ты связал духов воздушных; ногами, пригвожденными ко кресту, Ты попрал смерть: я — лежу в лености, в расслаблении, ищу повсюду и во всем спокойствия, убегаю лишений и распятия, пребываю в вечной смерти. Тебя, распростертого и подъятого на кресте, Тебя, совершающего на кресте искупление и возрождение человеков, осыпают поношениями и насмешками славные и сильные земли, злословит весь народ, народ ослепленный, обезумленный обаянием злобы: я — стараюсь уловлять суетные похвалы и одобрения человеческие, жажду их ненасытно; лишаемый их, предаюсь скорби; едва донесется до моего слуха какое-либо ничтожное, обидное слово, как и закипает во мне неистовая ярость. На кресте Твоем Ты неупустительно исполняешь волю естественного Тебе Отца Твоего и Твою Божественную волю, единую с волею Отца, покоряя Божественной воле волю страждущего Твоего человечества: я — стремлюсь постоянно удовлетворять моей поврежденной воле, воле, враждебной Закону Божию; с упорством защищаю мою волю, с ожесточением и гневом препираюсь о ней. Страдая на кресте, Ты молишься о распинателях, о убийцах Твоих; в облегчение вины злодеев Ты представляешь неведение их: я, пользуясь благоденствием, постоянно подвергаюсь ропоту, выражаю недовольство, с огорчением ратую не только против недругов моих, ратую против друзей моих, обманываемый моим порочным сердцем, моим порочным воображением. Умирая на кресте, Ты предаешь в руки Отца человеческий дух Твой, хотя, достоинством равный Отцу, Ты имеешь рав-

ную с Ним и единую власть над человеческим духом Твоим, хотя по человечеству Ты приял власть от соединенного в Тебе неслитно с человечеством Божества, власть и положить душу Твою и восприять душу Твою: я, омрачаемый плотским мудрованием и неверием, ищу во всех случайностях жизни устроить себя моим немощным разумом, моим соображением, по внушениям плотского мудрования и лукавства; я не хочу предать себя деснице Бога моего, не хочу призвать этой десницы в помощь себе, хотя всесильная десница Божия содержит меня полновластно, объемлет отовсюду. Когда один из воинов, представитель враждебного Богу человечества, пронзил копием Твое всесвятое тело, уже оставленное душою, тогда умершее тело Твое, продолжавшее жить в Боге и чудодействовать, источило из себя струю крови и струю воды. Воду Ты дал в омовение врагам Твоим, кровь — в питие; истерзанное тело Твое предлагалось врагам Твоим как закланная, приуготовленная к употреблению снедь. Всемогущий и Всеблагий! в то время как человеки истощались в злодеяниях над Тобою, Ты весь истощился для спасения их, всего Себя отдавал им, чтоб претворить врагов и убийц в сынов и друзей, чтоб избавить врагов Твоих от вечных мучений в пропастях адских, чтоб доставить им вечное блаженное жительство в селениях неба. Еще прежде распятия распинатели сняли с Тебя одежду, оставили обнаженным: ризы Твои они разодрали на части и разделили между собою; о нешвенной срачице Твоей, привлекшей особенное внимание их, метнули жребий. Обнаженного, они возвели Тебя на крест. Все, все отдал Ты человекам: они как бы исчерпали всю Твою благость. Совершалось это по святейшей воле Твоей, хотя человеки и действовали по свободному произволению своему: они делались слепыми орудиями воли Твоей, не понимая того, — делались орудиями воли Твоей по бесконечной премудрости, по беспредельной власти Твоей.

Господь мой, Господь мой, даруй мне уразуметь значение креста Твоего; привлеки меня к кресту Твоему судьбами Твоими; возжги во мне любовь креста Твоего; сподобь меня отречься у подножия креста Твоего от порочных пристрастий к миру и ко мне самому; открой очи мои, как открыл Ты их блаженному разбойнику, чтоб я усмотрел в Тебе Господа и Бога моего; пошли плач в сердце мое, чтоб я мог постоянно плакать у креста Твоего; пошли молитву в сердце мое, чтоб я, распятый на ней одесную Тебя, пребывал постоянно устремленным к Тебе всем существом моим и, упоенный памятова-

нием Тебя, забыл даже о существовании мира и греха; истекшею из ребр Твоих водою очисти скверны души моей и тела; руки Твои, распростертые на кресте, да примут меня, овцу заблудшую, в объятии Божества Твоего. Допусти меня к Твоей дивной трапезе: напитав Твоею всесвятою плотию, напоив Твоею всесвятою кровию, исполнив Твоим Святым Духом, соедини меня с Собою воедино навеки.

Шин

Господь мой! Господь мой! приходил Ты на землю в смиренном образе раба, в уничиженном образе немощного создания Твоего, человека; приходил Ты на землю, чтоб спасти погибших человеков[1], чтоб принять на Себя убившую их язву, чтоб уничтожить эту язву Собою[2]. Открыл Ты человекам подробно волю Божию в заповедях и учении Евангелия; принес Ты Себя Богу в умилостивительную жертву за преступное человечество; удовлетворил Ты правосудию Божию, отъял преграду[3], препятствовавшую благости Божией изливаться на человеков в обилии безмерном. Ты придешь снова, придешь уже как Судия вселенной, придешь в неприступной славе Божества, — потребуешь от человеков отчета в употреблении Твоих благодеяний. Восстанут из гробов все поколения человеческие, оживленные Твоим творческим голосом и повелением[4]; предстанут пред Тобою все человеки в несметном сонме, предстанут в страхе, в трепете, предстанут на Суд беспримерный и неподражаемый. Такого Суда не было никогда и, по совершении его, не будет никогда. Никому невозможно уклониться от него: все повлекутся к нему силою непреоборимою[5]. Не нужны на этом Суде исследования, улики, взаимные обвинения и оправдания; не может возникнуть на нем никакое недоумение; лукавство, запирательство, обман не могут иметь ни малейшего успеха, ни места. Судия, по неограниченному совершенству Своему, видит все тайны человеческие, — и все согрешения всех человеков хранятся без малейшего упущения в памяти Его, как бы записанные в книге. Обличителем и обвинителем каждого подсудимого будет совесть его, внезапно исцеленная от слепоты, от обаяния грехом, внезапно одаренная тончайшим самовоззрением. Обширный Суд произведется с быстротою и удовлетворительностию,

[1] Мф. 18. 11. || [2] Ис. 53. 5–8. || [3] Еф. 2. 14. || [4] Ин. 5. 25. || [5] Мф. 25. 32.

соответствующими совершенству Судии. Приговор произнесется решительный: им определится участь каждого навеки. Живые, разумные сосуды Божии вознесутся на небо для вечного блаженства: живые плевелы, сосуды разумные и свободные, произвольно претворившие себя в сосуды греха, ввергнутся в пещь, горящую, неостывающую и неугасающую чрез всю вечность.

На этот Суд, в среде бесчисленного собрания человеков, предстану и я. Какой запас мыслей и слов, какой отчет приготовлен мною? что скажу я о себе, о моей жизни земной? Отнимаются у меня и мысль и слово от одного представления в слабом и тупом воображении моем нелицеприятного и страшного Суда; от одного представления этого Суда ясно ощущаю, что лишь предстану на Суд, как и поступлю весь в неограниченную власть Судии. Земное странствование мое совершил я как безумный, как умоисступленный. Отнималась сперва основательность у разума и деятельности неведением; потом отнималась она поверхностным знанием; наконец поколебались деятельность и неразрывно соединенный с нею образ мыслей произвольными согрешениями по увлечению; ниспровергнуты, извращены они окончательно грехом смертным. Значительнейшая часть земного странствования совершена мною. Уже когда уклонился я от истинного христианства в дальнее и страшное распутие, уже после тяжких потрясений и противодействий с величайшим трудом, или единственно по неизреченной милости Божией, узнал я подробнее, точнее о значении христианства, об обязанностях христианина. Познание это приводит меня в недоумение, в ужас. Святым Крещением я встал, независимо от меня и не ведая того, в священном храме, величественном как небо, в христианстве; почти столько же независимо от меня, неведомо мне, очутился я вне этого храма, в пустыне страшной. Превращение совершено жизнию, по стихиям мира, жизнию, враждебною христианству, жизнию, которою ныне живет все человеческое общество, по крайней мере, большинство и цвет его. Вижу себя на широком пути, ведущем в пагубу! вижу себя в навыках, обычаях, усвоениях греховных, как бы в оковах, в цепях железных! вижу себя мертвецом, давно лежащим во гробе и могиле, мертвецом смердящим![1] Камень привален ко гробу: ожестело, подобно камню, мое сердце.

---

[1] Ин. 11. 39.

Господь мой! Господь мой! Един Ты, Всемогущий, можешь спасти меня. Всеблагий и Всемогущий! спаси меня. Восхить меня с пути, с пути пустынного в город и страну иноплеменнические[1], с пути служения греху; поставь меня на путь, ведущий в Твое Царство[2]. Я оставил Тебя: Ты взыщи меня. Скитаясь среди гор бесплодных, каменистых, поросших колючими волчцами, изрытых стремнинами и пропастями, я истратил силы, измучился от голода и жажды; я покрыт бесчисленными ранами, я пришел в совершенное изнеможение: Ты, сошедший с неба на землю ради меня, возьми меня на рамена Твои, возврати к стаду пасомых Тобою. Я умертвил себя безумием моим, грехами моими: Ты, будучи источник жизни и саможизнь, оживи меня источающеюся из Тебя жизнию. Скажи душе моей, утопающей в горести и безнадежии, те утешительные, сладчайшие слова, которые Ты произнес Марфе, сестре воскрешенного Тобою, друга Твоего, Лазаря: *воскреснет брат твой*[3]. Укрепи мое немощное мудрование: оно, из немощи своей, осмеливается пререкать Тебе, Всесильному, и противопоставлять Тебе, Которому возможно все, возражение в возможности воскресения для мертвеца. *Господи, уже смердит* мертвец мой: *четвородневен бо есть*[4], говорила Марфа Спасителю мира о умершем и погребенном Лазаре. Подобное этому суждение слышится в душе, научившейся вере только из Писания[5], не сподобившейся еще научиться вере из святых опытов, не сподобившейся еще приять от Бога веру живую, веру Божию[6]. Ты, Спаситель мира, отвечал колеблемой сомнением и недоумением Марфе: *Аще веруеши, узриши славу Божию*[7]. Ты, Всеблагий, назвал славою Твоею воскресение человеков. Воскресение человеков есть вторичное сотворение их, — и являешься, Ты, Спаситель мира, в воскресении человеков Творцом и Богом их. Ты сотворил нас из ничего, — воскрешаешь из рассыпавшегося праха, воскрешаешь в чудной, нетленной новизне, воскрешаешь в нашем собственном естестве и вместе в естестве измененном, переплавившемся в огне тления из состояния плотского в состояние духовное[8]. Спаситель мой! насади в меня веру, веру живую, доказываемую делами, всем поведением, чтоб я соделал-

[1] *Ангел Господень рече к Филиппу, глаголя: возстани и иди на полудне, на путь сходящий от Иерусалима в Газу: и той есть пуст.* Деян. 8. 26. ‖ [2] Пс. 118. 29, 30, 32, 33, 38. ‖ [3] Ин. 11. 23. ‖ [4] Ин. 11. 39. ‖ [5] Ин. 11. 27. ‖ [6] Мк. 11. 23. ‖ [7] Ин. 11. 40. ‖ [8] 1 Кор. 15. 42—44.

ся способным к воскресению в духе моем. Воскреси меня, Господь мой, в тайне души моей: оживотвори меня Святым Духом Твоим, воскреси меня существенным, спасительным воскресением, воскресением духа моего, воскресением, совершающимся от осенения духа человеческого Духом Божиим. Предвари этим святым воскресением мою видимую смерть, которою разлучается душа от тела; предвари этим воскресением мое воскресение телом, которым воскреснут одинаково все человеки. Даруй мне умереть уже воскресшим; даруй воскреснуть телом по воскресении духа, чтоб дух мой не взошел мертвым в воскресшее тело. Горе мне, если дух, при разлучении с телом, окажется умерщвленным вечною смертно! Горе мне, если дух, будучи в состоянии мертвости, войдет, при общем воскресении, в воскресшее тело! Тогда и воскресшее тело соделается вместе с духом жертвою вечной смерти; тогда усугубится вечная смерть оживлением тела, соединением воскресшего тела с духом, который не умирал, подобно телу, и не оживотворился свойственным себе воскресением.

Господь мой! Господь мой! На конце земного странствования моего, исполненного горестей, страданий, страхов, воскреси меня вожделенным воскресением в духе моем. *Блажен и свят, иже имать часть в воскресении первом: на нихже смерть вторая* — вечная жизнь в отвержении от Бога и в муках адских — *не имать области, но будут иерее Богу и Христу и воцарятся с Ним*[1]: провозгласил это сын громов, избранный из Апостолов, нареченный Богословом. Получив залог спасения вечного, я возрадуюсь радостию духовною, неизреченною, неведомою и непостижимою для состояния плотского и душевного. Радость эта — предвкушение радости и наслаждения райских. Претворенный десницею Вышнего, без смущения увижу приходящую ко мне телесную смерть; скажу в сретение пришедшей ко мне смерти слова Пророка: *Бог правды моея: в скорби распространил мя еси*[2]. *Десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу. Не умру* вечною смертию, *но жив буду и повем дела Господня. Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*[3]. *Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи, дал еси весе-*

[1] *Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ним смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним* (Откр. 20. 6). ‖ [2] *Боже правды моей! В тесноте Ты давал мне простор* (Пс. 4. 2). ‖ [3] *Десница Гос-*

лие в сердце моем[1]. *Отверзите мне врата!*[2] *В мире вкупе усну и почию: усну* сном временной смерти во гробе, *вкупе почию* душою в тех горних обителях, в которых все служители Божии ожидают общего воскресения. Разлучив тело от души, в дольний гроб телом, в горнюю обитель душою, *Ты, Господи, на уповании* вечного блаженства *вселил мя еси*[3].

Фав

Возлюбленный брат! пригласил ты друзей твоих, пригласил любящих тебя, чтоб они вспомнили о тебе, посетили тебя, приняли участие в постигшей тебя скорби, чтоб принесли тебе утешение не из смертоносной чаши чарований, которою утешает мир, упоявая самозабвением и приготовляя скорбь неисцелимую и вечную, — чтоб принесли утешение из животворящего слова Божия. Основательно твое приглашение: одобряется оно Священным Писанием и святыми Отцами. *Спасение есть во мнозе совете*[4] для всех вообще подвижников; в особенности совет, наставление, руководство необходимы для того, кто вознамерился перейти от плотской жизни к жизни благочестивой, из порабощения греху к духовной свободе. Так, боговдохновенный Моисей оказался нужным для извлечения израильтян из Египта, для указания им пути чрез пустыню в Обетованную землю[5]. Многочисленным братством населена святая обитель ваша. В среде его усмотри отца, обогащенного в духе словом Божиим, ведущего жительство, согласное этому всесвятому Слову, произносящего учение не из себя, — из всесвятого слова Божия[6]. Такому отцу открой состояние души твоей, и ежедневно открывай ему мысленную брань твою, все видимые и невидимые покушения греха и духов злобы против тебя. Ничто, ничто не помогает столько к получению исцеления от язвы, нанесенной грехом смертным, как учащаемая исповедь; ничто, ничто не содействует столько к умерщвлению страсти, гнездящейся в сердце, как тщательная исповедь всех проявлений, всех действий ее.

подня высока, десница Господня творит силу! Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни. Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня (Пс. 117. 16–18). ‖ [1] *Яви нам свет лица Твоего, Господи! Ты исполнил сердце мое веселием* (Пс. 4. 7, 8). ‖ [2] Пс. 117. 19. ‖ [3] *Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности* (Пс. 4. 9). ‖ [4] Притч. 11. 14. ‖ [5] Лествица. Слово 1. ‖ [6] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 14. Добротолюбие. Ч. 2.

Пожелал ты и моего участия, участия деятельного; пожелал ты личной беседы со мною. Не могу придти к тебе, удерживаемый на месте жительства моего обязанностями моими: прихожу к тебе этими скудными строками. В них изложил я то, чему научило меня Писание Священное, чему научили меня мужи и старцы, проведшие жизнь в служении Богу.

Все смертные грехи, кроме самоубийства, врачуются покаянием. Покаяние тогда только признается истинным и действительным, когда последствием его бывает оставление греха смертного. Без этого последствия покаяние — бесплодно. Если же, при покаянии, смертный грех не оставляется по привязанности к нему, не оставляется по произволению; если кающийся не удаляет от себя причин греха или и сам не удаляется от них произвольно, то покаяние такое, покаяние слабое, двоедушное, поверхностное, причисляется к деяниям лицемерства. Оно — гибельная попытка обмануть и Бога и себя.

Покаяние — *село*, на котором *скрыто* бесценное *сокровище* спасения. Человек, стяжавший это познание, *возрадуется* о приобретении познания существенно нужного. Воодушевляемый радостию и ревностию, в которых таинственно действует призвание Божие, он *идет, и вся елико имать, продает, и купует село то*[1]. Только за такую цену продается село покаяния! только за такую цену покупается оно! Необходимы, необходимы для вступления в подвиг истинного покаяния отречение от мира и отречение от себя, от своих похотений и пристрастий. Малая скважина отнимает у сосуда способность удерживать вливаемое в него миро, — и ничтожным пристрастием отнимается у покаяния все достоинство, вся сила его.

Истинно кающиеся соделываются истинными рабами Божиими. Покаяние переплавляет, перерождает их. Вступившие в пещь, в утробу покаяния рабами выходят из нее сынами и друзьями Божиими. Господь наш, Иисус Христос, называет христиан, удовлетворивших воле Божией, очистившихся истинным покаянием, озарившихся истинным богопознанием, *Своею братиею*[2]. Все Ангелы Божии, все святые Божии радуются о вступившем в правильный подвиг покаяния. По причине такого покаяния, которым заблудшая овца возвра-

---

[1] *...идет и продает все, что имеет, и покупает поле то* (Мф. 13. 44). || [2] Ин. 20. 17.

щается в стадо[1] и потерянная драхма в хранивший ее ковчег[2], учреждается на небе праздник: *глаголю вам,* говорит Спаситель, *радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнике кающемся*[3]. Стяжи покаяние, — и соделаются твоими братиями и друзьями все блаженные небожители. Святые Ангелы низойдут к тебе невидимо, принесут тебе помыслы и ощущения преподобные; святые человеки, предстоящие лицу Божию в обителях рая, вступят в беседу с тобою посредством оставленных ими на земле священнолепных писаний. Утешится, умиротворится, усладится, исцелится сердце твое беседою благодатною. Снимается для тебя с этих писаний непроницаемое покрывало, которым закрывается святой смысл их, святая красота их, от умов, ослепленных плотскою, греховною жизнию. Снимается покрывало покаянием; снимается покрывало смирением, рождающимся от покаяния; снимается покрывало духовным разумом, рождающимся от смирения, разумом, вступившим в постижение значения, данного Богом сверхестественным, христианским добродетелям: покаянию и смирению.

Падение в смертный грех служителя Божия, увлеченного немощию, стечением обстоятельств, потом покаявшегося во грехе, причисляется к попущениям Божиим для вразумления, а не к конечному оставлению Богом за обдуманную злонамеренность. Бесконечным различием различились между собою падения двух апостолов, Петра и Иуды, хотя по наружности отречение близко подходит к предательству. *Возстах* покаянием *и еще есмь с Тобою*[4], говорит пораженный удивлением, говорит падший в тяжкие грехи и покаявшийся Давид, — говорит, увидев в себе, сверх чаяния, присутствие и действие Святого Духа, которое, по совершении греха, когда разлились по всему существу падшего человека дым и смрад греховный, сокрылось, которое, может быть, признавалось потерянным навсегда. Бог, имеющий возможность, по неограниченному совершенству Своему, уничтожать грех, — который, как недостаток и повреждение добра, насажденного в разумных тварях Богом, не может быть уничтожен никаким существом ограниченным, — Бог, *вземляй грехи мира*[5] по

[1] Лк. 15. 6, 9. || [2] Лк. 15. 6, 9. || [3] *...бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15. 10). || [4] *...я пробуждаюсь, я все еще с Тобою* (Пс. 138. 18). || [5] *...Который берет* ***на Себя*** *грех мира* (Ин. 1. 29).

бесконечной благости и силе Своей, принимает на Себя причины попущений Своих, попущений, соединенных с падениями человеческими. Что может быть успокоительнее, что может быть радостнее этой вести! *Господь,* свидетельствует Священное Писание, *мертвит и живит, низводит во ад и возводит. Господь убожит и богатит, смиряет и высит, возставляет от земли убога и от гноища воздвизает нища*[1]. *Той болети творит и паки возставляет: порази, и руце Его изцелят*[2]. Приведенный в недоумение продолжительным гневом Господа, причем тяжкие наказания часто последуют одно за другим, как звена в цепи, *рече Сион* — служитель Божий: *остави мя Господь и Бог забы мя.* На этот отзыв, исполненный глубокой печали, раздается с небес ответ от Господа чрез великого Пророка: *Егда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего? аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь. Се, на руках Моих написах стены твоя:* крепость твоя сосредоточена и хранится во всемогуществе Моем. Ты *предо Мною еси присно, и вскоре возградишися, от нихже разорился еси и опустошившии тя* страсти и лукавые духи *изыдут из тебе*[3]. *В мире будет дом твой, жилище же храмины твоея не имать согрешити. Внидеши же во гроб якоже пшеница созрелая во время пожатая, или якоже стог гумна во время свезенный*[4].

Грозно обращает речь свою боговдохновенный Пророк к иноплеменникам, к врагам рода человеческого, к духам отверженным, к духам, низверженным с неба, попранным в персть земную, к духам, приписывающим попущения Божии действию своего могущества и своей мудрости, к духам, упоенным безумием и гордостию, не разумеющим, что они служат бессознательно орудиями Богу в наказаниях и искушени-

---

[1] *Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего* (1 Цар. 2. 6–8). || [2] *...ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют* (Иов. 5. 18). См. объяснение этих слов Писания святым Иоанном Златоустым (Слово к Феодору падшему), преподобным Кассианом Римлянином (Собеседование 2), святым Иоанном Карпафийским (Слово утешительное. Добротолюбие. Ч. 4). || [3] Ис. 49. 14–17. || [4] *И узнаешь, что шатер твой в безопасности, и будешь смотреть за домом своим, и не согрешишь. Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время* (Иов. 5. 24, 26).

ях, которым Он подвергает служителей Своих. *С нами Бог!* возглашает Пророк. *Разумейте, языцы, и покаряйтеся! услышите даже до последних земли: могущии,* по собственному, ошибочному мнению о себе, *покаряйтеся! Аще бо паки возможете, паки побеждени будете, и иже аще совет совещаете, разорит Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас, яко с нами Бог*[1].

Заключение

Излился я в плаче моем, произнес я мои вопли, окончил рыдания, упился слезным напитком, насытился стенаниями и воздыханиями. Тяжеловесным словом, исполненным глубокою печалию, ударял я в грудь мою, и ощутил в груди моей отраду. Оплакивая твой грех, я оплакивал свой грех; призывая тебя к покаянию, призывал к нему себя; изображая горестное состояние, производимое грехом смертным, я исповедал и описал мое состояние. Если б живопись не была снята с опытов, — не имела бы она яркости, силы, верности.

Получив эти строки, прочитывай их часто. Не преставай поражать, смягчать ими ожестевшее сердце, не преставай возбуждать от сна сердце унывшее, не преставай призывать к жизни сердце умерщвленное. Строки эти и обличают милосердно, и потрясают могущественно спасительным страхом, — страх растворяют утешением веры. Строки эти приводят к самовоззрению, объясняют таинство борьбы, которою подвижник Христов препирается с грехом и с духами отверженными, которою доказывает свою верность Христу, которою изработывает свое спасение и славу в вечности. Эти строки возвещают всемогущество Бога и бесконечную благость Его. В Боге сосредоточивается надежда всех спасающихся: надежда побеждающих грех силою Божиею и надежда побежденных грехом на время по Божию попущению, по собственной немощи, неведению, неосторожности, по увлечению, не по намерению.

Излишни эти строки для проводящего греховную жизнь произвольно, ищущего и находящего в ней единственное на-

[1] *Враждуйте, народы, но трепещите, и внимайте, все отдаленные земли! Вооружайтесь, но трепещите; вооружайтесь, но трепещите! Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится; ибо с нами Бог!* (Ис. 8. 9, 10). (По объяснению св. Иоанна Карпафийского, гл. 29.)

слаждение, жертвующего для нее всеми способностями души и тела, оправдывающего такую жизнь оправданиями по началам мира сего. Несмотря на неограниченность благости Божией, покаяние, данное всем грешникам во спасение, доставляет спасение только тем грешникам, которые извергнут из себя грехи искреннею и решительною исповедию, чуждою самооправдания, и жизнь беззаконную, безумную заменят жизнию благочестивою, смиренномудрою. Аминь.

Конец пятого тома

Примечание. «Плач Инока» первоначально написан послушником Димитрием Александровичем Брянчаниновым в 1830 году, в Успенской Семигородской пустыне Вологодской Епархии, — значительно исправлен и пополнен епископом Игнатием в 1866 году, в Николо-Бабаевском монастыре Костромской Епархии.

Приложение

Святитель ИГНАТИЙ Брянчанинов

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА К Н. Н. МУРАВЬЕВУ-КАРСКОМУ

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА К С. И. СНЕССОРЕВОЙ

Иеромонах Марк (Лозинский) ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ МИРЯНИНА И МОНАХА ПО ТВОРЕНИЯМ И ПИСЬМАМ ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

От составителя

Пятый том Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова содержит капитальный его труд — «Приношение современному монашеству», исполненный им как духовное завещание инокам. «Чудным призванием и неизреченною милостию» называет он монашество, вставшее на тесный путь спасения. Этим спасительным путем всю жизнь неколебимо шел и сам подвижник Божий святитель Игнатий, до конца своего земного странствования работавший на благо Православия. Для этого надо было с младых лет отказаться от немощной жизни по стихиям мира. Он пишет: «Не предоставлено мне было принести жизнь мою в жертву суете и тлению! Взят я, восхищен с широкого пути, ведущего к вечной смерти, и поставлен на путь тесный и прискорбный, ведущий в живот. Путь тесный имеет самое глубокое значение: подъемлет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет пред лице Его в Незаходимый свет для вечного блаженства».

При духовном восхождении, а затем и при создании этой книги епископ Игнатий руководствовался учением святых Отцов, среди них — Иоанн Лествичник, Григорий Синаит, Симеон Новый Богослов, Исаак Сирин. А в главе «О Богомыслии» Владыка ссылается на опыт отечественных подвижников благочестия — Димитрия Ростовского и Тихона Воронежского. Труд совершен в высшей степени благоговейно, оттого-то и служит он около полутора столетий основным духовным пособием для монашествующих. Наша публикация целиком повторяет подлинный текст епископа Игнатия, подготовленный им самим к изданию; выдержки из Писания сверены по синодальному изданию источников.

Особенности авторского текста, по возможности, соблюдены.

В разделе «Приложение» помещены письма Святителя к видному военачальнику, Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому (1794–1866), и к даровитой духовной писательнице, Софии Ивановне Снессоревой (1816–1904). С настоятелем Троице-Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием генерала Н. Н. Муравьева-Карского связывала давняя дружба, и оживленную переписку они вели многие годы. Самое обстоятельное письмо генералу подвижник Божий Игнатий послал 12 июня 1856 года из Оптиной Пустыни, куда он собирался переместиться на жительство. Оптинский Скит виделся ему самым подходящим местом для вдохновенных литературных занятий. В письме этом сказано: «Тщательное чтение и изучение самых глубоких писаний святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В Скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в Скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, перед которыми могу изливать мою душу». Архимандрит Игнатий пристально следил за издательской деятельностью монастыря: как раз именно тогда в нем стали выходить в свет замечательные книги, подготовленные к печати Оптинскими монахами под началом всероссийского наставника и молитвенника великого старца Макария: «Ему обязана Оптина Пустыня своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении стекается в Оптину Пустыню к отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность совсем противоположны той натянутой и жестокой святости, за которою ухаживают различные графини и княгини». Публикация писем владыки Игнатия к генералу Н. Н. Муравьеву-Карскому осуществлена Ольгой Ивановной Шафрановой, долгое время серьезно изучающей литературное наследие Преосвященного. Ей же принадлежат и комментарии к текстам писем.

Письма Святителя к Софии Ивановне Снессоревой чрезвычайно важны не только для большего понимания харак-

тера взаимоотношений знаменитого подвижника Божия со своими духовными детьми, но и для выяснения меры участия этой незаурядной православной писательницы в процессе издания творений епископа Игнатия — сотрудничество велось на протяжении последних двадцати лет его жизни. Благодаря архивным разысканиям Елены Михайловны Аксененко, сотрудницы Пушкинского Дома (Институт русской литературы, Санкт-Петербург), в научный оборот впервые вводятся сведения о жизни и творчестве Софии Снессоревой, создательницы проникновенной повести «Дарьюшка-странница» и большой книги «Земная жизнь Пресвятой Богородицы». Только из настоящей публикации читатели узнают о том, как тесно велось литературное сотрудничество талантливой и трудолюбивой писательницы со светилом духовного мира — архимандритом, а затем и епископом Игнатием. Немалый интерес представляет и «Автобиографическая записка» С. И. Снессоревой, впервые публикуемая в печати.

«Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия Брянчанинова» — богословский трактат иеромонаха Марка (Лозинского; 1939–1973). Труды этого видного богослова, его архивные занятия по выявлению писем Владыки хорошо известны православным историкам. Магистерская диссертация о. Марка, состоящая из восьми солидных машинописных томов, завершена и защищена им в Московской Духовной академии еще в 1967 году, в пору жесточайших гонений на Православную Церковь и безграничного издевательства безбожников над верующими. Несмотря на чрезвычайно неблагоприятную общую обстановку, о. Марк создал труд замечательный: вплоть до настоящего издания творений святителя Игнатия диссертация иеромонаха Марка оставалась самым обширным собранием писем Владыки, причем как тех, что публиковались ранее, так и тех, что впервые введены им в научный оборот. Принадлежащее его перу богословское рассмотрение творений и писем епископа Игнатия публикуется нами на основе всё той же его диссертации, разумеется, взят во внимание и более поздний печатный текст. Объем цитат в этом тексте приведен в соответствие с назначением публикации. Богословский трактат о. Марка — произведение выдающееся, его истолкования учения святителя Игнатия отличаются

глубиной и внутренним духовным достоинством. Встречающиеся постраничные ссылки предусматривают следующие источники:

1) Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. В 5 т. — 3-е изд., испр. и дополн. — СПб., 1905 (сокращенно: *Соч.*);

2) Приложение к работе иеромонаха Марка (Лозинского) «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия Брянчанинова». Т. I—III. Полное собрание писем епископа Игнатия Брянчанинова. МДА, 1967 (сокращенно: *Прилож.*). Даны также ссылки на конкретные номера писем с указанием томов в пределах этого Приложения.

Александр Стрижев

Письма
святителя Игнатия Брянчанинова
к Н. Н. Муравьеву-Карскому

Предисловие

В эпистолярном наследии святителя Игнатия Брянчанинова весьма значительное место занимают его письма выдающемуся военному и государственному деятелю Николаю Николаевичу Муравьеву-Карскому[1].

Н. Н. Муравьев-Карский принадлежал к тому, по словам Н. Иконникова, «удивительному роду [Муравьевых], который после пяти веков служения России, не подавал ни признака упадка и продолжал поставлять стране людей, делавших Историю»[2]. Эти слова полностью можно отнести к поколению, в которое входил Н. Н. Муравьев-Карский, давшему стране одного наместника края, одного генерал-губернатора, контр-адмирала, трех генерал-майоров, сенаторов, Управляющего собственной канцелярией Николая I, Главного правителя Императорской Российско-американской компанией и т. д., участников Отечественной войны 1812 г., Кавказских и Крымской войн, четырех литераторов, художника, археолога... и из которого вышли восемь декабристов.

---

[1] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 254. Опубликованы в книге: *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Будущее России в руках Божественного Промысла. М., 1998. ||
[2] *N. Ikonnikov.* Les Mouraviev. Paris, 1959. С. 533.

Сам Н. Н. Муравьев-Карский (1794—1866) принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Профессиональный военный, он участвовал в войне 1812 г. (сражался при Бородине — был награжден, под Тарутином и др.), в действиях русской армии за границей; с 1816 г. служил на Кавказе под начальством А. П. Ермолова, участвовал в Русско-иранской (1826—1828) и Русско-турецкой (1828—1829) войнах; совершил ряд дипломатических поездок в Среднюю Азию, в Турцию и Египет; с конца 1854 по 1856 г. был Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. Литературную известность ему принесли мемуары и несколько военно-исторических книг, в которых нашли отражение драматические события его жизни и богатейший военный опыт. Он отличался безукоризненной честностью и прямолинейным характером, из-за чего имел многих недоброжелателей, часто препятствующих его служебной карьере. Обстоятельства, однако, заставляли власть имущих снова и снова обращаться к нему, и он всегда оказывался там, где совершались важнейшие исторические события.

Известными «делателями Истории» были и братья Н. Н. Муравьева-Карского, имена которых упоминаются в письмах святителя Игнатия. Его старший брат — Александр Николаевич Муравьев (1792—1863) — декабрист, мемуарист, автор публицистических произведений; участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, после шестилетней ссылки вступил в гражданскую, затем военную службу, участвовал в Крымской войне; с 1855 г.— генерал-майор.

Третьим их братом был выдающийся государственный и военный деятель Михаил Николаевич Муравьев-Виленский (1796—1866), с 1865 г.— граф, уже в 14 лет основавший вместе с отцом Московское общество математиков, преподаватель и вице-президент училища колонновожатых, основанного их отцом, так же, как и братья, участник Отечественной войны 1812 г. (ранен при Бородине) и заграничных походов; с 1850 г.— член Государственного совета, в 1857—1862 гг. — Министр государственных имуществ; в 1863—1865 гг.— виленский, гродненский, ковенский и минский генерал-губернатор; автор «Записок», опубликованных в «Русской старине».

Четвертый их брат — Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — поэт, драматург, выдающийся церковный

писатель, религиозный деятель, путешественник, мемуарист, автор книги «Путешествие к Святым местам», после публикации которой был определен секретарем обер-прокурорского стола Святейшего Синода (с 1833 по 1846 г.); с 1836 г. — член Российской Академии наук, с 1871 г. — Московской, а затем и Киевской духовных академий.

Брянчаниновы были в родстве с Муравьевыми, что способствовало сближению еще в молодые годы Дмитрия Александровича (будущего святителя Игнатия) с Н. Н. Муравьевым и его братьями. Вполне возможно, что их знакомство произошло в доме их общего родственника Президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина. Что Дмитрий Александрович был частым гостем в этом доме, известно из жизнеописаний Святителя. А что там бывали Муравьевы, видно из письма Н. Н. Муравьеву сына А. Н. Оленина, Петра, от 5 марта 1848 г.: «Добрейший Николай Николаевич, пользовавшись с давних лет дружбою и расположением твоим, прибегаю к тебе с великою просьбою. Вспомни о незабвенном доме Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны, в котором мы все тогда юные проводили столь блаженные минуты. Вспомнив их, прими милостиво под могучее крыло твое внука помянутого доблестного мужа сына моего Алексея, студента СПб университета, которого я помещаю в Уланский полк Е И В Николая Николаевича»[1].

После получения в 1827 г. «вожделенной» отставки от военной службы Дмитрий Александрович покинул Петербург на шесть лет. Многое изменилось за это время. Сам он стал монахом — отцом Игнатием, два года был настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря Вологодской епархии, в конце 1833 г. вызван в столицу, 1 января 1834 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Из братьев Муравьевых Александр провел эти годы в ссылке, Николай и Михаил были произведены в генералы, Андрей занял место секретаря обер-прокурорского стола в Святейшем Синоде.

В новом качестве возобновились теперь их отношения. Уже 23 июля 1834 г. архимандрит Игнатий пишет отцу о своем брате Петре Александровиче: «..В намерении помес-

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 254.

тить его в штаб 1-й армии писал я письмо к генерал-адъютанту Муравьеву вместе с его братом [Андреем Николаевичем], здесь служащим в Синоде. Ответ Муравьева ко мне и к брату при сем прилагаю. ... Муравьев редкий человек, по своим правилам строгий христианин и по службе употребляется в важных обстоятельствах: например, послан был в Египет для переговоров с пашою, потом командовал отрядом, посланным на помощь Турецкому султану против Ибрагима»[1].

Служба П. А. Брянчанинова адъютантом Н. Н. Муравьева продолжалась недолго (в 1837—1848 гг. Николай Николаевич находился не у дел), но, как отмечалось[2], оставила отпечаток на всю их жизнь, чему свидетельством являются более 150 писем Петра Александровича, которые он писал с 1837 г. и до конца жизни Николая Николаевича.

Регулярная переписка святителя Игнатия с Н. Н. Муравьевым начинается с 1847 г. До этого времени, т. е. в период с 1837 г., Николай Николаевич, по-видимому, неоднократно бывал в Сергиевой пустыни и лично беседовал с ее настоятелем. Именно об этом говорится в первом из помещенных здесь писем архимандрита Игнатия от 6 октября 1847 г.

Интересно отметить, что в этот же период, т. е. с середины 30-х годов, архимандрит Игнатий постоянно общался и с братом Н. Н. Муравьева, Андреем Николаевичем, но их отношения складывались по-другому. Они также были хорошо знакомы, есть свидетельство, что в годы учебы некоторое время они снимали одну квартиру. Но к моменту назначения о. Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни А. Н. Муравьев занимал уже должность секретаря обер-прокурорского стола Святейшего Синода, т. е. был весьма влиятельным лицом в церковной администрации. При особенностях характера Андрея Николаевича, которые отмечали многие современники[3], это обстоятельство сказывалось на их отношениях, требовало от архимандрита Игнатия определенной дипломатии и «осторожности», что нашло отражение в его письмах разным лицам (см., например, его письма наместнику Сергиевой пустыни Игнатию (Василь-

[1] Отдел рукописей Вологодского краеведческого музея. Ф. 11. Д. 6. ‖ [2] Том 3 настоящего издания. С. 577. ‖ [3] Например, брат А. Н. Муравьева, Александр Николаевич, писал о нем: «Он слишком рассеян и немало о себе мечтает. Что делать,— кто не был рабом гордости?» (Р. А. 1893. Кн. 2. С. 144).

еву) в 7-м томе его Собрания сочинений). В их отношениях не было той откровенности и теплоты, которые проявляются в письмах архимандрита Игнатия Н. Н. Муравьеву и в его высказываниях о нем. Например, он писал брату: «Николай Николаевич глубоко-добрый человек. Многие отнюдь не подозревают в нем этого качества, напротив того, считают холодным, потому, что он не льстив и не ласков, между тем как истинная любовь строга и, являясь в делах, не нуждается в личине — ласковости и льстивости, которыми непременно прикрывает себя самолюбие для обмана ближних»[1]. Напротив, об Андрее Николаевиче он отзывался несколько иронично: «это прикрытый личиною дружбы враг мой...» Тем не менее кажется, что в их отношениях было больше непосредственности. Андрей Николаевич часто наведывался в Сергиеву пустынь, иногда оставаясь там на время поста. А архимандрит Игнатий не останавливался в необходимых случаях обращаться к нему за поддержкой не только по делам пустыни, но и по обстоятельствам разных лиц, которые просили его о помощи, и, как правило, получал такую поддержку. Сыграл А. Н. Муравьев определенную роль и в назначении архимандрита Игнатия епископом Кавказским и Черноморским. Вначале, правда, он высказывал сомнения о соответствии этого назначения церковному законодательству. Об этом говорится в письме святителя Игнатия Н. Н. Муравьеву-Карскому от 26 января 1856 г. Однако позже его сомнения разрешились: «В назначении и посвящении брата действовал весьма влиятельно Андрей Николаевич», — писал П. А. Брянчанинов 12 января 1858 г. Не оставался Андрей Николаевич равнодушным к судьбе святителя Игнатия и в последующие годы. Это видно из письма Святителя брату от 25 марта 1862 г.: «В Синоде новый обер-прокурор Ахматов, хороший знакомый Андрея Муравьева, который писал ко мне, выражая желание, чтобы я вступил снова, по поправлении моего здоровья, в общественное служение. Я отвечал решительным отказом»[2].

Сохранившиеся письма святителя Игнатия Н. Н. Муравьеву-Карскому охватывают двадцатилетний период. По содержанию они очень различны. Так, письма № 1 и № 11

---

[1] *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Сочинения. Т. 7. Письма. М., 1993. С. 374. || [2] Там же. С. 398.

написаны в те моменты жизни Святителя, когда по личным и внешним причинам особенно обострялось его постоянное желание отказаться от церковно-общественного поприща и уединиться за монастырскими стенами. Письмо от 6 октября 1847 г. отправлено из Бабаевского Николаевского монастыря Костромской епархии, где святитель Игнатий находился в 11-месячном отпуске, полученном им вместо увольнения, о котором он просил. А письмо от 12 июня 1856 г. отправлено из Оптиной Пустыни, куда он предпринял путешествие «с целью устроить там желанное пребывание на безмолвии». Сообщая в этих письмах об обстоятельствах своей жизни, святитель Игнатий основное внимание уделял, однако, своему корреспонденту. Их содержание становится понятным, если учесть, что время написания писем совпадало с нелегкими периодами жизни Н. Н. Муравьева: в 1837—1848 гг. он находился в вынужденной отставке, а в 1856 г. ему пришлось пережить, как и большинству русских людей, тяжелое разочарование в связи с Парижским соглашением, завершившим Крымскую войну. Касаясь в первом письме причин «переменчивости земного счастия», святитель Игнатий склонял Николая Николаевича к занятиям духовным, к «определительному воспитанию своего духа», которое «дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности, ... пред которою земные дела принимают свои правильные размеры». Во втором письме он убеждал его не поддаваться сомнениям и не оставлять своего поприща, не уступать его внутренним врагам России, готовым погубить Отечество: «Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков. ... Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия».

Особый интерес представляют письма № 3—9, написанные в период Крымской и Кавказской войны, т. к. они впервые непосредственно раскрывают отношение святителя Игнатия к историческим событиям и их влиянию на судьбы России.

В конце 1854 г. Н. Н. Муравьев распоряжением Николая I был назначен Главнокомандующим и Наместником на Кавказе. Петр Александрович Брянчанинов так писал ему по поводу этого назначения: «На нынешней почте получена

в Костроме весть о явленной Вам Высочайшей милости и о новом назначении Вашем. Радуясь в глубине души этому избранию Батюшки Царя, вместе со всеми верными сынами России молю Господа сил за Него да даст ему побольше таких верных Наместников, за Вас, да поможет Вам явить в правде Его Божией, силу и славу Его Царя Российского». По-видимому, принимая столь ответственный пост и нуждаясь в моральной поддержке, Николай Николаевич обратился к архимандриту Игнатию с письмом, в котором высказывал свои сомнения. С этого времени начинается их наиболее интенсивная переписка. В ответном письме от 15 марта 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: «С утешением и умилением прочитывал я Ваши строки и перечитывал их: надежда на Бога и скромный взгляд на свои способности — эти плоды опытности и житейских скорбей — суть верный залог и предвестник благоволения Божия и успеха». Он называет себя богомольцем своего корреспондента: «Молю Бога, — пишет он ему 31 июля 1855 г., — чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению Краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага Отечества...»

Из последующих писем видно, с каким вниманием архимандрит Игнатий в своей монастырской келье следил за событиями тех дней: «Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших действиях...» «Мне немудрено, — пишет он далее, — постоянно воспоминать о Вас и часто беседовать о Вас с многими знакомыми моими: потому что в настоящее время Вы привлекаете здесь общее внимание, и разговор о Вас идет во всех слоях общества». Он и сам «позволяет подавать мнение» о возможных военных действиях, и в этих его рассуждениях, несомненно, сказывается его военное образование. Но сам он говорит: «Так я позволяю себе рассуждать от горячей любви моей к Отечеству и от сердечного участия к Вам». Подобные чувства испытывали в то время все русские люди: «К величайшему утешению моему, — пишет он 4 августа 1855 г., — слышу и вижу, что все преисполнены к Вам доверенности, а люди знающие в восторге от Ваших действий».

В желании Святителя своими письмами поддержать и ободрить полководца в трудный и опасный момент проявв-

лялась историческая преемственность. В это время Н. Н. Муравьев находился у турецкой крепости Карс, являвшейся важнейшим стратегическим объектом в войне (турецким гарнизоном в Карсе командовали англичане). Ввиду сильных укреплений крепости он предполагал взять Карс путем тесной блокады, однако два обстоятельства заставили его изменить этот план: падение Севастополя и высадка в Сухуми 45-тысячного корпуса Омер-паши, направившегося на подмогу Карсу. Штурм крепости состоялся 17 сентября, но, несмотря на героические усилия, был отбит с большими потерями. Муравьев, однако, не отошел, но еще более стеснил блокаду и постоянно тревожил гарнизон. Не выдержав блокады, Карс пал 6 ноября.

Победа над Карсом в условиях неудачной Крымской войны была принята с огромным энтузиазмом во всех слоях русского общества. В письме от 6 декабря 1855 г. архимандрит Игнатий пишет: «Долговременная, единообразная, скучная для любителей новостей ежечасных блокада Карса увенчалась результатом, пред которым мал результат блестящего похода в этом краю, предшествовавшего Вашему. Союзники не могут поправить своей потери... Поздравляю, поздравляю Вас!» А в письме от 9 декабря 1855 г. он добавляет: «Взятие Карса произвело в столице всеобщий восторг. Можно сказать, что все поняли важность последствий падения этого, как Вы называете, оплота Малой Азии».

Несмотря на военные действия, Н. Н. Муравьев должен был думать и об управлении доверенным ему краем. Одной из первостепенных мер по его улучшению он считал повышение роли духовного влияния на население. В этих целях он стремился к благоустройству Кавказской епархии, центр которой находился в городе Ставрополе. Зная высокую нравственность и организаторские способности архимандрита Игнатия Брянчанинова, он предполагал выйти с ходатайством перед Святейшим Синодом о назначении его правящим архиереем Епархии. Этот факт, что инициатива назначения святителя Игнатия Епископом Кавказским и Черноморским исходила от Н. Н. Муравьева-Карского, не был раньше отмечен ни одной биографией Святителя. Уже 11 ноября 1855 г., т. е. спустя всего пять дней после падения Карса, он пишет архимандриту Игнатию письмо с целью получить его согласие на это ходатайство. Однако из

письма святителя Игнатия от 26 января 1856 г. видно, что вопрос о его назначении на Кавказскую и Черноморскую кафедру, несмотря на поддержку Государя Императора, не сразу был решен в высшем органе церковного управления — Святейшем Синоде. Хиротония святителя Игнатия во Епископа Кавказского и Черноморского состоялась 27 октября 1857 г., т. е. уже после выхода Н. Н. Муравьева-Карского в отставку.

После взятия Карса все ждали, что наступит перелом в войне и она перейдет на вражескую территорию. Но, как это не раз случалось в русской истории, дипломатия свела на нет героизм и жертвы русских людей. Тем не менее эта победа сыграла решающую роль во время Парижских переговоров: Карс был обменен на Севастополь и другие русские города, занятые союзниками. Главной наградой за эту победу, полученной Н. Н. Муравьевым, было добавление к его фамилии — «Карский».

Русское общество было разочаровано результатами переговоров в Париже. Этим же настроением проникнуто письмо святителя Игнатия от 4 апреля 1856 г.: «Будущее России в руках Божественного Промысла».

Недовольный результатами Парижского соглашения, Н. Н. Муравьев-Карский подал в отставку и отправился в свое имение Скорняково. Перед отъездом он навестил архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни, о чем сообщил его брату. Из ответа Петра Александровича от 9 января 1857 г. видно, что и архимандриту Игнатию было нелегко в это время: «Много Вы мне доставили отрадно-грустного утешения, сообщив Ваши замечания и наблюдения о брате Архимандрите; если не ошибаюсь, время, в которое Вы его видели, совпадает со временем сильных испытаний, которым он был подвергнут в последнее время по столкновению с людьми и обстоятельствами, ... что удивительного, если тело его, и от природы слабое, не удержит пламенной души его». Действительно, обстоятельства складывались неблагоприятно для архимандрита Игнатия: неудачей окончились его переговоры о переходе в скит Оптиной Пустыни, нерешенным оставался вопрос о его назначении на Кавказскую кафедру. Не похоже, однако, чтобы эти неприятности действовали на него угнетающе, напротив: «Силы тела моего, — пишет он 13 февраля 1857 г., — пали на поле невиди-

мой битвы; но я еще жив, и потому подвиг мой не кончен. Не хочу сойти с поприща, доколе чувствую себя живым или доколе рука Судьбы, поставившей меня на поприще, возьмет с него. Одушевляюсь Верой». Также и своему корреспонденту: «Желаю, чтобы отдых в кругу Вашего семейства, в благоприятном климате, подействовал благотворно на Ваше здоровье и укрепил Ваши силы, приготовил их для новой деятельности. Вы были свидетелем многих событий и деятелем в них; нельзя не предвидеть, что нас ожидают события более важные. Их обещают развивающиеся силы России и появление в ней новых начал».

Письма № 17—34 написаны в последнее десятилетие жизни обоих корреспондентов. В этих письмах уже не чувствуется соприкосновения с внешним миром, как в письмах петербургского периода. Объясняется это прежде всего тем, что адресат писем, Н. Н. Муравьев-Карский, после Парижского соглашения оставил общественную деятельность, в которой святитель Игнатий всегда принимал живейшее участие, а также удалением самого Святителя от столичной суеты. В первом из этих писем, от 24 ноября 1857 г., святитель Игнатий сообщает, что уезжает в Ставрополь: «В назначении моем [на Кавказскую и Черноморскую кафедру] исполняется Ваша мысль». Следующие пять писем написаны в период пребывания святителя Игнатия на Кавказской и Черноморской кафедре. Возможно, не желая напоминать Николаю Николаевичу обстоятельств, связанных с его отставкой, святитель Игнатий не сообщает ему ничего ни о положении в районе, ни о своей деятельности по управлению Епархией. Из писем можно узнать лишь подробности его личной жизни и некоторые соображения, касающиеся его литературных трудов.

Крайнее напряжение сил на новом поприще и многолетняя болезненность привели, однако, организм Святителя к полному истощению. В письме от 14 апреля 1860 г. он снова возвращается к мысли об удалении в уединенный монастырь, чтобы «кончить там жизнь в самых серьезных занятиях, образчик которых Вы видите в "Слове о смерти"». 24 июля 1861 г. святитель Игнатий обратился к Государю Императору с просьбой об увольнении. И в письме от 24 августа 1861 г. он сообщает Николаю Николаевичу о положительном ответе Государя на его просьбу и о том,

что ему предоставлен в управление Бабаевский Николаевский монастырь.

Отправляясь к месту своего последнего земного прибежища, святитель Игнатий заезжал в поместье Н. Н. Муравьева-Карского Скорняково, где познакомился с его женой, Наталией Григорьевной (урожденной Чернышевой; 1806–1884), и его дочерьми. «Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к философии, мне чрезвычайно понравилось», — будет он вспоминать через полгода.

Следующие его письма отправлены уже из Николо-Бабаевского монастыря, который «крайне уединен, а именно в этом и нуждаюсь, это и люблю». Из общего тона этих писем выделяется письмо от 14 мая 1863 г., написанное в связи с предполагаемым (но не состоявшимся) возвращением Николая Николаевича на государственную службу и содержащее весьма знаменательные предположения о судьбах России.

Последнее письмо Н. Н. Муравьеву-Карскому написано святителем Игнатием 18 марта 1866 г. А 4 ноября 1866 г. Николай Николаевич скончался.

Ольга Шафранова

№ 1

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Живо в памяти моей Ваше последнее посещение Сергиевой Пустыни. Видел я Вас в ней, когда земная слава, столько непостоянная и изменчивая, Вам улыбалась. Ныне Вы мне показались гораздо величественнее; Вы оставили во мне глубокое впечатление. Уважаю все добродетели; но ни одна из них не возбуждает во мне такого уважения, как великодушное терпение переменчивости земного счастия. На поле битвы человек часто бывает героем от кипения в нем крови; — в переворотах жизни можно быть героем только от величия души. Муж доблестный, оставивший поприще подвигов воинских, перековывает на плуг или соху булатный меч свой, меч — грозу отечества; а всякий истинный гражданин, а за ним История и потомство с почтением взглянут на этот плуг, потом кинут взор презрения и негодования на знаки отличия, которыми усеяна грудь какого-либо подлеца: на ней каждый знак — памятник интриги, низости, бездельничества. Скажите, что в том, что на голове Гришки Отрепьева был венец Мономаха? Какая его слава? — Слава лихого, бесстыдного, бессовестного злодея, не останавливающегося ни пред каким беззаконием, — слава, неразлучная от проклятий. Избави Бог всякого от этой славы. А сколько самозванцев! ...

Простившись с Вами, я захворал еще более. Видя, что уже нет моих сил ни для борьбы с непомерно усилившейся болезнью, ни для борьбы с обстоятельствами, я захотел удалиться из Петербурга и от шумных должностей навсегда. Не всем быть листьями, цветами, плодами на древе Государственном; надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми. Одним из таких занятий признаю утверждение ближних в Христианской вере и нравственности. Это мирное, скромное занятие живым словом и пером поглощало всегда у меня значительную часть времени; а при болезненности моей взяло бы и все время. Не соверши-

лось по моему желанию и не сбылось по моему предположению; а предполагал я, что наверное дадут увольнение: столько было содействователей к получению его! Мне дан временный отпуск в Бабаевский Монастырь Костромской Епархии для отдыха и лечения. Здесь нахожусь теперь. Заключенный безвыходно в келлии моей, действую против простуды, глубоко проникшей в мои члены и произведшей в них нервное расслабление, которое держит меня по большей части в постели. Будущее мое — неизвестно... И я махнул на него рукою! ... Сказал Всесильному Богу: «Твори с созданием Твоим, что хочешь. Верю слову Твоему, что влас главы моей не падет без соизволения Твоего!»

«Душа моя, плыви бестрепетно по волнам Житейского моря, не доверяя тишине его, не страшась бурь его. Не думай о завтрашнем дне, не утомляй себя никакими предположениями, никакими мечтаниями, не истрачивай на них времени и сил твоих. *Довлеет дневи злоба его,* — сказал Бог твой. Веруй! ... Плыви, несись по волнам! ... Жизнь земная — обман. Не увидишь, как уже пред тобой — пристанище гроба. Где вера, там нет ни печали, ни страха. Там мужество и твердость, ничем не одолимые».

Вот размышления расслабленного, размышления на одре болезненном, размышления из пустыни! Найдут оне, конечно, Вас в каком-нибудь мирном приюте; может быть, в Вашем селе, в кругу Вашего семейства, за беседою дружескою или чтением полезным и приятным, за занятием хозяйственным, — напомнят Вам о том, кто сердечно в Вас участвует, в ком Вы насадили много воспоминаний утешительных, впечатлений глубоких.

Человек в лета юности своей занимается приобретением сведений, нужных для возможного расширения круга действий его в вещественном мире, в который он вступает действователем. Сюда принадлежат: знание разных языков, изящных искусств, наук математических, исторических, — всех, — и самой философии. Когда ж он начинает склоняться к старости, когда приближается то время, в которое должна отпасть шелуха, остается плод (шелухою называю тело, плодом — душу); когда он приготовляется вступить в неизмеримую область вечности, область Духа; тогда предметом его исследований делается уже не вещество переменчивое, обреченное концу и разрушению, но Дух пребываю-

щий, бесконечный. Что до того: так или иначе звучит слово, когда все звуки должны престать! Что до того: та или другая мера, когда предстоит безмерное! Что до того: та или другая мелочная мысль, когда ум готовится оставить многомыслие, перейти в превысшее мыслей видение и молчание, производимое неограниченным Богом в существах ограниченных, творениях Его. Изучение Духа дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности. Горизонт для него расширяется, взоры его досягают за пределы земли и времени, оттуда приносят твердость неземную. Примите мой искреннейший совет: займитесь глубоко чтением всех сочинений Св. Иоанна Златоустого; оне все есть на Французском языке; толкование на Евангелие Матфея, на послание к Римлянам, еще кое-что есть и на Русском. Доколе Судьба не вывела Вас опять на поприще отечественной службы займитесь на свободе определительным воспитанием Вашего духа. Рекомендую Вам того Церковного Писателя, который необыкновенною чистотою, ясностию, силою Христианского учения возносит читателя превыше земли; на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает своему питомцу землю. Думаю: величайшее приобретение для Государственного человека взглянуть на землю с этой высоты; не говорю уже, какое это приобретение для Христианина и человека, — наследника вечности. Вас Судьба посетила своими ударами; Она сказала: «кого люблю, — бью и наказую». Закалитесь под этими ударами в крепкую сталь, сделайтесь бесценным сокровищем для ближних, которые Вас окружают и будут окружать. Кто знает назначение человека? — Оно написано в запечатленных книгах промысла. Цинцинаты оставляли меч для плуга, потом плуг оставляли для меча! ... Вам говорит это тот, кто всю жизнь провел в скорбях, кто сам весь в ранах, — и радуется им, и благодарит за них Бога. Развевается знамя креста над письмом моим: всегда слово мое выходит под этим знаменем! Слово мое — и возвещение мира, и провозглашение войны — призывает к храбрости, победе, завоеванию мира таинственное воинство Израильское: помышления и чувствования Христианина.

Несколько слов о Петре, человеке Вам преданном и Вами любимом: доставлено ему было место в Кременчуге, но он от него отказался по болезни и поехал в Одессу лечиться от

ревматизма. Это было весною и в начале лета. После этого ничего о нем не знаю: сам был в волнах и крайне болен. А болезнь отнимает у человека и время, и способности, и деятельность. — Нахожу излишним просить Вас о сохранении меня в памяти Вашей: Вы доказали, что я имею приют и в памяти, и в сердце Вашем! Призываю на Вас и на семейство Ваше Божие благословение. С чувством глубокого уважения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и Богомольцем

Архимандрит Игнатий
1847 Года Окт. 6 дн.

Мой адрес: в Ярославль, на станцию Тимохино.

№ 2

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

При предстоящем великом подвиге для Российского войска, подвиге, в котором Вы должны принять столько значащее участие, призываю на вас обильное благословение Божие. Во время мира Вы отложили меч, взялись за плуг; когда ж начала скопляться военная гроза — вы оставили плуг, снова взялись за меч, взялись за него с христианским смиренномудрием, взялись, движимые и руководимые истинною преданностию и любовию к Царю и Отечеству. В благословенной России, по духу благочестивого народа, Царь и Отечество составляют одно, как в семействе составляют одно родители и дети их. Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых. Гораздо вернее идти на штыки с молитвою, нежели с песнею: песнь приносит самозабвение и прилична Римлянину; а молитва доставляет воодушевление и прилична благочестивому Христианину. Христианская вера порождает героев, сказал герой Суворов, — и постоянных героев, а не минутных. Российская история представляет единственный пример Христианского мученичества: многие Русские, — не только воины, но и архиереи, и бояре, и князья — приняли добровольно

насильственную смерть для сохранения верности Царю: потому что у Русского по свойству восточного Православного исповедания мысль о верности Богу и Царю соединена воедино. Русский Царь может сказать о себе то, что сказал о себе Святый Царь Израильский Пророк Давид: *Бог покоряяй люди моя под мя.*

Понимая Вас, что Вы будете совершать великий подвиг, как истинный подвижник Царя небесного и Царя земного, призываю на Вас из глубины моего сердца благословение Божие. Да дарует мне милосердный Господь еще увидеть Вас в сей земной жизни, увидеть по совершении великого подвига в лучах славы от Царя небесного и Царя земного.

Прошлого лета я возвратился в Сергиеву Пустыню и нахожусь в состоянии какого-то полуздоровья, при котором я способен к самой ограниченной деятельности. С чувством совершеннейшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Архимандрит Игнатий
1849 апреля 30 дня.
Сергиева Пустыня.

№ 3

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вы можете себе представить, какою приятностию было для меня получение письма Вашего. Среди Ваших недосугов Вы нашли досуг, в который так прекрасно раскрылось Ваше сердце для любящего Вас ближнего, сердце, готовившееся в то же время раскрыться перед Богом. С утешением и умилением прочитывал я Ваши строки и перечитывал их: надежда на Бога и скромный взгляд на свои способности — эти плоды опытности и житейских скорбей — суть верный залог и предвестник благоволения Божия и успеха. Не мудрено, что по всей дороге встречали Вас благословения и приветствия: все Русские сочувствуют Вам и ожидают от Вас великих услуг отечеству. Вы вступаете на Кавказ в момент исторический. Курдистан восстал против Турок, и

готово восстать против них все народонаселение христиан в Малой Азии. Не суждено ли Вам нанести первый смертоносный удар владычеству Турок в самом центре силы их? Здесь уже многие начинают поговаривать, что роковой пункт для судеб Турции не Дунай, а в ея областях на границе Грузинской.

Какие дни Вы посвятили Богу! Те самые, в которые Десница Его отозвала Государя Николая Павловича с его великого земного поприща[1] и передала развязку нынешних трудных обстоятельств Его благословенному Первенцу. Рыдания, огласившие и столицу и всю Россию, делают честь и почившему Царю, и его верному народу. Особенно поучительна скорбь нынешнего Императора и та почесть любви и благоговения, которую он воздает почившему Родителю Своему и которою Он утешает достойнейшую Родительницу. Сердца всех влекутся доверенностию и преданностию к Новому Государю. Он внушает их своею положительностию, храбростию и добротою. Он, не отвергая мира, дал обет не уронить достоинства России и противостать со всею энергиею врагам отечества. Одно это делает его бесценным в глазах каждого истинного Русского.

Я убежден, что брат Петр Александрович вполне сохранил к Вам прежнюю свою преданность и от всей души рад служить под начальством Вашим. Если он не просится к Вам на службу, то это единственно потому, что в сердце его еще живо чувство подчиненного к Вам; а это чувство ждет требования или приказания. С этою же почтою пишу к нему о Вашем отзыве о нем.

Заключу мое письмо повторением моих сердечных желаний Вам успеха и призыванием на Вас обильного благословения Божия. Да зазвучит оружие Ваше и по звуку его да спадут цепи с Христиан. С чувством искреннейшей, постоянной преданности и отличного уважения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855-го года 15 марта
Сергиева Пустыня.

[1] Император Николай I скончался 18 февраля 1855 г.

№ 4

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Уже не страшусь обеспокоить Вас моими строками, видя особенно снисходительное внимание Ваше к моему брату и мне. Я получил от него письмо, в котором выражает решительное намерение свое переместиться в Ставрополь, полагая, что на этом пункте он может быть сколько-нибудь полезен для Вас, по крайней мере, своею преданностию, верностью и правилами честности, этим, увы! — анахронизмом в наш век. В письмо ко мне брат вложил незапечатанное письмо к Министру Внутренних Дел с тем, чтоб я, прочитав его, запечатал нашею фамильною печатию и препроводил по назначению, что мною немедленно и исполнено. В этом письме Петр благодарит Министра за внимание к нему и просит о переводе его в Ставрополь, представляя в причину пророднившуюся ему преданность к Вам. Я ожидал этого от Петра, и радуюсь за него, потому что такой образ действия нравственно возвышает человека, упрочивает и изощряет его душевные силы; пред этими моральными сокровищами житейские выгоды — вздор! В Костроме ему было приятно жить потому, что в Вологде и по южному рубежу этой Губернии живут наш отец и родственники, неслужащие или служащие на месте; собственно, служба, представляла мало пищи уму и особливо сердцу: в настоящее время упомянутые выгоды ничтожны в глазах всякого патриота.

Благословляю Бога, даровавшего мне быть зрителем действий Ваших, которые возбуждают во мне чувство уважения, и откликающихся на них действий моего брата, которые меня утешают. Молю Бога, чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению Краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага отечества, поставленного судьбами в тягостное, но не бесполезное состояние: нас многому учат, нас влекут насильно к обширному развитию, чрезвычайно богатому последствиями. Даруй Боже, чтоб развитие совершилось благополучно и последствия были вполне благотворны.

Настоящая война имеет особенный характер: в течение ее постепенно открываются взору народов и правительств тайны, которых в начале войны они никак не могли проникнуть. К счастию — откровение этих тайн совершается к пользе дорогого отечества нашего и ко вреду наших врагов. Последнее требование союзников, чтоб им были предоставлены замки, охраняющие Босфор и Дарданеллы, обнаружило пред изумленной Европой замыслы Англо-Французов, замыслы овладения Турцией и всем востоком. Уже и прежде изумилась Европа, увидев бесцеремонное обращение правительств Английского и Французского с малосильными державами, и варварское обращение их воинов с жителями занятых ими городов. Цепи, готовимые Англо-Французами для Германии, сделались для ней очевидными. Германия должна желать торжества России и содействовать ему: торжество России есть вместе и торжество Германии. Так это ясно, что мы не удивимся, если на будущую весну увидим Германию вместе с Россиею идущею на Париж, расторгающею злокачественный союз, и потом всю Европу, устремленную для обуздания Англичан — этих бесчеловечных и злохитрых Карфагенян, этих всемирных Алжирцев. После бесплодного и долгого стояния неприятельских флотов перед Кронштадтом, эти флоты удалились; теперь они обстреливают Свеаборг. Гранитные скалы, из которых высечены верхи этой крепости, и не слышат бомбардирования огромными снарядами, против них употребляемыми; сгорели в крепости деревянные некоторые постройки, которым, признаться, и не следовало бы быть, и которые явились единственно в чаянии нерушимого мира. Кажется — Вам придется много потрудиться в Малой Азии: по всему видно, что война продлится! Решительный исход ее и прочный мир виднеют в самой дали: за периодом расторжения Англо-Французского союза и за побеждением Англии на море. Без последнего события она не перестанет злодействовать и играть благосостоянием вселенной. Вот Вам здешние суждения! Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших действиях, перепечатываемые целиком в «Инвалиде» и «Санкт-Петербургских ведомостях» из газеты «Кавказ». Эти статьи мне очень нравятся: они для невоенных очень объяс-

няют причины, цели и результаты различных военных движений, что не всегда ясно для невоенного в форменных донесениях.

И снова призываю на Вас благословение Божие; с чувством сердечного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1855-го года 31 июля.

№ 5

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вы надивили меня письмом Вашим! Среди множества занятий Ваших, среди военного шума, в отдаленном стане Вашем под Карсом, Вы уделили часок на воспоминание о мирном иноке и даже написали дышащее добротою и откровенностию письмо, которое теперь держу в руках моих. Мне немудрено постоянно воспоминать о Вас и часто беседовать о Вас с многими знакомыми моими: потому что в настоящее время Вы привлекаете здесь общее внимание, и разговор о Вас идет во всех слоях общества.

К величайшему утешению моему, слышу и вижу, что все преисполнены к Вам доверенности, а люди знающие в восторге от Ваших действий. В них видят логику, в них видят предусмотрительность. В нынешней войне не нужны действия блестящие, нужны действия, существенно полезные. Иные в энтузиазме говорят, что по взятии Эрзерума Вы пойдете на Галлиполи или Скутари, чтоб запереть неприятельские флоты и войско и отнять у них возможность получать подкрепления; другие утверждают, что из Эрзерума Вы направитесь на Трапезунд. И я позволяю себе подавать мое мнение, потому что люди снисходительные выслушивают его. Поход к Босфору и Дарданеллам признаю невозможным до того времени, как события определят: сделают ли высадку союзники для действий против Грузии; поход к Трапезунду, как и ко всякому другому приморскому месту, считаю малополезным, если не вполне бесплодным, в войне

с неприятелем, имеющим все преимущества на море; лишь демонстрация такого похода может быть полезною в том случае, когда неприятель отрядит значительные силы для охранения приморских мест; такая демонстрация может удерживать в бездействии неприятельские войска, охраняющие прибрежье. По моему мнению, для кампании нынешнего лета имеются в виду действия несравненно большей важности: это — приготовление к кампании будущего года, результаты которой могут быть гораздо сильнее и решительнее, и действия во все стороны от Эрзерумского Паталыка на народонаселение Малой Азии, которая вся наэлектризуется духом неприязни к владычеству Турок, особливо ко владычеству на Западно-Европейский лад, и сделается таким образом падение Турецкой империи неизбежным, если не в нынешнюю кампанию, то в последующие. Главное, чтоб здесь не поторопились заключить мир, не дождавшись плода после таких пожертвований и усилий. Так я позволяю себе рассуждать от горячей любви моей к Отечеству и от сердечного участия к Вам. Всего чаще беседую о Вас с князем Александром Федоровичем Голицыным, который питает к Вам истинное уважение. Его сын похоронен в нашей обители; отец, заезжая в обитель на могилу сына, заходил иногда ко мне, полюбил меня и теперь заходит очень часто. Он близок с Графом Орловым, хорошо знаком с Даненбергом, и от него-то я слышу наиболее о характере отзывов большого круга. — Из нашего монастыря в ясную погоду был очень хорошо виден Английский флот, особливо та часть его, которая стояла на северном фарватере. Теперь они удалились и едва ли предпримут что-нибудь против Кронштадта. Наши паровые канонерские лодки отлично хороши, не нравятся очень Англичанам, а нам напоминают рождение флота русского при Петре I-м и обещают возрождение его в наше время.

О Крымских делах поговаривают здесь, что ничего решительного нельзя ожидать раньше наступления зимы; а такое положение дел в Крыму заставит и Вас ограничиться, не удаляться от Грузии. Бог даст — возьмете и Карс и Эрзерум; но такие успехи при Вашем образе действий суть успехи вполне второстепенные.

Относительно брата Петра, то его коренное желание, разумеется, быть при Вас. Вы так подействовали на него

морально, что в его сердце родилось самое глубокое и верное чувство преданности к Вам, доказываемой, как видите, на деле. Если Вы усматриваете, что перемещение его в Ставрополь не удовлетворит его желания и не прокладывает пути к исполнению этого желания, то, приостановив его переход, Вы поступили очень справедливо и добро.

Остается мне еще от души поблагодарить Вас не только за память Вашу о мне и брате моем, но и за любовь Вашу, которую Вы доказываете самым делом. Призываю обильное благословение Божие на Ваши действия к истинной пользе отечества и человечества. Англо-Французы показали ясно, чего может ожидать от них Черноморье, если они утвердятся в этом краю, который может благоденствовать только под владычеством России.

С чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855-го года 4 августа
Сергиева Пустынь.

№ 6

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вам не будет противно, что инок в тишине своей кельи думает о Вас в то время, как Вы на ратном поле должны решать самые сложные военные задачи, приготовленные усовершенствованным военным искусством и утонченно-хитрою политикою новейшего времени. По крайней мере, когда смотришь, обратившись лицом к западу, видишь это. Живем в эпоху матерьяльного прогресса, и многие прежние аксиомы, даже в военном искусстве, должны получить или чистую отставку, или значительное изменение. Однако время, изменяя правила в частностях, в главном щадит их. За тысячу лет до Рождества Христова, следовательно, за три тысячи лет до нас, Израильское войско, под начальством победоносного вождя своего Иоава, при Царе, Пророке и Герое Давиде, сделало тщетную попытку взять

столичный город Аммонитян, Раввах. По этому случаю Царь Давид приказал гонцу, принесшему эту весть, сказать Полководцу: *Да не будет зло слово сие пред очима твоими* (т. е. этот случай), *яко овогда убо еще, овогда же инако поядает меч. Укрепи брань твою на град, и раскопай и* (2 Цар. 2. 25).

На людей, которые не имеют ясного понятия о предметах, ничем угодить невозможно: потому что они именно требуют того, чего не доставляет самое дело. Но все люди положительные понимают, что приступ к Карсу есть применение старой, доселе почти постоянно успешной методы против нового усовершенствованного оружия; невозможно, по одному соображению, отвергнуть старую методу, в которую многие веруют всем сердцем. Необходимы факты для определения достоинств прежнего и нынешнего оружия. Опыты должны указать на способ действия, наивыгоднейший для настоящей войны. Когда пуля неожиданно поумнела, надо узнать, в какой цене остался штык.

О переходе брата Петра в Ставрополь ничего не знаю: письмо его к Министру, в котором он просит об этом переводе, я доставил Димитрию Гавриловичу; но вот и он оставил свое место. Между тем брат продолжает мне писать, что он желает и ожидает этого перевода.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с желанием живейшим успехов, с чувством совершенного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855 года 13-го октября.

Прилагаю при сем пришедшую в мои руки записку:

В жизни Государства, — сказал Государственный человек (Карамзин), — случаются, как и в жизни частного человека, самые затруднительные обстоятельства, которых исхода не может разгадать и предсказать никакой ум человеческий. Тогда и Государство и человек должны повергнуть участь свою в бездну Судеб Божиих и сказать о себе Богу: «Да будет воля Твоя».

Такое самоотвержение и предание себя Промыслу Всевышнего не устраняет деятельности ни Государства, ни

человека. Напротив того, оно вызывает эту деятельность. *Не даждь во смятение ноги твоея, ниже воздремлет храняй тя. Надеющийся на Господа, яко гора Сион,* — говорит Слово Божие (Псалмы 120 и 124).

«Что значит победа?» — спросил Наполеон I у Бертье на родном нашем Бородинском поле, и, не дождавшись ответа, сказал: «Победа — соединение бóльших сил на стратегическом пункте, нежели сколько их имеет неприятель». На отечественной почве всемирный гений произнес свое определение, произнес его, конечно, и для нас. Уравновесим наши силы с силами врагов! Когда уравновесим их, то сверх этого равновесия будут за нас и неисчерпаемые средства нашей России, и пространство, и время, и вдохновение многочисленного и храброго народа, верующаго великому назначению своему. При равных силах к противодействию мы можем быть уверены в отражении врага. Только что наши силы будут равны силам врага, мы получим вместе с этим равенством и преимущество силы, а потому и несомненную победу.

№ 7

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В одно и то же время приношу Вам искреннейшее поздравление с днем Вашего Ангела и с окончательным уничтожением Анатолийской Армии, замыкавшей Вам путь в Малую Азию. Долговременная, единообразная, скучная для любителей новостей ежечасных блокада Карса увенчалась результатом, пред которым мал результат блестящего похода в этом крае, предшествовавшего Вашему. Союзники не могут исправить своей потери: врата Малой Азии растворились пред Вами, сорвались с верей своих; этих ворот уже нет. Вся Малая Азия может подняться по призыву Вашему против врагов человечества — Англичан и временных их союзников, вечных врагов их, ветреных Французов; влияние России на Востоке, потрясенное на минуту, и то единственно в мнении Европейских народов, восстанавливается в новом величии, в новой грозе, грозе благотворной. Взятие Карса — победа в роде Кульм-

ской[1] и *(нрзб.)* с влиянием на судьбу всей кампании, всей войны.

Поздравляю, поздравляю Вас! Может быть, Вы празднуете день Вашего Ангела в Эрзеруме. Это вполне вероятно.

Призывающий на Вас обильное благословение Божие Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга и богомолец

Архимандрит Игнатий
1855 года 6-го декабря.

[1] Кульм (совр. Хлумец) — селение в Чехии, вблизи которого 17—18 (29—30) августа 1813 г. союзные войска, возглавляемые маршалом М. Б. Барклаем-де-Толли, разгромили корпус наполеоновской армии под командованием маршала Д. Вандама. Победа под Кульмом явилась поворотным моментом всей кампании 1813 г.

№ 8

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Только что я отправил Вашему Высокопревосходительству письмо от 6-го декабря, как получил Ваше письмо от 11 ноября.

Благодарю, сердечно благодарю Вас за то внимание, которое Вы обратили на меня, полагая сделать меня полезным Кавказскому краю для водворения в нем Христианства.

Мера прекрасная! и ей обязано отечество наше может быть не одним миллионом сынов своих, принявших Христианство.

Но выбираете ли Вы для этой цели орудие годное?

Скажу Вам со всею откровенностию. Вступая, и потом вступив в монастырь, я приготовлял себя к самой уединенной жизни иноческой. По назначении меня в Сергиеву Пустыню это направление подверглось испытаниям; но я сам келейными моими занятиями не преставал возделывать его. С 1846-го года я провел несколько зим почти безвыходно из комнат, по причине сильнейшего ревматизма. И теперь вообще выхожу из своих комнат редко, а зимою и очень редко, по болезни и по явившемуся от болезни крайнему истощению сил. Видя необходимость для себя

оставить Сергиеву Пустыню и по ее тяжелому климату, и по потере мною способности к деятельности, я счел нужным предупредить письмом Митрополита[1] о моем положении и намерении переменить место, указав Оптину Пустыню. И настоятелю Оптиной Пустыни, находящейся в Калужской губернии, я писал, что желаю поместиться, как больничный, в Скит, находящийся при этой Пустыни. Настоятель изъявил свое согласие. Скит есть монастырек, самый уединенный и самый нравственный: в нем живут наиболее дворяне.

Вы совершенно справедливы, что Кавказские воды и климат Ставрополя могут мне помочь. Но можно ли признать вполне верным, что воды и воздух поправят мои силы и возвратят способность к деятельности, ныне потерянную. Зная мое настоящее положение, Святейший Синод, как я думаю, не сочтет возможным дать мне предлагаемое Вами место. Если ж Ваше желание исполнится: то будет чудом исполнение его.

Взятие Карса произвело в столице всеобщий восторг. Можно сказать, что все поняли важность последствий падения этого, как Вы называете, оплота Малой Азии. Западным державам не понравилось такое событие: как я слышал, лица Австрийского Посольства не были при отправлении торжественного молебствия, между тем, как их представители участвовали во всех торжествах по случаю успехов Англо-Французского союза. Бедные Турки! они преданы под меч Вам своими коварными помощниками, ищущими не того, чтоб спасти их, а того, чтоб они сделались жертвою их, не кого другого. Они падут под этим мечом, и армия союзников останется хозяйничать в Турции. С.-Петербургская газета тщательно перепечатывает из газеты «Кавказ» подвиги подчиненных Вам войск. В этом отношении она гораздо милостивее «Инвалида». Впрочем, на будущий год я выписываю самую газету «Кавказ».

Призываю на Вас и на труды Ваши обильное благословение Неба! Да вознаградятся они обильным плодом! Да не прольется драгоценная кровь героев к подножию подлой политики Европейской, требующей, чтобы эта кровь проливалась туне, чтоб жатва успехов принадлежала одной Англии.

С чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1855 года 9-го декабря.

[1] Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (в мире Николай Степанович Клементьевский; 1787–1856).

№ 9

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Последнее письмо Ваше от 20-го декабря очень утешило меня, то есть позабавило! Значит, и Вы не избегли критики нашего законоведца церковного, а Вашего брата Андрея Николаевича! Прежде, когда я еще не знал всей доброты его, такие выходки сердили меня; ныне, как я выразился, они утешают.

Мой взгляд на предмет таков: Гражданские законы теряют много своей привязчивости, когда они в руках человека благонамеренного и благоразумного; законы церковные гораздо спокойнее. Общий дух их — мир, польза, спасение Христианского общества, этому духу подчиняется буква постановлений. Церковная История представляет факты такого исполнения Церковных Законов Святыми Мужами, которые, совершая закон в духе, а не в букве, отнюдь не подвергались за это осуждению.

Коренной Церковный Закон повелевает избирать Епископа для города в самом городе собором Епископов и обществом Христиан города и области. Несмотря на ясный закон, благочестивые цари и правители нередко избирали лицо для Епископского сана, признаваемое ими способным и достойным; Собор Епископов никогда не останавливался посвящать избранного. Особливо много тому примеров у нас в России. Святый Димитрий Ростовский в речи, при вступлении в управление паствою, сказал, что он вступает на престол митрополии Ярославской и Ростовской по изволению Божию, по повелению Царя, по соизволению и бла-

гословению всего Священного Собора. Так как закон церковный в сущности стремится к тому, чтобы избиралось в Епископский сан лицо достойное и способное, то некоторые изменения в буквальности, для достижения сущности никогда не отвергались.

Сличенное с фактами Церковной Истории и с духом Церковного Законодательства Ваше действие — безукоризненно. Сверх того оно и верно по отношению к современным условиям. Заключаю так из следующего: я слышал, и этот слух признаю довольно верным, что Государь, может быть, вследствие Вашего отзыва Статс-секретарю, говорил о мне митрополиту Никанору, удостоивая и собственного милостивого отзыва. Но митрополит противопоставил Государю недавно сделанное постановление Синода не возводить в сан Епископа лиц, не получивших образования в Духовных Академиях. Лица необразованные и без того не возводились в этот сан. Очевидно, что постановление сделано с целью заградить путь в этот сан образованному дворянству. Скажу более: постановление сделано графом Протасовым[1] и ныне — именно для меня.

Я не удивился отзыву митрополита Никанора и не мог обидеться им; по усвоившимся мне понятиям я признаю себя вполне недостойным сана, для которого нужен Ангел, или и человек, но равноангельский, а я — грешник. Также не могу не признать себя невеждой перед великой наукою Богословия, несмотря на тридцатилетние непрерывные занятия этим предметом. Бог бесконечен, и наука о Нем бесконечна; человек — ограничен и потому естественно не способен стяжать полное и совершенное познание Бога. Действием Никанора доказывается верность Ваших действий. Если б Вы взошли формальным представлением прямо в Синод, не введя в участие Государя, то можно наверно сказать, что от Вас отделались бы тою же отговоркой. Каков бы ни был исход Ваших забот о мне, я принимаю их с глубоким чувством признательности. Вам говорит о мне единственно Ваше сердце. Я слышу голос его, и этот заветный голос будет отдаваться в душе моей во всю жизнь мою.

Вот у нас толки о мире! Всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ, во-первых, православному отечеству, во-вторых, единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству.

При появлении слухов о мире патриоты сначала уныли; но действия Наполеона ободрили умы. Опозорив Англию и Австрию в глазах России, дав им сделать всевозможные подлости против России, проливавшей за них в течение полвека кровь свою, он внезапно покидает этих мнимых союзников, столько же естественных врагов Франции, как и России. Вследствие готовящихся открыться переговоров, а затем переворотов, не придется ли Вам предпринять путешествие в Индию?

Призывая на Вас обильное благословение Божие, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1856 года 26 января.

P. S. После письма Вашего я еще не видел Андрея Н-ча, потому что не был в городе. Надеюсь вскоре увидеть.

[1] Протасов Николай Александрович (1799—1855), граф — генерал от кавалерии, член Государственного Совета, с 1836 г. — Обер-прокурор Святейшего Синода.

№ 10

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с великим праздником праздников — Воскресением Христовым. Вот у нас мир, доставленный обстоятельствами, которых подробное знание недоступно для частного человека. И Петр Великий заключил при Пруте мир! Факты объясняются фактами, сказал один глубокоуважаемый писатель. Будущее России — в руках Божественного Промысла.

Желая Вам всех истинных благ, и не отчаиваясь видеть Вас еще во время земной жизни, с чувством отличного уважения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1856 года апреля 4 дня.

№ 11

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Получив письмо Ваше из Ставрополя, я не хотел отвечать Вам из среды рассеянности Петербургской, а желал исполнить это из уединенной Оптиной Пустыни, куда сбирался съездить по требованиям и души, и тела. Находясь уже в этой Пустыне, получил и другое письмо Ваше от 4-го мая. В нижеследующих строках отвечаю на оба письма.

Прежде всего считаю нужным сказать Вам несколько слов о месте моего пребывания: это описание объяснит пред Вами причину основную и причину конечную или цель моего путешествия. Оптина Пустыня находится в Калужской губернии, в четырех верстах от города Козельска на возвышенном и песчаном берегу реки Жиздры с западной стороны, с прочих сторон она окружена высоким сосновым лесом. На восток от Пустыни, в саженях ста от нее, среди леса находится Скит, принадлежащий Пустыне. Оптина Пустыня есть один из многолюднейших Российских монастырей по количеству братии и, конечно, первый монастырь в России по нравственному качеству братии; особливо это достоинство принадлежит Скиту ее, в котором живет много дворян. Некоторые из них очень образованы, знакомы с новейшими и древнейшими языками, занимаются духовною литературою, преимущественно же переводами самых глубоких сочинений святых Отцов. Духовным назиданием братства занимается, так именуемый Старец их, иеромонах Макарий, 68-ми лет, из дворян, с юности монах, обогащенный духовным чтением и духовными опытами; он живет в Скиту; ему обязана Оптина Пустыня своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении, стекается в Оптину Пустыню к Отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность совсем противоположны той натянутой и жесткой святости, за которою ухаживают различные Графини и Княгини. Скитская семья иноков подобна, в религиозном

отношении, корням дерева, трудящимся в мраке неизвестности и добывающим, однако, для дерева необходимые жизненные соки. На заглавных листах трудов скитян нет имени автора; оно заменено скромною строкою: издание Оптиной Пустыни. В самом монастыре устав общежительный, то есть общая трапеза, общая одежда, общая библиотека, церковная служба ежедневная и продолжительная, общие и специальные труды. В Скиту служба церковная отправляется дважды в неделю, в субботу и воскресение; в прочие дни недели производится денно-нощное чтение псалтыри братиею поочередно; трудятся братия по келлиям, но труды их преимущественно умственные. Женскому полу воспрещен вход в Скит; да и из Скитской братии кто нуждается выдти из Скита, каждый раз должен просить на то благословения у Старца; монастырской братии предоставлен вход в Скит во всякое время дня для удовлетворения их духовных нужд. Трапеза в Скиту самая постная.

Из этого описания Вы можете видеть, как близок мне Скит! Тщательное чтение и изучение самых глубоких Писаний святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В Скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в Скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, пред которыми могу изливать мою душу. Начальник Оптиной Пустыни и главные иноки оной знакомы со мною около 30-ти лет; а с о. Макарием я нахожусь, смею сказать, в самых дружеских отношениях. Наконец — здешний климат благодетелен для моего здоровья. Все причины, вне и внутри меня, соединяются для того, чтоб заставить меня употребить все усилия к перемещению моему в Скит. Чтоб хотя конец моей жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова. — Напротив того, все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтоб вырваться из Петербурга и Сергиевой Пустыни. Что требуется там от духовного лица? Парадерство, одно парадерство; не требуется от него ни разума, ни познаний, ни душевной силы, ни добродетели. Все это вменяется ему в порок: его внимание должно быть сосредоточено на одно парадерство, на одно человекоугодие, между тем, как то и другое соделывается,

по естественному, психологическому закону, чуждыми уму и сердцу, занятым рассматриванием глубоким и просвещенным человека — существа духовного, облеченного в тело на короткое время, помещенного в вещественный мир на короткое время, долженствующего изучить вечность и ее законы во дни пребывания своего в теле. Парадерство и духовное созерцание не могут пребывать в одной душе; они в непримиримой вражде; одно другим непременно должно быть вытеснено. Каким было мое положение в Петербурге в течение 23-летнего пребывания моего там? Оно было положением движущейся статуи, не имевшей права ни на слово, ни на чувство, ни на закон. Если я слышал несколько приветливых слов, то эти слова были слабее тех, которые произносятся любимому пуделю или бульдогу и на которые по необходимости отвечается молчанием, сохраняющим достоинство статуи в молчащем. По непреложному закону праведного воздаяния в области нравственности, те, которые обращают человеков в статуй, сами обращаются в статуи, лишаясь развития ума и сердца и заковываясь в одну чувственность. Представьте себе: каково душевное положение человека, оставившего все для развития в себе усовершенствованного христианством человечества и лишаемого, в течение $^1/_4$ столетия, морального существования, всех прав и всякой надежды на него!

К тому же климат Петербургский разрушает остатки сил моих и здоровье.

Написал я Вам так подробно о себе, чтоб Вы видели мой образ суждения о человеках, так как всякий человек судит о ближних по самому себе.

Перехожу к брату Петру. Первоначальная служба его была без определенной цели, как служат у нас большая часть дворян. Когда он поступил к Вам в Адъютанты, тогда он ожил для обязанностей гражданина. Его бескорыстное сердце, способное любить с горячностию и верностию, привязалось к Вам на всю жизнь свою и на всю жизнь Вашу. Такое сердце чуждо лести и интриги; его открывает время, потому что оно с первого взгляду может показаться холодным, между тем как льстец и обманщик с первого взгляду могут показаться очень теплыми. Обстоятельства отторгли Петра от Вас, не отторгнув от Вас его сердца. Гражданская цель, открывшаяся было пред ним, опять скрылась;

он служил, был в отставке, женился, потому что так пришлось, по образцу многих — большей части людей. В течение этого времени здоровье его расхлябалось совершенно, как Вы сами знаете. Нравственные причины побудили его вступить в службу уже не столько для службы, сколько для сохранения самого себя от праздности и ее последствий. Его преданность Вам привлекла его на Кавказ; но хилость его показывает ему ясно, что земное поприще для него прекратилось: почему нисколько не будет странно, если его душа, с молоду напитанная благочестием, возжаждет уединения, особливо при перемещении моем в Скит или другое пустынное место, по указанию Божию. Я бы очень желал для него, если б он мог приготовиться в страну загробную под руководством опытного Макария, в обществе людей, отселе начавших свою небесную, бессмертную жизнь — духом.

В конце зимы, то есть в течение Великого Поста носились в Петербурге слухи, что Вы получите другое назначение. В причину такого перемещения эти слухи приводили тяжесть Вашего характера для подчиненных, из коих многие удалились от их полезной службы. Но после Пасхи столичные слухи стали разглашать иное: что Вы тяжелы для взяточников и для всех расположенных к злоупотреблениям и по этому самому пребывание Ваше на Кавказе и полезно, и нужно. Впрочем, судьба каждого человека в деснице Божией! С моей стороны я желал бы, чтобы Вы остались на Кавказе. На это имеются все условия в Вас самих и в предшествовавшей Вашей жизни. В течение всей Вашей жизни Вы занимались изучением военных и гражданских наук, имели множество опытов своих, были очевидцем опытов других людей, ознакомились вполне с Кавказом. Промысл Божий (человек — только орудие!) поставил Вас правителем этой страны в такую годину, в которую само Высшее Правительство убедилось, что России невыносимо тяжки ее внутренние враги — взяточники, воры, слуги без чести и без совести, водимые глупейшим эгоизмом. Если не обуздать их благовременно, то они погубят отечество. Вы призваны к борьбе против них! Не отступайте и не уступайте. Ваш подвиг не блестящ, но существенно нужен и полезен. В Вас пускают стрелы и кинжалы. Вам наносят сердечные раны; эти невещественные оружия и язвы

видны Богу и оценены Им: ибо не только, по словам одного видного святого, подвиг и смерть за Христа есть мученичество, но и подвиг, и страдания за правду причисляются к мученичеству. На настоящем Вашем поприще Вы можете совершить гораздо более добра, нежели на всяком другом, потому что Вы к нему предуготовлены. Не оставляйте его; если же интрига неблагонамеренных сведет Вас с него, то Вы сойдете с него с мирною совестию, не нося в себе упрека, что Вы не устояли пред силою зла и предали ему общественное благо; Вас будет утешать приговор Спасителя, Который сказал: *Блаженны изгнанные правды ради! блаженны, когда ради ее, имя ваше будет осыпано злою молвою в обществе человеков. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда Ваша многа на небеси.* Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков: и история, и мнение людское безжалостны к эгоистам, ищущим всеми ухищрениями земной славы; напротив того, они благоговеют пред служителем добродетели, благородно забывающем о них и имеющем в виду славу от Бога в вечности: они отдают ему справедливость рано или поздно.

В деятельности человечества на земли принимают участие не только духовные существа, временно облеченные телами, то есть человеки, но и такие существа, которые не облечены телами, и потому называются духами, хотя в собственном смысле один Бог — Дух. Духи действуют на ум приносимыми ими помышлениями и на сердце приносимыми ими ощущениями. Как вся деятельность человека зависит от мыслей и ощущений, то духи, господствуя в этой духовной или мыслейной области, стоят во главе деятельности человеческой. Разделяясь подобно человекам на добрых и злых и будучи совершеннее, нежели человеки, в добре и зле, одни из них с усилием борются против зла, а другие против добра. Священное Писание называет их Началами и Властями; самое язычество признает и существование их, и участие в деятельности человеческой, называя их гениями и разделяя гениев на добрых и злых. Точно: начало всякого важного или маловажного дела со всеми его последствиями есть мысль, а мысль, принятая уже за истину, есть мнение, властвующее над человеком и над человеками. Все это сказано для объяснения, что Подвижник

Правды должен взять меры предосторожности и вооружиться не только против злонамеренных человеков, но и против злонамеренных духов, хитро приносящих свои внушения лукавые и пагубные, замаскированные личиною праведности. Святые Отцы, в глубоких писаниях своих, изложили признаки, по которым познается помысл, приносимый злым духом. Этот помысл всегда темен, приводит сердце в смущение и печаль, а сокровенная цель его — воспрепятствовать добру; обличается же он Священным Писанием, или Словом Божиим.

Вглядитесь в Ваш помысл сомнения, о котором Вы пишете в письме Вашем от 4-го маия: не имеет ли он этих признаков? Святое и непреложное Слово Божие говорит о Подвижниках Правды, что они *верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов* и проч. (Евр. 11. 33). Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия. Помысл веры в Бога светел, проливает утешение, радость и силу в сердце, его приемлющее; приносится он Ангелом из мысленного рая. *Надеющиеся на Господа — яко гора Сион: не подвижутся во век!*

Вот, что внушилось сказать Вам, со всею откровенностию, как Вы желали. Не знаю, довольно ли справедливы слова мои, но сказанное мною сказано от искренней любви к Вам и от любви к дорогому отечеству, которое жалею — жалею!

Пред отъездом моим из Петербурга я познакомился с графом Сакеном; выехал я 17 маия. Накануне выезда моего из Петербурга заходило ко мне лицо, принадлежащее к высшему кругу; между прочим мне сказано было: «у нас нет мира: война! война!» Здесь отдыхаю от слышания земных событий, которые идут и пройдут своею чередою, назначенною им свыше. Полагаю выехать отсюда 20-го июня и быть в Сергиевой Пустыни к 1-му июля.

Призывая обильное благословение Божие, имею честь оставаться Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1856-го года 12-го июня
Оптина Пустынь.

№ 12

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Что сказать Вам на письмо Ваше от 2-го августа? Да будет воля Божия! Вера в Промысл Божий и покорность ему составляют силу души и носят ее по волнам житейского моря, сохраняя от нравственного потопления. В настоящих обстоятельствах для истинных сынов отечества, знающих Вас, остается утешением то, что Вы остаетесь на службе.

Надеюсь видеть Вас в Петербурге, почему и не распространяюсь в этом письме.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1856 года 29 августа.

№ 13

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Новым Годом, который да дарует милосердный Господь и Вам и всем нам провести благополучно! Да удержит Он еще на время Ангела, имеющего вострубить и голосом этой трубы возмутить вселенную.

Письмо Ваше от 22-го декабря имел честь получить 6-го января. Искреннейше благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне! Вы вспомнили и то, что я страдаю грудью, находите нужным для меня южный климат. Все это правда. Но я не имею покровительства человеческого и не ищу его. Нахожу — не скажу отраду: это очень мало — нахожу наслаждение в самоотвержении. Сколько оно доставляет силы! Шествуя превыше земли, оно показывает человеку судьбу человечества с совершенно особенной точки, с точки Божественного Управления и Промысла. Самоотвержение — от веры.

После свидания с Вами я писал брату Петру, что Вы подтвердили мое мнение: оставаться ему на своем месте до дальнейшего указания обстоятельств. Здесь слышал я, что Ставропольский Военный Губернатор просит отсрочки отпуску своему по сентябрь, следовательно, до этого срока Петр должен управлять Губерниею, а в такое значительное пространство времени, может быть, и откроется пояснее, что должно ему предпринимать и как действовать. Преданность Вам Петра для меня несказанно приятна. Новостей, кроме общеизвестных, никаких не знаю. Ходит даже в слоях простого народа слух об освобождении крестьян от власти помещиков, слух, вероятно, пустой или преждевременный. Если слух этот имеет свое основание, то он — проба трубы.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1857 года 9 января.

№ 14

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мою искреннейшую признательность за постоянное милостивое Ваше внимание ко мне, в котором я с любовию и духовным утешением вижу залог любви, глубоко насажденным в Вашем сердце. Этот залог я считаю верным: многочисленные опыты многообразной жизни, опыты, рассмотренные и сохраненные памятию в драгоценный запас, при постоянстве и глубине характера, дают сердечным залогам основательность и прочность. Долговременные опыты глупца ничего не значат. Кажется, они делают глупца еще более глупым: вполне сбивают его с толку.

Письмо Ваше из Скорнякова от 23-го января показало мне, что Вы еще не получили моего ответа на то письмо Ваше, которого Вы удостоили меня из прежней резиденции Вашей близ Орла. Сердечно благодарю Вас за участие, которое Вы принимаете во мне! Точно для моего здоровья

нужен бы другой климат, а для духа и направления нужно бы место попроще, где бы можно было исключительно заняться развитием Христианина и человека; но Судьбе угодно было устроить иначе. Она даровала мне в удел нравственный подвиг и нравственные страдания. Силы тела моего пали на поле невидимой битвы; но я еще жив, и потому подвиг мой не кончен. Не хочу сойти с поприща, доколе чувствую себя живым или доколе рука Судьбы, поставившая меня на поприще, возьмет с него. Одушевляюсь Верой.

Брат Петр уведомлял и меня, что он пока доволен своим положением, но что с возвращением в Ставрополь Военного Губернатора он не может оставаться на своем месте. Не оставляйте его Вашими наставлениями. В его мыслях и сердце Вы незаменимы никем.

Желаю, чтобы отдых в кругу Вашего семейства, в благоприятном климате, подействовал благотворно на Ваше здоровье и укрепил Ваши силы, приготовил их для новой деятельности. Вы были свидетелем многих событий и деятелем в них; нельзя не предвидеть, что нас ожидают события более важные. Их обещают развивающиеся силы России и появление в ней новых начал.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Архимандрит Игнатий
1857-го года 13-е февраля.

№ 15

Христос Воскресе!

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Великим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств. Благословение Божие да прольется обильно на Вас и на семейство Ваше.

Кроме новостей, Вам известных, сообщаю новость, которая будет близка Вашему сердцу: над Кавказом сбирается

черная туча; имя туче — Василий Антонович Ижарский, недавно назначенный в Вице-директора канцелярии Кавказского Наместника. Этот Ижарский был в течение четырех лет управляющим имения князя Барятинского[1]; с исправностию доставляя доходы с имения Князю, чего прежние управляющие не выполняли, Ижарский набил себе карман туго с значительным истощением для крестьян. Последние два обстоятельства остались неизвестными Князю; в виду у него осталось одно — исправное доставление доходов, на нем основанное высокое понятие о способностях Ижарского и следствие и того и другого — доверенность к нему. Пользуясь этим, Г-н Ижарский выхлопотал себе место вышеупомянутое, с целию сделать Кавказ своею арендою, а Князя своим орудием. Жаль всех! Какой ныне ход всем злонамеренным и порочным людям! Тщетно История фактически научает, что источником бедствий для всех Государств была безнравственность Государственных людей, которые по причине этой безнравственности, по натуральному требованию ее, окружали себя чудовищами своекорыстия, а эти губили и народ, и своих покровителей. Надо знать, что Робеспьер и братия были уже людьми сформированными и готовыми при начале французской революции: они родились, созрели и усилились под сению современной монархии и аристократии. Воля Божия да будет!

С чувством совершеннейшего почтения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий
1857-го года 15-го апреля.

[1] Барятинский Александр Иванович (1814—1879), князь, с 26 августа 1856 г. — Кавказский наместник.

№ 16

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В то время, как я ожидал прибытия Вашего в Петербург на пути в чужие края, получаю письмо Ваше от 1 июня! Оно тронуло меня до глубины сердца! Ваш совет для брата

моего Петра очень верен. Пусть он остается в Ставрополе до приезда Военного Губернатора, с которым уже трудно будет ему поладить. Тогда он может взять отпуск и приехать в Петербург. Между тем настоящие его занятия могут доставить ему драгоценную опытность для будущего времени. На настоящее приятное полагаться невозможно: между словами и делами расстояние велико. Иное дело — когда слова не останутся одними словами.

Очень жаль Малороссию — эту житницу не только России, но и всей Европы. И здесь урожаи плохи. Начало весны сопровождалось необыкновенными холодами, а за холодами последовала засуха.

Приехав в Петербург, дайте знать о Вашем приезде. Для меня было бы особенною приятностию видеть Вас в Сергиевой Пустыни. Но если обстоятельства не позволят Вам пожаловать в Обитель, то я постараюсь непременно навестить Вас. Конечно, Вы остановитесь у Михаила Николаевича[1].

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное Божие благословение, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1857-го года 9-го июня.

[1] См. с. 426.

№ 17

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Отправляясь в Ставрополь, признаю долгом моим отнестись к Вам сими строками. В назначении моем исполняется Ваша мысль; но не знаю, могу ли я принести какую-нибудь пользу. Во-первых, здоровье мое до крайности расстроено климатом Петербургским; во-вторых не знаю, что встречу — содействие или противодействие. Мысль о последнем не относится к Князю Барятинскому: она может относиться к какой-нибудь второстепенной власти. Петр еще в Ставрополе. На первый случай он может принести мне значительную помощь. Впрочем, неизвестно, позволят ли ему обстоятель-

ства остаться надолго вместе со мною. Предоставляю Провидению устроять все. Меня радует отшествие мое из Петербурга, где я уничтожился окончательно. Теперь имею надежду хоть умереть спокойно.

Как поживаете Вы? Каково Ваше здоровье? Где намерены проводить следующее лето? Пред отъездом моим был у Михаила Николаевича и несколько раз у Андрея Николаевича. Выезжаю из Петербурга завтра, по железной дороге.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие и желая Вам всех истинных благ, с чувством совершеннейшего почтения и искренней преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
24 ноября 1857 года.

№ 18

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В день Ангела Вашего вспоминаю о Вас, и приношу Вам усерднейшее поздравление, соединенное с усерднейшим желанием всех благ и Вам и Вашему семейству. Несколько лет тому назад, в этот день я был у Вас, и лично поздравлял Вас. Кажется, будто это было недавно. Недавнее от течения времени делается давным, и все настоящее непременно сделается прошедшим.

На Кавказ я приехал полумертвым: так отделал меня петербургский климат в течение 24-х лет. Прошлого лета я выдержал полный курс лечения на минеральных водах в Пятигорске, Ессентуках и Кисловодске.

Воды так сильно подействовали на меня, что я — едва жив. Впрочем, по особенной ко мне милости Божией епархиальные дела идут благополучно. Настоящим моим положением я очень доволен: паства оказывает мне любовь и внимание; климат здешний гораздо снисходительнее петербургского; уединение и спокойствие такое, какого трудно найти в других губернских городах, которых жители

имеют обычай часто посещать Епископа; здесь этого обычая нет. К тому же имею надежду, судя по действию на меня вод, несколько поправить здоровье мое. Любимая и постоянная мысль — удалиться наконец куда-либо в уединеннейшую Обитель, чтоб там встретить смерть сколько нибудь приготовившись к ней — меня не оставляет. Пристанище смерти ожидает каждого земного странника. Желательно, чтоб это пристанище точно было пристанищем.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
1858-го года 6 декабря.

№ 19

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усердное поздравление со днем Ангела Вашего и желание Вам всех истинных благ. Не знаю, рекомендовал ли я Вам книгу Письма Георгия, Задонского Затворника. Эта книга отлично хороша для практического Христианина, и читать ее надо понемногу. Если я еще не познакомил Вас с этою книгою, то примите настоящий мой отзыв о ней, как подарок духовный, ко дню Вашего Ангела.

Поживаю здесь спокойно, чувствую пользу от минеральных вод, выгоняющих золотуху внаружу, но еще не чувствую выздоровления. И телесный и душевный недуг, когда состареет, лечится с трудом.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
1859-го года 18-го ноября.

№ 20

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Почтеннейшее письмо Ваше от 5-го января я имел честь получить 21-го. Приложенное в нем передал моему и Вашему брату Петру Александровичу, а что он предан Вам душою, как только может быть предан родной сын, это — верно.

На Вас ложится печать Божия избрания. Постарайтесь, чтоб она решительно заклеймила Вас, сделалась для Вас вечным достоянием, а Вас самих сделала неотъемлемым достоянием Бога во блаженство вечное. Бог печатлеет нас по Своему избранию, а от нашей воли зависит принять Его печать и запечатлеться ею или отвергнуть ее. Святый апостол Павел говорит: *Его же любит Господь, наказует: биет же всякого сына, его же приемлет* (Евр. 1. 6). Вот признак избрания Божия! вот печать Божия! Признак избрания и печать Божия суть скорби. Тогда печать эта приемлется, когда христианин за скорби свои благодарит Бога, по завещанию Апостола, паче же по завещанию Самого Бога: *О всем благодарите: сия бо есть воля Божия во Христе Иисусе в вас* (Сол. 5. 18). Здесь сказано во Христе Иисусе: ибо в Нем, в вочеловечившемся Сыне Своем, подчинив Его во все время Его земной жизни многоразличным страданиям, Бог явит волю Свою, чтоб уды Христовы — Христиане — подвергались многоразличным страданиям. Если ж такова воля Божия, то за явление ее, всеблагой и всемудрой, по математической необходимости должно благодарить Бога. Когда человек будет благодарить Бога за попущенные скорби, тогда в сердце благодарящего изливается утешение. От этого утешения является живая вера в Бога. От действия живой веры человек начнет предаваться воле Божией и водительству Бога. Тогда благодать Божия осеняет ум человека, и взорам его открывается величественная вечность, пред которою земные дела принимают свои правильные размеры, то есть оказываются вполне мелочными.

Изволите писать о влиянии лет на Ваши силы, и я не могу сказать иного о себе. Воды разворочали мою застарелую, непонятую своевременно золотуху: вследствие сего до десятка зубов вынуто из моих десен, из коих золотуха выворочала зубы, которые впрочем были здоровые. Волосы на затылке местами как бы выстрижены; затылок покрылся золотушными язвами. Одышка значительная; слабость весьма значительная. Справедливо, справедливо говорит Писание: *Человек, яко трава; дние его, яко цвет сельный, тако отцветет.*

Вы выразили желание провести со мною несколько времени в беседе. Исполняя это желание, прилагаю к Вам по сей же почте Рукопись — «Слово о смерти», составленное мною для моей собственной душевной пользы и для душевной пользы тех, которые истинно желают спастись. Слово это — плод моего келейного уединения: оно есть моя искреннейшая беседа. Его поверяю одним ближайшим друзьям моим, Петр Ал-ч имеет с него копию. Если Ваши глаза слабы, то велите прочитать себе Слово человеку приготовленному к серьезному: такое чтение, как Сами увидите, нейдет всякому. По минованию надобности в Рукописи, благоволите переслать ее мне.

Затем — призвав обильное благословение Божие на Вас и семейство Ваше и пожелав Вам всех истинных благ, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
24-е января 1860 года.

№ 21

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников и усерднейшее желание всех истинных благ Вашему Высокопревосходительству. Книжку «Слово о Смерти» я получил: извините, что утрудил Вас

чтением ее. Впрочем, в ней собрано все главное, чему научает относительно смерти Святая Восточная Церковь. Также пришлось знать истинных христиан, наиболее иноков, из которых один зрел душу свою, исшедшею из тела, другие видели и слышали духов на яву при утончении своих телесных чувств вольным или невольным подвигом, и от других прочих. Некоторый мирянин, мне искренно преданный с детства, почитаемый многими гордецом за свое нечеловекоугодие, сохранивший девство до супружества и целомудрие в супружестве, видел мытарства, шествие по ним душ, видел отверзшиеся небеса и там то самое, что видел Св. Андрей, как описано в «Слове о Смерти». Нельзя было выставить всего этого с очевидностию в Слове, но в нем сквозит, что оно написано не с одних теоретических понятий и познаний.

Ваше мнение о действии минеральных вод на меня вполне справедливо. Две зимы я провел в жестоких страданиях от действия вод, принятых в течение лета. Ныне это действие предрасположило меня к принятию летучей оспы, которою я заболел в среду преполовения Великого Поста. К действию болезни присоединилось действие вод: отчего я поправляюся весьма медленно в силах, но чувствую вместе как бы перерождение. Для монаха нет ни отставки, ни своей воли: пихнут туда, куда и не думаешь, а спрашивать согласия нет моды в духовном Ведомстве. Полагаюсь на Господа Бога. Из всех известных мне мест, я предпочитаю среднюю Россию, ея песчаные возвышенности. Например: в Калужской Губернии воздух и зимой, и летом нежнее Кавказского. Случалось быть на ветру: здесь ветер режет и пронизывает подобно Петербургскому, который еще гораздо грубее, а в Калужской Губернии самый сильный ветер только толкает. Мне очень желалось бы попасть в какой-либо уединенный, безбедный монастырь, и кончить там жизнь в самых серьезных занятиях, образчик которых Вы видите в «Слове о Смерти». Но редко человеку доведется прожить так, как бы хотелось и думалось, особливо монаху. А потому, несмотря на все мои соображения и предположения, которые кажутся мне правильными и основательными, предаюсь вполне на волю Божию.

Святая Церковь произносит от лица всех христиан и часто повторяет следующую превосходную успокоительную молитву: *Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.*

Заключаю сие письмо пожеланием Вашему Высокопревосходительству всех истинных благ и призыванием на Вас и на семейство Ваше обильного Божия Благословения. С чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
14-е апреля 1860 года.

№ 22

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В самый день Ангела Вашего поздравляю Вас с днем Вашего Ангела, вспомянув Ваше имя на Божественной Литургии во время Херувимской песни, когда Архиерей совершает поминовение о живых и усопших. Таким образом, при посредстве живого воспоминания о Вас, Вы сделались как бы присутствующим в том крае, в котором Вы много потрудились для блага отечества.

Петр Александрович здравствует и благоденствует. И я начинаю чувствовать значительное облегчение от внутренних болей, но ноги и вообще поверхность тела находится в самом страдательном положении. Для окончания жизни нужно ... Скорняково!

Призывая на Вас и семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Игнатий,
Епископ Кавказский и Черноморский
6-е декабря 1860-го года.

№ 23

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Давнишнее мое желание — окончить мое земное странствование в глубоком по возможности монастырском уединении — исполнилось. Вследствие моего всеподданнейшего письма Государю я уволен от управления Кавказскою Епархиею и мне предоставлен в управление монастырь Святителя Николая, на Волге, на весьма здоровой сухой местности, очень уединенный, в Костромской Губернии, на самой границе ея с Ярославской.

Полагаю ехать на Воронеж и Задонск, из Задонска проехать в Скорняково, чтобы навестить многоуважаемого мною Николая Николаевича, побеседовать с ним в последний раз в моей жизни.

Полагаю, что выеду из Ставрополя около 10-го сентября. Воды подействовали на меня благотворно, разрешив золотуху в значительной степени; но вместе с тем привели в крайнее истощание.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Епископ Игнатий
24-е августа 1861 года.

№ 24

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ. С особенным утешением вспоминаю мое посещение Скорнякова. Мне представляется, что я совершил какой-то особенный подвиг. В самом деле! это было фланговое движение.

Сердечно радуюсь знакомству моему с Наталией Григорьевной, и с удовольствием воспоминаю субординацию, в которой Вы держите милейших дщерей Ваших. Спасительная субординация не помешала бы для всей современной молодежи. Святые Отцы утверждают, что только тот получит знание хорошо приказывать, кто предварительно приобрел знание повиноваться.

Дорогой я простудился, не доезжая ли Москвы или в Москве — не знаю. В Москве очень прихворнул; больным приехал в монастырь; здесь прихворнул еще сильнее. Теперь получше; но не выхожу из комнат. Положением своим я очень доволен. Монастырь очень уединен, стоит на сухом месте, весьма здоровом, при отличных источниках, близ самой Волги. Здесь можно сделаться чуждым миру: вести из него достигают очень редко, и потому невозможно следить за ними с внимательностию, невольно возбуждающею участие в сердце. Карамзин сказал: «Как в частной жизни человека, так и в жизни Государства, бывают такие затруднительные эпохи, в которые теряется всякое человеческое соображение. Тогда надо предаться Воле и Промыслу Божиим». Бывают сильные средства человеческие; но молитва несравненно сильнее их, потому что она вводит в дело Всемогущего деятеля — Бога.

Призывая на Вас и семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Епископ Игнатий
16 ноября 1861 года
мой адрес: В Ярославль.

№ 25

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

По письму Вашего Высокопревосходительства от 26-го декабря полагаю, что Вы встречаете Праздник Святой Пасхи в Скорнякове, и потому адресую туда это письмо мое. Примите мое усерднейшее поздравление с Праздником Праздников и усерднейшее желание Вам и семейству Вашему

всех истинных благ. Философское расположение, в котором я видел Вас в скромном Скорнякове, столько располагающем к Философии, мне чрезвычайно понравилось. Наталия Григорьевна — эта умная дама — мне очень понравилась. Ваши дщери прекрасны: они воспитаны так, что могут служить основанием семейного счастия, т. е. должным образом выполнять святое назначение женщины.

Мое положение похоже на Ваше. Приют мой крайне уединен, а именно в этом и нуждаюсь, это и люблю. Зиму провел претрудную, никуда не выходя из комнаты, подвергаясь различным болезненным припадкам; кажется, тут много принадлежит действию вод Кавказских. До такой степени был слаб, что почти ничем не занимался. И теперь ничего не могу сказать определенного о моем здравии. И к чему оно! Старые листья должны уступать место новым на дереве, которое остается таким же, каким было, несмотря на перемену листьев. Почти все добрые знакомые мои петербургские отошли в вечность. Новые деятели и по годам и по направлению наиболее чужды. Остается, стоя в стороне, желать, по обязанности человека и Христианина, искренно всего доброго и обществу, и частным людям.

Будьте здоровы и благополучны, добрейший Николай Николаевич! Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
31-е марта 1862 года.

P. S. И Петру, и мне даны прописанные Вами средства.

№ 26

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

В то время, как я получил почтеннейшее и добрейшее письмо Ваше от 21-го апреля, чувствовал себя особенно больным, и теперь чувствую себя решительным инвалидом, хотя и стараюсь, по совету Вашему, прохаживаться до усталости, исполнение чего сделалось возможным для меня

с последних чисел мая, когда у нас началась довольно теплая погода. Весна была холодная.— Рассматривая себя, и видя себя отжившим, говорю сам себе: на все — свое время! В свое время человек начинает поприще жизни, как бы пловец, выходящий в море из пристани, при благоприятном ветре, при многих льстящих ему в воображении предприятиях и удачах. В свое время человек достигает средины этого поприща, и в разгаре деятельности своей усиливается покорить себе счастие, побороть восстающие против него препятствия, выполнить заданные себе цели для блага общественного и своего. Наконец наступает свое время, когда человек должен сойти с поприща общественной деятельности с мыслию, что ему или невозможно или очень трудно возвратиться к деятельности общественной с сознанием, что силы души и тела истощились и не могут вынести той настойчивой работы, какую они выносили при полноте своей. При рассматривании протекшей своей деятельности и деятельности других, какою представляется она недостаточною! Какая ничтожная часть из предположенных, самых благих намерений могла быть исполнена! Невольно должны повториться всяким человеком благомыслящим слова премудрого Соломона, произнесенные им на границе земного поприща о всех земных делах его: *Суета суетствий, всяческая суета:* все, что человеки в течение жизни мира ни старались созидать, разрушилось; все, созидаемое ныне, должно разрушиться. При такой судьбе дел человеческих на земле как не охладеть к ним тому сердцу, которое, стяжавши долгим временем и трудом опытность, уже не чувствует того разгорячения к земной деятельности, которою оно пылало при неопытности своей. Мне представляется, что я нашел Вас в таких отношениях к земной деятельности, когда был у Вас в Скорнякове: от того, думаю, это посещение произвело на меня сильное и приятное впечатление; воспоминание о свидании с Вами приходит мне часто и всегда с особенным удовольствием. Мне очень понравилось, что Вы говорили о Кавказе мало, с таким равнодушием и так поверхностно, что можно б было спросить, служивали ли Вы там когда-нибудь? В этом желалось бы мне подражать Вам, и смотреть на свое прошедшее, как бы его никогда не бывало. К такому расположению очень способствует уединение того монасты-

ря, в котором живу. Посещают меня очень немногие, и на самое короткое время. Заходил минут на десять Шуленников и правил поклон от Вас. Петр Ал-ч подал прошение в отставку, но, как видится, это прошение лежит под сукном в ожидании выздоровления князя Барятинского. И судьба этого человека служит доказательством определения, которым запечатлел премудрый Соломон все временные, земные положения человека. Несчастие пришло к Князю Барятинскому, когда он взошел на вершину счастия, и там, на этой вершине, поразило его.

Будьте здоровы, добрейший Николай Николаевич, и так прекрасно благодушны, как я видел в Скорнякове. Обильное благословение Божие да почиет над Вами и над семейством Вашим. С чувством отличного почтения и сердечной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
5-е июня 1862-го года.

№ 27

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Почти вместе с письмом Вашим от 21-го июня прибыл ко мне Петр Александрович и поместился гостем на неопределенное время в особенном отделе комнат внутри монастыря, о чем он уж и писал к Вам. Для гражданской службы у него нет ни цели, ни здоровья. Век идет быстро — сказать ли вперед? — хотя и не вперед, а все-таки идет. Те, у которых плохи ноги, или туп рассудок, и нуждаются в шествии своем останавливаться и осматриваться, чтобы не попасть в какую-либо яму, признаются ныне отсталыми. Остаток дней, особливо людям, вовсе потерявшим здоровье, как я, или утратившим его в значительной степени, как П. А., устаревшим и отсталым, очень прилично вдали от суеты серьезно подумать о переходе в вечность и позаботиться о благополучном совершении его.

Петр Александрович, приехавши сюда, застал меня очень изменившимся. В самом деле! чувствую себя необыкновенно

больным и слабым. Несмотря на то, что принуждаю себя к моциону, могу делать его очень мало от недостатка сил. По этой же причине почти ничем не занимаюсь. Здесь есть свое хлебопашество; но и оно уже привлекает мало мое внимание: не до того. Очень Вы счастливы, если сельское хозяйство может занимать Вас, и если у Вас достает сил для занятия им. Человеку определено в поте лица созидать хлеб свой: и это занятие есть самое благотворнейшее даже в нравственном отношении.

В уединенный Бабаевский монастырь немногие вести доходят, кроме газетных, а и доходящие доходят нескоро. Простой народ говорит, что враги из иноземцев поджигают, или поджигали и были намерены поджигать. Теперь вести о пожарах прекратились. По замечанию моему редко пользуется человечество спокойствием прочным и продолжительным. Сколько могу понимать, на моей памяти самое спокойное время для России были последние десять лет царствования Императора Александра I-го, по окончании войн с Наполеоном I-м. Было спокойно после усмирения Польского Восстания, но с 1840-го года или и несколько раньше, начали появляться новые теории; оне усиливались, усиливались, и неизвестно, каким результатом разрешатся. Общая обязанность всех Христиан, особливо удалившихся в уединение, молить Бога, чтоб Он ниспослал человекам — этому превосходному созданию Своему — духовный разум и истекающее из него временное и вечное благополучие.

Местность Бабаевского Монастыря похожа на Скорняково. Монастырь стоит на холмистом берегу Волги, в ста саженях от реки. Холм песчаный, не высок, но никогда не потопляется водою, которая не доходит до монастыря сажень на 5-ть при самом большом разливе. Ныне вода была велика.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на почтеннейшее семейство Ваше, с чувством искреннейшего, сердечного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
9-го июня 1862-го года.

№ 28

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Вашего Ангела и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ. Я слышал, что Вы намерены провести зиму в Москве, но не останавливаюсь адресовать это письмо в Вашу деревню, полагая, что его перешлют в Москву, а московского адреса Вашего я не знаю.

Петр А. в настоящее время находится в С. Петербурге по некоторым делам своим и моим, как, правильнее, нашим общим. Обратно он поедет через Москву, вероятно, около 10-х чисел декабря, и если к тому времени Вы будете в Москве, то он сочтет своею обычною и непременною обязанностию быть у Вас. Мое здоровье — плохо. Отделение золотухи, произведенное водами Кавказа, продолжается и усиливается, от чего чувствую особенное изнеможение. Положением моим вполне доволен.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Епископ Игнатий
26-е ноября 1862-го года.

№ 29

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Вы знаете, какое живое участие я принимаю в Вас! И потому Вы не удивитесь письму моему. И прежде писал я Вам, а теперь подтверждаю, что вижу над Вами особенный Промысл Божий. Он провел Вас по тернистому пути различных скорбей, воспитав Вас ими, и сохранил, чтоб противопоставить Наполеону III-му, как Кутузов-Смоленский был сохранен и противопоставлен Наполеону I-му. К тако-

му делу человек не приготовленный не годится! К такому делу баловень счастия не годится! К такому делу раб мнения человеческого не годится! Предстоит тяжкий труд, соединенный с самоотвержением. Для совершения подвига нужен человек способный, образованный теоретически и практически, человек, которому ничего не было бы нужно, кроме блага отечества. Справедливо сказано в жизнеописании Иосифа, сына Иаковлева, проданного братьями в рабство, что «Промысл Божий обыкновенно ввергает в горнило скорбей тех человеков, которых он предназначает для дел великих».

Ныне или после, но России необходимо сосчитаться с Европою. Усилия человеческие судеб Божиих уничтожить и изменить не могут. России предназначено огромное значение. Она будет преобладать над вселенной. Она достигнет этого, когда народонаселение ея будет соответствовать пространству. Это народонаселение ежегодно приращается больше нежели на миллион; Россия должна вступить в грядущее столетие при народонаселении в 100 миллионов. Нападение завистливых врагов заставит ее развить силы и понять свое положение, которое уже будет постоянно возбуждать зависть и козни. Это потребует огромного труда, подвига, самоотвержения; но что делать, когда приводит к ним рука непостижимой Судьбы! Единственное средство к исправлению упавших сил, нравственной и духовной — положение, требующее труда, приводящее к самоотвержению. В 38-й и 39-й главах пророка Иезекииля описаны могущество, многочисленность северного народа, названного Россом; этот народ должен достичь огромного вещественного развития пред концом мира, и заключить концом своим историю странствования на земли человеческого рода. На упомянутые главы Иезекииля делается ссылка в 20-й главе Апокалипсиса; многочисленность войска, которое будет в Государстве, уподоблена песку морскому. Святый Андрей Критский, церковный писатель 7-го века, объясняя 20-ю главу Апокалипсиса и находя пророчество ея тождественным с пророчеством Иезекииля, говорит: «Есть на севере народ, скрываемый от прочих народов рукою Божиею, народ, самый многочисленный и воинственный. Пред концом мира он внезапно откроется и преодолеет все народы». Точно! Европа узнала Россию после Америки, почти только со времен Петра I-го.

Петр I-й пожаловал в Париж гостем в 1714-м году, а в 1814-м пожаловала туда русская армия. Какая быстрота событий! Нынче, на встречу грозящимся на нас врагам, можно сказать словами 2-го псалма: *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным.* Враги разбудят, потрясут Россию, произведут в ней невольное развитие силы, но не унизят России: они возвысят ее, таково ее предопределение.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

Епископ Игнатий
14-е маия 1863-го года.

№ 30

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усердное поздравление с наступающим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ.

Опять Вы в Скорнякове, и опять — вероятно — не надолго. Очень справедливо сказано святыми Отцами: «судьбы Божии — бездна многа». Невозможно предвидеть всех обстоятельств, многие из них являются неожиданно. Думала ли Франция в конце прошлого столетия, вырабатывая у себя республику, что она вырабатывает императорский трон для Наполеона I-го? Думал ли Наполеон, что он победами своими приготовит себе ссылку на пустынной скале Океана?

В храме Божием очень часто повторялась молитва: *Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим.* Часто повторяется эта молитва, потому, что она душеполезна: утешает, ободряет, укрепляет душу верою и преданностию Богу.

Петр Александрович, вероятно, писал к Вам, что он отправился в Херсон, чтоб окончательно развязаться с тамошним имением своим. А я пользуюсь уединением Бабаевской Обители, столько нужным для расстроенного моего здоровья.

Когда же уму моему предстанут затруднительные вопросы, то стараюсь разрешать их вышеприведенною молитвою.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше с чувством отличного уважения и совершенной преданности, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
20-е ноября 1863-го года.

№ 31

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству и почтеннейшему семейству Вашему всех истинных и совершенных благ. Время течет быстро! Уже наступил четвертый год тому, как я насладился Вашим лицезрением, в кругу Вашего семейства, на тихом берегу Дона. Между тем величие России возросло значительно. Особенная судьба народа Русского! Ничего не сделать никаким Наполеонам там, где действует рука Божия.

О себе скажу Вам, что живу очень тихо; здоровьем и силами слабею и слабею.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувством отличного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
20-е ноября 1864-го года.

№ 32

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с днем Ангела Вашего и усерднейшее желание Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ.

Живя в тиши и почти без всяких сношений с шумящим миром, не знаю, что происходит в нем. Но, судя по всему, так называемый прогресс идет вперед, разрушая все прежнее. По этой причине рад-рад, что сошел с поприща общественных обязанностей. На этом поприще нельзя оставаться человеку, составившему свои убеждения серьезною жизнию, и неспособного сего дня иметь один род мыслей и одно направление, а завтра другой род мыслей и другое направление. Здоровье мое очень плохо; особливо истощание сил необыкновенное.

Извините за краткость письма моего: эта краткость естественное последствие скудости матерьялов.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувством совершеннейшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
18 ноября 1865-го года.

№ 33

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Письмо Ваше от 15-го декабря наполнено такими глубокими, такими добрыми чувствами, что не может быть оставлено без ответа. Ощущаю в душе моей особенное сочувствие к Вам. По причине этого сочувствия часто воспоминаю и размышляю о Вас. «Вот — человек, думаю себе, которого природа одарила способностями, который дал воспитание сам себе и мог воспитывать других, который, основываясь на всех данных, мог бы принести обширную пользу, — и который простоял в стороне». Дело существенного служения отечеству должно было устраниться, чтоб уступить место шалости, бессмыслию, необузданному распутству. Что значит это? Это — непостижимые судьбы Божии. Бьет беспощадно град широкое поле прекрасной, уже налившейся пшеницы, а земледелец из-под крыши смотрит только на это зрелище истребления; причины он не понимает, — и помощи подать не может. Что тут делать? Более ничего, как покоряться непостижимой Судьбе: в

покорности Судьбе человек находит душевное спокойствие, а подробное рассматривание, несмотря на наружную справедливость его, может отнять у души это драгоценное спокойствие, ввергает ее в пучину смущения. — Между тем все проходит своею чередою; все или погружается или готовится к тому, чтобы погрузиться в неизмеримую вечность.

Покорнейше прошу принять благосклонно книгу «Аскетические опыты», которую представит Вам Петр Александрович. Эта книга писалась и пересматривалась в течение 20-ти лет, соответственно наблюдениям, деланным над собою и над другими. Она приводит к самовоззрению, к умиротворению себя и назиданию Верою и Евангельскою Истиною. Вместо личного посещения прихожу к Вам моею книгою, и, при посредстве ея, желаю постоянно быть с Вами.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий
21-го дек. 1865-го года.

P. S. Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим праздником и Новым Годом при усерднейшем желании Вашему Высокопревосходительству всех истинных и совершенных благ.

№ 34

Милостивейший Государь,
Николай Николаевич!

Пишу к Вашему Высокопревосходительству эти строки, чтоб поздравить Вас с наступающим Праздником Праздников и пожелать Вам всей крепости тела и духа от руки Божией. Хотя во всех случайностях человеческой жизни постоянно нужна нам Божия помощь, но, по временам, событие выходит из общего порядка по важности своей, и тот человек, который бывает употреблен Промыслом Божиим в служении при этих событиях, если оглянется на свою прошедшую жизнь, то увидит, что он был благовременно приготовлен к существенной деятельности. Баловни

счастия тут не годятся: нужен человек, выработанный искушениями, исцеленный ими от слепоты. Вы найдете эту мысль на 29-й странице 2-го тома «Аск. Опытов». Все суждения в повести «Иосиф» суть плоды наблюдений, — никак не умствование произвольное.

Призывая обильное благословение Божие на Вас и на семейство Ваше, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Епископ Игнатий, 18-го марта 1866-го года.

Три письма
Андрея Николаевича Муравьева к Н. Н. Муравьеву-Карскому

№ 1

Петербург, 25 февраля 1864 г.

Любезный брат, я был в Вильне и гостил там целую неделю у брата [Михаила], а потом пробыл сутки в Пскове у Валериана, который сделан сенатором, а из Ковно приезжал ко мне племянник Николай. Таким образом все губернские города по железной дороге были наполнены Муравьями.

Время провел я очень приятно и интересно и сделаю краткое описание Вильны. Брата я нашел таким же, как был, но видно, что он утомлен и не спокоен духом от беспрестанных занятий и сидячей жизни, что действует на его нервы. Его развлекает только семейство; сестра[1] была больна, но поправилась. Вообще образ жизни тяжкий и однообразный, но край покоен.

Я очень рад, что наконец там побывал и все видел, но если брат удалится, все опять рухнет, ибо очень напряжено; а он хочет весною непременно удалиться, чтобы воды пить в деревне. Пусть бы хотя сохранил звание, то край был бы покоен, ибо его имя много там значит.

Ты напрасно боишься отнимать время у Митрополита[2]: ему необходимо развлечение и беседа с дельными людьми даже для здоровья, и часто это его одушевляет. Итак, посещай его чаще. Кланяйся сестрице и поблагодари за доброе мнение обо мне и моей книжке.

Ковер уже получен в Киеве, и Санников пишет мне, что он великолепен. Итак, кланяюсь земно и остаюсь душевно преданный брат.

А. М.

[1] Жена М. Н. Муравьева — Пелагия Васильевна, урожденная Шереметева (1802–1871).

[2] Святитель Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867), митрополит Московский и Коломенский. Канонизирован в 1994 г., память 19 ноября/2 декабря.

№ 2

Петербург, 19 марта 1864 г.

Любезный брат, весьма понимаю, как тебе теперь грустно и пусто в Москве без брата Александра, с которым ты был более всех близок. Но даю опять тот же совет посещать без церемонии Митрополита, который очень тебя любит и уважает и будет весьма доволен твоею беседою, ибо и ему такие люди нужны для развлечения.

Хотя ты и жалуешься на немощь и слабость здоровья, но не спеши в деревни до весны, пока не определились обстоятельства войны или мира, чтобы тебе лишний раз не пришлось прокатиться по дурным дорогам, ибо все еще в неизвестности, что будет в действительности. Бог нам помог, и очень мы поднялись в мнении Европы, лишь бы и внутри государства все бы устроилось к лучшему и все было спокойно.

У брата Михаила, несмотря на крики таких пустых людей, как Суворов, и которых можно назвать врагами отечества, в сию пору все идет благополучно, и край делается русским, а Вильно более похож на Россию, нежели Киев. Таков дух гения одного человека, которому дивлюсь не потому, что он брат, а потому, что творит великие дела.

Прости, обнимаю тебя и сестру и племянниц и остаюсь душевно преданный брат.

А. М.

№ 3

Киев, 2 сентября 1866 г.

Любезный брат!

Меня как громом поразила телеграмма о кончине брата Михаила, без всяких сведений о его какой-либо болезни. Писали мне только, что он просил увольнения от дальнейшего следствия и едет на освящение церкви в деревню, где, вероятно, и скончался 30 августа в ночь.

Здесь это так всех поразило, что стали говорить, будто он умер не своей смертью. Сейчас еду в Лавру, где Митрополит служит торжественную по нем панихиду, при большом собрании властей. Вчера служили в Софийском соборе. Смерть сия произвела впечатление весьма глубокое. Государство потеряло великого деятеля, незаменимого никем, а семейство его рушится без поддержки, ибо все им держалось. Жаль бедную сестру.

Как бы мне хотелось с тобой увидаться, но меня задержал здесь Комитет о обновлении Андреевской церкви до половины октября, а тогда будет уже поздно ехать по дурным дорогам без шоссе до Орла, где и прогоны вдвое станут, а хотелось бы после такого горя повидаться.

Прости, обнимаю тебя и сестру и племянницу, спешу в церковь, но не хотел пропустить почты.

Напиши ко мне, что знаешь о брате и о себе, что думаешь делать. Остаюсь душевно тебе преданный брат

А. Муравьев.

Подготовка текста, публикация и комментарии О. И. Шафрановой.

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к С. И. Снессоревой

Предисловие

Среди обширного эпистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова особое место занимают 24 послания, адресованные переводчице и писательнице Софии Ивановне Снессоревой (1815 или 1816 — 1904) — его духовной дочери, которая, по словам самого Святителя, принадлежала к числу «очень немногих людей, оказавших ему особенную любовь». Письма охватывают 22-летний период их общения (с 1845 по 1867 г.) и свидетельствуют о тесной связи учителя и ученицы. Впервые издаваемые отдельным корпусом и откомментированные, они дают возможность наблюдать духовное водительство Владыки, благодаря которому София Ивановна прошла нелегкий путь от переводчицы журнальных романов до духовной писательницы, чьи произведения пережили своего автора и остаются благодатным и полезным чтением для каждого православного человека[1].

---

[1] См. современные переиздания первой книги С. И. Снессоревой «Дарьюшка. Очерк жизни русской странницы». СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1864. 119 с.

Дарьюшка: Из жизни русской странницы [инокини Исидоры: Для детей] М.: Моск. подв. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: Отчий дом, 1995. 63 с.; Русская странница Дарьюшка: Рассказ с ее слов. СПб.: Воскресенский Новодевичий монастырь, 1996. 64 с.; Дарьюшка: Из жиз-

Помимо духовных уз, святителя Игнатия и С. И. Снессореву связывали литературные занятия, поэтому публикуемые письма имеют большое значение и для характеристики деятельности Святителя как русского духовного писателя[1]. На протяжении всего времени их знакомства, до последних дней земной жизни Преосвященного Игнатия, София Ивановна была деятельной помощницей в публикации и издании его сочинений.

У нас нет точных сведений о том, когда произошла первая встреча Снессоревой с архимандритом Сергиевой пустыни Игнатием. Знакомство их могло состояться в конце 1845 г. Именно в это время София Ивановна, страдавшая тяжелым недугом, приезжает из Астрахани в Петербург, чтобы определить своего сына в учебное заведение и, тем самым устроить судьбу мальчика, так как на свое выздоровление она почти не надеялась[2].

Помощь и утешение она находит в Сергиевой пустыни, к этому времени уже значительно обновленной неустанными трудами архимандрита Игнатия: София Ивановна становится его духовным чадом.

Самое раннее из опубликованных писем архимандрита к С. И. Снессоревой (письмо № 1) — от 9 мая 1846 г. — свидетельствует, что к этому времени между ними уже сложились близкие, доверительные отношения. Возможно, желая поддержать и ободрить Софию Ивановну, архиманд-

---

ии русской странницы [инокини Исидоры (Шурыгиной Д. А.): Повесть] М.: Отчий дом, 1997. 61 [2] с.

Главный труд С. И. Снессоревой: «Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых Православною Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий. Составила София Снессорева. С изображением в тексте праздников и икон Божией Матери. СПб.: изд И. Л. Тузова, 1891. 560 с.

То же: Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1993. 457 с.; То же: Омск: Ом. Тарская епархия, 1996. 462 с.; То же: М.: «Синтагма», (1997). 560 с.: То же: Ярославль: Верхняя Волга, 2000. 457 с. || [1] В последнее время появились работы, посвященные проблемам литературного творчества Святителя. См., например: *Любомудров А. М.* Святитель Игнатий и проблема творчества // Полн. собр. творений святителя Игнатия Брянчанинова: В [7 т.]. М.: Паломникъ, 2000. Т. 4. С. 513–523. (Далее — Настоящее издание.) *Священник Геннадий Беловолов.* «Поэтические опыты» аскета: Проза святителя Игнатия Кавказского // Святитель Игнатий Брянчанинов. Песнь под сенью креста. СПб.: Диоптра, 2000. С. 5–14. || [2] Ниже в публикуемой автобиографии С. И. Снессоревой. С. 539–554. (Далее — <Автобиографическая записка>).

рит Игнатий обращается к ее литературному опыту (Снессорева занималась переводами уже с 1837 г.[1]) и знакомит со своими сочинениями, в частности с «Валаамским монастырем». Это произведение Святителя, написанное под впечатлением от его продолжительной служебной командировки на Валаам[2], было первым, предназначавшимся для печати.

Письмо, кроме того, говорит о начале нового этапа в биографии будущего Святителя: он подошел к 40-летнему рубежу своей жизни, достижение которого считал необходимым условием для начала публикации написанных им произведений[3]. Через посредничество Софии Ивановны архимандрит Игнатий ищет возможности публикации своих произведений в популярном журнале О. И. Сенковского «Библиотека для чтения»[4]. Он также интересуется мне-

[1] См.: <Автобиографическая записка>. || [2] Впервые архимандрит Игнатий побывал в Валаамском монастыре в 1838 году. Поездка эта была вызвана возложенной на него Св. Синодом обязанностью разобраться в причинах беспорядков, происходивших в монастыре, и продлилась почти полгода — с мая по ноябрь. По материалам расследования архимандрит Игнатий написал подробный рапорт из шести разделов (См.: Настоящее издание. Т. 3. С. 394–419. О связях Святителя с Валаамским монастырем см. также: *И. Родченко.* «Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным». Там же. Т. 3. С. 420–505). || [3] Брат святителя Игнатия, П. А. Брянчанинов, комментируя одно из поздних писем Владыки к нему, писал: «В молодости своей еще юнкером, инженерным офицером, находясь часто в кругу современных литераторов и пользуясь особым расположением одного из них, Гнедича, Преосвященный Игнатий принял за правило и часто повторял совет Гнедича: чтоб сочинения, писанные до сорока лет, без всякого исключения считать решительно неокончеными, в том убеждении, что с этих только лет в авторе может быть признаваема достаточная зрелость ума, опыта и вкуса, а потому все, вышедшее из-под пера до сорока лет, следует не издавать печатно, а оставлять до упомянутого периода жизни, в который, пересмотрев сочинение, переправить оное и тогда произнести о нем свой суд, или отдавать в печать, или уничтожить. Это правило, которого держался Преосвященный Игнатий, служит объяснением того, почему он, говоря о своих сочинениях, считает все написанные им до сорока лет как бы несуществующими, а те, которые написаны им в сорокалетнем возрасте, он признает в вышеприведенном письме незрелыми относительно настоящей духовной высоты его понимания». — *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Творения. Кн. 6. Письма. Жизнеописание святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Лепта, 2002. (Далее — Творения. Кн. 6.) С. 1097. — Письмо № 186 от 21 нояб. 1862 г. || [4] *Сенковский Осип Иванович* (1800–1858) — ориенталист, лингвист, критик, журналист, писатель (псевдоним — Барон Брамбеус), редактор журнала «Библиотека для чтения» с 1834 по 1856 г. До своей болезни в 1848 г. был практиче-

нием известного редактора о литературной стороне предлагаемого для печати «Валаамского монастыря».

Сама С. И. Снессорева получила работу переводчицы в журнале «Библиотека для чтения» в 1848 г., но ее знакомство с О. И. Сенковским состоялось, вероятно, гораздо раньше, еще в 1836–1837 гг., когда последний редактировал тома «Энциклопедического лексикона» Плюшара[1]. Тогда София Ивановна вместе с мужем делала переводы для этого издания (тома 13–15). После возвращения ее в Петербург знакомство упрочилось благодаря дружеской поддержке Е. Н. Ахматовой[2]. Снессорева была знакома и дружила с Ахматовой со времени жизни в Астрахани (с 1838 по 1845 г.)[3], а в Петербурге часто бывала на ее литературных вечерах. Вероятно, именно с этих ахматовских «суббот», где собирались О. И. Сенковский, А. В. Дружинин, А. В. Никитенко, Н. И. Пирогов, А. А. Краевский, В. В. Стасов, В. П. Гаевский и другие литераторы, и началась дружба Софии Ивановны с некоторыми из них.

Сразу же после публикации «Валаамского монастыря» у О. И. Сенковского[4] очерк дважды выходит отдельным изданием в той же типографии, где печатался журнал[5].

ски полным хозяином журнала, большинство статей писал сам. «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Первый в России из т. н. «толстых» журналов, пользовавшийся большой любовью читателей. Издавался в Санкт-Петербурге с 1834 по 1865 г. ‖ [1] *Плюшар А. А.* Энциклопедический Лексикон. [В 40 тт.], т. 1–17. — СПб.: Издательство А. А. Плюшара, 1835–1841. *Плюшар Адольф Александрович* (1806–1865) — известный издатель. Заведовал типографией, перешедшей ему от отца и существовавшей с 1813 г. Одним из замечательных его предприятий был «Энциклопедический Лексикон», долгое время являвшийся образцом в изданиях подобного рода. Планировался выпуск 40 томов, но по разным причинам Плюшар был вынужден прекратить издание. Всего напечатано 17 томов (буквы А — Д). О. И. Сенковский редактировал с 12-го по 16-й тома. ‖ [2] *Ахматова Елизавета Николаевна* (1820–1904) — прозаик, переводчица, издательница. В 1842 г. послала из Астрахани свой перевод с французского языка в редакцию «Библиотеки для чтения», после чего между ней и О. И. Сенковским началась переписка. В 1845 г. познакомилась с Сенковским лично, а в 1848 г. переехала в Петербург и начала сотрудничать в «Библиотеке для чтения» в качестве автора и переводчицы. В дальнейшем издавала и редактировала журналы «Собрание иностранных романов» и «Дело и отдых». ‖ [3] См.: <Автобиографическая записка>. ‖ [4] Валаамский монастырь // Библиотека для чтения. 1847. Т. 82. Науки и художества. С. 66–90. Подпись: И. И. И. ‖ [5] «Валаамский монастырь». СПб.: тип. К. Крайя, 1847. 27 с. Под-

Следующим произведением архимандрита Игнатия, опубликованным в журнале О. И. Сенковского, было «Воспоминание о Бородинском монастыре». Поводом для его написания послужило посещение в конце июля 1847 г. Спасо-Бородинского монастыря[1], куда он заехал по дороге к месту лечения: с середины августа 1847 до середины мая 1848 г. архимандрит находился на отдыхе в Николо-Бабаевском монастыре[2].

Уже 18 сентября 1847 г. он пересылает иеромонаху Игнатию[3], управляющему Сергиевой пустынью на время его отпуска, свое произведение с просьбой: «Прилагаемый при сем конверт запечатав, доставь по надписи. Тут вложена коротенькая брошюрка поэтическая «Воспоминания о Бородинском монастыре». Прочитай. Если напечатают и тебе предоставят несколько листочков, то штук 20 отправь в Бородинский монастырь, несколько ко мне, а прочие раздели по братии и знакомым. А мне бы хотелось, чтоб напечатали»[4].

С большой долей вероятности можно утверждать, что для публикации этой «брошюрки», как ее назвал архимандрит Игнатий, он вновь прибег к посредничеству Софии Ивановны; в конце 1847 г. публикация появилась в «Библиотеке для чтения» и сразу же вышла отдельным изданием в типографии К. Крайя[5].

пись: И. И. И.; То же. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. 40 с. В первом собрании своих сочинений — Сочинения епископа Игнатия: В 4 т. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1865–1867 (далее «Сочинения...») — Святитель поместит его под названием: «Посещение Валаамского монастыря». — См.: Настоящее издание. Т. 1. С. 394–420. || [1] Спасо-Бородинский в честь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа женский монастырь основан в 1838 г. на Бородинском Поле, близ д. Семеновское вдовой героя Отечественной войны 1812 г. генерал-майора А. А. Тучкова М. М. Тучковой (впоследствии игуменией Марией) на месте гибели ее мужа. || [2] Николо-Бабаевский мужской монастырь основан после 1500 г. в посаде Большие Соли (35 км от Костромы и 28 км от Ярославля) на правом берегу Волги при впадении в нее реки Солоницы. || [3] Иеромонах *Игнатий (Васильев)* — с 1832 по 1837 г. — послушник Спасо-Преображенского Валаамского монастыря и Троице-Сергиевой пустыни, с 1839 г. — иеромонах, с 1841 — казначей, а с 1844 г. — наместник Троице-Сергиевой пустыни. Письма архимандрита Игнатия из Николо-Бабаевского монастыря за время его отпуска к иеромонаху Игнатию (Творения. Кн. 6. С. 367–462) содержат много ценной для нашей темы информации. || [4] Творения. Кн. 6. С. 401. — Письмо № 13 от 18 сент. 1847 г. || [5] Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека

Видимо, София Ивановна передала в ответном письме к архимандриту Игнатию сожаление Сенковского о том, что объем произведения невелик, и просьбу выслать новое сочинение для публикации, на что Преосвященный Игнатий ответил ей: «Воспоминание о Бородинском монастыре, какое у меня было в душе, такое и вышло на бумагу. В этом заключается все мое оправдание пред справедливым обвинением в краткости. <...> Есть у меня некоторые вещи и более обширные, чем «Воспоминание», но не знаю, идут ли они в светский журнал. Пришлю что-нибудь, когда поокрепну и предоставлю благорассмотрению И<осифа> И<вановича>ча напечатать или нет» (письмо № 4).

Во время пребывания в Николо-Бабаевском монастыре Святитель, несмотря на болезненное состояние, полностью отдается написанию духовных произведений. С первых дней своего отпуска он беспокоится, высланы ли брошюры о Валаамском и Бородинском монастырях знакомым[1], а также через иеромонаха Игнатия передает в подарок некоторым своим духовным чадам новые произведения, которые писал нередко по их просьбе. Об этом Святитель говорил неоднократно. Например, в одном из поздних писем он писал: «Относительно моих сочинений тебе известно, что я писал их для себя и для коротких, немногих знакомых моих, из настроения, полученного и усвоенного монастырскою жизнью»[2]. Так, в начале сентября 1847 г. в ответ на просьбу своей духовной дочери — А. А. Александровой[3] — архимандрит Игнатий обещает написать «желаемое ею краткое сочинение и прислать по почте»[4], а уже 22 сентября просит иеромонаха Игнатия в письме: «Приложенный при сем конверт, запечатав, доставь А. А. Александровой. Тут маленькое мое сочинение для них; прочитай его, — только другим не давай»[5]. Через месяц он справится: «Отдал ли А<лексан-

---

для чтения, 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: И.; То же. СПб.: тип. К. Крайя, 1847. 4 с. — Подпись: И. Вошло в «Сочинения...». — См.: Настоящее издание. Т. 4. С. 473–475. || [1] См.: Творения. Кн. 6. С. 367–462. — Письма: № 5, 13, 17, 20, 21, 28, 42. || [2] См.: Творения. Кн. 6. С. 843. — Письмо № 300 от 6 сент. 1862 г. || [3] Александрова А. А. — лицо не установлено. || [4] *Игнатий Брянчанинов.* Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 230. — Письмо № 18 от 7 сент. 1847 г. || [5] Творения. Кн. 6. С. 401. — Письмо № 14 от 22 сент. 1847 г.

дровой> Жит<ейское> море»[1]? Таким же путем, через Сергиеву пустынь, архимандрит посылает в подарок Софии Ивановне одно из самых ярких своих произведений — «Чашу Христову».

Сочинение это было написано, вероятно, осенью 1847 г. Уже в конце сентября в письме к иеромонаху Игнатию архимандрит размышлял на эту тему: «...Скорби — чаша Христова на земле. Кто на земли участник чаши Христовой — тот и на небе будет участником этой чаши. Там она — непрестающее наслаждение...»[2]. Передавая «Чашу Христову», он пишет иеромонаху Игнатию: «Приложенное письмо, прочитав, доставь Снесарев<ой>[3]. Вот образчик книги, которая давно формировалась у меня в голове, а теперь мало-помалу переходит из идеального бытия в существенное: это будет вроде «Подражание Христу» — известной западной книги[4], только наша. [Включаю тебя и прочих ради Бога единомудрствующих со мною в число сочинителей книги, потому употребляю выражение: «наша».] Совершенно в духе Восточной Церкви — и выходит сильнее, зрелее, основательнее, с совершенно особенным характером. Эту книгу желалось бы подвинуть хоть до половины, доколе я здесь в уединении. Такое дело, сделанное до половины, почти уже сделано до конца»[5].

В письме, адресованном самой Софии Ивановне (№ 4), которая, несомненно, тоже входила в число «ради Бога единомудрствующих», архимандрит уточняет, что статей, подобных «Чаше Христовой», у него написано уже пятнадцать и он предполагает из них составить книгу — «Мой дар друзьям моим»[6]. Описывая содержание и структуру созда-

---

[1] Творения. Кн. 6. С. 413. || [2] Там же. С. 402. — Письмо № 15 от 25 сент. 1847 г. || [3] Фамилию Снессоревой писали по-разному, но сама София Ивановна в документах и в своих произведениях подписывалась: Снессорева. || [4] Архимандрит Игнатий имел в виду сочинение «De imitatione Christi» (о подражании Христу), автор которого — *Фома Кемпийский*, собственно *Ф. Гамеркен или Гаммерлейн, (1380–1471)*, знаменитый мистик-аскет, родился в Кемпене близ Кёльна, — был приором августинского ордена. Указанное произведение выдержало 5000 изд., переведено на все языки. Эту книгу святитель Игнатий неоднократно называл написанной в состоянии прелести. См., например, развернутый анализ ее в статье «О прелести». (Настоящее издание. Т. 1. С. 235–239). || [5] Творения. Кн. 6. С. 424. — Письмо № 26 от 1 дек. 1847 г. || [6] Замысел архимандрита Игнатия не был исполнен. Произведения, написанные в

ваемой им книги, Преосвященный Игнатий замечает, что «образ изложения, наружная форма, самый слог, — может быть новость в духовной русской литературе». Он интересуется мнением Софии Ивановны и О. И. Сенковского о высланной «Чаше Христовой», но о публикации ее в «Библиотеке для чтения» пока ничего не пишет и просит «сохранить в тайне» это произведение.

Сочинение, которое архимандрит Игнатий посчитал возможным опубликовать в журнале после «Воспоминания о Бородинском монастыре», — «Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия»[1]. Писал он его, вероятно, уже незадолго до своего возвращения в Петербург. Отголоски работы над повестью звучат в мартовском письме 1848 г. к наместнику иеромонаху Игнатию: «...Бог, даровавший благодать свою проданному и заключенному в темницу Иосифу, преклонивший к нему сердца всех, — по великой милости своей преклонил и здесь сердца многих ко мне...»[2].

Свою повесть архимандрит Игнатий посылает в «Библиотеку для чтения» уже после возвращения из Николо-Бабаевского монастыря в октябре 1848 г., но рукопись возвращают, так как Сенковский в это время был болен холерой, а руководство делами редакции перешло в руки его помощника А. В. Старчевского[3]. Автор вновь обращается за помощью к Софии Ивановне (письмо № 6): «...препровождаю к Вам и письмо мое, и рукопись, примите на себя труд то и другое доставить Иосифу Ивановичу».

София Ивановна передает рукопись по назначению, и О. И. Сенковский, несмотря на слабость здоровья, лично занимается ею. Он приостанавливает публикацию произведения А. Н. Муравьева «Скит Гефсиманский»[4] и помещает повесть архимандрита Игнатия[5]. При этом Сенковский не

это время, Святитель включил в собрание своих сочинений; в 1862–1867 гг. некоторые из них были изданы отдельными брошюрами или опубликованы в журнале «Домашняя беседа» (См.: Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем — Настоящее издание. Т. 4. С. 654–655, 666–668). || [1] Бытие, гл. 37, 39–50. || [2] Творения. Кн. 6. С. 458. — Письмо № 42 от 24 марта 1848 г. || [3] См. сноску 2 (с. 516) к письму № 6. || [4] *Муравьев А. Н.* Скит Гефсиманский // Библиотека для чтения. 1849. Т. 96. С. 105–114. || [5] Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия // Библиотека для чтения. 1849. Т. 96. Русская словесность. С. 115–156. — Подпись: И.

изменяет своей манере работы с публикуемыми материалами и, как он это делал почти всегда, обрабатывает текст рукописи. Но обработка коснулась только авторского предисловия, которое он подает от лица редакции, начиная его со следующего объяснения: «Мы сочли нужным остановить печатание начатой уже здесь повести, чтобы поскорее дать место прекрасному труду одного из даровитейших учителей благочестия на Руси, украсившего уже не однажды это издание творениями пера своего. Имя его, столь прекрасно известное, всегда было скрыто на этих страницах, но голос его, наверное, отозвался каждый раз в душе читателей тем душевным умилением, которое возбуждает он в слушателях в другом, более святом, месте.

Несколько строк вступления объяснят и цель почтенного автора, и причину помещения здесь повести совершенно нового роду в изящной словесности. Причина может быть высказана очень коротко. Повесть — священного содержания; но изложение этой *священной повести*, вполне литературное, и язык ее увлекательны, художественны и приспособлены к чтению, любимому современными светскими воображениями»[1].

После появления в журнале повесть вышла отдельной брошюрой, по образцу прежних публикаций архимандрита Игнатия, в типографии К. Крайя[2]. А следом за ней — в октябре-ноябре 1849 г. — в той же типографии была издана и «Чаша Христова»[3], выхода в свет которой ждали друзья и духовные чада архимандрита. Об этом он писал одному из своих знакомых, объясняя причину опубликования брошюры: «Многие скорбящие желали иметь у себя список «Чаши Христовой», чтоб из этого чтения почерпать утешение для душ своих. Это заставило меня напечатать "Чашу"...»[4]. Авторы «Жизнеописания» Святителя писали,

[1] Там же. С. 115. || [2] Иосиф. Священная повесть, заимствованная из книги Бытия / Предисл. авт., доп. и представлено от ред. СПб., тип. К. Крайя, 1849. IV, 42 с. — Подпись: И. Вошло в «Сочинения...». — См.: Настоящее издание. Т. 2. С. 14–45. || [3] Чаша Христова. СПб.: тип. К. Крайя, 1849. 16 с. || [4] Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игум. Марк (Лозинский); Предисл. игум. Андроника (Трубачева) и игум. Марка (Лозинского); Центр изучения, охраны и реставрации наследия свящ. Павла Флоренского. М.; СПб., 1995. С. 510–511. — Письмо № 267 от 22 дек. 1849 г.

что брошюра «разошлась моментально, платили под конец по десяти рублей за экземпляр, но второго издания уже не было возможности сделать по причине цензурных исправлений, исказивших статью неузнаваемо»[1].

Такого рода сложности возникали и раньше. Так, получив в декабре 1847 г. «Воспоминание о Бородинском монастыре», архимандрит писал иеромонаху Игнатию: «Прилагаю один листок брошюры «Воспоминание о Бородинском монастыре», выправленный. Без числа ошибок! Совсем теряется и искажается смысл»[2].

В этом свете по-иному видится и публикация «священной повести» об Иосифе: очевидно, Сенковский подает предисловие от своего лица, чтобы обезопасить сочинение от возможных цензурных вмешательств. Но поправки первых публикаций, вероятно, все-таки не столь сильно искажали смысл произведений, как изменения в «Чаше Христовой», с которыми архимандрит Игнатий не согласился.

Скорее всего, к этому же времени относится письмо № 7 (без даты), из которого следует, что София Ивановна предпринимала попытку издать отдельной брошюрой «в виде подарка подписчикам» журнала «Библиотека для чтения» произведение архимандрита Игнатия «Беседа предуготовительная к таинству исповеди», написанное в Сергиевой пустыни в 1845 г. Предвидя возможное вмешательство цензуры, архимандрит советует Софии Ивановне заранее прибегнуть к помощи Сенковского и К. С. Сербиновича[3]. «Если ж беседа будет искажена перемарками и риторикой, — пишет он, — низведена из *антологического рода,* в котором она написана, то я на напечатание ее не согласен». Благое желание Софии Ивановны сделать «Беседу» достоянием широкой аудитории не осуществилось, — брошюра так и не была издана[4].

---

[1] Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. — М.: изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского; РНБ, 2002. С. 166. (Далее — «Жизнеописание...».) || [2] Творения. Кн. 6. С. 428. — Письмо № 28 от 25 дек. 1847 г. Судя по письмам, в начале 1848 г. «Воспоминание о Бородинском монастыре» было переиздано в той же типографии. — См.: Там же. — Письма № 38 от 23 февр., № 42 от 24 марта. 1848 г. || [3] См. сноску 3 (с. 517) к письму № 7. || [4] Вероятно, это произведение архимандрита вошло в «Сочинения...» в составе тома «Аскетическая проповедь» под названием «Беседа в понедельник первой недели Великого поста: Приготовление к таинству исповеди». — См.: Настоящее издание. Т. 4. С. 44–66.

Позднее сам Святитель описал ситуацию, сложившуюся вокруг его первых публикаций, в письме к брату: «Когда я жил в Сергиевой пустыни, тогда не благоволили, чтоб мои сочинения были издаваемы печатно, имея на то свои причины. <...> Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда не годною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики. Впоследствии один цензор был столько добр, что сказал о существовании тайного приказания относительно моих сочинений, после чего я не стал беспокоить цензуру представлением туда трудов моих»[1].

Последние две публикации архимандрита Игнатия этого времени — стихотворения в прозе «Кладбище» и «Сад во время зимы» — появились в февральском номере «Библиотеки для чтения» за 1851 г.[2], вероятно, лишь благодаря изобретательности Сенковского, который поместил их в «Смеси», тем самым «спрятав» рассказы-миниатюры архимандрита между другими мелкими произведениями раздела. Авторы «Жизнеописания» Святителя не знали об этих публикациях: «С трудом, при личном старании Сенковского, — пишут они, — прошли тогда две статьи, напечатанные в его журнале «Библиотека для чтения»: «Иосиф Прекрасный» и «Валаамский монастырь». Затем долгое время все труды архимандрита Игнатия ходили в рукописях между лицами, пользовавшимися его духовными советами»[3].

Конечно, способ публикации, использованный Сенковским, не мог удовлетворить автора, но архимандрит Игнатий, несомненно, оценил добрые побуждения, которые руководили редактором «Библиотеки для чтения» в этом деле. Так, письмо № 8 (1851 г., без числа), возможно связанное

[1] Творения. Кн. 6. С. 703–704. — Письмо № 178 от 30 сент. 1862 г. ||
[2] Кладбище // Библиотека для чтения. 1851. Т. 105. Февраль. Смесь. С. 130–131. Вошло в «Сочинения...». — См.: Настоящее издание. Т. 1. С. 170–171. Сад во время зимы // Библиотека для чтения. 1851. Т. 105. Февраль. Смесь. С. 131–132. Вошло в «Сочинения...». — См.: Настоящее издание. Т. 1. С. 165–166. || [3] «Жизнеописание...». С. 166. Эти первые публикации произведений Святителя «Кладбище» и «Сад во время зимы» не включены и в «Библиографию трудов святителя Игнатия и литературы о нем».— См.: Настоящее издание. Т. 4. С. 649–776.

с последними публикациями архимандрита в журнале, целиком посвящено Сенковскому и свидетельствует о дружеских отношениях, сложившихся между ними: архимандрит беспокоится о здоровье Сенковского и приглашает его вместе с женой посетить Сергиеву пустынь. Очевидно также, что особую роль в общении знаменитого Барона Брамбеуса с подвижником русской Церкви играла С. И. Снессорева.

Письма Преосвященного Игнатия к Софии Ивановне отражают не только перипетии литературной деятельности Архимандрита конца 1840-х — начала 1850-х гг. В них запечатлен, что чрезвычайно важно для нас, пример его духовного наставничества, постепенно исцеляющего и выправляющего душу Софии Ивановны.

Поначалу духовные уроки архимандрита Игнатия, видимо, даются ей с трудом. Так, его совет, почерпнутый из святых Отцов: именем Иисуса сокрушить своих кумиров — «земные предметы и образы их, приковывающие к себе мысль и сердце», — кажется Софии Ивановне жестоким. В это время ей, вероятно, еще трудно принять слова архимандрита о том, что «любовь Божия умерщвляет любовь плотскую, душевную». Но, поставляя Снессореву на первую ступень духовной лестницы, Архимандрит не требует от нее многого: «Не сетую на вас за равнодушие ко всем; не ищу от вас пламенной любви к Спасителю. Ищу сердца сокрушенного и смиренного, которого Бог не уничижит. <...> Поцелуйте за меня Колю и полюбуйтесь им: нам надо быть таким, как он, чтоб войти в Царство Небесное, которое есть Божественная Любовь» (письмо № 2).

Можно проследить, как бережно и последовательно Святитель подготавливает неокрепшую душу Софии Ивановны к духовному восхождению. Начав с заинтересованного внимания к ее мирским занятиям, он постепенно раскрывает перед ней смысл ее жизни, укрепляет в борьбе с невидимым врагом: «Вы нисколько не ошибетесь, добрейшая София Ивановна, если всю жизнь нашу уподобите продолжительной войне. Каждому из нас предназначено взять у иноплеменников свой Иерусалим и свой Царьград... Не желайте, прежде решительной победы, ни мира, ни отдыха. Сражайтесь! <...> Доставив Коле земное счастие, постарайтесь до-

ставить ему и небесное. Вот работа после работы» (письмо № 5).

Короткое письмо № 9 (от 27 марта 1854 г.) красноречиво свидетельствует о переменах, произошедших в духовной жизни Софии Ивановны с начала знакомства ее с архимандритом Игнатием. Снессорева, уроженка Воронежа, с детства почитала святителя Митрофана Воронежского. Переживания за судьбу России в войне с союзниками побуждают ее обратиться к архимандриту Игнатию с просьбой послать адмиралу П. С. Нахимову икону святого, передача которой стала событием для всего флота[1]. Святитель увидел в поступке Софии Ивановны проявление «смирения и благочестия».

В конце 1857 г., после наречения во епископа Кавказского и Черноморского, Преосвященный Игнатий навсегда покидает Сергиеву пустынь и уезжает в Ставрополь. Два письма Святителя (письма № 10 и № 11) относятся ко времени его четырехлетнего служения на Кавказской кафедре. Поскольку переписка становится единственно возможной формой общения Снессоревой со своим духовным отцом, первое место теперь в ней занимает главная забота Софии Ивановны — ее сын, подошедший к двадцатилетнему рубежу своей жизни.

С первых дней знакомства Снессоревой со Святителем он простер свое духовное руководство на самых близких Софии Ивановне людей: сына Колю и старшую сестру Елизавету Ивановну. И теперь (на расстоянии), как и прежде (при личных встречах), снова и снова он рассеивает тревогу Софии Ивановны за сына, помогает идти по правильному пути: «Слово Божие да будет вашим руководителем» (письмо № 10). «Бывает время сеяния; бывает и время жатвы. Непреложен нравственный закон, по которому люди должны неизбежно пожать то, что они посеяли произвольно. Но всемогущество Божие и неограниченная милость Божия могут изменить или смягчить и законную, логичную последовательность твердого нравственного закона» (письмо № 11).

После многолетних прошений об увольнении на покой в связи с болезнью Святитель получает разрешение на жительство в Николо-Бабаевском монастыре и в октябре 1861 г.

[1] См. сноску 2 (с. 518) к письму № 9.

переезжает туда. Половина из известных нам писем Святителя к Софии Ивановне написана им в этот последний период его жизни.

В уединенной обстановке он вновь отдается писательскому труду, и в конце 1862 г., после более чем десятилетнего молчания[1], в печати вновь появляются его творения. Главным помощником в важном для Святителя деле публикации его трудов становится его брат — Петр Александрович, который с середины 1862 г. полностью посвящает себя делам Святителя.

Отправляя Петра Александровича в Петербург для устройства своих сочинений в печати, Святитель писал ему: «Милосердый Господь да благословит твое путешествие и да дарует из духовной сокровищницы Своей разум и премудрость совершить все по Его святой воле, во славу Его святого имени и к пользе душ наших. <...> Я никак не ищу напечатания моих сочинений, никак не признаю их достойными напечатания или способными к назиданию христианского общества. Следовательно, если встретится препятствие к напечатанию, то не усиливайся, чтоб напечатали. <...> Если предварительно изъявят согласие, то пусть напечатаются те сочинения, которые я назначил к напечатанию»[2].

Петру Александровичу довольно скоро удается добиться успеха. Уже через полмесяца Святитель пишет ему: «*О сочинениях моих:* Не без Промысла Божия устраивается напечатание их, доселе встречавшее затруднения»[3]. На этот раз публиковать труды святителя Игнатия берется Виктор Ипатьевич Аскоченский[4], журнал которого «Домашняя

[1] С 1851 по 1862 г. вышли в свет три его произведения: Валаамский монастырь. — СПб.: тип. Г. Трусова, 1856. 73 с.; Речь, произнесенная в Св. Синоде настоятелем Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием при наречении его во епископа Кавказского и Черноморского, октября 18 дня 1857 года. [СПб.: Б. и., 1857]. 3 с.; То же: // Христианское чтение. 1857. Ч. 2. Июль–дек. С. 346–348; [Отзыв на проект преобразования морских учебных заведений адмирала графа Путятина] // Замечания разных лиц на проекты преобразования морских учебных заведений адмирала графа Путятина, 1860–1861. Ч. 2. Подлинные отзывы в алфавитном порядке. СПб., 1861. С. 499–510. ‖ [2] Творения. Кн. 6. С. 703–704. — Письмо № 178 от 30 сент. 1862 г. ‖ [3] Там же. С. 705–706. — Письмо № 180 от 18 окт. 1862 г. ‖ [4] *Аскоченский В. И.* (1813–1879) — прозаик, журналист, историк. В 1858–1877 гг. редактор-издатель и главный автор еженедельного журнала «Домашняя беседа», издание которого прекратилось в связи с болезнью и смертью Аскоченского.

беседа» твердо стоял на православных позициях. «Сердечно буду рад, если всех сочинений моих будет издателем В. И. Аскоченский, и прошу его об этом, — писал Святитель брату 8 ноября 1862 г. — Да и в самом деле он — двигатель этого дела! Я вполне уважаю то самоотвержение, с которым он действует. Нападки прогрессистов, которым он подвергается [1], в глазах моих, суть величайшие похвалы для него, так, как нападки бесов на угодников Божиих»[2].

Одновременно Святитель обращается к Софии Ивановне с просьбой взять на себя корректуру и поправку грамматических ошибок в подготовленных к печати его сочинениях (письмо № 12). София Ивановна сразу же соглашается. В ответном письме Святителя помимо благодарности и вопросов о сыне мы впервые встречаемся с его мнением о духовном значении переводческой работы Снессоревой[3]: «Искренне желал бы, чтоб время Ваше и силы души Вашей употреблялись на что-нибудь не столько богопротивное и враждебное Богу, сколько враждебны Богу новейшие журналы, усиливающиеся истребить в народе проповедию своею веру и нравственность. За это потребуется грозный ответ. — Милосердие Божие да устроит для Вас иное занятие» (письмо № 13).

София Ивановна со свойственной ей добросовестностью помогает Святителю в публикации его работ. 18 апреля 1863 г. Святитель писал ей: «Искренне благодарю Вас за воспоминание Ваше обо мне в письме Вашем к Петру Александровичу и за труд Ваш по моим сочинениям.

Признаю себя состоящим в долгу перед Вами и перед многими. Я говорил Вам о вере не столько, сколько следовало бы говорить. <...>

Вы, перечитывая мои сочинения, заимствуете из них все мысли и чувствования в Вашу собственность, — так пони-

[1] Журнал В. И. Аскоченского и сам он были постоянными объектами критики радикально настроенной и даже умеренной печати. А. И. Герцен, например, называл «Домашнюю беседу» «духовным журналом иезуитско-православного направления». — См.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 тт. М.: ИМЛИ, 1954–1965. Т. 18. С. 199. || [2] Творения. Кн. 6. С. 709. — Письмо № 183 от 8 нояб. 1862 г. || [3] Работая в редакции журнала «Библиотека для чтения», Снессорева к тому же постоянно состояла переводчицей в журналах Е. Н. Ахматовой «Собрание иностранных романов...» и «Дело и отдых». — См.: <Автобиографическая записка>.

маю — соединяетесь со мною в одно направление, в один дух. Направление заимствовано мною всецело из учения святых Отцов Православной Церкви» (письмо № 14).

Вторая часть письма дает повод предположить, что в своем письме София Ивановна сообщает Святителю о намерении Ивана Ильича Глазунова[1] издать Собрание сочинений Преосвященного Игнатия. «Сердечно радуюсь, — пишет Святитель Снессоревой, — что Ивану Ильичу пришла благая мысль издать мои сочинения на свой кредит. Смею думать, что он сделает благодеяние всему отечественному христианскому обществу. <...> Мне и брату моему сделает Иван Ильич также духовное добро, потому что избавит нас от вещественных хлопот о напечатании... Уповаю на милость Божию, что Вы поймете все, сказанное здесь мною: оно довольно глубоко, и, несмотря на простоту и ясность дела, не всякий поймет его» (письмо № 14).

Продолжая публиковать свои произведения у В. И. Аскоченского[2], Святитель принимает предложение И. И. Глазунова и начинает готовить свои сочинения к более полному изданию. Авторы «Жизнеописания...» пишут об этом: «Книгопродавец-издатель И. И. Глазунов, старинный знакомец владыки Игнатия, вошел с ним в соглашение о напечатании всех его сочинений, принимая издержки издания на себя, и тем ввел Преосвященного в усиленное занятие пересмотром, исправлением, пополнением и приведением в одно целое всех статей, писанных им в разное время в сане архимандрита, а потом и епископа. Таким образом, составились первые два тома под названием "Аскетических Опытов"...»[3].

Как при издании отдельных произведений Святителя В. И. Аскоченским, так и теперь, когда начинается издание

---

[1] *Глазунов Иван Ильич* (1826–1889) — представитель издательской и книготорговой фирмы Глазуновых, основанной в 1782 г. и издававшей собрания сочинений русских писателей, труды историков, педагогов и пр. || [2] С 1862 года до кончины Святителя в 1867 г. было опубликовано четырнадцать его произведений различных жанров в «Домашней беседе» и еще тринадцать вышли в издательстве В. И. Аскоченского и типографии И. И. Глазунова отдельными изданиями. См.: *Семенова Т. Н.* Библиография трудов святителя Игнатия и литературы о нем (за 1847–2001 гг.) // Настоящее издание. Т. 4. С. 654–655, 666–668. Все они позже будут включены в собрание сочинений святителя Игнатия. || [3] «Жизнеописание...». С. 482.

всех его сочинений, Преосвященный Игнатий видит в этом Божие произволение. 10 января 1864 г. он пишет брату: «Напечатание моих сочинений, очевидно, дело Промысла. И я, и ты, и о. Фотий[1], и В. И. Аскоченский, и Глазунов, и София Ивановна — орудия. Всем дано дело в общую пользу, а следовательно, и в свою. Изучающие христианство по букве и утратившие деятельное изучение его имеют одно учение для себя, а другое для других»[2].

Когда произведения для первых двух томов были собраны, Святитель обращается к Глазунову с просьбой отнестись к изданию с особой ответственностью: «Богу благоугодно было внушить вам расположение приобщиться моему убогому труду изданием составленных мною «Аскетических Опытов». Эта книга в собственном смысле принадлежит не мне: она вся заимствована из святых Отцов Православной Церкви. Мой труд состоит в том, что в течение всей жизни моей я занимался изучением отеческих писаний и сделал из них такое извлечение, какое возможно сделать только по долговременном изучении сих исканий. <...>

Милостынею признал я книгу «Аскетические Опыты». Промыслом Божиим дано было мне, во спасение души моей, приуготовить эту милостыню: этим же Божиим Промыслом дается вам, во спасение души вашей, передать эту милостыню духовную нуждающимся в ней христианам. Дело Божие, Иван> И<льич, надо делать со тщанием, чтоб дело, данное во спасение, не было повреждено небрежением и не послужило в осуждение. Я по силе моей постарался дать возможную отчетливость и исправность книге, приготовляя ее с 1840 г., пересматривая, выправляя, дополняя ее, чтоб учение отцов, изложенное в ней, имело удовлетворительную ясность и полноту: так и вы озаботьтесь, чтоб книга была издана исправно и в должный срок. Многие благочестивые души жаждут этой пищи духовной и желают иметь книгу в руководство жительства своего именно по той причине, что она есть сборник учения святых Отцов Православной Церкви о главных добродетелях христианских и о духовном подвиге»[3].

---

[1] Цензор. || [2] Творения. Кн. 6. С. 723. — Письмо № 195 от 10 янв. 1864 г. || [3] Творения. Кн. 6. С. 508–510. — Письмо № 34 от 3 марта 1864 г.

Одновременно Святитель обращается к Софии Ивановне с просьбой взять на себя корректуру «Аскетических опытов», если этот труд будет удобен для нее (письмо № 18). София Ивановна, вероятно, колебалась в принятии решения, чувствуя большую ответственность и критически относясь к своим способностям. Переживания ее были столь велики, что она увидела сон, о котором сразу же поведала Святителю в очередном письме. Святитель объясняет Снессоревой ошибочность ее внимания к сновидению и раскрывает духовное значение предлагаемой ей работы: «...1) полагаю, что тщательный пересмотр «Опытов» подействует благотворно на Вашу душу, уже привыкшую входить в общение с духом святых Отцов Православной Церкви и находить пищу и утешение, более — оживление в этом общении; 2) по Вашей преданности мне, по сочувствию, которое питаете к моим убогим писаниям, по Вашему знанию и навыку в этом деле я не могу указать ни на кого другого, который бы исполнил служение в общую пользу христианства с таким усердием и с такою исправностию, как Вы; 3) Вы хорошо знакомы с Глазуновым[1] и можете более, нежели другой, похозяйничать в его типографии. Затем Господь да благословит Вас на этот труд» (письмо № 19).

Еще за год до предложения заняться корректурой «Аскетических опытов» — в апреле 1863 г. — Святитель приглашает Снессореву посетить Николо-Бабаевский монастырь, совершив одновременно «приятную и полезную» поездку. Письмо № 20 дает возможность предположить, что София Ивановна в начале июня 1864 г. побывала у Святителя, который, вероятно, окончательно развеял ее неуверенность и сомнения в себе. Преосвященный Игнатий высоко оценивал работу Софии Ивановны и неоднократно благодарил ее за корректуру: «Очень приятен мне труд Ваш по корректуре «Аскетических опытов», которые в христианском отношении имеют огромное значение» (письмо № 20). «Признаю за милость Божию к себе Ваше участие в этом деле» (письмо № 23). «С замечаниями Софии Ивановны, — писал Святитель брату,— в значительной степени я согласен. Ищу, как сокровищ, замечаний, исходящих из истинного расположения и из знания»[2].

---

[1] Глазунов был издателем журналов Е. Н. Ахматовой. || [2] Творения. Кн. 6. С. 763. — Письмо № 227 от 6 янв. 1865 г.

Снова и снова Святитель пишет Софии Ивановне о духовном значении исполняемой ею работы: «Занимаясь корректурой «Опытов», Вы трудитесь и для общей пользы, и для собственной Вашей. Смею думать, что Промысл Божий доставил Вам этот труд; чтоб дух Ваш оторвался от духа мира сего и усвоился Духу Божию, в чем сущность спасения» (письмо № 20).

Насколько успешно усваивала Снессорева духовные уроки своего учителя, можно судить по написанной ею в конце 1863 г. и вышедшей из печати в 1864 г. первой духовной книжке «Дарьюшка-странница»[1]. Это рассказ о жизни реального лица — Дарии Александровны Шурыгиной, рясофорной послушницы Новодевичьего Воскресенского монастыря, с которой был знаком Святитель и которую хорошо знала сама Снессорева. Получив книгу, Святитель писал: «Искренне благодарю Вас за присланные брошюрки о Дарьюшке: такие простые христианские души, как Дарьюшка, очень близки к Богу, между ими и Богом нет тех ширм, той каменной стены, которые поставляются образованностью и обычаями мира сего» (письмо № 20). Повесть сразу же была опубликована в «Домашней беседе»[2].

Помощь Софии Ивановны в издании собрания сочинений Святителя не ограничилась лишь корректорской работой. Поначалу издание шло гладко. Но если публикации произведений Святителя в конце 1840-х — начале 1850-х гг. встретились с внешними затруднениями, то во время издания собрания сочинений возникли препятствия иного характера. По воспоминаниям П. А. Брянчанинова, когда второй том «Аскетических опытов» находился уже в типографии, И. И. Глазунов неожиданно отказался от данного им обещания издавать сочинения за свой счет, вследствие чего «были остановлены все типографские работы на неоконченном втором томе»[3]. В письме, написанном Святителем Глазунову по этому поводу, Преосвященный Игнатий, в частности, писал: «Все добрые дела наветуются скорбями, между тем Священное Писание говорит, что начавший доброе дело да совершит его. В наше время распростране-

[1] См. сноску 1, с. 487. || [2] Дарьюшка-странница // Домашняя беседа. 1864. — Вып. 2–11. || [3] Творения. Кн. 6. С. 1098 — Сноска к письму № 261 от 25 окт. 1864 г.

нию учения святых Отцов особливо противодействуют отверженные духи, влагая разные помышления плотского мудрования и восставляя людей, руководимых плотским мудрованием. Почему я полагал бы, что вам надо придержаться с твердостью принятого вами благого намерения, а приходящие помышления и внушения людские принять за знак того, что дело ваше приятно Богу и полезно христианству потому именно, что против таких дел воздвигаются всегда препятствия и скорби, по мнению святых Отцов. Препятствиями свидетельствуются такие дела. <...> Вы сами видите, какая ныне нужда в учении святых Отцов для христианского общества, обуреваемого разными нечестивыми учениями. Сделав свое дело, то есть отдав вам безвозмездно для напечатания мой двадцатилетний труд, я в остальном полагаюсь на волю Божию и желаю пребывать в мире душевном на основании покорности воле Божией»[1]. После получения письма, как писал брат Святителя, второй том «Аскетических опытов» был напечатан, но еще два остались ненапечатанными.

Снессорева, вероятно, играла немалую роль в возобновлении издания. Зная близко Глазунова и имея возможность встречаться с ним в Петербурге[2], она, вероятно, сумела найти способы повлиять на решение издателя, что видно из письма № 23. «Бог благословил начинание, истекшее от Вас», — пишет Святитель Софии Ивановне, одновременно сообщая о возобновлении издания.

Завершение издания подготовленных Святителем четырех томов сочинений промыслительно совпало с последними днями его земной жизни. Преосвященный Игнатий чувствовал приближение этого рубежа, и письма его постепенно приобретали иное звучание: все меньше в них было мирского попечения, все больше слов, сказанных для Вечности: «...я, оканчивая мое земное странствование, обращаюсь с приветом любви ко всему человечеству, желая всем всех истинных благ. С особенной благодарностию обращаюсь к тем немногим, которые оказывали мне особенную любовь. В числе этих немногих, очень немногих — Вы. Благодарю вас за сочувствия Ваши ко мне» (письмо № 22).

---

[1] Творения. Кн. 6. С. 802–803. — Письмо № 261 от 25 окт. 1864 г. ‖
[2] Снессорева жила в Царском Селе.

Тем большее значение в эти последние годы приобретают обращенные к Софии Ивановне слова Святителя о ее духовной победе: «Какое великое дело Вы сделали! **Вы поручили, совсем** отдали, как пишете, Вашего сына Божией Матери. Будьте уверены, что Божия Матерь приняла его, а он пусть потщится быть достойным Высокой и Великомощной Покровительницы своей!» (письмо № 22 от 24 ноября 1864 г.).

Последний раз София Ивановна виделась с Преосвященным Игнатием 13 сентября 1866 г. По ее собственному признанию, при прощании Святитель сказал ей: «София Ивановна! Вам, как другу, как себе говорю: готовьтесь к смерти — она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно — спасение души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности»![1] Через несколько месяцев после этой встречи (в первых числах мая 1867 г.) Снессорева вновь едет в Николо-Бабаевский монастырь — на похороны Святителя.

Чувства, пережитые духовными чадами Святителя после его смерти, запечатлены в анонимной статье: «Кончина преосвященного Епископа Игнатия Брянчанинова», опубликованной в журнале В. И. Аскоченского через две недели после погребения Святителя и сразу же изданной отдельной брошюрой[2]. Бережное внимание, с которым описаны в ней и события последних дней жизни Святителя, и каждая деталь обстановки его комнаты, и последние строки его сочинений, говорит о глубокой любви и почтении автора к Преосвященному Игнатию. Статья, написанная от лица духовных чад Святителя, прошедших с ним путь от Сергиевой пустыни до Николо-Бабаевского монастыря, по поэтическому стилю и языку очень близка очерку о Дарьюшке и, несомненно, является тем самым «кратким описанием кончины» Святителя, о котором упоминает С. И. Снессорева в своей <Автобиографической записке>[3].

---

[1] См.: Из записок Михаила Васильевича Чихачова // Настоящее издание. Т. 1. С. 600. || [2] Кончина Преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова) // Домашняя беседа. 1867. Вып. 21, 20 мая. С. 578–584.; То же. СПб.: тип. Морского Министерства, 1867. 13 с. || [3] Во втором (позднем) варианте <Автобиографической записки> «На память другу» Снессорева дает более подробную характеристику изданию: «По желанию родственников покойного епископа Игнатия Брянчанинова я

Во время работы над собранием сочинений Святитель неоднократно говорил о необходимости второго издания. После смерти Преосвященного Игнатия родственники, прежде всего брат, ищут возможности осуществить это желание Святителя. Возможность появляется в 1880 г., когда с купцом И. Л. Тузовым был заключен договор о втором издании сочинений Святителя. Один из пунктов договора гласил: «По окончательном отпечатании учредить надлежащую считку и ведение корректуры поручить г-же Софии Ивановне Снессоревой»[1]. Без сомнения, можно утверждать, что работу эту София Ивановна выполнила и издание сочинений Святителя 1886 года было подготовлено к печати ею. А в 1891 г. у Тузова же Снессорева издает свой главный труд «Земная жизнь Пресвятой Богородицы...»[2].

Письма святителя Игнатия к С. И. Снессоревой известны нам только в печатном виде. Впервые они были опубликованы почти через 50 лет после смерти Преосвященного Игнатия и через 11 лет после смерти Софии Ивановны — в 1915 г. — на страницах фундаментального исследования Л. А. Соколова «Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. С. 99—108, 125—138». Автор труда указал, что все публикуемые им 303 письма Владыки к разным лицам получены «от родного племянника его сенатора Н. С. Брянчанинова» и «издаются впервые». Письма были собраны из двух источников: «...или из собственноручных тетрадей брата его — Петра Александровича Брянчанинова», или представляли собою «перепечатку подлинных писем владыки Игнатия» (Там же, с. 84.). Последние выделялись наличием обращения к адресату и подписи Святителя.

В предлагаемой публикации письма Святителя к Снессоревой впервые расположены в хронологической последовательности.

До недавнего времени мы почти ничего не знали и о судьбе С. И. Снессоревой. Лишь благодаря обнаруженным

написала, со слов очевидцев, несколько страниц о последних днях его жизни. Небольшое издание разошлось между родными и знакомыми». (РО ИРЛИ. Ф. 155, не обработан.) ‖ [1] *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. С. 9. ‖ [2] См. сноску № 1, с. 487.

в Рукописном отделе АН ИРЛИ (Пушкинский Дом) (далее РО ИРЛИ) ее биографическим материалам стали известны основные события жизни Снессоревой. В документах Литературного фонда за 1877 г. (Ф. 155, не обработан) и фонда Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1895 г. (Ф. 540, оп. 1, № 352) сохранились прошения С. И. Снессоревой о постоянном и временном пособиях. К первому — в Литфонд — приложены автобиографическая записка Софии Ивановны «На память другу», а также список ее переводов и других произведений.

Предоставление автобиографических сведений и списка литературных работ было необходимым условием для всех, обращавшихся с просьбой о помощи в Литфонд. Снессорева отнеслась к этому делу со свойственной ей добросовестностью, и ее автобиографическая записка, написанная на 15 листах, представляет собой подробное повествование о полной неустанного труда и борьбы с нуждой и болезнями жизни. Приложенный же к автобиографической записке список ее переводов за 40 лет работы в журналах насчитывает более семисот произведений!

Официальный характер автобиографической записки ограничил повествование Снессоревой только внешними событиями, внутренняя же ее жизнь и, в частности, отношения со святителем Игнатием, работа над его сочинениями не упоминаются в ней. Эта сторона жизни Софии Ивановны нашла отражение в ранней редакции автобиографической записки, хранящейся в фонде Е. Н. Ахматовой (РО ИРЛИ. Ф. 12, № 158. 1871 г. 18 л.), которая публикуется впервые как дополнение к письмам святителя Игнатия.

Документ этот, для удобства названный нами: <Автобиографическая записка>, представляет собой черновой автограф, написанный рукой Снессоревой от третьего лица. Изложение основных событий жизни Софии Ивановны в ранней и поздней редакциях совпадают почти дословно, но <Автобиографическая записка> дает возможность читателю ближе познакомиться с духовным обликом многолетней и верной помощницы Святителя.

Приносим искреннюю благодарность за помощь в подготовке публикаций сотрудникам Пушкинского Дома Любови Владимировне Герашко и Алексею Марковичу Любомудрову.

Елена Аксененко

№ 1

Извещая Вас, что мой «Валаам» кончен[1], и желая, чтоб он был помещен в Б<иблиотеке> для чтения, я прошу Вас, примите на себя труд передать это г. Сенковскому[2]. Но таится во мне условие — и я сейчас же его Вам скажу. Мне очень желалось бы — познакомиться с г. Сенковским не только по настоящему обстоятельству, но как с литератором, которого суд мне будет наверно полезен, а потому нужен. От времени до времени может выходить из-под пера моего брошюрка с поэтическим размахом и посему служить для его журнала не совсем лишнею мебелью. Куда-нибудь в уголок! Картины мои пишу с двух приемов. В первый творю, во второй — занимаюсь отделкой. Первым приемом «Валаам» кончен, и мне хотелось бы с приступлением к второму познакомиться с г. Сенковским, услышать его мнение, употребить его с пользою; первую картину я Вам читал, далее пошли картины все разнообразные, поддерживающие, варьирующие чувство читателя. На последней финальной картине рука моя расходилась — и, кажется, последняя картина выше всех смелостию живописи. Извините — оставляю скромность для искренности, которая в сих случаях необходима. Я был бы очень благодарен, если бы г. Сенковский пожаловал ко мне поскорее; я свободен утром до 12, а после обеда с 4 часов до глубокого вечера. Ожидаю Вашего ответа.

Архимандрит Игнатий.
9 мая 1846 года.

[1] *...мой «Валаам» кончен....* — Архимандрит Игнатий сообщает о завершении работы над первым вариантом своего произведения «Валаамский монастырь» (см. сноски 2 и 3 (с. 489) к Предисловию), в основу которого, вероятно, лег его рапорт «Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем, составленное благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандритом Игнатием». (См.: Настоящее издание. Т. 3. С. 394—419). Архимандрит Игнатий не только художественно обработал краткие сведения о Валааме, упомянутые в небольшой пер-

вой главе рапорта, но значительно дополнил их цитатами из монастырских рукописей, Евангелия, Святоотеческих писаний и другой литературы об истории монастыря. Доработка текста, очевидно, была закончена после второй служебной поездки архимандрита на Валаам, состоявшейся в сентябре 1846 г., о которой он писал П. П. Яковлеву 9 сентября 1846 г.: «С 3-го сентября я на Валааме; сегодня 9-е, а депутата — еще нет. Наступают осенние непогоды. ... Так во время пребывания нашего в Коневце была там сильнейшая буря, так что самый пароход пришел тремя днями позже». См.: Странствие ко вратам вечности. Переписка Святителя Игнатия Брянчанинова с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 226.

[2] *...г. Сенковскому...* — Сенковский О. И. См. сноску 4 (с. 489) к Предисловию.

№ 2

Нет в моем сердце для вас укоризны. Есть в нем желание вам душевной пользы, есть искренность. Принимайте слова мои с простотою и любовию, потому что они говорятся с простотою и любовию. Любовь не подозрительна, исполнена веры, я говорю о любви духовной; плотская любовь всегда растворена ревностию и подозрительностию.

Кумирами называю, — или лучше научился называть, научился у святых Отцов, в их писаниях, — земные предметы и образы их, приковывающие к себе мысль и сердце. Эти кумиры падают, когда произносится в храме душевном всемогущее и спасительное имя Иисуса. Желаю, чтоб это совершилось во мне, а потому и в Вас. Что Вы находите в этом желании жестокого? Правда — оно ведет к тесному и прискорбному пути, совершаемому мыслями и чувствованиями о Господе, но путь сей выводит к блаженству. Не сетую на Вас за равнодушие ко всем; не ищу от вас пламенной любви к Спасителю. Ищу сердца сокрушенного и смиренного, которого Бог не уничижит. Что значит **не уничижит**? Значит, что в смиренное сердце, сокрушающееся блаженною печалию о множестве согрешений и недостатков, Бог изливает из Себя любовь к Себе. Свидетель сему святой Апостол Павел, который говорит, что в него излилась любовь Божия Духом Святым, данным ему[1]. Любовь Божия умерщвляет любовь плотскую, душевную. Она — Дух. **Она пребывает в тонком хладе**[2], всегда ровная, как в Евангелии, но научает уязвленного ею полагать душу за ближнего своего. Ибо ощущение этой

любви сладостнее ощущения жизни. Она поставляет человека в правильное отношение ко всем и ко всему. Она в святом мире, и мир в ней. Она в святой чистоте, и чистота в ней. В чистоту входим покаянием; покаяние должно нас умалить, привести в состояние детей. Поцелуйте за меня Колю[3] и полюбуйтесь им: нам надо быть таким, как он, чтоб войти в Царство Небесное, которое есть Божественная Любовь.

Вам преданнейший Архимандрит Игнатий.
23 августа 1846 года.

[1] Рим. 5. 5.
[2] Цар. 19. 12.
[3] *...Колю...* — *Снессорев Николай Аполлонович.* первый ребенок Аполлона Васильевича и Софии Ивановны Снессоревых. Родился 23 июля 1838 г. в Астрахани. — РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 50 («Свидетельство о рождении и крещении сына Николая»). Дата смерти не установлена. Трое последующих детей (мальчик и две девочки) умерли в младенчестве. См.: <Автобиографическая записка>.

№ 3[1]

Милейшее письмо Ваше, письмо предоброе Елизаветы Ивановны[2], милое письмецо Коли — получил; а отвечаю очень мало, потому что от спасительного действия лекарства весьма слаб. Не имею наличного капитала, поверите ли Вы мне в долг? Этот долг состоит в том, чтоб написать Вам, Елизавете Ивановне, Коле по особенному письмецу, когда поокрепну.

Христос с Вами! Приветствую всех вас вместе, — странники на земли, как и я!.. Всем нам одна пристань!..

Архимандрит Игнатий.
29 октября <1847 года>.

[1] Написано из Николо-Бабаевского монастыря (см. сноску 2 (с. 491) к Предисловию), где архимандрит Игнатий находился в отпуске на лечении с июля 1847 г. по май 1848 г.
[2] *...Елизаветы Ивановны...* — Егорова Елизавета Ивановна (1810–1895), старшая сестра С. И. Снессоревой. Жена статского советника Егорова, Обер-провиантмейстера Сибирского корпуса. — ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. 29. Оп. 138. Д. 82. Вероятно, после смерти мужа Елизаветы Ивановны сестры жили вместе в

Царском Селе. — ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 1. № 352. См. также <Автобиографическую записку>.

№ 4[1]

«Долг красен платежом», — говорит русская пословица, добрая, справедливая пословица. Это мне надо исполнить относительно Вас: отвечать Вам сколько-нибудь порядочно на предоброе письмо Ваше, на премилое письмо. Когда, в последний раз, писал я к Вам, — был сам не свой; и теперь еще не свой. Это — от действия лекарства, действия спасительного, но держащего в каком-то онемении, в состоянии полужизни. Вместо обширного письма посылаю Вам статью «Чаша Христова»[2]. — Таких статей у меня написано 15, назначаются составить книгу — **«Мой дар друзьям моим»**[3], мою уплату за ту любовь, которую многие имеют ко мне в такой степени. Образ изложения, наружная форма, самый слог, — может быть новость в духовной русской литературе. Так мне внушилось, — и я действую просто по внушению. Мне хочется, чтоб книга моя была другом, всегда утешительным, никогда не обременительным. Читатель найдет везде начало, везде конец. Захочет прочитать всю статью, — найдет общую связь. Хочу, чтоб книга удобоприступна была каждому, как друг; и — чтоб гордый ум смиряла высотою истин и глубиною чувств: друг должен быть с характером. Книга должна состоять из 4-х частей. Статьи первой — нравственные советы — Вы имеете образчик. Статьи второй — элегии; душа рассматривает себя, свои отношения к земле, к небу и пр. Статьи третьей: внутренние действия религии христианской. Статьи четвертой: приготовление к причащению Святых Христовых Тайн. Каждая часть имеет свой тон. — Прочитайте «Чашу», скажите Ваше мнение о таком роде сочинения. Если б Иосифу Ивановичу[4] выпала минута и он бы передал Вам свой совет и мнение, — я был бы особенно благодарен.

Воспоминание о Бородинском монастыре, какое у меня было в душе, такое и вышло на бумагу[5]. В этом заключается все мое оправдание пред справедливым обвинением в краткости. Чад своих не отдаю в ортопедическое заведение — вытягивать члены, рожденные на свет короткими! —

Есть у меня некоторые вещи и более обширные, чем «Воспоминание», но не знаю, идут ли они в светский журнал. Пришлю что-нибудь, когда поокрепну и предоставлю благорассмотрению Иосифа Ивановича напечатать или нет.

«Чашу» сохраните в тайне с сестрицею Вашею[6]. Пейте вдвоем из нее духовное утешение в скорбях Ваших. Вы, конечно, не поскорбите на меня за следующее: прочитав «Чашу», отдайте ее в собственность Елизавете Ивановне. — Я хотел ей написать, — но изнемогаю, должен идти, лечь на постель. А хочется перед ней не быть в долгу, потому предлагаю Вам эту просьбу.

Преданнейший Архимандрит Игнатий.
1 декабря. <1847>

[1] Написано из Николо-Бабаевского монастыря.

[2] *...статью «Чаша Христова»...* — Архимандрит Игнатий высылает рукопись только что написанного им произведения, которое будет издано отдельной брошюрой: Чаша Христова: Соч. архим. Игнатия, настоятеля Сергиевой пустыни. — СПб.: тип К. Крайя, 1849. 16 с. См.: Настоящее издание. Т. 1. С. 504–512.

[3] *...«Мой дар друзьям моим»...* — Книга под таким названием не была издана. См. сноску 6 (с. 493) к Предисловию.

[4] *...Иосифу Ивановичу...* — Так архимандрит Игнатий называл Осипа Ивановича Сенковского.

[5] *Воспоминание о Бородинском монастыре, какое у меня было в душе, такое и вышло на бумагу.* — Архимандрит Игнатий имеет в виду публикацию: Воспоминание о Бородинском монастыре // Библиотека для чтения, 1847. Т. 85. Науки и художества. С. 121–122. — Подпись: И. См.: Настоящее издание. Т. 4. С. 473–475.

[6] *...с сестрицею Вашею...* — Егорова Е. И.

№ 5[1]

Вы нисколько не ошибетесь, добрейшая София Ивановна, если всю жизнь нашу уподобите продолжительной войне. Каждому из нас предназначено взять у иноплеменников свой Иерусалим и свой Царьград. Слава на небе ожидает победителя и завоевателя, — бесчестие вечное ожидает решительно побежденного, допустившего себе падение, из которого нет восстания. Не желайте, прежде решительной победы, ни мира, ни отдыха. Сражайтесь! если чувствуете изнеможение, если побеждаетесь в мысли: то снова обо-

дряйте себя, старайтесь не быть побежденною на самом деле и обучиться со временем к победе при столкновении одних мыслей. Доставив Коле земное счастие[2], постарайтесь доставить ему и небесное. Вот работа после работы. Ваша добродетель будет привлекать благословение Божие на Вашего сына; а за согрешение Ваше может разразиться над ним гнев Божий. Помните это и укрепляйтесь. Бог, доселе не оставлявший Вас, не оставит и на будущее время. Благословение Его да почиет над Вами.

Вам преданнейший
Архимандрит Игнатий.
24 мая 1848 года.

[1] Написано из Николо-Бабаевского монастыря.

[2] *Доставив Коле земное счастие...* — Сын С. И. Снессоревой по личному распоряжению цесаревича Александра (будущего императора Александра II) был помещен во вторую С.-Петербургскую гимназию. См.: <Автобиографическая записка>. Также: Историческая записка 75-летия СПб. 2-й гимназии. 1–3 ч. Сост. препод. А. В. Курганович и А. О. Круглый. СПб.: тип. Э. Арнгольда, 1894. Ч. 2. (1831–1880). С. 424. Также: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 36. (Дело о дворянском происхождении рода Снесаревых.)

№ 6

Письмо мое к Иосифу Ивановичу и рукопись «Иосиф» возвратили[1], приведя причину отсутствия Иосифа Ивановича, и якобы уже не он, а кто-то другой занимается изданием «Библиотеки для чтения»[2]. Почему препровождаю к Вам и письмо мое, и рукопись, примите на себя труд то и другое доставить Иосифу Ивановичу.

Вам преданный Архимандрит Игнатий.
4 августа 1848 года.

[1] *Письмо мое к Иосифу Ивановичу и рукопись «Иосиф» возвратили...* — Архимандрит Игнатий посылает рукопись своего произведения для публикации в «Библиотеку для чтения». О причине ее возвращения см. в Предисловии.

[2] *...кто-то другой занимается изданием «Библиотеки для чтения»...* — Дела редакции в это время ведет А. В. Старчевский.

№ 7

Милостивая Государыня София Ивановна!

Имею честь препроводить «Беседу предуготовительную к таинству исповеди»[1]. Я согласен по слову Вашему, чтоб она была напечатана почтеннейшим издателем «Библиотеки для чтения», в отдельной книжке, в виде подарка подписчикам. Но должен сказать Вам, что эта беседа — подражание огласительным беседам святого Кирилла Иерусалимского[2] — очень покажется новою в настоящее время для духовных цензоров, почему и предлагаю г-ну Старчевскому (а лучше б Иосиф Иванович взял на себя этот труд) побывать у К. С. Сербиновича[3], питающего к изданиям Иосифа Ивановича особенное уважение. Если К. Сербинович одобрит беседу к напечатанию, то пусть г-н Старчевский выпросит у него записочку к цензору о. архимандриту Иоанникию, при такой записочке о. Иоанникий[4], очень ко мне расположенный, нисколько не затруднится пропустить беседу, пропустить скоро, и не подвергая операции. Если ж беседа будет искажена перемарками и риторикой, низведена из антологического рода, в котором она написана, то я на напечатание ее не согласен. — Записочка, записочка от К. Сербиновичу! Она будет иметь магическую силу! Будьте здоровы!

Вам преданный
Архимандрит Игнатий.

[1] *«Беседа предуготовительная к таинству исповеди».* — Произведение святителя Игнатия под таким названием в печати не появлялось. См. сноску 4 (с. 496) к Предисловию.

[2] *...подражание огласительным беседам святого Кирилла Иерусалимского...* — Кирилл (315–386), святой Отец Церкви, с 351 г. епископ Иерусалимский. Известны его проповеди (импровизации, записанные его слушателями), огласительные и тайноводственные поучения (24) имеют важное значение для истории христианских догматов, таинств и обрядов.

[3] *Сербинович Константин Степанович* (1797–1874) — писатель. С 1833 по 1856 г. редактировал «Журнал Министерства Народного Просвещения» и в то же время состоял до 1859 г. директором Канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода. Позже был членом Комиссии прошений.

[4] *...о. Иоанникий...* — Цензор.

№ 8

Добрейшее письмо Ваше и при нем письмо Иосифа Ивановича я получил, очень жалею, что почтеннейший Иосиф Иванович, при болезненности своей, принял на себя труд написать письмо, отнявшее у него много драгоценных минут, которые можно бы было отдать или полезному труду, или столько же полезному отдохновению. Это письмо останется у меня, как щит против цензуры духовной[1]. Оставляя теперь говорить о всем прочем, выскажу только то, что надо же осуществить когда-нибудь доброе намерение Иосифа Ивановича и его супруги посетить Сергиеву Пустыню, заботу о том, чтобы устроить это, примите на себя. Это будет тою казнию, которой Вы просите от меня в последнем письме Вашем за постоянное расположение Ваше ко мне.

На днях получил его «Письма с Востока»[2]. Это сочинение мне нравится. Оно — более скромно и зрело, чем другие его сочинения.

1851 год.

[1] *...цензуры духовной...* — О. И. Сенковский в 1828—1833 гг. был цензором.

[2] *...«Письма с Востока»...* — О. И. Сенковский был выдающимся ориенталистом своего времени. Он обладал незаурядными способностями и знаниями в области восточных языков. С 1822 г. был профессором С.-Петербургского университета по кафедре арабской словесности. (Об этой стороне деятельности Сенковского см.: *Алиева Л. Г.* О. И. Сенковский — путешественник и востоковед. Автореферат канд. дис. М., 1977.) Тем не менее опубликованного произведения О. И. Сенковского с таким названием обнаружить не удалось.

№ 9

Вам надо пожаловать ко мне прочитать ответ Нахимова[1], назидательный своим смирением и благочестием. Это отклик на Ваше смирение и благочестие; водимые ими, Вы передали мне Ваше желание послать ему икону святителя Митрофана, привили мне это желание[2].

Вам преданный

Архимандрит Игнатий.
27 марта 1854 года.

[1] *Нахимов Павел Степанович* (1802–1855) — русский флотоводец, адмирал. В Крымскую войну, командуя эскадрой, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853). В 1854–1855 гг. руководил героической обороной Севастополя.

[2] Событие, о котором идет речь в письме, — благословение адмирала Нахимова иконой святителя Митрофана, посланной архимандритом Игнатием, — описано в опубликованных «Записках» С. И. Снессоревой.

Рассказ С. И. Снессоревой*

У нас война с турками. Ночью просыпаюсь, мне стыдно спать спокойно, когда мои соотечественники, когда русские страдают и терпят все бедствия. Битва при Синопе отозвалась в сердце каждого русского. Я была у батюшки (владыки Игнатия). Между прочим просила его, нельзя ли послать Нахимову письмо и благословить образом святителя Митрофана? Почему же Святителя Митрофана? — спросил он. А потому что на его деньги Петр I положил основание Черноморскому флоту, основав первый флот в Азове, как воронежская уроженка я не могла не знать подвиги нашего угодника. — Если вы доставите мне исторические факты, то я очень рад исполнить ваше желание.

В Императорской библиотеке отыскала Голикова**, переписала все касающееся до этого события и отправила батюшке. Добрый, милостивый отец владыко, он заказал образ святителя Митрофана и прислал мне прочитать письмо, написанное им к Нахимову. Так коротко и так ясно, тут все было и сочувствие, и молитва, и благодарность. Через несколько времени Нахимов прислал ответ полный смирения и благодарности: Не приписывайте мне что-нибудь, а если хотите мне показать сочувствие, помолитесь за упокой души Лазарева***, который все сделал для Черноморского флота. Владыко (тогда еще архимандрит) созвал братию, прочитал им письмо, и все вместе вознесли к Богу молитвы за Михаила.

Убит Нахимов****. Я была у Сергия (в Сергиевой пустыни. — *Е. А.*), там вместе с Россиею оплакивала благородного воина, и батюшка служил за упокой его души, и долго молились за него.

Прошло много лет. Сестра гостила у меня и попросила как-то прочитать молитвы вслух. Каких это трех Павлов ты поминаешь за упокой? — спросила она. — Павел Э., Павел племянник, а третьего никого нет, это вам показалось. Нет, хоть посмотри в записку, ты трех поминала, я заметила.

Взглянула — да, трех, я ошиблась, лишнего записала, надо вычеркнуть. Перо не попалось под руку, так я и забыла.

Вижу я сон. Крестный ход, хоругви развеваются, священнослужители поют, народ толпится — смотрю, все знакомые лица, все друзья, которые уже умерли. Вдруг отделяется от толпы человек, в морской шляпе, сутуловатый, немолодой, лице суровое, и прямо ко мне. Тут же при всех он начинает стыдить и бранить меня. Да за что же — говорю я сквозь слезы, я не знаю Вас. Не знаю, то-то и есть что забыла. Так зачем же было обещать, чтобы забыть. Я не просил, но если обещать, так надо и слово держать, а не забывать. Но кто вы? — Павел — Нахимов! — закричала я в испуге и проснулась.

Вскоре после этого я ехала в Царское Село с сыном. В вокзале мы увидели молодого моряка на костылях с подвязанной рукой и перевя-

заным лицом. Он уронил папироску и не мог поднять ее. Сын мой подал ее ему. Он сел с нами и всю дорогу рассказывал о Севастополе и Нахимове. Сам он служил на корабле 12 апостолов и был при Синопе. Нахимова, по словам его, обожал весь флот, каждый матрос видел в нем отца и готов с ним в огонь и в воду. Нахимова не любило высшее начальство. А жизнь его была грустная жизнь. Но после битвы при Синопе он узнал сочувствие своего народа; со всех сторон России неслись к нему слова любви и благодарности соотечественников. Но ни одно письмо не было для него так приятно, как письмо от знаменитого архимандрита Сергиевской пустыни Брянчанинова — вероятно, вы слыхали о нем? Это письмо так глубоко тронуло его, что он тотчас созвал всех офицеров и прочел им письмо это с глубоким умилением. Образ святителя Митрофана был поставлен в залу на корабле 12 апостолов, в ту же минуту священник отслужил молебен Воронежскому Чудотворцу, который, как мы узнали из прекрасного письма архимандрита Игнатия, был основателем нашего флота, все мы, начиная от Нахимова, усердно поклонились Святителю и приложились к его образу. Нахимов сказал,— этот образ сохранится здесь, пока будет существовать корабль. Бывало, идешь мимо, взглянешь на образ и помолишься, и так привыкли, что невольно сама рука поднималась, когда, бывало, идешь и сколько бы раз ни пришлось пройти мимо. Спасибо архимандриту Игнатию, утешил нашего адмирала.

* ОР РГБ. Ф. 214. К. 460. № 5. (Публикация рассказа О. И. Шафрановой.)

** См.: *Голиков Иван.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 12 ч. М.: тип. Н. Новикова, 1788—1789. Ч. 2. С. 55—56.

*** *Лазарев Михаил Петрович* (1788—1851) — мореплаватель, адмирал. В 1833—1850-х гг. главнокомандующий Черноморского флота и портов Черного моря.

**** 28 июня 1855 г. был смертельно ранен и 30 июня скончался.

№ 10

Милостивая Государыня София Ивановна!

Вчера я имел истинное удовольствие получить письмо Ваше через полковника Х.[1]. Сердечно благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне; я был уверен, что Вы меня не забыли, — и надо же было прийти Вашему письму для подтверждения моего убеждения, в те именно дни, когда за минуту предстала мне мысль о противном.

Милостивый Господь да благословит Вас и сына Вашего. Будьте утешением друг другу. Слово Божие да будет Вашим руководителем. Оно постоянно вещает страннику земному о его вечном отечестве. Это — песнь небесная, которая не-

престанно напоминает о небе изгнаннику с неба. Если мы не будем внимать слову Божию, то легко можем обмануться, счесть землю своим вечным жилищем и употребить единственно для земли все силы души и тела, потом внезапно и неожиданно предстать в вечность по призыву всесильного Бога, между тем, как, занятые исключительно временным, мы ничего не сделали для вечности, то есть для вечности блаженной.

По милости Божией я живу очень спокойно, но лечение водами очень тяжело по застарелости моей болезни. За все слава Богу. Оканчиваю это письмо прекрасною молитвою: «Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим»[2].

Ваш покорнейший слуга

Игнатий Епископ Кавказский
и Черноморский.
8 февраля 1860 года.

[1] *...полковника Х. ...* — Лицо не установлено.

[2] *«Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».* — Прошение Великой ектеньи на Божественной Литургии.

№ 11

Что сказать Вам на письмо Ваше от 10 июня? **Молитеся, да не внидете в напасть,** говорил Господь ученикам Своим пред наступлением напасти[1]. Бывает время сеяния; бывает и время жатвы. Непреложен нравственный закон, по которому люди должны неизбежно пожать то, что они посеяли произвольно. Но всемогущество Божие и неограниченная милость Божия могут изменить или смягчить и законную, логичную последовательность твердого нравственного закона.

Благословение Божие да почиет над Вами и над чадом Вашим, а милость Божия да сохранит Вас от всякого зла.

Ваш покорный слуга

Епископ Игнатий.
22 июня 1862 года.

[1] Мф. 26. 41.

№ 12

Милостивая Государыня София Ивановна!

Я к Вам с покорнейшею просьбою! Мой родной брат Петр Александрович Брянчанинов[1] издает некоторые мои сочинения[2]. Они нуждаются не только в отчетливой корректуре, но и в поправке грамматических ошибок, которых я делаю много. — Возьмите этот труд на себя, если он не обременит Вас.

Призывая на Вас и на милейшего сына Вашего и проч.

8 ноября 1862 года.

[1] *...Петр Александрович Брянчанинов...* (1809–1891) — брат святителя Игнатия, Ставропольский вице-губернатор, действительный статский советник, в 1862 г. по расстроенному здоровью уволен от службы, поселился в Николо-Бабаевском монастыре в положении послушника.

[2] *...издает некоторые мои сочинения.* — В 1862 г. произведения Святителя начинает издавать и публиковать в своем журнале «Домашние беседы» В. И. Аскоченский: Евангельские блаженства // Домашняя беседа. 1862. Вып. 45. С. 377–378; Вып. 46. С. 401–403. — Подпись: Николо-Бабаевский монастырь. 1847 г. Без указания имени автора; Мысли о чтении Евангелия // Домашняя беседа. 1862. Вып. 43. С. 333–335; Вып. 4. С. 357–359. — Подпись: Николо-Бабаевский монастырь. 1847. Без указания имени автора; Роса // Домашняя беседа. 1862. Вып. 48. С. 450–452. — Подпись: Сергиева пустынь. Без указания имени автора. А также отдельными изданиями: Поучение о спасении к простому народу (крестьянам) при посещении епархии, составленное Игнатием, епископом бывшим Кавказским и Черноморским, ныне жительствующим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: изд. В. Аскоченского, 1862. 23 с.; Слово о смерти, составленное Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским, ныне пребывающим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: изд. В. Аскоченского, 1862. 148 с.; Чаша Христова: Соч. архим. Игнатия, бывшего настоятеля Сергиевой пустыни, ныне епископа, жительствующего на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: изд. В. Аскоченского, 1862 (обл. 1863). 16 с.

№ 13

Милостивая Государыня София Ивановна!

Спаси Вас Господи за письмо Ваше от 26 ноября. Милосердие Божие да покроет Вас и сына Вашего как на попри-

ще наступившего Нового Года, так и на поприще всей земной жизни. Это поприще самое неверное, изменчивое. Когда с него потребуют, немедленно предает и выдает, сколько бы по видимому ни ласкало и ни убеждало в верности.

Назначение Великого Князя на Кавказ[1] очень утешает меня, разумеется, по желанию блага краю. Не повлечется ли туда сын Ваш? На этот вопрос скажу опять, милость Божия да будет с Вами. Искренне желал бы, чтоб время Ваше и силы души Вашей употреблялись на что-нибудь не столько богопротивное и враждебное Богу, сколько враждебны Богу новейшие журналы, усиливающиеся истребить в народе проповедию своею веру и нравственность. За это потребуется грозный ответ. — Милосердие Божие да устроит для Вас иное занятие. Вы знаете, как я Вас люблю! В Писании сказано: **веровах, темже возглаголах**[2]. А я могу сказать: «Возлюбил, темже возглаголах».

Напишите о себе и о милом сыне Вашем. Напишите также, в каком положении печатание моих сочинений. — Прошедший декабрь я очень изнемогал, особенно изнемогал, паче того изнеможения, в котором нахожусь постоянно.

Благословение Божие да почиет над Вами и над чадом Вашим.

С чувствами искренней преданности и уважения
имею честь быть Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
5 января 1863 года.

[1] *Назначение Великого Князя на Кавказ...* — Михаил Николаевич (1832—1909) — Великий князь, 4-й сын Николая I. В 1862—1881 г. Наместник Кавказа, Главнокомандующий Кавказской армией в 1877—1878 гг.

[2] *...веровах, темже возглаголах...* — Пс. 115. 1.

№ 14

Милостивая Государыня София Ивановна!

Искренне благодарю Вас за воспоминание Ваше обо мне в письме Вашем к Петру Александровичу и за труд Ваш по моим сочинениям.

Признаю себя состоящим в долгу перед Вами и перед многими. Я говорил Вам о вере не столько, сколько следовало бы говорить. Думаю уплатить этот долг изданием моих писаний, причем я постараюсь тщательно пересмот-

реть, исправить и пополнить написанное мною с 1840 года. С этого времени я начал писать о духовных предметах, но более с 1844 года, на что была своя причина.

Вы знаете, что я всегда особенно любил Вас. Имею любовь и доверенность и к уму и к сердцу Вашему. Мне всегда желалось, чтоб этот ум и это сердце направились к Богу, усвоились Ему. Теперь приходит мне мысль: не исполняется ли это ныне, по неожиданному стечению обстоятельств, как выражаются светские, — по особому устроению Промысла Божия, как позволю себе выразиться по моему сознанию. Вы, перечитывая мои сочинения, заимствуете из них все мысли и чувствования в Вашу собственность, — так понимаю — соединяетесь со мною в одно направление, в один дух. Направление заимствовано мною всецело из учения святых Отцов Православной Восточной Церкви.

Сердечно радуюсь, что Ивану Ильичу[1] пришла благая мысль издать мои сочинения на свой кредит. Смею думать, что он сделает благодеяние всему отечественному христианскому обществу, доставив духовное чтение не из того образования, которое дает школа, сообщающая одни знания по букве, но которое приобретено монастырскою жизнию. Школа сообщает знания, которые принимаются умом к сведению, и только: монастырская жизнь сообщает деятельные христианские знания, которые непременно производят спасительное влияние на направление, настроение, деятельность читателя. Святой Исаак Сирский[2] уподобил первого рода занятия источникам вод и плодам, изображенным на стене живописью, на них можно с приятностью поглядеть, если они хорошо написаны, и только. Познания второго рода этот святой уподобил самым источникам вод, самым плодам, могущим служить к питанию человека.. «Сколько выше тела — душа, — говорит святой Иоанн Лествичник[3], — столько милостыня душевная выше телесной.. Если б мои сочинения могли быть признанными душевною милостынею, то смею думать, что Ив<ан> Ил<ьич>ч, напечатав их, сделает не столько дело коммерческое, сколько дело благочестия христианского. Время подумать о христианском благочестии! Я за денежными выгодами не гонюсь, и если какие будут, желаю, по обычаю моему, употребить в пользу человечества и христианства. Моя единственная цель: не

скрыть то, что может быть полезным для многих. Если не ошибаюсь, то в этом роде у нас почти нет духовных сочинений. Мне и брату моему сделает Иван Ильич также духовное добро, потому что избавит нас от вещественных хлопот о напечатании, даст возможность нам предаться всецело нашим занятиям духовным, с которыми несовместимо развлечение.

Уповаю на милость Божию, что Вы поймете все, сказанное здесь мною: оно довольно глубоко, и, несмотря на простоту и ясность дела, не всякий поймет его. Объясните сказанное мною Ан. В.[4] и Л. Ив-не[5]. Скажите им от меня, что я приглашаю их принять участие в оказании духовного благодеяния, в подаче духовной милости обществу, весьма нуждающемуся в здоровой и питательной духовной пище. Обе эти дамы всегда были хорошо расположены ко мне. Что стоит им побывать в Бабаевском монастыре? А с ними и Вам удобно совершить приятную, для Вас полезную прогулку.

Призываю благословение Божие на Вас и на сына Вашего. Уповаю на Бога, а прибегающего к Богу Бог сохраняет и среди опасностей. С чувствами искренней Преданности и уважения имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Епископ Игнатий.
18 апреля 1863 года.

[1] *...Ивану Ильичу...* — Глазунов Иван Ильич — издатель сочинений святителя Игнатия. См. сноску 1 (с. 502) к Предисловию.

[2] *Святой Исаак Сирский...* — Преподобный Исаак Сирин, епископ Ниневийский. Жил в VI веке. Автор аскетических сочинений.

[3] *Иоанн Лествичник* (484–563) — Игумен Синайского монастыря. Автор сочинения «Лествица, возводящая на небо» и других аскетических сочинений.

[4] *...А<> В<>...* — Лицо не установлено.

[5] *...Л<> Ив<>не...* — Лицо не установлено.

№ 15

Милостивая Государыня София Ивановна!

То, что сказали Вы в письме Вашем от 21 апреля о сыне Вашем, могла сказать только такая нежная мать, как Вы.

Он — Ваш воздух, Ваше солнце. Кажется, я никогда не забуду этого выражения, хотя сделался забывчивым донельзя. Ведь не забыл я бобрового воротника, украшенного сединами, на шинели у Коли, когда я увидел его в первый раз офицером в соборной церкви в Сергиевой Пустыне! По моей необыкновенной впечатлительности и чувствительности мне представилось, что в этом роскошном, можно сказать, воротнике каждый волосок — труд рук Ваших: и остался этот воротник изображенным в моей памяти по причине того впечатления, которое поразило меня при взгляде самом мимоходном.

Сопутствуйте сыну Вашему молитвою Вашею! Бывают скорби и частные и общественные. Постигают людей те и другие не без попущения Божия. Гордый разум человеческий признает себя правителем мира, потому что не видит Бога, правящего миром: и потому при скорбях, превышающих постижение человеческое, впадает в уныние и безнадежие. Но кто признает Бога правителем мира, тот в затруднительных обстоятельствах обращается к нему и сверх чаяния получает помощь.

Благословение Божие да почиет и прочее.

14 мая 1863 года.

№ 16

Земная жизнь — школа. Находясь 25 лет в этой школе, Николай Н-ч (ошибочно, нужно — Аполлонович. — *Е. А.*)[1] увидел звезду, хранящую его. Звезда — это Промысл Божий. Звезды усматриваются ночью на чистом небе; при наступлении дня они, оставаясь на своих местах, делаются неприметными по причине появившегося преимущественно света, разливаемого солнцем. Солнце — Христос. Теперь познания в религии сына вашего подобны светлой ночи, и потому он заметил непостижимый, превысший описаний, но действительно существующий Промысл Божий. Когда же разум его, по особенной милости Божией, осветится христианством, тогда религиозные познания его из поверхностных, скудных, неясных преобразятся в светлые, обширные, глубокие и высокие, преизобильно удов-

летворительные; они сделаются подобными прекрасному летнему дню, в течение которого умный и расположенный к добру человек возможет совершить свое спасение, то есть устроить свою жизнь и участь в вечности во благо себе.

«Отчего, мама, ты так сильно беспокоишься обо мне?» Оттого, душенька, что у мамы слаба вера в Бога, Который воспретил суетные попечения, не приносящие и не могущие принести никакой пользы, производящие только беспокойство и смущение, расстраивающие душу и тело. Немощный человек хочет действовать и действовать; хочет действовать по-своему, хочет действовать и там, где действие невозможно для него. Повсюду он простер бы свою сильную руку; везде бы указал образ действия по своему мудрейшему соображению. Признать Бога деятелем достаточно могущественным и разумным, на этом основании постоянно прибегать к Богу молитвою он не хочет. Между тем только что прибегнет человек к Богу смиренною молитвою, — не плотскою, нервною, разгоряченною движением крови, — придавая себя и ближних своих милости и воле Божией, как и успокоится.

Молитесь о сыне! тщательным чтением убогих сочинений моих входите в ближайшее соотношение с душою моею, чтоб соединиться в том мире и граде, где **несть мужеский пол и женский**[2], но все истинные слуги Бога составляют едино в Боге, как различные члены тела, соединяемые во едино существо оживотворяющею их душою.

Епископ Игнатий.

P. S. Будущее известно одному Богу; в наше переходное время может легко случиться изменение положения монастырей, и очень скоро. Мое здоровье очень плохо; уже мне не до земных дел! должно больше думать о переселении в иной мир. Впрочем, по обязательному отношению моему к монастырю я должен заботиться о его внутреннем и наружном, духовном и вещественном благосостоянии, что и стараюсь исполнять по силам, охраняясь, чтоб действие в пользу монастыря не было сопряжено с отягощением и неприятностию для ближнего.

22 августа 1863 года.

[1] *...Николай Аполлонович...* — Сын С. И. Спессоревой.
[2] *...несть мужеский пол и женский...* — Гал. 3. 28.

№ 17

Многими скорбьми — не малыми, заметьте, но многими и разнообразными — **подобает нам внити в Царствие Божие**[1]. Так определило Слово Божие. Это же всесвятое Слово повелело нам не бояться скорбей, потому что они попускаются нам Промыслом Божиим, а Промысл Божий, попуская нам их, по существенной необходимости и пользе их для нас, неусыпно бдит над нами и хранит нас. Так врач для исцеления больного дает ему горькие, отвратительные и мучительные лекарства и в то же время тщательно ухаживает за ним. Веруйте этому и переносите постигшую вас болезнь благодушно, благодаря за нее Бога.

Послушание есть спасительнейший подвиг. Сила и жизнь всех страстей человека сосредоточены в его испорченной воле: послушание, связывая и убивая волю, связывает и убивает совокупно все страсти. Другие ищут всеусильно и всеусердно этого подвига, а для вас он устроился сам собою. Старайтесь преуспевать в послушании разумно и благочестно и благодарите Бога, даровавшего вам этот подвиг. Послушание полезнее всех произвольных подвигов, хотя и представляется при поверхностном взгляде, что положение в послушании препятствует духовному преуспеянию, препятствуя совершению произвольных подвигов. Такой взгляд ошибочен. В Египетском Скиту — местопребывание величайших святых — жил юный инок Захария при родном отце своем Карионе, который был и старцем его. Захарию осенила благодать Божия, и он пришел от этого в особое состояние. О сверхъестественном состоянии своем он поведал старцу. Старец занимался одним телесным подвигом и не понимал ни духовного подвига, ни обстановки его. Он начал бить Захарию, говоря, что совершившееся с ним есть следствие самообольщения и действие бесовское. Захария принужден был сходить тайно к одному из святых Отцов для совещания. Отец дал такой совет: «Твое состояние — от действия Божественной благодати, но иди и пребудь в повиновении у твоего старца». Очевидно, что святой Отец

оставил за Захариею положение, положение послушания, на котором, как на основании, воздвиглось его душевное преуспеяние. С отъятием основания могло бы рушиться и воздвигнутое на основании.

Страх, приходящий вам по вечерам, должно отражать верою. Напоминая себе, что вы в деснице Бога и под Его взорами, прогоняйте страх, не имеющий никакого смысла.

В церкви никак особенных молитв не читайте, а внимайте богослужению. Хорошо приучиться к молитве мытаря, которая одобрена Господом и которую мытарь, как видно из Евангелия, произносил, находясь в церкви[2]. Эта молитва читается так: «Боже милостив, буди мне грешнику» или: «Боже, очисти мя грешного». Этой молитве равносильна молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» или же «Господи, помилуй». Читайте из этих молитв ту, которую найдете удобнейшею для себя. Но читайте непременно не спеша и со вниманием. Советую держаться второй (то есть Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного). Первые две молитвы — тождезначущи; третья — сокращение второй. В церкви иногда внимайте богослужению, а иногда умом произносите молитву, не преставая внимать и богослужению. Можно вместе и молиться умом, и внимать церковному молитвословию. Первое споспешествует второму, а второе первому.

Церковную службу, когда остаетесь дома, можно заменить чтением которого-либо из акафистов: акафиста Господу Иисусу или акафиста Божией Матери.

В церкви не становитесь на колени и вообще по наружности не отделяйтесь от прочих какими-либо особенностями; но сохраняйте и внутреннее и наружное благоговение. Поклонов кладите как можно меньше. Земных поклонов полагайте всего два в течение литургии, в конце ее: когда дважды выносят Чашу со Святыми Тайнами. Удерживайте себя от разгорячения и от всех порывов, столько противных смирению. Требуйте от себя тишины и внимания и при молитве, и при чтении, и при всех действиях ваших. Таким поведением доставляется духу смирение. Смирение осеняет милость Божия.

Никакими мелочами не связывайте себя и не засужайте себя по причине мелочных погрешностей и проступков. То

и другое служит источником смущения и уныния. Мелочные погрешности, в которые впадает ежечасно каждый человек, врачуются ежечасным покаянием пред Богом, покаянием, состоящим из немногих слов при сочувствии им сердца. Нередко оказывается возможным слово покаяния произнести только умом: и этого достаточно, лишь бы они произнесены были со вниманием. В церкви, когда найдете нужным сесть, садитесь, потому что Бог внимает не тому, кто сидит или стоит, а тому, чей ум устремлен к Нему с должным благоговением. Стремление к Богу, благоговение пред Богом и страх Божий приобретаются вниманием к себе. Читайте, что читали. Чтение Апокалипсиса приводит к страху Божию; воздержитесь от объяснения этой таинственной книги, довольствуясь производимым его действием на вашу душу. Когда найдете нужным прибавить или убавить что в вашем молитвословии и чтении по случаю немощи или встретившихся независимо от вас других занятий, делайте это, не сомневаясь и не смущаясь. Будьте свободны! не связывайте себя никакою скрупулезностию. Правила для человека, а не человек для правил. Противным сему пониманием производятся лишь недоумения и расстройства.

Мне приятно, что вы поняли причину, по которой предложено вам чтение сочинений святого Тихона[3]. Теперь уже нет для вас повода колебаться, когда вам будут предлагать для чтения ту или другую духовно-нравственную святую книгу. Идите своим путем, уважая и благословляя пути всех других, благочестно спасающихся. Письма Затворника Георгия[4] одного духа с сочинениями святителя Тихона.

Благословение Божие да почиет над вами.

[1] Деян. 14. 22.

[2] Лк. 18. 10–14.

[3] *...сочинения святого Тихона...* — *Святитель Тихон* (Задонский) (1724–1783), духовный писатель, церковный деятель. Ко времени переписки Святителя с С. И. Снессоревой были изданы его сочинения: Полное собрание сочинений преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. СПб., 1801. Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. Т. 1–15. М.: Синодальная типография, 1836–1837.

[4] *Письма Затворника Георгия...* — *Георгий Затворник* (Машурин Егор Алексеевич) (1789–1836) — Послушник Задонского Богородицкого монастыря Воронежской епархии. Затворился в холодной келье и

провел в затворе 5 лет. Пострижен под именем Стратоник, но в народе известен как Георгий затворник. В 1839 г. впервые были изданы его письма из затвора: Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородицкого монастыря, Георгия. М.: Университетская тип., 1839. — 210, VI с.

№ 18

Не ошиблись вы, вручив сына вашего покровительству Божией Матери. Вследствие этого покровительства ему посчастливилось на службе[1]. Слышу, что вы нездоровы. В таком положении нахожусь и я. Должно положиться на Бога и стараться о благоугождении Ему. Находясь постоянно в Его полной воле и власти, мы должны непременно предстать на суд Его, на котором решится наша вечная участь, смотря по тому, приблизились ли мы к Богу или отдалились от Него во время нашего земного странствования.

Относительно корректуры «Опытов»[2] убедительно прошу вас поступить со всею искренностию и прямотою. Если этот труд удобен для вас, возьмите его на себя; если же он сколько-нибудь неудобен, то откажитесь от него. Поступив искренне, вы поступите самым приятнейшим образом для меня.

Что это значит? Веет от мира какою-то пустынею, или потому что я сам живу в пустыне, или потому, что и многолюдное общество, когда оно отчуждилось от Слова Божия, получает характер пустыни.

Благословение и милость Божии да почиют над вами и сыном вашим.

3 марта 1864 года.

[1] *...ему посчастливилось на службе...* — Сведениями о службе сына Снессоревой мы пока не располагаем.

[2] *...«Опытов»...* — Речь идет о подготовке к изданию двух томов сочинений святителя Игнатия, издаваемых под общим названием «Аскетические опыты». — См.: Настоящее издание. Т. 1–2.

№ 19

Прежде всего скажу Вам, что сон Ваш не имеет никакого значения. Ваше внимание к нему было ошибочное. Вы познаете это из того, что внимание к нему производило в Вас

смущение, то есть приводило Вашу душу в неправильное состояние, а невнимание успокоит, то есть приведет душу в правильное состояние. Таковы действия лжи и истины на душу.

Далее скажу: если чувствуете себя в силах, возьмите на себя корректуру «Аскетических Опытов». На это имеются существенного значения причины: 1) полагаю, что тщательный пересмотр «Опытов» подействует благотворно на Вашу душу, уже привыкшую входить в общение с духом святых Отцов Православной Церкви и находить пищу и утешение, более — оживление в этом общении; 2) по Вашей преданности мне, по сочувствию, которое питаете к моим убогим писаниям, по Вашему знанию и навыку в этом деле я не могу указать ни на кого другого, который бы исполнил служение в общую пользу христианства с таким усердием и с такою исправностию, как Вы; 3) Вы хорошо знакомы с Глазуновым[1] и можете более, нежели другой, похозяйничать в его типографии.

Затем Господь да благословит Вас на этот труд.

8 апреля 1864 года.

[1] *...Глазуновым... — Глазунов Иван Ильич.*

№ 20

С особенным удовольствием увидел я Вас в уединенной обители Бабаевской[1]; с особенным удовольствием слышал от Петра Александровича[2] поведание о том впечатлении, которое произведено на Вашу душу посещением обители. Это поведание совершенно согласно с письмом Вашим от 20 июня, полученным мною 26-го. Вы видели меня много изменившимся, приближавшимся к окончанию земного странствования. И Вы подвинулись на этом пути. Загробная жизнь уже не есть странствование, а в полном смысле жизнь, жизнь неизменяющаяся или в вечном блаженстве, или вечном бедствии.

Божия Матерь, Которой Вы предали Вашего сына, да осенит его Своею милостию и да наставит провести земное странствование правильно. И Вам искренно желаю дейст-

вовать в пользу сына Вашего, не согрешая перед Господом Богом занятиями, Ему неблагоугодными[3]. Вступающие в общение с духами отверженными во время земной жизни своими помышлениями и сердечными ощущениями будут отчислены по смерти к страшному обществу этих духов. При занятиях богоугодных молитва Ваша о сыне Вашем получит силу пред Богом и привлечет благословение Божие на Вас и на сына Вашего. Милосердие Божие да дарует Вам найти занятие богоугодное. Искренне благодарю Вас за присланные брошюрки о Дарьюшке[4]: такие простые христианские души, как Дарьюшка, очень близки к Богу, между ими и Богом нет тех ширм, той каменной стены, которые поставляются образованностью и обычаями мира сего.

Очень приятен мне труд Ваш по корректуре «Аскетических опытов», которые в христианском отношении имеют огромное значение. Это не мое сочинение: по этой причине выражаюсь о нем так свободно. Я был только орудием милости Божией к современным православным христианам, крайне нуждающимся в ясном изложении **душевного христианского подвига**, решающего на вечную участь каждого христианина. Очень легко вдаться в неправильный подвиг, а посредством его вполне отчуждиться от Бога. Занимаясь корректурой «Опытов», Вы трудитесь и для общей пользы, и для собственной Вашей. Смею думать, что Промысл Божий доставил Вам этот труд; чтоб дух Ваш оторвался от духа мира сего и усвоился Духу Божию, в чем сущность спасения. В «Пет<ербургской> б<иблиоте>ке» вышла очень замечательная брошюра: «Об ужасах и искушениях, какие душа может испытывать при переходе своем в загробную жизнь»[5]. Священником, как видно академиком, описан опыт, бывший над ним в 1862 году. Опыт служит подтверждением «Слова о смерти»[6] и «Слова о видении духов»[7]. Советую Вам прочитать для Вашей душевной пользы.

Благословение Божие да почиет над Вами.

Ваш преданнейший слуга и друг

Епископ Игнатий.

Брошюра эта составлена архимандритом Макарием, бывшим ректором Тверской семинарии (ныне цензор) из собственного опыта. Ему же принадлежит брошюра «Покайте-

ся», изданная в начале 1865 года в пользу Афонского монастыря святого Пантелеимона[8].

28 июня 1864 года.

[1] *...увидел я Вас в уединенной обители Бабаевской...* — София Ивановна по приглашению Святителя посещала Николо-Бабаевский монастырь, вероятно, несколько раз. Точно известна дата последнего посещения — 13 сентября 1866 г.

[2] *...Петр Александрович...* — П. А. Брянчанинов — брат Святителя.

[3] *...не согрешая перед Господом Богом занятиями, Ему неблагоугодными...* — Святитель имеет в виду переводческую работу С. И. Снессоревой в светских журналах. См.: <Автобиографическая записка>.

[4] *...брошюрки о Дарьюшке...* — Речь идет о первом произведении Снессоревой: Дарьюшка: Очерк жизни русской странницы. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1864.

[5] Об ужасах и искушениях, какие душа может испытывать, при переходе своем в жизнь загробную: С присовокуплением тех выводов, к которым ведет соображение необыкновенных обстоятельств в сем рассказе помещенных, и кратких понятий о духах злых в настоящем их положении и о влиянии их на людей, в прибавлении. СПб.: тип. Дома Призрения малолетних бедных, 1864. 30 с.

[6] *«Слово о смерти»*. — Составлено Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским, ныне пребывающим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. — СПб.: изд. В. Аскоченского, 1862. 148 с.; То же. — СПб.: изд. В. Аскоченского, 1863. 194 с. См.: Настоящее издание. Т. 3. С. 67–176.

[7] *«Слово о видении духов»*. — Слово о чувственном и духовном видении духов и совещание души с умом. Составлено Игнатием, епископом бывшим Кавказским и Черноморским, ныне жительствующим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: изд В. Аскоченского, 1863. 107 с. См.: Настоящее издание. Т. 3. С. 5–66.

[8] *Покайтеся... Покайтеся и обратитеся, да очистится от грехов ваших: яко да приидут времена (образы) прохладна от лица Господня.* Деян. 3. 19, 20 / Издание русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. СПб.: тип. Дома Призрения малолетних бедных, 1865. 26 с.

№ 21

Милостивая Государыня София Ивановна!

Пишу Вам, чтоб поблагодарить Вас и чтоб утешить Вас. Продолжительное неполучение письма с границ Персии и Турции (от сына) очень естественно. Там нет комфорта городов: не вдруг сыщется время написать письмо; не вдруг сыщется время переслать его; на пути своем оно легко

может залежаться и даже затеряться. Вы поспешили предаться безмерной печали. Ее нанесли Вам мечты Ваши. Вы поручили сына Вашего Божией Матери: отдайте же его воле Великомощной Покровительницы этой и успокойтесь.

Искренне благодарю Вас за труды по корректуре «Опытов». — Радуюсь, что Вы читаете и перечитываете мою книгу: этим Вы снимаете бремя с моей совести, упрекавшей меня в том, что я мало сообщал Вам познаний духовных.

18 августа 1864 года.

№ 22

Милостивая Государыня София Ивановна!

На добрейшее письмо Ваше от 16 ноября скажу Вам, что я, оканчивая мое земное странствование, обращаюсь с приветом любви ко всему человечеству, желая всем всех истинных благ. С особенной благодарностию обращаюсь к тем немногим, которые оказывали мне особенную любовь. В числе этих немногих, очень немногих — Вы. Благодарю вас за сочувствия Ваши ко мне.

Какое великое дело Вы сделали! Вы **поручили, совсем** отдали, как пишете, Вашего сына Божией Матери. Будьте уверены, что Божия Матерь приняла его, а он пусть потщится быть достойным Высокой и Великомощной Покровительницы своей!

Больше не пишу Вам, потому что очень немощен. Странно, что письма уже изнуряют. Вот! до чего дожил или до чего отжил. Слава Богу!

Благословение Божие да почиет над Вами и над сыном Вашим.

24 ноября 1864 года.

№ 23

Милостивая Государыня София Ивановна!

Богу угодно дозволить, чтоб и остальные два тома моих сочинений были напечатаны. Когда я прочитал в письме

Вашем к Петру Александровичу намек на некоторую надежду склонить Ивана Ильича к исполнению намерения его, высказанного им с самого начала, то почувствовал побуждение написать об этом о. Игнатию[1] И Бог благословил начинание, истекшее от Вас.

Покойный иеросхимонах Сергиевой Пустыни Стефан перед смертью своей постоянно читал «Слово о смерти» и не раз повторял мне следующие слова: **«Это не Вы писали: это Бог дал Вам написать»**. Очень верно! То же должен я сказать вообще о всех моих убогих сочинениях. Такой отзыв слышу от самых глубоких людей о «Аскетических Опытах». Так угодно Богу. Теперь вижу, что последние два тома служат пополнением к первым двум. Уверен, когда прочитаете их, то и Вы увидите это.

Признаю за милость Божию к себе Ваше участие в этом деле. Занятие Ваше им восполняет долг мой пред Вами. Помню; я уже писал Вам об этом. О себе скажу, я необыкновенно слаб. Но так как это сделалось по попущению Божию, то я должен признавать мое положение благом, исшедшим от руки Божией. Призываю благословение Божие на Вас и на Николая Аполлоновича[2]. Судя по ходу дел, деловым людям будет много дела. От души желаю Н<иколаю> А<поллонови>чу быть полезным отечеству и себе во времени, не забывая о вечности. Я отживаю и утвердительно могу сказать, что все временное и земное срочно, что срок, на который оно дается, очень короток. Нужно быть очень осторожным и не допустить временному и срочному обмануть себя. А оно делает это. И как? — Представясь вечным и неотъемлемым.

Ваш покорнейший слуга и друг

Епископ Игнатий.
25 января 1866 года.

[1] *...о. Игнатию...* — Вероятно, архимандрит Игнатий (Малышев), который стал настоятелем Сергиевой пустыни после отъезда святителя Игнатия на Кавказ.

[2] *...Николая Аполлоновича...* — Сын С. И. Снессоревой.

№ 24

Милостивая Государыня София Ивановна!

Как Вам, так и мне, несмотря на нашу хворость[1], даруется продолжение земного странствования для основательного приготовления к вечности. Милосердие Господне, подающее нам дар, да подаст и разум воспользоваться даром.

Вы справедливо говорите, что «Опыты» не суть мое сочинение. Они — дар Божий современным православным христианам. Я был только орудием. То же должен сказать и о тех двух томах, которые поступили ныне в типографию. Время страшное! Решительно оскудели живые органы Божественной благодати; в облачении их явились волки: обманывают и губят овец. Это понять необходимо, но понимают немногие.

Очень сочувствую Вашей скорби, причиненной кончиною матушки Варсонофии[2]. Судьбы Божии — бездна многа. В редких случаях мы можем быть правильными судьями кончины человека, и это дается тогда, когда того требует душевная польза по особенному смотрению Божию. В описываемом Вами случае всего лучше положиться на Бога и постараться тщательным поминовением усопшей вознаградить упущение, сделанное при ее кончине[3].

Прошу Ваших молитв о мне во исполнение заповеди Божией, которая повелевает **молиться друг за друга**. По этой заповеди и я молюсь о Вас, хотя и знаю, что моя молитва вполне недостойна Бога.

Епископ Игнатий.
22 февраля 1866 года.

[1] С. И. Снессорева тяжело болела в феврале 1866 г. См. об этом в письмах Святителя: Творения. Т. 6. С. 789–790. — Письма № 249 от 2 февр. и № 250 от 13 февр. 1866 г.

[2] *...матушка Варсонофия...* — Монахиня Варсонофия (в миру Мария Никитична Крымова; 1800–1866) — воспитанница графини А. А. Орловой-Чесменской, благочинная и казначея СПб. Воскресенского первоклассного общежительного женского монастыря. Умерла 1 февраля 1866 г.

[3] *...постараться тщательным поминовением усопшей вознаградить упущение, сделанное при ее кончине...* — М. Варсонофия не смогла исполнить своего желания — причаститься перед смертью. С. И. Спессорева подробно описывает кончину м. Варсонофии в книге: Игумения Феофания (Готовцева). СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1868. С. 163–168.

Подготовка текстов, публикация и комментарии Е. М. Аксененко.

С. И. Снессорева

<Автобиографическая записка>

София Ивановна Снессорева родилась в 1816[1] году в Воронеже. Она была шестое дитя из числа двенадцати человек, которыми Бог благословил ее родителей: шесть сыновей и шесть дочерей. В свое время Иван Николаевич и Елисавета Ивановна Руновские[2] были полезными и честными деятелями на общественном и семейном муравейнике, где указан был им путь. Не только Воронежская, но и соседние губернии признавали в Иване Николаевиче юриста неподкупной честности и высокого развития, и даже незнакомые издалека приезжали, чтобы получить его совет. И если он находил, что дело неправое и не советовал его начинать, то лучше всего было последовать его совету, потому <что> как бы ни был могуч и богат ищущий и как бы ни был беден и беспомощен его соперник, в виде заброшенных сирот или безгласной вдовы, а Иван Николаевич считал уже своим долгом разыскать их документы и обнаружить истину, не щадя своих трудовых средств и не считая, что обижает детей своих, когда отдавал чужим сиротам. Звезда ли то была счастливая, или Бог помогал бесстрашному воину на поле юридической брани, только Иван Николаевич никогда не держался пословицы «один в поле не воин» и всегда выигрывал правые дела, за которые только и брался, сильный их истиною. Ну а Елисавету Ивановну знали хорошо все бедные семейства, которые всегда находили легкий до-

ступ к ней и посильную помощь, не разбирая, прав или виноват страждущий.

Елисавета Ивановна всех своих детей выучила читать к шести годам, после этого отец благословлял грамотное дитя Евангелием и младшие переходили на руки старшей сестре, замечательного ума и разнообразных знаний и с шестнадцати лет трудившейся над развитием младших, чем много помогала своим родителям. Кроме того, в доме постоянно жил один из лучших семинаристов-богословов на правах старшего сына до выпуска, и, сами воспитываясь и учась, они учили младших детей. До 13 лет София Ивановна училась с братьями даже по латыни и алгебре и геометрии; когда же братьев отвезли в Петербург для определения в казенные учебные заведения, она была отдана в Благородный пансион госпожи Депнер*, где она находилась с 1829 до 1834 года. Курс наук (она) имела счастье проходить под руководством лучших педагогов, которыми тогда славился Воронеж. Все наставники, начиная от законоучителя о. Иакова, госпожи Депнер, Александра Алексеевича Попова, заступившего место Павла Кондратьевича Федорова как первого преподавателя и содержателя Благородного мужского пансиона, и кончая вспыльчивым, как порох, но добродушнейшим учителем музыки, — все они были не просто учителями-наемщиками, а настоящими пастырями своего стада, которое они любили, и зато как их любили!** Они развивали вверенных им детей для того, чтобы из каждого сделать человека, и если где видели добрую землю, тогда не

* Замечательно, что этот пансион существует, начиная от 1829 года до настоящего 1871 года, не имея в основании денежных капиталов, не пользуясь правительственными субсидиями; поддерживается же единственно умственным капиталом этой достойной уважения женщины, одаренной редкой добросовестностью и всеми семейными добродетелями, педагогическими способностями, знанием дела и сердца человеческого. Почти полвека отдала она на пользу русских детей, оставляя в сердцах их неподкупную благодарность. Не следовало ли обращать внимание и оценять по достоинству труды подобных деятельниц на русской земле? — *Примеч. С. И. Снессоревой.*

** Чтоб иметь полное понятие об этом счастливом для воронежских детей времени, полезно прочитать прекрасную биографию Станкевича, написанную Аннепковым. — *Примеч. С. И. Снессоревой.* [См.: *Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография.* М., 1857 (на обл. 1858). С. 18–20 (первая пагинация) — *Е. А.* и Е. П.)].

щадили уже своих трудов. Они учили их распознавать добро и зло, бодро вступать в борьбу, всегда готовую встретить в житейском море, и не бояться толчков судьбы. Да, это были благодетели, не отнимавшие у детей силы и энергии пустыми словами сомнения и безверия, не производившие скороспелок недозревших: они давали им в руки орудия духовной силы, чтобы побеждать земные немощи. И как дружно, как единодушно они содействовали и друг другу, чтобы дать знание и сохранить доброе чувство в ребенке. Светлая память сохраняется о них в переживших их воспитанниках!

Со смертью отца в 1832 году наступили тяжелые годы для матери, оставшейся с девятью пережившими отца детьми. Сыновья еще учились, а дочери, насколько сил и уменья было, помогали матери в ее трудовой жизни. В 1836 году София Ивановна вышла замуж[3] — брак по любви — за человека, богатого умственными капиталами, и немедленно уехала[4] с ним в Петербург. В те далекие времена трудно было, даже труднее, чем теперь, пристроиться к месту человеку — будь хоть он семи пядей во лбу, — не имеющему ни связей, ни туго набитого кошелька. Пришлось служить первые месяцы без жалованья. К счастью, нашлась работа по силам: первый опыт их переводов был помещен в Энциклопедическом словаре Плюшара[5]. Деньги платились большие, но условие было тяжелое: если на писаной странице было более трех поправок от редакции — страница не шла в расчет. К счастью, редакция была замечательно добросовестная и доброжелательная к труженикам-переводчикам. Работа нашлась и у Масальского, издававшего отдельные романы[6]. Кроме того, Кашкин[7], старый знакомый и содержатель собранной его трудами Библиотеки для чтения книг, заказал им перевод Музыкальной школы Калькбреннера[8]. Кашкин тоже был замечательной личностью Воронежа, подобно Кольцову и Никитину, он самоучкой добился такого знания в музыке и науке, какими не всякий ученый обладает.

Жестокая простуда уложила Софию Ивановну в постель. Доктора присудили ее к чахотке и смерти с разлитием Невы, но обещали торжество молодости и хорошего сложения, если немедленно увезти ее в более теплый климат. Муж принял первое место[9] и уехал с нею в Астрахань. Тут про-

жили они с 1838 до 1842 года. Время жгучих впечатлений во всем, что дорого сердцу! Она похоронила тут трех детей и, наконец, мужа... Первые слова, которые донеслись до слуха ее рассудка, после многих недель мрака и воспаления в мозгу, были слова ее двухлетнего сына[10], который с плачем говорил утешающей его крестной матери, незабвенной С. Ф. Тимирязевой[11]: «Ничего не хочу, только маму мне надо!» Гальванический ток пробежал по телу, жизнь, покидавшая уже рассудок и сердце, забилась свежею струею, голова просветлела, руки охватили ребенка, и она мысленно дала слово жить для него...

Потекли однообразные непрерывные годы трудовой жизни и забвения всего, чтоб исполнить свой долг... Несмотря на жгучие страдания, Астрахань памятна ей и по светлым личностям, посланным Провидением, чтобы сберечь ее от отчаяния. Сердце сохранило все те дорогие имена — их было немало, — но два семейства сроднились с ее душою и всегда участвовали в ее жизни: семейство Тимир<язевых> и семейство Ахмат<овой>[12]. С 1838 года до настоящего 1871-го сохранялись между ними дружеские отношения, не поддающиеся ни гнету времени, ни переменам обстоятельств, как капитал, не теряющий своей ценности. До 1848 года София Ивановна жила педагогическими трудами, то в саратовских неоглядных степях, то в курской черноземной глуши, и, наконец, много трудилась над огранением каменных мостовых в петербургских улицах. Трудясь много и всегда с любовью к делу, она не торговалась со своими силами и вся отдавалась своим обязанностям. Эта несоразмерность часто отражалась на здоровье и навсегда повредила зрение: последние двадцать лет она работала одним правым глазом; левый же глаз после долгих упорных страданий tic douloureux[13] оказался парализованным, так же как и вся левая сторона тела. И, несмотря на то, она продолжала без устали свою трудовую жизнь одною правою стороною тела. Не есть ли это явное, осязательное доказательство, что есть Провидение Высшей Невидимой, но ощущаемой Силы, Которую мы называем Бог?

Приехав в Петербург в 1845 году для того, чтобы хлопотать о помещении сына в учебное заведение, она всюду встретила отказы. Было отчего прийти в отчаяние: без средств, без покровительства, одна с семилетним сыном,

она безмолвно взывала: «Верую, Господи, помоги моему неверию!» Как единственная отрада в чуждом городе, была для нее любовь ее старшей сестры, такой же труженицы, как и она сама[14].

Убедившись, что, кроме отказа, она <ничего> не может добиться от власть имущих, она очутилась в Царскосельском саду пред Государем Наследником, ныне благополучно царствующим Александром II, в ноябре 1845 г. Увидев робких мать и сына, державших друг друга за руку, Он сам подошел к ним, и, когда на вопрос его: «Что вам угодно?» — измученная, болезненная женщина, после тщетных усилий заговорить, отвечала только слезами, катившимися по ее бледному болезненному лицу, — сильные ощущения лишили ее голоса, мальчик, смотря прямо на свою Надежду и сознавая болезненное онемение матери, сказал своим детски-простодушным языком: «Государь, утешь мою маму! Прими меня в гимназию воспитанником сына Твоего!» У Него слезы, как блестящая от солнца роса, навернулись на глазах: «Успокойтесь! Я все сделаю для вашего сына. Но кто вы? Как вас зовут?» Совсем потеряв способность говорить и продолжая проливать тихие слезы, она вынула из кармана приготовленную записку: «Государь! Если Ты не поможешь мне, то мне остается умереть», — было в ней. На другой день, по приказанию Государя, она пришла в контору Его, и тут показали ей ее же записку, наверху которой ровным жемчужным почерком было написано: «Сына вдовы Николая принять воспитанником моего сына Николая. Александр»[15]. Да будет благословенно имя Его, утешителя вдов и сирот! День и ночь молитва за Него...

При первом облегчении глаз — почти два года она не могла работать от боли — опять спешила искать труда и до 1860 года давала уроки. Трудно было зимою преодолевать бурю и непогоду, чтобы поспевать вовремя и не пропускать уроков; но летом еще было труднее: ученицы разъезжались по дачам; ездить на извозчиках немыслимо дорого, и приходилось странствовать по белу свету. А даль-то какая: с Петербургской стороны или потом с Глухого переулка за Вознесенским проспектом — в Лесной, или на Аптекарский, или на Петров остров. Тогда не везде были мостовые, а от Черной речки до Лесного была земля глинистая; чуть дождь, ноги разъезжаются, сил нет вытащить: поневоле остано-

виться надо да вздохнуть к Богу — откуда опять силы возьмутся. И место какое пустое было: ни жилья, ни людей, а только длинный, бесконечный ряд огородов. А как часто гроза, ветер, дождь были ее спутниками! Придет промокшая насквозь, потоки льются с нее — и ничего: ни злой человек, ни опасное приключение не коснулись одинокой, по видимому беспомощной странницы, вставшей в 5 часов, чтобы поспеть на урок до солнечного зноя! Кажется, путь предлежал не на розах, а сколько было утешения! Сознание, проникавшее до глубины души, что Господь хранит и зовет к себе всех тружеников и обремененных, явное ощущение близости Его милосердия! А дорога длинная: скоро (быстрым шагом. — *Е. А.* и *Е. П.*) идти два часа туда да два с половиною оттуда (больше усталость и жарко)... Всех друзей успеешь вспомнить, живых и ожидающих в вечности, и помолиться за всех — удобное время, никто не помешает. И такое было ей счастье: ни одной не было ученицы, на которую надо бы рассердиться или взыскание сделать, — все дети добрые, любящие. Бывало, в глаза смотрят, как бы угодить: хорошенько учиться да что-нибудь доброе сделать. Добрая земля предлагалась. Эта благодарная любовь и готовность пользоваться уроками много услаждали труд. Вот и о них думалось дорогою, не одни тернии предлагавшей, а и розы такие душистые.

В 1848 году по ходатайству Е. Н. Ахматовой София Ивановна получила работу при «Библиотеке для Чтения»[16]. Легко и приятно было переводчикам при таком редакторе, как О. И. Сенковский[17]. Он сам выбирал статьи, сам своею рукою на полях оригинала писал по-русски оглавление, все иностранные имена, технические слова и даже целые фразы, представлявшие какое-нибудь затруднение; сокращения тоже сам производил на оригинале же. Для фраз выше понимания переводчики должны были оставлять пробелы на своих страницах и выписывать на полях эти фразы. Кроме того, последнюю корректуру держал Сенковский, и тогда все переводы проходили через его очистительное перо. По напечатании книги сам Сенковский немедленно рассчитывал сотрудников (выплачивал деньги. — *Е. А.* и *Е. П.*). Вежливый, добросовестный был редактор; сам честный труженик, умел ценить труд своих сотрудников, не усчитывая и не обделяя никого.

При начале карьеры переводчицы над Софией Ивановной готова была разразиться буря, готовая преградить ей дальнейший путь. «Загробные записки Шатобриана» стали выходить в какой-то газете, «Presse», кажется. В числе других и она получила свою часть для совместного и скорейшего перевода этой знаменитости. Дался же им этот Шатобриан: газетная бумага гадкая, шрифт в фельетонах мельчайший и какой-то слепой, коррект<орских> ошибок без числа, а слог — прости ему, Господи! прости и его переводчиков, не добром поминавших его! Словом, дело идет о знаменитой фразе по случаю la charette, напечатанной не прописной буквой, как бы следовало для собственного имени. Билась, билась с этою фразою — решительно смысла нет для la charette, так и пришлось оставить пробел, а на полях записать ужасную фразу. Когда принесли корректурные листы, Сенковский был болен и несколько ночей не спал от жестокой зубной боли. Сам он не мог поднять головы, но кто-то из близких читал вслух и поправлял по его указаниям. Дошло дело и до la charette — оригинала не случилось под рукой, была только выписанная фраза на полях. Рассыльный торопит, время не терпит, и вот вышла знаменитая фраза о роковой тележке вместо генерала Ла Шарета... и как уж обрадовались чужие редакции! Подхватили они эту фразу и чуть не целый год носились с нею, как кошка с салом. Да, было то праздное время, когда переводы и мелких статей в «Б.д.Ч.» разбирались даже в серьезных журналах! Поднялась буря: кто переводил это роковое место? Разумеется, Снес<сорева>. Но и тут выручила справедливая дружелюбная Ахм<атова>: потребовали по ее настоянию листки, и оказалась истина: сам Сенк<овский> приказал написать эту фразу.

До самой его смерти Снессорева работала в его журнале.

Жена Сенк<овского> писала свои сочинения на франц. языке, которым владела превосходно, на русский же язык давала переводить своим друзьям. Снес<сорева> была в числе неизменных ее переводчиц, и никто не заметил даже, что ее сочинения писались не по-русски. За год до смерти мужа Сенк<овская> поручила Снес<соре>вой свой последний труд, в котором она пыталась нарисовать истинный портрет своего мужа. Снессорева не только переводила, но и часто по указанию сочинительницы вставляла целые рас-

сказы, и по два-три раза случалось одни и те же переделывать. Работа длилась около двух лет. Сенковский умер, жена его прожила после него год и жила в лихорадочной деятельности, желая издать избранные сочинения мужа, которыми искренно гордилась; написала его биографию; но не успела напечатать своего последнего любимого романа с натуры — «Соперницы». Пред смертью она продиктовала ближайшей родственнице свои последние желания и между прочим просила передать 400 экз. (4000 книг), изданных ею, Снессоревой, свидетельствуя при том о своей глубокой благодарности за ее неизменную любовь. Между наследниками вышли споры, Снессоревой не отдали ни одной книги; но она жалеет не о пропавшем даром труде двух лет, а о том, что рукопись «Соперницы» пропала без вести. Кому она понадобилась? Кто не желал видеть ее в печати? Или чья небрежность совершила это преступление против чужой собственности?

Вопрос о «женском труде» был решен ею в 1856 году.

После смерти Сенковского она года два еще работала в «Библиотеке для Чтения», перешедшей в достояние Старчевского и Печаткина[18]; потом у Зарина[19] и, наконец, у Боборыкина[20]. Ей предоставлялись мелкие статьи, что, по ее мнению, гораздо труднее многотомного романа, где переводчик успевает свыкнуться и с языком, и с манерою сочинителя, и с характерами действующих лиц. Тогда как каждая мелкая статья требует особенного изучения и часто особенных познаний, потому что редакция, не сообразуясь, присылает мелкому переводчику статьи и по ботанике, и по зоологии, и медицинские, и военные. Уж слишком большое разнообразие сведений требуется от переводчика. Из больших же сочинений ею переведены: «Орлийская ферма» Антония Троллопа[21], «Дело темной ночи» мистрисс Гаскель[22] и обзор «История английской литературы» англичанина Тэна[23]. Кроме того, из «Отечественных Записок», когда там участвовал Зарин[24], иногда присылались ей отдельные главы разных романов, которых не успевал докончить их обычный переводчик.

В ту пору, когда в Италии совершался великий переворот и Гарибальди явился героем и деятельным помощником своего короля для объединения Италии, сестра Снессоревой, переселившаяся в Италию, писала к ней письма с

животрепещущими описаниями совершавшихся на ее глазах событий. По просьбе Дружинина, этого безукоризнейшего и изящнейшего литератора и доброго знакомого, она составляла из этих писем статьи для его журнала, кажется «Век»[25]. В «Пантеоне»[26], в «Сыне Отечества»[27] попадались случайно налетом ее статьи.

Но настоящая ее деятельность, надежная, выручавшая из всех бед с 1856 года до настоящего 1871 года, относится к журналу Е. Н. Ахматовой «Собрание иностранных романов»[28]. Создавая этот журнал, Ахматова имела в основании благородную цель: самой жить трудами и другим женщинам-труженицам давать средства трудами жить.

Все, одиннадцатый год трудящиеся по ее журналу, — женщины, поддерживающие семьи свои честным трудом и благословляющие имя основательницы журнала, тихо, без печатных криков проводящей в жизнь свою душевную мысль: жить и другим давать жить.

Беспристрастный историк много найдет сказать об этой благородной личности, высоко поднимающейся над толпою. Трудно исчислить все ее труды: она перевела более 250 сочинений с французского и английского языков, успевая перечитывать все журналы и лучшие книги на этих языках, чтобы выбрать лучшее для своего журнала и познакомить с неизвестными, но талантливыми писателями.

В отношении ценз<урных> и почтов<ых> переворотов она передовой и бесстрашный боец. Чувство чести в ней глубоко развито, на ее слово можно положиться, память необычайная, твердость и обдуманность характера, какие трудно встретить и в мужчине. Система и порядок царствуют во всех ее делах: <стоит> только взглянуть на ее конторские книги, чтобы понять, какой мастер дела заведывает ее журналом.

Одна беда: своих друзей она хочет ставить на свое место и ожидает от них таких же способностей, какими сама одарена. Поэтому ее друзьям приходится иногда очень жутко. В 1857 году она сказала Снессоревой, что переводов с французского совсем недостаточно, тогда как с немецкого переводчицы нет, а вышел новый роман Герстекера «В Америку», который надо поместить в «Собрании», так Снессоревой надо признаться немецким языком, чтобы перевести его. А Снессорева давно уже забыла немецкий язык. Однако,

нужда удивительный учитель. Пригласив молоденькую образованную немку, только что кончившую курс в Annen Schule[29], она просила ее заниматься с нею по методе, которую сама для себя придумала: прочитав фразу, каждое слово она переводила, требуя объяснения не только слова, но и каждой частички речи. Трудно было, но с помощью талантливой молодой учительницы и энергии старой ученицы дело пошло на лад: через 8 месяцев роман «В Америку» почти в 800 страниц был напечатан в «Собрании романов»[30], к общему удовольствию заставившей и заставленной. В 1860 году повторилась та же история и с английским языком, потому что для журнала потребовалась переводчица с английского. С тех пор Снессорева наслаждается еще большим разнообразием в переводных статьях и все больше мелких рассказах, но есть и большие книги: «В Америку» Герстекера; «Тайный брак» Уилки Колинза, «Фанни» Эрнеста Фейдо, «Роман Молодого Бедняка» Октава Фелье, рассказы американца Рупиуса, уголовные процессы Темме, «Картинки без картинок» Андерсена, «Филипп Август», «Война Амазонок», «Семь поцелуев» Букингама, «Воспоминания Старого охотника», «Анна Гирфорд», «Идеал в деревне» и «Золотой ключ» пополам с Ахматовой[31].

Но никогда Снессорева не работает с большею охотою, как над статьями для детей, и когда Ахматова задумала издавать детский журнал «Дело и Отдых»[32], тогда Снессоревой трудно было оторваться от работы. «Дело и Отдых» публика не умела оценить вовремя, а жаль: это был действительно прекрасный журнал, предлагавший роскошное угощение не только для детей, но и для взрослых. Ахматова вела это дело с необыкновенным знанием и добросовестностью, не из желания приобрести выгоду, но истинно по глубокому сознанию, что она может принести пользу и детям. Кроме многих мелких статей, отлично выбранных, лучшими статьями из переведенных Снессоревою, можно назвать «Черная пантера», «Рюбен Дэвиджер», «Коралловый риф», «Плавание по лесам», «Мальчик в плену», «Школьные воспоминания», «Записки Черного принца», «Бурда, или Заметки о кошках», рассказы о собаках и комедия, переделанная на русский лад, «Кошки вон, а мышки в дом»[33]. Отдельно изданные детские книги — «Мальчик, отыскивающий отца в

Полярном море»[34] и последняя половина книги «Как иметь успех в жизни».

В минуты отдыха Снес<сорева> перевела и издала «Народные сказки Бр[атьев] Гриммов»[35], которые вышли и вторым исправленным изданием (первая пока часть, а вторая в типографии) с прекрасными портретами и картинками, талантливо сочиненными русским художником Шпаком[36]. Из собственных ее сочинений она издала по просьбе друзей «Дарьюшка, или Очерк жизни русской странницы»[37], затем после двухлетних трудов издала биографию игумении Феофании Готовцевой[38], замечательной по своей жизни как в большом свете, так и в монастыре. Вышла книга с приложениями в 30 листов, с 17 картинами и двумя портретами.

Кроме того, ее любимейшим занятием было дело, порученное ей Преосвященным Игнатием Брянчаниновым, скончавшимся в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии. Он поручил ей надзор за печатанием, корректурой и редакцией его творений, составивших пять томов и около 150 листов, т. е. 2400 страниц большого формата. Краткое описание кончины его было ею же написано[39].

Если надо выводить мораль из всякой истории, то из этой жизни можно такое заключение сделать: при благоприятных обстоятельствах и верных друзьях труд прокормит переводчицу, но никогда не обогатит и не обеспечит. Труд модистки, труд портнихи — не говоря о француженках, но даже русских — представляет более возможности оставить «про запас на черный день». Avis aux lectrices[40], которые в Петербурге и провинции тревожат себя надеждами, а редакторов просьбами дать работу, думая, что можно прожить одними переводами.

Еще маленькое замечание: а богатые барыни, переводящие романы от нечего делать и наслаждающиеся тщеславием, что их работа красуется в печати, должны опасаться, как бы не вынуть кусочек хлеба изо рта голодных, не имеющих протекции в литературном мире.

И невольно вспомнишь, как смешны казались неутомимым труженицам, всю жизнь работавшим без криков и покровительственных партий, как смешны казались им эти натянуто-разгоряченные страницы романа «Что делать?». Какая-нибудь крикунья Вера Павловна воображала, что она

выведет русских женщин из подвала на чистый воздух самобытного труда и свободной мысли! Сами сидят в подвалах напускных модных теорий и воображают, что без них никто и Америку не открывал. А пригляделись бы получше к жизни и к людям бывалым, так и узнали бы, что и за пятьдесят лет по всей России бывали женщины, не терявшие своей жизни на бесплодное безделье. Вообще говоря, нигде, может быть, женщина не была так самостоятельна, как в России, и в гражданском отношении и в семейном быту. А что мужья в старину бивали жен и что жены, по сохранившемуся преданию, плакали, что муж не бьет — значит, разлюбил, так и теперь бывают подобные случаи у всех народов. Но не у всех народов женщина имеет права собственности, права голоса, собственница. В России никто никогда не мешал ей учиться и прославляться, если талант был. А если правительство не позволяло женщине кричать по улицам и провозглашать разные теории в обществах, так, право, оно бы так и лучше. Вообще говоря, много бы вышло хорошего для мира, если бы всякий муравей потихоньку старался принести посильную пользу в свой муравейник, трудясь в своей окружности, насколько сил и умения хватает.

Примечания

[1] *...родилась в 1816 году...* — В документах более позднего времени София Ивановна называет 1815 год. См., например: ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 375. Л. 3. (Прошение С. И. Снессоревой в Постоянную комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. 22 ноября 1895 г.)

[2] *...Иван Николаевич и Елисавета Ивановна Руновские...* — Отец Софии Ивановны, происходящий из обер-офицерских детей, получил личное дворянство, служа на Кавказе. Внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Воронежской губернии. В 1826 г. произведен в коллежские асессоры. Мать (по-видимому, сирота) была «крестной дочерью генерал-майора и кавалера Ивана Козмича Краснова». См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. № 3377 (Дело о дворянстве рода Руновских). Л. 6, 9, 11.

[3] *...вышла замуж...* — Муж Софии Ивановны — *Аполлон Васильевич Снессорев* — коллежский секретарь, служил письмоводителем Воронежского комитета о земских повинностях. Венчание состоялось

17 апреля 1836 г. — РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595 (Дело о дворянском происхождении рода Снесаревых). Л. 46 (об.), 51.

[4] *...немедленно уехала...* — 4 мая 1836 г., через две недели после венчания, А. В. Снессорев был уволен от должности письмоводителя Воронежского комитета о земских повинностях, по прошению. — Там же. Л. 46 (об.)

[5] *...в Энциклопедическом словаре Плюшара.* — См. сноску 1, с. 490. София Ивановна с мужем писали для этого издания статьи на букву «Г», которые помещены в 13–15 томах, изданных в 1838 г.

[6] *Масальский Константин Петрович* (1802–1861) — прозаик, драматург, поэт, критик, переводчик. В 1842–1844 гг. и в 1847–1852 гг. — редактор журнала «Сын Отечества». Со второй половины 1830-х гг. занялся исторической беллетристикой, при этом тщательно прорабатывал исторические источники, в т. ч. иностранные и архивные; публиковал их в составе художественных произведений или отдельно.

[7] *Кашкин Дмитрий Евгеньевич* (1771–1843) — стихотворец, переводчик, музыкант-самоучка: играл свои музыкальные сочинения на изобретенном им самим инструменте (гигантской гитаре с 36 струнами — «димитаре»).

[8] *Калькбреннер Фридрих Вильгельм* (1788–1849) — немецкий пианист, композитор, музыкальный писатель. Возможно, София Ивановна перевела написанное им пособие «Méthode pour apprendre le pianoforte a l'aide du quide-mains» (1830).

[9] *Муж принял первое место...* — А. В. Снессорев в феврале 1838 г. был вызван на службу в Астраханскую губернию в должности чиновника особых поручений при Военном губернаторе. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 46 (об.) Должность астраханского военного губернатора и управляющего гражданской частью с 1834 г. исполнял *Иван Семенович Тимирязев* (1790–1867). См.: «Астраханские губернаторы: Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997. С. 57–68.

[10] *...двухлетнего сына...* — Сын-первенец А. В. и С. И. Снессоревых — Николай — родился 23 июля 1838 г. в Астрахани. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 50. («Свидетельство о рождении и крещении сына Николая»).

[11] *Тимирязева Софья Федоровна* (1799–1875) — жена *И. С. Тимирязева.* (См. примеч. № 9.) Вместе с управляющим астраханской таможнею надворным советником А. Ю. Поливановым была восприемницею во время крещения Николая, которое состоялось 7 августа 1838 г. в астраханской церкви Входа в Иерусалим. См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 4595. Л. 50–50 (об.).

[12] См. сноску 3 (с. 490) к Предисловию.

[13] tic douloureux — болезненный тик *(франц.)*.

[14] См. сноску 2 (с. 513) к письму № 3.

[15] См. сноску 2 (с. 516) к письму № 5.

[16] *«Библиотека для Чтения»* — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Первый в России из т. н. «толстых» журналов. Издавался в Санкт-Петербурге с 1834 по 1865 г. Издатели — А. Ф. Смирдин, М. Д. Ольхин, В. П. Печаткин. Редакторы: 1834—1836 гг. — О. И. Сенковский и Н. И. Греч, 1837—1855 гг. — О. И. Сенковский, 1856—1860 гг. — А. В. Дружинин, 1860—1863 гг. — А. Ф. Писемский, 1863—1865 гг. — П. Д. Боборыкин.

[17] *Сенковский Осип Иванович* (1800—1858) — см. сноску 4 (с. 489) к Предисловию.

[18] *...Старчевского и Печаткина...* — Старчевский А. В. — в 1848—1856 гг. помощник редактора «Библиотеки для чтения», а фактически — редактор. Печаткин В. П — один из издателей «Библиотеки для чтения».

[19] *Зарин Ефим Федорович* (1829—1892) — литературный критик, переводчик, поэт. В 1861—1863 гг. вместе с Д. Ф. Щегловым заведовал отделами наук, критики и публицистики «Библиотеки для чтения». По воспоминаниям современников, от него зависела публикация переводов в журнале. См.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.—Л., 1936. С. 518.

[20] *Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836—1921) — плодовитый прозаик, драматург, литературный и театральный критик. В начале 1863 г. приобрел право на издание «Библиотеки для чтения» и был редактором его до 1865 г. Неопытность в редакторских делах привела к финансовым затруднениям. Вынужден был приостановить издание в мае 1865 г. и после выхода последнего номера в августе уехал за границу. В течение 20-ти лет выплачивал долги.

[21] *Троллоп Антоний.* Орлийская ферма // Библиотека для чтения. 1863. Январь — октябрь. *Троллоп Энтони* (1815—1882) — крупный английский романист 2-й пол. XIX в., признанный мастер семейных хроник и политического романа.

[22] *Гаскель Э.* Дело темной ночи // Библиотека для чтения. 1863. Ноябрь — декабрь. С. 1—169. *Гаскелл Элизабет* (1810—1865) — известная английская писательница.

[23] История английской литературы. (Histoire de la litterature anglaise, par. H. Taine. Paris, 1864): Из Westminster Review. // Отечественные записки. 1864. Т. 154, июнь. С. 561—609. *Тэн Ипполит-Адольф* (1828—1893) — французский литературовед и философ-позитивист, критик.

[24] *Зарин Е. Ф.* в 1864—1866 гг. участвовал в редактировании журнала «Отечественные записки».

[25] *Дружинин Александр Васильевич* (1824–1864) — прозаик, критик, переводчик. Был редактором «Библиотеки для чтения» с 1856 по 1860 г. «Век» — еженедельный общественно-политический и литературный журнал, был основан в 1861 г. П. И. Вейнбергом (его официальным редактором), А. В. Дружининым, В. В. Безобразовым и К. Д. Кавелиным.

[26] Журнал «Пантеон» в разные годы имел различные названия. Под названием «Пантеон» — ежемесячный литературно-художественный журнал — он издавался в 1852–1856 гг. В эти годы редактор журнала — А. Ф. Кони.

[27] *«Сын Отечества:* политический, ученый и литературный журнал» — выходил еженедельно с апреля 1856 по 1861 г. Издатель-редактор — А. В. Старчевский. С 1862 г. «Сын Отечества: ежедневная политическая, литературная и ученая газета».

[28] *«Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык»* — журнал, бессменным редактором которого с 1856 по 1885 г. была *Е. Н. Ахматова*. С 1884 по 1885 г. журнал назывался «Собрание переводных романов, повестей и рассказов». Выходил ежемесячно. В 1856 г. издателем был Королев, затем — И. И. Глазунов, с 1870-х гг. — сама Ахматова. В год выходило 10–12 больших романов и до 50 повестей. (В дальнейшем: «Собрание иностранных романов...».)

[29] Школа при церкви Св. Анны была открыта в 1736 г. в период правления императрицы Анны Иоанновны. Находилась в Петербурге по адресу: Кирочная, 8. См.: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. Т. 3. С. 242.

[30] *Герштекер* (в современном написании) *Фридрих*. В Америку! // Собрание иностранных романов.... 1857. Т. 4–6.

[31] Переводы всех этих произведений помещены в «Собрание иностранных романов...» с 1859 по 1870 г.

[32] *«Дело и Отдых: чтение для мальчиков и девочек всех сословий»* — журнал выходил ежемесячно. Просуществовал с 1864 по 1866 г. Редактор и издатель Е. Н. Ахматова.

[33] Все перечисляемые ниже Софией Ивановной ее переводы опубликованы в журнале «Дело и отдых» за 1864–1866 гг.

[34] Рассказ о мальчике, который отыскивает своего отца, пропавшего без вести в Северном Полярном море. С англ. СПб., Е. Н. Ахматова, 1870.

[35] *«Народные сказки, собранные Братьями Гриммами»*. Т. 1, 2. СПб., 1862–1864. Тома состоят каждый из четырех книжек. Книжка первая вышла в 1862 г., книжки со второй по четвертую — в 1863 г., остальные — в 1864 г.

[36] *Шпак Виктор Сильвестрович* (1847–1883) – художник, иллюстрировал книги, писал карикатуры. Сотрудничал в журнале Старчевского «Сын Отечества», а также других журналах.

[37] *Дарьюшка, очерк жизни русской странницы.* СПб., тип. И. И. Глазунова, 1864. 120 с.

[38] *Игумения Феофания (Готовцева).* СПб., тип. И. И. Глазунова, 1868. 272 с.

[39] Кончина Преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова) // Домашняя беседа. 1867. Вып. 21, 20 мая. С. 578–584. То же. – СПб.: тип. Морского Министерства, 1867. 13 с.

[40] *Avis aux lectrices (франц.)* – к сведению читательниц. (Здесь – некоторая игра слов. *Avis aux lecteurs* (буквально – к сведению читателей) означает «предисловие»; «(обращение) к читателю».)

Подготовка текста, публикация и комментарии Е. М. Аксененко и Е. А. Павликовой.

Иеромонах Марк (Лозинский)

Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия Брянчанинова

Часть первая

I. Епископ Игнатий о состоянии христианства в его время

Епископ Игнатий был невысокого мнения о христианстве своего времени.

Он считал, что христианское общество должно быть соединено в одно духовное тело, иметь один образ мыслей, один дух, одну общую Главу — Христа Спасителя.

Идеалом христианского общества во все века будет первохристианская иерусалимская община, у которой все было едино (Деян. 2. 44). Когда в обществе усиливается грех, то исчезает это дивное единство и вместо него появляются чуждые христианскому духу раздробленность, разномыслие и неприязнь.

Епископ Игнатий всей душой любил свою Родину, свой народ и от всей души желал ему всестороннего процветания. Но когда вопрос касался религиозно-нравственного состояния всего русского общества, то здесь Владыка с болью в сердце всегда признавал, что общество его времени

далеко отступило от первохристианских идеалов. Своим духовным взором Святитель видел то, что обычному человеку было неприметно — грех во всем его ужасающем многообразии глубоко проник во все слои общества того времени. Греховная порча проникла всюду: от крестьянской избы до царского дворца.

В великосветском обществе ревнитель благочестия видел лицемерие, постоянные интриги, карьеризм и полное безразличие к религии. Среди интеллигенции процветали нигилизм, скептицизм и наряду с ними грубые суеверия. В простом народе Святитель видел крайний недостаток в духовных познаниях, приверженность к форме, суеверия, ослабление вековых христианских устоев, страсть к винопитию, упадок нравственности, следствием чего всегда бывает отступление от веры.

Высшая иерархия, по весьма осторожному, но меткому замечанию епископа Игнатия, была слаба духом и в духовной жизни имела темные, сбивчивые понятия по букве, которые всегда убивают духовную жизнь. Низшее духовенство было малообразованно и не отличалось ревностью в назидании пасомых. Страсть же к деньгам, по словам Епископа Игнатия, «прокралась во все сословия и саны» и заглушила все благие побуждения и священные обязанности.

В 1847 году архимандрит Игнатий, направляясь в Бабайки, посетил многие города, села и монастыри. Результат своих наблюдений за духовной жизнью народа он изложил в одном из писем. «Во время странствования моего я имел возможность довольно подробно взглянуть на землю Израилеву — на Церковь. Что сказать о ней? О ней надо сказать слова пророка... «Бысть пуста весьма» (Иез. 38, 8)»[1], — писал о. Игнатий. Не в том смысле были сказаны эти слова, что не встретил архимандрит Игнатий благочестивых людей. Нет, он сам говорил, что в это путешествие «видел людей набожных посреди мира и в монастырях», но эти люди встречались крайне редко. Всюду, и даже среди лучших христиан, он встречал оскудение истинного духовного знания и недостаток правильного духовного руководства.

Беседуя со многими пастырями, истинный ревнитель чистоты православия убедился, что многие из них имеют

[1] Прилож. Т. 3. С. 89. № 300.

понятия о христианстве «сбивчивые и темные». «Видим в настоящее время многих, считающих себя христианами и даже учителями Христовой Церкви, — писал он, — из них иной не верит чудесам Христовым, исчисленным в Евангелии, — другой верит одной части учения Христова, а другую отвергает, не верит существованию демонов; опять иной думает, не умея различать дел веры от дел естества, что все спасутся за свои добрые дела...»[1].

Очень редко пастыри возвещали пасомым истинное Слово Божие и не поучали их регулярно истинам веры и благочестия. От этого все с большей силой в народе нарастал глад слышания Слова Божия. Епископ Игнатий как никто другой сознавал, сколь велико это бедствие. «Глад слышания Слова Божия, — писал он, — вот бедствие, несравненно тягчайшее бедствие всех бедствий, которые когда-либо были попущены на христиан»[2]. Почти полное отсутствие духоносных пастырей, оскудение проповеди Слова Божия, уменьшение количества приходских священников, повсеместное охлаждение в вере привело к тому, что многие христиане перестали сознавать себя членами единого мистического тела Христова — Святой Церкви, утратилось знание Истины и люди стали чуждыми друг другу. «Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, — пишет Владыка, — свою религию, свой путь, принятый произвольно и случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо представляет духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, никто о ней не заботится; люди уже более не слышат — так отяжелел их слух — спасительного гласа истинного Пастыря, раздающегося из Его Святой Церкви, ...оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния. Прильпе земли душа их, неспособна к восприятию впечатлений духовных»[3].

Духовные бедствия христиан, по словам епископа Игнатия, усугубились еще и обилием лжеучителей и книг, содержащих душепагубные учения. Сравнивая свое время с временем свв. Апостолов, епископ Игнатий говорил, что и в те времена было много лжеучителей, но «в наше время

[1] Прилож. Т. 3. С. 243. № 368. ||[2] Там же. ||[3] Там же. С. 149–150. № 327.

число лжеучителей бесконечно расплодилось, расплодились зараженные лжеучением и сообщающие лжеучение; страшно расплодились книги, содержащие и сообщающие лжеучение»[1]. Проповедь лжеучителей имела немалый успех — многие члены Церкви совращались в раскол и различные секты.

Видя всеобщее ослабление в вере, Владыка, как истинный сын Церкви Христовой, весьма скорбел, но он понимал — рукой невозможно остановить течение реки. Зная из Священного Писания, что наступят времена всеобщего отступления от веры, он не предвидел восстановления Церкви в ее древней красоте и предполагал, что всему церковному зданию предстоит еще «поколебаться страшно и быстро»[2].

Сознавая истинное положение христианства, Преосвященный Игнатий не приходил в уныние. Его твердая вера говорила ему: необходимо предаваться воле Божией и в самих попущениях Божиих, и даже благоговеть пред ними. Он неоднократно говорил о том, что нужно видеть и понимать истинное положение вещей, но не осуждать тех, кто сбился с истинного пути, и с большим вниманием заботиться о своем спасении. «Очевидно, — писал он, — что христианство — этот таинственный духовный дар человекам — удаляется неприметным образом для не внимающих своему спасению из общества человеческого, пренебрегшим этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутыми актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустного зрелища, чтобы не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении»[3].

Как ни трудны были времена епископа Игнатия для христианства, но он сознавал и неоднократно писал о том, что как в его время, так и во все времена Господь дарует возможность спасения тем, кто всей душой ищет спасения. Он видел вокруг себя многих избранников, которые слышали глас истинного Пастыря — Христа Спасителя и шли на Его голос. Правда, им приходилось, по словам Святителя, пробиваться «с величайшим усилием и трудом сквозь густую толпу, несвязно шумящую, их окружающую»[4]. В сравне-

[1] Прилож. Т. 4. С. 75. № 538. || [2] Там же. С. 288. № 716. || [3] Там же. Т. 4. С. 261. № 688. || [4] Прилож. Т. 3. С. 150. № 327.

нии с людьми, избравшими широкий, но пагубный путь жизни, число идущих по узкому трудному пути, ведущему в жизнь вечную, было невелико, «но, — пишет епископ Игнатий, — Господь ободряет их: «Не бойся, — говорит Он (Господь), — малое стадо, яко благоволи Отец ваш дати вам Царство» (Лк. 12. 32)»[1].

В своем взгляде на положение Церкви епископ Игнатий не был одинок. Лучшие представители духовного мира того времени также видели тяжкие недуги, которым было подвержено христианское общество. Подвижник Никифоровской пустыни старец Исаия в откровенной беседе однажды сказал архимандриту Игнатию: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено, в частности, спасаться людям, желающим спастись»[2].

Сознавая внешние и внутренние трудности своего времени, епископ Игнатий из опыта собственной жизни видел, что при почти полном отсутствии духоносных наставников единственными руководителями в духовной жизни для христиан остаются на все времена творения святых Отцов.

Написанием, а затем изданием своих сочинений, преисполненных святоотеческим духом и имеющих практическую цель — помочь христианам на трудном пути духовного совершенствования, епископ Игнатий показал свой оптимистический взгляд на будущие времена.

Несмотря на все трудности окружавшей его жизни, он видел перед собой многих истинных христиан; некоторых из них он сам воспитал и направил по истинному спасительному пути, и несомненно Святитель верил, что и в будущие времена найдутся люди, которым его творения послужат на пользу.

II. Взгляд епископа Игнатия на земную жизнь человека как на приготовление к жизни вечной

Епископ Игнатий своим богопросвещенным духом в течение всей жизни реально ощущал суетность и краткость земной жизни.

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 150. № 327. || [2] Прилож. Т. 4. С. 273. № 702.

Человек создан Богом для вечности; это ощущение вечности осталось в душе каждого человека и после грехопадения прародителей. Но оно извращено грехом: человек, несмотря на то что почти ежедневно видит, как умирают окружающие его люди, обыкновенно считает себя вечным жителем на земле. Он как бы не осознает: бессмертна его душа, а не тело. И только люди, очищающие свою душу от греховной скверны и деятельно исполняющие в своей жизни евангельские заповеди, со временем умудряются смотреть на все с духовной точки зрения. Духовным разумом они постигают кратковременность своей жизни и истинное назначение человека на земле.

Сам епископ Игнатий весьма рано понял суетность всего земного. В годы учения в Петербурге непрестанный молитвенный подвиг его и чтение творений святых Отцов открыли ему духовные очи, и он увидел, что «все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества — пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети... Не сто́ит видимый мир, чтоб служить ему и им заниматься! Чем он награждает слуг своих? Сперва игрушками, потом гробом, тлением, темною неизвестностью будущего...»[1]. Когда юноша понял все это, он решил всю свою земную жизнь посвятить познанию и усвоению Христа, дарующего человеку вечное счастье.

Вся последующая подвижническая жизнь владыки Игнатия утвердила в мысли, что краткая земная жизнь дана человеку, чтобы приготовить себя к вечной небесной жизни. Человек должен жить на земле для неба. Особенно часто об этом Святитель писал в своих письмах.

Касаясь вопроса о земной жизни человека, Владыка часто прибегал к сравнениям из видимой природы. Земную жизнь епископ Игнатий любил сравнивать с морем[2]. Ведь море изредка бывает спокойно и чисто, как зеркало, но часто оно встревожено бурею, покрыто мутными волнами и седою пеною, напоминая, что и в жизни человека тишина внезапно сменяется бурею. Опытный мореплаватель умеет в безбрежном море направлять свой корабль по звездам и

[1] Соч. Т. 1. С. 561, 562. || [2] См., например: Житейское море // Соч. Т. 1. С. 362.

достигает пристани. Пловец житейского моря будет блажен, если устремит свой взор к небу и «по светилам небесным... направит путь свой, не унывая при бурях, не доверяя и тишине моря: оно так изменчиво»[1]. Духовным небом для христианина, по словам Владыки, является учение Христово; взору, которого доступно это небо — вера. Писания святых Отцов на небе духовно сияют подобно звездам, и, руководствуясь ими, христианин достигает желанной пристани вечного блаженства.

Основными свойствами земной жизни, по мнению Преосвященного, являются краткость, постоянная изменчивость и суетность. На склоне лет Святитель писал своему другу схимонаху Михаилу: «Не начинаем жить, а оканчиваем земную жизнь. Довольно нагляделись на все земное: кажется, надо бы научиться и твердо знать, что все земное превратно, что всякая горесть и радость — земные минуты, яко сон обманчивый, проходят и не возвращаются»[2].

Однажды Владыка размышляя о краткости земной жизни человека, пришел к выводу, что не только прожитая, но и предстоящая жизнь уже прошла; сколько еще ни проживи на земле — ничего нового не увидишь. Те же добродетели и те же пороки будут являться в мире. «Точно так же добродетель будет тихо пробираться между людьми, неприметная, гонимая ими; точно так же порок, прикрываясь бесчисленными личинами, будет обманывать людей и господствовать в среде их»[3]. Два года жизни и сто лет одинаково ничтожны в сравнении с вечностью. Если коротка прошедшая жизнь, коротка и будущая, то для чего же тогда жизнь? Поставив этот вопрос, сам Святитель отвечает на него, что земная жизнь — путь к вечности, которым надо воспользоваться, на котором не надо заглядываться в стороны. Этот путь надо совершать умом и сердцем — не числом дней и годов.

О суетности земной жизни инок-затворник писал в 1847 году из Николо-Бабаевского монастыря своей сестре, Елизавете Александровне: «Путь земной жизни скорбен; когда человек совершит значительную часть его и оглянется назад, то как кажется суетным все приятное земное,

[1] Прилож. Т 3. С. 3. № 270. || [2] Прилож. Т. 4. С. 302. № 730. || [3] Прилож. Т. 3. С. 123. № 320.

к которому он стремился с такою жадностью в юности своей! Не потеряем, по крайней мере, остальной жизни нашей принесением оной в жертву суете...»[1].

Земную жизнь Преосвященный Игнатий нередко сравнивал с длинным и дальним путем, а человека со странником, который шествует по этому пути. «Земная жизнь наша — путь, — писал он, — только измеряется путь этот не расстоянием, а временем. Как на обыкновенном пути переменяются предметы, беспрестанно заменяются одни другими, так на пути земной жизни сменяют друг друга события. И неизвестно человеку, какое событие ожидает его в каждый наступающий новый день»[2].

Путник, идущий в далекий, но дорогой для него город, старается нигде не задерживаться на пути. Если необходимость заставляет его остановиться в гостинице, то ничто в ней не привлекает его внимания. Остановившись в ней на краткое время и уплатив гостиннику, что требовалось за ночлег, путник опять спешит к своей намеченной цели. Ни к чему на пути не прилепляется он душой, потому что знает: что любая привязанность может отвлечь от цели пути или, по крайней мере, задержит его и увеличит время его разлуки с родным городом.

Христианин подобен этому благоразумному путнику. Его земное шествие должно иметь одну цель — достижение вечного Небесного Града, и ничто земное не должно отвлекать его от этой цели. В Небесный Град ведет путь узкий и тесный. Много в жизни широких путей, и большинство людей идет ими, но они не приводят к небесным обителям. «Уклонитесь от пути широкого, — взывает ко всем христианам богомудрый Святитель, — по которому почти все шествуют! Изберите для себя путь узкий и прискорбный, ведущий в Царство Небесное! Возлюбите скорби, посылаемые вам Промыслом Божиим! Возлюбите теснины, по которым премудрый Промысл, спасающий вас... проложил стезю для земного вашего странствования!»[3]

Хочет или не хочет земной странник, а путь его жизни непрестанно сокращается, приближая его к вратам вечности — смерти. Человек, прилепившийся всей своей душой

[1] Прилож. Т. 4. С. 45. № 520. || [2] Прилож. Т. 3. С. 166. № 336. || [3] Там же. Т. 3. С. 116, 117. № 316.

к земле, не замечает своего приближения к гробу и обольщает себя долгой жизнью. Ему кажется, что он как бы остановился на своем жизненном пути. «Случается, — пишет епископ Игнатий, — человеку во время этого странствования заглядеться на предметы, представляющиеся взорам; ему кажется: шествие его к вечности остановилось. Это обман очей души. Мы идем и идем — не останавливаемся ни на минуту»[1].

Подобно мореплавателю, путник, странствующий в продолжительной тьме ночной, может легко заблудиться; на пути у него могут встретиться многие неожиданности. У каждого земного странника неожиданностями, скорбями и искушениями исполнена вся жизнь. Чтобы жизненные трудности не отвратили шествие христианина к Горнему Граду, он должен иметь твердую веру в Бога, Который руководит каждым человеком, очищает, приготовляет его скорбями к вечной жизни и дает силы для несения их. Вера — это светильник, освещающий весь путь человеческой жизни. Имея этот светильник, человек уверенно пройдет все поприще земной жизни и перейдет в вечность к бесконечному Свету — Христу.

Своей сестре, Александре Александровне, находившейся в очень трудных жизненных обстоятельствах (вдовство, тяжелая болезнь, одиночество), Владыка писал: «Что человек на земле? Путник. Что такое смерть? — Эпоха, с которой начинается наша действительная жизнь. — Продолжительно странствуя... посреди слабостей и искушений, руководимые светом истинной веры мы достигаем, наконец, до той грани, которою отделяется свет от тьмы»[2].

Вся земная жизнь христианина, по справедливому мнению епископа Игнатия, должна быть школой приготовления к вечности. Для преуспеяния в любой науке нужно хорошо изучить ее, в противном случае наука останется для каждого человека недоступной. Вечность видимо отдаляется для каждого человека в бесконечную даль, если он не рассматривает, не изучает ее, не готовится к ней. «Как верно то, что мы все должны умереть! Что эта жизнь в

[1] Прилож. Т. 3. С. 12. № 276. В этом же письме Владыка сравнивает жизнь в многолюдном городе с обширным лесом, в котором можно заблудиться. || [2] Прилож. Т. 4. С. 16. № 49.

сравнении с вечностью — ничего не значащее мгновение! Никто из человеков не остался бессмертным на земле. А между тем, живем, как бы бессмертные, мысль о смерти вечно ускользает от нас, делается совершенно чуждою»[1], — свидетельствует епископ Игнатий.

Чтобы человек мог правильно взглянуть на свою земную жизнь и отдать предпочтение высшей, вечной, ему нужно хотя бы на время оставить земную суету, прийти в себя и, если можно, уединиться и в уединении отдаться молитве и чтению Слова Божия. В уединении «ухо безмолвника услышит дивное», а Слово Божие возвестит ему о вечном Отечестве. «Если мы не будем внимать Слову Божию, — предостерегал Владыка, — то легко можем обмануться, счесть землю своим вечным жилищем и употребить единственно для земли все силы души и тела, потом внезапно и неожиданно предстать в вечность по призыву Всесильного Бога, между тем как занятые исключительно временным, мы ничего не сделали для вечности, т. е. для вечного блаженства»[2]. Епископ Игнатий считал, что пустыня, безмолвие, монастырь, душеназидательная беседа, духовный совет, чтение Священного Писания и святых Отцов, и молитва, — всё это ведет человека к познанию вечности и приготовляет его к ней.

Люди, всецело погрузившиеся в суету повседневной жизни и только сохранившие одно христианское имя, совершенно не помышляют и не готовят себя к вечной жизни, иные же и вообще не верят в загробное бытие.

Рассуждая о земной и будущей жизни, владыка Игнатий приводит слова святого мученика Тивуртия, в которых прекрасно отображен взгляд плотского и духовного разума на временную и вечную жизнь. О земной жизни мученик сказал: «Мнится быти и несть». «Точно! — пишет Святитель, — она будто и пред глазами и в руках, а все ускользает». О будущей жизни мученик Тивуртий сказал: «Мнится не быти и есть». «Точно, — продолжает Владыка, — когда здесь живем, то представляется, что и всегда здесь останемся жить, будущая жизнь представляется несуществующей. Но нет! Не видать, как наступит, и наступит непременно.

[1] Прилож. Т. 3. С. 13. № 276. || [2] Там же. С. 310. № 416.

Блаженны те, которых Бог приготовляет к вечности болезнями и другими скорбями...»[1].

Своим друзьям заботливый Архипастырь часто напоминал, что земная жизнь не имеет цены по сравнению с вечной; она дана человеку для приготовления к переходу в вечность. Христианин не должен терять времени, потому что смерть может подкрасться неприметно и восхитить душу не подготовленной к суду Божию[2]. Неоднократно Владыка в письмах к друзьям, находившимся на одре болезни, от всей души молитвенно желал им выздоровления, для того, чтобы еще пожив на земле, они могли лучше приготовиться к вечности. Художнику К. П. Брюллову архимандрит Игнатий писал: «Поправляйтесь, дорогой мой Карл Павлович! Желаю по приезде моем увидеть вас здоровым, укрепившимся. Еще надо бы вам пожить, пожить для того, чтоб ближе ознакомиться с вечностью, чтоб пред вступлением в нее стяжать для души вашей красоту небесную...»[3].

Оканчивая путь своей земной жизни, тяжело болея, старец-страдалец просил своего брата Петра Александровича передать усердный поклон болящей С. И. При этом он писал: «Уповаю на милость Божию, что она выздоровеет. Жизнь ей нужна по той же причине, по которой нужна и мне, — для приготовления к вечности»[4]. То, чего желал Владыка другим, к тому же и сам стремился всегда — к приготовлению к вечной жизни.

В чем должно заключаться приготовление христианина к вечности?

Приготовление к вечности есть, по мнению епископа Игнатия, целожизненный подвиг познания Христа и следования за Ним. Из Николо-Бабаевского монастыря архимандрит Игнатий писал в 1847 году: «Гляжу из уединения моего на шумящий и мятущийся мир; говорю сам себе и друзьям моим: одно занятие может быть признано занятием истинно-полезным во время кратковременной земной жизни — доколе наша чреда зеленеет — познание Христа, Который и податель вечной, блаженной жизни, и путь к этой жизни»[5]. К одному из своих знакомых, исцелевшему

[1] Прилож. Т. 4. С. 321, 322. № 755. || [2] Там же. С. 190, 191. № 628. || [3] Прилож. Т. 3. С. 175. № 340. || [4] Прилож. Т. 4. С. 288, 289. № 717. || [5] Прилож. Т. 3. С. 124. № 320.

от смертной болезни[1], епископ Игнатий писал, что, оставаясь жить на земле, он должен жить не для себя, а для Бога. Кто живет для Бога, тот исполняет Его святую волю; живущий же для себя исполняет в этой жизни лишь свои пожелания. Живущий для Бога, по словам Владыки, «не умирает». Телесная смерть для него есть переход к настоящей жизни. «Блюди! — предостерегает Святитель исцелевшего, — чтоб не ожить для себя! Жизнию о Господе умерщвляй жизнь свою, греховную, плотскую и душевную, и тем сохрани себя в живот вечный»[2].

Жизнь христианина, путника в Небесный Иерусалим, должна быть теснейшим образом соединена со Христом. Единство со Христом во всей полноте может ощущать лишь тот, кто принадлежит к Телу Христову — Его Святой Церкви, исполняет Его святые заповеди и всецело предает свою жизнь в волю Божию. Такой человек, живя на земле, мужественно переносит все ее трудности, ибо он сораспинается Христу, спогребается с Ним и совоскресает с Господом для жизни вечной. «Нам должно странствовать со Христом, страдать с Ним, претерпеть распятие, вкусить смерть, быть погребенным, воскреснуть и вознестись. Сего желаю и вам и себе, почему произношу вместе с вами сию истинную, духовного разума утешительную молитву: Господи! Совершай над нами волю Твою и нам даруй мыслить, чувствовать, действовать по Твоей воле. Сего единого у Тебя просим, в сем едином заключаем все наши желания и моления»[3].

Каждый христианин знает, что если он с терпением и без ропота переносит все испытания в своей земной жизни, то в будущей его ждет вечная радость, вечное блаженство. Но не только в будущей жизни истинный христианин будет блаженствовать, он уже здесь на земле нередко ощущает в душе своей радость, покой и несказанную тишину — эти дивные предначатки райского блаженства.

Добродетельная жизнь, основанная на евангельских заповедях, делает христианина уже на земле причастником неба. Только тот, кто в земной жизни сделал себя способным жизнью во Христе к восприятию начатков небесной

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 160, 161. № 332. || [2] Там же. С. 160, 161. № 332. || [3] Там же. С. 223. № 361.

радости, будет сопричтен к ней в бесконечной большей степени на небе. «Земля — страна плача; небо — страна веселия, — пишет епископ Игнатий, — но небесное веселие вырастает из семян, посеянных на земле»[1]. Семена эти: молитва, слезы, покаяние и прочие христианские добродетели.

Из опыта своей жизни Владыка знал, какое обильное утешение ниспосылает по временам Господь в души, обуреваемые многими скорбями, но неуклонно стремящимися к небу. Побуждая одного из своих знакомых готовиться к вечности, он писал: «Быстро, быстро промчится время, и наступит для Вас час преселения в вечность. Употребите земные дни Ваши на приготовление к ней. Вы видели в супруге Вашей, как хорошо приготовиться к вечности. Сие приготовление растворяет даже здешние скорби утешением и тем доказывается, что это приготовление есть приготовление к блаженству»[2].

Не только радость и утешение переживает истинный христианин в своей земной жизни, но он становится и подлинно счастливым. Все земные радости, как скоропреходящие, не могут сделать человека подлинно счастливым, и только жизнь для Бога и в Боге дарует человеку счастье, которое имеет начало на земле, а конец его растворяется в блаженной вечности. «Искренне говорю тебе, — писал Владыка своей сестре, избравшей в удел свой Бога, — потому что идешь путем спасения, потому что ты познала, что человек должен искать свое счастье не во временном и земном, а в Божественном и вечном»[3].

Земная жизнь христианина преисполнена духовного утешения даже среди многих искушений и скорбей. Когда же приближается час его разлучения с телом и преселения в вечность, он полон надежды на милосердие Божие. Христианин хотя и ощущает страх смерти, но это чувство умаляется в нем верой во Христа, сказавшего: «Где Я, там и слуга Мой будет» (Ин. 12. 26) — в блаженных селениях рая.

Человек же, который не познал Христа и не жил на земле для вечности, ощущает в час смерти трепет и ужас. Он видит, что все земное поневоле оставляется им, а к не-

---

[1] Прилож. Т. 3. С: 44. № 289. || [2] Там же. С. 385. № 480. || [3] Прилож. Т. 4. С. 17. № 496.

бесному блаженству он не предуготовил свою душу. У него нет ни веры, ни надежды на Бога — источника вечного блаженства, и поэтому уже в час смерти уделом его становятся отчаяние и мука, которые в полноте вкусит он после смерти в пропастях ада. «К концу земной жизни, пред вступлением в вечность, служитель мира и впереди и позади себя видит пустоту, а служитель Божий впереди видит благонадежное пристанище вечного блаженства, а обращая взор на проведенную им жизнь земную, видит поприще служения Богу, поприще, на котором он потрудился не напрасно, но благовременно усвоился Богу»[1].

Только человек, усвоивший правильный взгляд на земную и вечную жизнь, сможет стать истинным христианином — наследником вечных благ. Свою земную жизнь он не промотает в поисках призрачного земного счастья, но на пути следования в вечность употребит свои силы на благоугождение Богу, совершение дел любви к ближним и на искоренение греха и порока из своего сердца.

III. Учение епископа Игнатия о спасении и совершенстве

Вопросу спасения епископ Игнатий уделял очень большое внимание. Спасение было для Владыки не теоретической проблемой, а практической целью всей его жизни.

Богомудрый архипастырь справедливо считал, что каждый христианин должен иметь ясное понятие о том, в чем заключается спасение. Он очень часто встречал людей, желавших спастись и много говоривших о спасении, но если конкретно спрашивал их, в чем состоит спасение, то большинство христиан не могло ответить на этот вопрос[2].

Незнание этой основной христианской истины, по справедливому мнению Владыки, придает всей деятельности человека неопределенность. «Во всяком деле, — говорит архипастырь, — начальное условие успеха есть правильный взгляд на дело; так и в деле спасения, для получения жела-

[1] Прилож. Т. 4. С. 130. № 577. С исчерпывающей полнотой учение о смерти и загробной участи человеческой души изложено епископом Игнатием в «Слове о смерти». См.: Соч. Т. III. С. 69–184. ‖ [2] Слово о спасении и о христианском совершенстве // Соч. Т. 2. С. 328.

емого спасения необходим правильный взгляд на себя и на спасение»[1].

Прежде чем ответить на вопрос — в чем состоит спасение христианина, — Владыка считал нужным выяснить, в чем состоит наша погибель. В разрешении этого вопроса он строго следует святоотеческому пониманию.

Все человечество с момента грехопадения прародителей произвольно вступило в подчинение отверженных духов и утратило общение с Богом. «Мы лишились общения с Богом в самом корне и источнике нашем: в наших праотцах, при посредстве их произвольного согрешения», — пишет епископ Игнатий[2]. Произвольно лишив себя грехопадением непосредственного Богообщения, первые люди повредили все свое существо грехом и из бессмертных стали смертными.

Первый человек передал свою греховность и смертность всему человечеству. «Адам, сотворенный по всесвятому Образу и Подобию Божию, долженствовавший произвести соответствующее потомство, осквернил Образ, уничтожил Подобие, произвел потомство, соответствующее осквернен-ному образу, уничтоженному подобию»[3]

Все люди, унаследовав от Адама его греховность, находятся в состоянии погибели и отчуждения от Бога.

Всеблагий Бог, по Своей неизреченной любви к падшему человечеству, по истечении предопределенного Им времени опять призвал человека в общение с собою. Это было совершено, по словам Владыки, «при посредстве самого чудного, непостижимого способа»[4]. Второе лицо Святой Троицы Бог Сын сошел на землю и воплотился от Духа Святого и Девы Марии и стал всесовершенным Человеком, оставаясь в то же время всесовершенным Богом. «Он... зачеснись во утробе Пресвятой Девы действием Всесвятаго Духа, устранил от Себя обыкновенное человеческое зачатие от семени мужеского, зачатие, сообщавшее всем человекам заразу греховную», стал вторым Адамом — непорочным Человеком, каким был создан праотец[5]. Христос Спаситель принял на Себя все грехи людские и Своими вольными Голгофскими страданиями и смертью искупил — спас все человечество от греха, проклятия и смерти. Епископ Игнатий пишет: «Богочеловек заменил Собою пред

[1] Прилож. Т. 3. С. 357. № 459. || [2] Соч. Т. 2. С. 328. || [3] Там же. С. 329. || [4] Там же. || [5] Там же.

Богом и весь мир, и каждого человека. Добродетели... падшего человеческого естества утратили по вочеловечении Бога значение: они заменены великим делом Божиим — верою в Того, Его же посла Бог (Ин. 6. 29). В этом великом деле Божием заключается и спасение...»[1].

Иисус Христос всем, кто уверовал в Него как в своего Искупителя и живет по Его всесвятым заповедям, возвращает утерянное райское блаженство и освобождает от насильственной власти сил ада.

Спастись, по словам Владыки, значит «усвоить себя Искупителю, пребывать в этом усвоении во время всей земной жизни, а по смерти, по причине такого усвоения Искупителю, перенестись душою в селение блаженных духов, с ними наслаждаться святым наслаждением в ожидании всеобщего воскресения мертвых; потом при воскресении мертвых соединиться с телом, которое оживит Господь, сделает нетленным, и с телом наследовать сугубое, вечное блаженство»[2].

В одной из своих проповедей епископ Игнатий перечисляет, при каких условиях человек может усвоиться Христу и получить спасение. Прежде всего вера в Иисуса Христа и крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа. Крещение запечатлевается миропомазанием. Затем покаяние в грехах, совершенных после Крещения. Постоянное усвоение Господу поддерживается причастием Его пречистого Тела и Крови и жизнью по Его заповедям.

Вера и Крещение — первое условие спасения человека. В Священном Писании прямо сказано: «Иже веру имеет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет» (Мк. 16. 16).

Все остальные условия — покаяние, причащение и жизнь по заповедям Христовым — возможны только в лоне Церкви Христовой. Другими словами, чтобы унаследовать спасение, нужно уверовать во Христа и чрез Крещение стать членом Церкви Христовой и быть деятельным участником ее жизни. «...Для желающих спастись... необходимо, — пишет Преосвященный Игнатий, — чтоб правильно веровал в Бога, принадлежал Православной Церкви, в недре ее был крещен, миропомазан, очищен от грехов покаянием, приобщался Святых Христовых Таин...»[3] и соблюдал заповеди Божии.

[1] Соч. Т. 2. С. 330. || [2] Соч. Т. 4. С. 440. || [3] Там же. С. 329.

Рассмотрим теперь, что пишет епископ Игнатий об этих двух основных условиях спасения — вере и принадлежности Церкви Христовой.

* * *

Веру Владыка сравнивает с оком, которым одним человеческий ум может увидеть святую Истину.

Живая вера в Бога есть дар Божий, и дается он тем, кто всей душой будет искать в жизни истину и возжаждет познать Христа. Вера заключается в том, чтобы принять всецело учение о Боге — Христианство, открытое Самим Богом. Христианство есть учение Божественное, Богооткровенное, оно превосходит человеческий разум и поэтому не может быть принято иначе как сердечным чувством — верой. Истинная христианская вера «есть дело Божие столь обширное», что обнимает всю жизнь человека, все его существо, ею совершается спасение христиан. Вера должна проникать во все мысли и чувства человека, во всю его деятельность. «Веруяй (такою верою,— говорит Владыка) имать живот вечный» (Ин. 6. 47).

Только руководствуясь живой верой, человек может познать Бога, умереть для греховного мира, посвятить себя всецело делам благочестия и сделаться учеником и последователем Иисуса Христа. «Сильна вера во Христа исповедующих Его Христом... — пишет Владыка.— Вера во Христа верующему дает Христа»[1]. Лишь тот, кто уверовал во Христа, становится истинно счастливым человеком, потому что Спасителю можно с благодушием и радостью вверить свою настоящую и будущую жизнь. Никакое внешнее благополучие не может на земле сделать человека истинно счастливым. «Источник истинного счастья должен быть в его сердце, а эти святые, чистые воды дарует христианину — вера»[2]. Вера не во Христа, а в человека, в его разум, по словам святителя Игнатия, «полна плодов скудных»[3]. Такая вера не может даже называться верой, а есть суеверие, от которого рождается вечная погибель. Такою верою идолопоклонники верят в своих кумиров, мусульмане в лжепророка Магомета, еретики в богохульные догматы и в своих ере-

[1] Прилож. Т. 3. С. 162. № 333. || [2] Там же. С. 379. № 475. || [3] Там же. С. 162. № 333.

сиархов, «такая вера осуждена Богом»[1], и она не может удовлетворить возвышенные запросы человеческой души.

Человек, имеющий в своем сердце истинную веру во Христа, спокойно плывет по волнам житейского моря, ибо он знает, что твердая вера во Христа не бывает посрамлена.

«Душа моя! Плыви бестрепетно по волнам житейского моря, не доверяйся тишине его, не страшись бурь его... Веруй! ...Плыви, несись по волнам! ...Где вера, там нет ни печали, ни страха, там мужество и твердость, ничем не одолимая»[2], — такими вдохновенными словами святитель-поэт говорит о вере.

Вера во Христа возвышает человека, отрывает от плотяных интересов и возносит превыше мира. Только в вере человек находит успокоение для своей души и побеждает «мрачный хаос сомнений, неверия, заблуждений, умствований напыщенных и вместе суетных»[3].

Чтобы унаследовать вечную блаженную жизнь и еще в этой земной жизни насладиться предощущением благ небесных, христианин должен иметь веру твердую, а не колеблющуюся. Чтобы иметь твердую веру, нужно просить ее у Подателя всех благ Иисуса Христа словами святых Апостолов: «Господи, приложи веру нам» (Лк. 17. 5). Утверждению веры, по мнению адаманта веры — епископа Игнатия, немало способствует и изучение веры Христовой и всего, что ведет к точному познанию Христова учения.

Духовным чертогом, в котором хранится истинная спасительная вера, по твердому убеждению Владыки, является святая Православная Церковь. Она одна во всей чистоте от времен святых Апостолов хранит веру и преподает это величайшее сокровище всем своим членам. Чтобы спастись, недостаточно иметь веру во Христа, нужно еще и принадлежать к Православной Церкви, о которой Христос Спаситель сказал: «Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее» (Мф. 16. 18).

Со дня Пятидесятницы Св. Церковь является обладательницей истины. Все, кто принадлежат к Церкви и повинуются Ей, могут почерпать от Нее правильный образ мыслей о Боге, о человеке, о добре, о зле, следовательно, и о спасении.

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 158. № 330. || [2] Там же. С. 22. № 279. || [3] Там же. С. 6. № 272.

В Церкви преемственно от святых Апостолов сохраняется благодатная иерархия. Только Таинства, совершаемые законно поставленным благодатным епископом или пресвитером, могут оказывать возрождающее действие на душу человека и служат ему во спасение.

Православная Церковь одна во всей полноте хранит Предание и может научить своих членов, как безбедно шествовать по пути спасения. «Возможен блистающий светильник в Святой Христовой Церкви — учение Святаго Духа, — писал Преосвященный Игнатий, — не устремляйте взоров ваших к другим светильникам, светящим на различных путях. Один путь святой истины ведет во спасение, прочие пути ведут в погибель. Многие трудятся, многие страдают, многие подвизаются, спасены будут только «подвизающиеся законно». Истинный законный подвиг во Христе Иисусе и Святом Духе, в ограде Восточной Церкви»[1].

Основываясь на евангельском повествовании о богатом юноше, вопрошавшем Господа, что он должен делать, чтобы получить вечную жизнь, епископ Игнатий считал, что есть два блаженных состояния, которых может достигнуть христианин: состояние спасения и состояние совершенства.

В Евангелии говорится, что Христос Спаситель ответил вопрошавшему Его юноше, что для получения вечной жизни необходимо соблюдать заповеди, и перечислил их. Когда же юноша ответил, что все эти заповеди он исполняет от юности своей, и вопросил, что еще недостает ему, Господь возвестил ему: «Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди вслед Мене, взем крест свой» (Мф. 19. 20, 21 и Мк. 10. 21). На основании этих слов епископ Игнатий делает вывод, что «спасение возможно при сохранении имения, в жизни посреди мира, для снискания совершенства требуется предварительное отрешение от мира. Спасение необходимо для всех; снискание совершенства предоставлено произволяющим»[2]. На христианское совершенство епископ Игнатий смотрел как на высочайшую ступень возвышения, к которой бывают способны немногие.

В Поучении в тридесятую Неделю Святитель, разъясняя народу в чем заключается совершенство, сказал, что перед

[1] Прилож. Т. 3. С. 106, 107. № 312. || [2] Там же. С. 341.

этим вопросом удобнее молчать, чем говорить: «удобнее плач, чем витийство»[1]. Как нищий, облеченный в жалкие рубища, не может знать, что творится в великолепных чертогах, так и человек, связанный мирскими попечениями, не имеет полного представления, в чем состоит христианское совершенство. «...Нам, братия,— говорит Архипастырь,— связанным мирскими попечениями и обязанностями, гораздо вернее позаботиться о нашем спасении, тщательно исполняя заповеди Божии, нежели мечтать и мудрствовать о христианском совершенстве... ибо... путь к совершенству для большинства людей недоступен и непостижим»[2]. Спасающимся нужно постоянно раздавать милостыню, а тем, кто решил встать на путь, ведущий к совершенству, нужно сразу же продать все свое имение и все деньги, полученные за него, «с большой поспешностью» раздать нуждающимся и последовать за Христом, взяв свой крест. Взять крест свой — это значит, по объяснению Святителя, отвергнуться от самого себя, с верою и любовию переносить все жизненные скорби, лишения и гонения, распяв при этом свою плоть с ее страстями и похотями.

Для христианина, стремящегося к совершенству, мало раздать все имение и взять свой крест, нужно еще и последовать за Христом. Последовать Христу — значит жить на земле единственно для неба, подражая в этом Богочеловеку.

Отречение от мира, взятие креста своего и последование за Христом Спасителем — вот что ведет к христианскому совершенству, но не есть еще само совершенство. В одном из писем к своему другу, С. Д. Нечаеву, архимандрит Игнатий приводит слова святого Макария Египетского, который сказал, что «тот, кто расточил имение, оставил все приятное земное, уединился в пустыню — еще ничего не сделал, только обнажился для вступления в поприще, неизвестно — достигнет ли цели».

Совершенство, по определению епископа Игнатия, есть «ощутительное и явное обновление христианства Святым Духом, могущее совершиться только над тем, кто умер для греха и для мира на кресте Христовом»[3]. Тот, кто сподобился достичь совершенства, обновляется Духом и «делает-

[1] Соч. Т. 4. С. 331. ‖ [2] Там же. С. 331. ‖ [3] Там же. С. 332.

ся Богоносцем», «храмом Божиим и Священником», который священнодействует в этом храме и поклоняется Богу Духом и Истиною.

Как и спасение, совершенство есть дар Божий, а не плод человеческих усилий. Своими усилиями — трудами и подвигами — человек лишь доказывает свое искреннее желание получить этот высочайший дар.

Кто же сподобился достичь этого блаженного состояния? Епископ Игнатий считает, что его сподобились все святые: в первенствующей Церкви святые Апостолы, мученики, сонм святителей, аскеты и «после — монахи».

Преосвященный никогда не утверждал, будто совершенство — это блаженный удел лишь одних монахов. Нет, в своих творениях Владыка утверждает, что как для мирянина, так и для монаха христианский идеал один и тот же. Мирянин и монах в одинаковой степени должны исполнять все заповеди Христовы и неуклонно шествовать по лествице нравственного совершенства. Монах от мирянина отличается разве что нестяжанием и девством или непорочным вдовством. Мирянин, по словам епископа Игнатия, обязан соблюдать все заповеди Христовы наравне с монахом.

Единство идеала Христова позволяет мирянину и монаху достигать высот христианского совершенства. Святая Церковь в сонме святых имеет немало мужей и жен, живших в миру и достигших совершенства. Однако поскольку непременным условием к достижению совершенства необходимо нестяжание и отречение от мира, то монашествующим, дающим эти обеты при постриге, несколько легче приблизиться к пути, ведущему к совершенству, чем живущему посреди мира и обремененному многими житейскими попечениями мирянину.

Само по себе монашество не есть еще христианское совершенство, но вся монашеская жизнь, непременными условиями которой — нестяжание, послушание, пост, труд, бдение, деятельная любовь, способствует достижению совершенства.

Монашеский чин доставил Церкви Христовой бесчисленный лик мужей, достигших совершенства и причисленных к сонму святых. Из них епископ Игнатий указывал на знаменитых архипастырей святых — Иоанна Златоустого,

Василия Великого, Епифания Кипрского, Алексия и Филиппа Московских. Из монашествующих, не имеющих епископского сана, но просиявших светом своего совершенства, епископ Игнатий называл Антония Великого, Иоанна Дамаскина, Сергия Радонежского и подвижника XIX века Георгия Затворника. Имея в виду упомянутых столпов Церкви Христовой, светильников совершенства, епископ Игнатий замечает, что без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой совершенство, без него и спасение с самою верою легко может утратиться.

* * *

Чтобы христианину вступить на путь спасения, а со временем достигнуть и совершенства, ему нужно оставить плотскую греховную жизнь и вступить на путь духовной жизни.

«Духовная жизнь» — наименование собирательное, оно в общепринятом понимании обозначает жизнь, ведущую человека к Богу, жизнь, направленную для «усвоения» человека Богу.

Понятия епископа Игнатия о духовной жизни были и глубоки и возвышенны.

Основываясь на Священном Писании и учении святых Отцов, он считал, что человек может находиться в трех состояниях: плотском, душевном и духовном (или, соответственно: страстном, пристрастном и бесстрастном). Человек, находящийся в плотском состоянии, всецело предан временному миру, он живет для земли и не помышляет о жизни вечной.

Христианин, живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, но еще обуреваемый страстями, находится в душевном состоянии.

Духовного состояния достигает тот, кто преуспел в добродетелях, искоренил, в возможной для человека степени, страсти и сподобился обновления от Святаго Духа. Достигшие духовного состояния, по мнению Владыки, могут быть названы «светом мира и солью земли».

Когда человек достигает духовности, душевность и телесность (плотяность) не исчезают в нем. Духовность может возобладать в человеке, господствовать в нем и подчинить

себе душевность и телесность, которые не уничтожаются в человеке совершенно, а как бы замирают.

Признавая, что человек может находиться в трех состояниях, епископ Игнатий понимал душевное и духовное состояние более возвышенно, чем большинство его современников и последующих духовных писателей. То, что большинство духовных писателей относят к духовной жизни (молитву, деятельное изучение Евангелия, творений святых Отцов и т. д.), у владыки Игнатия называется лишь душевной. Считая, что совершенной духовной жизни достигает лишь тот, кто сподобился обновления от Святого Духа, епископ Игнатий в своих трудах часто вместо слова «духовный» (в обычном понимании) употребляет слово «душевный».

В данной работе слово «духовный» будет употребляться в общепринятом значении этого слова.

В последующих главах изложим учение епископа Игнатия об основах духовной жизни христианина.

Основы духовной жизни

IV. Изучение Евангелия

Христос Спаситель, придя на землю, возвестил человечеству, как должен жить человек на земле, чтобы быть достойным неба.

Это явное откровение воли Божией о человеке было возвещено Спасителем человеку в Его Божественном учении. Учение Христа запечатлено в Святом Евангелии. Каждый, кто хочет узнать волю Божию, должен приступить к Евангелию — этой вечной Книге жизни, и в ней найдет он истину, следуя которой может унаследовать блаженство. Истина — Христос. «Христос, — говорит священномученик Петр Дамаскин, — сокровен в Евангелии; желающий найти Христа может найти Его в Евангелии»[1].

Христос Спаситель всегда таинственно присутствует в Своем Евангелии; Евангелие есть тот прекрасный сад, в котором может найти Христа Мария — верная, ищущая Бога душа». «Кажется, — пишет святитель Игнатий, — достаточно прочитать одну главу Евангелия, чтобы познать говорящего в нем Бога»[2].

[1] Прилож. Т. 3. С. 240. № 367. || [2] Соч. Т. 1. С. 120.

Православная Церковь с глубоким благоговением относится к Святому Евангелию. В храме Евангелие всегда находится на престоле и символизирует присутствие на нем Самого Христа. Всенародно читать в храме Евангелие могут только священнослужители, и, когда читается Евангелие, все внимают ему, как говорящему Христу. Когда Евангелие выносят из алтаря, впереди обязательно несут зажженную свечу. После прочтения Евангелие полагается на аналое посреди храма, и все православные христиане, преклонив колена пред ним, как пред словом Божиим, со страхом и любовью лобызают его.

Епископ Игнатий считал, что Евангелие есть основа духовной жизни христианина. Им должен он проверять правильность своей духовной жизни — своего шествия по лестнице духовного совершенствования. Каждый христианин должен внимательно слушать слово Божие, когда оно читается в храме. Кроме того, дома ежедневно христианин должен питать свою душу чтением Евангелия.

Епископ Игнатий подробно учит о том, с какими чувствами нужно читать Евангелие, чтобы извлечь из этого чтения назидание для своей души. «Раскрыв для чтения книгу — Святое Евангелие,— пишет он,— вспомни, что она решит твою вечную участь. По ней мы будем судимы и, смотря по тому, каковы были здесь на земле по отношению к ней, получим в удел или вечное блаженство, или вечные казни (Ин. 12. 48)»[1].

Приступая к чтению Книги Жизни, нужно предварительно вознести молитву к Господу, чтобы Он Сам открыл наш ум к пониманию Его Закона; при этом нужно смирить свой гордый ум и успокоить все свои мятущиеся чувства, ибо Евангелие, по словам Владыки, «допускает к себе одних смиренных». Читать Евангелие нужно вдумчиво, с благоговением и вниманием, потому что «каждая йота его испускает луч жизни, а пренебрежение жизнью ведет к смерти»[2]. При чтении Евангелия нельзя искать наслаждений, восторгов или блестящих мыслей, это может привести к ложному пути.

Евангелие — не простая книга, при чтении которой читатель обычно является посторонним зрителем повествуе-

[1] Соч. Т. 1. С. 108. || [2] Там же. С. 109.

мых в ней событий. Нет, при чтении Евангелия все сказанное в нем нужно относить непосредственно к себе. «Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая многоразличные язвы греха, находится в плену у демонов, подобно этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его об исцелении твоем»[1].

Читать Евангелие нужно постоянно, и не просто читать, а благоговейно изучать его.

Епископ Игнатий советует каждому христианину усвоить Евангелие настолько, чтобы ум человека, по его образному выражению, «плавал в нем, жил в нем». По примеру преподобного Пахомия Великого, вменявшего своим ученикам выучивать Евангелие наизусть, епископ Игнатий также советует изучать настолько Евангелие, чтобы оно стало достоянием нашей памяти. Он пишет: «Какое счастье, какое богатство — стяжание Евангелия памятью! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темнице, говорит с земледельцем на ниве... увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества»[2].

Евангелие — книга духа, она понимается только духовным разумом; ум плотский не может воспринять ее. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие станет доступным и понятным. Человек, привязанный к земле, «читает букву, но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесою»[3]. Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что оно заповедует. По мере исполнения евангельских заповедей будет открываться и бесконечная глубина Евангелия. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, старайся исполнять его заповеди, читай его делами. Это — книга жизни, и надо читать ее жизнью»[4], — пишет святитель Игнатий.

---

[1] Соч. Т. 1. С. 109. || [2] Там же. С. 109, 110. || [3] Там же. С. 109, 110. || [4] Там же. С. 108.

Деятельное изучение Евангелия откроет человеку постепенно его греховность и то, каким должен быть новый, обновленный человек. Почерпая из Евангелия образ мыслей и действий, каждый христианин перерождается из человека плотского в духовного, «созданного по Богу» (Еф. 4. 24). Зная, какое дивное воздействие оказывает Евангелие на человеческие души, владыка Игнатий писал: «Великая и всесвятая книга — Евангелие! В нем изображен новый, богоподобный человек, а какие должны быть свойства нового человека — это являют Христовы заповеди. В них Христос открыл нам Свои свойства, Свой образ мыслей и действий. Вглядываясь в Евангелие, смотрясь в это зеркало на себя, мы можем мало-помалу узнавать наши недостатки, мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей, заменять их мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми»[1].

Многие читают Святое Евангелие, но воспринять, понять его каждый может в соответствии со своим внутренним миром; поэтому для правильного понимания Евангелия христианину непременно нужно читать и творения святых Отцов[2].

Евангелие открывает человеку Христа — Божию силу и Божию Премудрость. Познав Божественную Премудрость, христианин видит, насколько несовершенна мудрость человеческая, мудрость земная, и устремляет все свои силы, чтобы исполнением евангельских заповедей усвоить себя Божественной мудрости — Иисусу Христу.

Епископ Игнатий всем, кто прибегал к его духовному окормлению, непрестанно напоминал о необходимости деятельного усвоения Евангелия. Он бывал несказанно рад, когда видел, что его пасомые преуспевают в исполнении евангельских заповедей, когда усматривал своим духовным взором Евангелие, напечатленное в их душах. В одном из писем говорится: «Наконец, получил я от тебя, истинный о Господе друг мой, письмо по мысли моей, по сердцу! Когда прочитал я его, то услышались мне слова св. апостола Павла: «несть Скиф и Варвар, Иудей и Еллин, мужеск пол и женск, но нова тварь о Христе Иисусе». Спаси тебя Госпо-

[1] Прилож. Т. 3. С. 118, 119. № 318. || [2] В следующем разделе об этом будет сказано подробнее.

ди за то, что ты меня утешила, дала увидеть Евангелие, напечатленное на душе, а не на бумаге. Пойми всю простоту сию, и всю глубину сию, и всю широту сию, и всю высоту сию»[1].

V. Изучение творений святых Отцов

Как уже говорилось ранее, чтение творений святых Отцов имело огромное значение в духовной жизни святителя Игнатия. Святые Отцы были в полном смысле его «воспитатели». Они питали его чистую душу в детстве, указали ему единственно верный путь послушания Святой Церкви в юности, показали ему суетность всего земного и затем укрепляли его в течение всей многотрудной иноческой жизни.

С болью в сердце епископ Игнатий замечал, что христиане, его современники, почти совсем не изучают творений святых Отцов. «Сочинения святых Отцов забыты! То, что они с давних времен Святою Церковью признавались единым правильным руководством в подвижнической жизни, нисколько не принимается в уважение», — писал он[2].

Видя, что в его время очень мало духовных наставников, способных правильно руководить духовной жизнью пасомых, и замечая, что с каждым годом истинные наставники всё умаляются, Владыка неустанно в своих творениях и письмах напоминал, что единственным верным руководителем в духовной жизни являются творения святых Отцов. «Свет, при котором совершается духовное бдение, проливают из себя... писания святых Отцов»[3], — эту истину Владыка напоминает всем христианам.

Писания святых Отцов, по неложному убеждению епископа Игнатия, были составлены по внушению или под влиянием Святого Духа; на них лежит печать помазания и дивного единства. Все они в основе своей имеют Евангелие и научают, как правильно исполнять евангельские заповеди. «Их источник и конец — Святое Евангелие»[4]. Многие святые Отцы в глубоком уединении вникали в Евангелие, осуществляли его учение в своей жизни[5] и затем в своих

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 351. № 450. ‖ [2] Там же. С. 111. № 313. ‖ [3] Там же. С. 13. № 276. ‖ [4] Соч. Т. 1. С. 113. ‖ [5] Прекрасно об этом сказано Владыкой в письме № 313. Т. 3. С. 107. Он пишет: «Спускается в глубокое море водолаз, чтоб достать дорогую жемчужину; и святые Отцы

сочинениях изложили, как нужно исполнять евангельские заповеди. Епископ Игнатий пишет: «Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует к уразумению его»[1].

Для лучшего восприятия и правильного понимания Евангелия Владыка даже советовал первоначально изучить Святоотеческие творения, научиться у святых Отцов, как относиться к Евангелию, и затем только приступать к чтению Слова Божия[2].

Необходимость толкования Священного Писания в свете творений святых Отцов епископ Игнатий основывает на словах апостола Петра: «Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1. 20, 21). Эти апостольские слова ясно запрещают произвольно толковать Слово Божие. Святый Дух произнес, а святые Апостолы записали Священное Писание, и только Святый Дух может правильно истолковывать его. Боговдохновенные мужи-Пророки и Апостолы написали Священное Писание, только боговдохновенные мужи — святые Отцы могут правильно истолковать его. Кто хочет получить истинное познание Слова Божия, должны изучать святых Отцов и воспринимать их понимание Слова Божия. Это единственно безопасный путь. Произвольное толкование всегда приводит на путь заблуждений, потому что «Божия никтоже весть, точию Дух Божий» (1 Кор. 2. 11).

Как необходимо знание святых Отцов при толковании Слова Божия, так же нужно оно и для правильного прохождения христианского подвига. «Отличительною чертою всех святых Отцов, — пишет епископ Игнатий, — было неуклонное руководство нравственным преданием Церкви»[3]. Все подвижники древних времен прошли трудный путь

удалялись в глубокие пустыни, там глубоко вникали в себя, находили различные бесценные духовные перлы: христоподражательное смирение, младенческую простоту и незлобие, ангелоподобное бесстрастие, рассуждение и мудрость духовные — словом сказать, находили Евангелие». (Подобные мысли находятся и на с. 108.) ‖ [1] Прилож. Т. 3. С. 128. № 322. ‖ [2] Там же. С. 136. № 324. ‖ [3] Там же. С. 128. № 322.

внешнего и внутреннего делания, основанный на покаянии, плаче, смирении, самоукорении и многих других христианских добродетелях. Их творения — это кладези, из которых каждый может почерпать учение о христианских добродетелях и шествовать по пути спасения. «Усвой себе мысли и дух святых Отцов чтением их писаний, — предлагает архипастырь-наставник, — святые Отцы достигли цели: спасения. И ты достигнешь этой цели по естественному ходу вещей... Святые Отцы изложили свои мысли, свое сердце, образ своих действий в своих писаниях. Значит: какое верное руководство к небу...»[1]. Под руководством святых Отцов, по мнению святителя Игнатия, можно не только спастись, но даже достигнуть христианского совершенства.

В Святоотеческих творениях можно найти ответ на любой вопрос духовной жизни. Святитель Игнатий сравнивает книги святых Отцов с богатым собранием врачебных средств, душа христианина может найти в этом собрании врачевство для своих греховных язв.

Как Евангелие, так и творения святых Отцов владыка Игнатий советует читать постоянно со вниманием, соблюдая благоразумную умеренность, которая надолго сохраняет «вкус» к писаниям и умножает сердечную жажду к Божественной правде, содержащейся в писаниях. Зная, как легко неопытная душа может потерять путь спасения, мудрый наставник предупреждает, что каждый должен избирать себе для чтения творения Отцов соответственно своему образу жизни, для того чтобы он мог не только любоваться и наслаждаться чтением писаний, но и практически прилагать к своей жизни. Изучение подвигов и добродетелей, не соответствующих своему образу жизни, может привести к мечтательности и сделать жизнь бесплодною». При неправильном чтении Священного Писания и святых Отцов легко можно уклониться со спасительного пути в непроходимые дебри и глубокие пропасти, что и случилось со многими»[2], — предостерегает Святитель.

Мирянин, живущий среди мира, не должен читать книг, которые написаны для монашествующих. Это чтение будет отвлекать мирянина от добродетелей, которые свойственно ему делать, мечтой о высших духовных подвигах. Эта меч-

[1] Соч. Т. 1. С. 112. ‖ [2] Там же. С. 114.

тательность может временами услаждать его воображение, временами же ввергать душу в отчаяние и уныние. Даже если мирянин и преуспеет временно в подвиге, не свойственном его образу жизни, что достигается обычно разгорячением плоти и крови, то все равно долго не сможет пребывать в нем, скоро оставит подвиг, превышающий его возможности. Однако временное упражнение в возвышенном подвиге может на всю жизнь сделать его неспособным к свойственным его образу жизни подвигам благочестия.

Христианам, подвиг которых протекает в условиях мирской жизни, епископ Игнатий рекомендует читать творения святых Отцов, писавших вообще для всех христиан. К ним относятся святой Иоанн Златоуст, святитель Димитрий Ростовский, святитель Тихон Задонский, Никифор Астраханский и Георгий Затворник[1].

Казалось бы, немного духовных писателей предлагает мирянину Владыка, но, как он сам замечает, творения этих писателей — «обильное поприще для чтения! Обильное духовное пастбище, на котором до насыщения и тучности могут питаться словесные овцы Христовы!»[2]

Посоветовав одному «государственному мужу» заняться «глубоко» чтением всех сочинений святого Иоанна Златоустого, Преосвященный Игнатий писал ему: «Предлагаю вам того церковного писателя, который необыкновенною чистотою, ясностию, силою христианского учения возносит читателя превыше всего земного, на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает землю питомцу своему»[3].

Хотя епископ Игнатий и рекомендует для чтения творения святителя Димитрия как писателя, носящего печать благодатного помазания и сообщающего это помазание читателям, однако он предупреждает, что его сочинения «не совсем чисты, не вполне в восточном характере... Это значительный недостаток в писаниях святого Димитрия»[4]. Некоторые уклонения от духа Восточной Церкви в сочинения св. Димитрия епископ Игнатий объясняет тем, что Ро-

[1] Прилож. Т. 3. С. 49. № 291. (В письме № 486, т. 4, с. 7 епископ Игнатий начинает перечисление книг для чтения мирянина с Четьих-Миней, которые могут предшествовать чтению святых Отцов.) || [2] Прилож. Т. 3. С. 49. № 291. || [3] Там же. С. 24. № 279. || [4] Прилож. Т. 4. С. 61. С. 530.

стовский подвижник долгое время жил в западной России и там получил образование. Западная же Россия в то время находилась под сильным влиянием латинизма. Из всех сочинений святого Димитрия владыке Игнатию больше всего нравилось по «зрелости духа» в 4-й части приложение к Священно истории. Он предполагает, что это было последнее сочинение святого Димитрия[1]. «4-я часть сочинений святителя Димитрия, — писал епископ Игнатий, — особенно хороша, тут можно почерпнуть много сведений очень нужных и очень полезных»[2].

Творения святителя Тихона Задонского епископ Игнатий ценил очень высоко. Он даже поместил отрывки из его творений в «Отечнике» наряду с древними подвижниками. К личности Задонского подвижника владыка Игнатий относился с особым благоговением, и думается, это не случайно — в направлении подвига, учении и даже во внешних событиях жизни у обоих святителей имеется некоторое сходство. (Настоятельство в монастыре, недолгое управление епархией, литературная деятельность на покое, кончина в день воскресный.)

Архиепископ Никифор Астраханский (1731—1800) написал толкование на воскресные Евангелия. По словам епископа Игнатия, это был писатель «основательный и с помазанием». Был он грек, образование получил в европейских университетах, затем принял монашество и приглашен в Россию, где со временем стал архиепископом Астраханским. Рекомендуя сестре Елизавете Александровне прочитать его толкования воскресных Евангелий, архимандрит Игнатий писал: «Он стоит несравненно выше всех наших церковных писателей (т. е. русских), соединяя в себе основательную ученость с духовным помазанием. Есть признаки, по которым догадываются, что тело его нетленно. Сама увидишь, как превосходна его книга, и потому какое имеет духовное достоинство писатель»[3].

Задонский затворник Георгий (1789—1836) был современником епископа Игнатия. В молодости он был воином, затем вступил в обитель и 17 лет провел в неисходном затворе. Скончался он сравнительно рано, 47-ми лет от

[1] Прилож. Т. 4. С. 61. № 530. || [2] Там же. С. 63. № 531. || [3] Там же. С. 67. № 533.

роду, но, как говорит епископ Игнатий, «духовным успехом заменив лета многа»[1]. Затворник Георгий вел большую переписку со многими лицами. После его смерти многие письма те были собраны и напечатаны. Святитель Игнатий высоко ценил их достоинство, он говорил, что книга Георгия Затворника — одна из его «настольных». Предлагая своим знакомым прочитать ее, Владыка свидетельствовал, что Георгий — духовный писатель его времени, «с пера его текут струи благодатные». Правда, Владыка отмечал недостаток внешнего образования писателя, но этот недостаток заменяется у подвижника обильным духовным достоинством. Книгу Георгия Затворника епископ Игнатий называл «драгоценной», наполненной утешительными наставлениями, особенно для страждущих.

Христианин, изучающий творения святых Отцов, питает свою душу небесными благами. «Прибегайте больше к чтению святых Отцов, пусть они руководствуют вас, напоминают вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми Отцами позднейших веков. Жалуясь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в жизни своей Отеческими писаниями. «Совет святых — разум» (Притч. 9, 10) — вот наставление епископа Игнатия, которым должен по силе возможности руководствоваться в своей духовной жизни каждый христианин.

VI. Покаяние

Руководя духовной жизнью своих пасомых, Владыка прежде всего старался возбудить в них чувство покаяния. Покаяние он считал основой всех видов христианского подвига. Учение о покаянии неотъемлемо от всего учения епископа Игнатия.

Во время земной жизни Владыки были люди, которые по зависти распространяли слухи, что он находится в прелести. Опровергая эту клевету, подвижник Никифоровской пустыни монах Исаия говорил, что этого не может быть, потому что архимандрит Игнатий учит покаянию.

[1] Прилож. Т. 3. С. 189, 190. № 350.

Епископ Игнатий учил, что первая заповедь, данная Спасителем человечеству, есть заповедь о покаянии. «Покайтеся: приближися бо Царство Небесное», — такими словами начал Свою проповедь вочеловечившийся Господь (Мф. 4. 17). Эти же слова и поныне Христос возвещает всем в Своем Евангелии.

Покаяние есть признание своего падения, необходимости Искупителя и пребывание в исповедании Искупителя.

Покаяние — великий дар Всеблагого Бога грешному человечеству, который усвояется людям верою в Искупителя — Иисуса Христа. «Покаяние — вера, — пишет епископ Игнатий, — покаяние — признание искупления и Искупителя! Покаяние — усвоение себе заслуг Искупителя верою в Искупителя! Покаяние — самоотвержение! Покаяние — признание падения и погибели, объявших весь род человеческий!..»[1]

Покаяние неразрывно сопутствует вере во Христа; оно должно предшествовать вере в Господа, а после крещения покаяние врачует те грехи, в которые впадает человек по своей немощи. Христос Спаситель, зная, что люди будут и после крещения грехами удаляться от Него, установил в Своей Церкви таинство покаяния, которое является как бы вторым крещением. На трудном поприще борьбы со грехом каждый христианин, прибегая к покаянию, получает не только прощение в сделанных грехах, но и силы для борьбы с ними. Одно уже сознание, что в грехе придется приносить покаяние, по словам св. Иоанна Лествичника, является как бы «уздою», которая удерживает от совершения или от повторения греха.

Епископ Игнатий говорит, что тому, кто постоянно предает своих друзей, они становятся врагами, они отступают от него, как от предателя, а «кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи, основываясь и крепясь на гордости падшего естества, не терпят обличения и позора»[2].

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 58. № 296. О связи покаяния с верой епископ Игнатий говорит в Поучении первом в Неделю по Богоявлении: «...Покаяние необходимо не только для того, чтоб уверовать во Христа, оно необходимо для пребывания в вере, для преуспеяния о Христе; оно необходимо и для живой веры во Христа» (Соч. Т. 4. С. 10). ‖ [2] Соч. Т. 1. С. 102.

Покаяние должно совершаться не одними устами, не кратковременными слезами, не одним наружным участием в исповеди, но во внутреннем сокрушении — раскаянии в соделанных грехах, в искреннем исповедании их духовнику и, самое главное, в твердой решимости оставить греховную жизнь и жить, как учит Евангелие.

Святитель Игнатий напоминает каждому христианину, что Бог дал покаяние в помощь человеку в борьбе с грехом, а не для «потачки» греху; дар Божий не должно употреблять во зло. Вслед за св. Исааком Сирским, Владыка свидетельствует, что все те, кто в надежде на покаяние грешат произвольно и намеренно, поступают «коварно» по отношению к Богу. Их поразит внезапная смерть, и не дано им будет времени на покаяние и приобретение добродетели.

Каково должно быть покаяние мирянина?

Неоднократно в письмах епископ Игнатий говорит, что мирянин не должен заниматься тонким и подробным анализом своих грехов. От этого может возникнуть уныние, смущение и недоумение. Бог знает все грехи человека, поэтому нужно собрать «их все в один сосуд покаяния» и ввергнуть в бездну милосердия Божия. «Грехи, сделанные словом, делом, сложением помышлений, должно сказать на исповеди отцу духовному, а в тонкое разбирательство греховных качеств не должно светскому человеку пускаться: это ловушка, ставимая ловителем душ наших. Познается же она по производимому в нас смущению и унынию, хотя по наружности и облечена в благовидное добро»[1].

Обсуждая вопрос об исповеди с братом Петром Александровичем, Владыка однажды употребил следующее сравнение. Он сказал, что когда подметают комнату, то не рассматривают сор, а, собрав все в одну кучу, выбрасывают вон, так и при исповеди нужно открыть духовнику свои грехи, а в подробное рассмотрение их не входить, «тонкое рассматривание сбивает с толку, приводит в расслабление и расстройство»[2].

Если христианин имеет греховный навык, то епископ Игнатий советует ему чаще прибегать к исповеди, особенно это необходимо при восстании плотских страстей, потому что покаяние умерщвляет пагубное влияние телесных чувств.

[1] Прилож. Т. 3. С. 17, 18. № 278. || [2] Прилож. Т. 4. С. 254. № 678.

Правильное покаяние должно иметь последовательность: первоначально нужно исповедовать тяжкие грехи, а затем уже грехи легкие. Согласно с учением Православной Церкви, Преосвященный Игнатий считает, что нет грехов, превышающих милосердие Божие. Как бы велик ни был грех и сколько бы раз он ни повторялся, покаяние может уврачевать его. «...Нет греха человеческого, которого не могла бы омыть кровь Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Сколько бы раз ни повторялся грех человеческий — кровь Богочеловека может омыть его. Грехи всего мира ничего не значат пред всесвятою кровию вочеловечившегося Господа, пролитою за нас»[1], — пишет епископ Игнатий.

Во всех тягчайших — смертных — грехах человек может принести покаяние и получить прощение от Самого Господа через духовника в таинстве исповеди. Только самоубийство, при котором человек лишает себя возможности покаяния, не может быть уврачевано им (покаянием). «Самоубийство — тягчайший грех! Совершивший его лишил себя покаяния и всякой надежды спасения»[2].

Покаяние человека, пребывающего в смертном грехе, может быть признано только тогда истинным, когда человек перестал совершать этот грех. Из практики своей духовной деятельности епископ Игнатий знал, что встречаются люди, которые ненавидят всей душой грех, но так привыкли к нему, что становятся бессильны в борьбе с ним. Многолетний греховный навык обладает ими, и они творят ненавидимый ими мерзостный грех. И для таких людей не закрыт путь покаяния. «Несчастному рабу греха, — говорит Владыка, — пристанище — покаяние! Сколько бы раз ни случилось ему подвергнуться нравственному бедствию — он может войти в это пристанище, починить в нем сокрушенную ладью духовную»[3].

Люди, стяжавшие непреодолимый навык к греху, не должны отчаиваться, но твердо помнить, что пока человек находится в теле, для него не закрыт путь покаяния. Спаситель, видя искреннее раскаяние человека во грехе, может претворить сердце грехолюбивое в боголюбивое и человека чувственного, сладострастного, плотского сделать духовным, чистым, святым[4]. «От лица покаяния бежит всякий

[1] Прилож. Т. 3. С. 58. № 296. || [2] Там же. С. 60. № 296. || [3] Там же. С. 59. № 296. || [4] Соч. Т. 1. С. 99.

грех, никакой грех не может устоять пред всемогущим покаянием»[1]. В одной из своих проповедей Святитель сказал о силе покаяния: «Покаяние подает свою могущественную десницу человеку, находящемуся в глубокой пропасти, во аде грехопадения, — извлекает его оттуда, возносит превыше земли; оставляет только тогда, когда введет спасенным во врата вечности»[2].

К сожалению, в жизни очень часто бывает, что люди помнят и каются только в тяжелых грехах, грехи же, совершаемые почти ежедневно, предают забвению. Грехи словом, мыслью, ощущением сердца и движениями тела, по мнению владыки Игнатия, не должно считать маловажными. Все они оскверняют душу человека и отдаляют ее от Бога. Открытием на исповеди перечисленных малых грехов человек пресекает развитие греха и не дает ему осуществить самим делом.

Во всех грехах — как тяжких, так и повседневных — словом и помышлением христианину нужно приносить покаяние.

Как же практически осуществить мирянину покаяние в повседневных грехах, когда с духовником своим он встречается, может быть, несколько раз в году?

Владыка Игнатий советует в грехах, совершенных по человеческой немощи словом, помышлением и всеми чувствами, приносить раскаяние ежедневно пред Богом. Лучше всего это делать после вечернего правила перед сном. Прочитав вечерние молитвы и собрав чтением их свои непрестанно мятущиеся мысли, нужно вспомнить все греховное, что было совершено за день, осудить себя за это и искренне испросить в этом у Бога прощения. Приносить подобное покаяние можно и нужно лишь в грехах повседневных, если же случилось впасть в грех смертный, то немедля необходимо спешить к духовнику и перед ним исповедать свой грех.

Очень часто человек, увлеченный мирской суетой, совершенно забывает о своих грехах и о покаянии. Чтобы возбудить в себе чувство покаяния, нужно воздержание от всех страстей и частое чтение Евангелия. Сравнивая свою жизнь с евангельскими заповедями, принуждая себя к ис-

[1] Прилож. Т. 3. С. 102, 103. № 308. || [2] Соч. Т. 4. С. 11.

полнению этих святейших заповедей, христианин будет постигать, насколько слаб он, поврежден падением и уязвлен грехами. От зрения своих немощей в душе постепенно появится желание очищать свою душу покаянием.

До конца познать свою немощь и принести полное покаяние может только тот, кто в уединении достиг полного безмолвия. Об этом Владыка писал: «Воздыхает душа моя, жаждет глубокого, ненарушимого безмолвия, вне которого невозможно найти обильного, полного покаяния»[1].

Естественно, что полное уединение невозможно для человека, живущего в миру, но необходимо, чтобы каждый христианин умел уединяться хотя бы на малое время в клеть души своей, там видел свои немощи и приносил в них покаяние.

В Святой Церкви установлены особые периоды, в которые каждый христианин должно позаботиться об очищении себя покаянием. Это четыре поста. В эти периоды Церковь неустанно богослужением и проповедью священнослужителей призывает своих чад оставить земные попечения и встать на путь покаяния и исправления своей жизни. Особенно благоприятным временем для покаяния является поприще Великого поста.

«В чем заключается подвиг святой Четыредесятницы? — спрашивает епископ Игнатий в одной из своих проповедей и сам же отвечает.— Это подвиг покаяния. В настоящие дни мы стоим пред временем, преимущественно посвященным для покаяния, как бы пред вратами его, и воспеваем исполненную умиления песнь: *покаяния двери отверзи ми, Живодавче!*»[2].

Сознавая себя всегда, а особенно в периоды святых постов, великим грешником, христианин не должен, однако, вспоминать те из своих грехов, в которых он уже принес покаяние на исповеди. Нужно твердо помнить и верить, что Господь уже простил их. Постоянное же воспроизведение в памяти прежних грехов может возбудить в душе сочувствие к ним и привести к повторным падениям. «Воспоминание прежних телесных грехов,— пишет святитель Игнатий,— очень вредно и воспрещается святыми Отцами.

[1] Прилож. Т. 3. С. 92. № 302. Подобные же мысли высказаны Владыкой в письме № 164. Т. 3. С. 229. || [2] Соч. Т. 4. С. 35.

Тут действует неверие, недостаток уважения к Таинству Исповеди, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность»[1].

Труден путь покаяния, но без него христианин не может преуспеть ни в одной добродетели. Многочисленные и самые возвышенные подвиги, не растворенные чувством покаяния, становятся бесплодными и даже душевредными. Покаяние есть единственный истинный путь, следуя которому можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Покаяние для земного странника не имеет предела, оно сопровождает его до гроба и отверзает ему врата рая.

Истинное покаяние уже здесь, на земле, приносит дивные плоды. Оно вселяет в сердце христианина успокоение и услаждение, восстанавливает между людьми разрушенный мир, разрешает недоумения, врачует душу от вражды и памятозлобия. По словам епископа Игнатия, «покаяние вводит в сердце ощущения благодатные, чуждые падшему естеству, научает ум и сердце истинному Богослужению, научает приносить Богу единую приемлемую Им жертву от падшего человеческого естества: сокрушение и смирение духа. Дух человеческий, пришедший в это состояние, вступает в общение с Духом Божиим, в чем и заключается обновление и спасение человека»[2].

Все святые шли путем постоянного покаянного подвига, и чем больше они преуспевали в нем, тем более чувствовали необходимость в покаянии. В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит жизнь (житие) преподобного Сисоя Великого. Преподобный Сисой Великий проводил подвижническую жизнь в египетской пустыне и был преисполнен многих даров Святого Духа; однако когда наступила его кончина, он выразил желание остаться еще на некоторое время в земной жизни, чтобы усовершенствоваться в покаянии.

У христианина, духовная жизнь которого основана на покаянии, жажда покаяния к концу жизни поглощает все другие пожелания и стремления.

Читая письма епископа Игнатия в хронологическом порядке, невольно замечаем, что желание предаться покая-

[1] Прилож. Т. 3. С. 245. № 369. || [2] Соч. Т. 4. С. 12.

нию в уединении было в его душе на протяжении всей жизни. Еще будучи послушником и живя в Площанской пустыни (1829), он ищет уединения и с этой целью поселяется вместе с Михаилом Чихачовым отдельно от монастырской братии в монастырском саду. Но с непреодолимой силой жажда покаяния побуждает его искать уединения к концу жизни. В 1860 году Преосвященный пишет: «Я молю Бога, чтоб даровал мне поприще покаяния. По моему мнению: я еще не начинал покаяния и вполне разделяю мнение преподобного Исаии Отшельника, ...что доколе человек находится в развлечении и попечении, дотоле он не может стяжать покаяния»[1].

В 1862 году, удалившись от бурь житейского моря в пристань покаяния — обитель, Владыка писал своему брату Петру Александровичу, пожелавшему оставить губернаторство в Ставрополе и удалиться в монастырь к брату-святителю, следующее: «Нам обоим уже недолго странствовать на земле. Моли Бога, чтоб даровал остаток земной жизни провести в покаянии, этот великий дар Божий, дар вечный, как имеющий решительное влияние на нашу судьбу в вечности. Св. Тихон Воронежский перед кончиною своею особенно благодарил Бога за то, что ему дан был этот дар. Точно: при кончине именно окажется вся драгоценность этого дара»[2].

В своей жизни епископ Игнатий нашел бесценный дар — «село покаяния»; найдя его, он стремился поделиться им с людьми, жаждущими обновить свою духовную жизнь. Тех людей, которые были близки к нему, он поучал покаяния словом и примером своей жизни, для последующих же поколений истинных богоискателей он оставил свои произведения, которые исполнены духом покаяния и на основе этой добродетели научают читателей всех времен совершать подвиг своего спасения.

Свое стремление не только самому быть обладателем дара покаяния, но и сообщать его другим, епископ Игнатий прекрасно выразил в одном из своих писем: «...Милосердый Господь, дарующий рабам Своим все в известное Ему время, да дарует мне странствующему приют покаяния. Да дарует Он мне этот драгоценный дар! и поделюсь я сокро-

[1] Прилож. Т. 4. С. 305–306. № 736. || [2] Там же. С. 203, 204. № 638.

вищами, доставляемыми покаянием, с друзьями моими о Господе. Дар покаяния — залог вечного блаженства. Убеленный покаянием да вниду в рай, куда не будут впущены те, которых ризы не убелены покаянием. Да узрю там любящих меня о Господе, да припаду вместе с ними к стопам Господа, не скрывшего от нас село покаяния, на котором сокровен драгоценный бисер спасения. Наконец, желающий купить это село, должен продать все имение свое, чтоб купить село покаяния. Пусть буду жить купцом! Пусть буду обладать этим духовным даром во спасение мое и ближних!»[1]

VII. Молитва

Еще в детстве научившись молиться и всю свою жизнь пребывая в делании ее, епископ Игнатий из личного опыта знал, какое большое значение имеет молитва в духовной жизни христианина.

Среди своих современников Владыка видел почти повсеместное оскудение правильного понимания молитвы и оставление истинного молитвенного подвига. Он писал: «В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! ...Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению»[2].

Желание научить современников, обращавшихся к нему за наставлениями в духовной жизни, побудило епископа Игнатия написать несколько статей о молитве, которые со временем вошли в собрание его сочинений. Неоднократно в проповедях и письмах Святитель также касался этого важного вопроса.

Молитва, по объяснению епископа Игнатия, есть обращение падшего и кающегося человека к Богу, излияние пред Ним своих сердечных желаний и прошений.

Всесовершенному Богу не чужды человеческие молитвы. Господь знает нужды каждого человека прежде его прошения; по Своей милости Он нередко дарует Свои щедроты людям, и не просившим Его об этом.

Молитва необходима прежде всего самому молящемуся, она усвояет человека Богу, приближает тварь ко Творцу.

[1] Прилож. Т. 3. С. 92. № 302. || [2] Прилож. Т. 4. С. 269. № 699.

«Молитва — причащение жизни. Оставление ее приносит душе невидимую смерть»[1].

Владыка Игнатий, вслед за многими святыми Отцами, молитву считал основой христианского подвига. Правильный молитвенный подвиг — основа духовного преуспеяния христианина. В молитвенном подвиге сосредотачиваются и для совершенства в нем предпринимаются «как служебные ему» все другие подвиги.

Повторяя слова святого Иоанна Лествичника, святитель Игнатий говорит, что молитва есть «мать и глава всех добродетелей» — ...она заимствует добродетели из Источника всех благ — Бога и усвояет их тому, кто молитвой пребывает в общении с Богом.

Чтобы христианину вступить в общение с Богом посредством молитвы и преуспевать в добродетелях, ему нужно научиться правильной молитве.

Владыка уподоблял молитву оружию, при правильном употреблении которого, христианин может побороть всех невидимых врагов своего спасения. Как при необдуманном, неправильном обращении с оружием человек может сам погубить свою жизнь, так и при неправильном упражнении в молитве он может «орудием, данным во спасение», убить свою душу.

Преосвященный Игнатий видел, что в его время многие в молитвенном подвиге искали наслаждения и восторгов, разгорячали свое воображение и мечтательность и, по мере усиления неправильного молитвенного подвига, приходили в большее или меньшее душевное расстройство.

Следуя учению святых Отцов, святитель Игнатий считал, что правильная молитва возможна лишь для тех христиан, сердца которых преисполнены чувством покаяния. Он писал: «Для правильности молитвы надобно, чтоб она приносилась из сердца, наполненного нищеты духа, из сердца сокрушенного и смиренного. Все другие состояния сердца, до обновления его Духом Святым, признавай, каковы и точно они — несвойственными кающемуся грешнику, умоляющему Бога о прощении грехов своих, об освобождении — как из темницы и оков — из порабощения страстями»[2].

---

[1] Соч. Т. 1. С. 141. ‖ [2] Там же. С. 140.

Покаяние есть единственное чувство, которым должны быть преисполнены все молитвы христианина. Имея в сердце это спасительное чувство, христианин никогда не возмечтает о наслаждениях и восторгах в молитве.

Имея основой чувство покаяния, правильная молитва должна быть соединена со всецелым вниманием молящегося. При молитве ум должен быть заключен в слова молитвы.

Вниманию при молитве епископ Игнатий придавал большое значение. Он писал: «Что душа для тела, то внимание для молитвы, без внимания она мертва, не имеет никакого значения»[1]. Внимательная молитва приводит человеческий дух к смирению, и от смирения рождается покаяние.

Любая молитва: чтение утренних и вечерних молитв, акафистов, занятие Иисусовой молитвой и прочие молитвословия — для благотворного влияния на человека должны быть соединены со вниманием.

Человеку, впервые приступающему к молитвенному правилу, епископ Игнатий советует соблюдать благоразумную умеренность — молиться недолго, но по возможности часто.

«Новоначальному, — пишет Владыка, — должно заниматься молитвою понемногу, но часто, чтоб сохранить вкус к молитве и не произвести в уме утомления, от которого происходит оставление молитвы»[2].

Для сохранения внимания начинающему полезно читать молитвы несколько вслух, если он находится один в помещении, и разнообразить произносимые молитвы — читать попеременно акафисты, Иисусову молитву и другие молитвословия. Никто из приступивших к молитвенному подвигу не должен сразу же требовать от себя совершенной, не рассеиваемой посторонними помыслами молитвы.

Внимательная молитва есть дар Божий, и человек должен предуготовить себя к принятию этого дара постоянным побуждением себя к внимательной молитве.

Чтобы молитвенный подвиг получил правильное направление, каждому христианину полезно ежедневно совершать определенное молитвенное правило.

Молитвенные правила могут быть самые разнообразные в зависимости от времени и телесных сил тех, кто исполня-

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 253. № 376. Подробнее о внимании при молитве см.: ч. III, гл.4. || [2] Прилож. Т. 3. С. 253. № 376.

ет их. Обычно правило состоит из утренних и вечерних молитв, определенного числа земных поклонов, канонов, акафистов и Иисусовых молитв.

Молитвенное правило мирянина, по мнению владыки Игнатия, должно быть прежде всего соразмерно с его силами и как можно проще и малосложнее. Исполнение правила, превышающего силы человека, обычно очень скоро приводит к тому, что молящийся не только оставляет это правило, но и вообще перестает молиться, чем пресекает свое духовное совершенство. Правило, соразмерное силам человека, исполняемое ежедневно, способствует духовному совершенству человека и по мере его духовного роста может быть со временем увеличено. Несложность правила способствует большей сосредоточенности молящегося.

Зная, как трудно начинающему молиться приучать себя к внимательной молитве, Владыка разрешил своим пасомым прочитывать молитвенное правило постепенно в течение всего дня, а не все сразу; даже чтение акафиста и собрания утренних и вечерних молитв он допускал не за «один раз».

Из всех молитвословий для начинающего Владыка считал очень полезным акафист Господу Иисусу. Но и его он советовал читать первоначально не более чем один раз в неделю и очень неспешно и со вниманием. Одному мирянину епископ Игнатий советовал утром и вечером совершать следующее молитвенное правило: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный; Трисвятое; Отче наш; Господи, помилуй 12 раз; Приидите, поклонимся; псалом 50-й; Символ веры; Богородице, Дево, радуйся... трижды. После этого двадцать молитв «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», при каждой молитве земной поклон. Затем 20 этих же молитв с поясными поклонами, затем молитву «Достойно есть, яко воистину...» и «Молитвами святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас»[1].

Некоторым из своих пасомых к указанному правилу Владыка добавлял еще 10 поясных поклонов с молитвой «Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси мя грешнаго» и 10 земных, пять поясных поклонов с молитвой

[1] Прилож. Т. 3. С. 254, 255. № 377.

«Ангеле Божий, хранителю мой святый, моли Бога о мне грешнем»[1].

Утром, после исполнения правила, епископ Игнатий рекомендует прочитать утренние молитвы, две или три главы Евангелия и после этого со страхом и трепетом приступать к своим повседневным занятиям.

В молитвенном правиле мудрый архипастырь никогда не связывал своих пасомых непременными внешними условиями. Предлагая своим пасомым молитвенные правила, он всегда оставлял за ними возможность несколько увеличить или уменьшить его в соответствии со своими силами. Некоторым он разрешал даже совершать молитвенное правило сидя. Особенно снисходителен был Владыка к больным, им он не назначал определенного молитвенного правила, но советовал молиться чаще, употребляя для этого прекрасные краткие молитвы: «Боже, очисти мя грешнаго» и «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас».

Не только утром и вечером, исполняя молитвенное правило, рекомендовал Владыка мирянам молиться, но и по возможности чаще в течение всего дня.

Своей сестре Елизавете Александровне, проводившей уединенный образ жизни в селе Ивашове и занятой попечениями о семье, епископ Игнатий советовал в свободное время заниматься молитвой и каким-нибудь «самым машинальным рукоделием». Самой подходящей молитвой, которую можно удобно совместить с рукоделием, Владыка считал Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

Молитвенный подвиг христианина приносит обильные плоды, но прежде чем молящийся сподобится получить их, ему нередко приходится преодолеть многие внутренние трудности.

Опытный делатель молитвы, епископ Игнатий предупреждает, что молитве иногда сопутствует обильное умиление, а иногда в душе наступает особая сухость. На эти внутренние состояния Владыка советует смотреть совершенно равнодушно и с терпением продолжать молитву, не стремясь и не считая себя достойным умиления, которое ниспосылается Господом лишь в сердца смиренные и очи-

[1] Прилож. Т. 4. С. 24. № 502.

щенные от порока долгим молитвенным подвигом. «Когда при молитве ощущается нечувствие, то, несмотря на это состояние нечувствия, полезно нудиться к внимательной молитве и не оставлять молитвенного подвига, творя молитву гласно и неспешно, потому что после нечувствия внезапно прилагается к сердцу благодать Божия, и оно приходит в умиление», — писал Владыка[1].

Враг рода человеческого завидует христианам, занимающимся внимательной молитвой, и всегда старается наводить на них различные искушения.

Делателю молитвы святитель Игнатий напоминает слова святых Отцов: «Помолясь как должно, ожидай противного» — какого-либо смущения или искушения. Однако, по глубокому убеждению Владыки, все искушения, случающиеся после молитвы, совершаются не без Промысла Божия, и, если христианин мужественно переносит их, они послужат к приобретению опытности в духовной борьбе.

В противоположность распространенному мнению, что Иисусовой молитвой могут заниматься лишь одни монахи, епископ Игнатий считал и многих мирян способными заниматься этим спасительным деланием.

Как уже было сказано, молитвенное правило, назначаемое Владыкой мирянам, включало определенное количество Иисусовых молитв. Некоторым мирянам Преосвященный благословлял «проходить» по пять четок в день. Своим сестрам (Александре и Елизавете) Владыка неоднократно в письмах напоминал, что они при всех занятиях не должны забывать Иисусовой молитвы. Однако зная, как легко делателю Иисусовой молитвы без опытного руководства уклониться от правильного пути и неисцельно повредить свою душу, приняв ложь за истину, епископ Игнатий не советовал мирянам особенно углубляться в умное делание. Благословив одному мирянину заниматься Иисусовой молитвой, Владыка в то же время в предостережение ему написал: «По вашему жительству посреди мира и по недавности и новости на пути этом, вам нейдет сильно вдаваться в молитву, что требует или большой духовной опытности, или близости руководителя...»[2].

---

[1] Прилож. Т. 4. С. 271. № 701. || [2] Прилож. Т. 3. С. 331. № 432.

Мирянам епископ Игнатий советовал Иисусову молитву произносить (в отсутствие посторонних лиц) очень неспешно вслух тихим голосом — «устами и языком, чтоб слышать самому себя». При посторонних лицах Владыка допускал мирянам совершать молитву одним умом. Пытаться же творить Иисусову молитву умом в сердце и употреблять для этой цели вспомогательные механизмы, по мнению Святителя, очень опасно как для мирян, так и для монахов.

«Весьма ошибочно твое искание места сердечного! Если будешь заключать ум в слова, то сердце придет в сочувствие уму. Сперва надо молиться при этом сочувствии. Такая молитва есть молитва покаяния. Когда же через покаяние очистится человек, то место сердечное обозначится само собою»[1], — писал Преосвященный мирянину, занимавшемуся умным деланием. В следующем письме этому же лицу Преосвященный писал: «Благую часть ты избрал, оставляя все механизмы и довольствуясь заключением ума в слова: это поведет к самым правильным результатам без всякой примеси прелести, которой ты мог подвергнуться и отчасти уже подвергался, употребляя механизмы, которые тебе нейдут»[2].

Велико значение молитвы в духовной жизни христианина. Время, проведенное в молитве, не истрачено понапрасну, а употреблено для насаждения в своей душе Царствия Небесного и приближения к Богу. Епископ Игнатий считал, что «молитва, как беседа с Богом, сама собою — высокое благо, часто гораздо больше того, которого просит человек, и милосердый Бог, не исполняя прошения, оставляет просителя при его молитве, чтоб он не потерял ее, не оставил это высшее благо, когда получит просимое благо, гораздо меньшее»[3].

Молитва не только порождает все христианские добродетели, но и приносит облегчение совести, примиряет с ближними и с обстоятельствами жизни, поселяет в душе мир и возбуждает милость и сострадание к человечеству, искореняет страсти, делает человека хладным к миру и покорным Богу, дает силы в борьбе с греховными помыслами и влечениями.

---

[1] Прилож. Т. 4. С. 271. № 701. || [2] Там же. С. 272. № 702. || [3] Соч. Т. 1. С. 142.

Молитва неотступно сопровождает истинного христианина в течение всей его жизни, укрепляет и утешает его при всех скорбях, болезнях и искушениях. Она жителя земли делает причастником небесных благ.

«Возлюбленные братия! — обращается епископ Игнатий к христианам, — чтоб преуспеть в молитвенном подвиге, чтоб в свое время, по неизреченной милости Божией, вкусить сладчайший плод молитвы, состоящий в обновлении всего человека Святым Духом, надо молиться постоянно, надо мужественно переносить те трудности и скорби, с которыми сопряжен молитвенный подвиг. Это заповедал нам Господь: «Подобает всегда молитися и не стужати си (и не унывать)» (Лк. 18. 1).

VIII. Постоянное бодрствование над собой

Совершенство христианина в духовной жизни невозможно без постоянного наблюдения — бодрствования над самим собой.

Все существо человека повреждено грехом. Грех стал как бы второй природой человека — природой, которая непрестанно предъявляет свои порочные требования. Человек рождается с наклонностью ко всем видам греха, потому что в первородном грехе заключается семя всех страстей.

Размышляя о греховности человеческой природы, Владыка говорит: «Действует во мне грех мыслию греховною, действует ощущением греховным, ощущением сердца и ощущением тела: действует через телесные чувства, действует чрез воображение»[1].

Грех противоестествен непорочному естеству человека, каким оно было создано, противоестествен он и естеству, обновленному Христом, но он естествен падшей человеческой природе.

До пришествия в мир Спасителя человек не имел сил противиться греху, который насильно увлекал его и властвовал над ним против его воли. Христианин в таинстве Святого Крещения освобождается от рабства греху и получает силы бороться с ним.

Обновленному человеку, «помещенному в духовном раю — Церкви», как и первому человеку, предоставлена

[1] Соч. Т. 2. С. 120.

свобода. Человек может воспользоваться силами, данными ему в Крещении, вступить в борьбу со страстями и с помощью Божией победить их или произвольно поработить себя греху. Грех не истребляется в человеке после Крещения, но теряет свою силу и не может уже насильно господствовать над христианами. И после Крещения в человеческой природе добро смешано со злом. «Сердечная земля наша, — пишет святитель Игнатий, — не престает производить зло... и добру не дает произрастать одному, цельному, но всегда с примесью зла»[1].

Чтобы не дать возможности греху возобладать в душе, каждому христианину предстоит постоянный подвиг очищения своего сердца от многих явных и тайных греховных страстей. «Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждают его быть на страже, постоянно вызывая его на борьбу...», — пишет Святитель.

Подвиг борьбы с грехом епископ Игнатий называл «пожизненным», потому что в любое время и в любом возрасте страсти могут восстать в человеке, и нужно быть очень внимательным к себе, чтобы не дать им возможность поработить свое сердце. Даже в глубокой старости, когда, казалось бы, тело человека становится мертвым к естественным влечениям, страсти не исчезают совершенно в человеке. «Бесстыдны страсти, — пишет Владыка, — могут восстать они и в лежащем на смертном одре. Даже на смертном одре невозможно прекратить бдительность над собой. Поверь бесстрастию тела твоего тогда, когда оно уляжется в гроб»[2]. Только смерть освобождает человека от бдительности над собой.

Праведники и те бывают несвободны от повседневных прегрешений, следовательно, и от бдительности над собой, как свидетельствует Слово Божие: «Седмерицею падает праведник, и восстает» (Притч. 24, 16). Епископ Игнатий разъясняет, что в данном месте Священного Писания говорится о «падениях легких от немощи, называемых грехами простительными», от них праведники не были свободны, а не от тяжких смертных грехопадений.

Чтобы непрестанно стоять на страже своего сердца, нужно знать о своей греховности, нужно видеть духовным оком все множество своих пороков.

---

[1] Прилож. Т. 3. С. 357. № 459. || [2] Соч. Т. 1. С. 526.

Большинство людей проводит рассеянный образ жизни и, ежедневно удовлетворяя свои страсти, даже не замечает этого. Нередко бывает, что плотский разум человека не только оправдывает порочные влечения своего сердца, но даже признает порок добродетелью.

Только Христово Евангелие открывает человеку его душевные очи и дает ему возможность познать в полной мере действительное состояние человека — его греховность и страстность. Преосвященный Игнатий свидетельствует, что только «один истинный христианин, постоянно внимающий себе, поучающийся в законе Господнем день и ночь, старающийся исполнять евангельские заповеди со всею тщательностию, может увидеть свои грехи и страсти»[1]. Слово Божие открывает человеку его действительное греховное состояние; оно же и научает человека правильной борьбе с грехом. Только Священное Писание и творения святых Отцов во всей полноте показывают человеку его греховность, научают христианина в любых жизненных условиях быть на страже своей души и не делать послаблений своему греховному естеству. Руководствуясь же своим естественным разумом или учением плотского мудрования, невозможно преуспеть в борьбе с пороком. Одному из своих знакомых, временно проживавшему в «древнем христианском городе» — Москве, епископ Игнатий писал: «...И в таком прекрасном месте должно наблюдать за своим сердцем, при свете, который издают из себя Священное Писание и писания святых Отцов, а отнюдь не при нашем собственном свете, поврежденном падением, зараженным прелестию, или при каком-нибудь другом ложном свете».

Увидев в себе страсти, христианин не должен приходить в недоумение, но мужественно готовиться к духовной брани.

По премудрому усмотрению Божию, постоянная борьба со страстями способствует духовному преуспеянию христианина. Изведав на опыте пользу от духовных браней, епископ-подвижник писал: «Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, смиряет надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживает это состояние, — заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя»[2].

[1] Соч. Т. 1. С. 528. || [2] Там же. С. 526.

На поприще борьбы с пороком у каждого христианина бывают победы, но нередко бывают и невольные поражения. За победы христианин благодарит Бога, даровавшего силы к победе, а от поражений он не должен приходить в уныние. Каждое поражение послужит его духовному росту, если христианин будет после поражений усиливать свое покаяние и приходить к большему смирению.

Сколько бы раз воин Христов ни падал, сраженный грехом, если после каждого падения он будет укорять себя, смиряться и снова восставать на борьбу с пороком, то он в конце концов с Божией помощью выйдет победителем из духовной брани. В одном из писем, раскрывая законы духовной борьбы, Владыка сравнивает грехи с плевелами и пишет, что «...кто видит возникающие в себе плевелы, никак не должен удивляться этому, как чему-нибудь необыкновенному, не должен приходить в недоумение и малодушие. Так быть должно! Плевелы сердечные делают свое: растут, будучи выполоты, снова появляются. И мы должны делать свое: полоть и полоть плевелы. Таким положением укореняется в человеке смирение. К смирению нисходит милость Божия»[1].

Труден подвиг борьбы со страстями, которые гнездятся в греховном естестве человека, и блажен тот, кто постоянно следит за каждым движением своего сердца и сразу же покаянием пресекает каждое греховное влечение и даже каждый порочный помысел. Любой грех, пораженный покаянием при самом его появлении, теряет свою силу, не может получить дальнейшего губительного развития и осуществиться делом. Но во много раз труднее подвиг борьбы с грехом, который овладел умом человека, свил себе гнездо в его сердце и, возможно, был совершен самим делом. Повторенный неоднократно, грех порабощает совершенно человека и становится страстью. Для борьбы с укоренившимся грехом нужен долгий и упорный труд. «Нужно много времени, нужен кровавый подвиг, нужно особенное Божие милосердие, особенная Божия помощь, чтоб свергнуть иго страсти, принятой произвольно, получившей власть над человеком или от падения человека в смертный грех, или для преступного произвольного наслаждения грехом...»[2] — писал владыка Игнатий.

[1] Прилож. Т. 3. С. 250. № 373. || [2] Соч. Т. 1. С. 529.

Каждый христианин, имеющий твердое намерение трезвиться и бодрствовать в подвиге духовного совершенства, должен стараться полностью сосредоточить внимание на своей внутренней жизни. Епископ Игнатий считал, что внимание к себе есть одно из условий спасения. «Желающий спастись, — пишет он, — должен так устроить себя, чтоб он мог сохранить *внимание к себе* не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами»[1].

В подтверждение необходимости внимания в духовной жизни Владыка приводит слова аввы Агафона, который сказал: «Невозможно без усиленного внимания себе преуспеть в добродетели».

Для научения вниманию к себе святитель Игнатий советует устранить из своей жизни все пустые занятия, вовлекающие в развлечения. Занятия частные и общественные, по мнению Владыки, не препятствуют, а способствуют сохранению внимания к себе. Праздность приводит к рассеянности, а полезная деятельность к вниманию. «Деятельность — необходимый путь к бдительности над собой, и этот путь предписывается святыми Отцами для всех, которые хотят научиться вниманию себе»[2], — разъясняет архипастырь-труженик.

В одном из писем к сестре, Елизавете Александровне, епископ Игнатий говорит ей о пользе рукоделия и занятий по хозяйству, которые удаляют праздность и облегчают уму невидимую брань. При праздности страсти могут с особой силой восстать и потребуют многих усилий для укрощения их. В том же письме Владыка советует сестре сохранять благоразумие и не выходить на борьбу, которая может превысить ее силы, и по возможности стараться разумным трудом облегчить свои брани.

Много усилий нужно, чтобы приучить себя ко вниманию, но без внимания невозможно преуспеть в духовных бранях. Человек, стяжавший навык всегда внимать себе, со временем начинает смотреть на земную жизнь очами веры и приобретает глубокие духовные познания. Скорби, страдания и болезни не страшны для внимающего постоянно своей душе христианина. Все жизненные трудности он принимает, как от руки Самого Бога и видит в них «чашу

[1] Соч. Т. 1. С. 289. || [2] Там же. С. 375.

Христову», которую нужно ему испить для очищения себя от грехов.

Ничто так не опасно для жизни духовной, как рассеянный образ жизни. Во свидетельство этой истины епископ Игнатий приводит мнение преподобного Пимена Великого, который признал рассеянность началом всех зол.

Владыка сравнивал рассеянного человека с домом, у которого нет дверей и затворов,— тати, разбойники и блудницы в любое время вторгаются в него и расхищают все его сокровища. Рассеянный человек не имеет ни в чем постоянства; подобно мотыльку, порхает он с цветка на цветок — от одного удовольствия к другому. Он не способен ни к чему возвышенному, его интересуют одни земные попечения. Постоянный подвиг совершенствования, предуготовляющий к вечной жизни, органически неприемлем для рассеянного, так как он требует постоянной бдительности, внимания и напряжения.

Человек, ведущий рассеянный образ жизни, не имеет основательных познаний и убеждений и поэтому жизненные трудности очень быстро сокрушают его. Рассеянный неспособен переносить скорби и искушения — непременные спутники земной жизни каждого человека. Он ищет в жизни только одних радостей и не может возвыситься до той высоты, чтобы понять очистительное значение скорбей. При нахождении скорби рассеянный быстро впадает в уныние и отчаяние. О рассеянности епископ Игнатий пишет, что этот «недуг так велик, так притупляет чувства души, что душа, болезнующая им, даже не ощущает своего бедственного состояния»[1].

Рассеянность очень часто может привести к мечтательности. Большинство людей совершенно не обращает внимания на то, чем бывает занят их ум в минуты праздности. Последний, оставленный без надзора, часто в мечтаниях уводит человека в глубокие греховные дебри. Открывая мысли мечтателя, Епископ-аскет пишет, что в воображении мечтателя то порой сверкает кинжал над главою врагов его, и сердце упивается удовлетворенным мщением, то представляет он (мечтатель) рассыпанные кучи золота, а вслед за ними великолепные палаты, сады и все предметы роско-

[1] Соч. Т. 1. С. 375.

ши, сладострастия и гордости, приобретенные на это золото, то прельщают его мечты почестями, властию, тленною славою, то мечты представляют ему столы с дымящимися и благоухающими яствами, то кажется мечтателю, что он достиг праведности и достоин многих человеческих похвал и прославления.

Последствия постоянной и укоренившейся мечтательности могут быть очень плачевны. Мечтатель теряет способность иметь внимание к себе, ум его перестает быть собранным, сосредоточенным, сердце приобретает жестокость при молитве, следствием чего бывает душевное расстройство.

Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще, как бы она ни казалась приманчивой и благовидной: всякая мечтательность есть скитание ума вне истины, в стране призраков, несуществующих и не могущих осуществиться, льстящих уму и его обманывающих, — наставлял епископ Игнатий.

Христианин, внимающий своему спасению, должен помнить, что любой порок, если возобладает в человеке, может погубить его душу. Послабление одному греховному навыку может открыть вход в душу многим грехам и порокам.

Христианин, зная склонность человеческой природы ко всем порокам, должен быть постоянно готов противостать всем страстям. При этом каждый христианин, по совету Владыки, должен внимательно следить за собой и особенно бодрствовать против той страсти, которая чаще других восстает в нем.

Постоянное бдение над своим сердцем и искоренение из него всех греховных навыков будут постоянно вести христианина по духовному пути совершенствования. На этом пути чем больше христианин очищается и преуспевает, тем больше пороков видит в себе, глубже постигает греховность человека и стремится очистить и омыть свою душу подвигом покаяния.

Как бы продолжителен и многотруден ни был подвиг бдения над собой и борьбы со грехом, однако, по мудрому разъяснению владыки Игнатия, «не подвиг освобождает христианина от владычества страстей: освобождает его десница Всевышнего, освобождает его благодать Святаго Духа». Своим подвигом, своими силами христианин сви-

детельствует лишь о своем произволении избавиться от греха.

Непрестанное памятование этой истины избавит христианина от самонадеянности и гордости.

В творениях епископа Игнатия имеется несколько практических советов, как христианину приучить себя к непрестанному бодрствованию над собой, над своим сердцем.

Желающий приучить себя к вниманию, по мнению святителя Игнатия, должен обладать благоразумной воздержанностью в пище. Умеренное и равномерное употребление пищи уменьшает жар в крови, содействует вниманию к себе. Объедение рождает множество разгоряченных помыслов; питает страсти, возбуждает мечтательность и приводит к рассеянности. «Приучись быть воздержанным в пище, — пишет Владыка, — воздержанием доставишь здравие и крепость телу, а уму особенную бодрость, столь нужную в деле спасения, очень полезную и при земных упражнениях»[1]. Если чрезмерное употребление пищи приводит к рассеянности, то употребление вина совершенно делает человека неспособным к бодрствованию над собой. Архипастырь-аскет справедливо считал, что «вино лишает человека способности сохранить ум в трезвости». «Когда подвижник подвергнется действию вина, тогда приступают к ослабевшему и омрачившемуся уму его супостаты, и ум уже не в силах бороться с ними. Связанный действием вина, он увлекается в пропасть греховную! В одно мгновение погибают плоды долговременного подвига...»[2]. Блажен тот христианин, который, зная, как пагубно действует вино на душевное состояние человека, будет воздержан в вине. Никто не рождается на свет пьяницей, люди из-за небрежения к себе становятся рабами вина. «Знал ли подверженный недугу пьянства, выпивая первую рюмку, что он начинает самоубийство? Так называю этот несчастный навык, губящий и душу и тело», — пишет Преосвященный Игнатий[3].

Христианину можно употреблять вино в весьма малом количестве, кто же не может ограничиться малой мерой, тому лучше совершенно не употреблять вина.

«Служителю Христову надо охраняться не только от пьянства, но и от привычки к многому употреблению вина, разго-

[1] Соч. Т. 1. С. 378. || [2] Там же. С. 379. || [3] Там же. С. 377.

рячающего плоть и возбуждающего в ней скотские пожелания»[1] — заповедует всем христианам мудрый архипастырь.

Особенно опасно употребление вина в юном возрасте. Зная, как склонна юность ко греху, Владыка советовал благонамеренным юношам быть особенно бдительным к себе и всеусиленно воспитывать в себе добрые навыки, а при первом же обнаружении наклонности ко греху сразу же отсекать порочные вожделения.

«Юноша, — взывает Владыка, — будь благоразумен и предусмотрителен: в годы юности твоей обрати особенное внимание на приобретение хороших привычек; в лета зрелости и старости твоей возрадуешься о богатстве, приобретенном беструдно в лета юности»[2].

Тем же, кто обратился ко Христу в зрелом возрасте, долгое время не следил за своей душой и успел стяжать много порочных навыков, любвеобильный архипастырь советует не предаваться унынию и двоедушию, но «мужественно вступить в борьбу с злыми навыками».

Подвиг непрестанного трезвения необходим христианину на всех ступенях совершенства. Даже подвижнику, сподобившемуся благодатных дарований, необходимо непрестанно долгим подвигом бодрствовать и не оживать для греха в вечной смерти.

В одном из писем Владыка следующими исполненными поэтического вдохновения словами описывает изменчивость и удобопреклонность ко греху человеческой природы: «Я сказал бы: умерщвленный видением духовным... не оживает уже для мира. Увы! Я сказал бы несправедливо. Увы! Оживает человек и для смерти! Ожил Соломон для смерти! Ожил для нее Иуда! Ожили для нее многие! ...Увы! Как мы слабы, как переменчивы! ...Гляжу на нашу немощь, гляжу со слезами!»[3]

Только постоянный подвиг бдения над собой делает возможным христианину умереть для греха и более не оживать для него, но постепенно восходить от силы в силу на поприще делания евангельских добродетелей.

IX. Любовь к ближним

Кажется, ни о чем так часто не беседуют проповедники, как о любви. Сколько раздается призывов к стяжанию этой

[1] Соч. Т. 1. С. 379. || [2] Там же. С. 377. || [3] Соч. Т. 4. С. 450.

высшей добродетели, и, однако, редкий вития может указать правильный путь к приобретению любви. Только тот, кто сам преуспел в любви, может и других научить, как стяжать ее.

Обратимся же к учению о любви архипастыря-подвижника, от юности своей всем сердцем возлюбившего Бога и ближних.

Заповедь о любви к Богу, по мнению Владыки, настолько возвышеннее заповеди любви к ближнему, насколько Бог выше Своего образа, но заповедь о любви к ближним есть основание любви к Богу.

Чувство любви к ближним присуще каждой человеческой душе, но, как и все другие чувства, естественная любовь извращена грехом. Святитель Игнатий пишет: «В каких язвах — наша любовь естественная! Какая тяжкая на ней язва — пристрастие! Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей»[1].

Естественная любовь стремится доставить любимому земное благополучие, все духовное и вечное ей чуждо. Естественной любовью руководит плоть и кровь, которые в свою очередь очень легко могут быть возбуждаемы отверженными духами. В естественной любви нет постоянства, она может возгореться очень сильно, но нередко после короткого времени легко обращается в отвращение и даже ненависть. В период своего наивысшего развития естественная любовь хочет безгранично владеть объектом своей любви и, если не достигает желаемого, бывает способна на многие безрассудные поступки и даже преступления. По словам епископа Игнатия, «естественная любовь выражалась и кинжалом».

Естественная плотская любовь недостойна называться любовью, потому что она ничего не имеет общего с истинной любовью к ближним, заповеданной Христом Спасителем в Его Евангелии. «Любовь, ...запечатленная падением, недостойна именоваться любовию: она — искажение любви, она... враждебна любви святой, истинной», — говорил Владыка[2]. Пред Богом не имеет цены плотская, естественная любовь к ближним, она отвергается Господом как дар непотребный. Только любовь, почерпнутая в Евангелии,

[1] Соч. Т.1. С. 124. || [2] Прилож. Т. 3. С. 143. № 326.

любовь святая и духовная, достойна называться любовью и принимается Богом как дар благоприятный.

Для стяжания истинной любви нужно отвергнуть, умертвить в себе естественную любовь и приступить к жизни по евангельским заповедям. «Приступим к Евангелию... — приглашает святитель Игнатий всех христиан, стремящихся иметь к ближним истинную любовь, — поглядимся в это зеркало! Глядясь в него, свергнем ризы ветхие, в которые облекло нас падение, украсимся ризою новою, которая приготовлена нам Богом»[1]. Исполнение евангельских заповедей избавляет человека от греховного плена и приводит под руководство Святого Духа. Который научает истинной, святой любви к ближним.

Истинная любовь к ближним имеет основанием веру в Бога. Она вся в Боге, так как Бог есть любовь (Ин. 4. 16). В ближнем христианин любит Христа, ибо Спаситель «благоволил таинственно облечься в каждого ближнего нашего, во Христе Бог».

Духовная любовь исполнена простоты и веры ближним, в ней нет подозрительности и ревности; постоянство и мудрая рассудительность — непременные качества ее.

Путь к достижению духовной любви к ближним многотруден и связан с подвигом искоренения из человеческого естества греха во всем его разнообразии.

Истинная любовь к ближним не может мгновенно воссиять в сердце христианина. Как при достижении любой христианской добродетели, так и при стяжании любви к ближним имеется определенная последовательность. Первоначально необходимо отвергнуть вражду, памятозлобие, гнев, осуждение и все те чувства, которые противоположны любви. Затем нужно, повинуясь Евангелию, научиться молиться за врагов, благословлять клянущих, делать добро ненавидящим и прощать ближним все, что они сделали плохого нам. Что исполнить все перечисленные евангельские заповеди не только на словах, но и в жизни, нужен многолетний подвиг самоотречения. «Пожертвуй всем, — пишет Владыка, — для исполнения евангельских заповедей. Без такого пожертвования ты не возможешь быть исполнителем их»[2].

---

[1] Соч. Т. 1. С. 124. || [2] Там же. С. 125.

Желающий достигнуть истинной любви к ближним должен прежде всего отвергнуть самолюбие и человекоугодие, которые укрепляют в человеке естественную любовь.

Самолюбие — искажение любви к самому себе. Тот, кто не имеет к себе духовной любви, не может и ближнего возлюбить духовно.

Человекоугодие — искажение любви по отношению к ближним. Оно, как и самолюбие, является «горестным самообольщением», и, возобладав сердцем человека, делает его неспособным к истинной любви. Только решительное отвержение этих пороков открывает путь к достижению духовной любви. Подвиг искоренения из своего сердца самолюбия и человекоугодия связан с многими усилиями человеческой воли. Греховное естество ожесточенно отстаивает все свои порочные навыки. Епископ Игнатий, употребляя слова святого первомученика и архидиакона Стефана, говорит, что сердца наши, подобно сердцам наших праотцев, «присно противятся Святому Духу» (Деян. 7. 51), и нередко необходима лютая борьба для искоренения греховных чувств. В этой трудной невидимой брани очищения своего сердца за каждую победу Господь награждает подвижника духовным утешением, вкусив которое, он увереннее продолжает начатый подвиг борьбы с усвоившимся человечеству падением. «Учащенные победы, — пишет святитель Игнатий, привлекают учащенное посещение и утешение благодати; тогда человек с ревностию начинает попирать своеугодие и своеволие, стремясь по пути заповедей к евангельскому совершенству...»[1], к достижению духовной любви.

Плотскому человеку, не обновленному еще благодатию Духа Святаго, очень трудно искоренить из своего сердца все проявления естественной любви. Чтобы достичь этого, нужно иметь твердую веру в Бога и предаться всеблагой воле Божией; и не только предать этой воле самого себя, но и всех своих ближних, и в Боге стараться полюбить их. Владыка Игнатий советовал своим пасомым не останавливать в себе чувств расположения к ближним, но быть «проводником их к святому, чистому небу!» Если христианин, обращаясь к Богу, будет говорить о возлюбленных своих:

[1] Соч. Т. 4. С. 262.

«Боже! Они — Твое достояние, Твои создания! Твое Тебе принадлежит, а я — что? Кратковременный странник на земле, внезапно на ней являющийся и внезапно с нее исчезающий», то он постепенно уврачуется от самолюбия и пристрастия к ближним и станет способным к чистой любви к ближним — любви в Боге.

Кроме всецелого предания своих ближних воле Божией, образованию истинной любви способствует и глубокое внутреннее, а не внешнее почтение к каждому человеку как образу Божию. «Воздай почтение ближнему как образу Божию — почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей... Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия»[1], — советует богомудрый архипастырь. От внутреннего почтения к образу Божию — человеку — постепенно в сердце христианина появится любовь, причиной которой будет не кровь и плоть, а Бог.

Во все времена христиане, достигшие совершенства, имели в своем сердце любовь ко всем людям, не различая добрых и злых. В самом явном грешнике, лишенном славы христианина, они умели видеть хотя и помраченный пороком, но все же образ Божий, и его они почитали любовью. Епископ Игнатий говорил: «Если образ Божий будет ввергнут в пламень ада, и там я должен почтить его, что мне за дело до пламени, до ада! Туда ввергнут образ Божий по суду Божию: мое дело сохранить почтение к образу Божию и тем сохранить себя от ада»[2].

Святитель призывал оказывать глубокое почтение всем людям, невзирая на их внешнее положение и состояние. Слепые, прокаженные, поврежденные рассудком, младенцы, уголовные преступники и язычники — все они являются образом Божиим и поэтому достойны любви. Человеческие немощи и недостатки, как бы велики ни были, для истинного христианина они никогда не могут заслонить образа Божия в человеке.

Ко всем людям, и особенно к христианам, должен относиться с глубоким почтением каждый член Святой Церкви. В христианине он воздает почтение Христу. Господь Сам благоволил все, сделанное ближним во имя Его, принимать

[1] Соч. Т. 1. С. 127. || [2] Там же. С. 127.

как дар Ему Самому. «Еже сотворите меньшему сих братий Моих, Мне сотворите», — заповедал Христос (Мф. 25. 40).

Евангелие заповедует любить не только ближних — родных, друзей, но иметь это же святое чувство и к своим врагам. «Любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас, и молитеся за творящих вам напасть, и изгонящия вы» (Мф. 5. 44), — этот призыв Самого Господа обращен со страниц Святого Евангелия ко всем христианам.

Любовь к своим врагам непонятна для плотского разума, и только христианин, просвещенный благодатью Святого Духа, может не только теоретически, но и опытно преуспеть в этой заповеди.

В жизнеописании епископа Игнатия уже говорилось, что Преосвященный достиг такого совершенства, что мог смотреть на своих врагов, как на святых ангелов, поэтому его мнение о любви к врагам имеет особую важность. Владыка считал, что Евангелие предписывает нам любовь ко врагам «не слепую, не безрассудную, но освященную духовным рассуждением». Евангелие говорит о любви к врагам, но в нем же повелевается не вверяться врагам и быть с ними очень осторожными. Спаситель, предостерегая Своих учеников, а в их лице и всех Своих последователей, сказал: «Се, Аз посылаю вас яко овцы посреде волков: будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие. Внемлите же от человек: предадят бо вы на сонмы, и на сборищах их биют вас... и будете ненавидими всеми имене Моего ради...» (Мф. 10. 16, 17, 22). В этих словах Господа владыка Игнатий справедливо видит предписание осторожного и, по возможности, мудрого отношения к своим врагам.

В чем же тогда должна проявляться любовь к своим недругам? По мнению любвеобильного архипастыря, любовь к врагам должна проявляться в прощении нанесенных ими обид, в молитве за них, в благословении их, в хороших словах о них, в благодарности Богу за причиненные врагами напасти, деланием им добра, «благотворении, которое может простираться до вкушения телесной смерти для спасения врагов». Пример всесовершенной любви к врагам явил Сам Спаситель мира Иисус Христос.

В одной из проповедей епископ Игнатий в образец любви к врагам приводит святого первомученика и архидиако-

на Стефана, который, побиваемый камнями, молился за своих убийц (Деян. 7. 60). «Пылал... священным огнем святый первомученик Стефан, — сказал Владыка. — ...Последовали удары смертоносные, от лютости их пал Стефан полумертвым на колени, но огнь любви к ближнему в минуты разлуки с жизнью еще живее воспылал в нем... Последним движением его сердца было — движение любви к ближним, последним словом и делом была молитва за убийц своих»[1].

Епископ Игнатий учил, что не только к врагам, но и к друзьям любовь должна быть освящена духовным рассуждением. Любить друзей нужно во Христе, чтобы Христос был любим в ближнем, а ближний был любим как создание Божие.

Христианин, любящий в ближних Христа, будет иметь ко всем равную любовь. Святитель Игнатий в одном из писем спрашивает: «Неужели любовь к ближнему должна быть чужда всякого различия?» — и сам же разрешает этот вопрос, приведя в пример святых угодников Божиих. Святые, утверждает Владыка, имели ко всем равную любовь, но особенно любили тех, кто проводил благочестивую жизнь. Наставники имели большое расположение к тем пасомым, в которых видели ревность и полное послушание. Наставляемые всегда имеют большую любовь к тем наставникам, в которых они видят живой пример назидания и обилие духовного разума. По мнению Владыки, «любовь, отдающая должную цену людям по степени их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всем Христа. Иной сосуд вмещает это духовное сокровище больше, другой меньше. Сокровище — одно!»[2] Епископ Игнатий постоянным подвигом самоотречения погасил в себе плотскую любовь к ближним, поэтому его отношение к близким к нему людям было преисполнено истинной евангельской любовью. Он высоко ценил дружбу, считал ее великим даром Божиим. «Друзей мне дал Бог, — писал Преосвященный, — эту мзду принял я от Всевышнего за мысль самоотвержения, которой последовал с дней юности моей»[3]. В основе своих отношений с друзьями епископ Игнатий имел Христа, и поэтому крепка и душеспасительна была

[1] Соч. Т. 4. С. 262. || [2] Там же. || [3] Прилож. Т. 3. С. 5. № 271.

его дружба. «Только та дружба истинна и крепка, которую основывает и скрепляет Христос», — наставляет Святитель[1].

Епископ Игнатий считал, что преуспеяние в любви к ближним, когда оно в Боге, не имеет конца. Истинной любовью к ближним невозможно насытиться, потому что питает ее беспредельный Бог. «Огнь любви требует много пищи для того, чтоб он мог постоянно умножаться, — свидетельствует Владыка, — когда питает его Бог — он непрестанно усиливается, нет ему предела, но когда предоставлено питать его человеку самим собой — скоро оскудеет пища для огня, огнь потускнеет, угаснет»[2].

Истинная любовь к ближним приносит христианину величайшее духовное наслаждение и уподобляет его обителям рая, ибо она (любовь) есть «печаль души, способной для неба».

Кто сподобился духовной любви к ближним, опытно познает омерзительность плотской любви, искренне приносит покаяние в том, что прежде имел ее, и стремится возгреванием в себе любви святой никогда не возвращаться к любви естественной.

Истинная любовь к ближним, как и внимательная молитва, является признаком совершенства христианина.

«Возлюбленный брат! — призывает всех христиан епископ Игнатий, — ищи раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата воскресения, во врата Царства Небесного»[3].

X. Страх пред Богом и любовь к Богу

Епископ Игнатий говорит, что многие люди, прочитав в Священном Писании, что любовь есть возвышеннейшая добродетель (1 Кор. 13. 13) и что она — Бог (1 Ин. 4. 8), сразу же пытаются развить в своем сердце это чувство: любовью они начинают растворять свои молитвы, богомыслие и все свои действия. Но Бог отвращается от этой нечистой жертвы, она не угодна Ему. Бог приемлет от человека любовь не мечтательную, плотскую, осквернённую гордостью и сладострастием, а чистую, духовную, святую. Тщет-

[1] Прилож. Т. 4. С. 71. № 535. || [2] Соч. Т. 4. С. 504. || [3] Соч. Т. 1. С. 128.

но стремление человека служить Богу любовью, которая исходит из свойств падшего человека. Истинная любовь к Богу есть дар Божий. Изливается этот дар действием Святого Духа в души тех людей, которые омылись от греховной скверны и постоянством в подвиге очищения доказали свою способность к принятию этого великого дара.

Преждевременное стремление развить в себе чувство любви, по мнению Владыки, есть самообольщение, устраняющее от правильного служения Богу и вводящее человека в разнообразные заблуждения. Конец этого дерзостного стремления для грешного человека — гибель души.

Эту мысль Владыка раскрывает на примере истории Ветхого Завета. В книге Левит повествуется, что когда сыновья первосвященника Аарона Надав и Авиуд дерзнули принести в жертву Богу огнь чуждый, которого Господь не повелел приносить, то Он покарал их страшной казнью: исшел огонь от Бога и попалил их, и они умерли пред Господом (Лев. 10. 1, 2).

Чуждый огонь, по мнению святителя Игнатия, изображает любовь падшего естества, отчуждавшегося от Господа. Казнью жрецов, дерзнувших принести Богу этот огонь, изображается умерщвление души, которая вознамерилась принести Богу жертву нечистую. Священный огонь, который один разрешалось в Ветхом Завете употреблять при жертвоприношениях, символизирует собой благодатную любовь, исшедшую от естества обновленного и, следовательно, благоприятную Богу.

Грешника, возмечтавшего принести Богу свою нечистую любовь, ожидает наказание подобное тому, которому подверглись сыновья Аарона. Сыновья Аарона были отвергнуты Богом и вследствие этого погибли, душу грешника также ожидают отвержение и гибельное самообольщение.

Естественный правильный и безопасный путь к любви Божией епископ Игнатий, согласно мнению всех святых Отцов, видит в воспитании в своей душе страха пред Богом.

Чувство страха пред Богом нельзя понимать в грубом обычном понимании какого-то животного бессознательного страха. Нет! Чувство страха пред Богом есть одно из возвышенных чувств, которые доступны христианину. Епископ Игнатий свидетельствует, что только опыт открывает высоту этого чувствования. Он пишет: «Высоко и вожде-

ленно ощущение страха Божия! При действии его часто ум притупляет свои очи, престает произносить слова, плодить мысли: благоговейным молчанием, превысшим сло́ва, выражает сознание своего ничтожества и невыразимую молитву, рождающуюся от этого сознания»[1].

Чувство страха пред Богом, равное глубочайшему благоговению пред Ним, возникает у каждого христианина при размышлении о необъятном величии Божием и при сознании своей ограниченности, немощности и греховности.

Приступая к Господу, вступая на путь служения Ему, каждый человек должен вспомнить, с каким страхом и трепетом ангелы предстоят Ему.

«Если Он (Бог) умалил Себя для нас, приняв зрак раба по неизреченной любви к нам, то мы не имеем права забываться пред Ним. Мы должны приступать к Нему как рабы к Господу, как твари к Творцу...», — говорит Владыка. Далее он продолжает, что все небожители, окружающие непрестанно Господа, в страхе и трепете предстоят Ему. Преславные серафимы и пламенные херувимы не могут зреть славу Божию, они закрывают крыльями свои огненные лица и «в непрестанном вечном исступлении» вопиют «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!»[2].

Грешник может предстать пред Богом только в одежде покаяния. Покаяние делает христианина способным к принятию обильных даров Божиих, оно вводит его сперва в страх Божий, а потом постепенно в любовь. Страх Божий есть дар Всевышнего Бога, как и все дары, он испрашивается у Господа молитвою и постоянным деятельным покаянием. По мере преуспеяния в покаянии христианин начинает ощущать присутствие Божие, от которого появляется святое ощущение страха. Если при ощущении обычного страха человек старается удалиться от объекта, который вызывает страх, то духовный страх, наоборот, будучи действием Божественной благодати, имеет в себе свойство духовного услаждения и все более и более привлекает человека к Богу.

Священное Писание неоднократно говорит о страхе Божием и полагает его началом премудрости (Притч. 1. 7). Апостол Павел заповедал всем христианам: «Со страхом и

[1] Соч. Т. 4. С. 61. ‖ [2] Прилож. Т. 3. С. 92, 93. № 303.

трепетом спасение свое соделывайте» (Флп. 2. 12). Святые Отцы придают страху пред Богом в духовной жизни христианина огромное значение. Они различают в страхе Божием две степени: первоначальный страх — «вводительный», он свойственен начинающим, вставшим на путь духовного делания; второй страх — «совершенный», обитает в мужах, достигших в меру любви. Первый вид страха постепенно ослабевает в христианине по мере духовного преуспеяния и уступает место страху второму, «совершенному», и он постепенно, под действием Божественной благодати, преобразуется в любовь. Епископ Игнатий считал, что страх есть первое духовное проявление любви к Богу. Христианин, сподобившийся получить и развить в себе дар страха пред Богом, со временем может удостоиться и дара любви.

Любовь к Богу вселяется в сердце христианина от исполнения евангельских заповедей и получает постепенное развитие по мере совершенства в исполнении их. Для стяжания любви требуется неуклонное, постоянное исполнение евангельских заповедей, решительное отвержение греха и любви ко всему временному — требуется следование словам пророка, сказавшего: «Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия. Сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех» (Пс. 118. 127—128). Если христианин захочет любить Бога и в то же время не оставит любовь ко греху, и если на пути следования к Богу он непрерывно будет озираться назад и даже возвращаться к оставленному греху, он не достигнет цели. «Верность, — пишет святитель Игнатий, — непременное условие любви. Без этого условия любовь расторгается»[1].

Любовь к Богу должна обнимать все человеческое естество. Это заповедал Спаситель мира Иисус Христос, сказав: «Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всея души твоея, и всею крепостию твоею и всем помышлением твоим...» (Лк. 10. 27; Мф. 22. 37).

Истинная любовь к Богу исходит от всего сердца, всей души и всего ума. Все силы души, по мнению владыки Игнатия, и даже само тело может принять участие в стремлении к Богу. Прежде всего христианин направляет к Богу свою волю. Чтобы подчинить свою волю воле Божией, нужно

[1] Соч. Т. 1. С. 130.

подробно изучить ее. Воля Божия открыта во Святом Евангелии. Встав на путь исполнения евангельских заповедей и неуклонно шествуя по нему, христианин постепенно приучает себя к постоянному памятованию о Боге. Тщательное изучение Закона Божия, внимательное чтение Евангелия и всего Нового Завета, чтение творений святых Отцов — все это уже есть начало непрестанного памятования Бога. Домашняя молитва каждого и частое, по возможности, посещение храма также способствует памятованию о Боге. Молитвенное настроение, образовавшееся в часы домашней или общественной молитвы, в душе христианина сохраняется нередко в течение всего дня и приводит ум и сердце к Богу при всех дневных занятиях. Исполнение евангельских заповедей есть так же памятование Бога, непрестанное исполнение заповедей Божиих — есть постоянное памятование Бога.

Для возгревания постоянного памятования о Боге епископ Игнатий советует во исполнение слов Христа Спасителя: «Без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15. 5) — перед каждым делом молитвенно обращаться к Богу и испрашивать у Него благословения и помощи. Это «многознаменательное, святое, сильное, хотя и невидимое делание» завещали всем христианам многие угодники Божии.

Призывание Господа на помощь перед каждой беседой и перед каждым делом откроет внимательному делателю близость Бога ко всем, кто призывает Его. «Забытый человеком Бог, — говорит епископ Игнатий в одной из своих проповедей, — делается для человека как бы несуществующим, скрывается от человека: непрестанно воспоминаемый, как бы оживает, является, делается вездесущим и всемогущим, соприсутствующим человеку... Жительствуя и действуя под взорами Бога, человек охраняется с особенною тщательностию от грехов, заботится с особенною ревностию о исполнении заповедей Божиих...»[1]. Непрестанное памятование Бога постепенно приводит христианина к тому, что он «всем помышлением» своим начинает любить своего Творца.

Чтение Евангелия, творений святых Отцов, деятельное исполнение евангельских заповедей, домашняя и храмовая молитва, молитвенное обращение к Богу перед каждым на-

[1] Соч. Т. 4. С. 254, 255.

чинанием воспитывают в христианине непрестанное памятование Бога и являются теми блаженными деланиями, «которыми возделывается любовь к Богу».

Как уже говорилось, молитва есть делание, по которому можно определить степень любви человека к Богу. Рассеянная молитва свидетельствует о том, что сердце находится еще в плену страстей и неспособно к любви. Внимательная молитва есть признак оставления земных пристрастий и способности сердца прилепиться к Богу.

Не только в перечисленных деланиях, но вообще во всех христианских добродетелях нужно преуспеть христианину, чтобы стяжать любовь, ибо «любовь есть союз (совокупность) совершенства», как говорит апостол Павел (Кол. 3. 14).

Достигнув многотрудным путем покаяния искоренения из своего сердца страстей и пороков и насаждения евангельских добродетелей, христианин становится способным принять от Бога дар любви. Этот дар ниспосылается в сердце верного слуги Господня иногда совершенно неожиданно в то время, когда смиренная душа менее всего считала себя способной принять его. Любовь к Богу, воссияв в сердце христианина, производит в нем дивную перемену и приносит многие плоды.

Чтобы наглядно показать вселение в сердце подвижника любви к Богу и то состояние, которое переживает он при этом, епископ Игнатий приводит свидетельство о себе затворника Георгия.

«Хочу сказать несколько слов о сущности любви, — пишет Задонский затворник, — это самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны, они священны и изливаются на душу от Святого, Вездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца — всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно прелагаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все»[1]. Далее подвижник описывает, как дар любви коснулся его сердца. Проведя шесть лет в уединении, он пришел в совершенное сокрушение, впал в крайнее изнеможение, едва дышал, но непрестанно творил Иисусову молитву. «Вдруг, — пишет он, — в одно мгновение, вся немощь отпала, и огнь чистой любви

[1] Соч. Т. 2. С. 73, 74.

коснулся моего сердца: я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой, я до такой степени был восхищен, что уже желал, чтоб меня мучили, терзали, ругались надо мной, желал этого, чтоб удержать в себе сладкий огонь любви ко всем... Чем более нападений, тем более сердце разгорается святой любовью. И какая свобода, какой свет! Нет слов к изъяснению...»[1].

Вселение Христа в сердце христианина есть плод любви. Христианин, стяжавший в сердце своем любовь, становится храмом, в котором обитает Бог, по слову Иисуса Христа: «Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14. 23). Апостол Павел, достигнув этого блаженного состояния, мог с полной убежденностью сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос!» (Гал. 2. 20). К принятию в своих сердцах Господа призваны все христиане. «Или вы не знаете самих себя, — пишет апостол Павел коринфянам, — что Иисус Христос в вас, разве только вы не то, чем должны быть?» (2 Кор. 13. 5).

Преуспеяние в любви к Богу приносит в сердце христианина истинное утешение, наслаждение и просвещение. Любовь к Богу «сладостнее ощущения жизни», она совершенно изгоняет плотскую и душевную любовь; пребывает в тонком хладе, всегда ровная, она настолько сильна, что научает полагать душу за ближних, она научает человека правильному отношению ко всем и ко всему, она приносит святой мир и чистоту. Вот каковы плоды истинной любви, по учению епископа Игнатия.

Высока добродетель любви к Богу, она открывает сердце христианина для принятия в него Господа Бога и приносит многие дивные плоды. Любовь — удел всех святых, и пребудет она вечно.

Каждый христианин, начинающий шествовать по пути духовной жизни, должен помнить, что любовь есть высшая добродетель, и искренне считать себя недостойным этого дара и совершать свое спасение под водительством страха пред Богом.

Епископ Игнатий говорит: «Да возлежит на персях Иисусовых Иоанн, девственник и Богослов, учение, *егоже люб-*

[1] Соч. Т. 2. С. 73, 74.

ляше Иисус! (Ин. 21. 20). Да присоединятся к нему прочие святые Божии, наперсники святой любви! Здесь не наше место. Наше место в сонме прокаженных, расслабленных, слепых, глухих, немых, беснующихся. Мы принадлежим к числу их по состоянию душ наших и в числе их приступим к Спасителю нашему... чтобы тем вернее было для нас получение милости»[1].

XI. Предостережение епископа Игнатия от опасностей на пути спасения

1. О чтении книг, содержащих лжеучение

Епископ Игнатий неодобрительно относился к духовной литературе, написанной на Западе, и в этом вопросе был весьма принципиален и строг. Владыка признавал, что книги инославных писателей могут содержать хорошие мысли, но по своему духу они не соответствуют нравственному преданию Православной Церкви и чаще всего написаны людьми, подвиг которых имел неправильное направление. Такие книги наряду с истинными содержат и много ложных мыслей, и читающий их, часто сам того не замечая, уклоняется на путь лжи. «Опыт доказывает,— пишет Владыка,— как гибельны последствия безразборчивого чтения. Сколько можно встретить между чадами Восточной Церкви понятий о христианстве самых сбивчивых, неправильных, противоречащих учению Церкви, порочащих это святое учение,— понятий, усвоенных чтением книг еретических!»[2]

Отличие Святоотеческих писаний от произведений, написанных на Западе, епископ Игнатий усматривал в следующем. Подвижники Восточной Церкви всегда основывали свой подвиг на глубочайшем смирении; грехопадение человека было постоянным предметом их размышлений, постоянным занятием их был плач о своих грехах. Покаянием преисполнен весь их подвиг, и этим же спасительным чувством исполнили они свои писания. Святые Отцы приводят читателей к рассмотрению своих грехов, своего падения, к плачу о себе пред милосердием Создателя, к исповеданию Искупителя. Первоначально они обуздывают греховные влечения

[1] Соч. Т. 2. С. 74, 75. || [2] Соч. Т. 1. С. 117.

нашего тела, делают его способным к духовной деятельности, затем очищают ум от усвоившихся ему падением мыслей и заменяют их мыслями обновленного человека. После этого святые Отцы научают исправлению сердца — изменению его греховных навыков и ощущений. Последнее особенно трудно и требует продолжительного подвига. Чтобы заменить греховные навыки, свойства и чувствования навыками, свойствами и чувствованиями духовными, нужно умертвить в себе все греховные пожелания плоти и крови и подчинить тело, ум и сердце духу. Только после этого христианин становится способным к восприятию высших духовных видений. Таким путем шли все древние отцы Востока, и ему они учат в своих творениях.

Древние подвижники Запада, преподобный Венедикт и святой папа Григорий Двоеслов, были единомысленны с Востоком и в подвижнической жизни шли этим же путем, но со времени отпадения Запада от Восточной Церкви западные подвижники пошли иным путем. «Уже Бернард, — пишет епископ Игнатий, — отличается от них (наставников Востока) резкою чертою; позднейшие уклонились еще более»[1].

Западные писатели, оставив путь покаяния и очищения себя от страстей и пороков, сразу же влекут грешного человека в объятия любви и на высóты видений. «Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят»[2]. Понятие об истинной духовности утрачено у подвижников Запада, оно у них заменено разгоряченной и исступленной мечтательностью. Действия мечтательности и разгорячения они принимают за благодатные переживания. Кровь и нервы, тщеславие и тонкое сладострастие производят в сердце ложные утешения, наслаждения и упоения, которые обольщенный подвижник считает истинными. Все, незаконно подвизавшиеся, — по свидетельству святителя Игнатия, истинного подвижника, — находятся в этом состоянии.

В этом состоянии самообольщения на Западе написано множество книг, имеющих громкие, многообещающие названия.

Люди, не знакомые с нравственным преданием Восточной Церкви, с большим интересом и увлечением читают

[1] Прилож. Т. 3. С. 109. № 313. || [2] Там же.

подобные книги. Они тонко льстят их греховным чувствам и привлекают быстротою достижения высших переживаний. Человек, несведущий в духовной жизни, принимает эти переживания за истинные и, приняв ложь за истину, становится на путь самообольщения и гибели. «Не прельщайся громким заглавием книги, обещающим преподать христианское совершенство тому, кому нужна еще пища младенцев: не прельщайся ни великолепным изданием, ни живописью, силою, красотою слога, ни тем, что писатель — будто святой, будто доказавший свою святость многочисленными чудесами»[1], — убеждает епископ Игнатий своих читателей. Ясно и кратко изложил епископ Игнатий свое отношение к чтению святых Отцов и иностранных писателей в одном из писем к сестре своей Елизавете Александровне. Он пишет, чтобы она познакомилась с вечностью не по «романтическим иностранным книжкам», которые приводят к самообольщению, но под руководством Отцов Восточной Церкви, в творениях которых нет ничего «романтичного, мечтательного, льстящего и обманывающего ум и сердце». Чтение святых Отцов открывает человеку, каково должно быть его отношение к Богу, Творцу и Искупителю, и научает покаянием приближаться к Нему, а не льстить себя «сладостными чувствованиями мнимой духовной любви», о которой учат Фома Кемпийский, Франсуа де Саль и другие лжеучителя. «Духовная любовь есть достояние совершенных, а достояние благочестивых и спасающихся есть страх Божий, зрение своих грехов и недостатков, результат того и другого — сердце сокрушенно и смиренно, выражающееся покаянием. Вот истинное нравственное учение Православной Церкви, чуждое обмана и самообольщения»[2].

Особенно предостерегал Владыка своих пасомых от чтения книги западного монаха Фомы Кемпийского «Подражание Христу», которая в его время была переведена на русский язык, пользовалась большим успехом в светском образованном, но мало сведущем в религиозных вопросах обществе и даже переиздавалась несколько раз. В одном из писем святителя Игнатия можно прочитать следующее: «...Наслаждение обольщенного сердца похоже на притворную тишину, которою прикрыта поверхность глубокого,

[1] Соч. Т. 1. С. 117, 118. || [2] Прилож. Т. 4. С. 45. 46. № 520.

темного омута — жилища чудовищ. Между прочими обманчивыми тлетворными зефирами, навевающими на сердце эту страшную тишину, это бедственное, гибельное наслаждение навевает... и чтение известной книжки Фомы Кемпийского, западного монаха, находившегося в бесовской прелести, книжки «Подражание»[1].

Отрицательное отношение епископа Игнатия к книге Фомы Кемпийского и к другим произведениям западных писателей было основано не на предвзятом мнении недоверия ко всему инославному, а на многолетнем изучении подвига Отцов Восточной Церкви, в сравнении с которыми Владыка мог увидеть ложность направления подвижников Запада.

В письме к А. М. Горчакову, подтверждая свое отрицательное мнение о сочинении Фомы Кемпийского, епископ Игнатий свидетельствует: «...Мнение мое основано на долговременном изучении Отцов Православной Церкви»[2].

Книги, содержащие лжеучение, могут оставлять в душе глубокий след, поэтому христианину, по неведению читавшему их, нужно решительным отвержением воспринятых ложных мыслей и покаянием врачевать свою душу. «Если... ты, — обращается к христианину Владыка, — позволил исписать и исчеркать скрижали души разнообразным понятиями и впечатлениями, не разбирая благоразумно и осторожно — кто писатель, что он пишет, то вычисти написанное писателями чуждыми, вычисти покаянием и отвержением всего богопротивного»[3].

Книги, содержащие неправославное учение, можно читать лишь совершенным мужам, тем, у кого мысли в сердце просвещены Святым Духом. В древние времена пастыри Церкви Христовой читали еретические книги с той целью, чтобы обличить заблуждения и предостеречь своих пасомых от еретического учения.

Не только от книг, написанных на Западе, предостерегал епископ Игнатий: где бы ни была написана книга, но если автор ее не следует учению Православной Церкви, мирянину лучше воздержаться от чтения ее. «Всякому, не принадлежащему Восточной Церкви, единой святой, писавшему о Христе, о христианской вере и нравственности, при-

[1] Прилож. Т. 3. С. 25. № 280. || [2] Там же. С. 365. № 466. || [3] Соч. Т. 1. С. 115.

надлежит имя лжеучителя»[1], — считал епископ Игнатий. Владыка рекомендует христианину не только не читать книги лжеучителей, но и не беседовать о христианстве с людьми, зараженными еретическим учением.

Каждый, кому дорого свое спасение, должен внимательно отнестись к изложенным здесь предостережениям епископа Игнатия.

Ревностный христианин всегда будет исполнителем наставления богомудрого Святителя: «Оставь... беспорядочное чтение, наполняющее ум понятиями сбивчивыми, превратными, лишающее его твердости, самостоятельности, правильного взгляда, приводящее в состояние скептического колебания. Займись основательно изучением Восточной Церкви по ее преданию, заключающемуся в писаниях святых Отцов. Ты принадлежишь этой Церкви? Твоя обязанность узнать ее как должно»[2].

2. Ложное направление духовной жизни

Следуя учению святых Отцов, Преосвященный Владыка считал, что человечество после грехопадения находится в состоянии самообольщения. Диавол ложью прельстил первых людей; праотцы, прельстившись, признали истиною ложь, и с того времени естество человека заражено ядом зла — имеет склонность к прелести. «Надо признать — и это признание будет вполне справедливым, — надо признать, что все мы, человеки, находимся больше или меньше в самообольщении, все обмануты, все носим обман в себе. Это — следствие нашего падения, совершившегося чрез принятие лжи за истину, так всегда падаем и ныне», — учил Владыка[3].

В прелести, в широком смысле этого слова, находится все человечество в состоянии грехопадения, потому что все человеческое естество повреждено ложью. Говоря о прелести, присущей всем людям, епископ Игнатий приводит слова преподобного Симеона Нового Богослова, который сказал: «Господь наш Иисус Христос потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из злейшей прелести». В прелесть впадает тот человек, который развил в себе до

[1] Соч. Т. 1. С. 117. ‖ [2] Прилож. Т. 3. С. 83. № 299. ‖ [3] Там же. С. 18. № 278.

крайности общение с диаволом и стал его храмом и орудием. Источником прелести, как всякого зла, всегда был диавол.

Человеку по искуплении предоставлена свобода повиноваться Богу или диаволу, и для того, чтобы свобода могла обнаруживаться непринужденно, диаволу оставлен доступ к человеку. Диавол хочет оставить человека у себя в порабощении и по искуплении, для этого он употребляет обыкновенное свое орудие — ложь. Он старается обмануть человека, опираясь на его греховное естество, возбуждает страсти и, придавая им благовидность, склоняет к удовлетворению их, развивает в человеке самообольщение и стремится через это привести его в большее подчинение себе.

Человек, уверовавший в Христа Спасителя, действуя под руководством Евангелия, укрощает страсти и этим постепенно выводит себя из состояния самообольщения и подчиненности падшим духам в область истины и свободы.

Христианин, не следующий учению Христову, живущий по своей воле и разуму, удобно подчиняется диаволу и из состояния самообольщения переходит в состояние бесовской прелести. Самообольщение и неразрывно связанная с ним гордость всегда бывают причиной падения человека в прелесть.

Преподобный Григорий Синаит сказал: «Вообще одна причина прелести — гордость». Продолжая эту мысль, епископ Игнатий пишет: «В гордости человеческой, которая есть самообольщение, диавол находит себе удобное пристанище и присоединяет свое обольщение к самообольщению человеческому. Всякий человек более или менее склонен к прелести, потому что природа каждого человека уязвлена гордостию.

Епископ Игнатий учил, что прелесть первоначально действует на образ мыслей, постепенно сообщается сердцу — извращает сердечные ощущения, покорив себе всего человека, прелесть отражается и на всей деятельности человека — овладевает даже самим его телом[1].

Как разнообразны человеческие страсти, так многообразны и состояния людей, подверженных бесовской прелести, и насколько порабощен человек лжи, настолько и сильна бывает прелесть, объявшая его.

---

[1] Соч. Т. 1. С. 231, 232.

В прелесть христианин может уклониться, упражняясь неправильно любым видом подвига. Для подтверждения этой истины епископ Игнатий приводит слова преподобного Макария Великого, который сказал: «Со всею осмотрительностию до́лжно наблюдать устрояемые врагом (диаволом) со всех сторон козни, обманы и злоковарные деяния. Как Святый Дух через Павла всем служит для всех, так и лукавый дух старается злобно быть всем для всех, чтоб всех извести в погибель. С молящимися притворяется и он молящимся, чтоб по поводу молитвы ввести в высокоумие, с постящимся постится, чтоб обольстить их самомнением и привести в умоисступление, с сведущими Святое Писание и он устремляется в исследование Писания, ища по видимому знания, в сущности же стараясь привести их к превратному разумению Писания; с удостоившимися осияния светом представляет и он имеющим этот дар, как говорит Павел: *сатана преобразуется в ангела светла* (2 Кор. 11. 14), чтобы, прельстив привидением как бы света, привлечь к себе. Просто сказать: он принимает на себя для всех всякие виды, чтоб действием, подобным добру, поработить себе подвижника и, прикрывая себя благовидностию, низвергнуть его в погибель»[1].

Епископ Игнатий свидетельствует, что ему случалось видеть старцев, которые занимались исключительно усиленным телесным подвигом и пришли от него в величайшее самомнение и самообольщение. Их душевные страсти — гнев, гордость, лукавство, непокорность — получили необыкновенное развитие. Самость и самочиние преобладали в них. Они с ожесточением отвергали все спасительные советы и предостережения, не повинуясь даже святителям, они попирали не только смирение и скромность, но даже правила приличия, выражая самым наглым образом пренебрежение к начальству.

Все многообразие прелести Владыка относит к двум главным видам: первое — прелесть, которая возникает от неправильного действия ума, и второе — прелесть от неправильного действия сердца. Первый вид прелести может возникнуть у подвижника при неправильном направлении молитвенного подвига. Если христианин, молясь, будет со-

[1] Соч. Т. 1. С. 222.

чинять в своем уме различные мечтания и рисовать пленительные картины, то он не избежит пагубной прелести. Все великие христианские наставники воспрещают при молитве не только самому сочинять мечтания, но и принимать образы, которые могут представиться подвижнику непроизвольно. От принятия и услаждения произвольными и непроизвольными мечтаниями подвижник непременно придет к душевному расстройству и прелести. Предостерегая христианина от мечтательной молитвы, епископ Игнатий приводит слова преподобного Григория Синаита, который пишет: «Никак не прими, если увидишь что-либо, чувственными очами или умом, вне или внутри себя, будет ли то образ Христа, или Ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! Не позволь себе доверить чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое, пребывай хладным к нему и чуждым, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не составляющим из себя никакого изображения и не запечатленным никаким изображением. Увидевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно, удобно впадает в прелесть, по крайней мере обнаруживает свою наклонность и способность к прелести как принимающий явления скоро и легкомысленно... Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайней осмотрительностию наблюдает за собой, если он и не примет чего, посланного от Бога, но рассмотрев посланное со всею тщательностию, напротив того, Бог похваляет такого за его благоразумие»[1].

Принимающий при молитве мечтания заимствует их из своего самообольщения, своей гордости и обманывает сам себя. Все, что представляет он себе, есть вымысел и не существует на самом деле. Мечтатель из области истины вступает в область лжи и отца лжи — диавола.

Истинные христиане всех времен, опасаясь прелести на поприще духовной жизни, ни в чем не доверяли себе и старались жить по совету опытных людей, оберегая себя этим от самообольщения. Преслушание старших и своя воля могут привести христианина к прелести.

[1] Соч. Т. 1. С. 235, 236.

Поразительный пример бесовского обольщения, происшедшего от неправильной молитвы, Владыка приводит из воспоминаний своих юношеских лет. В 1824—1825 годах он, учась в Инженерном училище, посещал в Александро-Невской Лавре монаха Иоанникия, ученика старцев Феодора и Леонида, и совещался с ним о своих помыслах. Посещали о. Иоанникия и многие другие миряне. Ходил к нему и солдат Павловского полка Павел. Он недавно обратился из раскола. Лицо его сияло радостию. Имея весьма скудные понятия о духовном подвиге, Павел предался неумеренному телесному подвигу, несообразному с его телесными силами, и мечтательной молитве. Однажды ночью, когда он стоял на молитве, около икон внезапно явился солнцеобразный свет и посреди него — сияющий белизной голубь. «Приими меня: я — Святый Дух, пришел соделать тебя моею обителью», — такой глас раздался от голубя. Павел выразил радостное согласие. Голубь вошел в него через уста, и Павел, изнуривший свое тело постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть, оставил молитву и убежал в блудилище. С того времени он посещал все доступные для него притоны. Через несколько лет он опомнился. Свое обольщение бесовским явлением он изложил в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. Епископ Игнатий был в то время послушником старца Леонида; по благословению старца он читал это письмо и засвидетельствовал, что в письме проявилось прежнее его высокое состояние.

Некоторые подвижники, впавшие в первый вид прелести, окончили свою жизнь самоубийством. Происходит это оттого, что среди ложного наслаждения, доставляемого бесовской прелестию, иногда приходят минуты, в которые прелесть обнажает себя и дает вкусить себя такой, какая она есть. В эти минуты прельщенный чувствует невыносимую душевную горечь и отчаяние. Эти минуты с очевидностию говорят о неправильности всего душевного направления, но так как начало прелести гордость, то прельщенный упорно признает себя сосудом благодати Святаго Духа, не внимает спасительным советам ближних и не принимает никаких мер к исцелению себя. Идет время, а припадки отчаяния становятся все сильнее, и наконец отчаяние обращается в умоисступление и оканчивается самоубийством.

Епископ Игнатий сообщает, что такая трагедия произошла в начале девятнадцатого столетия в Софрониевой пустыни. Там жил схимонах Феодосий, проводивший возвышенный образ жизни, так это казалось братии и мирским посетителям обители. Однажды ему представилось, что он восхи́щен в рай. Свое видение он подробно пересказал настоятелю и выразил сожаление, что видел в раю себя одного и не видел никого из братии. Эта черта ускользнула от внимания доверчивого настоятеля, он поверил истинности видения, собрал всю братию, пересказал им о видении схимонаха и увещевал всех вести более строгий образ жизни. Однако со временем начали обнаруживаться странности в действиях схимонаха. Кончилось же тем, что схимонах был найден удавившимся в своей келье.

Второй вид прелести происходит в том случае, если подвижник, исполнившись гордости и безрассудства, будет стремиться развить в своем сердце ощущения святые и духовные, к которым он еще не способен. «Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения из себя, ими обманывает себя и обольщает, так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет из себя или льстит себе, обольщает, обманывает, губит себя...», — пишет владыка Игнатий.

Второй вид прелести, по мнению Владыки, одинаково душепагубен, как и первый, но проявляется он менее явно. Он редко приводит к сумасшествию и самоубийству, но решительно растлевает как сердце, так и ум.

Прелесть, возникающая в сердце по производимому состоянию в уме, названа святыми Отцами «мнением». Подверженный «мнению» «мнит о себе», составляет о себе мнение праведности. «Мнение» всегда основывается на ложных понятиях и ложных ощущениях и принадлежит к области отца лжи — диавола. Думающие о себе, что они праведны и преисполнены дарами Святаго Духа, чтобы поддержать в окружающих людях свое достоинство, способны на лицемерство, лукавство и обман. На тех, кто не признает их мнимой святости, они распаляются непримиримою враждою и ненавистью.

Одержимый «мнением» теряет способность духовного преуспеяния. Обманывая себя, он думает, что достиг уже святости, и гордость, всегда сопутствующая мнителю и питающая его мнение, не дает ему возможности увидеть свое истинное положение.

Преосвященный Владыка пишет: «Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя «мнением» заграждает этим «мнением» вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати — открывает вход греховной заразе и демонам»[1].

Основываясь на мнении преподобного Макария Великого, сказавшего, что нет ни одного человека, совершенно свободного от гордости, епископ Игнатий говорит, что нет людей, которые были бы свободны от действия на них «утонченной прелести, называемой «мнением».

Следствиями «мнения» бывают еретические мысли, богохульство и раскол. Множество душевредных книг написано в этом состоянии. Иногда «мнение» приводит свою жертву к очевидной для всех катастрофе. Епископ Игнатий приводит следующий пример гибели подвижника, подверженного прелести «мнения». На Валаамском острове некий схимонах Порфирий возомнил о себе, что от усиленного подвига он стал легким и может перейти глубокий залив по очень тонкому льду. Отвергнув предостережения старцев, схимник ступил на лед, но недолго шел он. «Мнение» погубило мнителя, лед проломился, и он погиб.

Ярко выраженная прелесть (как первого, так и второго вида) бывает чаще всего у безмолвников, но и многие люди, живущие среди общества, из-за неправильного направления подвига часто подвергаются тяжкой прелести. Так было во времена епископа Игнатия, так было и до, и после него.

Трудно, почти невозможно христианину, одержимому прелестью, отказаться от нее и вернуться на правильный

[1] Соч. Т. 1. С. 248.

спасительный путь. «Труден выход из самообольщения, — свидетельствует Святитель-подвижник. — У дверей стоит стража, двери заперты тяжеловесными крепкими замками и затворами, приложена к ним печать бездны»[1].

Замками и затворами Владыка называл гордость, тщеславие, лицемерство и лукавство самообольщенных, адской несокрушимой печатью — признание действий самообольщения действиями благодатными.

Чтобы выйти из прелести, нужен богомудрый наставник, который мог бы вовремя заметить прелесть и исторгнуть ее плевелы из души; если же прелесть укрепилась в душе, нужен дерзновенный пастырь-молитвенник, который своей молитвой мог бы отогнать духов тьмы от души прельщенного и вывести ее из области лжи к Свету и Истине — Христу.

Христианин, подверженный прелести, если и сможет с большими усилиями отказаться от нее, то по причине душевного расстройства, причиненного прелестью, бывает неспособен к прохождению возвышенного христианского подвига.

Каждый христианин, заботящийся о своей душе, должен знать о том, что ложное направление в духовной жизни приводит к прелести, и поэтому усиленно стараться шествовать истинным путем, чтобы вместо спасения не унаследовать погибель.

Как христианину избежать прелести во всех ее многоразличных проявлениях? В «Отечнике» епископ Игнатий приводит слово Антония Великого: «Люби смирение, оно покроет тебя от грехов». Только истинное смирение избавляет христианина от всех опасностей в духовной жизни.

По мнению Владыки, смирение должно идти рядом с подвигом. Подвиг без смирения не только не приносит никакого плода, но вводит в высокоумие, осуждение других, в обольщение и прелесть.

Владыка Игнатий смирению давал даже явное предпочтение пред подвигом, считая, что если человек не будет нести никаких подвигов, но преуспеет в смирении, он достигнет того же совершенства, какое достигается подвигом.

---

[1] Соч. Т. 1. С. 106.

Часть вторая

Духовная жизнь монаха

I. Учение епископа Игнатия о монашестве

Первой любимой книгой святителя Игнатия было «Училище благочестия», содержащее назидательные рассказы о древних великих иноках-подвижниках.

Уже из этой книги юный подвижник мог почерпнуть много сведений о монашестве древних времен.

Затем в Инженерном училище будущий учитель иноков занялся глубоким изучением Святоотеческих творений, преимущественно его интересовали древние аскеты-наставники иноков. Начав изучение святых Отцов на школьной скамье, епископ Игнатий не прекращал его до самой своей блаженной кончины. Святитель Игнатий изучил писания святых Отцов о монашестве глубоко и всесторонне.

Практическое ознакомление Преосвященного Игнатия с монашеством началось также в годы учения. Посещая Валаамское подворье в С.-Петербурге, а затем и Александро-Невскую Лавру, пытливый юноша, несомненно, уже тогда начал изучать в доступной для посетителя обителей степени монашескую жизнь.

С 1827 года, с момента его вступления в число послушников Александро-Свирского монастыря, и до конца своих дней, в течение 39-ти лет, Преосвященный живет в монастырях, среди монахов и практически сам проходит трудное поприще монашеского делания.

За этот длительный срок епископ Игнатий посетил более 30-ти монастырей, в девяти из них он жил продолжительное время.

Как положительные, так и отрицательные стороны монашеской жизни епископ Игнатий в период скитания по монастырям и за время управления тремя монастырями изучил в совершенстве (Лопотовым монастырем, Троице-Сергиевой пустынью и Николо-Бабаевским монастырем).

Свой взгляд на монашество епископ Игнатий раскрывает в нескольких статьях своих «Аскетических опытов». Пятый же том его творений полностью посвящен монашеству его

времени. В нем Епископ-аскет изложил свой опыт монашеского делания, основанный на учении святых Отцов и опытно проверенный собственной жизнью. Много ценных советов о монашеской жизни содержится и в переписке епископа Игнатия с монашествующими.

Богоустановленность монашества. Епископ Игнатий глубоко убежден, что монашество есть установление Божественное, а не человеческое, и возводит его начало ко временам святых Апостолов.

Основываясь на мнении преподобного Кассиана (инока и писателя IV века), епископ Игнатий пишет, что впервые наименование монахов получили ученики святого апостола и евангелиста Марка — первого епископа Александрии. Удалившись в глухие предместья Александрии, ученики Евангелиста проводили возвышеннейшее жительство, руководствуясь правилами, преподанными им Апостолами.

Вслед за многими святыми Отцами епископ Игнатий монашество сравнивал с подвигом мученичества. Как мученичество, так и монашество не есть изобретение человека, а даровано человечеству Господом и основывается на одних и тех же заповедях Христа Спасителя. Подвиг мученичества и монашества вышеестественен и не может быть совершен без всесильной помощи Божией.

Подобно мученичеству, монашество начинается с отречения от мира и «Богу содействующу» всесовершенным умерщвлением своей души и тела для живущих в них греховных навыков и всецелой отдаче себя воле Божией.

Как мученики, так и истинные монахи по мере прохождения своего сверхъестественного подвига обнаруживали обилие благодатных дарований.

По мнению епископа Игнатия, «подвиг некоторых святых иноков кажется более непостижимым по сверхъестественности своей, нежели даже подвиг мученика»[1].

В этом можно убедиться, говорит епископ Игнатий, если прочитать жития святых иноков Марка Фракийского, Онуфрия Великого, Марии Египетской и многих других.

Зависимость монашества от общего уровня христианства. Считая монашество Богоустановленным и уподобляя его под-

[1] Соч. Т. 2. С. 346 и Т. 1. С. 471.

вигу мученичества, епископ Игнатий никогда не отделяет его от Богоустановленного христианства. Если преуспевает в мире христианство — наступает и расцвет монашества; если же ослабевает христианство в мире — клонится к упадку и монашеская жизнь. Упадок нравственности монахов находится в тесной зависимости от нравственности мирян. Между христианами, живущими в мире, и монахами — христианами, живущими в монастырях, по наблюдениям епископа Игнатия, всегда существовала самая тесная связь.

В дни жизни епископа Игнатия монашество подвергалось со стороны многих светских лиц справедливым и еще чаще несправедливым нападкам. Постепенный упадок нравственности среди мирян и связанное с ним ослабление нравственности в монастырях епископ Игнатий подтверждает следующим примером.

Однажды С.-Петербургский митрополит Серафим, беседуя с архимандритом Игнатием об умножении бракоразводных дел в Консистории, сказал, что когда он был викарием в Москве, то бракоразводных дел в Консистории бывало в год одно или два; архиереи же старцы в то время говорили епископу Серафиму, что в их молодости бракоразводных дел вообще не существовало. «Вот факт, — заключает это повествование епископ Игнатий, — живописующий нравственность прежнего времени и ход ее к настоящему положению, ход быстрый, неутешительный»[1].

Основываясь на свидетельствах старцев-иноков, с которыми епископ Игнатий так часто любил беседовать, он пришел к выводу, что еще в начале XIX столетия вступало в монастырь много лиц, сохранивших девство, никогда не вкушавших вина, хорошо изучивших Священное Писание и творения святых Отцов и не расстроивших своего воображения чтением пустых светских книг, людей, не растерявших свое здоровье злоупотреблениями, привыкших часто посещать храм и имеющих многие другие благочестивые навыки. Они, получив строгое благочестивое воспитание в миру, становились строгими и сильными монахами по душе и телу.

Но во время прохождения самим епископом Игнатием многотрудного монашеского поприща нравственность христиан значительно понизилась. Долгая жизнь в монастырях

[1] Соч. Т. 1. С. 478.

убедила Владыку в том, что вступление в его время девственника в монастырь было величайшей редкостью, почти не встречалось среди вступающих в монастырь людей, не стяжавших в мире порочных навыков и не расстроивших злоупотреблениями своего здоровья. Большинство вступавших в монастырь были слабы телом и душою, с расстроенным воображением, с притупленной совестью. Для подобных людей борьба с собой, личный подвиг нравственного совершенствования был, по заключению владыки Игнатия, весьма затруднителен. «Вступили они в монастырь, — пишет он, — сняли мирские одежды, облеклись в черные одежды иноческие, но навыки и настроение, получаемые в мирской жизни, остались с ними и, пребывая неудовлетворенными, приобретают новую силу»[1].

Сознавая ослабление христианства и тесно связанного с ним монашества, епископ Игнатий с горечью видел в этом «недуг общий» и призывал как монахов, так и мирян: «Восплачем о нем вместе и вместе позаботимся о исцелении его!»

Мнение епископа Игнатия о монашестве его времени. Несмотря на то, что во времена святителя Игнатия на Русской земле были сотни обителей, открывались новые монастыри, во многих обителях воздвигались великолепные храмы и монастырские здания, многие обители изобиловали насельниками, духовный взор богомудрого архипастыря за всем этим внешним благоустройством видел картину весьма малоутешительную.

Как при встрече с человеком Владыка видел состояние души того, с кем он беседовал, и никогда внешность человека и его мирское положение не имели преобладающего значения для составления мнения о нем, так и внешнее благоустройство Российских монастырей не остановило Преосвященного Игнатия произнести весьма скорбные для его сердца слова. В конце своей жизни в 1864 году Владыка писал своему другу игумену Антонию: «О монашестве я писал Вам, что оно доживает в России, да и повсюду, данный ему срок, отживает оно век свой вместе с христианством. Восстановления не ожидаю. Восстановить некому...»[2]. В другом письме к нему же епископ Игнатий сравнивает

[1] Соч. Т. 1. С. 479. || [2] Прилож. Т. 2. С. 200. № 112.

положение монастырей с весенним снегом в последних числах марта и первых апреля; снаружи кажется, что «снег как снег», а под низом его уже повсюду весенняя вода, которая растворит снег при первой «вспомогательной атмосферной перемене». С большой грустью великий поборник монашества в России отмечал, что в обителях «весьма часто актерской наружностью маскируется... безнравственность», и что «истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров».

В чем скрывались причины столь бедственного состояния монастырей при их видимом благоденствии и процветании?

Епископ Игнатий ясно указывает эти причины. Мы уже говорили о тесной связи, которую видел Преосвященный между христианским миром и монашеством.

В ослаблении христианства вообще в людях заключалась первая и основная причина ослабления монашества: «Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская, ослабела иноческая жизнь и потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовной силой»[1].

Вторая и не меньшая причина ослабления монашества, по мнению епископа Игнатия, состояла в почти повсеместном оставлении в монастырях внутреннего духовного делания, которому он, вслед за святыми Отцами, придавал первостепенное значение. «В современном монашеском обществе, — пишет он, — потеряно правильное понятие об умном делании. Даже наружное благочинное поведение ...почти всюду оставлено...» «Теперь всё искоренилось, осталась одна личина благочестия, сила иссякла. Может быть, кроется где-либо, как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего. Без истинного умного делания монашество есть тело без души»[2].

Как следствие оскудения духовного подвига в монашестве явилось в России почти полное оскудение истинных старцев-руководителей, способных вести за собой монашествующих к духовному преуспеянию.

---

[1] Соч. Т. 1. С. 564. «Мой плач». || [2] Прилож. Т. 2. С. 201. № 112.

Несмотря на столь плачевное состояние монашества в духовном отношении, епископ Игнатий имел в себе столько внутренней силы, основанной на вере во всеблагой Промысел Божий, что умел и в современном ему монашестве отыскать положительные стороны и верил в духовное преуспеяние будущих иноков. Он писал: «...Еще монастыри, как учреждение Святаго Духа, испускают лучи света на христианство, еще есть там пища для благочестивых, еще есть там хранение евангельских заповедей, еще есть там строгое догматическое и нравственное Православие; там, хотя редко, крайне редко обретаются живые скрижали Святаго Духа»[1].

Такой живой скрижалью Святаго Духа был прежде всего сам Преосвященный. Он, проведя бóльшую часть своей жизни в обителях, несмотря на многие несовершенства монастырей своего времени, выражал перед кончиной полное удовлетворение избранным путем. В 1861 году Святитель писал своему другу Михаилу Чихачову: «Великая к нам милость Божия, приведшая нас в монастырь. Это благо выше всех земных благ».

Посвящение владыкой Игнатием пятого тома своих творений специально в «приношение современному монашеству» наглядно говорит о том, что он верил в возможность духовного преуспеяния иноков в его время и в будущие времена.

Сознавая истинное положение монашества своего времени, Владыка с любовью писал, а в конце своей жизни собрал и напечатал свои произведения и принес их в «дар возлюбленным отцам и братиям, современным инокам». И несомненно, епископ Игнатий верил, что его творения, содержащие учение о духовном подвиге инока, будут способствовать воспитанию многих истинных иноков.

Епископ Игнатий о мерах возвышения духовной жизни монашества. Относясь к монашеству с большой любовью и благоговением, епископ Игнатий признавал, что в Божественное установление, каковым он признавал монашество, может в практической жизни проникнуть злоупотребление человеческое.

Хорошо зная положительные и отрицательные стороны монашеской жизни, Владыка лучше чем кто-либо понимал, чем можно возвысить монашескую жизнь.

[1] Соч. Т. 1. С. 564. «Мой плач».

Во время епископа Игнатия многих интересовал вопрос возрождения монастырей. Предполагались всевозможные меры к этому. Но все эти предложения, исходившие чаще всего от холодного ума, полного незнания практической монашеской жизни, а иногда и открытой неприязни к монашеству, не могли, конечно, принести ему пользы.

В одном из писем к игумену Антонию Владыка с полной решительностью осуждал все предложения «теористов» — так называл он лиц, практически не знакомых с монашеством. Преосвященный писал: «...Ныне некоторые... берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно — великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих, и дела Божия: такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду. Заметно, что древний змий употребляет их в оружия умножения в монастырях житейской попечительности и подъяческого характера, чем решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты»[1].

Одной из мер к улучшению монашества, по мнению многих «теористов» того времени, было издание закона, воспрещавшего вступление в монастырь молодым людям. Этой мерой светские люди думали устранить всякие соблазны в монастырях. Епископ Игнатий решительно осуждал это намерение. По данному вопросу он писал: «Мера, по наружности столько благоразумная, долженствующая, по теории плотского мудрования, оградить и возвысить монашество, в сущности есть не что иное как мера, сильная и решительная к уничтожению монашества»[2].

На основании своего собственного опыта Преосвященный Игнатий считал, что к изучению «науки из наук» — монашества нужно приступать в юном возрасте со свежими способностями, с полной восприимчивостью и с неизреченной душевной энергией.

Монашество доставляет человеку самые глубокие и основательные познания в «экспериментальной психологии и в Богословии» — сообщает деятельное живое познание о человеке и Боге. Если к светским наукам, для лучшего восприятия их, лучше приступать в юном возрасте, то тем бо-

[1] См.: Прилож. Т. 2. С. 200. № 112. || [2] Соч. Т. 1. С. 480.

лее монашество — наука, открывающая путь к христианскому совершенству, — должно быть изучено с раннего возраста.

Каждому монаху предстоит борьба с греховным естеством. Вступивший на этот путь борьбы в юном возрасте достигает бóльших результатов, так как он не окован еще греховными навыками и его воля не расслаблена греховными похотями.

Епископ Игнатий из опыта знал, что лучшими монахами бывают те, кто вступил в монашество в юном возрасте.

Преобладающее большинство поступающих в монастыри состоит из юношей. В зрелом возрасте в монастыри вступают очень немногие, а в старости редкие.

Вступившим в обитель в зрелом и в пожилом возрасте очень трудно бывает привыкнуть к монастырской жизни, они часто возвращаются в мир и, по замечанию епископа Игнатия, даже не могут понять, что значит «монашество».

Те же из них, кто остается в обителях, редко бывают способны к истинному монашескому деланию и чаще всего способны усвоить лишь внешнюю сторону монашеской жизни.

На основании тщательного изучения житий святых епископ Игнатий убедился, что большинство преподобных иноков вступило в монастыри в юном возрасте (около 20 лет).

«Старость была признана святыми Отцами не способной к монашеской жизни[1], — пишет Преосвященный Игнатий, — ...она окрепла в навыках и образе мыслей, притуплены ее способности... Напротив того, многие отцы вступили в монастыри в детском возрасте и достигли высокого духовного преуспеяния по причине цельности произволения, непорочности, прямого стремления к добру и восприимчивости, столько свойственной детскому возрасту»[2].

На основании всего вышеизложенного епископ Игнатий в долгие годы управления тремя обителями всегда с радостию принимал в свою обитель юных и очень был осторожен, принимая поступающих в зрелом возрасте.

Зная из своего целожизненного опыта, что как воспрещение молодым людям вступать в обители, так и другие надуманные меры не принесут пользы монашеству, епископ

[1] Исключения из этого правила весьма редки. Например, преподобный Павел Препростый, но и его первоначально преподобный Антоний Великий не хотел принять в обитель, считая, что старость не способна к иноческим подвигам. Павлу Препростому было 60 лет. || [2] Соч. Т. 1. С. 481, 482.

Игнатий в то же время всей душой осознавал необходимость возрождения монашества. При этом он понимал, насколько трудное это дело и с какой осторожностию и осмотрительностию нужно приступать к нему.

В одном из писем он писал епископу Леониду (Краснопевкову): «Спаси Вас, Господи, за любовь Вашу к монашеству... Старые здания должно исправлять с большой осмотрительностию и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение»[1].

Владыка Игнатий в глубине души свой сознавал, что никакие внешние мероприятия не способны улучшить состояние монашества, что возродить его могут лишь «мужи духоносные», знающие как теорию, так и практику монашеской жизни, что возрождение монашества должно начаться изнутри, из самого монашества.

Знал святитель Игнатий и то, что возрождение монашества не произойдет до тех пор, пока каждый инок не будет вести правильную духовную жизнь.

В своих богомудрых творениях он преподал как современному ему монашеству, так и всем последующим поколениям иноков прекрасное руководство для прохождения правильного внутреннего подвига, который один может возродить греховное человеческое естество. «Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов... Он, один он может ввести в монастыри и поддержать в монастырях строго-нравственный порядок... образуя в братстве духовную силу и связь», — писал епископ Игнатий[2].

Лишь правильная духовная жизнь инока приводит его к духовному обновлению, и в этом обновлении каждого инока заключается тайна возрождения всего монашества.

II. Телесный и духовный подвиг монаха

Телесный подвиг. Вновь вступивший в обитель должен первоначально приучить себя к правильному прохождению телесного подвига.

Телесный подвиг обнимает наружное поведение инока в монастыре, монастырские послушания и все подвиги, со-

[1] См.: Прилож. Т. 2. С. 36. № 18. || [2] См.: Там же. С. 8. № 4.

вершаемые при участии тела: пост, стояния на молитве, земные поклоны и т. д.

Сам Владыка по вступлении своем в монастырь, несмотря на слабость своих физических сил, прошел суровую школу трудовых послушаний. Он работал на поварне, в трапезной, на рыбной ловле, а исполняя послушания келейника у отца Леонида, был у него даже кучером.

Опытно зная пользу от трудовых послушаний, епископ Игнатий считал, что физический труд необходим для каждого новоначального инока, особенно для того, кто имеет крепкое здоровье. Но истинную пользу приносит тот труд, который избран не по своей воле, а назначен монастырским начальством «за послушание». «Произвольные труды, совершаемые по прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, но, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке, совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, то есть от евангельского смиренномудрия»[1], — писал Пресвященный.

Посильные физические «послушания» приучают инока отсекать свою греховную волю, приучают к послушанию и способствуют укрощению страстей, гнездящихся в сердце каждого человека.

Сравнивая человеческое сердце с землею, епископ Игнатий говорит, что как земля нуждается в обработке различными орудиями: лопатами, плугами, боронами, так и человеческое сердце — центр плотских ощущений и плотского мудрования — нуждается в обработке постом, бдениями, коленопреклонениями и другими телесными подвигами. Как если земледелец посеял семена в землю, предварительно не обработав ее, то он не получит от этого никакой пользы и понесет убыток, так и тот, кто предварительно телесным подвигом не обуздает плотских влечений сердца и плотских влечений ума и вздумает заняться насаждением в своем сердце заповедей Христовых, — не преуспеет и может впасть в самообольщение и бесовскую прелесть. Совершенное оставление телесного подвига делает инока «подобным скотам», ибо где нет телесного подвига, там открывается сво-

[1] Соч. Т. 5. С. 8.

бода и простор телесным страстям. Телесный подвиг нужен, по мнению епископа Игнатия, не только для новоначальных, но и для людей святых, преисполненных Святого Духа, чтобы тело их, оставшись без обуздания, не ожило для страстных движений и не породило скверных ощущений и помыслов.

Зная, что духовная жизнь монаха начинается с внешнего благочестивого поведения, учитель иноков — епископ Игнатий в начале пятого тома своих сочинений «Приношения современному монашеству» поместил 60 правил наружного поведения для новоначальных иноков. В этих сравнительно кратких правилах мудрый Архипастырь сконцентрировал самую «соль» внешнего поведения инока.

Объяснив назначение монастыря (правило 1), Епископ говорит, как должен вести себя в нем новоначальный (2—3 правила); что основным занятием его должна быть молитва (5, 6); каково должно быть внешнее поведение новоначального в храме, в алтаре, вне храма и в трапезе (7—18, 23, 25, 28, 38). Описывает, как должен он относиться к старшим (39) и вообще к братии (40). Здесь же даны наставления, чего должен избегать новоначальный (42) и к чему стремиться (1, 36).

Исполнение всех приведенных правил, по свидетельству епископа Игнатия, «может привести наружное поведение инока в благоустройство, приучить его к постоянному благоговению и наблюдению за собой»[1].

Исполняющий правила наружного поведения, т. е. пребывающий в делании телесного подвига, уподобляется хорошо обработанному сосуду без всяких изъянов. В этот сосуд можно вливать драгоценное мѵро с уверенностью, что оно не пропадет. Под мѵром подразумевается духовное делание, к которому инок становится способным только после того, как он научится правильному телесному деланию.

«...Монах, — пишет епископ Игнатий, — благоустроивший свои обычаи, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенным телесными обычаями; оно (душевное делание), напротив того, никогда не может удержаться в иноке, расстроенном по наружному поведению»[2].

---

[1] Соч. Т. 5. С. 23? 24. || [2] Там же.

В подтверждение своих слов Владыка приводит изречение святого Исаака Сирского и пример из жития св. Василия Великого. Св. Исаак Сирский говорит: «Телесным деланием предваряется душевное, как сотворение тела в Адаме предшествовало вдуновению в него души. Не стяжавший телесного не может иметь и душевного: второе рождается от первого, как колос от пшеничного зерна...»[1].

В житии святого Василия Великого повествуется: когда Василий Великий прибыл в Антиохию, то его друг наставник Антиохийского училища философов Ливаний попросил его произнести поучение юным слушателям. Св. Василий Великий сказал юношам, чтобы они хранили чистоту души и тела, и затем подробно преподал им правила наружного поведения, сказав, чтобы они имели скромную походку, говорили тихо и мало, соблюдали в беседах благочиние, пищу и питие употребляли благоговейно, при старших хранили молчание, были внимательны к мудрым, не были скоры на смех, украшались скромностию... и многими другими словами поучал он слушающих. «Мудрый Василий, — пишет епископ Игнатий, — преподал юношам наставление, наиболее относящееся к их наружному поведению, зная, что благочиние немедленно сообщается от тела к душе и благоустройство тела весьма скоро приведет в благоустройство душу»[2].

Только тот инок, который приобрел навык в прохождении телесного подвига, становится способным приступить к подвигу духовному.

Пост — основание всех иноческих добродетелей. В ряду телесных подвигов епископ Игнатий большое значение придавал посту, считая его основанием всех добродетелей. По определению Владыки, «пост есть постоянная умеренность в пище с благоразумною разборчивостью в ней».

Святая Церковь заповедует соблюдать пост всем христианам в среду и пятницу в течение всего года и четыре поста: Великий пост, Рождественский, Успенский и Петров, но особенно большое значение имеет пост для монахов.

Человеческое тело не обходится без пищи, однако пресыщения отягощают человеческое тело, но умеренное укрепляет его, делает способным к труду.

---

[1] Соч. Т. 5. С. 24. || [2] Там же. С. 25.

Из-за тесной связи души с телом принимаемая человеком пища влияет и на его духовную деятельность. «Подвиг поста, — пишет святитель Игнатий, — не принадлежит исключительно телу; подвиг поста полезен и нужен не единственно для тела, он полезен и нужен преимущественно для ума и сердца»[1].

От объедения чрева грубеют и ожесточаются сердечные ощущения, а ум теряет легкость и способность к духовному деланию. Инок, не соблюдающий благоразумие в пище, обуревается леностию, унынием и печалию, ему трудно бороться со страстями: блудом, гневом, тщеславием, гордостию; постоянное же небрежение к посту может привести к потере целомудрия и девства.

Борьба с блудной страстью становится для инока, не соблюдающего пост, весьма тяжелой. Владыка Игнатий писал, что «при насыщении тела сердце наше не может не порождать блудных ощущений, а ум — блудных помыслов и мечтаний, которые силою своею и увлекательностию способны изменить самое решительное благое произволение, склонить его к услаждению грехом...»[2].

Пост инока, по мнению Владыки, должен заключаться как в количестве, так и в качестве потребляемой пищи.

Следуя наставлениям древних подвижников, епископ Игнатий рекомендует инокам вкушать ежедневно, но понемногу. Тем, кто молод и физически совершенно здоров, достаточно принимать пищу однажды в день. Кто физически слаб и чувствует, что ему недостаточно вкушать один раз, может употреблять ее дважды.

В вопросе о посте епископ Игнатий был весьма снисходителен, напоминая, что пост для человека, а не человек для поста. Единожды или дважды принимает инок пищу в соответствии со своими телесными силами, он должен помнить, что при редком или частом вкушении одинаково нельзя объедаться. Пресыщение питает человеческие страсти и делает инока не способным к духовным подвигам.

Каждый инок, вступив на путь служения Богу, должен установить необходимую ему ежедневную меру пищи и стараться не нарушать ее излишеством.

Но ежели пресыщение пищей опасно для инока, столько же душевреден для него и чрезмерный пост. От неумерен-

---

[1] Соч. Т. 4. С. 86. || [2] Соч. Т. 2. С. 357.

ного поста инок ослабляет свой организм и делается неспособным не только к несению монастырских послушаний, но и к духовным подвигам. Неумеренный пост таит еще и очень опасные последствия: он может привести инока к превозношению и гордости, от которых, как от знойного ветра, погибают все поросли духовной жизни. Нередко за неумеренным подвигом поста, соединенном с превозношением, настает ниспадение в обжорство — попускается иноку для смирения его гордости.

Как количество, так и качество пищи имеет большое значение для проходящих подвиг поста.

Утучняющая плоть пища (мясо, жирная рыба), «горячащая кровь» (перец, имбирь и др. пряности), при частом употреблении делают инока неспособным к прохождению духовного подвига.

Особенно сильное действие производит мясная пища, она утучняет плоть и разгорячает кровь, поэтому уставы всех российских монастырей исключили мясо из пищи иноков.

Наилучшей пищей для подвижника Преосвященный Игнатий признавал растительную. Она наименее утучняет плоть, не возбуждает страстных движений, способствует чистоте и бодрости ума и делает инока способным к подвигам благочестия.

«Растительная пища почти исключительно употребляется самыми ревностными подвижниками благочестия, особенно ощутившими в себе хождение Духа Божия (2 Кор. 6. 17), по вышесказанному удобству этой пищи и ее дешевизне. Для питания они употребляют одну воду, избегая не только разгорячающих и охлаждающих напитков, но и питательных, каковы все хлебные напитки»[1], — свидетельствует владыка Игнатий, основываясь на опыте древних и современных ему подвижников.

Пост необходим монаху в любом возрасте. Естественно: юным инокам, обладающим крепким здоровьем, для обуздания страстей нужен более строгий пост. Старцы, обремененные многими недугами, не всегда бывают способны к несению строгого поста, но и им необходимо соблюдать посильное воздержание в пище, чтобы не утратить господства духа над плотью, приобретенного долгим подвигом поста и воздержания. Епископ Игнатий пишет: «Напоми-

[1] Соч. Т. 1. С. 139.

нается победителям тщательное хранение при себе оружия, которым добыта победа! И получается победа, и сохраняется добыча, приобретенная победою, одним и тем же оружием — постом».

В одном из своих многочисленных писем епископ Игнатий выясняет вопрос, каков должен быть пост болящего инока. Со свойственными ему мудростию и человеколюбием Владыка советует одному иноку, находившемуся от болезни в «крайней немощи», не удручать свое тело постом, а, наоборот, укреплять его и, нисколько не сомневаясь, употреблять Великим постом уху из рыбы. Воздержанием, не соответствующим силам, — разъясняет Архипастырь, — можно привести себя к большему расслаблению, лишиться церковной службы и быть обременением для братий. Ободряя болящего, Владыка говорит: «Сердцеведец Господь, видящий немощь вашу, не исключит вас из числа постящихся» и при употреблении в пост пищи, не дозволенной уставом, но необходимой для поддержания здоровья.

Пост необходим иноку для преуспеяния во всех добродетелях, поэтому особенно тесную связь видел Владыка между постом и молитвой. Основываясь на учении преподобного Марка Подвижника о посте, епископ Игнатий говорил: «Чудное совокупление поста с молитвой! Молитва — бессильна, если она не основана на посте, и пост — бесплоден, если на нем не создана молитва».

Пост ослабляет плотские страсти, а молитва душевные. Если подвижник с постом не соединит правильную молитву, то, искоренив плотские страсти, он возрастит в душе духовные: высокоумие, тщеславие, презорство.

Пост способствует внимательной молитве тем, что искореняет страсти и их порождение — порочные помышления и мечтания, которые рассеивают молитву.

Иноку, вознерадевшему о посте, очень трудно сохранять внимательную молитву, так как страстям, не укрощенным постом, свойственно порождать множество мыслей и мечтаний, от которых будет постоянно оскверняться молитва.

Постоянный разумный пост искореняет страсти, способствует молитве инока и выводит его из плотского состояния в духовное. Постом монах очищает себя, преуспевает в смирении, целомудрии, скромности, молчании, становится способным к духовным подвигам и умозрению.

Каждый инок, желающий преуспеть в духовной жизни, должен с мудрой решимостью проходить подвиг поста, помня слова святителя-подвижника, что «тот, кто колеблет основание добродетелей, тот колеблет все здание добродетелей».

Духовный подвиг инока. «Всякому новоначальному сперва надо преподать делание заповедей Христовых, совершаемое телом, а когда по значительном времени он окажется верным в этом делании, то преподать ему и блюдение ума (душевное делание), но только очень просто и умеренно»[1], ибо «душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его», — эти строки были написаны великим поборником внутреннего делания епископом Игнатием. Он в силу особого склада своей души, тонкости и проницательности своего ума еще в ранней молодости стал на путь духовного подвига. Несомненно, что его слабое здоровье, делавшее его малоспособным к прохождению телесных подвигов, способствовало истинному подвижнику углубиться в делание духовного подвига.

Сознавая необходимость духовного подвига, могущего привести монаха к совершенству и к достижению блаженной жизни, Владыка устно и письменно возвещал о нем инокам, внимавшим его гласу.

Его «Приношение современному монашеству» почти целиком состоит из «советов относительно душевного иноческого делания». Упомянутые «Правила наружного поведения» являются по сравнению со всей книгой лишь небольшим вступлением. Епископа Игнатия в полном смысле можно назвать *учителем духовного делания* и его *неутомимым глашатаем*.

Учение Владыки о духовном подвиге глубоко и многогранно, в этом и в последующих разделах этой главы мы постараемся раскрыть основные положения этого учения.

Глубокий знаток человеческой природы, епископ Игнатий знал, что в человеке жизнь не прекращается ни на мгновение: ум никогда не перестает рождать мысли, а сердце чувствования, но так как и ум и сердце заражены гре-

[1] См.: Прилож. Т. 2. С. 613. Изречения, извлеченные из писем к монахам. № 44.

хом, то естественно, что рождаемые ими мысли и чувства чаще всего бывают небогоугодными. «Душа, — пишет епископ Игнатий, — не может быть без непрестанного упражнения, если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые родятся в ней самой, иначе, она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена»[1].

Духовное делание заключается в том, чтобы дать уму и сердцу занятие богоугодное. Подвиг этот весьма труден, но без него невозможно достигнуть совершенства.

Как тело без души мертво, так и телесный подвиг без духовного бесплоден. Душа оживляет тело, а духовный подвиг оживляет телесные подвиги инока. Тело без души подвергается тлению и издает зловоние, так и наружное благочестие без умного делания «сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением...» и другими трудно выявляемыми страстями.

В одном из писем епископ Игнатий пишет, что при одном телесном жительстве «вводится в душу самомнение и развиваются душевные страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может, и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения, ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов и наружных дел», но телесный делатель не удостоится той милости от Бога, которую Господь «дарует всем рабам Своим, работающим Ему и телесным, и духовным подвигом»[2].

Каждый инок должен стремиться освоить не только телесный подвиг, но и быть делателем умного подвига, ибо, по словам Преосвященного Владыки, «без истинного умного делания монашество есть тело без души».

Признавая тесную связь между телесным и духовным подвигом, епископ Игнатий считал, что его поколение иноков по слабости сил не способно к великим телесным подвигам, которые могли совершать иноки первых веков. Поэтому он советует инокам его и последующих поколений основное внимание, основные силы употреблять на стяжание духовного подвига.

---

[1] Соч. Т. 5. С. 30. || [2] См.: Прилож. Т. 2. С. 190. № 107.

Значение духовного подвига для монашества того времени прекрасно раскрыто епископом Игнатием в письме к Санкт-Петербургскому митрополиту Исидору: «По настоящему положению монашества в России, и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества, и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновало. Миновало оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного ответа в монашеской жизни ни себе, ни братиям своим, живущим посреди мира... Духовный подвиг... он один может облечь монаха во всеоружие для отражения... враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между Евангельским учением и свойствами души человеческой... Самый телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенною благотворностию, которой он чужд, когда действует один»[1].

Чтение Евангелия и творений святых Отцов. Так как Евангелие есть основа духовной жизни инока, то, естественно, что основным келейным занятием новоначального должно быть чтение всего Нового Завета. При этом новоначальному епископ Игнатий рекомендует сперва изучить заповеди Христа Спасителя в Евангелиях от Матфея и Луки. Изучение евангельских заповедей должно заключаться в посильном практическом исполнении их, а не в теоретическом, школьном познании. Практическое усвоение заповедей, изложенных у евангелистов Матфея и Луки, помогает лучше усвоить и весь Новый Завет.

Когда новоначальный встанет на путь деятельного исполнения евангельских заповедей, ему можно приступить к изучению святых Отцов.

Епископ Игнатий чтению писаний святых Отцов придавал большое значение для духовного роста инока. Но, зная склонность людей (особенно молодых) к увлечению прочи-

[1] Прилож. Т. 2. С. 38. № 4.

танным, он предостерегал новоначальных от чтения книг, не соответствующих их духовным понятиям. Если книга написана для безмолвников и живописует об обилии духовных плодов, доставляемых безмолвием, то в новоначальном она непременно возбудит желание оставить свою обитель и где-либо в уединенном месте предаться безмолвию. Если же книга написана для общежительных монахов и говорит о том совершенстве, которого может достигнуть инок под руководством старца, то в новоначальном может возгореться желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Но, по замечанию епископа Игнатия, «Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жительств».

Новоначальный, находясь под сильным влиянием прочитанной книги и не находя в окружающей его действительности того, о чем прочитал, может с большим ущербом для своей духовной жизни оставить свою обитель ради несбыточной мечты найти где-либо совершенное жительство.

Предостерегая новоначального от увлечения прочитанной книгой, епископ Игнатий приводит слова святого Иоанна Лествичника, который писал: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, несвойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения, найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, ...совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли от братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии упомянутых добродетелей... Обольститель (диавол) ублажает пред безмолвниками страннолюбие послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтобы вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми»[1]. Эти и подобные им мысли и желания могут возникнуть в новоначальном от чтения книг, не соответствующих его образу жизни.

[1] Соч. Т. 5. С. 53, 54. Лествица. Слово 4-е.

Из всех творений святых Отцов новоначальному иноку, так же как и мирянину, без всякого опасения можно читать сочинения святителя Тихона Воронежского. «Они, — по словам епископа Игнатия, — не имеют односторонней цели и служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира, и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников»[1].

Все прочие Святоотеческие творения епископ Игнатий рекомендует читать, положив себе за правило: первое, не увлекаться направлением книги, второе, не читать книги поспешно и третье, соблюдать постепенность — начиная с творений более простых, постепенно переходя к более углубленным.

Сам епископ Игнатий более всего ценил поучения преподобного аввы Дорофея. Он писал: «Я столько уважаю эту книгу, что и доныне не перестаю перечитывать ее для назидания моего и братий моих»[2].

Все перечисленные книги относятся к разряду деятельных, или подвижнических, так как в них изложены иноческое делание и подвиги инока. Св. Иоанн Лествичник сказал: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то и читай книги деятельные (подвижнические)».

Чтение перечисленных книг помогает иноку ознакомиться ближе и точнее с «монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом» и, что особенно важно, возбуждает его к молитве.

От чтения всех остальных Святоотеческих книг, особенно тех, которые приводят к «размышлениям и созерцаниям», епископ Игнатий советует воздержаться иноку.

Необходимость внимания при молитве. Епископ Игнатий придавал большое значение вниманию при молитве. Чтобы молитва принесла свои обильные плоды, надо, чтобы молящийся непрестанно присутствовал вниманием в произносимых им словах. Произнося любую молитву, инок должен своим умом соприсутствовать словам молитвы, не механически произносить слова, но и умом осознавать их.

---

[1] Соч. Т. 5. С. 50. || [2] См.: Прилож. Т. 2. С. 365. № 188.

Инок, молящийся без внимания, не бывает услышан. О необходимости внимания при молитве учили многие великие учители иноков.

Епископ Игнатий, всегда подтверждавший излагаемые им вопросы Святоотеческим учением, приводит следующие цитаты из творений святых Отцов о необходимости внимания в молитвенном подвиге.

Преподобный Нил Сорский говорит, что молящийся гласом и устами, без внимания, молится на воздух, а не Богу.

«Странно твое желание, чтоб Бог тебя услышал, когда ты сам себя не слышишь», — говорит святой Димитрий Ростовский, заимствуя эти слова у священномученика Киприана Карфагенского.

Святой Симеон Новый Богослов, усматривая тесную связь между вниманием и молитвой в борьбе с лукавыми помыслами, уподобляет внимание стражу, который охраняет молитву. Он пишет: «Внимание должно быть столько связуемо и неразлучно с молитвою, сколько связуется тело с душою, которые не могут быть разлучены, не могут быть одно без другого. Внимание должно предварять и стеречь врагов, как некоторый страж; оно первое да подвизается на грех, да противустоит лукавым помыслам, приходящим к сердцу; вниманию же да последует молитва, немедленно истребляющая и умерщвляющая все лукавые помыслы, с которыми внимание, во-первых, начало борьбу: ибо оно одно не может их умертвить. От этой борьбы, производимой вниманием и молитвою, зависит жизнь и смерть души. Если храним молитву посредством внимания чистою, то преуспеваем. Если же не стараемся хранить ее чистою, но оставляем нестрегомою, то ее оскверняют лукавые помыслы, — мы соделываемся непотребными, лишаемся преуспеяния»[1]. Молящийся без внимания начинает довольствоваться и удовлетворяться количеством произносимых молитв и временем, употребленным для этого, не обращая совершенно внимания на то, что его ум и сердце оставались безучастны в молитве.

С молящимися одними устами без всякого внимания к читаемому нередко случается так, что они внезапно останавливаются, не зная, что читать дальше, или вставляют

[1] Соч. Т. 2. С. 184, 185.

слова из другой молитвы, хотя открытая книга лежит перед ними. Чаще всего это говорит о том, что в подобных случаях мысли произносящего молитву были весьма далеко, он думал о чем угодно, но не о том, что читает, внимание его не было приковано к словам молитвы.

Внимательная молитва приобретается не сразу. Новоначальному нужно с постоянством приучить себя к ней. Сколько бы раз ум его ни отлетал от молитвы, его нужно опять и опять возвращать, вводить в слова молитвы. Внимательной молитве способствует неспешное произнесение слов молитвы. Медленное произнесение молитвы способствует уму быть заключенным в словах молитвы. Новоначальному полезно, когда он находится один, произносить молитвы вслух (вполголоса) — это также способствует сохранению внимания. Иноку лучше всего приучить себя к внимательной молитве при исполнении келейного правила.

Находясь в храме, читая или слушая молитвословия, нужно также понуждать свой ум не отлучаться от молитвы. Труд этот нелегок, но он необходим для духовного преуспеяния инока.

Плод внимательной молитвы весьма обилен. Он состоит «в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнью Духа».

Полное непоколебимое внимание при молитве есть величайший дар благодати Божией. Инок, желающий получить этот дар, должен доказать это постоянным принуждением себя к внимательной молитве. За постоянство и терпение Бог в Свое, Ему Одному известное время может даровать иноку непоколебимое внимание в молитве.

Молитва святых была одушевлена вниманием и божественною Благодатию, которая соединяла воедино разделенные грехом силы человеческие. Облагодетельствованная молитва святых производила непреодолимое впечатление на тех, кому удавалось ее услышать. В рукописном житии преподобного Илариона Суздальского повествуется, что когда он читал в Церкви акафист, то слова вылетали из его уст наподобие огня и с необъяснимой силой действовали на слушателей. Молитва, произносимая святыми устно, была неразрывно соединена с умом, сердцем и всем существом их, они произносили свои молитвы от всей крепости своей. Во время такой молитвы преподобный Сергий Радо-

нежский сподобился посещения Божией Матери с апостолами Петром и Иоанном.

Но чтобы грешному человеку иметь хотя бы слабое подобие молитвы святых, ему нужно непрестанное понуждение к внимательной молитве. Св. Иоанн Лествичник пишет, что к молитве нужно понуждение в течение всей жизни, весьма редкие подвижники избавлялись от понуждения к молитве, пребывая в ней постоянно. От постоянного понуждения себя к внимательной молитве инок начинает постепенно ощущать утешение от молитвы, это утешение облегчает ему понуждение, делает молитвенный подвиг радостным. Внимательная молитва со временем может перейти в постоянную, постоянная молитва возводит инока к более высоким ступеням духовного совершенства.

«Братья! — обращается Святитель ко всем инокам, — будем внимательны в устных и гласных молитвах наших, произносимых нами при церковных службах и в уединении келейном. Не сделаем наших трудов и жизни в монастыре бесплодными нашею невнимательностию и небрежением в деле Божием. Пагубно небрежение в молитве! «Проклят, — говорит Писание, — творяй дело Божие с небрежением» (Иер. 48. 20). Очевидно действие этой клятвы: совершенное бесплодие и безуспешность, несмотря на долголетнее пребывание в иночестве. Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами, для которого все прочие подвиги, внимательную устную и гласную молитву, за которую Милосердный Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную»[1].

Непрестанная молитва есть дар Божий, и инок должен употребить все усилия, чтобы сделаться достойным этого бесценного дара.

Непрестанная молитва заповедана Самим Христом Спасителем. Святой апостол Павел дважды в своих Посланиях говорит о непрестанной молитве. «Непрестанно молитеся» (1 Сол. 5. 17), — заповедует он христианам Солуни. Тимофею апостол Павел писал: «Хощу убо, да молитвы творят

[1] Соч. Т. 2. С. 187, 188.

мужие на всяком месте, воздевающе преподобные руки без гнева и размышления» (1 Тим. 2. 8). Епископ Игнатий считал, что под именем мужей апостол Павел подразумевает христиан, достигших совершенства, ибо только совершенным христианам свойственно молиться «без гнева и размышления» — в глубоком мире, в любви к ближним, без памятозлобия и осуждения их и не развлекаясь посторонними помыслами и мечтаниями — без «размышления».

Несомненно, что сами Апостолы, получив лично от Господа заповедь о непрестанной молитве и передавшие ее всем христианам, сами непрестанно пребывали в молитве. До принятия Святого Духа они пребывали в одном доме, занимаясь молитвою и молением (Деян. 1. 14). Епископ Игнатий полагает, что «молитвою» в Деяниях святых Апостолов названы те молитвы, которые Апостолы совершали вместе, а под «молением» подразумевается постоянное молитвенное направление их духа — непрестанная молитва.

Пребывая в непрестанной молитве, святые Апостолы сподобились в день Пятидесятницы принять Духа Святого. Инок, пребывающий в непрестанной молитве, становится способным также к принятию в свою духовную храмину Благодати Духа Святого. Иноки Первенствующей Церкви Христовой непрестанно упражнялись в молитве, память Божия всегда была с ними. Непрестанный делатель молитвы преподобный Антоний Великий завещал всем инокам непрестанное памятование имени Иисуса Христа.

Во времена расцвета древнего монашества непрестанною молитвою занимались все иноки. Св. Иоанн Лествичник свидетельствовал, что иноки одного из александрийских общежитий, которое он сам посетил, «и сами за трапезою не престают от умственного подвига, но условленным и введенным в обычай знаком и мановением блаженные напоминают друг другу о молитве, совершаемой в душе. И делают они это не только за трапезою, но и при всякой встрече, при всяком собрании»[1].

Благотворное действие непрестанной молитвы выше всякого объяснения. Только тот инок, который ощутил в себе плоды непрестанной молитвы, может знать о них, но не всегда бывает способен поведать об этом другим, потому

[1] Соч. Т. 2. С. 192.

что непрестанная молитва и ее плоды есть великий дар Божий, необъяснимый человеческим разумом и словом.

Непрестанная молитва — это верный путь, ведущий инока к Богу. Святой Исаак Сирский говорит: «Иначе, как непрестанною молитвою, невозможно приблизиться к Богу». Естественно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального. Чтоб стать способным к ней, новоначальный должен долгое время приучать себя к частой молитве. К частой молитве инок может приучать себя в любую свободную минуту, а также исполняя различные монастырские послушания, не связанные с умственной деятельностью. Епископ Игнатий дает такой совет всем инокам: «Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? Не убей его в праздности! Не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! Употреби его на упражнение молитвою... Если случится, по немощи, или правильнее, по свойству падшего естества, увлечься обольстительными мечтаниями и помыслами,— не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности, ...приими меры предосторожности. Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной»[1].

Значение скорбей в духовной жизни инока. Долгий опыт подвижнической жизни привел владыку Игнатия к убеждению, что скорби имеют большое значение для духовного роста монаха. Каждый инок, живущий безмятежной, не возмущаемой никакими скорбями жизнью, в силу греховности, присущей каждому человеку, может всецело прилепиться душой к земле, прийти в состояние духовной теплохладности и совершенно забыть о своем небесном отечестве.

Напоминанием непостоянства всего земного, ослаблением действия страстей скорби способствуют спасению каждого человека. Преосвященный Игнатий говорил, что скорби противодействуют нашему падению и способствуют нашему восстанию. По причине необходимости скорбей Христос Спаситель ведет «стезею скорбей» Свое стадо в страну блаженной вечности. «Тому,— говорит Святитель,—

[1] Соч. Т. 5. С. 113.

кто отказывается от скорбей, Он возвещает решительно: Иже не возмет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин (Мф. 10. 38)»[1]. Скорби для монаха так же, как и для мирянина, по мнению Владыки, являются «чашей Христовой», которая делает земных участников этой чаши причастниками непрестающего наслаждения в жизни вечной.

Указывая иноку путь всецелого устремления к Богу, скорби делают его способным на все в этой жизни смотреть очами веры и надежды. «Чаша Христова, — свидетельствует епископ-аскет, — отверзает вход в страну разума духовного, состояния духовного; вшедший туда и причастившийся трапезы утешения духовного соделывается мертвым миру, бесчувственным к временным скорбям и лишениям, начинает совершать свое земное странствование как бы несущийся по воздуху превыше всего — на крыльях веры»[2].

Преосвященный Игнатий учил, что иноческие скорби возникают из четырех источников: из падшего естества, из мира, от людей и от демонов.

Падшее человеческое естество — основной источник всех скорбей, оно порождает разнообразие греха, делает человека восприимчивым к соблазнам мира, служит поводом к восстанию людей друг против друга и дает повод падшим духам приступить к человеку. Скорби, возникающие от всех четырех перечисленных причин, при терпеливом перенесении их делают инока более совершенным в духовной жизни. Скорби, возникающие от падшего естества, научают инока надеяться не на себя, а на Бога, доставляют ему опытное познание своего падения и необходимость Искупителя.

Скорби от греховного мира научают превратности земной жизни и воспитывают в нем хладность ко всему временному.

В жизни каждого инока бывают скорби и от окружающих его людей. Эти скорби смиряют гордость, присущую сердцу каждого человека, и способствуют деятельному осуществлению заповеди о любви к врагам. Святитель Игнатий неоднократно в своих творениях рассматривает вопрос, как инок должен относиться к людям, причинившим ему

[1] Прилож. Т.2. С. 386. № 200. || [2] Там же. С. 397, 198. № 206.

скорбь. Владыка учил, что в скорбных обстоятельствах людей нужно оставлять в стороне и благоговейно обращать свой взор к Богу, Который для нашего же блага попускает нам скорби через людей. К одному священноиноку, находившемуся в скорбных обстоятельствах, Владыка писал: «Люди, наносящие скорбь, и скорбные обстоятельства, — только орудия во всемогущей деснице Божией».

Монаху, научившемуся переносить скорби от своего падшего естества, от мира и от людей, попускаются скорби от лукавых духов. Лукавые духи первоначально восстают на подвижника через падшее естество, затем наносят скорби чрез мир и ближних, и когда инок выходит победителем первых трех видов скорбей, ему может быть попущена открытая брань с падшими духами. Победитель в этой брани становится причастником особых духовных дарований. Несмотря на огромную значимость скорбей в деле спасения, инок сам никогда не должен искать скорбей, а по мере своих сил «стараться о уничтожении причин скорбей, если это зависит от него». Если же он не смог отвратить скорбь, то нести ее безропотно, помня, что Господь никогда не посылает скорбей выше сил человека. Соразмерно скорбям подает и благодатную помощь, а тем, кто был мужественен в скорби, дарует обильное утешение по миновании скорби.

Епископ Игнатий, наблюдая за монашеством своего времени, свидетельствовал, что скорби иноков непрестанно увеличивались. В этом он видел милосердное попечительство Божие к монахам его времени. При постепенном ослаблении иноческих подвигов скорби становились непременным условием достижения спасения. Каждый монах всегда должен быть готов встретить любую скорбь и не ждать упокоения. Спокойствие внутреннее и внешнее подается лишь тому, кто искренне считает себя недостойным его.

Особенно большое значение в числе больших скорбей епископ Игнатий придавал болезням. Как уже говорилось в жизнеописании Владыки, он всю свою жизнь непрестанно болел. Терпеливо перенося многие болезни, Владыка видел в них великую милость Божию к себе. Об этом он писал своему другу: «Судьбы Божии помогают тем, которые имеют искреннее, хотя и немощное намерение спастись. Тебе известно, как рано мне были посланы болезни.

Вижу, что болезненность моя есть дар Божий: она обуздывает меня и, лишая временного благоденствия, привлекала ко мне вечную милость Божию»[1].

Каждому иноку непременно в жизни встретятся скорби. По мнению Владыки, для тех иноков, которые последуют Христу, подобно верховному Апостолу Петру и первозванному Андрею, предназначен крест. Те, кто обращаются ко Христу, как разбойник, того удел — опять крест. Для первых крест — венец, для вторых лествица в небо. Крест — скорби удел всех последователей Христа.

Всем инокам Владыка напоминает: «Каковы бы ни были наши обстоятельства... — невозможно быть Христовым без креста, «еже есть,— говорится в пострижении в монашество,— готову присно быти к подъятию всякой скорби», которую Промыслитель нам попустит»[2].

III. Мнение епископа Игнатия о видах иноческой жизни применительно к монашеству его времени

Жизнь под руководством старца. Чтобы новоначальному встать на правильный путь духовной жизни и твердо шествовать по нему, иноку необходимо вручить себя руководству опытного наставника — старца. Старческое руководство существовало во всех древних обителях. Там богопросвещенный старец, руководствуясь Святым Духом, сообщает во всем своему пасомому волю Божию. Со стороны же руководимого требуется глубокая вера в слова старца и полное послушание его воле.

Древние старцы, опытно постигнув трудный путь монашеского делания, умели пресекать греховную волю вверившихся их руководству и насаждать в сердцах своих пасомых евангельские добродетели. Под руководством старцев древние иноки за короткий срок достигали значительного совершенства.

Иноческое послушание в том виде, в каком оно существовало в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. В России старчество существовало во всех древних монастырях, но с упадком христианства старчество постепенно ослабело. Возродителем его был схиархи-

[1] Прилож. Т. 4. С. 301. № 729. || [2] Прилож. Т. 2. С. 363. № 185.

мандрит Паисий Величковский. Затем ученики его, рассеявшись по многим обителям Русской земли, постепенно вводили в них старческое руководство. Во второй половине XIX века рассадниками старчества в России были Оптина и Глинская пустыни и некоторые другие обители.

Епископ Игнатий сознавал необходимость старческого руководства в духовной жизни монашествующих. Он сам в годы прохождения послушаний в различных монастырях усердно искал руководителя, но не смог найти.

В предисловии к пятому тому Владыка писал, что он почти постоянно встречался с руководителями, «болезновавшими слепотою и самообольщением».

И Господь от юности вел его особым путем — многотрудным и многоскорбным, сделал его причастником особых духовных дарований; руководители Владыки, возможно, не имели этих даров и поэтому не могли быть его наставниками. Во времена епископа Игнатия старческое руководство уже начало процветать в Оптиной Пустыни. В 1856 году архимандрит Игнатий посетил Оптину. Обитель в то время была в самом цветущем состоянии. Он был свидетелем, как семидесятилетний иеромонах Макарий занимался духовным руководством братии и назиданием многочисленных посетителей.

Но несмотря на значительное духовное преуспеяние многочисленного братства (до двухсот человек) Оптиной обители, архимандрит Игнатий своим духовным взором заметил, что из всех оптинцев «очень немногие... обнаруживали способность сделаться врачами, руководителями других, для чего нужна и врожденная способность, и дух, выработанный истинным монашеским подвигом»[1].

Епископ Игнатий вслед за многими святыми Отцами предупреждает иноков о том, как пагубно вверить свою душу неопытному наставнику. «Очевидно,— пишет он,— что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстями».

Инок, который подчинился руководству неопытного старца, находящегося в плену у страстей и пороков, становится

[1] Соч. Т. 1. С. 485.

со временем не на путь богоугождения, а человекоугождения и человекоугодничества. Совместить же служение Богу и человеку невозможно, ибо святой апостол Павел говорит: «У людей ли я ныне ищу благоволения или у Бога? Людям ли угождать стараюсь? Если бы я поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал. 1. 10) и «Не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание (человеку плотского мудрования или Богу), раби есть, егоже послушаете, или греха (и плотского мудрования) в смерть, или послушания в правду (Божию и во спасение)» (Рим. 6. 16).

Гибельность неправильного руководства состоит в том, что неискусный старец не может не направить духовную жизнь пасомого по пути, на котором сам стоит. Если сам он стоит на ложном пути, то и другого будет подталкивать на этот путь, потому что «послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется».

Если новоначальный совершенно несведущ в учении Священного Писания и святых Отцов, то он может и не постигнуть, что он вводится своим старцем на ложный путь, становясь на путь самообольщения и прелести.

Если же новоначальный «сколько-нибудь умен» и занимается чтением Священного Писания и творений святых Отцов, то он сам не без смущения и душевного расстройства оставит своего неудачливого руководителя. Разрыв ученика со своим наставником из-за неправильного руководства последнего всегда приводит к духовному расстройству не только ученика, но и учителя.

Из житий святых известно несколько примеров, как иноки, находясь в послушании у неискусных старцев, достигли совершенства (преподобный Захария и преподобный Акакий). Но, как говорит епископ Игнатий, хотя эти иноки и жили под руководством «недостаточных старцев», они имели возможность руководствоваться советами духоносных отцов и назидательными примерами, которыми была преисполнена жизнь.

Жизнь преподобных Захария и Акакия, по мнению епископа Игнатия, «вне общего порядка и правила». Каждый инок должен в своей жизни руководствоваться общими правилами, а не исключениями из правил, помня слова святого Исаака Сирского, который учил: «Образ действия Про-

мысла Божия вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка».

Существует мнение, что вера послушника может восполнить «недостаточество» старца. Епископ Игнатий был в корне не согласен с этим мнением. Он говорил: «...Вера в истину спасает, вера в ложь и бесовскую прелесть — губит...»[1], ибо и апостол Павел пишет о произвольно погибающих, что они «любви истины не прияша, во еже спастися им. И сего ради послет им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи, да суд приимут вси неверовавшие истине, но благоволившие в неправде» (2 Сол. 2. 10—12).

Правда, известны случаи, когда по особому смотрению Божию вера действовала через грешников, обращая ко спасению и самих грешников. Епископ Игнатий приводит два примера из житий святых. 1. Исцеление слепой монахини, испившей воду, которой были умыты ноги разбойника Флавиана, переодевшегося с целью ограбления обители в одежду инока-странника. 2. Воскресение умершего младенца по молитве блудницы. Но эти примеры опять являются не правилом, а исключением из правила, и «мы поступим правильно, — пишет епископ Игнатий, — если будем удивляться смотрению, непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания»[2]. Искренняя вера новоначального не может восполнить недостатка старца, и если он (новоначальный) не прекратит с ним общения, то непременно нанесет вред своему душевному деланию, а может быть, получит и смертоносную душевную рану.

Св. апостол Павел писал солунянам: «Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, бесчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас» (2 Сол. 3. 6). Эти слова могут быть достаточным основанием каждому иноку для удаления от старца, учение которого противоречит Священному Писанию и нравственному преданию Св. Церкви.

Долгий опыт руководства пасомыми показал епископу Игнатию, что у новоначальных может появиться желание отделиться от своего старца и в том случае, когда для них

[1] Соч. Т. 5. С. 73. || [2] Там же. С. 74.

нет абсолютно никакого вреда душевного, а имеется прямая польза. У новоначальных часто появляются помыслы недовольства руководством своего наставника, сомнения в его опытности и нежелание исповедовать пред ним свои помыслы. Если все эти помыслы не имеют ни малейшего основания и на деле инок не видит никакой опасности для своей души, то нужно признать эти помыслы вражескими и не повиноваться им, ибо они (бесовские помыслы), по словам епископа Игнатия, «действуют именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас».

Естественно, даже у самого совершенного и опытного в духовной жизни старца бывают малые человеческие слабости и недостатки, которые, однако, для неопытного новоначального могут явиться соблазном и поводом к отделению. Мудрый Владыка, предостерегая от такого неверного намерения, писал: «Святые Отцы заповедуют инокам помнить добродетели своих настоятелей, часто размышлять о их похвальных поступках, а на недостатки не обращать внимания, как на сучцы, в сравнении с которыми наши немощи — бревна»[1].

Необходимость откровения помыслов старцу. В деле старческого руководства епископ Игнатий особенно большое значение придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу. Ежедневная исповедь своих помыслов есть древнейшее монашеское делание. Основываясь на словах св. Апостола Иакова «исповедуйте друг другу согрешения, яко да исцелеете» (Иак. 5. 16), епископ Игнатий считал, что это делание (ежедневное откровение помыслов) «по всей вероятности, установлено самими Апостолами»[2].

Естественно, что принимать помыслы новоначальных может не каждый старец, а лишь достигший известной степени бесстрастия и имеющий дар рассудительности. Монахам епископ Игнатий советовал скрывать от всех, кроме старцев, свои брани, потому что неопытный инок может сильно уязвиться, услыхав мысленную брань другого. Одной инокине Преосвященный писал: «Понуждай себя простоте и откровенности пред старицею; от всех же других

[1] Прилож. Т. 2. С. 453. № 222. || [2] Соч. Т. 1. С. 491.

вполне скрывай свои брани, потому что такою преступною откровенностию повредишь себе и другим, которым отнюдь не полезно слышать о твоих бранях»[1].

Ежедневное откровение старцу всех своих согрешений, помыслов и недоумений приносит иноку великую душевную пользу. Ни один подвиг не может умертвить страсти так, как открытие их старцу. «Страсти отступают от того, кто без пощадения исповедует их. Телесное вожделение увядает от исповедания более, нежели от поста и бдения», — учит Владыка[2].

При восстании мысленной блудной брани откровение помыслов является целительным бальзамом для души. Святитель Игнатий писал одной монахине: «Если хочешь стяжать крепость в невидимой брани, особливо против блудного духа, который, как и все духи, ловит в тайне, исповедуй не стыдясь твои поползновения старице твоей и исцелеешь»[3].

Иноки, в юности своей открывающие свои помыслы наставнику, скоро на опыте узнают, какое от этого происходит облегчение в душевной брани, и поэтому не прекращают прибегать к этому врачеванию и в зрелые годы.

Для начинающего инока откровение помыслов часто бывает сопряжено с большими трудностями. Враг часто возбуждает в новоначальных чувство ложного стыда и этим препятствует чистосердечно поведать старцу все греховные помыслы и сомнения, бывшие в течение дня. При таких борениях иноку нужно силой воли принудить себя к откровенности, и только тогда он почувствует ослабление внутренней брани, а со временем и совершенно сможет избавиться от нее.

Преосвященный Игнатий опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов весьма трудно правильно устроять свою духовную жизнь. «...Твое спасение единственно от твоей откровенности пред старицею, — пишет Владыка одной из своих духовных дочерей. — Без этого делания тебе не достигнуть ничего духовного и благодатного, а пребу-

[1] См.: Прилож. Т. 2. С. 464. № 235. || [2] Соч. Т. 1. С. 490. В письме № 255 (Т. 2. С. 465) епископ Игнатий пишет: «При решительном откровении согрешений: делами, словами и помышлениями, можно в один год преуспеть более, нежели при посредстве других подвигов, самых трудных в течение десяти лет. Оттого враг и борет так сильно против этого спасительного делания». || [3] См.: Прилож. Т. 2. С. 459. № 229.

дешь в плоть и кровь. Если будешь открываться, то достигнешь чистоты, которую осеняет Благодать Божия»[1]. Любая внутренняя брань, даже самая малая, от исповедания ее пред старцем сразу же слабеет, но если инок будет долгое время скрывать ее, то он может прийти в душевное изнеможение и не уврачуется, пока не откроет чистосердечно в простоте сердца все, что происходит у него в душе.

Откровение помыслов способствует духовному возрождению инока прежде всего потому, что старец в душе, полностью открытой ему, может пресекать грех в самом его корне — помыслах.

Молодые иноки нередко бывают преисполнены жаждой суровых и возвышенных подвигов. Неразумная ревность побуждает их к трудам выше сил. Сам человек в силу своей греховности не может определить, духовной или плотской ревностью движим он. Только ежедневное исповедание старцу всех своих намерений и мудрый старческий совет, преисполненный любвеобильной строгости, может отвратить инока от безрассудной ревности, ведущей к гордости и вечной гибели души, и научить ревности духовной, преисполненной смирения и кротости — этих евангельских добродетелей, без которых невозможно духовное преуспеяние инока.

Иноки, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способными помогать ближним в их душевных смущениях.

Наблюдая в Оптиной Пустыне за учениками иеромонаха Макария, которые ежедневно ходили к нему на откровение помыслов после вечернего правила, Владыка пришел к заключению, что ученики старца Макария очень заметно отличались от тех, которые жили самочинно. Мысль, что им предстоит исповедь, была для учеников как бы постоянным стражем; она приучала их к бдительности над собой. Ежедневная же исповедь делала их сосредоточенными, непрестанно углубленными в Писание.

Как уже говорилось ранее, сам епископ Игнатий откровение помыслов считал основой духовного воспитания иноков, находившихся под его духовным руководством. Он сам уже в 27 лет имел дар принимать помыслы своих пасомых вполне бесстрастно. Своей духовной мудростию он вел учеников к истинному преуспеянию. Ученики архимандри-

[1] Прилож. Т. 2. С. 464. № 235.

та Игнатия имели обыкновение вести дневную запись своих помыслов, а в конце дня чистосердечно и с полной откровенностью раскрывали ему свои греховные язвы. Настоятель-старец архимандрит Игнатий, несмотря на свою болезненность, ежедневно принимал на себя нелегкий труд выслушивать помыслы и давать наставления своим ученикам. Польза от откровения помыслов для учеников аввы Игнатия была очевидна.

О жизни по совету старших. Признавая необходимость для инока жизни в полном послушании у старца, епископ Игнатий признавал, что послушание старцам в том виде, в каком оно существовало в древних монастырях, «не дано нашему времени».

Владыка сравнивал путь полного послушания старцу с обильной духовной трапезой Отцов. Инокам же его времени, по мнению преосвященного Владыки, было предоставлено Промыслом Божиим питаться крупицами, оставшимися от этой трапезы. «Эти крупицы не составляют собою удовлетворительной пищи, но могут, хотя без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти»[1]. Крупицами епископ Игнатий называл духовную жизнь, основанную на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых Отцов при совете и назиданиях, получаемых от современных отцов и братий.

Жительство по совету имеет некоторое сходство с послушанием древних иноков, но в то же время оно значительно отличается от него, ибо преисполнено душевной немощи иноков позднейших времен. Древним инокам их духовный старец сразу же возвещал волю Божию; иноки уже времен епископа Игнатия должны были познавать волю Божию в Писании, а так как не каждый может сразу же и правильно найти волю Божию применительно к нужному случаю, то, естественно, на их духовному пути встречались продолжительные недоумения и погрешности. Духовное совершенство древних иноков под руководством старцев было быстрым и многоплодным, «ныне оно косно опять по свойству делания», — говорит епископ Игнатий.

Подобно преподобному Антонию, новоначальные, по мнению епископа Игнатия, должны оказывать послушание настоятелю и всем отцам и братиям обители. Любые послу-

[1] Соч. Т. 5. С. 75.

шания, не противные закону Божию и уставу монастыря, нужно исполнять нелицемерно и не из чувства человекоугодничества, без лести и лукавства, а в простоте сердца ради Бога. Но нельзя исполнять послушания, в основе которых лежит зло. При этом не нужно бояться, что при этом придется за нечеловекоугодие и твердость претерпеть и скорбь. При каждом недоумении нужно советоваться с разумными отцами и братиями. Но, выслушивая их советы, так же как и при чтении Святоотеческих книг, нужно быть весьма внимательным к себе, чтобы не увлечься советом по первоначальному его впечатлению.

У инока, живущего по совету старших, хотя и могут возникнуть многие трудности, но этот путь намного безопаснее, чем жизнь всецело по своей воле. Жизнь по совету старших, хотя и не в полной мере, все же приучает инока к послушанию и отвержению своей воли и разума.

Отшельничество и затворничество. Преосвященный Игнатий считал, что такие возвышеннейшие роды иноческой жизни, как отшельничество в глубокой пустыне и безмолвие в затворе, а также жизнь в послушании духоносному старцу, возникли не случайно, а по особому определению Божию. Господь призывает к этому труднейшему роду иноческого жительства особых избранников, в которых Он предвидит способность к полному безмолвию, и предоставляет им в пустынях такие средства для жизни, которых сам себе человек найти не может.

Отшельничество — самый трудный вид монашеской жизни. Отшельник вступает в борьбу не только со своими страстями, греховными помыслами, но нередко и в открытую брань с темными духами, которые восстают на отшельника с такой силой, что только помощь Божия может даровать ему победу. Отшельники и затворники часто подвергались величайшим душевным бедствиям — самообольщению и бесовской прелести. Особенно те из них, которые вступили на путь отшельнической или затворнической жизни лишь самочинно.

Новоначальный инок никогда не должен стремиться к отшельнической жизни и затворнической жизни. Новоначальный не способен понести трудного духовного делания и духовной борьбы, в которых постоянно пребывают отшель-

ники и затворники. Не имея опыта умного делания и душевной борьбы, новоначальный инок может стать игралищем бесов и прийти в полное умоисступление. Все святые отцы единогласно учат: новоначальному иноку нужно пребывать в обществе других иноков и деятельным исполнением евангельских заповедей постепенно преуспевать в телесном и душевном подвигах.

Свой взгляд на отшельничество и затвор, основанный на долгом наблюдении за монашеской жизнью, владыка Игнатий выразил следующими словами: «В настоящее время в нашем Отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным; а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместимый, чем когда-либо. В этом нужно видеть волю Божию и покоряться ей»[1].

Хотя отшельничество и безмолвничество и неосуществимы в том виде, в каком они существовали в древности, но и теперь можно, по мнению Владыки, быть приятным Богу безмолвником. «Не подумай, — писал епископ Игнатий одному иноку, — что для научения безмолвию необходим затвор или глубокая пустыня. Нет! Гораздо лучше научаться ему между людьми при посредстве душевного подвига»[2].

Чтобы стать безмолвником, нужно прежде всего возлюбить молчание и старательно приучаться к нему. Не празднословить ни в храме, ни в трапезе, ни в келлии; стараться по возможности не выходить из монастыря, не заводить близкого знакомства ни с кем в монастыре, ни вне его, избегать свободного обращения и душевредных развлечений[3].

«Веди себя, — пишет епископ Игнатий, — как странник и пришлец в монастыре и в самой жизни — и соделаешься боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником»[4].

Владыка в современных ему условиях жизни отдавал явное предпочтение монахам, проходящим духовную жизнь в монастыре, перед иноками, живущими в затворе. Монах, живущий в обители, претерпевая среди людей различные искушения, приобретает опыт борьбы с этими искушениями, духовно укрепляется и становится способным помочь ближним в их искушениях. Инок, проводящий затворни-

[1] Соч. Т. 5. С. 70. || [2] Прилож. Т. 2. С. 504. № 248. || [3] Соч. Т. 5. С. 70. || [4] Там же. С. 70.

ческий образ жизни, часто не имеет нужных качеств и бывает подвержен большим опасностям. Редкие избранники могут безбедно идти этим путем.

Епископ Игнатий глубоко убежден, что живет ли монах в обители и исполняет какое-либо послушание, находится ли под руководством старца, руководствуется ли в своей духовной жизни советами многих старцев или живет уединенно, — он не должен искать поприща высших подвигов, не дарованных Богом нашему времени. Не место жительства и не возвышенный подвиг спасают монаха, а очищение своего сердца от греха постоянным телесным и духовным подвигом. Сознавая свою духовную немощь, каждый инок должен деятельно изучать евангельские заповеди и по мере своих сил постепенно приучать себя к внутреннему духовному деланию, помня, что Бог желает и ищет спасения каждого человека. «Он и спасает всегда всех, произволяющих спастись от потопления в житейском и греховном море, но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище»[1]. В подтверждение этой истины епископ Игнатий приводит прекрасный пример. Он говорит, что Господь обещал спасение от потопления Апостолу Павлу и всем его спутникам. Господь и даровал им это спасение, но Апостол и его спутники спаслись не в корабле, который погиб, а с большим трудом, кто вплавь, кто на досках и обломках от корабля (Деян. 27. 2—49).

Каждый путник, решившийся плыть по бурному житейскому морю, непременно должен будет претерпеть многие бури. Многие беды и опасности таит в себе море, и нередко там, где и не ожидает мореплаватель, корабль его наталкивается на подводные камни. Чтоб устоять в борьбе с бурями и избежать, по возможности, многих неожиданностей, мореплаватель должен долго и упорно изучать предстоящий ему путь.

Инок, вступивший на путь духовной жизни, чтобы перенести все житейские бури и избежать многих подводных камней, грозящих потоплением его духовного корабля, должен хорошо знать, чего должен избегать он, чтобы благополучно плыть ему в пристань умного делания.

---

[1] Соч. Т. 5. С. 54.

IV. Основные препятствия к развитию духовной жизни монаха

Соблазны и их влияние на инока. На духовном пути каждого инока встречается много различных соблазнов. Каждый человек в силу своей греховности, находясь вблизи соблазна, непременно ощутит в своем падшем естестве сочувствие к нему, и в душе его надолго останется впечатление, произведенное соблазном.

Инок, живущий в монастыре, подвергается соблазнам, возникающим для него в стенах обители, и соблазнам, проникающим в обитель из мира. От последних иноку легче оградить себя, но как первые, так и вторые нередко требуют много усилий со стороны инока, чтобы не подвергнуться их порабощению. Соблазны действуют на человека поразному. Иногда впечатление от соблазна очень быстро действует, мгновенно омрачает ум, изменяет расположение сердца и ввергает свою жертву в падение. Чаще впечатление от соблазна первоначально бывает даже незамечено, но, постепенно развиваясь и усиливаясь, оно может возобладать над жертвой.

Нередко ничтожное греховное впечатление, вольно или невольно воспринятое иноком, является началом тяжкого греховного падения. Каждый инок, зная восприимчивость своей греховной природы к соблазнам и пагубность их влияний, должен стараться всеми мерами ограждать себя от них. Епископ Игнатий, основываясь на собственном долголетнем опыте монастырской жизни, советует каждому христианину, решившемуся вступить в монастырь, избрать себе в местожительство обитель наиболее уединенную и удаленную от соблазнов мира.

Пред человеком, желающим уйти в обитель, может возникнуть соблазн вступить в монастырь, пользующийся громкой славой среди мирских людей по причине внешних преимуществ и благочестия устава. Но в таких обителях его ждет следующая духовная опасность. Тщеславие, присущее всему монастырю с громкой известностью, невольно заразит и вновь поступивших в него; от тщеславия и сознания вещественных преимуществ своей обители может появиться презрение к братиям других монастырей, а отсюда

зарождение гордости, которая отнимает возможность иноческого преуспеяния, основанного на смирении и любви. Бедная обитель, удаленная от всех соблазнов мира, — драгоценное пристанище для инока, желающего оградить свою духовную жизнь от многих искушений.

Нередко в иноке восстает лютая брань от соблазнов, виденных им очень давно и, казалось бы, уже изгладившихся из памяти. Подобные брани инок должен переносить с твердостью, зная, что они возбуждаются врагом нашего спасения — диаволом и со временем пройдут, когда ум очистится молитвою. Своим священным долгом Преосвященный Игнатий считал сообщить мудрый совет, который он слышал от достойных уважения старцев. В этом совете заключается непременное условие избежания соблазнов, которые встречаются на жизненном пути инока. Упомянутые старцы говорили монахам и мирянам: «В наше время, в которое так умножились соблазны, должно особенно внимать себе, не обращая внимания на жительство и дела ближних и не осуждая соблазняющихся, потому что тлетворное действие соблазна удобно переходит от увлеченных соблазном на осуждающего их»[1].

Винопитие. Не случайно владыка Игнатий, перечисляя соблазны, на первом месте ставил вино.

Винопитие — соблазн, который губит множество мирских людей, проникает он и в обители. Люди, подверженные этой слабости, нередко идут в монастыри с намерением воздержаться от нее, но навык берет над ними свое, и монастырские стены не удерживают их от этого порока. Епископ Игнатий со скорбью пишет, что некоторые благочестивые люди, с прекрасными качествами души, бывают подвержены этой слабости, свои падения они горько оплакивают в уединенной келье, их слезы и раскаянье люди не видят, но всем видны падения, от которых происходит большой соблазн среди мирян.

Вино, употребляемое иноком даже в малом количестве, возбуждает в нем плотские страсти, порождает многословие и другие пороки. Пагубно винопитие и тем, что уничтожает скромность и приводит инока к свободному обраще-

[1] Соч. Т. 1. С. 495.

нию с ближними, вредные последствия которого среди мирских людей зачастую не замечаются. Для инока, попустившего себе свободное обращение, последствия его могут быть весьма плачевны. Епископ Игнатий пишет: «Особенное внимание должно обратить на то, чтоб отучиться от свободы обращения с людьми, свободы, столько одобряемой и столько любимой в светском обществе. В наше время многие, привыкшие к свободному обращению в мирской жизни, сохраняют его в монастыре, другие, уже вступив в монастырь, стараются приобрести его, находя в нем что-то особенно привлекательное. Вредные последствия свободного обращения... гибельны»[1].

Предостерегая иноков от свободного обращения, владыка Игнатий говорит, что оно бывает причиной ссор, гнева, памятозлобия, возжигает сильно блудную страсть и часто переходит в величайшую дерзость и наглость. Каждый инок должен внимательно следить за собой, чтобы не увлечься соблазном свободного обращения, которое первоначально кажется невинным и безвредным, но, получив развитие, пресекает духовное совершенство инока и вовлекает его в тяжкие пороки, из которых Преосвященный особенно выделял памятозлобие. Памятозлобие, укрепившись в душе человека, производит в ней страшное опустошение. Оно делает свою жертву неспособной к любви к ближним, а в высшем своем развитии приводит к отречению от Бога.

Опасно для инока свободное обращение со своими собратиями, но еще более гибельно свободное обращение и близкое знакомство с женщинами. Епископ Игнатий никогда не порицал и не унижал женский пол. Он считал, что женщина почтена Богом образом Божиим наравне с мужчиною, что она так же искуплена бесценною Кровию Христа Спасителя и составляет вместе с мужским полом одну новую, обновленную тварь о Христе. Также никогда Владыка не высказывался и против супружества. Он знал, что в тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая их друг к другу, и что соединение полов естественно падшему естеству.

Но в то же время знал Владыка и то, что Иисус Христос вернул падшему естеству способность к девству и безбрач-

[1] Соч. Т. 5. С. 25.

ной жизни, и что безбрачная жизнь и девство почтены выше брака. И во все времена Церкви Христовой были люди, которые проводили возвышенный образ девственной или безбрачной жизни. Большинство святых, прославляемых Святой Церковью, проводило девственный или безбрачный образ жизни.

Каждый монах при пострижении в числе других обетов дает обет проводить безбрачный образ жизни, с Божией помощью намеревается победить свое падшее естество. Девство вышеестественно, как вышеестественны все евангельские добродетели. Желающий сохранить свое тело в девстве должен непременно держать его вдали от тела, соединения с которым требует естество.

Истинные иноки всех времен тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. В древних монастырях вход женщинам был воспрещен, так же как и мужчинам в женские монастыри. На Афонскую Гору и поныне доступ имеют только мужчины. Святые отцы-иноки первых времен христианства строго соблюдали правило не встречаться с женщинами, так поступали они не по произволу, а познав на опыте, какое сильное впечатление на долгое время может оставить образ женщины. Это влияние бывает тем сильнее, чем слабее намерение инока, с которым он стремится победить свое естество. Частое общение с женщиной может ввергнуть в падение не только юного инока, но даже старца, убеленного сединами. Епископ Игнатий пишет: «Такова сила соблазна, когда пред ним встанет инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха страстию, недугом и продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному и частому действию соблазна»[1].

В то время, когда инок общается с женщиной, он часто не замечает впечатления, которое производит она в его душе, но когда инок остается один, то впечатление, усвоившееся душе, иногда внезапно восстает в нем и производит лютую блудную брань. Во свидетельство такого действия впечатлений, полученных при общении с женщиной, владыка Игнатий приводит признание блаженного Иеронима, который когда жил в Риме, встречался со многими набожными

[1] Соч. Т. 5. С. 41, 42.

женами и девицами, не чувствуя ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Когда же он удалился в пустыню и жил в полном уединении, тогда начали в его воображении всплывать образы виденных им прежде жен, и в старческом теле, изнуренном многими трудами, стали появляться юношеские вожделения.

То, что совершилось с блаженным Иеронимом и было им с помощью Божиею преодолено, может совершиться и с каждым иноком в той или иной степени.

Преосвященный Игнатий говорит, что особенно легко подвергаются влиянию впечатлений чистые души, не познавшие греха на деле. Он уподобляет их лакированным дорогим столам, стоящим в гостиных знатных людей, — каждая маленькая царапина на таком столе бывает сразу примечена и уменьшает достоинство всего стола.

Некоторые иноки, находясь в общении с женщинами, утверждают, что не терпят никакого вреда. Епископ Игнатий считает, что эти иноки либо говорят неправду, либо проводят крайне рассеянный образ жизни и не замечают вреда, который со временем может уготовить им верную погибель. Владыка приводит сравнение преподобного Серафима Саровского, который инока, живущего благочестно и сохраняющего целомудрие, сравнивает с незажженной восковой свечой. Если этот инок будет часто вращаться среди женщин, то он уподобляется той же свече, но поставленной среди других горящих свечей. От тепла, которое исходит от зажженных свечей, незажженная свеча начнет таять. Так и сердце инока, говорит преподобный, непременно должно подвергнуться расслаблению от частого обращения с женским полом[1]. Знакомство с женщинами не всегда оканчивается для инока впадением в явный грех, но всегда связано с расстройством и бесплодием его духовной жизни. Оставленный благодатию Божиею инок бесстрашно начинает нарушать все заповеди и законы, предаваясь тяжким плотским падениям[2]. Тонкий знаток падшей психологии человеческого естества Преосвященный Игнатий пишет: «В женщине преобладает кровь, в ней с особенною силою и утонченностью действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство.

[1] Соч. Т. 5. С. 313, 314 и Наставление 9. || [2] Соч. Т. 5. С. 317.

Последнею прикрываются две первые... Оказавшись способными вывести Адама из рая, при посредстве лести и обольщения, ...они и ныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им иноков из благочестивой жизни, как из рая»[1].

Инок должен любить всех людей любовию духовной, заповеданною Евангелием, и он сможет иметь ее только в том случае, если будет избегать короткого знакомства с женщиною, которая может воспламенить в нем любовь плотскую и лишить этим духовной. Только сохраняя благоразумное, строгое отношение к женщинам, инок сможет до конца дней своих сохранить свое девство.

Во все времена люди, живущие плотью, а не духом, утверждали, что девство или состояние безбрачия неестественно человеку. Епископ Игнатий говорит, что «свойственно каждому человеку судить по собственному опыту. Неизвестное и неиспытанное представляется невозможным (для людей плоти), а известное и испытанное представляется принадлежностью всех». Безбрачная жизнь неестественна падшему естеству, но вполне возможна естеству, обновленному Богочеловеком Христом; при этом естество остается таким же естеством человеческим, но ощущения его изменяются — из плотских становятся духовными. Говоря об этом, Владыка приводит следующее прекрасное сравнение: «Бумага, пропитанная маслом, не принимает уже в себя воды, не потому, чтоб естество бумаги изменилось, но потому, что способность ее насыщена иным веществом, не имеющим физического сродства с водою»[2], так и каждый монах, напитавший свою душу исполнением заповедей Христовых, становится способным к безбрачной жизни.

Вещелюбие и сребролюбие. Христос Спаситель сказал: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6. 21). Эти слова Господа относятся ко всем христианам, но особенно они приложимы к каждому монаху.

Епископ Игнатий учил, что инок, имеющий деньги или дорогие вещи, по неотразимому закону перестанет иметь надежду на Бога и обратит ее к имуществу. Пристрастие к вещам или деньгам есть ужасный порок, который, постепен-

[1] Соч. Т. 5. С. 317, 318. || [2] Соч. Т. 1. С. 474.

но развиваясь, может привести свою жертву даже к отречению от Бога. Сердце вещелюбца делается постепенно жестоким и чуждым духовных ощущений, как жестко и бесчувственно вещество. Это вещество может стать для инока идолом, отдавшись которому всем сердцем, он может совершенно оставить Бога.

Епископ Игнатий пишет, что инок, проводящий внимательный образ жизни, легко может заметить, что при получении им денег или какой-либо ценной вещи в его сердце сразу же появится упование на это имущество, а надежда на Бога ослабнет. Если сразу же не пресечь это гибельное упование, то оно перейдет незаметно в привязанность к имуществу, а привязанность обращается в страсть. Инок, подверженный страсти вещелюбия или сребролюбия, незаметным образом отрекается от Христа в своем сердце, хотя его уста и исповедуют Его.

Сребролюбие и тесно связанное с ним вещелюбие уничтожают в человеке веру в Бога, поэтому Священное Писание называет его корнем всех зол (1 Тим. 5. 40).

Каждый инок, чтобы уберечь душу свою от этой пагубной страсти, должен с первого же дня вступления в обитель пребывать в нестяжательности, довольствуясь во всем лишь необходимым: избегать излишества в одежде, в келейной обстановке и в деньгах.

Человеческая слава. Христос Спаситель сказал: «Горе, когда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их» (Лк. 6. 26).

Сердце каждого человека столь немощно, что не может хладнокровно слышать похвалу от людей. Похвала, принятая иноком, непременно порождает в его сердце тщеславное чувство, невольно побуждает его думать о себе, что он «нечто», а это начало гордости.

Похвала питает гордость человека, гордость же ненасытна, она все более и более начинает жаждать славы человеческой, а чтобы получить ее, человек встает на путь человекоугодия. Принятие иноком славы человеческой делает его сердце неспособным к вере во Христа и к деятельности во славу Божию. Все, что бы ни делал такой инок, он старается делать напоказ людям, чтобы получить их похвалу, и это чувство может настолько возрасти в нем, что он совершенно

забудет о Боге и о той награде, которую получит от Господа каждый истинный раб Божий, потрудившийся для славы Божией, для блага своих ближних, а не для суетной человеческой славы.

Епископ Игнатий пишет, что «начало тщеславия и славолюбия основывается на ложных понятиях о мнении и силе человеческой, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или незаконно это человекоугодие, до того дела нет искателю человеческой славы, лишь бы оно достигло своей цели»[1].

Истинные подвижники всех времен старались избегать человеческой славы, как смертоносного яда. Промысел Божий ради духовной пользы подвижников никогда не попускал им постоянно пребывать в земном благополучии и славе, но всегда премудро сраствoрял их многими вольными или невольными скорбями.

Епископ Игнатий говорит, что постоянно употребляемая сладкая пища повреждает желудок, так и человеческая слава, не растворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, не прерываемой дождями, увядают травы, а в плодах заводятся черви, так и от постоянного земного счастья слабеют добрые наклонности человека, а в душе появляются сомнение, гордость и блудные вожделения[2].

Чтобы сохранить великих мужей, которым вверено высокое служение в Церкви, от душевного повреждения, Господь посылал им гонения, бесчестия, поругания и многие другие скорби. Предостерегая инока от славолюбия, Преосвященный Игнатий цитирует преподобного Исаию Отшельника, сказавшего: «Прилежно внимай себе, чтобы тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и погибели душевной, как вечной муки». Разъясняя эти мудрые слова отшельника, владыка Игнатий говорит, что внимательное рассмотрение себя и человечества убеждает в справедливости совета преподобного. Стремление к человеческой славе сводит инока с тесного, спасительного пути, который указал всем Своим последователям

[1] Соч. Т. 5. С. 287. || [2] Соч. Т. 5. С. 289.

Иисус Христос и по которому прошел Он Сам. Тесный и прискорбный путь и учение о нем делается для сочувствующих человеческой славе совершенно не приемлемым, и они насмехаются над ним и над возвещающими его, подобно фарисеям, которые, будучи миролюбцами, смеялись над учением Христа о самоотвержении. Но, кроме этого учения, нет другого пути, ведущего в Небесное Царство[1].

Если же судьбы Божии поставят инока на высоту, связанную с несением земных санов и почестей, то Владыка советует ему, чтобы он умолял прилежно и со слезами Господа, чтобы земное величие не имело влияния на его образ мыслей, не доставило ему «высокого ока на ближних» и не вселило в него гордости.

Помыслы и борьба с ними. Как разнообразен грех, так разнообразны и помыслы, восстающие на подвижников. Одного борет помысл уныния, другого — отчаяния, третьего одолевают хульные помыслы и т. д. Вражеский помысл иногда имеет личину праведности и несомненной пользы и бывает столь тонок, что даже опытные подвижники не всегда сразу могут определить, из доброго или злого источника происходит занимающий их помысл. Известны случаи, когда лукавые помыслы борют подвижников в течение весьма продолжительного времени, и только особая милость Божия помогает им распознать вражеское действие в своих помыслах и избавиться от них.

Греховные помыслы свойственны падшей человеческой природе, а возбуждаемые темной силой, они внезапно приступают к иноку и приводят его в полное душевное расстройство. Зная это, Владыка советовал своим пасомым не ужасаться восстанию помыслов, не входить в тонкое разбирательство их, но сразу же со смирением отвергать их.

Из способов борьбы с помыслами молитва имеет особое значение, но часто помыслы восстают на инока с особой силой и при молитве. Они рассеивают его ум и стремятся совсем отвлечь от молитвы и лишить ее внимания и этим сделать бесплодною. Если инок молится и восстанут на него помыслы, он должен сразу же отвергнуть их и стремиться ввести свой ум в слова молитвы. Внимательная мо-

[1] Соч. Т. 5. С. 290.

литва со временем сделает его неприступным для вражеских помыслов.

Особенно тяжка для каждого инока бывает брань с помыслами скорби и печали. Верным средством борьбы с ними епископ Игнатий считал благодарение Бога за все Его неизреченные милости, приносимые от сердца сокрушенного и смиренного. Одной старице Владыка писал: «Благодарением Богу отгоняются помыслы скорбные, при нашествии таких помыслов «благодарение» произносится в простых словах, со вниманием и часто, доколе не принесется сердцу успокоение. В скорбных помыслах никакого нет толку: от скорби не избавляют, никакой помощи не приносят, только расстраивают душу и тело. Значит, они от бесов — и надобно их отгонять от себя... «Благодарение сперва успокаивает сердце, потом приносит ему утешение, впоследствии и небесное радование — залог, предвкушение радости вечной»[1].

С особенной подробностию раскрывает Преосвященный Владыка способ борьбы при нашествии скорбных помыслов в письме к «Отцу, постигнутому скорбными обстоятельствами». Со свойственной Владыке поэтичностью, употребляя различные сравнения, он раскрывает значение скорбей для христианина и предлагает совет, как побеждать помыслы печали. «Чрез мрачную, глубокую пропасть скорбей, — пишет Святитель, — внезапно открывшуюся перед вами, перенеситесь на крыльях веры! Не испытывайте воли недоверчивою стопою размышления человеческого, идите смело по ним мужественными ногами веры — и обратятся под ногами вашими мягкие, влажные волны в твердые мраморные или гранитные плиты.

...Для верного успеха в невидимой брани с князьями воздушными... нужно взяться за оружие... Вот оружия, которые святое буйство проповеди Христовой вручает рабу Христову для борьбы с... мрачными помыслами и ощущениями печали, являющимися душе в образе страшных исполинов, готовых стереть ее, поглотить ее:

1-е слово: «Слава Богу за всё».

2-е слово: «Господи, предаюсь Твоей Святой Воле, и буди со мною Воля Твоя».

3-е слово: «Господи! Благодарю Тебя за всё, что Тебе благоугодно послать на меня».

[1] Соч. Т. 2. С. 157.

4-е слово: «Достойно по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Эти краткие слова, — пишет Владыка, — заимствованные, как видите, из Писания, употреблялись преподобными иноками с превосходным успехом против помыслов печали...»[1].

Когда придет помысл печали, епископ Игнатий рекомендует произносить от всей души и от всей крепости один из вышеозначенных стихов. При этом нужно не горячиться, а произносить тихо, неспешно и до тех пор, пока помыслы не удалятся совершенно, пока сердце не известится о пришествии благодатной помощи Божией. Далее Владыка пишет, что изгнанные помыслы со временем опять могут приблизиться, и опять нужно браться за указанное оружие и изгонять помыслы. Помыслы также быстро исчезают, если инок будет сразу же открывать их с чувством покаяния и сокрушения старцу или духовнику.

V. Учение епископа Игнатия об Иисусовой молитве

Иисусова молитва, по мнению святых Отцов, есть «художество из художеств» — это есть то внутреннее духовное делание, которое превосходит все другие делания, возводя монаха к совершенству. Делание это велико и многотрудно и в то же время многоплодно. Истинная Иисусова молитва и плоды, которые она приносит, есть великий дар всеблагого Бога грешному человеку. Немногие подвижники сподобились получить этот дар. Святой Исаак Сирский говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые: достигших же к таинству, совершающемуся после нее, и пришедших на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, по благодати и благоволению Божию»[2].

Епископ Игнатий, по нашему глубокому убеждению, в Русской земле и был одним из деятелей Иисусовой молитвы, который в совершенстве постиг это внутреннее делание и сподобился ощутить в своем сердце приносимые им плоды.

---

[1] См.: Прилож. Т. 2. С. 400–402. № 206. || [2] Соч. Т. 1. С. 270 и св. Исаак Сирский. Слово 16. В приведенной цитате слово «благоволению» прибавлено епископом Игнатием для более точного выражения мысли св. Исаака Сирского.

Видя почти полное оставление среди монашествующих правильного умного делания и чувствуя своим сердцем непреодолимое влечение к нему, епископ Игнатий долгие годы деятельно изучал Святоотеческие писания о Иисусовой молитве. Из-за отсутствия опытных руководителей в этом трудном делании, Владыке, по его собственному признанию, пришлось пережить много трудностей. Почти единственными его руководителями были писания святых Отцов. Великая рассудительность помогла Преосвященному Игнатию извлекать из творений древних учителей молитвы то, что можно было практически применить к условиям своей жизни. Истинное же смирение Владыки и сознание своей греховности помогли ему избежать многих сетей, встречающихся на трудном пути внутреннего делания.

Опытно постигнув делание Иисусовой молитвы и видя, что только этим путем можно достигнуть совершенства в духовной жизни, епископ Игнатий стремился возродить это спасительное делание среди монашествующих своего времени. С этой целью он написал для своих духовных чад несколько назидательных статей, в которых изложил учение о Иисусовой молитве. Как и все свои произведения, так и учение о молитве Иисусовой владыка Игнатий основывает на творениях святых Отцов. Страницы его статей об умном делании иногда сплошь испещрены святоотеческими цитатами.

Но достоинство произведений епископа Игнатия об Иисусовой молитве не только в том, что он извлек из Святоотеческой литературы все, что может быть применено для делателя Иисусовой молитвы в наши дни, но он со свойственной ему скромностью отобразил в своих статьях и свой многолетний опыт совершения умного делания. Его советы об умной молитве основаны на учении древних учителей молитвы и проверены собственным опытом, и поэтому они могут служить безошибочным руководством для делания умной молитвы.

Каждый инок, желающий научиться «художеству из художеств» — Иисусовой молитве, должен прежде всего хорошо изучить учение епископа Игнатия по этому вопросу и только затем приступать к деятельному исполнению Иисусовой молитвы и к чтению Святоотеческой литературы об умном делании.

Мнение епископа Игнатия о происхождении Иисусовой молитвы. Епископ Игнатий считал, что молитва Иисусова есть установление Божественное. Все наставления Христа Спасителя, данные Им в возвышеннейшей беседе перед крестными страданиями, имели характер «окончательного предсмертного завещания», в котором изложены «самые душеспасительные, окончательные заповеди, залоги достоверные и непогрешительные жизни вечной». Между этими заповедями дано и «заповедание» молиться именем Иисусовым.

Святые Апостолы еще при жизни Христа Спасителя знали силу Его имени, когда они, посланные Господом на проповедь, изгоняли Его именем бесов и исцеляли недужных. После Вознесения Христа Спасителя вера святых Апостолов в имя Иисуса Христа и благоговение к этому имени возросли неограниченно. Именем Господа св. Апостолы совершали многие дивные чудеса.

Первое чудо после Пятидесятницы было совершено св. Апостолами именем Иисуса Христа. Однажды, как повествует книга Деяний св. Апостолов, апостолы Петр и Иоанн пошли в Иерусалимский храм помолиться. Когда они проходили врата храма, называвшиеся «Красными», у этих ворот сидел хромой и просил милостыню. Этот несчастный был хром от чрева матери, он не мог ни ходить, ни стоять, его приносили ежедневно к названным вратам храма, где он просил подаяние для своего пропитания. Увидев идущих Апостолов, он стал просить у них милостыни. Св. апостол Петр сказал ему: «Сребра и злата несть у мене, но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа, Назорея, восстани и ходи» (Деян. 3. 6). После этих слов хромой мгновенно исцелился, он встал и принялся громко прославлять Бога.

Синедрион был встревожен этим чудом, совершенным учениками Того, Кого он недавно предал на лютую смерть чрез распятие. Апостолы были схвачены и отданы под стражу. На следующий день их привели в собрание Синедриона и спросили: «Коею силою или коим именем сотвористе вы сие?» Тогда апостол Петр, исполнившись Духа Святого, отвечал: «Разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа, Назорея, Его же вы

распясте, Его же Бог воскреси из мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав: несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о нем же подобает спастися нам» (Деян. 4. 10, 12).

Несмотря на явное чудо, Синедрион, ослепленный злобой к Иисусу Христу, с угрозою запретил Апостолам учить и даже говорить народу о имени Иисуса. На это апостолы Петр и Иоанн дерзновенно отвечали: «Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати» (Деян. 4. 19, 20).

Пригрозив св. Апостолам, Синедрион был вынужден отпустить их, боясь народа, который был свидетелем совершенного им неслыханного чуда. Апостолы Петр и Иоанн, вернувшись к своим, поведали им обо всем случившемся. Выслушав их, все члены Иерусалимской Церкви вознесли общую молитву, которую закончили словами: «...Господи, призри на прещения их и даждь рабом Твоим со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою прострети Ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем святым Отрока Твоего Иисуса» (Деян. 4. 29, 30). Вот одно из многих чудес, совершенных Апостолами именем Господа Иисуса Христа.

Правда, из Священного Писания нам неизвестно, каким образом Апостолы молились этим именем. Но епископ Игнатий предполагает, что «они молились им непременно». «Как могли они не молиться им, — пишет он, — когда это моление было преподано и заповедано Самим Господом, когда заповедание укреплено двукратным повторением и подтверждением его? Если умалчивает о сем Писание, то умалчивает единственно потому, что моление это было в общем употреблении, не нуждаясь в особом внесении в Писание по известности своей и общеупотребительности»[1]. По этой же причине можно предположить, что и в дошедших до нас первохристианских памятниках нигде не говорится прямо о молении именем Иисуса, но лишь имеются об этом упоминания при изложении других вопросов.

Молитва Иисусова была в общем употреблении среди монашествующих древней Церкви. Молитвенное правило

[1] Соч. Т. 2. С. 235, 236.

иноков состояло чаще всего из упражнения Иисусовой молитвой. Иисусова молитва — живое предание Церкви, она была общеизвестна для первых христиан и не требовала объяснений. Объяснения этой молитвы начали проявляться лишь по мере оскудения познания о ней. Краткие наставления или разъяснения о Иисусовой молитве были сделаны отцами — истинными делателями Иисусовой молитвы: святым Иоанном Златоустом, святым Василием Великим, преподобным Варсонофием Великим и преподобным Иоанном Лествичником.

В России о Иисусовой молитве писали преподобный Нил Сорский, священноинок Дорофей, схиархимандрит Паисий Величковский и преподобный Серафим Саровский.

Советы епископа Игнатия новоначальному делателю Иисусовой молитвы

По твердому убеждению епископа Игнатия, каждый инок должен приучать себя к внутреннему деланию. Без внутреннего делания при одном телесном подвиге невозможно иноку достигнуть совершенства в духовной жизни.

Преосвященный Игнатий пишет, что старые монахи говорили ему, что еще в начале XVIII века в Саровской обители всякого вновь поступающего сразу же научали Иисусовой молитве. Этому же учил новоначальных и преподобный Серафим Саровский, который, преподавая наставления одному юноше, желавшему вступить в монастырь, сказал: «Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутреннею, не суть монахи»[1].

Преосвященный Игнатий с полным основанием считал, что упражнение в молитве Иисусовой есть обет каждого инока. При постриге, когда новопостриженному даются четки, постригающий завещает ему: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, егоже и носят во устех твоих, уме же и сердце, глаголи непрестанно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И ничто, по мнению Владыки, не может извинить монаха, если он не

[1] Соч. Т. 1. С. 206. Это сведение еп. Игнатий получил в 1866 году от самого собеседника преп. Серафима, тогда уже архимандрита Никона.

будет исполнять эту заповедь: ни оскудение внутреннего делания среди современного монашества, ни отсутствие опытных наставников. О необходимости заниматься Иисусовой молитвой заповедано писаниями святых Отцов и законоположением Православной Восточной Церкви, которая для всех неграмотных чад своих, и монахов и мирян, установила заменять псалмопения и молитвословие на келейном правиле Иисусовою молитвою.

Вновь вступившему в обитель Владыка советует первоначально произносить на келейном правиле со вниманием и неспешно сто Иисусовых молитв. Со временем, если инок найдет возможным, то может присовокупить и еще сто. По истечении еще некоторого срока можно увеличить количество молитв до 300. Каждому делателю Иисусовой молитвы нужно обратить внимание на ту неспешность, с которой епископ Игнатий рекомендует произносить Иисусову молитву! На неспешное и внимательное произнесение ста Иисусовых молитв необходимо, по мнению Владыки, 30 минут или немного меньше. Некоторые же подвижники, по замечанию Владыки, нуждаются в еще более продолжительном времени при произнесении указанного количества молитв. Чтобы употребить указанное владыкой Игнатием время для произнесения ста молитв, нужно произносить молитвы медленно и не сразу одну после другой, а после краткого отдыха после каждой молитвы, что будет способствовать уму сосредоточиваться. Молитвы, произнесенные безостановочно, рассеивают ум, и инок, сам того не замечая, переходит к машинальной молитве, в которой совершенно не принимает участие его ум. Произносящему Иисусову молитву Владыка советует переводить дыхание с осторожностью, дышать тихо и медленно, ибо это также способствует вниманию при молитве и охраняет от рассеянности.

Часто новоначального при занятии Иисусовой молитвой одолевают сон и уныние. Епископ Игнатий советует не приходить от этого в отчаяние, потому что сон и уныние при молитве свидетельствуют о том, что молитва начинает приносить духовную пользу и враг рода человеческого, видя это, старается отвлечь инока от молитвы всевозможными средствами, в том числе и сном и унынием.

Новоначальному позволительно заниматься только устною Иисусовою молитвою, которая постепенно сама перейдет в умную (произносимую в уме), и ни в коем случае не дерзать думать о высшем делании — о молитве умом в сердце. Для стяжания глубокой сердечной молитвы необходимы продолжительное время и основательная подготовка самой жизнью, которая должна заключаться в изучении опыта монашеской жизни и в деятельности по евангельским заповедям.

Приступать к высшему молитвенному подвигу, по мнению Владыки, приличествует возрасту зрелому. Не отвергается и возраст юный, если он имеет свойство зрелости и особенно если имеется опытный наставник. При этом Владыка поясняет, что зрелость заключается не в возрасте монаха и не в количестве лет, проведенных в монастыре, а в том, рассматривал ли монах себя в течение продолжительного времени при свете Евангелия, в котором изображен новый человек и все оттенки ветхого, и изучал ли писания святых Отцов, научающих жить непогрешительно по Евангелию.

Инокам, стремящимся заняться умным деланием, Владыка советует обратить особое внимание на исполнение евангельских заповедей. «Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвою Иисусовою»[1], — пишет он. Евангельские заповеди служат для молитвы тем же, чем служит елей для горящего светильника. Светильник без елея гаснет, испускает дым и зловоние; умное же делание, не основанное на жизни по евангельским заповедям, не будет иметь твердого основания и не сможет получить правильного развития.

Епископ Игнатий считал, что монастырь, особенно общежительный — самое удобное место для занятия Иисусовой молитвой. В обители, если инок ведет правильный образ жизни, то он имеет полную возможность деятельно жить по евангельским заповедям, исполняя с усердием все монастырские послушания, а из всех случающихся преткновений познать греховность своей и общечеловеческой природы. Кроме того, в каждой обители инок может изучать творения

[1] Соч. Т. 1. С. 225, 226.

святых Отцов, получить нужный совет от старшей братии и, возможно, найдет наставника, который укажет ему правильное направление в умном делании.

Большое значение для правильной молитвы имеет исполнение различных монастырских послушаний. Каждое монастырское послушание служит к образованию в иноке смирения, смирение же более других добродетелей настраивает душу к истинной молитве. Инок, исполняющий с усердием и истинным смирением возложенные на него монастырские послушания, может в короткое время преуспеть в молитвенном подвиге.

Ежедневное исполнение послушаний и истинное, нелицемерное смирение пред всей братией приводит сердце инока в умиление и способствует истинной молитве.

Деятельность же в монастыре по своей воле порождает высокоумие и приводит к высокопарению ума и мечтательности, которые уничтожают внимательную молитву. «Оставление смирения, для сохранения своего достоинства по отношению к ближнему, отымет у сердца умиление, ожесточит сердце, убьет молитву, лишит ее существенных свойств, внимания и умиления. Каждый поступок против смирения есть наветник и губитель молитвы. На послушании и смирении да зиждется молитва! Эти добродетели — единственно прочное основание молитвенного подвига», — пишет епископ Игнатий[1].

Научая инока усердно проходить монастырские послушания и тем подготавливать себя к прохождению высших ступеней умного делания, Преосвященный Игнатий неоднократно предупреждает, что всякое преждевременное стремление к подвигу выше сил хотя и кажется весьма заманчивым, но может погубить весь, может быть многолетний, духовный подвиг инока.

Не только во время епископа Игнатия, при почти полном отсутствии опытных наставников умного делания, но и во времена расцвета древнего иночества, при изобилии духоносных старцев, соблюдалась крайняя неспешность и постепенность при обучении новоначальных умному деланию. Так, в общежитиях преподобного Пахомия Великого, где процветало возвышенное делание умной молитвы, каждый

[1] Соч. Т. 1. С. 279, 280.

вновь поступающий вручался старцу и под его руководством занимался телесными трудами в течение трех лет. За это время телесный труд, частые наставления старца и отсечение им воли новоначального, ежедневная исповедь внешней и внутренней деятельности быстро и могущественно доставляли уму и сердцу инока значительную чистоту. В эти три года новоначального инока обучали и молитве в соответствии с его устроением. По прошествии трех лет новоначальный должен был выучить наизусть все Евангелие и Псалтирь, а наиболее способные и все Священное Писание, что необыкновенно развивало устную внимательную молитву. Только после того как новоначальный заучивал наизусть Евангелие и Псалтирь, ему преподавалось «тайноучение умной молитвы».

Епископ Игнатий учил, что упражнение Иисусовой молитвой имеет свое начало, свою постепенность и свое окончание. Каждый новоначальный должен начинать усваивать умное делание с начала, а не с середины или с конца. В подтверждение этого Владыка приводит слова двух великих делателей умной молитвы. Святой Каллист, патриарх Константинопольский, повествуя о плодах Иисусовой молитвы, говорит: «...Никто из не наученных тайнам или из требующих млека, услыша высокое учение о благодатном действии молитвы, да не осмелится прикоснуться к нему. Возбранена такая несвоевременная попытка. Покусившихся на нее и взыскавших преждевременно того, что приходит в свое время, усиливающихся взойти в пристанище бесстрастия в несоответствующем ему устроении, Отцы признают не иначе как находящимися в умопомешательстве. Невозможно читать книг тому, кто не выучился грамоте»[1].

Преподобный Симеон Новый Богослов, когда говорит о безуспешности молитвы и о печальных последствиях этой безуспешности, причину этого указывает в несохранении правильности и постепенности молитвенного подвига. «Хотящим взойти, — говорит Богослов, — на высоту молитвенного преуспеяния, да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лествицы, потом на вторую, далее на третью, наконец на четвер-

[1] Соч. Т. 1. С. 225.

тую. Таким образом всякий может восстать от земли и взойти на небо»[1].

Делателю умной молитвы надо прежде всего отвергнуть всякую изнеженность и плотские наслаждения. Его пища и сон должны быть умеренными соразмерно с телесными силами и со здоровьем. Как первого, так и второго каждому иноку надо избегать и держаться золотой середины — не пресыщаться и не доводить своего организма до истощения. Одежда, келья и все, что окружает инока и зависит от него, должно быть скромным и простым: всякое излишество и роскошь могут породить в душе инока чувство тщеславия, а от этого сделается бесплодной его молитва.

Истинный делатель Иисусовой молитвы должен строго хранить свои чувства, особенно зрение и слух, чтобы чрез них не вторглись в его душу впечатления, которые надолго опустошат ее, лишат внутреннего мира. Уста и язык нужно приучать к молчанию, как говорит епископ Игнатий, «оковывать» их им, потому что празднословие, многословие, насмешки, пересуды и злоречие являются злейшими врагами молитвы»[2]. По возможности нужно отказаться от посещения келлий братий и не принимать к себе никого в келью. Епископ Игнатий уподобляет келью истинного инока могиле или гробу, в котором он плачет о своем мертвеце — своей душе, истерзанной и убитой грехом. «Из могилы-келлии молитва восходит на небо; в той могиле, в которую скрывается тело по смерти, и в могиле адской, в которую низвергается душа грешника, уже нет места для молитвы»[3], — пишет Владыка.

В обители нужно стараться вести себя странником: не связывать себя самочинно никакими попечениями, не заводить ни с кем близкого знакомства, отвергнуть от себя суетное любопытство и любознательность. Посещать неопустительно храм, а в случаях нужды и келлию своего духовника.

Истинный делатель Иисусовой молитвы должен в каждом своем действии подражать духу святых Апостолов, и

---

[1] Соч. Т. 1. С. 226, 227 и «Слово о трех образах внимания и молитвы». На первой ступени, по учению св. Симеона, инок должен подвизаться в укрощении страстей; на 2-й: упражнение в псалмопении, т. е. в молитве устной; на 3-й занятие молитвой умной — умом в сердце; на 4-й инок должен восходить к видению (Там же). || [2] Соч. Т. 1. С. 211–212. || [3] Там же. С. 211–212.

только тогда он сможет устроить свою внешнюю и внутреннюю жизнь в соответствии с тем великим деланием, которым занимается. Человек, сердце которого не очищено от страстей и пороков, не должен дерзать на высший подвиг умного делания. Владыка свидетельствует, что ему были известны некоторые благонамеренные люди, впадавшие в плотские грехи по причине образовавшейся порочной привычки, бывшие не в силах воздерживаться от падений и в то же время пытавшиеся упражняться в сердечной молитве. «Может ли быть что безрассуднее, невежественнее, дерзостнее этого начинания?» — восклицает мудрый Святитель.

Молитва покаяния является достоянием всех людей без исключения, и даже самые явные грешники могут и должны просить Бога о помиловании, но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для людей, обладаемых страстями, он предоставлен лишь людям, достигшим известной меры чистоты. Вход в сердце для совершения там священнодействия молитвы открывается только тогда, когда человек перестает совершать грех не только делами, но и получит от Бога силу противиться страстным помыслам.

Грех, не осуществляемый делом, еще очень долго живет в человеке: в помыслах и мечтаниях, продолжая осквернять сердечный храм. Пока в уме инока идет борьба с греховными воспоминаниями, он не имеет еще сердечной чистоты и не может приступать к сердечной молитве.

Созидается чистота долгим и упорным трудом. Страсти умаляются и ослабевают не вдруг, а после продолжительной и постоянной борьбы с ними. По мере искоренения страстей из сердца в него вселяется чистота, при которой лишь возможна сердечная молитва.

Второе необходимое внутреннее условие занятия умным деланием — внимание, заключение ума в слова молитвы. Следующее условие — совершать Иисусову молитву единственно для **покаяния**. Сознание своей греховности, необходимость Искупителя и желание получить помилование — вот чувства, которые должны наполнять всё существо инока, занимающегося умным деланием. Многие подвижники сердечное чувство покаяния иногда называют плачем. «Плач,— пишет епископ Игнатий, — есть та един-

ственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа, до обновления человеческого духа Святым Божиим Духом»[1]. Преподобный Пимен Великий прекрасно выразил необходимость покаянного чувства для монаха, занимающегося умным деланием. На вопрос, как должен вести себя безмолвник, он отвечал: «Подобно человеку, который погряз в тину по выю (шею), который имеет бремя на вые и вопиет к Богу: помилуй меня». Что может быть плачевнее положения человека, который, имея тяжелый груз на шее, погрузился в топкую тину. Он реально ощущает, что каждую минуту топкая тина может поглотить его целиком, и он погибнет. Естественно, что такой человек будет взывать о помощи от всего своего существа. Какие могут прийти к нему тщеславные помыслы и желания? Одно стремление спастись от потопления будет выражаться в его вопле. Подобное же чувство должен иметь инок, занимаясь Иисусовой молитвой. Сознание, что грех подобно тине все глубже и глубже затягивает его, и желание получить помилование от Господа — вот основные чувства, которые, выливаясь в непрестанный плач, должны быть неотъемлемы от делателя умной молитвы.

Монах, соединяющий Иисусову молитву с чувством истинного покаяния, никогда не впадет во вражеское обольщение, никогда не уклонится в прелесть. Как может инок принять какое-либо ложное чувство утешения или отрады, когда он не ищет его, не стремится к нему, а просит у Господа лишь одного — помилования.

Епископ Игнатий пишет: «Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем — и прелесть никогда не воздействует в нас». В подтверждение этих слов Владыка приводит наставление преподобного Григория Синаита, который пишет: «Немалый труд — достигнуть точно истины и сделаться чистым от всего, сопротивного благодати, потому что обычно диаволу показывать, особенно пред новоначальными, свою прелесть в образе истины, давая лукавому вид духовного. По этой причине подвизающийся в безмолвии достичь чистой молитвы должен шествовать мысленным путем молитвы со многим трепетом и плачем, с испрошением наставления у искус-

[1] Соч. Т. 1. С. 228.

ных, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, как бы не подвергнуться муке или не отпасть от Бога, не отлучиться от Него в этом или в будущем веке. Если диавол увидит, что подвижник живет плачевно, то не пребывает при нем, не терпя смирения, происходящего от плача... Великое орудие — иметь при молитве и плач»[1].

Одним из необходимых условий для занятий Иисусовой молитвой является простота. Возвышенное умное делание, как и все, принадлежащее к стране духов, а не плоти, необыкновенно просто. Только душа, стяжавшая простоту, может постигать силу Иисусовой молитвы, как было уже сказано ранее, и только простая душа может безбедно шествовать по пути умного делания. К великому сожалению, святая простота весьма редко встречается среди людей. Епископ Игнатий пишет: «...Мы сделались так сложны, что... простота и неприступна и непостижима для нас. Мы хотим быть умными, хотим оживлять свое я, не терпим самоотвержения, не хотим действовать верою. По этой причине нам нужен наставник, который бы вывел нас из нашей сложности, из нашего лукавства, из наших ухищрений, из нашего тщеславия и самомнения в широту и простоту веры»[2].

На основании своих наблюдений Владыка свидетельствует, что нередко простец и младенческой душой постигает на поприще умного делания необыкновенного преуспеяния, а мудрец, из-за неимения святой простоты, сбивается с истинного пути и низвергается в пропасть прелести.

Иноки, живущие под руководством искусного старца, бывают более совершенными в монашеских добродетелях, чем те, что живут по своей воле. Подчинив полностью себя старцу, инок этим отсекает свою греховную волю, быстрее преуспевает в смирении и в делании евангельских заповедей. Для него не существует мучительных душевных недоумений, ибо они сразу же разрешаются старцем.

Молитвенный подвиг его постепенно восходит от силы в силу, направляемый мудрым словом старца. Каждому иноку, живущему под руководством старца или, тем более, не имеющему руководителя, но проходящему путь умного делания, необходимо непрестанно научаться в чтении Священного Писания и творений святых Отцов.

---

[1] Соч. Т. 1. С. 228, 229. || [2] Соч. Т. 2. С. 256.

Делателю Иисусовой молитвы необходимо помнить проверенное жизнью мнение владыки Игнатия, который считал, что меры новоначальных времен написания святыми Отцами душеспасительных книг в настоящее время являются мерами весьма преуспевших и поэтому, читая Святоотеческие писания, нужно с большой осторожностью применять их к себе и к своей деятельности.

Пособия для занимающихся Иисусовой молитвой. Епископ Игнатий рекомендует делателю Иисусовой молитвы следующие пособия:

1. Четки или лестовка. Четки состоят обыкновенно из ста зерен, а лестовка из ста ступеней, так как правило, совершаемое с молитвою Иисусовою, обычно исчисляется сотнями молитв. Иноки первоначально обычно молятся по четкам, совершают по ним поклоны и произносят установленное количество Иисусовых молитв. Когда же при молитве внимание усилится, то прекращается возможность молиться по четкам и считать количество произнесенных молитв, так как молитва переходит в непрестанную.

2. Очень полезно обучаться Иисусовой молитве, соединяя ее с поклонами земными и поясными, полагая их неспешно, с чувством искреннего покаяния.

3. В церкви и вообще при упражнении Иисусовой молитвой полезно закрывать глаза.

4. Левую руку держать на груди, над левым сосцом для ощущения силы словесности, находящейся в груди.

5. Безмолвствующий может сидеть на низком стуле, потому что внимательная молитва требует спокойного положения, а также по образу слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя на пути, вопиял ко Господу: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя» (Мк. 10. 47). Этот низменный стул символизирует гноище, на котором был повержен Иов вне града. Низкий стул очень удобен для упражнения Иисусовой молитвой. Не отвергается заниматься ею и стоя, но так как почти все время истинного безмолвника посвящено молитве, то, чтобы не истощать стоянием силы, он может заниматься молитвою и сидя, и лежа.

7. Подвижник умного делания иногда имеет нужду обливаться холодной водой или прикладывать к местам прилива крови намоченное водою полотенце. Вода должна быть

комнатной температуры и не очень холодной, так как холодная вода усиливает разгорячение.

Предостережения владыки Игнатия иноку, делателю Иисусовой молитвы. Епископ Игнатий почти всю свою сознательную жизнь проходил подвиг умного делания и много трудностей пришлось преодолеть ему на этом пути, поэтому он так умудрен был и так необходим был бедствующим на пути умного делания. Долгие годы, проведенные Владыкой в монастырях, показали ему, что некоторые иноки начинают заниматься умным деланием, но редкие из них идут по правильному пути и достигают преуспеяния.

Обращая свой взор к современному монашеству и видя почти полное отсутствие опытных наставников умного делания, епископ Игнатий пишет: «Что же сказать о современном положении? Едва ли не то, что сказал преподобный Ефрем Сирский о положении тех, которые займутся исканием живого слова Божия во времена последние. Они будут проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова — и не найдут его»[1].

Предостерегая современных ему иноков от неопытных руководителей, Преосвященный Игнатий приводит следующее сравнение. Он пишет, что взору заблудившихся в степях от утомления нередко представляются высокие дома и длинные улицы, заблудившийся ищет по тому направлению и тем самым вовлекается в неисходное заблуждение, так и ищущим живого слова Божия в нынешней нравственной пустыне во множестве представляются великолепные призраки слова Божия. Эти призраки воздвигнуты из душевного разума, из ложного знания по букве, они, льстиво представляясь духовным эдемом, преизобилующим пищей, светом, жизнью, отвлекают души от истинной пищи, от истинного света, от истинной жизни, вводят несчастные души в непроницаемый мрак, изнуряют голодом, отравляют ложью, убивают вечной смертию. Каждый делатель Иисусовой молитвы должен быть очень осторожен при выборе старца-руководителя и при принятии советов от старшей братии.

---

[1] Соч. Т. 1. С. 285 и св. Ефрем Сирский. Слово 106 (по славянскому тексту).

Епископ Игнатий, зная, что многие иноки, приступив к духовному подвигу с безрассудною ревностию и кровяным разгорячением, сразу же стремятся умом сойти в сердце, принимают действие крови за действие благодати и нередко впадают в расстройство неисправимое. Чтобы предупредить делателей молитвы от душевного повреждения, Владыка неоднократно предостерегает инока, что он не должен отыскивать сердечное место, о котором пишут многие учители молитвы. Истинному делателю Иисусовой молитвы соединение ума с сердцем даруется в свое время Божественной Благодатию. Преждевременное же искание сердечного места и желание благодатной сердечной молитвы есть намерение самое ошибочное, извращение порядка подвига, желание горделивое, приводящее к прелести.

Владыка Игнатий, предостерегая подвижника от стремления к сердечной молитве, начертывает пред ним единственно безбедный путь духовного делания. Он пишет: «Предлагаю отцам и братиям убогий совет, умоляя их не отвергнуть убогого совета моего: не понуждайте себя преждевременно к открытию в себе сердечного молитвенного действия. Нужна благоразумная осторожность, особенно в наше время, когда уже почти невозможно встретить удовлетворительного наставника для этих предметов, когда подвижник должен пробираться сам, ощупью, при руководстве писаниями святых Отцов, в сокровищницу знаний духовных, а также ощупью сам выбирать из них свойственное себе. При жительстве по евангельским заповедям занимайтесь внимательною Иисусовою молитвою по способу св. Иоанна Лествичника, соединяя молитву с плачем, имея началом и целью молитву покаяния. В свое время, известное Богу, откроется само собою действие сердечной молитвы»[1].

В сочинениях некоторых святых Отцов изложены наставления о художественном введении ума в сердце при помощи естественного дыхания или «механизм», способ-

[1] Соч. Т. 2. С. 297. Подобные же мысли высказаны Владыкой в «Беседе старца с учеником о молитве Иисусовой». Епископ Игнатий влагает в уста старца следующие слова: «Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного, не усиливайся тщетно объяснить себе, что значит место сердечное: удовлетворительно объяснится это одним опытом. Если Богу угодно дать тебе познание, то Он даст в свое время, и даст таким способом, какого даже не может представить себе плотской человек» (Т. 1. С. 274).

ствующий достижению сердечной молитвы. Епископ Игнатий не отвергал действенности в некоторых случаях названного механизма и признавал, что для знающих дело в нем нет ничего затруднительного, однако современных ему делателей Иисусовой молитвы он со всею настоятельностью предупреждает от употребления каких бы то ни было вещественных механизмов. При опытном руководстве употребление вещественных пособий менее опасно, но при руководстве учением святых Отцов по книгам вещественный механизм может привести делателя Иисусовой молитвы в прелесть и другие виды душевного и телесного расстройства, часто не поддающегося врачеванию. Епископ Игнатий пишет: «Советую возлюбленным братиям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли»[1].

Епископ Игнатий свидетельствует, что из тех, кто употреблял вещественные вспомогательные средства, преуспеяния достигли весьма немногие, большинство же расстроилось и повредилось[2].

Инокам и инокиням, руководствовавшимся в духовной жизни советами епископа Игнатия, Владыка нередко прямо запрещал употребление вещественных вспомогательных средств. В письме к одной инокине он пишет: «Вы, конечно, помните, что я Вам завещал внимать умом языку, тихо произносящему молитву, отнюдь не позволяя себе самочинно вдаваться в художество, описанное в Добротолюбии»[3]. В следующем письме к ней же епископ Игнатий пишет: «Что дыхание удерживается вводить по художеству, изложенному в Добротолюбии, — хорошо делаете. Это художество превосходно сокращено преподобным Нилом Сорским в следующие слова: «Не дыши борзо, ибо сие способствует к собранию ума». Этим и довольствуйтесь, т. е. дышите тихо при молитве... И паки, — пишет он в том же письме, — от художества о ноздревом дыхании уклонитесь! Когда, Богу изволяющу, придет время, то скажу. Этим художеством, в свое время полезным, некоторые неисцельно себя повредили»[4].

---

[1] Соч. Т. 5. С. 114. || [2] Соч. Т. 2. С. 297. || [3] См.: Прилож. Т. 2. С. 411. № 209. || [4] Прилож. Т. 2. С. 414. № 210.

Долгий опыт старческого руководства показал епископу Игнатию, что от неправильного, чрезмерного употребления вещественных способов с делателем Иисусовой молитвы могут иногда случаться весьма прискорбные случаи, о которых он счел нужным поведать инокам для предостережения их и предотвращения этих случаев. Преосвященный Владыка пишет, что всякое вообще умственное занятие имеет свойство производить жар в теле. Этот жар непременно должны ощущать в себе те, кто будет сильно понуждать себя к соединению ума с сердцем или помощи вещественных пособий, забывая, что они имеют второстепенное значение, и не давая должного значения духовным пособиям. Вещественные усилия, употребляемые при молитве, порождают в сердце теплоту. Кровяная теплота, образовавшаяся в сердце, имеет свойство переходить по разным местам груди и очень легко может упасть на нижнюю часть чрева, произведя там сильное разжжение.

Епископ Игнатий пишет, что он из опыта знает, что подвижник, пришедший в такое плачевное состояние, впадает в смущение, уныние и даже отчаяние. Многие, находясь в столь бедственном состоянии, обратились за помощью к старцам, имевшим громкое имя, но опытно не знакомым с умным деланием. Старцы, услыхав, что при занятии умной молитвой произошло сильное разжжение, признали в этом страшную прелесть и строго-настрого запретили упражнение Иисусовой молитвой. Приписав ошибочно плачевные последствия, происшедшие от неправильного употребления вещественных пособий, Иисусовой молитве, подобные старцы предупреждали и многих других, что умное делание приводит к плачевным последствиям. К сожалению, многие поверили ошибочному мнению старцев из-за уважения к их громкому имени.

Однако возникшее бедствие можно легко устранить, не прекращая заниматься Иисусовой молитвой. Нужно в течение двух-трех дней прикладывать к воспаленным частям полотно, намоченное комнатною водою, а чтобы уменьшить кровяную теплоту, прекратить употреблять вещественное пособие — прекратить принуждать ум с усилием войти в сердце и не утруждать сердца, производя в нем жар чрезмерным удерживанием дыхания и напряжением сердца.

При правильной Иисусовой молитве не должно быть никакого неестественного напряжения. Нужно дышать тихо и ум приводить в соединение с сердцем также очень тихо. При этом нужно стараться, чтобы молитва действовала в верхней части сердца, где, по учению отцов, пребывает словесная сила души и где должно развиваться священнодействие молитвы. Возникновение плотской теплоты и производимого ею разжжения может быть сравнительно быстро устранено правильным подвигом, но большая опасность происходит в том случае, если неопытный подвижник, ощутив кровяную теплоту, примет ее за действие благодати и будет услаждаться ею, в этом начало пагубного самообольщения. Принявший кровяную теплоту за духовную непременно возомнит о себе «нечто», будет сочинять себе наслаждения, омрачать и опутывать себя самомнением. Всеми силами он будет усиливать напряжение при помощи вещественных пособий, разжигая все сильнее плотскую теплоту... Конец такого неправильного подвига — крайнее самообольщение и прелесть.

При правильном духовном подвиге, когда Божественная благодать осенит подвижника и ум начнет сам собою соединяться в молитве с сердцем, тогда вещественная теплота совершенно исчезает. Молитвенный подвиг становится легким и совершенно свободным, в сердце же явится тонкая, невещественная духовная теплота, не производящая никакого разжжения. Она будет прохлаждать, просвещать, орошать, действовать как целительное духовное помазание и возбуждать неизреченную любовь к Богу и к людям.

Велико таинство Иисусовой молитвы, но в силу извращенности человеческой природы многие трудности могут встретиться на пути умного делания. Зная это, каждый инок, занимающийся умным деланием, должен помнить основные предостережения епископа Игнатия: не вверять себя неопытному руководителю, не искать преждевременно при молитве «сердечного места», не употреблять вещественных механизмов и никогда не оставлять молитвы.

Плоды Иисусовой молитвы. При анализе творений и писем епископа Игнатия становится очевидным, что сам Владыка, несомненно, был причастником не только «первоначальных» даров Иисусовой молитвы, но и высших да-

ров, последующих за первоначальными. Однако по своему истинному смирению он пишет о них очень мало и при этом всегда словами Священного Писания или приводит цитаты из творений святых Отцов об этих дарованиях.

Первоначальные плоды Иисусовой молитвы появляются уже в процессе обучения умному деланию: они рождаются молитвой и в то же время питают сами и укрепляют молитвенное делание. Прежде всего, как уже говорилось, при всякой правильной молитве, особенно же при молитве Иисусовой, рождается *внимание*, от внимания появляется *умиление*, которое и в свою очередь усугубляет внимание. Внимание и умиление способствуют углублению молитвы, и, постепенно оживляя сердце, доставляют молитве чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так внимание и умиление являются дарами Божиими, человек же своими трудами только доказывает свое желание получить их.

Следующий плод правильной молитвы — расширяющееся зрение согрешений, зрение своих грехов, что усиливает умиление и обращается в плач. Затем приходит ощущение присутствия Божия и живое воспоминание о смерти, страх Суда и вечного осуждения. Эти плоды молитвы сопровождаются плачем и со временем осеняются тонким, святым духовным ощущением страха Божия. Страх Божий есть действие Святого Духа, это действие (ощущение) совершенно новое, непонятное плотскому человеку, его невозможно даже уподобить никакому душевному ощущению. От страха Божия в делателе Иисусовой молитвы начинают умаляться, «истаявать» страсти, а ум и сердце привлекаются к непрерывной молитве. После дальнейшего преуспеяния в молитве приходит в душу делателя ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним и терпение скорбей. Любовь к Богу и ближним появляется постепенно от страха Божия, она вполне духовна и бесконечно отличается от любви, порожденной падшим человеческим естеством. Она не различает добрых и злых, неизъяснимо свята, тонка и смиренна. Терпение скорбей, порождаемое Иисусовой молитвой, бывает всесовершенным. Стяжавший его смотрит на свои скорби как на попущение и врачевание Божие.

Подвижник, достигший этих даров, влечется к исполнению заповедей с легкостью и радостью, в то время как при

начале подвига он исполнял заповеди с величайшим трудом, принуждая свое падшее естество. В «Слове о молитве умной, сердечной и душевной» Владыка пишет, что когда ум и сердце делателя Иисусовой молитвы соединятся воедино и он соделается храмом Духа Святого, тогда в душе его воссияет непостижимый мир Христов, а за миром следует весь лик дарований Христовых и плодов Святого Духа, перечисляя которые, епископ Игнатий употребляет слова апостола Павла: «Любы, радость, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5. 22, 23)[1].

Каждый инок, вступивший на поприще умного делания, должен знать, что многие и дивные плоды приносит Иисусова молитва. Она человека плотского перерождает в духовного, делает человеческую душу храмом, в котором может обитать Сам Бог. Но бывают причастниками плодов умного делания лишь те, кто искренне сознает, что он не достоин по своей греховности к принятию высших даров, и в покаянии и глубоком смирении постоянно пребывает в умном делании.

Заключение

Изучая жизнь и творения приснопамятного епископа Игнатия Брянчанинова, невольно склоняешься перед величием его духовного образа. В нем мы видим редкое сочетание многих естественных дарований и приобретенных целожизненным подвигом христианских добродетелей. Был святитель Игнатий причастником и благодатных даров. От природы он имел светлый ум, любвеобильное сердце и поэтический талант. Эти дарования Владыка не принес в жертву суете и тлению, а посвятил Богу и ближним. Он от юности отдал себя с редким самоотречением на служение Господу и Его Святой Церкви.

Всецело руководствуясь в своей подвижнической жизни нравственным преданием Православной Церкви, святитель-аскет опытно постиг подвиг покаяния, преуспел в умном делании, стяжал любовь к ближним и Богу и приобрел редкую рассудительность и многие другие добродетели. Его же непоколебимая детская вера достойна благоговейного

[1] Соч. Т. 2. С. 220.

удивления. Способность владыки Игнатия видеть состояние человеческих душ и руководить их ко спасению, а также его проникновение в будущую судьбу Церкви являются дивными благодатными дарами.

Все перечисленные и многие другие дарования почившего Владыки привлекали к нему людей, имевших жажду духовной жизни. Лучшие современники видели в нем истинного светильника христианства и всей душой стремились прилепиться к нему. Многие ревностные иноки, религиозная интеллигенция и простой глубоко религиозный народ составляли большую духовную семью богомудрого Архипастыря.

Духовный авторитет и влияние Владыки среди своих пасомых были велики. Современники высоко ценили разнообразные выдающиеся дарования епископа Игнатия. Несмотря на многие выдающиеся способности, Преосвященный смиренно признавал, что «не всем быть листьями, цветами, плодами на древе государственном, надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми»[1].

Одним из таких существенно необходимых занятий Святитель признавал служение словом — утверждение ближних в вере и христианской нравственности. Поистине епископ Игнатий всю свою жизнь и был тем живительным корнем, который возбуждал духовную жизнь множества людей, которые затем зеленели, цвели и плодоносили на древе Российской Церкви. По собственному признанию Владыки, служение живым словом было его основным занятием, которому он отдавал все свои силы. Подвиг служения ближним словом назидания было для него источником радости и утешения на поприще его многоскорбной жизни.

Служение епископа Игнатия словом назидания не прекратилось с его кончиной. Учение Владыки о духовной жизни христианина, изложенное им в его творении, служит спасению христиан всех последующих поколений. Еще при жизни владыки Игнатия его творения разошлись по многим обителям русской земли и получили высокую оценку. Саровская пустынь приняла «Аскетические опыты» «с

[1] Прилож. Т. 3. С. 21. № 279.

особенной любовию». В Киево-Печерской Лавре, Оптиной Пустыни, Усть-Медвецкой обители[1], в Николо-Бабаевском монастыре, в обителях С.-Петербургской, Московской, Кавказской, Ставропольской и других епархий творения Владыки были признаны душеспасительными книгами, отражающими аскетическое предание православного подвижничества, применительно к духовным требованиям иночества того времени. Даже на далеком Афоне творения епископа Игнатия получили известность и вызвали благоговейное почитание их автора.

Лучшие иерархи прошлого века сразу же увидели в сочинениях Преосвященного Игнатия всестороннее руководство к духовной жизни.

Прекрасно раскрывает значение творений епископа Игнатия для христиан того времени архимандрит Игнатий (Малышев), ученик и первый келейник святителя Игнатия. Сравнивая свое время с временами пророка Илии, архимандрит Игнатий (Малышев) пишет: «Тогда томилось человечество, томится и теперь, не гладом пищи, но гладом слышания слова Божия. Вы отверзли небо, потекли воды, и жаждущие люди напоились. Вы дали пищу, которая алчущих питает. Так я разумею о Ваших творениях... Ваша книга — книга жизни! И учение воды живой, напояющей души человеческие. Это учение в наше скудное время необходимо, как вода во время пророка»[2].

И не только монашествующие, но и лучшие представители белого духовенства и миряне из многих городов (Петербурга, Москвы, Ярославля, Вологды, Арзамаса, Ставрополя, Брянска и др.) выразили старцу-святителю, находившемуся на одре болезни, искреннюю благодарность за то духовное богатство, которое заключил он в своих творениях.

После смерти епископа Игнатия интерес к его личности и творениям среди иноков и боголюбивых мирян непрестанно возрастал. Появление в свет изданий полного собрания сочинения Владыки и неоднократное издание отдельных его творений наглядно свидетельствуют о том, что произведения архипастыря-подвижника отвечают духовным запросам христиан и имеют большой спрос.

---

[1] Прилож. Т. 6. С. 437. || [2] Прилож. Т.6. С. 66.

Многотысячные издания творений владыки Игнатия быстро расходились по обителям и частным лицам по лицу всей Русской земли. Только одному Господу Богу ведомо количество лиц, читавших их и получивших от них правильное направление в духовной жизни.

Можно с уверенностью сказать, что в полной мере сбылось замечательное предчувствие ученика епископа Игнатия, впоследствии архиепископа Ярославского Леонида, высказанное им в год смерти Владыки. «Я уповаю, — говорил он, — что православные русские люди мало-помалу усвоят себе покойного Святителя, в его жизни и писаниях они постараются найти и найдут, что может быть общедушеспасительно»[1].

Епископ Игнатий явился славным предтечей самобытных русских писателей-аскетов, богословов: епископа Феофана Затворника, иеросхимонаха Амвросия и других Оптинских старцев. Позднейшие русские христианские писатели в вопросах духовной жизни нередко ссылаются на произведения епископа Игнатия как на непререкаемый авторитет. Многие известные архипастыри и пастыри конца XIX и начала XX веков руководствовались в своей пастырской душепопечительной деятельности сочинениями Преосвященного Игнатия.

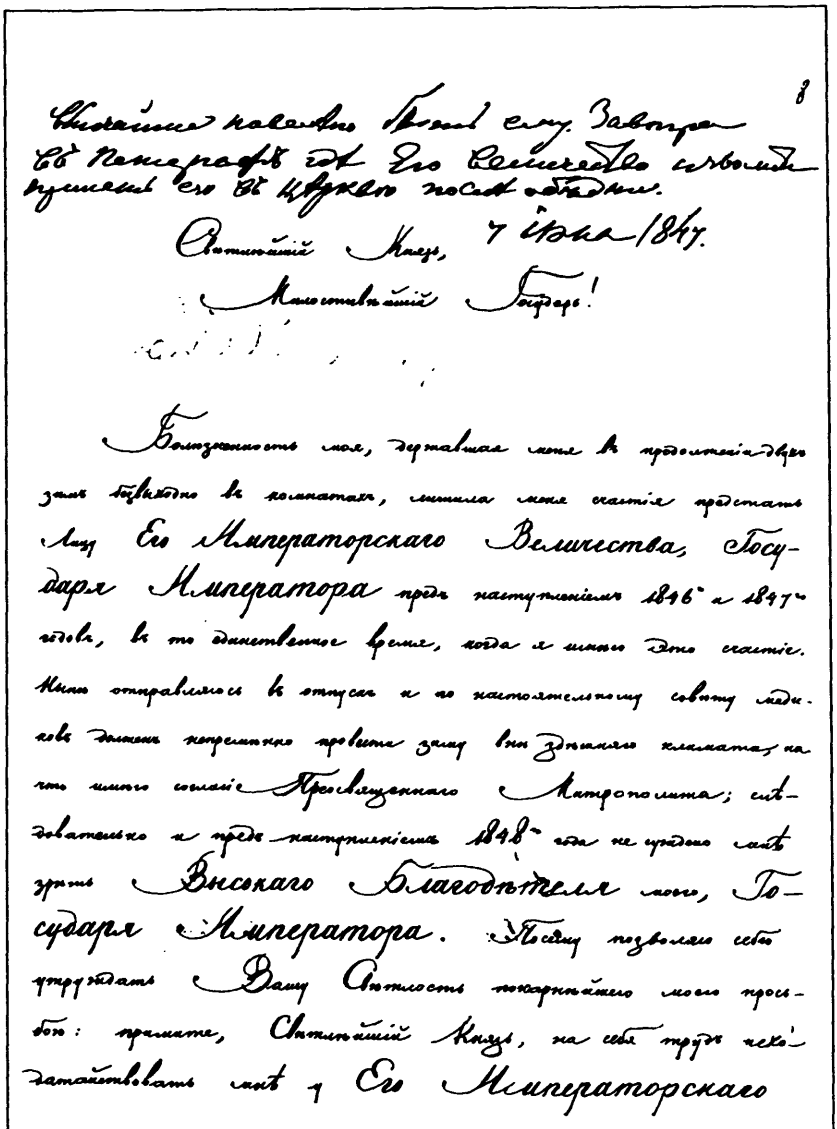
В 1915 году архиепископ Тверской и Кашинский Серафим (Чичагов), заботясь о возрождении приходской жизни своей епархии, рекомендовал пастырям чтение творений епископа Игнатия. Известные Оптинские старцы Варсонофий, Нектарий, Никон и старец Елиазаровской обители схиархимандрит Гавриил, относились с большим уважением к личности и писаниям Владыки. И поныне многие миряне находят в творениях епископа Игнатия источник живой воды, утоляющий духовную жажду. Для монашествующих епископ Игнатий в полном смысле слова «Учитель иноков». Его «Приношение современному монашеству» должно быть настольной книгой для каждого инока, желающего идти путем правильного телесного и духовного подвига.

Пастырь-проповедник, руководствуясь учением Преосвященного о духовной жизни христианина, будет вести своих

[1] Прилож. Т. 5. С. 66.

пасомых по пути спасения, и в его сочинениях сможет почерпать неиссякаемый материал для своих проповедей. Ученый-богослов в творениях Владыки найдет кристаллически чистое православное учение по многим актуальным богословским вопросам. Архипастырь в облагодатствованном церковно-общественном служении епископа Игнатия может найти пример самоотверженного служения Церкви.

Образ архипастыря-подвижника и поныне живет в сердцах лучших христиан, а его учение о духовной жизни служит им руководством на пути к вечному небесному отечеству.



Письмо архимандрита Игнатия Министру Императорского Двора князю Петру Михайловичу Волконскому от 7 июня 1847 года. Автограф

Величества зная по опыту поступающего мною отзыва на такие представления Вам представится Их Императорским Величествам Государю Императору и Государыне Императрице.

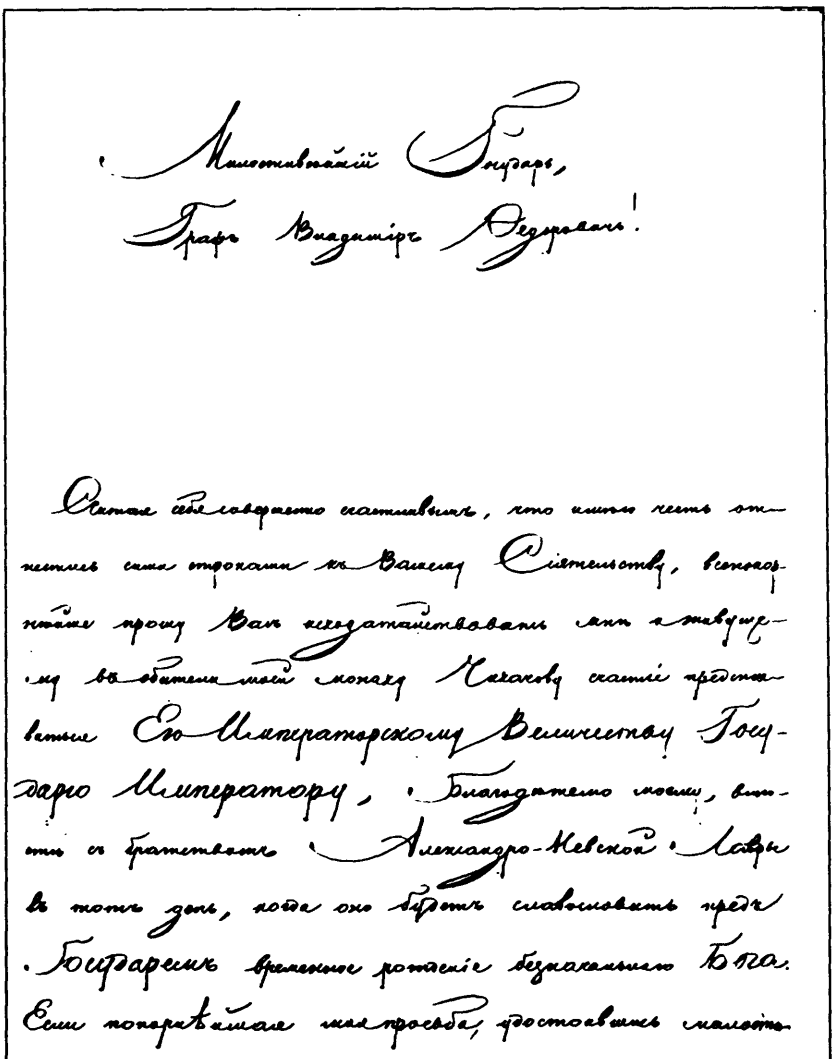
С чувствами совершенного высокопочитания и преданности имею честь быть

Вашей Светлости

покорнейшим слугою Богомольцем.

Архимандрит Игнатий

1847 Года
Июля 7го дня
Сергиева Пустыня.



Письмо архимандрита Игнатия Министру Императорского Двора графу Владимиру Федоровичу Адлербергу от 25 декабря 1852 года с просьбой исходатайствовать славление Христа пред Государем Императором Николаем I. Автограф

вам внимание Вашего, покорнейшая просьба: по отъезде Вашего Сиятельства позвольте мне получить через Преосвященнейшего Никанора, Митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского.

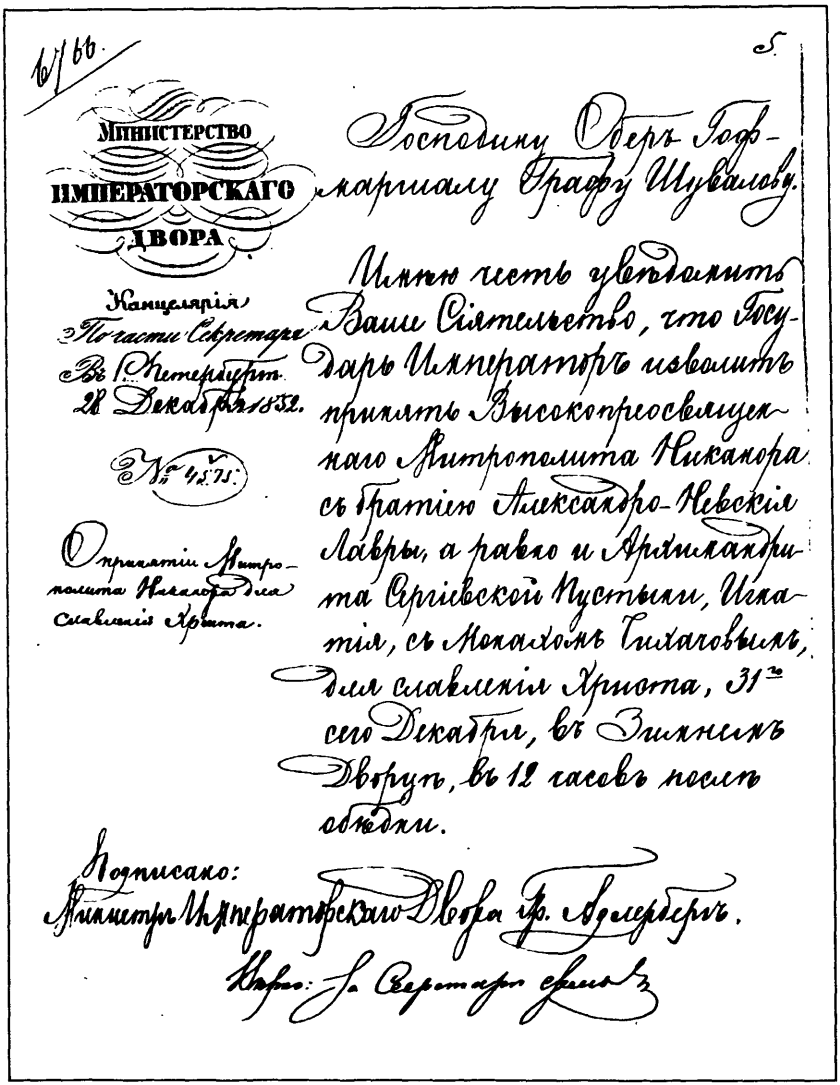
Вследствие отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга.

Архимандрит Игнатий.

1852-го года 25-го декабря.
Сергиева пустынь.


16/66

5.

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА

Господину Обер-Гофмаршалу Графу Шувалову.

Канцелярія По части Секретаря В. Петербургъ 28 Декабря 1852.

№ 4275.

О приглашеніи Митрополита Никанора для славленія Христа.

Имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что Государь Императоръ изволилъ пригласить Высокопреосвященнаго Митрополита Никанора съ братіею Александро-Невскія Лавры, а равно и Архимандрита Сергіевской Пустыни, Игнатія, съ Монахомъ Михаловымъ, для славленія Христа, 31го сего Декабря, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ 12 часовъ послѣ обѣдни.

Подписано: Министръ Императорскаго Двора гр. Адлербергъ.

Верно: Ст. Секретарь [illegible]

Записка Министра Императорского Двора графа Владимира Федоровича Адлерберга от 28 декабря 1852 года Обер-гофмаршалу графу Петру Андреевичу Шувалову, извещавшая о том, что Государь Император Николай I изволил пригласить архимандрита Игнатия для славления Христа. Автограф

Содержание

Святитель ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ МОНАШЕСТВУ 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Правила наружного поведения для новоначальных иноков

Введение 8

Правила 8

Заключение 23

Советы относительно душевного иноческого делания

Введение. Душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его 29

Глава 1. О изучении евангельских заповедей и о жительстве по евангельским заповедям 31

Глава 2. Человеки будут судимы на Суде Божием по евангельским заповедям 33

Глава 3. Монашеское жительство есть жительство по евангельским заповедям 35

Глава 4. О непрочности монашеского жительства, когда оно не основано на евангельских заповедях 36

Глава 5. О хранении себя от соблазнов 38

Глава 6. Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом 40

Глава 7. О хранении себя от добра, принадлежащего падшему естеству человеческому 42

Глава 8. О вражде и борьбе между падшим естеством и евангельскими заповедями 44

Глава 9. О чтении Евангелия и Отеческих писаний 45

Глава 10. О осторожности при чтении Отеческих книг о монашеской жизни 47

Глава 11. О отшельнической жизни 49

Глава 12. О жительстве в послушании у старца 63

Глава 13. О жительстве по совету 67

Глава 14. Цель монашеского жительства заключается в изучении воли Божией, в усвоении ее себе, в покорности ей 72

Глава 15. Любовь к ближнему служит средством достижения любви к Богу 77

Глава 16. Смирение пред ближним служит средством достижения любви к ближнему 79

Глава 17. О молитве 82

Глава 18. О приготовлении к молитве 83

Глава 19. О внимании при молитве 85

Глава 20. О келейном правиле 87

Глава 21. О поклонах 87

Глава 22. О применении келейного правила к монастырскому правилу 90

Глава 23. О молитве Иисусовой 92

Глава 24. О упражнении молитвою Иисусовою 94

Глава 25. О непрестанной молитве 96

Глава 26. О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной 97

Глава 27. О Богомыслии 101

Глава 28. О памятовании смерти 103

Глава 29. Тесный путь установлен Самим Богом для истинных служителей Его 106

Глава 30. Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени 117

Глава 31. Источники иноческих скорбей 124

Глава 32. О необходимости мужества при искушениях 127

Глава 33. Учение святых Отцов о тесном пути 129

Выписка из творений преподобного Макария Великого 130

Выписка из творений преподобного Марка Подвижника 137

Выписка из жития святого Андрея, Христа ради юродивого 180

Выписка из Лествицы святого Иоанна Лествичника 181

Выписка из творений преподобного аввы Дорофея 200
Выписка из творений преподобного Исаии Отшельника 218
Глава 34. О трезвении 234
Глава 35. О пользе и вреде от телесных подвигов 241
Глава 36. О ревности душевной и духовной 244
Глава 37. О милостыни 248
Глава 38. О нестяжании 250
Глава 39. О человеческой славе 254
Глава 40. О памятозлобии 261
Глава 41. Значение слова «мір» 267
Глава 42. О хранении от знакомства с женским полом 278
Глава 43. О падших ангелах 283
Глава 44. Первый образ борьбы с падшими ангелами 300
Глава 45. Второй образ борьбы с падшими ангелами 306
Глава 46. О сновидениях 307
Глава 47. О сродстве между собою как добродетелей, так и пороков 311
Глава 48. О особенном противодействии падших духов молитве 314
Глава 49. О хранении душевного ока от всего вредного для него 320
Глава 50. О покаянии и плаче 324
Заключение. О удобоприменимости изложенных правил к положению современного монашества 339

Плач инока о брате его, впадшем в искушение греховное (Сочинено другом для друга и для брата братом, к взаимной пользе и сочинителя и читателя)

Введение 343
Статья первая 347
Алеф 347
Беф 347
Гимель 348
Далеф 348
Ге 349
Вав 349
Заин 349
Иф 350

Теф 350
Иод 351
Каф 351
Ламед 352
Мем 352
Нун 353
Самех 353
Айн 354
Фи 355
Цади 355
Коф 356
Реш 357
Шин 358
Фав 358
Статья вторая 360
Алеф 360
Беф 360
Гимель 361
Далеф 361
Ге 362
Вав 362
Заин 363
Иф 364
Теф 364
Иод 365
Каф 365
Ламед 365
Мем 367
Нун 368
Самех 368
Аин 369
Фи 370
Цади 371
Коф 372
Реш 373

Шин 374
Фав 374
Статья третья 375
Алеф 375
Беф 377
Гимель 378
Далеф 379
Ге 379
Вав 380
Заин 381
Иф 382
Теф 383
Иод 385
Каф 387
Ламед 388
Мем 389
Нун 390
Самех 392
Аин 395
Фи 397
Цади 399
Коф 401
Решь 405
Шин 409
Фав 413
Заключение 417

ПРИЛОЖЕНИЕ

От составителя 420

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА К Н. Н. МУРАВЬЕВУ-КАРСКОМУ

Ольга Шафранова. Предисловие 425

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к Н. Н. Муравьеву-Карскому 436

Три письма Андрея Николаевича Муравьева к Н. Н. Муравьеву-Карскому 484

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА К С. И. СНЕССОРЕВОЙ

Елена Аксененко. Предисловие 487

Письма святителя Игнатия Брянчанинова к С. И. Снессоревой 511

С. И. Снессорева
<АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА> 539

Иеромонах Марк (Лозинский)
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ МИРЯНИНА И МОНАХА ПО ТВОРЕНИЯМ И ПИСЬМАМ ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Часть первая

I. Епископ Игнатий о состоянии христианства в его время 555

II. Взгляд епископа Игнатия на земную жизнь человека как на приготовление к жизни вечной 559

III. Учение епископа Игнатия о спасении и совершенстве 568

Основы духовной жизни

IV. Изучение Евангелия 577

V. Изучение творений святых Отцов 581

VI. Покаяние 586

VII. Молитва 594

VIII. Постоянное бодрствование над собой 601

IX. Любовь к ближним 609

X. Страх пред Богом и любовь к Богу 616

XI. Предостережение епископа Игнатия от опасностей на пути спасения 623

1. О чтении книг, содержащих лжеучение 623

2. Ложное направление духовной жизни 627

Часть вторая
Духовная жизнь монаха

I. Учение епископа Игнатия о монашестве 635

II. Телесный и духовный подвиг монаха 643

III. Мнение епископа Игнатия о видах иноческой жизни применительно к монашеству его времени 662
IV. Основные препятствия к развитию духовной жизни монаха 673
V. Учение епископа Игнатия об Иисусовой молитве 683
Советы епископа Игнатия новоначальному делателю Иисусовой молитвы 687
Заключение 703

Факсимиле

Письмо архимандрита Игнатия Министру Императорского Двора князю Петру Михайловичу Волконскому от 7 июня 1847 года. Автограф 708
Письмо архимандрита Игнатия Министру Императорского Двора графу Владимиру Федоровичу Адлербергу от 25 декабря 1852 года с просьбой исходатайствовать славление Христа пред Государем Императором Николаем I. Автограф 710
Записка Министра Императорского Двора графа Владимира Федоровича Адлерберга от 28 декабря 1852 года Обер-гофмаршалу графу Петру Андреевичу Шувалову, извещавшая о том, что Государь Император Николай I изволил пригласить архимандрита Игнатия для славления Христа. Автограф 712